И. Л. Мусселиус

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

ПЕРЕХОД АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ОТ ФЛЕКТИВНОГО СТРОЯ К АНАЛИТИЧЕСКОМУ

ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА, ЗАРИСОВКИ

Санкт-Петербург
Медиапапир
2023

УДК 81-11
ББК 81.1
М91

Мусселиус И. Л. **Из творческого наследия. Переход английского языка от флективного строя к аналитическому. Дневники, письма, зарисовки** / под общей ред. К. В. Романенчук. — СПб.: Медиапапир, 2023. — 378 с. с ил.

В книге впервые публикуется научное и литературное наследие молодого ученого-лингвиста И. Л. Мусселиуса (1925–1956), выпускника филологического факультета Ленинградского государственного университета. Также книга содержит биографический материал о И. Л. Мусселиусе и его семье.

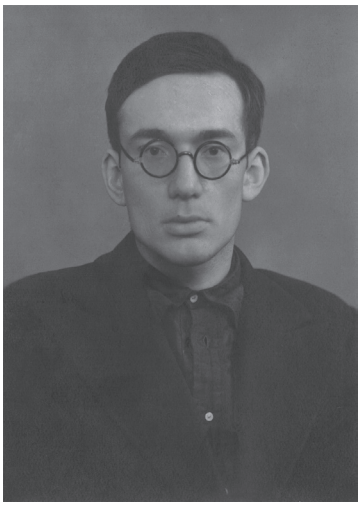
Книга адресована ученым, занимающимся историей английского языка, аспирантам, магистрантам, студентам.

Представленные в книге фотографии из личного архива *К. В. Романенчук*
Автор обложки *Т. М. Инюшин*
Автор статьи об авторе, комментариев *К. В. Романенчук*
Составитель генеалогического древа *И. И. Романенчук*

ISBN 978-5-00110-342-4

© Мусселиус И. Л., 2023
© Медиапапир, 2023

ОБ АВТОРЕ



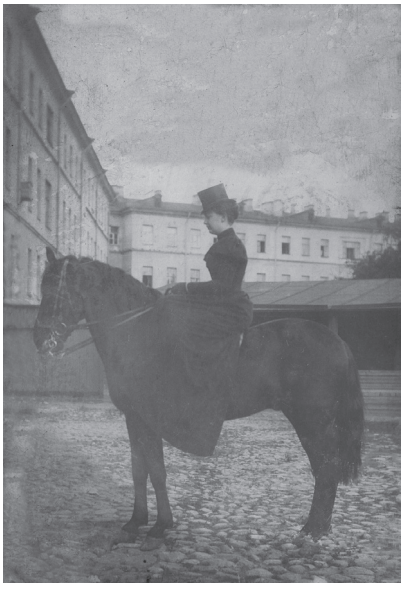
Игорь Львович Мусселиус, 1949 год

Игорь Львович Мусселиус родился 24 февраля 1925 года в городе Ленинграде. Родители его Кира Владимировна Беляева и Лев Васильевич Мусселиус были дальними родственниками и представителями старых дворянских родов Беляевых и Мусселиусов. Состояли в венчанном браке (венчали их в Никольском морском соборе). Прадед Игоря Львовича по матери, Тимофей Михайлович Беляев, был генералом артиллерии, комендантом крепости Кронштадт. Шведский род Мусселиусов вел свою генеалогию от генерала Роберта Мусселиуса, одного из руководителей Обуховского завода в первой половине XIX века. В годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны многие представители родов Беляевых и Мусселиусов пострадали (погибли, выехали в эмиграцию). Среди немногих уцелевших и оставшихся жить в СССР были и родители Игоря Львовича. Отец его, Лев Васильевич Мусселиус, родился 13 ноября 1891 года, получил образование сперва в гимназии Императорского Человеколюбивого общества, а затем на юридическом факультете университета в Петербурге. Сохранилась его трудовая книжка, в которой указано следующее: с 15 мая 1915 года по 1 сентября 1918 года заведовал Невской типографией; с 1 января 1921 года по 1 января 1922 года был слушателем института журналистики при «РОСТе» и сотрудником «РОСТа»; с 1 января 1922 года по 21 февраля 1923 сотрудник петроградского отделения газеты «Известия ВЦИК» и корреспондент журнала «Красный флот»; с 21 февраля 1923 года по 1 сентября 1925 года сотрудник, заведующий типографией, технический директор «Красной газеты»; далее он ежегодно меняет место работы. Служит в издательстве «Кооперация», «Ленинградской правде», «Вестнике Ленсовета», «Образовании», «Универсальном научном издательстве, «Сельхозгизе» типографиях «Новой жизни», 2-й Областной Ленсовета и им. Томского. Последнее место работы Льва Васильевича «Ленпромпечатьсоюз» в 1934 году. Кем и где он служил до 1915 года неизвестно, но сохранилось предание, что Лев Васильевич пострадал во время «красного террора» в Петрограде. Его вместе с другими заложниками расстреливали на барже на Неве революционные матросы. Он выжил, но от пережитого стресса тяжело заболел диабетом. Умер от болезни в июне 1934 года и был похоронен на Волковском кладбище в Петербурге. Мать Игоря Львовича, Кира Владимировна Беляева, родилась в 1904 году в Варшаве в семье гвардейского полковника Владимира Тимофеевича Беляева. Росла в обеспеченной семье, училась в Литейной женской гимназии в Петербурге, лето проводила на семейной даче в особняке в Джугбе. Отец

ее с самого начала Первой мировой войны был со своим полком на Восточном фронте, сражался в армии Самсонова, оказался в окружении и попал в плен в 1914 году. Находился в лагере для военнопленных в Гессене, откуда прибыл.

Владимир Тимофеевич Беляев (сидит справа), дед И. Л. Мусселиуса и Зоя Константиновна Белоголовая (Стефанович) (сидит слева) конец XIX-го века

В. Т. Беляев с внуком Игорем Мусселиусом, начало 30-х годов

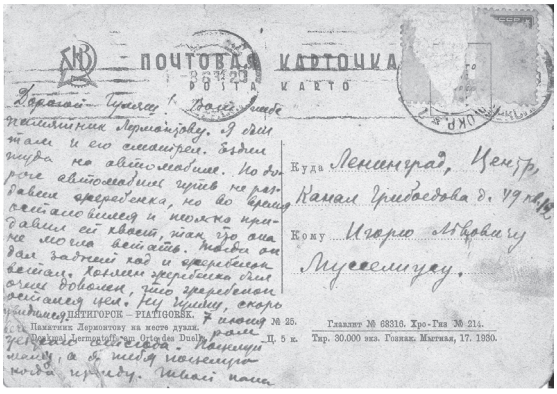


Елизавета Андреевна Беляева (Мусселиус) (1880–1918 г.). Бабушка И. Л. Мусселиуса по материнской линии

Мария Тимофеевна Блок (Беляева) с дочерью Ангелиной Блок, начало XX-го века

И. Л. Мусселиус с отцом Л. В. Мусселиусом и матерью К. В. Беляевой в конце 20-х годов 20-го века

Михаил Васильевич Инюшин, 1934 год, отчим И. Л. Мусселиуса



Единственное сохранившееся письмо Л. В. Мусселиуса Игорю

Игорь Мусселиус ученик 3-го класса 8-й школы Октябрьского района г. Ленинград, 1935–1936 учебный год

И. Л. Мусселиус ученик 6-го класса

Восточно-Казахстанская область, посёлок гидростроителей Усть-Каменогорской ГЭС на реке Иртыш Аблакетка, 1940 год

Народная учительница Зоя Константиновна Белоголовая (Стефанович) тётя Игоря Мусселиуса с его младшим братом Юрием 1938 год

В Москву лишь в 1918 году. В годы революции Кира Владимировна потеряла мать, Елизавету Андреевну Беляеву (Мусселиус), и младшего брата, Павла, они умерли в 1918 году в Петрограде от испанки (гриппа). Заболела испанкой и Кира Беляева, но выздоровела благодаря уходу за ней её тети Марии Тимофеевны Блок (урожденной Беляевой), мачехи поэта А. Л. Блока. Она спасла жизнь племяннице приехав после вещего сна в Новгороде в революционный Петроград. Ей приснился младший брат Владимир Тимофеевич, который во сне сказал: «Махочка помоги, у меня в семье несчастье!» И это подвигло Марию Тимофеевну оставить на время свое служение в новгородском госпитале сестрой милосердия и поехать в столицу. В квартире брата в Петрограде она нашла и похоронила умерших Е. А. Беляеву (Мусселиус) и племянника Павла (Пушу). Находившуся там же тяжело больную, без сознания Киру Беляеву она выходила. В это же время от тифа в Екатеринодаре (Краснодаре) умер старший брат Киры Владимировны Беляевой Александр(Ася). Он был юнкером и воевал в армии А. И. Деникина. Киру Владимировну приютили в этот период родственники по линии матери, Мусселиусы, именно в их семье она и познакомилась со своим будущим первым мужем Львом Васильевичем Мусселиусом. В эти годы она, завершив обучение в Литейной гимназии (трудовой школе), начала работать в Публичной библиотеке на Невском проспекте. Вернулся из плена ее отец. Она поступила в институт, вступила в брак с Львом Васильевичем Мусселиусом, родила в 1925 году сына Игоря. Жизнь семьи потихоньку начала налаживаться после трагедий революции и гражданской войны. Большое участие в воспитании Игоря принимали дед Владимир Тимофеевич

Беляев и дальняя родственница — народная учительница Зоя Константиновна Белоголовая (Стефанович). Их помощь была семье очень кстати, поскольку болезнь Льва Васильевича прогрессировала. Кира Владимировна пробовала несколько раз получить высшее образование, но попытки ее были неудачны: из железнодорожного института ее отчислили как «лишенку», а педологический институт в который она поступила закрыли, признав педологию вредной наукой. В этой непростой для нее ситуации «бывшей дворянки», Кира Владимировна окончила курсы чертежниц и поступила на работу в бюро к легендарному инженеру — гидростроителю Г. О. Графтио. Здесь на работе, после смерти Л. В. Мусселиуса, она встретила своего второго мужа молодого инженера гидротехника, Михаила Васильевича Инюшина, который стал отчимом Игоря Львовича и отцом его младших братьев Юрия и Виктора. Игорь Львович в это время учился в ленинградской школе № 41. Михаил Васильевич Инюшин в конце 30-х годов получил назначение на должность главного инженера на строительство Усть-Каменогорской ГЭС и принял решение ехать в Казахстан с семьей, с женой и тремя детьми. Семья уехала из Ленинграда на Аблакетку в апреле 1941 года. Оставив в своей квартире № 12 на канале Грибоедова 49 жить двух стариков, отца Киры Владимировны — Владимира Тимофеевича Беляева и его двоюродную сестру Зою Константиновну Белоголовую (Стефанович). Началась Великая Отечественная война и Ленинград оказался в блокаде. Связь с родственниками в городе прервалась. В эти годы Игорь Львович Мусселиус окончил школу в Казахстане на Аблакетке в июне 1943 года, в армию его не взяли из-за сильной близорукости, и он поступил учиться в Московский энергетический институт. Но самостоятельная жизнь в военной Москве оказалась для него в 1943–1944 годах слишком сложным испытанием, он вернулся весной 1944 года на Аблакетку в Казахстан и начал работать на строительстве Усть–Каменогорской ГЭС. В 1944 году после снятия блокады Ленинграда Михаил Васильевич Инюшин поехал в Ленинград, чтобы узнать судьбу отца и тети Киры Владимировны, и нашел квартиру на канале Грибоедова 49 занятой чужими людьми. Новые жильцы сообщили ему, что квартира пустовала, все обитатели ее умерли в блокаду и поэтому их заселили сюда. Они показали М. В. Инюшину комнату со складированными вещами и объяснили, что за ним и женой оставлена теперь только эта жилая площадь и все сохранившееся имущество от прежних жильцов они сложили здесь. О последних днях жизни В. Т. Беляева в блокадном Ленинграде и месте его захоронения ничего неизвестно. Дата смерти июль 1942 года З. К. Белоголовой (Стефанович) установлена благодаря книге памяти «Блокада». В 1945 году Игорь Львович поступил учиться на филологический факультет в Ленинградский государственный университет. Он поселился в комнате семьи в квартире № 12 на канале Грибоедова 49 и с увлечением стал изучать английский язык в университете. Вступил в брак с однокурсницей Ириной из Орла. После окончания университета начал работать во Всесоюзном научно-исследовательском институте гидротехники в Ленинграде переводчиком-референтом и поступил в экстернат аспирантуры в ЛГУ. В эти годы он

создал монографическое исследование по истории английского языка. Работа во ВНИИГе тяготила Игоря Львовича и он попытался сменить ее, поехал на один семестр преподавать английский язык в Курский педагогический институт. Но отношения с коллегами и студентами в Курске не сложились. Игорь Львович принял решение вернуться к родителям в Казахстан, где его отчим в это время был начальником строительства Бухтарминской ГЭС. Там на Иртыше в поселке Серебрянка жизнь И. Л. Мусселиуса трагически оборвалась в 1956 году. От него осталось небольшое научное наследие и литературные опыты. Именно они и представлены в данном издании.

Посвящается
Владимиру Тимофеевичу
и Елизавете Андреевне Беляевым

ПЕРЕХОД АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ОТ ФЛЕКТИВНОГО СТРОЯ К АНАЛИТИЧЕСКОМУ

Предисловие

В данной части книги вниманию читателей представляется научное исследование по истории развития английского языка, выполненное И. Л. Мусселиусом в 1952–1953 годах, но не потерявшее своей актуальности и сегодня. В силу ряда обстоятельств исследование не было в свое время представлено широкой научной аудитории и более семидясяти лет хранилось в архиве семьи автора. Специалисты изучившие рукопись порекомендовали ее к публикации, отметив оригинальность идей молодого ученого и глубокое знание им английского языка.

Вводные замечания

Настоящая монография отличается от обычных диссертаций на филологические темы. Обычно диссертанты берут какую-либо узкую тему и подробно её разрабатывают на основании подлинных текстов. Мы не пошли по этому пути. В качестве темы нашей монографии мы взяли структурный переход английского языка от флективного строя к аналитическому. Опираясь на основные положения диалектики, мы поставили себе целью обобщить в данной работе весь грамматический материал, относящийся к этому структурному переходу, и при этом мы широко пользовались имеющимися руководствами по истории английского языка (работами проф. Б. А. Ильиша, проф. В. Н. Ярцевой, а также зарубежными работами). Поскольку материал, содержащийся в этих руководствах, основан на конкретном текстовом материале, мы считаем, что наша диссертация, обобщающая имеющиеся в них данные, с точки зрения рассматриваемого структурного перехода, в конечном счете тоже базируется на текстах, хотя и не непосредственно. Непосредственный анализ текстов в целях извлечения из них тех выводов, которые можно сделать на основе фактических материалов, уже имеющихся в руководствах по истории английского языка, нам представлялся мало целесообразным, ввиду обширности выбранной нами темы.

Мы не могли взять более узкую тему, так как давно пора разрешить вопрос о структурных переходах языков от одного грамматического строя к другому.

Некоторые ученые (например, В. В. Пассек) категорически утверждают, что такие переходы невозможны, что их нет в действительности, что грамматический строй такого языка как английский коренным образом не изменился. Мы для того и собрали здесь весь материал, относящийся к этому вопросу, чтобы показать, что такой взгляд неправилен. При этом мы отталкивались от готской грамматической системы, говоря упрощенно о готских истоках древнеанглийского. При этом, мы, конечно, не имели ввиду, что древнеанглийский произошел от готского, но подразумевали, как это обычно принято в сравнительной грамматике, что незарегистрированное историей прошлое древнеанглийского языка напомнило готский, как наиболее древний их всех сколько-нибудь сохранившихся германских языков. Готский несомненно был флективным языком, со стройной флективной системой. Если придерживаться сравнительного языкознания, то придется признать, что прошлое древнеанглийского языка в какой-то мере соответствовало тому состоянию, в котором зарегистрирован готский. Что касается древнеанглийского, то, как обнаруживает наша работа, он переживал кризис своей флективной системы, и этот кризис был разрешен путем перехода от флективного строя к аналитическому.

Почему для сравнения мы взяли именно готский язык? Как указывает А. Мейе («Основные особенности германских языков», с. 24), «среди всех германских языков нет более правильного, чем готский, потому что это литературный язык, созданный в определенный исторический момент образованным человеком, опиравшимся на определенное наречие»... И дальше: «Говоря о готском, всегда имеют ввиду язык, закрепленный в письменной форме епископом Вульфилой. Сделанный на Балканском полуострове с греческого оригинала, этот перевод имеет характер восточных переводов: автор создал алфавит для обозначения звуков готского языка; он установил правильные и постоянные формы».

Из этих высказываний следует, что правильность морфологических форм готского — искусственный результат работы епископа Вульфилы. Вряд ли такой вывод был бы справедлив. По-видимому, основную роль в этой морфологической правильности готских форм сыграл архаизм этого языка, о чем указывает и сам А. Мейе, который считает готский язык Вульфилы «одной из самых архаических форм германского». Тем более, что аналогичная правильность и четкость морфологических форм свойственна другому очень древнему германскому языку — исландскому. А. Мейе особо это отмечает, указывая на расшатанность морфологической системы в древнеанглийском и древневерхненемецком, по сравнению со стройностью готского и древнеисландского: «В течение всего древнего периода ни в одной из этих областей не сложился единый литературный язык. В Англии тексты дают весьма различные лингвистические формы. Что касается древневерхненемецкого, то он менее всего отличается единством: едва ли можно найти два текста, которые бы имели одинаковый вид; между алеманнскими, баварскими и франкскими рукописями существуют значительные расхождения; с другой стороны,

поскольку отсутствовала установившаяся морфологическая традиция, каждый автор, каждый переписчик в известной мере отражал состояние языка в свою эпоху и в своей местности... Тут нет ничего похожего на единство готского или даже древнеисландского языка. Такое положение связано с тем, что в западногерманской области ученым языком, на котором писали, была латынь. На германских наречиях первоначально писали только глоссы к латинским текстам. Конечно, отсутствие литературной традиции, конкуренция латыни как литературного языка сыграли большую роль, но, с нашей точки зрения, это были факторы, облегчавшие движение германских языков в сторону от четких морфологических форм готского типа, основной же причиной отличия готского типа от типа западно-германского является, все же, то, что готский тип — архаичнее. С нашей точки зрения, готский как бы представляет для нас (пусть в искаженной и неадекватной форме) недошедший до нас общегерманский, про который А. Мейе писал следующее: «Этот общий язык известен только из сравнения различных германских языков между собой, и "восстановить" его так, как "восстанавливают" "вульгарную латынь", на которой основаны романские языки, невозможно». Во всяком случае, такой взгляд на готский язык оправдывается общей линией развития от четких индо-европейских флексий к разлагающемуся германскому флективному типу[1]. Вряд ли стоит здесь говорить, что далеко не во всех германских языках эти тенденции к анализу нашли свое осуществление.

Чем все же вызвано движение ряда языков к анализу, в то время как другие продолжали и продолжают развиваться по флективным путям (мы имеем в виду языки индо-европейской группы)? Безусловно, это обусловлено внутренними законами развития и совершенствования языков, которые, как известно, имеют свою специфику в каждом данном языке. Вряд ли можно и должно отвечать на этот вопрос в общем виде, по крайней мере до тех пор, пока не будут сделаны специальные исследования относительно причин и проявлений развития к анализу таких языков как датский и болгарский. Наша работа

---

[1]Привлечение нами для сравнения материала готского языка, как одного из наиболее древних германских языков, сохранившегося в достаточной для сравнительного анализа степени, оправдывается современными установками относительно изучения внутренних законов развития языков в сравнительном плане. См., например, статью М. М. Гухмана в 5-м выпуске «Докладов и сообщений» Института языкознания, 1953 г.: «Общность внутренних законов развития, установленная в индо-европейских языках в отношении системы склонения, отнюдь не представляет собой случайных параллельных линий развития, обусловленных спецификой языка вообще: общность внутренних законов развития порождена здесь *характером элементов той основы которая явилась базой развития этих языков*. Иными словами, элементы исторически сложившейся структуры определяют характер внутренних законов развития языка в определенную историческую эпоху». А поскольку, как будет видно из нашего (см. заключение) внутренние законы языка тесно связаны с его морфологическим типом, вполне понятно, почему, в разработке нашей темы, мы привлекаем готский материал, исследуя вместе с тем действие внутренних законов, специфичных английскому языку.

ставит своей задачей показать конкретные проявления развития английского языка по путям анализа, причем мы показываем как общую причину этого движения (свойственную всем германских языкам вообще), так и конкретные исторические условия, облегчившие развитие английского языка по этим путям. В статье «О языковом прогрессе» мы даем общефилософское обоснование нашего взгляда на структурный переход английского языка, основываясь на последних высказываниях наших философов и лингвистов по вопросу о движущей силе и основе языкового развития. Основываясь на статьях Б. А. Серебренникова, М. М. Гухман, Т. П. Ломтева, А. Г. Спиркина (см. библ.), мы пришли к следующему выводу: «Внутриструктурные факторы, их циклически возникающие противоречия, предопределяют формы языковой фонетической и грамматической структуры, тогда как развитие мышления, развитие потребности взаимопонимания и взаимодействие между элементами самой структуры определяют процесс развития языка».

Вопрос этот очень сложен и не ему мы посвящаем настоящую монографию. Ее цель — гораздо более ограниченная — показать конкретные пути становления аналитического строя, или, как указал нам акад. А. С. Чикобава, «проследить (проанализировать) процесс нарождения (становления) аналитического строя и из синтетического (с учетом особенностей аналитического и синтетического моментов в английском языке)» (письмо от 3-го ноября 1954 г.).

Все же, в порядке первого приближения, можно сказать, что если формы языка определяются внутриструктурными факторами, их взаимодействием, их противоречиями, то процесс развития форм определяется не только внутриструктурными факторами, но также развитием мышления и потребности взаимопонимания, что, конечно, тесным образом связано с историей народа. М. М. Гухман («Родство языков и внутренние законы их развития», «Доклады и сообщения Института языкознания», вып. 5, 1953 г.), опирается в трактовке этого вопроса на высказывание Мао-Дзе-Дуна в его работе «Относительно практики» («Большевик», 1952 г., № 2, стр. 11): «Материалистическая диалектика считает, что внешние причины являются условием изменений, а внутренние причины — основой изменений, причем внешние причины действуют через внутренние» М. М. Гухман пишет: «Так, рассматривая проявление новых структурных единиц в системе родственных языков, например, новой системы времен, мы должны признать, что в данном случае условием изменений являлись осложняющиеся потребности общения, иными словами — история народов, говоривших на этих языках, но тот характер и эти формы, которые приняло материальное языковое выражение этих потребностей в данных языках, были обусловлены их структурными возможностями, тенденциями их развития, ставшими их внутренними законами. Следовательно, внутренние законы определили форму, в которую облекается то новое, что было порождено осложняющимися потребностями общения, историей народа. Этим объясняется тот факт, что в германских языках развитие всей системы глагола пошло по линии использования и совершенствования определенных типов

синтаксических конструкций, процесс морфологизации которых был связан с их постепенным структурным переосмыслением; но не была, например, использована для этой цели сложная система глагольной префиксации возможности которой имелись и в германских языках. Таким образом, история народа влияет на развитие языка, является в конце концов движущим фактором этого развития, но формы развития языка в каждый исторический момент определяютсякаличествующимиэлементами самого языка, его структурой, поскольку его развитие осуществляется путем развертывания и совершенствования этих элементов».

Применяя такой же подход к истории английского языка, можно сказать, что формы аналитического строя английского языка были обусловлены наличествовавшими в языке структурными элементами, хотя движущим фактором этого развития и была история (развитие мышления, развитие потребности взаимопонимания и пр.). Ниже мы еще не раз будем вынуждены обращаться к этому вопросу, но сейчас отметим только, что переход английского языка к аналитическому строю — несомненно прогресс, но прогресс не в развитии мышления, а в развитии языковой техники, языковой структуры, формы которой обусловлены наличествующими в языке структурными элементами, их взаимодействием, их противоречиями.

Для чего нужно теперь так резко ставить этот вопрос? Это нужно для издания пособий по истории английского языка. Нельзя создать научные пособия по истории английского языка, если не показать в них совершенствование грамматического строя английского языка так, как оно проходило в действительности, то есть путями анализа. Кроме того, признание структурного прогресса английского языка по путям анализа важно для выяснения внутренних законов английского языка и для разработки научной методики преподавания этого языка, на основе использования этих внутренних законов.

Мы рассматривали явление перехода английского языка от флективного строя к аналитическому по периодам истории этого языка, общепринятыми в английской филологии:

древнеанглийский (с VII по XI);
среднеанглийский (с 1100 по 1500 гг.);
ранненовоанглийский (с 1500 по 1700 гг.);
новоанглийский (с 1700 года по наше время).

Точное разграничение этих периодов, конечно, невозможно, поэтому у некоторых авторов приняты другие датировки границ (см. например, Боу, цитата в примечании к с. 192 нашей работы)[2], но, на наш взгляд, эти границы не имеют большого значения, ведь рассматриваемые изменения в языке —

[2]В периодизации, приведенной у Б. А. Ильиша («История английского языка», стр. 4) древнеанглийский период начинается с середины V в. н. э. (от германского вторжения) или от IIX в. (первые зарегистрированные древнеанглийские памятники). Ранненовоанглийский период заканчивается 1660 годом. Последнее нам кажется, однако, слишком скрупулезной точностью: проще оканчивать этот период концом века

весьма длительные, и трудно наметить на их основе четкие границы периодов. Для нашей работы четкое разграничение периодов не имеет значения — ведь в первую очередь нам важно наметить и описать те тенденции, которые привели английский язык к его современному аналитическому состоянию. Четкая датировка границ этих тенденций требовала бы специального исследования, которое не входило в нашу задачу.

В заключении этих вводных замечаний следует остановиться на некоторых вопросах, связанных с оформлением настоящей монографии. Мы решили употреблять сокращения: OE — древнеанглийский; ME — среднеанглийский; ENE — ранненовоанглийский; NE — новоанглийский, поскольку введение этих сокращений очень удобно: сокращает объем работы. Цитаты из древних источников мы приводим по имеющимся руководствам (Б. А. Ильиша, В. Н. Ярцевой, Гушона и др.), поэтому считаем достаточной ссылку только на эти руководства, по которым легко могут быть восстановлены источники цитат.

Цитаты из работ иностранных авторов, непереведенных на русский язык (Боу и др.), мы оставляли на иностранном языке; с нашей точки зрения, это вполне допустимо: ведь при переводе всегда можно исказить мысль автора, особенно, если используешь ее для подтверждения своих взглядов.

В отличие от других диссертаций, мы не углубляемся в историю вопроса. Принимая во внимание широту взятой нами темы, это чрезмерно увеличило бы объем нашей работы. Кроме того, углубление в историю вопроса потребовало бы цитировать большое количество работ, не имеющих научного значения. Мы имеем в виду, с одной стороны, высказывания апологетов мирового английского языка, не диалектически подходивших к этому вопросу, и, с другой стороны, работы марристов, сперва солидаризировавшихся с западными сторонниками теории движения всех языков мира в сторону анализа, а затем отвергнувших эту точку зрения и заменивших ее взглядом, отрицающим наличие относительного прогресса в переходе тех языков мира к анализу, факты истории которых дают возможность сделать вывод о переходе этих языков к аналитическому строю. Наконец, цель нашей диссертации — не расширять нашу аргументацию поэтому к вопросу, имеющуюся в нашей неопубликованный статье «О внутренних законах развития и совершенствования английского языка», а дать конкретные факты структурного перехода английского языка.

В библиографию, как видно из сноски на с. 199, мы включили только те монографии и статьи, которые нами были действительно использованы, частично или полностью; мы считали излишним упоминать в библиографии названия работ, цитируемых в работах, числящихся в нашем библиографическом списке (вторичные ссылки); мы не стали перечислять неопубликованные работы, материалы, лекционные курсы и циклы; наконец, так как, по замыслу этой нашей работы, примеры из оригинальных текстов, независимо от руководств по истории языка, приводились нами лишь спорадически, притом — почти исключительно из современных текстов, мы не сочли нужным перечислять все эти тексты в библиографии.

Обширность взятой нами темы не дала нам возможности обобщить все имеющиеся в литературе факты по истории английского языка, свидетельствующие о его структурном переходе. Мы и не ставили перед собой такую цель, для выполнения которой нужно было бы дать обобщение по всем статьям и монографиям по истории языка. Мы сочли достаточным, взяв на основу указанные в библиографии работы Б. А. Ильиша, А. Боу, Р. Гушона и некоторые другие, воспользоваться ими как исходным материалом, обобщение которого дает возможность наметить основные тенденции структурного перехода английского языка в его различных аспектах: фонетический строй, морфологический строй, словообразование, синтаксический строй.

Мы хотим закончить эти вводные замечания выражением благодарности за помощь в работе чл. корр. АН СССР Б. А. Серебренникову, акад. А. С. Чикобава, чл. корр. АН СССР проф. В. М. Жирмунскому и всем нашим как сторонникам, так и противникам по дискуссии о внутренних законах английского языка (весной 1954 года в Ленинградских Секторах Института языкознания АН СССР).

ПЕРЕХОД АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ОТ ФЛЕКТИВНОГО СТРОЯ К АНАЛИТИЧЕСКОМУ

Введение

Настоящая работа посвящается весьма важному вопросу англистики: конкретными проявлением перехода английского языка от старой флективной структуры к новой аналитической структуре. В теоретическом плане этот вопрос был нами подробно рассмотрен в статье «О внутренних законах развития и совершенствования английского языка», где мы попытались применить основные положения диалектики к рассмотрению этого перехода. Поскольку статья эта была задумана как предисловие к «Исторической грамматике английского языка», конкретные проявления этого структурного перехода нами там не рассматривались. Теперь, когда у нас уже есть «Историческая грамматикаанглийского языка», наглядно показывающая совершенствование грамматического строя английского языка по путях структурного перехода от флексии к анализу, мы имеем возможность, на основе собранного там материала, дать лингвистический анализ рассматриваемого перехода.

Но сперва следует остановиться на некоторых общих вопросах, связанных с разработкой настоящей темы.

Прежде всего, что такое анализ (или аналитический строй)? Мы приведем здесь три определения аналитического строя. У проф. А. С. Чикобава мы читаем: «Для аналитических языков характерно: употребление местоимений вместо личных аффиксов (для обозначения лиц глагола), а также описательное образование глагольных форм при помощи вспомогательного глагола; употребление предлогов вместо падежных окончаний; использование наречий для передачи степеней сравнения. Словом, аналитический язык прибегает к помощи отдельных слов там, где синтетический язык использует аффиксы» («Введение в языкознание», ч. 1, с. 187). И далее проф. А. С. Чикобава сравнивает синтетические формы латинского языка и аналитические формы французского языка, особо отмечая, что «из европейских языков, кроме французского языка, аналитический строй характерен для английского».

Проф. Р. А. Будагов дает несколько иное определение аналитических языков: «Языки, в которых отношения между словами в предложении выражаются прежде всего флексиями, обычно называются *флективными* или *синтетическими*, а языки, в которых эти же отношения передаются прежде всего предлогами и порядком слов — *аналитическими*» («Очерки по языкознанию», с. 218).

Как видно из приведенного выше определения, проф. Р. А. Будагов фактически ставит знак равенства между синтезом и флективностью, смело

противопоставляя языки флективные языкам аналитическим[3]; поэтому мы считаем вполне оправданным то, что в нашей работе мы тоже приравниваем эти понятия как фактически тожественные. Но сам термин «флективные языки» нам представляются более ясным по своей внутренней форме, поэтому мы его преимущественно употребляем.

Определение аналитического строя у проф. Р. А. Будагова — более сжатое, чем у проф. А. С. Чикобава, более общее.

И, наконец, третье определение анализа, найденное нами в книге А. Боу, «История английского языка»: “A synthetic language is one which indicates the relation of words largely by means of inflexions. Languages which make extensive use of prepositions and auxiliary words and depend upon word order to show other relationships are know as analytical languages” (A. Baugh, “A History of English Language”, New York, 1935, p. 66)[4].

Можно было бы привести много подобных определений анализа. Ясно, что английский язык удовлетворяет им все, как один из наиболее аналитических языков мира. В заключении мы приведем собственное определение аналитического строя в английском языке, основывалось на лингвистических фактах, описанию которых мы посвящаем настоящую работу. Здесь же мы только отметим, что хотя «чисто» флективных и «чисто» аналитических языков не существует (см. проф. Р. А. Будагов, цит. раб., с. 219), все же накопление элементов анализа в таких языках как английский создает качественную разницу, качественное отличие их грамматической структуры от грамматической структуры таких флективных языков как русский, элементы анализа в которых не только количественно уступают элементам анализа в аналитических языках, но и качественно от них отличаются. В отношении предложных конструкций в английском и русском языках такой вывод сделал Т. П. Ломтев («О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания», «Вопросы философии», 1953 г., с. 83), который пишет: «Нет никакого основания утверждать, что грамматические средства русского языка развиваются путем накопления в качественном отношении аналитических элементов. Если качество грамматических средств английского языка состоит в так называемом аналитизме, то качество грамматических средств русского языка не может

---

[3]Впрочем, некоторые авторы с этим не согласны. Например, на такой точке зрения стоял Август Шлегель, в 1818 г. выделивший понятия «аналитические языки» и «синтетические языки» из понятия «флективные языки» (ср. проф. А. С. Чикобава, цит. раб., с. 187). Но, как указывает проф. А. С. Чикобава (см. там же, с. 187), «аналитического строя не может быть в собственно флективных языках: не прав был Август Шлегель, различавший флективные языки синтетического и аналитического строя. Так что, исходя также из этого высказывания проф. А. С. Чикобава, мы тем более считаем себя в праве приравнивать понятия синтетизма и флективности.

[4]Боу, также как и Август Шлегель, противопоставляет понятия флективность и синтетизм: “Inflectional languages fall into two classes: synthetic and analytic» (с. 66). Но, как нам представляется, правы А. С. Чикобава и Р. А. Будагова, которые не видят структурной разницы в языках флективного и синтетического строя. Ибо такой разницы нет.

быть подведено под категорию аналитизма. Грамматические средства имени в русском языке имеют не аналитический, а предложно-падежный характер». Поэтому, рассматривая накопление элементов анализа в аналитических языках всегда следует иметь ввиду качественное отличие роли этих элементов от роли элементов анализа во флективных языках.

Другой общий вопрос, связанный с разработкой нашей темы — это вопрос о так называемой прогрессивности языков аналитического строя. Вот что пишет по этому поводу проф. А. С. Чикобава (цит. раб., с. 188): «В зарубежной печати встречаются утверждения, будто аналитический строй языка представляет собой более ценный, более прогрессивный строй речи. В большинстве случает такого мнения держатся лица, заинтересованные в распространении влияния английского языка, стремящиеся навязать английский иноязычным народам силой, — это почти исключительно носители данного языка — англичане и американцы.

Научного основания такое мнение абсолютно лишено: мнение о превосходстве аналитического строя научно также несостоятельно, как несостоятельно мнение Фридриха Шлегеля, будто флективные языки вообще по своему строю являются несравненно более ценными, чем агглютинативные языки. И с общественной точки зрения ненаучное мнение о превосходстве аналитических языков совершенно неприемлемо: такое мнение на руку лишь англо-американским расистам».

Но в чем все же причина заблуждения таких ученых как Фридрих Шлегель или таких апологетов аналитического строя английского языка, как О. Йесперсен или Ричардс?[5] Нам представляется, что причина — та же, что и у авторов так называемой теории стадиальности, основавшихся на марровской теории единства глоттогонического процесса. Авторы всех теорий такого рода старались представить себе развитие языков мира как единый процесс превращения одних морфологических типов в другие. Попытки такого рода неизменно терпели неудачу, поскольку многообразие языков мира нельзя в прокрустово ложе рамок стадиальной классификации или любой другой классификации того же типа. Терпя крушение, эти попытки поставили под сомнение целесообразность морфологической (типологической)

[5]Критика взглядов Ричардса (J. A. Richards, “Basic English and its uses”, Нью-Йорк, 1943 и Есперсена (Jespersen, “Efficiency in Linguistic Chang”, Копенгаген) дается в брошюре В. Н. Ярцевой «Реакционная сущность “теории мирового” англо-саксонского языка», М., 1949 г. изд. Правильно критикуя теорию развития всех языков мира к анализу, В. Н. Ярцева в этой брошюре не могла отметить, что в ходе истории английский язык действительно перешел от флективного (синтетического) строя к аналитическому, что является совершенно несомненным фактом, несмотря на все возражения В. В. Пассека. Причиной этого недостатка брошюры, безусловно, следует считать аракчеевский режим в нашем языкознании, особенно усилившийся как раз в 1949 году, когда эта брошюра была издана. В условиях, когда свободная научная дискуссия в области языкознания была невозможна, трудно было объективно подойти к рассматриваемому вопросу.

классификации, то есть целесообразность деления языков на флективные, аналитические, агглютинативные и т. д. В результате некоторые ученые, как, например, В. В. Пассек, дошли до того, что стали отрицать коренную разницу грамматического строя древнеанглийского и новоанглийского языков. (Ср. В. В. Пассек «К проблеме связи явлений языка с историей общества», «Иностранные языки в школе», № 2, 1954 г.; «Никак, например, нельзя согласиться с тем, что английский язык современного периода называют, в отличие от английского языка древнего периода, языком другого строя, аналитического строя, в то время как английский язык древнего периода именуется синтетическим языком. В действительности строй английского языка в основном не изменился» и т. д.: (стр. 14). Если согласиться с таким взглядом, то приходится либо считать, что английский язык всегда был аналитическим, либо — что он был и остался флективным, либо — что самое деление языков на аналитические и флективные — надуманное и никому ненужное. Между тем, как будет видно из настоящего исследования, все эти выводы совершенно не выдерживают критики и гибнут под напором фактов истории языка.

Но тут мы должны вернуться к тому, с чего начали, к вопросу о прогрессивности аналитического строя. Переход английского языка от флективного строя к аналитическому — несомненный факт, поскольку процессы этого перехода зарегистрированы историей английского языка. Но из факта этого перехода никак нельзя сделать вывод, будто всем языкам мира суждено развиваться в аналогичном направлении. Известно, что языки развиваются по своим внутренним законам, и законы эти — разные в разных языках, но только в тех языках, которые стали аналитическими в ходе своей истории это развитие шло по путям анализа. Как будет видно из дальнейшего, структурный переход от одного грамматического строя к другому наложил неизгладимый отпечаток на грамматику современного английского языка, внутренние законы развития которого несомненно связаны с этим переходом, будучи им обусловлены. Поэтому переход английского языка от флективного строя к аналитическому и дальнейшее развитие по путям анализа можно считать основным внутренним законом английского языка. Вместе с тем, для английского языка этот переход приходится считать прогрессивным[6], ибо именно путем анализа шло совершенствование языковой техники английского языка.

---

[6]Это непосредственно вытекает из положений Б. А. Серебренникова («О сущности внутренних законов развития языка», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5), где автор различает среди изменений в языке явление безразличные в отношении к прогрессу (например, отдельные фонетические сдвиги, ничего не вносящие в совершенствование языка), явления абсолютно прогрессивные (например, совершенствование синтаксиса в русском языке) явления относительно прогрессивные (сюда относятся изменения по аналогии, выделение отдельных языковых типов и также явления, связанные со структурными переходами). Сюда же Б. А. Серебренников относит явления, связанные с переходом английского языка от флективного строя к аналитическому (см. его рецензию на нашу статью о внутренних законах английского языка). Название относительный прогресс вводится им в связи с тем, что нет гарантии

Что касается причин этого перехода, то они ясны: перенос германского силового ударения на корни слов вызвал кризис флективной системы уже в древнеанглийском языке, а имевшие место в дальнейшей истории Англии скандинавское и нормандское завоевание усилили этот кризис и способствовали ускорению развития английского языка в сторону анализа. Здесь нужно отметить, что кризис системы не обязательно должен быть преодолен переходом к аналитическому строю. В истории флективных языков (немецкий, русский) тоже известны случаи смешения основ склонения, случаи совпадения, многовариантности, отсутствия флексий, но все это частично было преодолено, частично — упорядочено (сохранения нулевой флексии, как правило в определенных типах склонения), с сохранением флективной системы. Как указывает А. Г. Спиркин («Вопросы философии», 1953 г., № 5, с. 96), развитие грамматического строя языка «стимулируется как развивающимся мышлением, так и взаимодействием между элементами самой структуры языка». Такое взаимодействие и имело место уже в древнеанглийском языке, а завоевания его только усилили и ускорили.

И, наконец, последний общий вопрос. Мы говорим о переходе английского языка от одного грамматического строя к другому. Можно было бы говорить об изменении морфологического типа (ср. проф. А. С. Чикобава, цит. раб., с. 190–191). Но, нам кажется, вряд ли стоит ставить грань между этими двумя терминами, ибо изменение морфологического типа означает, что грамматический строй изменился (был флективным, стал аналитическим и т. д.). Важнее отметить другое. Смена морфологического типа (или переход от одного грамматического строя к другому) — это изменение языковой структуры. Известно,

---

от утраты результатов, полученных в результате относительного прогресса. Но, как нам кажется, факторы языковой культуры современности (книгопечатание, пресса, радио, скопление огромных масс населения в крупных городах, всеобщее образование и т. д.), оказывая очень сильное фиксирующее влияние на грамматический строй, фактически делают невозможной смену морфологического типа, то есть — смену грамматического строя. Поэтому для современности можно считать, что понятие относительного прогресса сливается с понятием абсолютного прогресса в том, что касается результатов совершенствования грамматического строя по путям, обусловленным кризисом системы, имевшим место в достаточно далеком прошлом. Но это не значит, что грамматический строй теперь не меняется: он меняется, но имеющиеся в нем изменения — не коренные, они не грозят сменой языковой структуры. Сохраняется и понятие относительного прогресса, поскольку отдельные результаты совершенствования конечно и теперь могут быть утрачены (устранение плеоназмов, упрощение групп согласных, аналогия и пр.). Но морфологический тип, это несомненно, укрепляется вместе с ростом культуры, вместе с совершенствованием грамматического строя, поскольку к этому влекут его все условия современной цивилизации. Безусловно, этому способствует также перемалывание и гибель территориальных диалектов в связи с ростом цивилизации. Особенно заметны эти процессы, конечно, в нашей стране, где обеспечение всеобщего образования сыграло огромную роль. Когда по радио передают письма на целинные земли и с целинных земель, любопытно сравнивать правильную русскую речь детей и диалектизмы родителей.

что логическое мышление возможно на языке любой структуры, причем, как отмечает Б. А. Серебренников в своей рецензии на нашу статью о внутренних законах английского языка, «структура языка здесь совершенно не имеет никакого значения, так как содержание мысли может быть выражено любыми и притом различными языковыми средствами». Так что переход английского языка от одной структуры (типа, строя) к другой — прогресс, но не в развитии мышления, которое прекрасно развивается и без таких структурных переходов, а прогресс в развитии той языковой оболочки (языковой техники, языковой структуры), в которой заключено и без которой не может существовать мышление. Развитие содержания (мышления и языка (формы)[7], конечно тесно связаны, но, как отмечается в цитированной выше статье Л. Г. Спиркина, «если процесс развития языка определяется развитием мышления и потребности взаимопонимания, а также взаимодействием между элементами самой структуры языка, то формы его развития, специфичные в каждом конкретном языке, определяются только внутриструктурными факторами, заключенными в самом языке».

Так что преобладание в тех или иных языках аналитических или флективных форм ничего не говорит о степени развития мышления в этих языках, но в историческом плане в формальной стороне языков всех структур видно прогрессивное развитие тех или иных форм, относительное преобладание которых обуславливает принадлежность данного языка к тому или иному типу по морфологической классификации.

Это и есть то, что Б. А. Серебренников назвал относительным прогрессом в своей статье о внутренних законах.

На этом мы заканчиваем вводную часть и переходим к описанию тех процессов, которые обусловили смену морфологического типа в английском языке на протяжении истории. Смена типа, переход от одного строя к другому, усиление элементов анализа — все это разные названия для одних и тех же явлений. Вот теперь мы и посмотрим, в чем же заключались эти явления.

---

[7]Точка зрения, рассматривающая язык как форму и мышление как содержание, заключенное в эту форму, выдвинута проф. И. В. Рахмановым (см. его дискуссионную статью в журнале «Иностранные языки в школе», № 3, 1954 г., с. 75). Ниже мы еще не раз будем останавливаться на этом очень интересном вопросе, но здесь нужно отметить, что проф. Рахманов совершенно прав, когда он утверждает этот тезис, и что В. А. Звегинцев, утверждающий обратное («мышление отнюдь не является содержанием языка, который, таким образом низводится на положение простой формы», так же, с. 122) неправ. Аргументацию этого нашего взгляда см. на с. 196. Однако, следует сделать оговорку о том, что И. В. Рахманов делает серьезную ошибку, когда он утверждает, будто мышление на родном языке обязательно должно присутствовать в процессе изучения иностранного языка. На самом деле, в процессе успешного изучения иностранного языка имеет место постепенное вытеснение элементов мышления на родном языке элементами мышления на иностранном языке, по мере усвоения иностранных слов и грамматических конструкций. Тем самым имеет место комбинированное мышление на двух языках. Признание этого факта имеет огромное значение для методики преподавания иностранных языков.

ЧАСТЬ I

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ[8]

В развитии фонетического строя английского языка трудно найти большое количество явлений, которые можно было бы считать фонетическими проявлениями разбираемого структурного перехода. Несомненным фонетическим процессом такого рода является осреднение неударных окончаний, начавшееся в среднеанглийский период и продолжавшееся в дальнейшем. Вот некоторые примеры осреднения неударных окончаний в среднеанглийском периоде:

Junu — June;

stāna — stone.

Этот процесс продолжался и в новоанглийский период, безразлично охватывая флексии, суффиксы, последние корневые слоги двусложных слов. Например: wishes, ended, illnen, village, mountain, patience, remnant, purpose; осреднению подвергаются также безударные префиксы: begin, return, admire, announce, command.

Исключением являются ученые слова, в которых осреднение безударных гласных обычно не происходит. Например: dialogue, syntax.

Неизменным сохраняется также безударное ow: window, fellow ez в таких случаях звучит вульгарно. Ср., например в «Записках Пиквикского клуба», в вульгарной речи Самуэля Уэллера: feller. Эти исключения лишний раз показывают, насколько трудно фонетическим изменениям пробивать себе путь на данном этапе развития языка, когда вполне сложились его культурно-орфоэпические традиции.

Другой фонетический процесс, тесно связанный с переходом английского языка от флективного строя к аналитическому, — это отпадение конечных -е в существительных и в прилагательных. Как известно, в среднеанглийский период это окончание, е, было единственным отличием сильного и слабого склонения прилагательных, поскольку в сильном склонении единственного числа флексии не было, а во множественном числе сильного склонения и во всем слабом склонении было окончание -е. Так было в большинстве среднеанглийских диалектов, кроме северных, где уже в среднеанглийском окончание -е было утрачено. В других диалектах утрата конечного -е имела место в ранненовоанглиском.

О морфологическом значении этих фонетических процессов мы еще скажем в разделе морфологии, а сейчас отметим очень интересный факт из истории фонетического строя английского языка: большинство наиболее сложных колеблющихся, неустойчивых, переменных изменений фонетического строя английского языка относится к среднеанглийскому

---

[8]Фонетические процессы, перечисляемые в этом разделе, даются нами по следующим руководствам: Б. А. Ильиш, «История английского языка», 3 изд., 1939 г. с. 115, 188, 236–237, 26, 112 и др. Гушон, “L’Histoire de la langue owglaise”, т. 1, “Des Original la Conquête Normandis” (450–1066); с. 23–24, 31, 30 и др.

и ранненовоанглийскому периодам, то есть, эти изменения проходили одновременно с морфологическими процессами перехода от флексии к анализу. Связь этих изменений с изменением структуры грамматического строя несомненна. Она обусловлена общим внутренним законом связи и взаимосвязи различных сторон языка[9]. Действительно, особенности фонетического строя древнеанглийского периода в основном — унаследованные от предыдущих периодов развития германских языков: 1-й перебой, закон Вернера, германские дифтонгические соответствия, начальная палатализация, умлауты, аблаут — все это отмечается с самого начала письменных памятников древнеанглийского периода. Некоторые изменения особенно характерны вессекскому диалекту (вессекское преломление) некоторые — типичные для невессекских диалектов (велярный умлаут), но большинство изменений относится к доисторическому периоду истории Англии: в V веке появилось долгое -a- вместо исконного германского дифтонга ai: гот stains, OE stān; в VI–VII вв. проходит палатальный умлаут; начальная палатализация относится к более раннему периоду, а вессекское преломление — к более позднему; к VII век относится также вторичная палатализация после гуттуральных согласных: OE geaf, sceort, geong. В исторические времена происходит насализация -a- (VII–X вв.), удлинение перед группами nd, ld, mb (IX–X вв.) и палатализация c, sc, g и cg перед гласными переднего ряда (X в.). Все это показывает, что древнеанглийский язык был достаточно стабильным с фонетической точки зрения.

Если теперь столь же бегло просмотреть фонетические изменения среднеанглийского и ранненовоанглийского периодов, то сразу же бросается в глаза их обилие, изменчивость, противоречивость, непостоянство, сложность. Поэтому фонетический строй среднеанглийского языка гораздо труднее запоминается, чем фонетический строй древнеанглийского периода. В XI в. происходит сокращение гласных перед двумя и более согласными, причем

---

[9]На эту закономерность, в частности, указывает В. Г. Адмони в своей статье «О некоторых закономерностях развития синтаксического строя» («Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., № 5, с. 297): «Отдельные стороны языка в своем развитии тесно связаны между собой. Так, не только отдельные области синтетической системы находятся в живом и непосредственном взаимодействии, но и вся она в своем развитии прежде всего с развитием морфологической системы языка, а затем с развитием лексики и фонетической системы языка. Это же относится ко всем сторонами языка в их развитии». Б. А. Серебренников («О сущности внутренних законов развития языка», там же, с. 8–9), наоборот, подчеркивает автономность изменений в различных сферах языка: «Изменения в разных сферах языка обладают известной автономностью... Так, сдвиг в фонетической системе может произойти совершенно независимо от того, что происходит в морфологии или синтаксисе... Изменения в области фонетики отличаются наибольшей автономностью. Поэтому фонетика может рассматриваться как один из главных очагов различных противоречий». Но он имеет в виду отдельные явления, тогда как у нас речь идет о совокупности фонетических изменений определенного периода в истории английского языка, так что в нашем случае действует закономерность, указанная проф. В. Г. Адмони

гласные, удлинившиеся в IX–X вв. перед группами nd, ld, mb сперва не сокращаются, но уже в XII–XIII вв. группа nd на севере и северо-центре частично дает сокращение, а в других диалектальных районах это происходит несколько позже. Причем гласные i и u сокращались только на севере.

В XIII в. происходит удлинение в открытом слоге, и конечное e становится одним из показателей долготы предшествующего гласного. Перед выпадающим h получаются глайды. Образуются новые среднеанглийские дифтонги с неслоговым g и с u: fowl, wei.

В различных диалектах по-разному проходят многочисленные фонетические процессы. На севере долгое -a переходит в долгое открытое o только с XIV в., тогда как в центре это происходит к 1225 году, а на юге — к середине XII, Из краткой лигатуры древнеанглийского на севере в XII в. получается краткое a, на юге вплоть до XIV в. краткая лигатура отражается как -e, в центре — как -a. В дальнейшем краткое a снова переходит в краткую лигатуру (XVI в., — только из написания она оказывается утраченной навсегда. Старые дифтонги в среднеанглийский период почти полностью монофтонгизуются. Сложное развитие претерпевают огубленные звуки древнеанглийского периода, а также, умлаутированная и исконняя долгие лигатуры. На юге и в Кенте происходит озвончение начальных согласных f, s. Особое развитие претерпевают многие нормандские и скандинавские звуки в заимствованных словах. Скандинавские звуки большей частью остаются неизменными (сохраняющиеся непалатализованными k, g; неизменяющееся по закону Вернера скандинавское g и др.), тогда как нормандские звуки развиваются в направлении, отличающемся от путей развития парижского диалекта (Vǫice, voix; wicket, gnichet и др.). Особенно сложный характер имели среднеанглийские фонетические изменения, связанные с образованием новых дифтонгов, поскольку один и тот же дифтонг имел обычно несколько источников своего образования: например, дифтонг ǫu (ǫw) имел следующие источники; -a долгое плюс w: blāwan, blowan; o краткое плюс g: boga, bow; a краткое плюс g или h, ht. Мы перечислили здесь далеко не все изменения среднеанглийского фонетического строя, причем очень кратко, с минимальным количеством примеров. Нам важно было показать обилие изменений фонетики в этот период.

То же самое можно сказать и относительно ранненовоанглийского периода. В XIV–XVII в. происходят переходы великого сдвига гласных, в XVI в., как мы уже говорили выше, краткое a снова переходит в краткую лигатуру. В XVII в. дифтонг -ey, образовавшийся около 1300 г. из дифтонга -ey, снова переходит в ey. В XV в. возникнет глайд перед конечным l или l плюс согласный. В XVII в. краткое u переходит в ʌ. В XV в. h исчезает перед i, удлиняя его и переводя по великому сдвигу в ai. В XVI в. проходят неустойчивые переходы a — æ — æ: — a долгое;

au — a долгое — ɔ долгое.

В XVII в. долгое u: переходит в краткое ʌ. В XIV–XVIII вв. происходит вся совокупность изменений, связанных со звуком r. Одновременно происходят изменения консонантизма: закон Вернера в английском языке и образование африкатов и двухфокусных щелевых вслед за изменением дифтонгов eu u iu в pu:.

Все почти сколько-нибудь значительные изменения английского вокализма и консонантизма оказываются закончившимися к XVII в. В дальнейшем наблюдаются лишь разрозненные процессы упрощения согласных окончаний, прибавления звуков и пр. изменения, связанные с беглостью английского произношения.

Тот факт, что центр тяжести изменений английского фонетического строя приходится как раз на среднеанглийский и ранненовоанглниский период (а также начало новоанглийского) убедительно показывает на тесную связь этих явлений с процессами становления аналитической структуры новоанглийского языка.

В теоретическом плане явления подобного рода разъясняются А. Г. Спиркиным в цитировавшейся выше его статье «К вопросу о законах языка». Спиркин пишет, между прочим, в этой статье: «Служа средством построения языковых форм в процессе выражения мысли и средством их различения при восприятии и понимании выраженной мысли, звуковые единицы языка изменяются и обогащаются прежде всего под влиянием требований развивающейся системы значений. Таким образом, звуковые изменения косвенно определяются причинами, обуславливающими развитие мышления и совершенствование потребности взаимопонимания. Но эта причина не является единственной. В развитии звуковой стороны языка большую роль играют физиологические факторы, условия продуцирования звуков центральным и периферическим речевым аппаратом.

Разумеется, физиологические факторы, обуславливающие звуковые изменения, играют не ведущую, а подчиненную роль, они могут проявлять свою силу лишь в пределах, не затрагивающих интересы семантики, в рамках семантического безразличия. Не нормы звуковой системы языка подчинены физиологическим механизмам, а, напротив, физиологические механизмы подчинены нормам звуковой системы языка».

А. Г. Спиркин правильно отмечает зависимость изменений звуковых и изменений семантических. К этому нужно еще добавить сказанное нами выше о связи звуковых изменений с ломкой грамматической структуры языка, ломкой, связанной с изменением грамматического типа. Ибо в языке все его стороны тесно связаны между собой — звуки, значения, грамматические формы, и, анализируя те или иные из названных сторон, мы абстрагируемся от этих связей, что делается тем легче, что связи эти — очень косвенные, едва ощутимые, их трудно выявить и выразить словами... Но связи эти все же **существуют**, точно также как существует косвенная связь между процессами развития мышления и процессами развития языковых форм, хотя самые формы развития, конечно, нельзя вводить на развития мышления.

На этом мы заканчиваем наш обзор фонетических проявлений перехода английского языка от флективного строя к аналитическому и переходим к характеристике морфологических проявлении этого перехода.

ЧАСТЬ II

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Первая часть нашей работы поневоле вышла весьма краткой, ибо материал исторической фонетики — весьма неблагодарный, в смысле использования его для доказательства перехода языка от одной структуры к другой. Недаром классификация, на которой основано распределение языков по определенным типам, называется типологической или морфологической. (Последнее название принято в книге акад. А. С. Чикобава, «Введение в языкознание», ч. 1).

Мы рассмотрим конкретные проявления перехода английского языка от флективной к аналитической структуре — в том, что касается морфологии — на материале истории отдельных частей речи.

Имя существительное

Существительное в древнеанглийский период было характерно сложной системой склонения. Типа склонения различались в зависимости от основ. При сравнении с соответствующими готскими парадигмами склонения четко обнаруживается движение английского языка в сторону анализа, конкретным проявлением которого можно считать кризис флективной системы склонения существительного, имевший место уже в древнеанглийский период. Этот кризис выражался в многочисленных случаях совпадения, отсутствия, многовариантности флексий, а также в фактах смешения основ. Следует отметить, что аналогичные явления наблюдались в языках, которые были и остались флективными (немецкий, русский), но там эти явления были качественно иными, ибо тенденция развития грамматического строя в тех языках была иная[10].

В отношении смешения основ это качественное отличие отмечает Т. П. Ломтев в статье «О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания». Он пишет, применительно к истории русского языка: «Как видно из этих примеров, сущность того явления, которые известно под названием “смешения основ”, в действительности заключается не в смешении

---

[10]Эта тенденция была характерна всем германским языкам. Но далеко не во всех германских языках она нашла себе развитие, аналогичное развитию английского и датского языков в сторону аналитического строя. О причинах такого развития в германских языках А. Мейе («Основные особенности германской группы языков», М., 1952 г.) пишет следующее. «Итак, грамматическое развитие германского языка определяется двумя важнейшими факторами: начальное ударение придало корневым элементам новую значимость; распад конечных гласных вызвал тенденцию к разрушению флексий и в самом деле разрушил ее в таких языках как английский и датский» (с. 77). Мы не знаем точно какие факторы повиляли на переход датского языка к аналитическому строю. Исследовать этот вопрос — дело скандинавистов. Но причины, усилившие эти тенденции в английском языке несомненны.

основ, не в утрате падежных средств вообще, как в болгарском языке, а в постепенном исчезновении из употребления слабых альтернант в том или другом падеже при сохранении сильных альтернант в том же падеже, т. е. при сохранении необходимых грамматических средств для каждого ранее существовавшего падежа. Это значит, что в процессе отсеивания слабых альтернант имело место сохранение, укрепление, совершенствование унаследованной системы падежных отношений, а не ее отмирание»[11].

В английском языке, как и в болгарском, тенденция развития была иная — тенденция перехода к аналитическому строю, в области существительного прежде всего проявляющаяся как распад флективной системы.

Посмотрим же на конкретных примерах, как шло развитие падежной системы существительного в английском языке. Примеры парадигм склонения и их интерпретацию мы будем брать из хрестоматий по истории немецкого и английского языков.

Ниже мы приведем основные типы склонения существительных в древнеанглийский период и сравним их парадигмы с парадигмами соответствующего готского склонения.

Основа — это сочетание корня и основообразующегося гласного, стоящего между корнем и флексией. Типы склонения различаются по основообразующим гласным, которые в готском прослеживаются, как мы увидим, гораздо более четко, чем в древнеанглийском, что объясняется более древним характером готского грамматического строя.

Основообразующие гласные в германском и индоевропейском подчиняются фонетическим соответствиям, существующим между германским и индоевропейским вокализмом.

Одним из важнейших типов древнеанглийского склонения существительных было склонение на и. е. краткое о, германское краткое а (*греч*. logos, *гот*. dags, OE dag). Это один из типов сильного склонения, названного так Я. Гриммом за то, что оно как бы сохранило первобытную индоевропейскую

---

[11]А. Мейе (см. там же, с. 88) пишет по этому поводу применительно к германскому и кельтским языкам: «Индоевропейское слово всегда было одновременно грамматической формой, образованной путем соединения основы и окончания. Оно, так сказать, выражает понятие, снабжая его показателями числа, рода, падежа или лица, залога и т. д., которые превращают его в целое, достаточное само по себе. В германском языке, напротив, есть тенденция к созданию слова, независимого от всякой грамматической формы. Окончание становится привеском, роль которого, в общегерманском еще весьма значительная, постепенно утрачивается, мало по малу исчезает... Подобная же тенденция довольно рано наблюдается в кельтском языке. В бриттском, начиная с самых ранних текстов, падежная флексия отмирает».

Отсюда видно, какими различными были тенденции развития основ в таких языках как русский, и в германо-кельтских языках. Как свидетельствует дальнейшая судьба германских языков, далеко не во всех них развитие пошло по английскому пути. Так что к этим языкам, в том числе и к немецкому, вполне применена та поправка, которую Т. П. Ломтев вносит в теорию основ.

силу: ведь в типах сильного склонения прослеживаются — иногда, как в случае со склонением на краткое германское a, в преобразованном виде — древние индоевропейские основообразующие гласные.

Вот примеры на склонение этого типа[12]:

Падеж	готский		древнеанглийский		
	мужской род	средний род	мужской род	средний род	
единственное число					
Именительный	wulfs	waúrd	dæg, fisc	scip	scēāp
Родительный	wulfis	waúrdis	dæges, fisces	scipes	scēāpes
Дательный	wulfa	waúrda	dæge, fisce	scipe	scēāpe
Винительный	wulf	waúrd	dæg, fisc	scip	scēāp
множественное число					
Именительный	wulfōs	waùrda	daʒas, fiscas	scipu, o	scēāp
Родительный	wulfē	waùrdē	daʒa, fisca	scipa	scēāpa
Дательный	wulfam	waùrdam	daʒum, fiscum	scipum	scēāpum
Винительный	wulfans	waùrda	daʒas, fiscas	scipu, o	scēāp
				(кратко-сложный вариант)	(долго-сложный вариант)

Как видно из приведенных парадигм, как в готском, так и в OE склонение на краткое германское a имели существительные мужского и среднего рода. Уже в готском склонение в среднем роде несколько отличалось от склонения в мужском роде (именительный и винительный падежи множественное число средний род — окончание a; именительный падеж множественное число мужской род — окончание ēs; винительный падеж множественное число мужской род — окончание ans:). В OE в среднем роде дело усложнялось: если слово было кратко-сложное (то есть, со слогом, содержавшим один краткий гласный и один согласный: scip), оно имело окончание u, o во множественном числе именительного и винительного падежей; если слово было долгосложное (то есть, со слогом, содержавшим один краткий гласный и два согласных или один долгий гласный и один согласный bān), то оно не имело окончаний во множественном числе именительного и винительного падежа среднего рода. Это касалось односложных слов. Двусложные слова с долгим гласным (типа nieten, hēafod, содержавшие долгий ударный плюс краткий безударный слог) склонялись как односложные краткосложные варианты. Двусложные слова с кратким гласным (типа reced, wæter, содержавшие краткий ударный плюс краткий безударный слог) склонялись как односложные долгосложные, то есть не имели окончания во множественном числе именительного и винительного падежей среднего рода.

[12]Эта и другие парадигмы нами даются по хрестоматиям по истории немецкого языка под ред. Проф. Чемоданова и по истории английского языка под редакцией проф. Смирнитского (см. библ.)

Помимо многовариантности флексии множественное число именительный и винительный падеж средний род краткосложного варианта, следует также отметить некоторые другие особенности склонения этого типа.

У существительных м. рода, основа которых оканчивалась в OE на безударные el, ob, en, er, or и др. в формах, где el, ob, en, er, or не являются конечными, происходит выпадение безударного гласного. Например, «птица» — именительный падеж fuʒol, дательный падеж единственное число fuʒle, родительный падеж единственное число fuʒles и т. д. (ср. в русском языке: любовь, любви, но диалектально: любови).

У существительных мужского рода, основы которых оканчивались на h, происходило выпадение h и удлинение гласного корня в тех формах, где h не было конечным: «тюлень» — seolh, дательный падеж единственное число sēōle, родительный падеж единственное число sēoles и т. д.

Все эти особенности расшатывали флективную систему, хотя склонение на германское краткое a в OE было еще достаточно стойким, по сравнению с некоторыми другими типами. Поэтому неслучайно, что в средеанглийском это склонение сохраняется, хотя в более упрощенном виде:[13]

Мужской род	Средний род
Единственное число	
Общ. fissh	В связи с гибелью грамматического рода подравниваются под мужской род
Прит. fisshes	
(Дат. fisshe)	
Множественное число	
Общ. fisshes	
Прит. (fisshe [ne]) fisshes	
(Дат. fisshen)	

Кратко-сложный вариант	Долго-сложный вариант

Сохранившиеся до нашего времени окончания множественного числа большинства английских существительных [—s], а также форма притяжательного падежа — восходят к этому типу склонения[14]. Ясно, насколько эти флексии видоизменились в ходе истории.

---

[13]В скобках показаны формы, имевшиеся в начале среднеанглийского, но затем исчезнувшие.

[14]Отметим здесь сразу же омоморфичность показателя s в английском языке. Показатель s может иметь значение не только родительного падежа и множественного числа, как видно из сказанного здесь, но значение третьего лица единственного числа настоящего времени у большинства английских глаголов. Омоморфичность отдельных сохраняющихся в дальнейшем морфологических показателей — одна из важнейших особенностей английского анализа, поскольку она проявляется и в области наречий, и в области союзов, и в области глагола, существительного, прилагательного и т. д. Многие слова оказываются омоморфичными благодаря

Окончание множественного числа на s стало применяться ко всем существительным, вне зависимости от их рода и от их принадлежности к древнему типу на германское a. Оно охватило огромное большинство существительных английского языка и из показателя падежа стало показателем числа.

Окончание притяжательного падежа сузило сферу своего применения к выражению принадлежности (с одушевленными существительными), причем, как отмечает Б. А. Ильиш («Современный английский язык», 1948 г. изд., с. 96) «принадлежность воспринимается современным языковым мышлением как владение». Употребляясь с неживыми существами, эта флективная форма привносит в речь эмоциональный оттенок: “England; history”. Она употребляется также в ряде застывших выражений: at the water’s edge; a hair’s breadth; ar one finger’s end. Это остатки прежнего более широкого употребления родительного падежа. К этим случаям Вебер приравнивал также выражения времени, хотя последние не являются застывшими выражениями и свободно подвергаются перестановкам: a year’s travel, a month’s travel. Дойчбайн объяснял такое употребление флексии родительного (притяжательного) падежа тем, что категория времени у редакторов и издателей занимает привилегированное положение, но, как правильно отмечает Б. А. Ильиш, здесь просто имеет место сокращенное выражение определения, а краткость, как известно, является одним из принципов английской речи, будучи обусловлена английской ритмикой (ограниченность интервала между ударными слогами временем).

Исходя из сказанного можно было бы сделать тот вывод, что сфера употребления родительного падежа в современном английском значительно сузилась, по сравнению с OE. Но на самом деле это не так. Имеется ряд случаев употребления этой флексии, где она переосмысляется в своеобразный словообразовательный суффикс (случаи: at the butcher’s, ab the chemist’s, to my uncle’s, ср. Б. А. Ильиш, «Современный английский язык», 1948 г, с. 100). Также могут быть объяснены случаи типа: st Paul’s, St Isaak’s, где эта флексия из имени святого сразу дает название собора[15]. Наконец, совершенно новым и несвойственным флективным языкам, явлением

отсутствию морфологических показателей, и, отсюда, получается возможность применения конверсии как способа словообразования. Термин «омоморфема» предложен акад. В. В. Виноградовым (см. акад. «Грамматика русского языка» под ред. Акад. Виноградова и чл. корр. АН СССР Бархударова и Истриной, с. 19; «Окончание -а существительного и суффикс -а глагольной основы — вовсе не одна и та же морфема: мы имеем здесь дело с омонимами или омоморфемами»). Но особенно характерна омоморфичность отдельных сохраняющихся в дальнейшем морфологических показателей английскому языку (рано как омоморфичность слов, лишенных морфологических показателей).

[15]Аналогичный пример из русского языка, но без соответствующего морфологического показателя: «Видел я в Вене Святого Стефана, по Колизею бродил» (Некрасов).

следует считать формы группового генитива[16]. Б. А. Ильиш очень тонко показывает генезис зарождения таких форм последовательными ступенями (с. 90–91, цит. раб.):

1. Sminh's office — одинокое существительное.
2. Smith and brown's office — сразу два существительных.
3. Someboky else's book — совсем не существительное.
4. The man jsaw yesterday's son — безразлично какая фраза.

Группевой генитив особенно часто употребляется в юмористическом употреблении у отдельных писателей: его проникновению в общелитературный язык мешает установившаяся языковая культура. В групповом генитиве старая падежная флексия становится синтаксическим показателем определения. Это связано с аналитическим переносом центра тяжести грамматического строя английского языка из морфологии в синтаксис.

Флексии на s (множественное число и притяжательного падежа) в современном английском стали неотъемлемой чертой английского аналитического грамматического строя. Остатки старого флективного строя, они были использованы в качестве весьма существенных элементов нового аналитического строя. Из них особенно важное значение имеет флексия s множественного числа, ибо категория числа, как видно из грамматики основных европейских языков, имеет весьма важное значение, будь то аналитический или флективный язык. И при переходе от одной структуры к другой не было причин менять форму выражения этой категории: достаточно было выделить отдельный изолированный элективный тип и сохранить его для дальнейшего...

Мы несколько отвлеклись от рассмотрения типов склонения в английском языке на заре его истории, рассмотрев пока только один тип и показав его дальнейшее развитие, обобщенное и расширенное, в ходе дальнейшей истории английского языка.

Посмотрим теперь, какие еще типы склонения существовали в древнеанглийский период.

Вариантом склонения на и. е. o, германское a было склонение на индоевропейское jo, германское ja; вот примеры на склонение этого типа:

	Готский			Древнеанглийский			
Падеж	Мужской род		Средний род	Мужской род		Средний род	
Единственное число							
Именительный	harjis	hairdeis	kuni	bridd	ende	bed(d)	ærende

[16]Но чаще все же встречаются такие определительные конструкции, которые могли бы быть оформлены групповым генитивом, но стоят без s; например, в «Посмертных записках Пиквикского клуба»: "Shmidst the general hum of conversation that ensued there was a little man a puffy jay-nothing-to-me, -or-J'll – contradict — you sort of countenance, who remained very quiet" (с. 117б М., 1949 г.). Или у Джером К. Джерома, «Трое в одной лодке», М., 1948 г., с. 22–23: "There is a sort of oh-what-a-wicked-world-this-is and how J wish J could -do — something — to — make — it -better- and-nobler expression about Monemorency that has been know to bring the info the eyes of pious old ladies and gentlemen"

	Готский			Древнеанглийский			
Падеж	Мужской род		Средний род	Мужской род		Средний род	
Единственное число							
Родительный	harjis	hairdeis	kunjis	briddes	endes	beddes	ærendes
Дательный	harja	hairdja	kunja	bridde	ende	bedde	ærende
Винительный	hari	hairdi	kuni	bridd	ende	bed(d)	ærende
Множественное число							
Именительный	harjōs	hairdjōs	kunja	briddas	endas	bed(d)	ærendu
Родительный	harjē	hairdjē	kunjē	bridda	enda	bedda	ærenda
Дательный	harjam	hairdjam	kunjam	briddum	endum	beddum	ærendum
Винительный	harjans	hairdjans	kunja	briddas	endas	bed(d)	ærendu
				Первоначально			
	Кратко-сложные	Долго-сложные		Кратко-сложное	Долго-сложные	Кратко-сложное	Долго-сложные

В OE основы мужского и среднего рода были первоначально краткосложными, а затем удлинились в результате западно-германского удвоения согласных: «птенец» — bridd, «постель» — bedd. Первоначально долгосложные основы мужской и средний род могли переразложиться «конец» — end, «поручение» — ærend, но склонялись как долгие. Аналогично этим основам мужского рода склонялись «номина агентис» с суффиксом «ere». Особое склонение имели существительные мужского рода с краткими основами, оканчивавшимися на -ri: «армия» — единственное число им. вин.: here (< heri); родительный падеж единственное число: heries (или с ʒ, iʒ); перед гласным заднего ряда также iʒu вместо i: дательный падеж единственное число: herʒe, heriʒe, herie; именительный и винительный падежи множественное число: herias, herʒas, heriʒas, heriʒeas и так далее; иногда i могло отсутствовать (родительный падеж heres).

Все это усложнило склонение и способствовало его преодолению в ходе дальнейшего развития английского языка. Из сравнения с готскими парадигмами видно, что в готском древняя основа (ja) проступала яснее, чем в OE, где ее нельзя обнаружить ни в одной из форм склонения.

С переходом к среднеанглийскому эти типы склонения были утрачены, поскольку их судьба слилась с судьбой сильного склонения на a. Тоже самое следует сказать о другом варианте типа на германское краткое a, типа на wa; особенностью этого типа было то, что в готском засвидетельствованы лишь некоторые формы склонения этого типа: именительный падеж, единственное число: «раб» βius; именительный падеж множественное число мужской род: βiwos, родительный падеж множественное число βiwē; именительный падеж единственное число «время» áiws: винительный падеж единственное число áiw, родительный падеж единственное число áiwis; дательный падеж единственное число áiwa; от краткосложного готского варианта средний род единственное число kniu засвидетельствованы формы винительный падеж множественное число kniwa, родительный падеж множественное число kniwē, дательный падеж множественное число kniwam.

В OE засвидетельствованы полные парадигмы этого варианта склонения на германское краткое *a*, и. е. краткое *o*:

Падеж	Мужской род Основы на wo с предшествующим:		Средний род Те же два типа, что и в мужском роде	
	гласным	согласным	1-й тип	2-й тип
Единственное число				
Именительный	βēo(w)		trēo(w)	searu, o
Родительный	βēowes			
Дательный	βēowe			
Винительный	Bēo(w)		trēo(w)	searu, o
Множественное число				
Именительный			trēo(w)	searu, o
Родительный				
Дательный				
Винительный			trēo(w)	searu, o

В среднем роде именительного и винительного падежа множественного числа всегда совпадают с единственным числом: «дерево», «деревья» — trēo(w) «приспособление», «приспособления» — searu, o.

Как мы уже говорила, тип на wa в дальнейшем не дал ничего своего для становления аналитического строя в английском языке, поскольку его дальнейшая судьба слилась с судьбой типа на германское краткое a, и. е. краткое o.

Теперь нам предстоит рассмотреть судьбу древней и. е. основы на a долгое, которая в германском отразилась как долгое o (лат. Soriba, incola; гот. Giba, OE för). Эта парадигма охватывала только существительные женского рода.

При сравнении с готской парадигмой этого типа, очень рельефно видно, насколько OE продвинулся на пути к анализу — в нем было столько совпадающих и многовариантных флексий в этой парадигме склонения имен:

	Готский	Древнеанглийский	
Единственное число			
Именительный	giba	caru	heord
Родительный	gibōs	care	heorde
Дательный	gibai	care	heorde
Винительный	giba	care	heorde
Множественное число			
Именительный	gibōs	cara, e*)	heorda, e*)
Родительный	gibō	cara, e, ena**)	heorda, e, ena**)
Дательный	gibōm	carum	heordum
Винительный	gibōs	cara, e*)	heorda, e*)
		Кратко-сложный вариант	Долго-сложный вариант

*)????

**)Поздний OE

Как видно из приведенных парадигм склонения, а отличие от готского языка, в OE это склонение имело различные окончания в именительном падеже единственного числа. К этому нужно добавить, что односложные существительные с кратким гласным, кроме окончания u, могли также иметь окончание *o*; swapu, *o*. Двусложные существительные не имели окончания в именительном падеже единственного числа. Сравнение с готским наглядно показывает, насколько OE пошел дальше готского в сторону упрощения падежной системы: в единственном числе все падежи, кроме именительного, в обоих вариантах этого склонения, имеют окончание e, которое в ME легко отпадало. А во множественном числе с самого начала была внесена путаница во все падежи, поскольку в именительном и винительном падеже множественного числа в английском могло быть *e* вместо *a*, а в родительном падеже множественного числа в позднем OE, по аналогии со слабым склонением, стало проникать окончание ena.

С переходом к ME происходило фонетическое осреднение неударных окончаний. В результате, отличие именительного падежа единственного числа от косвенных падежей стерлось, *a* перешло в *e*... Правда, по аналогии с сильным склонением на германское краткое *a*, родительный (притяжательный) падеж единственного числа получил флексию *s*, которая присоединилась к старой флексии *e*; но в начале ME сохранилась также старая флексия *e* в этом падеже.

Во множественном числе в начале и в дальнейшем на юге Me по аналогии со слабым склонением в общий (дательный) падеж проникло окончание en, а в притяжательном падеже множественного числа — окончание ene; но затем все эти окончания вытиснились типовым окончанием s (причем это вытеснение началось с севера). Одновременно произошло слияние долгосложного и кратксоложного вариантов, поскольку окончание *e* косвенных падежей единственного числа долгосложного варианта в большинстве случаев проникло в именительном падеже единственного числа этого варианта, где в OE окончания вообще не было. Тем самым различие долгосложного и краткосложного варианта стерлось.

С отпаданием конечных *e* всякое различие женского склонения на германское долгое *o* от типового склонения (развившегося из германского склонения на *a* краткое) исчезло.

Вот парадигма женского германского склонения на *o* долгое в ME:

Дательный – Общ. Единственное число (care)	Множественное число (caren) cares
Притяжательный (care) cares	(carene) cares

К чистым основам на германское долгое *o* примыкают варианты склонения с основами на германское jō долгое и wō долгое. Их особенностью является отсутствие окончания ena в родительном падеже множественного числа, которое в чистое склонение не германское *o* долгое было принесено, как мы уже говорили, под влиянием аналогии со слабым склонением. Пример склонения с основой на германское jō: именительный brycʒ, винительный brycʒe и т. д.

Для сравнения приведем три примера готского склонения женского рода с основой на германское jō долгое:

Единственное число				
Именительный	sunja	bandi	mawi	
Родительный	sunjōs	bandjōs	máujōs	sunja — правда
Дательный	sunjai	bandjai	máujai	bandi — узы
Винительный	sunja	bandja	máujai	mawi — девушка
Множественное число				
Именительный	sunjōs	bandjōs	máujōs	
Родительный	sunjō	bandjō	máujō	
Дательный	sunjōm	bandjōm	máujōm	
Винительный	sunjōs	bandjōs	máujōs	

Как и готское склонение с чистой основой на долгое германское *o*, эта готская парадигма — гораздо более стройная и целостная, чем соответствующая ей древнеанглийская парадигма (см. выше), характерная элементами распада. Уже в готском именительный и винительный падежи совпадали, но в древнеанглийской парадигме случаев совпадения флексий гораздо больше.

Примеры склонения с основой на германское wō:

С кратким гласным: единственного числа именительного падежа «тень» — sceandu, o, винительный падеж sceadwe и т. д.

«долгим» «:» «луг» — mæd, винительный падеж mædwe и т. д.

«место» — stow, винительный падеж stōwe и т. д.

В дальнейшем, вместе со стиранием различия долгосложного и кратксложного вариантов чистых основ на германское ō, разница между этими типами стерлась, да и вообще эти варианты (германское jō, wō) в ME уже не существуют как особые типы склонения.

То же самое относится к варианту склонения на германское inō. В OE сюда относились абстрактные существительные женского рода, образованные от прилагательных: прилагательное «сильный» — srång — strangtn «сила» streng (с умлутом)

	Единственное число	*Множественное число*
Именительный	strengu, o	strenga, e (англ.), u, o
Родительный	strengu, u, o	strenga
Дательный		strengum
Винительный		strenga, e (англ.), u, o

В ME, с осреднением безударных окончаний, и этот вариант склонения на германское *o* долгое перестал ощущаться как особый тип.

На приведенном материале видно, каким путям шел переход английского языка от флективной структуры к аналитической: в области существительного это был путь распада старой флективной системы. Чем же был вызван кризис флективной системы склонения существительных? Безусловно, причина

кризиса — общая для всех германских языков — перенос германского силового ударения на корень[17], что оставляло флексии безударными, то есть — склонными к осреднению и отпаданию. Однако, тот факт, что далеко не все германские языки стали аналитическими, показывает, что одного этого структурного момента было мало для разрушения флективного строя. О влиянии скандинавов и норманов на ускорение этого процесса указывал еще Нэсфильд ("Manual of English grammar and composition"):

1. «By about 1250 A. D. This dialect (северный диалект) had become almost as flexionless as modern English. Since the stems of the world were the same with the Angles as well as with the Danes, the two tribes could understand each other better by dropping their inflexions than by retaining them. Thus out of the Anglian "sun-u" and the Danish "sun-r" the more simple word "sun-e" (now charged to "sun") was formed. The same king of process has gone forward in the United States, where German immigrants settled among English-speaking people found it convenient to strip their German words of their inflexions, so as to adapt them more easily to English speech» (p. 311).

"...The incursions of the Danes were by no means limited to the country north of Number. Their conquest of East Anglia and the greater part of Mersia must have materially affected the Midland dialect from which our modern English has mainly sprung"

2. The only influence of French on English grammar was to accelerate the change from Synthetical to Analytical it did for the Midland and southern dialects what the Danish had already done for the Northern. We say accelerate designedly; for the change would have come in any case, though possibly neither so rapidly nor so completely as it did, without the help of the French.

---

[17]Что вызвало перенос ударения на корень? Большинство исследователей опираются здесь на теорию субстрата (см., например, В, Г. Адмони, «О закономерностях развития синтетического строя», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5, с. 29), согласно которой предполагается, что индоевропейские диалекты, лежащие в основе германских языков, были усвоены не индоевропейцами, для которых было свойственно силовое ударение на первом слоге. Тем самым — впрочем, это объяснение — не зависит от предыдущего — подчеркивался семантически более важный начальный (обычно корневой) слог. Гирт, Прокош, Безекэ, Бур отрицали теорию субстрата, приписывая тенденцию редукции флексий в германских языках только действию экспираторного ударения на первом слоге. В. М. Жирмунский, критикуя теорию субстрата (в предисловии к книге А. Мейе «Основные особенности германской группы языков», М., 1952 г.), все же констатирует: «Конечно, не исключается возможность, что само изменение характера ударения в германском связано с артикуляторными навыками неизвестного этнического субстрата. На данном уровне наших знаний по доистории Европы вопрос этот по необходимости остается дискуссионным» (с. 14). Карстен и Пёрренберг говорили о протофинском субстрате, Пенке — о кельтском, Бреаль — об этрусском, Фейст — об альпийской расе, Гюнтерт — о субстрате мегалитического населения Северной Европы. Но для современности не имеет особого значения. Какому именно народу германские языки обязаны этой тенденцией к аналитизму.

Symptoms of the change had shown themselves clearly enough before French influence had begun to work, and even to some extent before the Conquest.

In Layamon's Brut, which shows no signs of French influence and contains very few words of French origin, the "levelled" inflexions of the Middle period begin to be seen side by side with the full inflexions of old English.

The growing tendency of English was to strengthen the accent on the fist syllable, so that the last syllable, containing the inflexion, was slurred over or lightly sounded. Thus, forms like nam-a (name), sun-u (son), became, nam-e, sun-e. In the same way all unaccented vowels in the final syllable, excepting "i", were levelled or assimilated to "e", so that "an", "ath", "on", "od" become "en", "es", "eth", "ed" (pp. 313, 314)[18].

Любопытно, что Нэсфильд говорит лишь о том, что иностранные влияния ускорили разбираемый структурный переход, но не были его решающей причиной.

Любопытно, что советский историк английского языка, В. В. Пассек, один из немногих советских англистов, высказывает по этому вопросу соображения, очень близко соприкасающиеся с вышеприведенными. Мы полемизируем с В. В. Пассеком по вопросу о структурном переходе английского языка, но мы не можем не оценить по достоинству признание им скандинавского и нормандского завоеваний в качестве существенных факторов отпадения флексий в английском.

Ниже мы будем подробно рассматривать его очень интересные высказывания по поводу фиксации порядка слов в английском, высказанные им в его диссертации «История различия между подлежащим и прямым дополнением в английском языке» («К вопросу о взаимоотношении между морфологией и синтаксисом в историческом развитии языка», МГУ, 1951 г.) и обобщенные в автореферате, который мы в нашей работе широко использовали. Здесь мы посмотрим, какие основные причины указывает В. В. Пассек, в том что касается отпадения английских флексий. Тема его работы вынуждает его говорить

---

[18]Приблизительно такой же точки зрения на этот вопрос придерживается и Боу (цит. раб., с. 205): «It is a general observation that languages borrow words but do not borrow theis grammar from other language. The changes whish affected the grammatical structure of English after the Norman Conquest were not the result of such contact (F. H. Sykes, "French Elements in middle English", (Oxford, 1899), makes an attempt to support this view). But the decay of inflections and the confusion of forms that constitute the really significant development in Middle English grammar are the result of the Norman Conquest only in so fas as that event brought about conditions favousable for such charges. By making English the language mainly of uneducated people the Norman Conquest made it easier for grammatical changes to go forward unchecked». Действительно, если также учесть, что за период с 1250 по 1400 г. в английский язык было заимствовано немногим более 10 000 слов, и из них сохранилось 75 % (Боу, цит. раб., с 220), а из числа исконных англо-саксонских было утрачено 85 % (см там же стр.128), то станет ясно, что одного этого факта уже было достаточно, чтобы весьма существенно усилить существовавшие ранее тенденции к анализу. Странно, как наши ленинградские англисты не могут понять действие всех этих факторов и без конца обвиняют нас в есперсенианстве...

о причинах утраты форм, различающих именительный и винительный падеж существительных, но ясно, что многие из названных им причин определяют отпадение флексий в английскомне только в этих, но и вдругих случаях, то-есть отпадение флексий вообще. На с. 11 автореферата В. В. Пассек пишет: «Несомнено, взаимодействие английского языка с датским и французским (первым особенно) сыграло некоторую роль в утрате исследуемых форм. Общеизвестно, что в области “Датского закона” отпадение окончаний было ускорено на 100–150 лет». Но, как справедливо отмечает В. В. Пассек, одно только скрещивание английского языка с другими языками бессильно объяснить совершившийся процесс утраты окончаний. «Почему окончания начали отпадать в период, предшествующий взаимодействию английского языка с французским и даже датским?... Почему отпали те окончания, которые проходили через всю систему английского языка, с одной стороны, и датского языка, с другой стороны (окончание um дат. mu и a- род. mu), и, наоборот, сохранились те окончания, которые не проходили через всю систему ни английского, ни датского языков (окончания as — именительный и винительный mu и es — род. ед.)? Ведь первые содействовали взаимному пониманию больше, чем последние» — эти замечания В. В. Пассека совершенно справедливы. И как далее (автореферат, с. 12) отмечает В. В. Пассек, «утрата окончаний происходит в результате совпадения, отпадения и выпадения звуков окончаний», причем «совпадение, отпадение и выпадение звуков *не обуславливается* семантикою соответствующего окончания: ср. отпадение u в hand — именительный и винительный падеж единственное число, в lor — именительный падеж единственное число, и в land — именительный и винительный падеж множественное число». Как же В. В. Пассек объясняет эти причины? Чем они обусловлены? «Совпадение, отпадение и выпадение звуков *обуславливаются фонетически*: как-то: фонетической природой звука, характером предшествующего слога, характером слога, в котором стоит звук и т. д. Так, например, в 7 в происходит отпадение гласных звуков верхнего подъема языка u и i после фонетически тяжелого слога; в 8 в совпадают звуки переднего, а в 9 и 10 в звуки заднего ряда; согласные звуки также исчезают или остаются, в зависимости от фонетического характера и положения в слове; звуки z (старый звук) и n отпадают в конце слова, но сохраняются будучи защищенными другими звуками, звук же s (старый звук s) вообще никогда не исчезает. Вывод: *основной* причиной утраты окончаний именительного и винительного падежа следует считать фонетические изменения в окончаниях, которые обычно называются фонетической редукцией» (см. автореферат с. 12).

Все эти частные наблюдения В. В. Пассека безусловно ценны, но они не объясняют первопричины явления редукции, что, впрочем, автор не считает своей задачей, как видно из примечания, помещенного тут же: «Объяснение фонетической редукции не входит в задачи данной работы. Автор ограничивается сноской (общим объемом в 14 страниц), где высказывает несколько попутных замечаний относительно фонетической редукции». В. В. Пассек высказывает только ряд предположений относительно условий ускоривших редукцию (см. с. 12–13 автореферата): «Возможно, фонетическая редукция

сопровождалась менее ярко выраженной тенденцией развития грамматического строя в целом. Какова была эта тенденция развития — сказать трудно без специального изучения истории всех форм. Однако, бесспорным представляется то, что и грамматический строй языка имеет свои собственные внутренние законы развития[19].

«Несомненно, фонетическая редукция была также ускорена взаимодействием английского языка с французским и особенно с датским. В некоторой мере сыграло роль отсутствие письменности вплоть до 7–8 века; а в более поздний период отсутствие орфографии и почти повальная неграмотность населения Англии[20].

В качестве дополнительной причины В. В. Пассек указывает на вытеснение по аналогии материально различных корней. Но все это — не есть указание того основного, и, мы добавим, характерного для всех германских языков, что обусловило редукцию окончаний. В. В. Пассек почем-то не хочет прибегнуть к сравнительному методу, хотя именно это и дает разгадку. Ибо, конечно, первопричина редукции — общая для всех германских языков. Об этом прямо указывает М. М. Гухман в цитировавшейся выше статье «Родство языков и внутренние законы их развития» («Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5, с. 61): «В древненемецком и древнеанглийском слияние старых основообразующих суффиксов и падежных формативов и превращение основы в падежное окончание с потерей старого форматива стимулируется редукцией безударных слогов... Указанная господствующая тенденция, подчиняя в себе все частные изменения в отдельных языках, определила характер, форму, направление развития системы склонения в германских языках, почему мы и относим её к общим внутренним законам данной группы родственных языков»[21].

---

[19]Тут видно нежелание В. В. Пассека назвать внутренние законы английского языка, что можно сделать лишь определив эту тенденцию, о которой он говорит, но которую не называет. Ясно, что имеется в виду тенденция перехода английского языка от флективного строя к аналитическому. Но признать это В. В. Пассек не может, так как это противоречит его основной концепции, против которой мы полемизируем.

[20]Следует только добавить, что такая почти повальная неграмотность английского населения сопровождалась широким применением французского языка как письменного языка, обслуживавшего верхушку общества в течение начала периода ME (Ср. Б. А. Ильиш, «История английского языка», с. 93–94: «В течение XII-го и первой половины XIII-го века литература на английском языке была в глубоком упадке. Это было время расцвета литературы на французском языке»).

[21]М. М. Гухман указывает здесь на то, что редукция безударных слогов вызвала смешение основ и слияние их с падежными флексиями. Сама же редукция безударных слогов, как мы видели выше, была вызвана переносом германского силового ударения на корень (объяснение этого явления мы дали в примечании на с. 16, с ссылками на работы В. М. Жирмунского и В. Г. Адмони). Можно было бы и не ссылаться здесь на работу М. М. Гухмана, но ценно то, чтоон ставит вопрос редукцииокончаний в германских языках в сравнительно историческом плане, хотя и указывает (в данном месте своей работы) только на одну из начальных фаз этого процесса, на смешение основ.

В. В. Пассек говорит о конкретных проявлениях этой редукции окончаний, но первопричина ее — общая для всех германских языков, общий внутренний закон этой группы языков, как говорит М. М. Гухман. Ясно, что такие факторы как завоевания, как отсутствие письменности, развитие по аналогии и др. ускорили и усилили существовавшую уже ранее тенденцию. Поэтому в английском языке осуществился переход языка к аналитическому строю, а в других германских языках этого не случилось, в большинстве случаев. Часто спрашивают, почему же датский языка перешел к аналитическому строю, если там не было завоеваний. На этот вопрос должны ответить скандинависты. Очевидно, в случае с датским языком действовали какие-то другие ускоряющие факторы. Может быть, сыграла роль близость Дании к Германии, от которой Швеция и Норвегия были отделены Балтийским морем[22]. Может быть, что-нибудь другое сыграло свою роль. Но для английского языка, нам это кажется совершенно несомненным, завоевания сыграли большую роль в смысле ускорения движения английского языка к аналитическому строю.

---

[22]Как указывает М. И. Стеблин-Каменский («История скандинавских языков», М., 1953 г., с. 250), в датском языке эта перестройка падает в основном на XIII–XIV вв.», но только «С XVI в. в Дании начинается процесс распространения национального языка на все области общественной жизни и ограничения применения чужеземных языков в стране» (там же с. 60), причем «процесс этот растянулся больше чем на два века». Конкурентом датского языка была латынь (ее применяли в дипломатических сношениях с рядом стран, в художественной литературе; «авторитет науки придавал латинскому языку ореол языка, лучше или точнее выражающего мысль», так что «нередко в письменном языке латынь и датский язык беспорядочно чередовались» и только в XVIII в. «латынь как письменный язык уступила место датскому языку») (там же, с. 60). До XVI в. латынь в Дании была также широко распространена как язык религии. О силе латинского влияния в Дании свидетельствует, в частности, то, что в «Копенгагенском университете в продолжение всей первой половины XIX в. на диссертационных диспутах, выпускных экзаменах и торжественных актах господствовала латынь» (там же, с. 61). До XVI в. среди городского населения Ютландии уже был распространен немецкий язык, который, однако, наибольшие завоевания сделал именно в XVI в. то есть к моменту становления датского национального языка (с. 59); население городов было в значительной части двуязычным; на немецком языке издавались первые датские газеты, многие журналы и книги; по-немецки отдавались приказы в армии; названия улиц в Копенгагене писались по-немецки; многие датские короли не знали по-датски, также как и значительная часть из придворных. До конца XVI в. борьба шла в основном против нижненемецкого языка, затем против верхненемецкого, и только в XVIII в. немецкий был оттеснен датским (ср. с. 61). Кроме латыни и немецкого, датскому языку приходилось бороться с французским как салонным языком дворянства и с шведским, к которому были близки некоторые датские диалекты. Ясно, что все эти факторы способствовали становлению аналитического строя в датском языке. Они, конечно, не вызвали переход к аналитическому строю, но усилили аналитические тенденции. К сожалению, М. И. Стеблин-Каменский не прослеживает историю становления аналитического строя в датском языке по отдельным аспектам грамматики, в хронологическом порядке; тогда как такое исследование было бы очень важно с точки зрения выявления внутренних законов датского языка.

Процесс этот был, конечно, очень затяжным. В. В. Пассек правильно отмечает его длительность: «Необходимо также учитывать, что процесс фонетической редукции протекал крайне медленно: так, например, краткий звук u окончаний 5-го столетия отпадает только в XV в., т. е. примерно через 1000 лет» (автореферат, с. 13). Ясно, что если бы не ускоряющие факторы, этот процесс мог бы и не войти в решающую фазу до тех пор, пока переход к современной цивилизации не фиксировал бы существующий морфологический тип. И тогда английский грамматический строй был бы совсем иным. Но судьба английского языка сложилась иначе, и мы имеем его таким, какой он теперь есть...

Но мы еще не кончили рассматривать развитие всех типов склонения существительных начиная от OE. Рассмотрим судьбу еще некоторых таких типов.

Чтобы закончить рассмотрение сильного склонения, нам нужно рассмотреть судьбу склонения на краткие i и u.

Вот примеры склонения на краткие (германские и и. е.) i:

Падеж	Готский		Древнеанглийский		
	Мужской род	Женский род	Мужской род		Женский род
Единственное число					
Именительный	gasts	mahts	wine	dæl	dæd
Родительный	gastis	mahtais	wines	dæles	dæde
Дательный	gasta	mahtai	wine	dæle	dæde
Винительный	gast	maht	wine	dæl	dæd, dæde
Множественное число					
Именительный	gasteis	mahteis	winas	аналагично основам на a, или winia, winiʒla dæda	dæde, a
Родительный	gastē	mahtē	wina		
Дательный	gastim	mahtim	winum		dædum
Винительный	gastins	mahtins	winias	аналагично основам на a	dæde, a
	Долго-сложная		Кратко-сложная	Долго-сложная	Долго-сложная

Следует отметить, что в женском роде в OE кратко-сложный вариант отсутствует, но что, помимо приведенных парадигм склонения на i, в OE была еще парадигма склонения среднего рода. Все эти существительные (среднего рода) склоняются также, как существительные основ на германское краткое a в среднем роде. Первоначальный долгосложный вариант, то есть, с окончанием e в единственном числе именительный падеж и винительный падеж, тип ende ærende, употребляет себе склонение существительных среднего рода с основой на i, краткосложных: spere (e > i). У долго-сложных существительных среднего рода с основой на i, e в именительном и винительном падеже единственного числа отсутствует, так же как и у первоначально краткосложных основ склонения на германское ja: flæsc.

При сравнении с готским обнаруживаем, что в ОЕ основы еще более затемнены, чем в готском, где основообразующий i все же фигурирует во множественном числе в форме ei, а также в окончаниях женского рода единственного числа (mahtais, mahtai; anstais, anstai). Но мужской род в готском склоняется аналогично основам на германское a: gasts, gastis, так что здесь основообразующего гласного не видно.

В древнеанглийской парадигме этого склонения основообразующий гласный совершенно не проступает, и здесь очень сильна аналогия с основами на германское краткое a.

В долгосложном варианте мужского рода этой основы только несколько существительных, главным образом, названия племен, народностей и т. д., сохраняют в именительном и винительном падеже множественного числа прежние окончания основ на i: «англо-саксы» — «Engle», «саксы» — «seaxe». Некоторые из них принимают окончание na в родительном падеже множественного числа: seaxna.

Готское склонение на u сохранилось четче, но в ОЕ здесь мы видим поразительную путаницу флексий[23]:

Падеж	Готский			Древнеанглийский	
	Мужской род	Женский род	Средний род	Мужской род	Женский род
Единственное число					
Именительный	sunus	handus	faihu	sunu, o, a; feld	Кратко-сложный вариант («дверь» dur) и долго-сложный («рука» — hánd) имеют те же окончания. Что и соответствующие варианты мужского рода
Родительный	sunaus	handaus	faihaus	suna	
Дательный	sunau	handan	faihan	suna; felda	
Винительный	sunu	handu	faihu	sunu, o, a; feld	
Множественное число					
Именительный	sunjus	–	–	sunu, u, o	
Родительный	suniwē	hadiwē	–	suna	
Дательный	sunum	handum	–	sunum	
Винительный	sununs	handuns	–	suna, u, o	
(лат. sunus, lupus)				Кратко-сложный / Долго-сложный	

[23]Как указывает А. Мейе (цит. раб., с. 87) «окончания основ на u, которые с и. е. точки зрения были атематическими, разбивались на *u-s, *u-n, *ou-s, были восприняты как окончание, параллельные тематическому типу, и их стали разбивать так: *sun-uz, *sun-u(n), *sun-auz (уже в общегерманском). Вообще для германского, в связи

В дальнейшем, в ME склонения на германские (и. е.) основы i и u перстали ощущаться как особые типа, ввиду осереднения, а затем и отпадения, безударных окончаний.

Но какие падежи остались в современном английском языке? О притяжательном (родительном) и его значениях мы уже говорили. Но какое значение имеет так называемый общий падеж? Мы считаем, что он существует лишь противопоставляясь родительному, и поскольку падежные значения передаются при его употреблении не флективно, а порядком слов или предлогами, то о значении его вообще лучше не говорить, ибо фактически общий падеж — это условное обозначение отсутствия падежа. Само название — «общий падеж» — очень условно. Мы не против термина: пусть он остается. Но мы против попыток исследовать этот бесформенный падеж, выявляющийся лишь в противопоставлении со столь своеобразным как мы показали новым родительным.

Общий падеж без предлогов употребляется в том случае, когда соответствующее грамматическое значение передается порядком слов (подлежащее, предикативный член, прямое дополнение, препозитивное именное определение, косвенное дополнение). В остальных случаях грамматическое значение несут на себе предлоги, которые и передают падежное отношение. Мы против попыток представить нулевую флексию в английском языке, как что-то осязаемое, конкретное, играющее живую роль. Во флективных языках это безусловно так: например, в парадигме русского склонения: стол, стола, столом и т. д. но в английском языке, в условиях аналитического строя с его жалкими остатками прежней некогда разнообразной системы склонения, нулевая флексия — это просто условное обозначение отсутствия падежа[24].

Мы не случайно рассматриваем некоторые теоретические вопросы «in between», между рассмотрением судьбы отдельных типов склонения в английском. Такой прием несколько оживляет текст нашей работы.

Рассмотрим теперь судьбу слабого склонения английских существительных. Слабым склонением Я. Гримм назвал склонение с основами на n (и. е. ān, герм. ōn). Примеры этого склонения: лат. nomen

---

со смешением основ была характерна ликвидация атематического типа склонения, где корневая часть, представленная основой, и окончание четко различаются. Распространяется тематический тип, где основа и окончание часто настолько слиты, что неотличимы друг от друга. Как видно из сравнения готских и древнеанглийских парадигм, в OE это слияние еще более значительное, чем в готском. Оно и понятно, так как готский Вульфилы «представляет собой одну из самых архаических форм германского» (А. Мейе, цит. раб., с. 24), а процесс смешения основ — очень длительный — не ограничивался одним лишь общегерманским и языками, наиболее древними и, тем самым, близкими к нему.

[24]Сохранилась ли в современном английском система склонения? Если и сохранилась, то она — качественно отлична от падежной системы флективных языков. Отличие — в бедности ее флексиями.

Падеж	Готский			Древнеанглийский				
	Мужской род	Женский род	Средний род	Мужской род		Женский род	Средний род	
Единственное число								
Именительный	guma	tuggō	hairtō	nama	(name)	cwene	eage	Как в мужском роде
Родительный	gumins	tuggōns	hairtins	naman		cwenan, как в мужском роде	eagan	
Дательный	gumin	tuggōn	hairtin					
Винительный	guman	tuggōn	hairtō				eage	
Множественное число								
Именительный	gumans	tuggōns	hairtōna	naman	(namen)	Как в мужском роде		
Родительный	gumanē	tuggōnō	hairtanē	namena	(namene)			
Дательный	gumam	tuggōm	hairtam	namun	(namen)			
Винительный	gumans	tuggōns	hairtōna	naman				

В слабом склонении нет той путаницы, которая в сильном склонении вызывалась различиями флексий у долгосложных и краткосложных существительных. При сравнении с готским обнаруживается, какой гигантский шаг вперед сделал OE в сторону совершенствования грамматического строя по путям анализа, то-есть, посредством упрощения грамматической системы, в данном случае — системы склонения имен. В готском множественное число слабого склонения различалось по родам, в OE уже не различается.

В единственном числе мужского и женского родов в OE все косвенные падежи имели одно и то же окончание, an. А это окончание, как мы увидим, очень легко отпадало в ME, причем не только у существительных, но и в инфинитиве в местоимениях и у прилагательных... Окончание *e* в именительном и винительном падеже единственного числа среднего рода и в именительном падеже единственного числа женского рода тоже должно было отпасть по известной фонетической закономерности среднеанглийского периода.

В результате отпадения этих окончаний в среднеанглийском периоде, по аналогии с основами на германское краткое a, в это склонение проникают северные флексии s (родительный падеж и множественного числа всех падежей). В результате в ME мы иеем это склонение в таком виде:

	Единственное число	Множественное число
Общ.	name	names
Прит.	names	names

Следует отметить, что уже в позднем OE единственное число мужского рода этого склонения осередняется (name во всех падежах), а во множественном числе родительного падежа изменяет свою флексию от namena до namene, а дательный (namun) совпадает с именительными и винительным в форме name.

Это показывает, что уже в древнеанглийском языке проходят процессы, указывающие на наличие движения грамматического строя английского языка уже в ту пору в сторону анализа.

Любопытно, что южные диалекты дольше всего сохраняли отпадавшую флексию en в этом склонении. Еще у Чосера, то есть в XIV в., можно встретить многочисленные формы типа: eien, fon и др. Но новый аналитический строй требовал сведения к минимуму сохраняющихся в дальнейшем флексий — и до современности окончание en во множественном числе дошло лишь в изолированных случаях: oxen и др. В ME сохранялось еще toen, но в NE и это существительное подравнялось под общий тип.

Выделение таких отдельных морфологических показателей, сохраняющихся в дальнейшем — как окончание s в притяжательном падеже единственного числа и во множественном числе всех падежей — следует считать одним из важных внутренних законов английского языка, непосредственно вытекающих из основного внутреннего закона английского языка — закона перехода этого языка от флективного строя к аналитическому, с дальнейшим развитием по путям анализа. Любопытно, что некоторые из таких показателей (s множественного числа) — не обнаруживают чего-либо принципиально нового по сравнению с аналогичными показателями в языках флективного строя; тогда как другие (флексия s в притяжательном падеже) часто употребляется в небывалых для флективных языков значениях (групповой генитив; словообразовательная функция s). Это явление — непосредственный результат связи старого и нового, особенно сильно проявляющейся в столь консервативной области как грамматический строй языка...

Из прочих основ древнеанглийского склонения особое значение для современности имеет подверженная умлауту в дательном падеже единственного числа и в именительном и винительном падеже множественного числа корневая основа на согласный.

Примечание: Это склонение исторически восходит к и. е. склонению на ō (*греч*. pōdos) (см. А. Мейе, цит. раб., с. 24).

Вот парадигма корневого склонения в готском, где, как известно, умлаута не было:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Именительный	baŭrgs	baŭrgs
Родительный	baŭrgs	baŭrgē
Дательный	baŭrg	baŭrgim
Винительный	baŭrg	baŭrgs

В OE в мужском роде представлен один вариант этого корневого склонения:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Именительный	mån, månn	men, menn
Родительный	månnes	månna
Дательный	men, menn	månnum
Винительный	mån, månn	men, menn

В женском роде в OE имелось краткосложный и долгосложный варианты:

Падеж	Краткосложный вариант		Долгосложный вариант	
	Единственное число	Множественное число	Единственное число	Множественное число
Именительный	hnutu	hnyte	bōc	bēc
Родительный	hnute (y)	hnuta	bēc, bōce	bōca
Дательный	hnyte	hunutum	bēc	bōcum
Винительный	hnutu	hnyte	bōc	bēc

В долгосложном варианте родительный падеж иногда совпадает с дательным (в единственном числе женского рода): bēc, gēs; в краткосложном варианте в единственном числе именительного падежа представлено окончание u: hnutu. От древнеанглийского многие современные английские слова сохранили перегласовку при образовании множественного числа, причем современное языковое сознание воспринимает это как аномалию, и причина этой перегласовки, умлаут, не воспринимается активно.

Примеры: OE tōβ — tę̂β; gōs — gę̂s.

NE tooth — teeth; goose — geese.

В результате дальнейшего развития, в ME, произошло отпадение окончаний в дательном падеже единственного и множественного числа, а окончание родительного падежа множественного числа совпало с окончанием родительного падежа единственного числа. В результате в ME мы имеем следующую упрощенную парадигму:

	Единственное число	Множественное число
Общ.	man	men
Прит.	mannes	mennes

Тем самым было уже почти достигнуто современное положение вещей, когда слово man имеет фактически только три формы словоизменения: man, men, men's (или men's, если множественное число).

В ME слово bōc совершенно утратило умлаут, образуя множественное число bōken или bōkes. Умлаут утратило также слово burh. Но умлаутированная форма датива от этого слова сохранилась в топонимике: byriy, buri, beri, biri. В ENE неохваченными тенденцией устранения умлаута из склонения остались только следующие слова: men, women, feet, geese, teeth, mice, lice, dormice.

Из второстепенных корневых основ следует отметить также основу на и. е. nt, герм nd. Вот парадигма этого склонения в готском:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Именительный	frijōnds	frijōnds
Родительный	frijōndis	frijōndē
Дательный	frijōnd	frijōndam
Винительный	frijōnd	frijōnds

В OE основы на -ǿnd склонялись иногда аналогично склонению корневых основ, иногда аналогично склонению основ на краткое германское *a* [frēond].

Древнеанглийские основы на -end в единственном числе склонялись как германские основы на краткое *a*, а во множественном числе имели особое склонение:

Именительный	scyppend, -e, -as
Родительный	scyppendra
Дательный	scyppendum
Винительный	scyppend, -e, -as

Далее, отметим патронимическую основу на r (мужской и женский род). Это одна из немногих основ в новых индо-европейских языках, которая сохранила еще семантическую окраску, объединяя понятия родства и кровной близости:

Падеж	Готский	*Единственное число*		OE
Именительный	brōβar	brōðor	fæder	sweostor
Родительный	brōβrs	brōðor	fæder, es	sweostor
Дательный	brōβr	brōðer	fæder	sweostor
Винительный	brōβar	brōðor	fæder	sweostor
		Множественное число		
Именительный	brōβrjus	brōðor, ðru	fæderas	sweostor
Родительный	brōβrē	brōðra	fædera	sweostora
Дательный	brōβrum	brōðrum	fæderum	sweostorum
Винительный	brōβruns	brōðor, ðru	fæderas	sweostor

Mōdor и dohtor в OE склонялись подобно brōðor, но в именительном и винительном падежах множественного числа у них могло быть также окончание -*a*: mōdra, dohtra. Сходство готской и древнеанглийских парадигм этого склонения довольно значительное. Любопытно, что хотя «йот» в готском был во флексии именительныого падежа множественного числа, в OE умлауту оказался подверженным дательный падеж единственного числа, а не именительный падеж множественного числа. Однако, в ENE умлаут проник во множественное число, где и сохранился в церковных текстах и торжественном стиле: yb, brethren... Для ME было характерно также множественное число: doghtren, sustren.

В дальнейшем патронимическое склонение и склонение на end, -ǿnd подравнялись под общий тип склонения, базисом которого, как мы видели, было склонение на краткое германское a. Упрощение патронимической основы прошло тем легче, что уже в OE ее парадигма имела кризисный характер.

И, наконец, последняя согласная основа, на и. е. s. По закону Вернера, в силу ротацизма, s, через несохранившуюся стадию z, перешло в r. Примеры склонения на эту основу в различных и. е. языках:

и. е. lombhos, герм. lambar, OE lamb

русское: небо, небеса; чудо, чудеса.

Вот парадигма этого склонения в OE:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Именительный	lamb, cild	lambru, cildru
Родительный	lambes, cildes	lambra, cildra
Дательный	lambe, cilde	lambrum, cildrum
Винительный	lamb, cild	lambru, cildru

Множественное число слова «child», «children», до сих пор тянется сюда, к этому древнему типу.

В заключение следует указать, что в ME появилась целая группа существительных, вовсе лишенных флексий во множественном числе. В эту группу входят следующие слова: thing, yēr, hors, shēp, swin, dēr, winter, mōneth, night[25]. Затем сюда частично проникает флексия s, и к ENE без окончания сохраняются в основном только названия животных, рыб и пр: sheep, deer, swine, fish, frout, gruit, salmon, cod. Отсутствие окончания *s* во множественном числе можно объяснить тем, что эти слова могут быть восприняты как неподвергающиеся счету названия некоего продовольственного вещества; с другой стороны, возможно южное крестьянское влияние: южные диалекты, как известно, долго сохраняли слабое склонение; отпавшая флексия множественного числа слабого склонения в них могла остаться незамененной северной флексий s.

Приведенные нами выше многочисленные парадигмы склонения существительных в OE, которые мы в большинстве случаев давали параллельно с соответствующими готскими парадигмами, наглядно показывают на флективный характер древнеанглийского языка. Готские парадигмы, как правило, более стройные, более упорядоченные. Для OE характерен кризис флективной системы: смешение основ, совпадение, осереднение, отсутствие флексий. На судьбе этих парадигм ясно видны те процессы опрощения грамматической системы, которые привели к преодолению кризиса флективной системы путем отказа от нее[26]. В современном английском языке остались лишь изолированные

[25]См. Б. А. Ильиш, «История английского языка», с. 127

[26]Косвенное признание кризиса флективной системы в OE в том, что касается флексий именительного и винительного падежа существительных, содержится и в цитированном выше автореферате диссертации В. В. Пассека. Вот что он пишет по этому поводу (цит. раб., с. 6): «Анализ древнеанглийского текстового материала показал, что формы именительного и винительного падежей выражали различие между подлежащим и прямым дополнением нечетко, поскольку упомянутые формы в большинстве случаев были омонимичны; омонимия в системе склонения существительных составляла около 85%». Особенно любопытно то, что, по признанию В. В. Пассека, «реконструкция форм именительного и винительного падежей сравнительно-историческим методом выявляет, что в дописьменный период английского языка процент омонимии исследуемых форм был значительно ниже: в системе склонения существительных — всего 45%». Последнее замечание В. В. Пассека показывает, что в дописьменный период флективная система английского существительного была значительно ближе к готскому состоянию не расшатанности и стройности, по крайней мере в том, что касается степени наличия омонимии форм. Это лишний раз оправдывает привлечение нами для сравнения

флексии: множественного числа и родительного падежа. Они образуют систему, на фоне отсутствия флексий в остальных случаях, но эта система — качественно отличная от флективной системы древнеанглийского. Основное отличие следующее: основная роль сохранившихся флексий заключается не в том, чтобы выражать те или иные падежные отношения, а, в том, что касается падежной флексии множественного числа, чтобы выражать множественное число. Число — неизмеримо более существенная категория, чем флективный падеж, ибо, как показывает история языков, падежные отношения могут быть выражены с помощью предложных сочетаний, тогда как для выражения числа — даже в таких аналитических языках, как английский и французский — все равно необходима флексия. Что касается флексии родительного падежа, то, как мы видели, в современном английском языке, она, с одной стороны сузила свое применение, а с другой стороны расширила.

В настоящем параграфе мы вынуждены были повторить многие фактические данные, известные из истории языка, но это было неизбежно, чтобы еще раз на фактическом материале показать те пути, по которым проходил распад древнеанглийского флективного строя.

Мы показали, каким образом многочисленные падежные окончания множественного числа в ходе истории уступили место одному обобщенному типу на s. На основании приведенных выше парадигм склонения полезно сделать небольшую сводку окончания множественного числа в OE, чтобы нагляднее были видны пути опрощения флективной системы:

Основа	Окончание	Примеры склонения
И. е. -o, герм. -a	as, u, —	dagas, scipu, receđ
ā, « -ō	a, e	fora, fore
u, « u	a, u, o, as	suna, sunu, suno, feldas, felda
i, « i	e, a, —, as	hȳde, hȳda, hilt, hyllas
Слабое и. е. on, германское an; умлаутированное: и. е.	an pad's умлаут корен. гл.	naman, ewenan, ēōgan fēt, gēs, bȳrig
Патронимическое и. е. nt, германское nd с ротапизмом	ras, or, ðru, ra ndas, nde, nd	broðor, broðru, mōdra freondas, scyppende, scyppend
	ru	lambru, cildru

готского материала. В. В. Пассек не говорит о кризисе древнеанглийской флективной системы. Этим понятием мы обязаны Б. А. Серебренникову (см. его рецензию на нашу статью о внутренних законах английского языка), но фактические данные, которые приводит В. В. Пассек, явно иллюстрируют этот кризис и его дальнейшее развитие, усиление и преодоление путем устранения флективного строя. В. В. Пассек указывает, что «в дальнейшем развитии английского языка омонимия форм именительного и винительного падежей все время возрастает», и в результате в начале XIII в. имеет место перерастание омонимии именительного и винительного падежа в полное неразличение упомянутых падежных форм». Явное проявление перехода флективного строя к аналитическому в области существительного, только В. В. Пассек почему-то не хочет сделать этого вывода, который сам собою напрашивается!

Мы уже говорили о том, что в дальнейшем, в ходе осереднения и отпадения безударных окончаний, сохранилось только окончание s как показатель множественного числа, если не считать отдельных аномальных типов. Любопытно, в связи с этим отметить, что в северном диалекте ОЕ это окончание уже было представлено, правда не во множественном числе, а в родительном падеже единственного числа сильного склонения женского рода на долгое германское o, вместо флексии e: βære saules. А в слабом склонении существительных и часто отпадало, заменяясь флексиями: u, o, a, e: βā ēgo, βā heorta. Причем переход к флексии s во множественном числе в ME начался с северного диалекта, а в остальных диалектах это происходило лишь начиная с XIV в. В связи с тем, что скандинавы оказали значительное влияние на северный диалект, есть все основания полагать, что это их вклад в северный диалект, а через него — и в общенародный язык, ибо в древнеанглийский период, как мы говорили флексии s во множественном числе в северном диалекте в этом склонении не было.

Если с распадом древнеанглийской флективной системы число сохранилось и упрочило свое положение, приобретя унифицированное окончание s[27], то совсем другое приходится сказать о грамматическом роде. Как можно догадаться из сказанного нами о падеже, с отмиранием флексий грамматический род в английском языке устраняется. Предпосылки с этому были заложены еще в ОЕ, поскольку, как видно из нижеследующей сводки, один и тот же тип склонения в ОЕ сплошь и рядом включал в себя два, а иногда и все три рода:

Основы	Род	Примеры склонения
И. е. -o, герм. -a	Мужской и средний	dag, scip, reced
-ā, « герм -ō	Женский	swaβu, o; fōr, tigol
-u, « -u	Мужской и женский	sunu, o; feld; hand

[27]Следует отметить, что с развитием английского языка развивается употребление числа в зависимости от данного смысла, в связи с ростом употребления абстрактных, вещественных и других несчитаемых существительных, но это никоим образом не подрывает противопоставление единственного и множественного числа для считаемых. В этой связи любопытно отметить, что в одной из последних диссертаций (Т. Н. Сергеева, «Употребление артиклей с именами существительными в английском языке», М., 1954 г., Институт языкознания; см. «Труды Института языкознания», вып. 3, 1954 г.) отвергается деление на countables и uncountables, причем автор исходит из возможности употребления нулевого артикля во всех случаях: more car in less space; he had knee enough to siton horse; do come, by hock or by crock. Диссертант не учла при этом употребления countables во множественном числе, как очень типичного для них свойства, что гораздо важнее, чем рассуждения о нулевом артикле, понятии, само по себе достаточно спором: почему не говорить просто об отсутствии артикля, к чему зря усложнять грамматику? Если выкинуть из английской грамматики понятия countables и uncountables, то легко себе представить, какая путаница будет у учащихся в связи с практическим употреблением множественного числа в английском языке. Впрочем, таким «теоретикам» как Т. Н. Сергеева, нет дела до того, как их «теории» отражаются на практике преподавания языка. Сравнение защитников деления английских существительны на countables и uncountables марристами явно — натянутое.

Основы	Род	Примеры склонения
-i, « -i	Мужской, женский, средний	sige, hyll; hyd; hilt
Слабое и. е. on, герм. an	Мужской, женский, средний	nama, curne, eage
Умлаутированное, и. е. pad's	Мужской и женский	mann, fōt; gōs, burg
Патронимическое и. е.	Мужской и женский	fæder, brōþor; modar, sweotor
nt, герм. nd	Мужской	freond, scyppend
С ротацизмом	средний	lamb, cild

В дальнейшем эта тенденция получила надлежащее развитие, и в ME мы имеем присоединение женского склонения на германское долгое о к слабому склонению, и постепенное распространение двух сохранившихся флексий сильного склонения на все существительные, вне зависимости от рода. Тем самым род в английском языке потерял синтаксическое и морфологическое значение. Это произошло в связи с переходом к аналитическому строю, где флексии, когда-то отчасти определявшиеся родом, уже более родом не определяются.

Остается только естественный (лексический) род[28], то есть распределение по полу, относящееся к одушевленным предметам. Это распределение указывается синтаксически, путем подстановки личного местоимения. В этом отношении в английском испытывается известное неудобство: если читаешь какую-нибудь книгу и в ней говорится, что вошел, скажем, «a teacher», а потом автор оставляет эту тему и описывает что-либо совсем другое, то читатель невольно недоумевает некоторое время, кто же вошел, он или она, если автор не поставил своевременно

[28]М. М. Гухман («Родство языков и внутренние законы их развития», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5, с. 69) прямо говорит об утрате грамматического рода в английском языке: «Могла расшатываться и старая система родовой дифференциации; в английском грамматический род исчезает совсем, в датском, шведском наблюдается переход к новой двучленной родовой дифференциации — средний и несредний род». Некоторые ленинградские англисты, например, Л. П. Винокурова, с этим несогласны, хотя и не в состоянии выдвинуть сколько-нибудь убедительных аргументов для подтверждения своей точки зрения. Об утрате грамматического рода в английском пишет также Боу (цит. раб., с. 204): “The gender of Old English nouns was not often determined by meaning. Sometimes it was in dreet contradiction with the meaning this woman (OE wif-mann) was masculine i wife and child, like german weib und king, were neuter. Moreover the gender of nouns in Old English was not so generally indicated by the declension as it in a language like Latin. Instead it was revealed chiefly by the concord of the strong adjective and the demonstrations. There by their distinctive endings generally showed, at least in the singular, whether a noum was masculine, feminine or neuter. When the inflections of these gender-distinguishing words were reduced to a single ending for the adjective, and the fixed forms of the, this, that, these and those for the demonstratives. The support for grammatical gender was removed. The weakening of inflections and the confusion and loss of the old gender proceeded in a remarkable way».

личное местоимение, которое сразу же разрешит все... Такое разъясняющее личное местоимение нередко входит в лексему слова, играя словообразовательную роль, например, в известных случаях: she goat, he goat; he cat, she cat.

Кроме лексического значения род в современном английском языке может передавать также стилистические оттенки, что достигается искусственным одушевлением или омерщвлением данного одушевленного (неодушевленного) понятия:

мужской род sun

женский род ship, moon, earth

it — о человеке, которого третируют

it — о маленьком ребенке, а также о домашних и прочих животных, если не хотят подчеркнуть особого внимания и расположения к ним.

Ясно, что такое употребление рода в английском языке является чем-то качественно отличным от родового употребления во флективных языках. Тут следует сделать оговорку о том, что это характерно далеко не всем аналитическим языкам. Например, как известно, во французском языке грамматический род сохранился, причем родовые значения там передаются не только и не столько изменением окончания, сколько изменением артикля.

Но это нисколько не опровергает того несомненного факта, что отсутствие грамматического рода в современном английском языке есть неотъемлемая черта английского аналитического строя, ибо такое положение возникло как результат распада древнеанглийской флективной системы.

Имя прилагательное

Как отразился на имени прилагательном переход английского языка к аналитическому строю? Следует отметить, что прилагательное претерпело особенно сильные изменения в связи с этим процессом. Если от склонения существительных сохранились все же флексия множественного числа и родительного падежа единственного числа, то от склонения прилагательных, как мы увидим ниже, не осталось даже изолированных остатков.

Германские и славянские языки были замечательны тем, что прилагательные в них могли выступать как в слабой, так и в сильной форме. Это было свойственно уже общегерманскому, тогда как в индо-европейском местоименное склонение типа указательных местоимений употреблялось только для таких прилагательных, как «один», «тот самый», «другой» и для некоторых других с аналогичным значением. В общегерманском склонении типа указательных местоимений распространяется на все прилагательные, но происходит это не сразу, так что процесс этот продолжался в ходе развития отдельных германских языков[29].

---

[29]Как указывает Мейе (цит. раб., с. 127–128), «Принцип распространения склонения и типа “указательных” на все прилагательные датируется общегерманским периодом. Но, по крайней мере в некоторых случаях, это распространение осуществилось только в процессе развития каждого германского диалекта в отдельности»

Сильное склонение употреблялось без артикля (или указательного местоимения в функции артикля), поскольку оно не обладало признаком определенности. В готском и других германских языках оно имело тяжеловесные флексии, и такие формы с указательными местоимениями как «βamma blindamma», «этому слепому», должны были резать слух.

Поэтому в тех случаях, когда желательно было передать значение определенности, применяли именное (слабое) склонение прилагательных: его употребляли всякий раз в сопровождении артикля (указательного местоимения в функции артикля). Это склонение соответствует склонению существительных с основой на -n и обладает признаком определенности.

Прилагательные, которые были старыми основами на -n, имеют только слабое склонение, ибо местоименное (сильное) склонение могло распространиться только на прилагательные с основами на германское *a* (мужского и среднего рода) и о долгое (женского рода), или на приведенные к ним.

Приведем парадигмы сильного и слабого склонения прилагательных в готском и ОЕ:

Сильное склонение

Падеж	Готский		Единственное число	ОЕ		
Именительный	blinds	blind, blindata	blinda		gōd	
Родительный	blindis		blindaizos	gōdes		gōdre
Дательный	blindamma		blindai	gōdum		gōdre
Винительный	blindana	blind, blindata	blinda	gōdne	gōd	gōde
				gōde		– тверд.
	Множественное число					
Именительный	blindai	blinda	blindōs	gōde	gōde	gōda, e
Родительный	blindaizos		blindaizō		gōdra	
Дательный	blindaim				gōdrum	
Винительный	blindans	blinda	blindōs	gōde	gōd	gōda, e
	Мужской род	Средний род	Женский род	Мужской род	Средний род	Женский род

Слабое склонение

Падеж	Готский	Единственное число	ОЕ		
Именительный	blinde	gōda	gōde	gōde	
Родительный	blinden		gōdan		

Падеж	Готский	Слабое склонение		ОЕ		
		Единственное число				
Дательный	blinden	blinden		gōdan		
Винительный	blinden	blinde	blinden			
	Множественное число					
Именительный	blinden			gōdan		
Родительный	gōdra (gōdena)					
Дательный	gōdrum					
Винительный	gōdan					
	Мужской род	Средний род	Женский род	Мужской род	Средний род	Женский род

При сравнении форм готского и ОЕ становится очевидным упрощение флексий с переходом к ОЕ. Только множественное число слабого склонения, в готском имевшее в косвенных падежах ту же флексию, что и в именительном (en), в ОЕ усложнилось, но, как мы знаем, ненадолго, ибо флексии -um (дательный падеж) и -an (винительный падеж) были обречены на отмирание уже по самой своей огласовке. Тяжеловесные готские флексии сильного склонения, порицавшиеся Мейе (это мы приводили его мысль на предыдущей странице) уступили место коротким англо-саксонским флексиям.

Единственное число слабого склонения, достаточно простое в готском, в ОЕ стало еще проще, потому что аккузатив среднего рода, который в готском совпадал с номинативном, здесь, в ОЕ с остальными родами, совпадал с формами остальных косвенных падежей, так что фактически все слабое склонение единственного числа в ОНЕ имело только три флексии:

именительный падеж, мужской род — флексия -a: gōda
именительный падеж, женский и средний род — флексия -e: gōdy
все косвенные падежи, флексия -an: gōdan.

Явная подготовка к тому, чтобы вымести все эти флексии как ненужные в связи с переходом от флективного строя в аналитическому!

Слабое склонение прилагательных в общем совпадало со слабым склонением существительных, только родительный падеж множественного числа у прилагательных большей частью имел местоименное окончание -ra, вместо именного -ena, что, впрочем, не помешало ему отпасть в ME, в связи с общим распадом флективной системы прилагательного.

В сильном склонении в единственном числе мужского и среднего рода появилась особая форма инструменталиса, но огласовка ее была самая невесомая, -e, так что нельзя считать, чтобы ее появление сколько-нибудь существенно усложнило систему. Именительной и винительный падеж среднего рода единственного числа в готском имели двойственность форм: blind, blindata, причем эта двойственность была использована ОЕ в том отношении,

что ОЕ отразил готскую нефлективную форму (средний род единственное число именительного и винительного падежа: gōd), а готскую флективную форму (blindata) не отразил.

Во множественном числе в женском роде для ОЕ была характерна многовариантность флексий; могли быть в именительном и винительном падеже флексии -е и -а. В дальнейшем обобщение нашла флексия -е, как наиболее легковесная и к тому же представленная также в мужском роде. Во множественном числе сильного склонения ОЕ флексии отсутствовали только в именительном и винительном падежах среднего рода. Они отсутствовали также в единственном числе в этих падежах среднего рода, и в именительном падеже мужского и женского рода (как мы уже говорили, указывая на отражение в ОЕ готской нефлективной формы).

Следует отметить, что для древнеанглийских прилагательных в сильном склонении была характерна множественность основ. Для сравнения с готским мы привели только наиболее распространенные склонения на краткое германское а и долгое германское о. Кроме этих основ, для ОЕ были характерны варианты этих основ на ja, jō, с умлаутом коренного гласного (swēte) и на wa, wō (nearu, родительный падеж nearwes); с основами на а, ō полностью совпали старые основы на i: «хрупкий», bryce; «обманчивый», swice. Основы на u отличаются от остальных лишь именительным падежом (wlacu —теплый; cwucu — живой).

Следует также заметить, что отсутствие флексий в именительном и винительном падеже множественного числа среднего рода и в именительном падеже единственного числа женского рода в приведенном нами типе склонения на краткое германское *а* объясняется тем, что мы взяли для примера прилагательное с долгим коренным слогом (долгий гласный, один согласный). Односложные прилагательные с кратким коренным слогом в этих падежах принимают окончание u, o (gladu, glado; blacu, blaco). Но для дальнейшего развития языка эта аномалия значения не имела, поскольку язык ее преодолел в ходе своего развития.

Отметим также, что двусложные прилагательные при склонении теряли гласные своего второго слога, перед гласной флексией: sweotol, винительный падеж единственного числа женского рода: sweotle.

Из приведенных парадигм склонения особо следует отметить тот факт, что уже в ОЕ наблюдалось отсутствие флексий у долгосложных прилагательных сильного склонения в единственном числе именительного и винительного падежа среднего рода и в именительном падеже множественного и женского рода, а также во множественном числе именительного и винительного падежа среднего рода... Если уже ОЕ разрешал такую путаницу, то ясно, что в МЕ ее можно было распространить на все сильное склонение, совершенно упразднив разницу числа у прилагательных в этом склонении. Но МЕ ее еще сохранил: здесь множественное число во всех падежах сильного склонения имело окончание е, а единственное число сильного склонения флексии не имело. Этим оно отличалось от слабого склонения, где как в единственном так

и во множественном числе одинаково фигурировала флексия e. Нейтральный характер этой флексии позволил в дальнейшем до конца преодолеть флективность английского прилагательного; и в ENE прилагательные флексий уже совершенно лишены. Поскольку уже в OE прилагательные имели только синтаксический род[30] (т. е., их родовые окончания определялись в зависимости от родовых окончаний определяемых ими существительных), этому способствовала утрата грамматического рода существительными.

Следует отметить, что в северном диалекте окончание -e у прилагательных совершенно отпало уже в ME, так что эти диалекты первыми имели неизменное во всех родах, числах и падежах прилагательное.

С отпаданием конечного -e в ENE и в национальном языке (в ME, как мы гвооили, слабое склонение имело -e, как в единственном, так и во множественном числе), был утрачен индикатор числа прилагательных (поскольку сильное склонение имело -e во множественном числе, в отличие от нефлективного единственного числа[31]... Аналитический строй одержал еще одну победу! Отпавшее окончание -e утратило свою морфологическую и синтаксическую ценность, с точки зрения аналитического строя; так что это только на первый взгляд чисто фонетическое изменение.

В области прилагательных переход английского языка к аналитическому строю отразился также еще в одном моменте. Мы имеем в виду степени сравнения и их историческое развитие.

Степени сравнения свойственны прилагательным и наречиям и. е. языков. Готская сравнительная степень на -ira не знала сильного склонения. В OE формы сравнительной степени тоже склоняются по слабому склонению. Сильное склонение только изредка применяется с формами превосходной степени.

Для OE было характерно суффиксальное образование сравнительной и превосходной степеней: сравнительная степень — суффиксом ra,

превосходная степень — суффиксом ost (иногда ast, ust)

или est; например, carm бедный, carmra, carmost

blæc черный, blæcra, blacost.

Помимо этого, ряд прилагательных в OE, попутно с присоединением этих формообразующих суффиксов, умлаутировал свой коренной гласный:

старый eald; *ealdira, ieldra; *ealdist, ieldest

сильный strong; *strongira, strengra; *strongist, strengest

длинный long; *longira, lengra; *longist, lengest

молодой geong; *geongira, gingra; *geongist, gingest.

В ME степени сравнения прилагательных изменили свои формообразующие суффиксы: OE -ra; -ost

---

[30]Также как число и падеж

[31]Между прочим, утрата английскими прилагательными флексий имеет то неудобство, что по-английски невозможно передать значение множественного числа в сочетании, состоящем из двух компонентов, выражаемых прилагательными, из которых одно во флективных языках стояло бы в единственном числе, а другое — во множественном; например, лондонское и парижское соглашения, London and Paris Agreements.

ME -er(e), -est.

(Эти изменения — результат ослабления неударных окончаний)

Вот примеры изменения прилагательных по степеням сравнения в ME:

большой grēt, gretter, grettest

радостный glad, gladder, gladdest

прекрасный fayr, fayrer, fayrest.

В ME сохраняется несколько умлаутированных форм степеней сравнения:

старый ōld, elder, eldest

сильный long, lenger, lengest

длинный strong, strenger, strengest.

В ENE суффиксы степеней сравнения остаются фактически теми же, что и в ME, только в сравнительной степени отпадает конечное -e, имевшее тенденции отпадать уже в ME. Умлаутированные формы степеней сравнения в ENE исчезают. Например у прилагательного long его степени сравнения longer, longest выравниваются по положительной степени. Остатком умлаутированных степеней сравнения являются elder, eldest, употребляемые чаще всего аттрибутивно, перед brother, sister. Формы без умлаута (older, oldest) употребляются в подавляющем большинстве остальных случаев.

Преодоление умлаута в степенях сравнения — одно из проявлений перехода английского языка к аналитическому строю. Как мы увидим ниже, умлаут был преодолен также в глагольном спряжении. Но главным проявлением аналитизма в области прилагательного, помимо распада системы склонения прилагательных, следует считать появление в ENE аналитического способа образования степеней сравнения прилагательных, с помощью more, most, применяемого к многосложным прилагательным. Любопытно, что аналитический способ образования степеней сравнения не вытеснил старого суффиксального способа, а только немного его потеснил. Старый суффиксальный способ сравнения прилагательных вошел в аналитический грамматический строй английского языка как неотъемлемая его черта. Одновременно аналитический строй английского языка принял в качестве неотъемлемой своей черты также супплетивное образование степеней сравнения некоторых особенно древних прилагательных, таких как:

хороший OE: gōd, betera, betest; sēlra, sēlest;

дурной OE: yfel, wiersa, wierest;

большой OE: micel, māra, mæst;

Малый OE: lȳtel, læssa, læst.

Древнеанглийские формы, приведенные выше, претерпели, конечно, соответствующие фонетические преобразования, и, пусть в преобразованном виде, все же дошли до современности. Любопытнее всего то, что новый аналитический способ образования степеней сравнения сам образовался с помощью древних супплетивных степеней сравнения прилагательного OE māra, mæst. Так в грамматике старое становится новым, используясь в особой функции...

Интересно, что уже в OE наметилась тенденция смешения наречий и прилагательных. Имеется ряд случаев, когда формы сравнительной и превосходной степени прилагательного произведены от наречий:

далеко feor; fierra, fierrest, fyrrest

близко nēāh; nēārra, nīēhst, nȳhst

раньше ær; ærra, ærest

до fore; furβra, fyrest.

(У наречий, в отличие от прилагательных, в OE были другие суффиксы степеней сравнения: or, ost: wĭde, wĭdor, wĭdost).

Смешение наречий и прилагательных шло также по следующей линии: многие прилагательные в OE оканчивались на суффикс — lĭc, а наречия от них образовывались с помощью суффикса -e: «дружеский» frēōndlĭc, «дружественно» frēōndlĭce. Впоследствии окончание «lĭc» было воспринято как самостоятельный наречный суффикс, чему способствовало отпадение конечных -e в ME и ENE. Причем наречия стали образовываться с этим суффиксом также и от прилагательных, в OE не имевших суффикса — lĭc. В ME этот суффикс перешел в -liche, -ly, но в дальнейшем закрепился только последний. Причем интересно, что в дальнейшем у прилагательных и у наречий часто фигурирует один и тот же суффикс -ly, что для правильного понимания данной формы требует пробалансировать ее в уме, подумав, что это — наречие или прилагательное. И иногда даже такая балансировка не позволяет точно идентифицировать такую смежную форму, например, у Эдгара По: «Ride boldly ride, the shade replied, in sunshine and in shadow». Такая омоморфичность форм — одна из характерных особенностей новоанглийского аналитического строя.

В заключение, следует особо отметить, что отпадение падежных и родовых флексий, а также всяких показателей числа у прилагательных, сделало их лишенными своей особой формы[32]. В результате, в роли прилагательных в английском языке стало легко выступать другим частям речи, в том числе — наречиям (the then government) и, что особенно характерно для английского, существительным (знаменитый пример Есперсена cannon ball, и десятки других идентичных примеров: case law, candle light и др.). Как отмечает Р. А. Будагов («Очерки по языкознанию», с. 175), аналогичное явление наблюдается в ряде северных языков, но там нет морфологических отыменных прилагательных типа английского wooden, golden. Такое употребление существительных в роли прилагательных находится на грани словообразования, поскольку получающиеся при этом сочетания, если они обозначаюткакое-либо новое понятие, приближаются по значению к сложным словам.Это так называемые свободные сочетания, образование которых — непосредственный результат перехода английского языка к аналитическому строю, поскольку во флективных языках соответствующие им образования — это целые фразы, с флексиями и предлогами. Сравни, например, русск. плотина с каменой наброской; англ. rock fill dam.

[32]Только суффиксы, если они есть, отличают еще прилагательные от существительных: например, western world, но west german.

Местоимение

В области местоимений переход английского языка к аналитическому строю отразился несколько меньше, чем в двух рассмотренных выше частях речи. Но и здесь произошло значительное упрощение старой флективной системы.

Начнем с личных местоимений, как наиболее древних[33]. Вот для сравнения соответствующие парадигмы склонения в ОЕ и в готском:

	Готский						
Падеж	я	ты	возвр.ф.	мы	вы	мы двое	вы двое
Именительный	ik	βu	–	weis	jus	wit	–
Родительный	meina	βeina	seina	unsara	izwara	–	igqara
Дательный	mis	βus	sis	unsis, uns	izwis	ugkis	igqis
Винительный	mik	βuk	sik	unsis, uns	izwis	ugkis	igqis

[33]Как указывает В. В. Пассек в своей диссертации, цитированной нами выше, «личные местоимения, в противоположность существительным, прилагательным и другим местоимениям, характеризуются снижением процента омонимии вплоть до новоанглийского периода, когда процент омонимии вновь сильно возрастет» (автореферат, с. 67). В. В. Пассек имеет в виду здесь различение косвенного и именительного падежей личных местоимений, в значительной мере сохранившееся до современности. Только в последнее время стали распространяться конструкции типа: it is me вместо прежних типа it is y, но возросшая устойчивость грамматического строя, стимулированная ростом цивилизации, мешает распространению этой тенденции, которая, фактически, до сих пор ограничена только 1 лицом единственного числа. (Ср. Б. А. Ильиш, «Современный английский язык», с. 102–103; тенденция замены объективного падежа именительным наблюдается на примерах от XVI–XVIII вв.: Гольдсмит, Шекспир — between you and I; обратная тенденция характерна и теперь для вульгарного языка; me and my brother went there; it is her, но, как отмечает Б. А. Ильиш, из этих оборотов it is me может считаться узаконенным для нормального разговорного стиля, остальные звучат вульгарно». Такой же точки зрения придерживается Фаулер (H. W. Fowler, A Dictionary of modern English Usage, с. 346)). Так что можно считать, что в области личных местоимений тенденции к анализу не нашли такого простора для развития, как в области существительного. Объясняется это, вероятно грамматизованным характером местоимений как части речи, вследствие чего они также менее испытывают на себе иностранные влияния, чем такие части речи, как существительные и глагол. Но, в этом отношении, английский явился исключением, поскольку, как мы увидим ниже, в его систему личных местоимений проникли некоторые скандинавские формы, первоначально усвоенные на севере.

Как отмечает В. В. Пассек (автореферат, с. 6), «отношения, выражавшиеся древнеанглийским именительным падежом, продолжают выделяться отдельной формой только у личных и вопросительных местоимений». Это — тоже одно из отличий местоимений от существительных, одно из свидетельств того, что для аналитических тенденций в области местоимений было меньше простора. Но факт распада вопросительных местоимений на несоотносимые между собой (как надежные формы) местоимения свидетельствует, что и в этой области развития языка шло по путям анализа.

	OE						
Именительный	ic	βu	–	wē	gē	wit	git
Родительный	min	βin	sin	ŭre	ēower	uncer	incer
Дательный	mē	βē	sinum, sinre	ŭs	ēow	unc	inc
Винительный	mē	βē, βec	sinne	ŭs	ēow	unc	inc

Готский						OE			
			Мужской род	Средний род	Женский род				
он	оно	она		они		он	оно	она	они
is	ita	si	eis	ija	ijōs	he	hit	hēo, hīo	hīe, hig, hȳ, hēo, hī
is	is	izos	izē	izē	izō	his	his	hiek, hire, hyre	hira, heora, hyra, hiera
imma	imma	izai	im	im	im	him	him	hiere, hire, hyre	him, heom
ina	ita	ija	ins	ija	ijōs	hine	hit	hīe, hȳ, hi	hīe, hȳ, hēo, hī

Из этих сравнительных таблиц видно, как изначальная супплетивность перешла из готского в OE. OE перенял также двойственное число, впоследствии исчезнувшее. Заметно упрощение по сравнению с готским: множественное число местоимений 3 лица в OE не различается по родам, как это происходит в готском. Любопытно, что изначальная супплетивность древнеанглийских местоимений была использована с переходом к аналитическому строю в связи с разрушением флективной системы склонения личных местоимений, поскольку облегчила разрушение этой системы. Особо следует отметить многовариантность форм личных местоимений в различных падежах в OE.

Уже в ME исчезло двойственное число, а родительный падеж единственного и множественного числа выделился в совершенно особые притяжательные местоимения, которые уже в OE склонялись как сильное склонение прилагательных. Дательный и винительный падежи окончательно слились, причем слияние произошло главным образом на основе форм дательного падежа. Это слияние касается местоимения 3 лица, которые соответствовали готским указательным местоимением; в OE их дательный и винительный падеж различались, тогда как у остальных местоимений эти падежи и в OE в основном

совпадали (еще одно свидетельство расшатанности флективной системы OE). По дательному падежу осереднились местоимения him, hir, hem. От винительного падежа сохранилось только hit, да и то, по-видимому, лишь благодаря своей идентичности с именительным. Происходит скандинавское вытеснение:

they вместо hie,
them вместо hem,
their вместо hire.

Это тоже способствовало расшатыванию древнеанглийской системы склонения личных местоимений. Отпадает начальное h в форме hit, то есть происходит частичный возврат к соответствующей готской форме (ita). Путем смешения с указательным местоимением женского рода, OE sēo, образуется новое местоимение женского рода единственного числа she, вытеснившее старое местоимение, OE hēo. У Чосера местоимение ye иногда относится уже к одному лицу. Появляются две группы притяжательных предикативных местоимений: ourn, youn, hisn, hern, theirs и ours, yours, his, hers, theirs — причем будущее принадлежало последним, так как они были образованы по аналогии с обобщенной формой родительного падежа существительных, на -s: his lond salle be yours i the body is the housabondes.

Старые возвратные местоимения OE и ME исчезли и заменились новыми формами, образовавшимися в результате слияния притяжательных и объективных личных местоимений со словом self. Вместо множественного числа selves первоначально фигурировало selven.

Парадигма склонения личных местоимений в ME имела следующий вид:

Именительный	ɔ, ich	thow	hē	hē, she	hit, it	wē	yē	hi, they
Родительный	mēn, mī	thīn, thī	his	hir, her	his	our	your	hire, their
Об.	me	thee	him	hir, her	hit, it	us	yow	hem, them

(Мы не приводим всех незакрепившихся и в дальнейшем исчезнувших вариантов форм). В новоанглийском имели место лишь самые незначительные изменения. В ENE появилась тенденция употреблять по отношению к одному лицу форму ye, you (которые затем сливаются в одну форму), вместо thou, thee. Некоторые считают это результатом реакции против пуританской манеры употреблять только «thou», «thee», вместо «Вы, вежливости». У. Шекспира употребляются еще две формы: «thou» — с друзьями и близкими, со слугами, для выражения гнева и презрения, а также в тожественном языке; you — в остальных случаях. Затем thy, thow, thee совершенно вытесняются из употребления в обычном литературном и разговорном языке, сохраняясь лишь в приподнято-поэтическом и религиозном стиле: «Let thy sins be as scarlet, I will make them as white as snow»... В XVI в. выпадает из употребления «hit», причем, сперва утрата h происходит только в безударном положении, а затем — всюду. Притяжательное местоимение от этого местоимения до XVII в. имело форму his, а с XVII в. — форму its. Так что теперь Шекспировское «How far that

little candle throws his beams» воспринимается как архаизм. Притяжательное местоимение женского рода (OE hire) сперва колебалось между формами hir и her, причем окончательно утвердившаяся в конце концов форма her быть может есть результат ослабления гласного в безударном положении. Эта форма окончательно утвердилась к концу XV в. В новоанглийском окончательно утвердились возвратные местоимения с selves во множественном числе. Личные местоимения при глаголе теперь частично заменяют личные глагольные аффиксы (ср. определение аналитического строя).

Из этого обзора судьбы личных местоимений в английском видно, что их перестройка в связи с переходом английского языка к аналитическому строю растянулась на длительный период времени (последние изменения имели место в XVII в), причем старая парадигма склонения, хотя и оказалась расшатанной изначальной супплетивностью, скандинавским вкладом и гибелью личного местоимения второго лица единственного числа, все же сохранилась больше, чем парадигма склонения существительных. Особо следует отметить факт выделения притяжательных местоимений из этой парадигмы. Как мы увидим ниже, такое отпочковывание одних местоимений от других весьма характерно для этой части речи в английском языке.

Рассмотрим теперь развитие указательных местоимений.

Приведем для сравнения парадигмы указательных местоимений в готском и OE:

	Готский						OE			
				Мужской род	Средний род	Женский род				
	этот	эта	это		эти		тот	та	то	те
Именительный	sa	sō	βara	βai	βōs	βō	sē	sēo, sīo	βæt	βā
Родительный	βis	βizōs	βis	βize	βizo	βize	βæs	βære	βæs	βāra, βære
Дательный	βamma	βizai	βamma	βaim	βaim	βaim	βæm, βām	βære	βæm, βām	βæm, βām
Винительный	βana	βō	βata	βans	βōs	βō	βone	βā	βæt	βā
Творительный			βe				βȳ, βon		βȳ, βon	

В OE было также второе указательное местоимение, βĕs, βēos, βis (этот, эта, это). Вот его парадигма:

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Мужской род	Женский род	Средний род	
Именительный	βēs	βēos	βis	βās
Родительный	βises, βisses	βisse	βisse	βissa

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Мужской род	Женский род	Средний род	
Дательный	βisum, βissum	βisse	βisum, βissum	βisum, βissum
Винительный	βisne	βās	βis	βās
Творительный	βisse	βisse	βisse	–

Местоимение sa в готском имело значение «этот»; соответствующее ему древнеанглийское местоимение «sē» имело значение «тот»; значение «этот», как мы видели, передавалось там особым местоимением «βĕs». Это местоимение в некоторых падежах принимало окончание «s» которое приставлялось к соответствующей форме местоимения «sē»; в других случаях оно склонялось как сильное прилагательное.

В дальнейшем развитии судьба этих местоимений оказалась в значительной мере перекрещенной. Местоимения sē, sēo в ME перешли в βe, βe, под влиянием аналогии, ибо в косвенных падежах был звук β. На такое развитие повлияли также северный диалект и скандинавы. В раннем ME формы βe, βeo, βat употреблялись в качестве определенного артикля, но в дальнейшем форма that стала употребляться исключительно в роли указательного местоимения, а форма the — в качестве определенного артикля, то есть, как показатель при имени.

В раннем ME определенный артикль склонялся следующим образом:

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Мужской род	Женский род	Средний род	
Именительный	βe	βeo	βat, βet	βeo, βe
Родительный	βes, βe	βer	βes, βe	βer, βe
Дательный	βen, βan	βer	βen, βan, βe	βen, βe
Винительный	βene, βe	βeo	βat, βet, βe	βeo, βe

По сравнению с OE (см. парадигму склонения указательного местоимения sē) отметим замену окончания дательного падежа, m, окончанием n, которое, как известно, в ME легко отпадало. Отметим также многовариантность форм склонения.

В XIV в. (поздний ME) артикль становится неизменным.

Выделение артикля из указательного местоимения — одно из проявлений перехода английского языка к аналитическому строю. В результате распада флективной системы склонения существительных, для существительного понадобились специальные определители, которые, в качестве одной из своих функций, помогали бы отличить существительное от других частей речи. Одним из таких определителей и явился определенный артикль, выделившийся из указательного местоимения «sē», в OE имевшего значение «тот». Распад системы склонения этого местоимения, ставшего

артиклем, — тоже одно из доказательств того, что английский определенный артикль — это одно из проявлений перехода английского языка от флективного строя к аналитическому. В немецком языке, флективный строй которого в значительной мере сохранился, артикль, как известно склоняется, так что только несклоняемый артикль можно считать полностью аналитической чертой.

Выделение определенного артикля из указательного местоимения — это только одно из отражений разбираемого структурного перехода в области местоимения. Следует также отметить распад системы склонения указательных местоимений, сопровождавшийся своеобразной перегруппировкой их форм. Форма OE βās, ME thōs (именительный и винительный падеж множественного числа от местоимения thes) в ME стала восприниматься как множественное число специально от that (OE, указательное местоимение «тот», средний род). Старое множественное число для всех форм, мужской род sē, женский род sēo, средний род βæt, было в форме βā. Только в готском для множественного числа среднего рода использовалась форма βōs, так что здесь мы имеем дело с своеобразным морфологическим круговоротом форм! Так, форма мужского рода указательного местоимения «тот», заменив свой первый согласный, стала определенным артиклем; форма женского рода перестала от нее отличаться вследствие монофтонгизации древних дифтонгов (на этом примере видно, как фонетические изменения переплетались и шли рука в руку с морфологическими); форма среднего рода нашла свое обобщение в качестве новоанглийского указательного местоимения, причем свое множественное число она взяла совсем от другого указательного местоимения, thes, OE «этот»[34]... Это местоимение, OE βes, в дальнейшем обобщило форму среднего рода, this, для всех родов.Множественное число от этой формы в ME было thise или thōs. В ENE из этой формы образовалось современное these, а из формы «thōs» — современное those. Артикль сохранился в форме the.

Такова судьба английских указательных местоимений. Любопытно, как эти местоимения переплелись. Средний род старого указательного местоимения выделился как указательное местоимение отдаленной близости (он и раньше был таким местоимением, вместе с формами sē и sēo). Старое местоимение непосредственной близости уступило свое множественное число местоимению отдаленной близости. А одновременно с этими изменениями происходил распад флективной системы указательных местоимений. Аналитический строй побеждал, флективные формы указательных местоимений и определенного артикля гибли одна за другой.

Гибель флективных форм удобно проследить хотя бы на примере местоимения непосредственной близости βēs.

---

[34]Первое время в ME параллельно этой позднее утвердившейся форме существовала также форма thō, непосредственно вышедшая из древней формы βā.

Сравним падежные формы этого местоимения в OE и раннем ME:

	OE					Ранний ME		
	Мужской род	Средний род	Женский род	Множественное число	Мужской род	Средний род	Женский род	Множественное число
Именительный	βēs	βis	βēōs	βās	βes	βis	βeos	βeos
Родительный	βisses	βisses	βisse	βissa	βisses	βisses	βisse	βisse
Дательный	βissum	βissum	βisse	βissum	βisse	βisse	βisse	βissen
Винительный	βisne	βis	βas	βās	βisne	βis	βeos	βeos

Видно, как упростился дательный падеж единственное число, а дательный падеж множественного числа сменил m и n, которое, как мы знаем, легко отпадает у существительных. Винительный падеж женского рода стал идентичным с именительным падежом женского рода. Упрощение и совпадение флексии дали повод к последующему полному отказу от них. Таким путем совершенствовалась английская грамматика; это был разрушительный путь, и предпосылки для такого развития были заложены еще в OE, поскольку уже тогда имел место кризис флективной системы, выражавшийся в противоречивости, многовариантности, совпадении, осереднении флексий и в смешении основ. Древнеанглийская флективная система, как мы видели, в общем и целом, была очень далека от стройности, что очень хорошо видно хотя бы по сравнению с готской флективной системой. Поэтому для английского наиболее целесообразным был отказ от флексий, раз уже издревле флективная система языка оказалась подточенной разнобоями и аналогическими окончаниями. Последующие завоевания еще более усилили тенденцию к преодолению флективности.

Распад флективной системы прекрасно иллюстрируется не только на материале истории развития указательных местоимений, но также на материале истории вопросительных местоимений.

В OE были склоняемые вопросительные местоимения hwā, кто, hwæt, что, имевшие только единственное число и следующее склонение:

Именительный	hwā hwæt
Родительный	hwæs hwæs
Дательный	hwæm hwæn
Винительный	hwone hwæt
Творительный	hwy –

По образцу hwā склонялось OE местоимение gehwā, означавшее «каждый». По образцу склонения сильных прилагательных склонялись местоимения «hwile» «какой» и «swile» «такой».

В ME правильным развитием древнеанглийских форм получились местоимения:

1) hwā > hwō
2) hwæt > hwat
3) hwæm > hwam
4) hwile > whiche (e, u)
5) swile > swiche (e, u)
6) hwi > hwȳ
7) hwaē > hwǫē > hwǫē (i — в. ц.; сев. e — куент u — юг)

В ENE дальнейшим правильным развитием получились формы:

1) hwō > who
2) hwat > what
3) hwām > whom > whom
4) whiche > which
5) swiche > such
6) hwȳ > why
7) hwǫz > whose [u > ʌ, 176]

В результате этого развития современные английские формы этих вопросительных местоимений больше уже не ощущаются как связанные друг с другом падежные формы (мы имеем в виду местоимения: who, what, whom, why, whose, которые исторически являются падежными формами местоимений «кто» и «что»).

На материале этого развития видно снова как фонетические изменения способствовали расхождению прежде легко соотносившихся падежных форм. На этом материале видно, как анализ победил старый флективный строй, воспользовавшись его остатками как строительным материалом для возведения новых форм. Вопросительные местоимения, вышедшие из прежних падежных форм местоимения «кто» и «что» приобрели совершенно новые значения. «Кого» стало означать «чей» (явное обобщение), «кем» стало обозначать «почему» (явный сдвиг в сторону абстракции). Только объективный падеж, hwæm, сохранил прежнее значение «кому».

Приведенные примеры наглядно показывают, как аналитические средства используются для передачи усложнившихся мыслей народа. Осколки разбитой системы склонения вопросительных местоимений «кто» и «что» приобретают новые обобщенные и абстрактные значения и используются, кроме того, для ввода усложненных синтаксических конструкций.

Ибо в ME вопросительные и указательные местоимения начинают употребляться в значении относительных. Это еще один пример омоморфичности и омонимичности аналитических форм. В русском языке, правда, происходил аналогичный процесс — «кто» и «что» тоже могут употребляться в относительном и вопросительном значении, но своеобразное употребление сдвоенных that в английском: «I knew that was a danger for you» ... такие примеры в русском языке найти трудно. Вообще, в русском языке принято избегать сопоставления омонимов и омоморфичных форм. Это делается лишь иногда, в целях стилизации, например в известном лозунге «миру мир!» или у Лермонтова «И в свете мне открылся новый свет»... А для аналитического английского строя такая балансировка форм, внешне совершенно одинаковых, но по значению различных, не представляет чего-либо особенного, ибо омоморфичность форм — имманентная черта аналитического строя...

В OE в функции относительного местоимения употреблялось указательное местоимение se со специальной относительной частицей βe, причем эти два элемента часто объединялись в одно составное местоимение. В ME допускается простая омоморфичность, без всякого слипания слов... В ME в качестве относительных употребляются вопросительное местоимение which и указательное that.

В ENE who, whose, whom, wham тоже могут быть относительными (XVI в.). Стиль и Аддисон в 1711 г. в журнале «Спэктейтор» выступили в защиту употребления who и which в качестве относительных местоимений («The humble petition of who and which»), поскольку многие протестовали против такого употребления этих местоимений. Другие, напротив, были недовольны употреблением более древнего (в этой функции) местоимения that.

Мы не будем рассматривать судьбу других более мелких групп английских местоимений с точки зрения их развития по путям анализа, поскольку их судьба мало что дает с точки зрения истории этого структурного перехода. Торжество анализа в категории местоимений видно достаточно на уже приведенном материале; об этом говорят такие явления, как утрата флексий артиклем и указательными местоимениями, как распад парадигмы склонения вопросительных местоимений на совершенно самостоятельные местоимения, как распад личных местоимений на притяжательные и личные, как омоморфичное использование в относительной функции некоторых вопросительных и указательных местоимений. И хотя склонение личных местоимений в значительной мере сохранилось, все же все эти изменения, которые имели место в рассматриваемой части речи на протяжении истории, настолько значительны и так явно отражают структурный переход грамматического строя, что их нельзя не считать коренными, качественными изменениями.

Числительные

Числительные в OE во многом отличались от современных английских числительных. Академик Виноградов указывает на абстрактность числительных в западноевропейских языках, которая выражается в том, что категория числительных там освобождена от предметности, и поэтому числительные, по крайней мере, начиная с 4, не имею рода, числа и падежа. Так — для современности в NE эти особенности начинаются уже с 1. Но в OE дело обстояло значительно сложнее. Начнем с количественных числительных.

В OE безусловно склонялись 1, 2, 3.

4—19 обычно оставались нефлективными, если они стояли перед существительными или использовались в качестве существительных, то они склонялись следующим образом:

Именительный и винительный падеж мужского и женского рода, окончание -e;

Именительный и винительный падеж среднего рода, окончание -u (o);

Родительный падеж, окончание a;

Дательный падеж, окончание um.

В ME из этих флексий сохранилась лишь флексия -e, в именительном и винительном падеже мужского и женского рода, вследствие чего в ME мы имеем двойные формы:

five и fiv

sevene и seven.

Знакомый уже нам по другим категориям распад старой флективной системы...

В OE 1 склонялось как сильные прилагательные. 2 и 3 имели особые парадигмы склонения:

Падеж	2			3		
	Мужской род	Средний род	Женский род	Мужской род	Средний род	Женский род
Именительный	twegen	tū, twa	twā	βrīe, βrī, βȳ	βrīo, βrēō	βrīo, βrēo
Родительный		twēgea, twēgra			βriora, βreora	
Дательный		twæm, twam			βrim	
Винительный	twegen	tū, twa	twā	βrīe, βrī, βȳ	βrīo, βrēo	βrīo, βrēo

Сразу же бросается в глаза многовариантность их форм, свидетельствующая о кризисности этой системы склонения.

Сочетание десятков с единицами в OE обычно выражались следующим образом: 22 — twā and twenting, 48 — eahta and fēōwerting.

Числительные от 20 до 60 и от 60 до 120 в OE связывались с родительным падежом существительных, но употреблялись и как прилагательные.

Их родительный падеж был: — tiȝa, tiȝ

Их дательный падеж: — tiȝum.

Позднее они утратили склонение.

В ME из 1 образовался неопределенный артикль, еще один определитель при имени. Этот артикль возник из неударной формы числительного 1. Зачатки такого употребления числительного 1 были еще в OE, но все же в большинстве случаев неопределенный артикль в OE оставался невыраженным. Он отделился от числительного только в ME. Гласный в неударном положении стал сокращаться, вследствие чего получилась особая неударная форма an, после перехода долгого -a в OE ān в-о долгое открытое расхождение между числительным и неопределенным артиклем постепенно усилилось. Чередование форм с n и без n было сперва характерно не только артиклю, но и числительному[35], но затем это чередование стало неотъемлемою чертою только неопределенного артикля. Поскольку неопределенный артикль с самого начала не склонялся, его появление в английском языке можно считать даже более аналитической чертой, чем появление определенного артикля.

Как развивались другие количественные числительные в ME?

Форма женского рода, 2, twā, охватывает целиком средний род (где раньше конкурировали две формы: twa и tū), а из мужского рода вытесняет форму twegen. С другой стороны, преобразованная форма мужского рода twein(e),

[35] ǭn (сев. ān) — перед гласными, ǭ (сев. ā) — перед согласными.

tweie употребляется также для женского и среднего рода; twa > twǭ > twǫ̂ > twǫ̂ (сев. tuā) — вот путь развития той формы количественного числительного 2, которой было суждено безраздельно закрепиться в языке.

OE βrīo, βrēo женский и средний род дало в ME βrê, которое распространилось также на мужской род.

Опять тот же процесс унификации и упрощения форм.

Из флексии склонения числительных 4–19 сохранилась только флексия e в именительном и винительном падеже мужского и женского рода; флексия среднего рода -o(u) — отпала...

Параллельно этому распаду системы склонения числительных происходят процессы вытеснения тех числительных, которые в OE бытовали как пережиточные синтетические формы: OE 110 hundendleofantig, OE 120 hundtwelfteg[36]. Они заменяются новыми составными аналитическими формами: hundred and ten, hundred and twenty, в чем также нельзя не видеть одного из проявлений, пусть незначительное, перехода английского языка к аналитическому строю. Соответственно этому погибла также старая форма для сотни, hundteontig; она была заменена формой hundred, которая возводится к OE, но не была типичной для того времени формой. В OE для обозначения одной сотни обычно применялось числительное hundteontig, для обозначения нескольких сотен — числительное hund (OE tū hund, βrēō hund). В ME во всех случаях употребляется hundred (где -red может быть, означает «число», «норма»: гот raβjo — «число», «норма»).

Если в OE десятки, сотни и тысячи употреблялись как существительные, управляя родительным падежом, то в ME они употребляются как прилагательные. Это — явное развитие в сторону аналитизма, когда части речи теряют свои особые черты.

Мы не будем касаться подробностей фонетического развития количественных числительных в OE, ME и ENE (развитие суффиксов tīene — teen; tig — ty и др.), поскольку все это не касается непосредственно нашей темы.

Поэтому перейдем сразу же к истории порядковых числительных в английском.

В OE порядковые числительные склонялись как слабое склонение прилагательных, только одно числительное «ōðer», «второй», склонялось как сильное прилагательное. Причина такой аномалии — в том, что исторически это числительное восходит к древнему местоимению «другой», которое подменило собой понятие «второй», сохранившееся, например, в древнеславянском: втор, в прежней форме. Такая аномалия не была прощена этому числительному, и в результате своеобразного семантического круговорота в ходе истории оно снова стало местоимением с тем же значением «другой» (ENE other), но, как и все остальные неличные местоимения, утратило свое склонение. Понятие

---

[36]Упростились также прежние названия 70–90 (hundsiofontig, hundeahtatig, hundeaontig), где «hund» означал «десяток»; этот префикс отпал, причем, как и в других случаях суффикс tig упростился в ti, с позднейшим орнаментальным y.

«второй» стало передаваться заимствованным французским числительным «secounde». Это случилось с переходом к ME. Вообще это очень редкий случай в истории языков, чтобы заимствовались числительные, но норманы наложили на английскую лексику такой неизгладимый отпечаток, что даже в числительные зашло их лексическое влияние.

Образование порядковых числительных в OE в общем было очень простое; они образовывались из соответствующих количественных числительных путем прибавления германского суффикса: OE βa, и. e. to. И. e. t сохраняется по ассимиляции после глухих щелевых f, s, откуда имеем siexta, twelfta (умлаут: a > e), fifta, endlefta; n выпадало перед дентальным суффиксом: seōfoβa, tēoβa, fīftēoβa. Неправильно образовывались только первые три порядковые числительные. О порядковом числительном для 2 мы уже говорили (см. выше). Порядковое числительное от ān является превосходной формой, простой — fyrest или удвоенной (formost, fyrmest) от forma. Порядковые числительное от 3 образовывалось близко к общему правилу: βrid-da < *βirda (гот. βridja, лат. tertius, и. e. tri-tia).

Сочетание десятков с единицами выражались двумя способами:

22 — twa and twentigoβa или oðer eac twentigum

48 — eahta and feowertigoβa или o̧ahtoða eac feowertigum.

При переходе к ME некоторые неправильности суффиксального образования порядковых числительных OE были исправлены путем подравнивания по соответствующим количественным числительным:

OE	seofoβa	ME	seventhe (seveβe)
OE	nigoβa	ME	nīnthe (niʒβe)
OE	tēoβa	ME	tēnthe (tēβe)
OE	βrēotoβa	ME	βrethe̊nβe (βrethe̊βe, βrithe̊βe)

(Формы в скобках возводятся к OE; они были в ME наряду с новыми формами). Такое подравнивание форм по аналогии весьма характерно аналитическому строю английского языка, в котором наблюдается резкая тенденция, направленная на то, чтобы избавиться от максимального количества форм.

Наряду с этим образованиями на -βa были аналогичные образования на da, полностью или частично вызванные северным влиянием: sevende, nīnde, nīʒende, tĕnde, βrĕttende, βrĕttende и др. Но эти формы в дальнейшем не сохранились.

Старое порядковое числительное от 100 в OE имело форму hundteontigoða. В ME, по общей тенденции упорядочения порядковых числительных, порядковые числительные пошли и от hundred; hundredth, а также от thousand, чего в OE не было.

Для ME характерна многовариантность форм порядковых числительных. Так, OE fyrest дало в ME целую серию форм: fist, früst, ferst, verst, что было вызвано диалектальными фонетическими вариациями того периода, когда структурный переход грамматического строя английского языка косвенно отражался на бурных изменениях фонетического строя (см. выше). Такая

же множественность форм свойственна также многим другим порядковым числительным ME: fǫurβe, forβe, firβe; seveβe, sevenβe, sevende; eiʒteβ, eʒtende, aʒtende, aʒtand (сев. Форма); tę̂βe, tĕnβe, tĕnde; ellepte, ellevende; βrettĕβe, βritteβe, βrettĕnβe, βrittĕnde и др.

Только в ENE выделялись те оптимальные формы, которым было суждено войти в национальный язык.

5-й и 6-й в ME подчиняются суффиксально общему правилу: fifta > fifth, sixta > sixth; также как 11-й и 12-й (OE endlefta, ME eleventa; OE twelfta, ME twelfth).

Гибнут старые синтетические порядковые hundælleftigoða, hundsiofontigoða вместе с гибелью старого сотого (hundtēontigoða), а также пропадает префикс «hund» в числительных OE: hundnigontigoβa, hundeahtigoβa, hundsiofontigoβa. Одновременно произошло упрощение суффиксов: teoβa > tēβe; tigoβa > tiβe, а также за порядковыми числительными закрепилось употребление определенного артикля. Суффикс βēβe перешел затем в teenth, не без влияния севера с его причастным окончанием and и подравниваясь под количественные числительные.

На материале развития категории числительных в английском языке мы видели как постепенно и здесь произошла перестройка на новые аналитические рельсы. Исчезло склонение, исчезли старые синтетические формы (110, 120), исчезли неправильности суффиксального образования порядковых (OE fifta, sixta; ME fifth, sixth). С порядковыми числительными стал использоваться определенный артикль, постепенно была преодолена многовариантность форм, усилившаяся, по указанным фонетическим причинам, в ME. Это все — черты прогресса. Но, конечно, это «прогресс не в развитии мышления, а в развитии языковой техники, языковой структуры» (см. отзыв Б. А. Серебренникова на нашу статью «О внутренних законах развития и совершенствования английского языка»).

Наречие

В области наречия переход английского языка к аналитическому строю отразился прежде всего в преодолении умлаута в степенях сравнения:

	OE		ME	
долго	longe,	дольше	leng	(В отличие от прилагательных, суффиксация не сопровождала в данном случае умлаутирование)
далеко	feorr,	дальше	fierr	
мягко	softe,	мягче	sēft	
легко	ēaβe,	легче	īeβ	

*) who и bo флективных языках (русский и др.) у них тоже часто нет особых показателей.

Как мы говорили в связи с историей прилагательных, для OE было характерно суффиксальное образование наречий: с помощью суффикса e:

широкий wīd, широко wīde

глубокий dēop, глубоко dēope
с помощью суффикса lice.

Сравнительная степень наречий оканчивалась на or (в отличие от сравнительной степени прилагательных на ra, см. выше), превосходная степень — на ost (у древнеанглийских прилагательных — на ost или est, иногда ast, ust). Вот пример образования степеней сравнения у наречия в OE: wīde, wĭdor, wĭdost.

Для OE характерны также были супплетивные степени сравнения наречий: лучше: bet, set; хуже: wiers; больше mā; меньше læs; позже sīð.

В ME суффикс e продолжает оставаться продуктивным:
«прекрасно» — fayre
«ярко» — brighte
«чисто» — clene
«высоко» — hye.

Но поскольку окончания прилагательных тоже часто были -e (все слабое склонение и множественное число сильного!), то некоторые наречия образуются от таких прилагательных -e и без добавления другого суффикса: newe — «заново». С отпадением конечных -e, суффиксация наречия на -e прекратила свое существование.

Некоторые наречия в ME продолжали образовываться с суффиксом ly, который восходит к OE суффиксу lic. Эта тенденция продолжает распространяться в ENE, но несмотря на это большинство наречий в NE продолжают оставаться неоформленными. Такая неоформленность частей речи, как мы уже говорили — является одной из особенностей аналитического строя.

В ME сравнительная и превосходная степени наречий совпали по формам с соответствующими степенями сравнения прилагательных, что тоже соответствует общей тенденции языков аналитического строя — максимально уменьшить количество сохраняющихся грамматических форм. Примеры: grĕtly, gretter, grettest; longe, lenger, lengest.

Супплетивные степени сравнения сохраняются:

wel; bet, better; best	much	mē, mēre	mēst
eville; wers, werse; werst	litel	lane	lēst

Ко многим древнеанглийским наречиям в ME было присоединено окончание s, по аналогии с некоторыми другими наречиями, образовавшимися из форм родительного падежа существительных с флексий на s. Например:

OE	ðanon = оттуда			hwanon = откуда	heonan = отсюда
ME	thane(n)	+ s =	thebes	whannes	hennes
	thene(n)		thens	whennes	hens
				whens	
NE	thence			whence	hence

Но этот омоморфичный показатель все же не является характерным признаком наречий, которые, в общем, менее других частей речи характерны чертами развития анализа.

Глагол

Введение

Если в области существительного в первую очередь сказались разрушительные тенденции перехода английского языка к аналитическому строю, то в области глагола, наоборот, превалируют созидательные тенденции, связанные с этим структурным переходом. Ведь именно в области глагола в английском языке появилось громадное большинство аналитических форм, тех форм, по которым был назван сам аналитический строй. Помимо глагольных аналитических форм, к таким формам можно причислить только предложные конструкции, заменившие собою падежи (о них речь будет ниже, в связи с историей предлогов) и аналитические степени сравнения прилагательных, которые, как мы видели, имеют далеко не абсолютное распространение. Как же шло развитие аналитических форм в английском языке и какими дополнительными процессами это развитие сопровождалось?

Прежде чем перейти к истории развития английских аналитических глагольных форм мы рассмотрим все же те разрушительные процессы в области старой синтетической[37] глагольной системы, которыми это развитие сопровождалось.

Германская глагольная система отличается от индоевропейской значительным упрощением глагольных окончаний. Если в индоевропейском (а также в греческом и многих других негерманских языках) противопоставление настоящего и прошедшего времени достигалось с помощью различия флексий, то в германском это различие достигалось различием основ, чередующихся по аблауту[38]. Для индоевропейского вообще было характерно разнообразие форм для одно и той же грамматической категории, германский же стремился ограничить разнообразие флексий и личных окончаний у различных типов слов, и, как мы увидим ниже, окончания сильного и слабого спряжения в настоящем времени ОЕ фактически идентичны.

Другое отличие германской глагольной системы от индоевропейской состоит в том, что если в индоевропейском основы выражали вид[39], то в германском они выражают время. Примером и. е. спряжения может служить греческое спряжение, с его основами презенса (я совершаю), перфекта (я совершил

---

[37]Здесь приходится говорить о синтетической системе, поскольку в нашей лингвистике не принято называть флексиями глагольные окончания.

[38]Ср. А. Мейе, (цит. раб., с. 90): «Понятие прошедшего времени выражалось в индоевропейском не формой основы, а формой флексии. Так, в языке Гомера leipō означает “я оставляю”, leīpon “я оставлял”».

В германском, напротив, глагольные основы выражают противопоставление настоящего прошедшему. Гот. «binda» означает «я вяжу», а «band» — «я вязал»; «salbo» — «я мажу», а «sabloda» — «я мазал», и так всегда. Различие флексий только прибавляется к различию форм основы.

[39]Ср. А Мейе, цит. раб., с. 90.

и у меня есть результат), имперфекта[40] (я совершал), аориста (исторический факт). Для германских языков характерно противопоставление основ настоящего и прошедшего времени, а вид большею частью остается морфологически не выраженным. В связи с этим наклонения в германском подчинены времени, а в индоевропейском, наоборот, виду, так что в греческом оптатив аориста означает прошедшее время ничуть не более, чем оптатив презенса.

Четкого будущего времени общегерманский так и не создал, тогда как в латыни внутри каждой из главных видовых основ глагола (перфект, инфект) было четкое противопоставление настоящего, будущего и прошедшего времени.

Германский устранил также противопоставление действительного и среднего залогов[41]. Только к готском это противопоставление фигурировало в настоящем времени, где медиальные окончания выражали пассив. Но уже в претерите готский не знал медиальных окончаний.

Упрощение пошло также по линии образования причастий. В и. е. каждая основа могла образовывать свое причастие[42]. При обилии основ в таких языках как греческий можно себе представить, сколько там было различных причастий! А германский из всех этих причастий сохранил только причастие действительного залога (которое теперь в английской грамматике называют первым причастием): (гот. «вяжущий» bindans, «мажущий» salbonds) и причастие прошедшего времени, как его называют по традиционной терминологии (в английской грамматике — второе причастие), которое у слабых глаголов восходит к индоевропейским прилагательным на -tus: лат. «наполнять» — pletus, «наполненный», и аналогично plēre dictus[43], «сказанный» этому, готское: salboβs, а у сильных глаголов образуются чередованием по аблауту.

Из сказанного видно, насколько германская глагольная система была проще индоевропейской. Но так было лишь в самом начале, на заре развития германских языков. По мере хода истории глагольная система германских языков усложнялась, хотя усложнение это происходило не за счет возникновения каких-либо новых личных окончаний, а путем образования аналитических форм.

Любопытно, что уже в готском мы наблюдаем зачатки аналитического залога. Для передачи залога в прошедшем времени в готском применяется вспомогательный глагол (qiβan ist), что в новейших германских языках, в том числе в английском, распространилось и на настоящее время, правда не сразу, как мы увидим из последующего изложения: ибо в древнеанглийском залога вообще не было.

Развитие аналитических глагольных форм свойственно не только английскому языку, где это вполне согласовалось в связи со структурным переходом его грамматического строя, но также для немецкого языка, который

---

[40]Относился к группе презенса.

[41]Ср. А Мейе, цит. раб., с. 92.

[42]Ср. А Мейе, цит. раб., с. 92–93.

[43]В латыни — уже в системе спряжения.

является, как известно, флективным, и даже для многих негерманских и совсем неаналитических языков, как русский. Но аналитические глагольные формы в этих языках просто наслаиваются на старую синтетическую систему глагольных окончаний, дополняя ее, позволяя выразить те грамматические значения, которые эта система без помощи этих форм, выразить не могла. Появление аналитических глагольных форм в этих языках не значило обязательного разрушения их флективной (синтетической) системы. Наоборот, флективная система в этих языках совершенствовалась, пусть в несколько ограниченных рамках, как это имело место в немецком. В таком же аналитическом языке как английский развитие аналитических глагольных форм сопровождалось разрушением старой синтетической системы глагольных окончаний. В этом и заключается качественное различие этих с виду столь сходных процессов.

Следует отметить, что разрушение старой синтетической глагольной системы в английском языке было в значительной мере облегчено тем, что это был один из германских языков, в которых, как мы видели из предыдущего, глагольная система изначально была гораздо проще индоевропейской глагольной системы.

К описанию этих разрушительных процессов мы сейчас и перейдем.

Процессы разрушения древнеанглийской синтетической глагольной системы

Разрушение системы глагольного аблаута

Одной из особенностей германского глагола является то, что корневые индоевропейские глаголы в германском сложились в особый типа сильных глаголов, основные формы которых образовывались по рядам аблаута, то есть, путем перегласовки корня (внутренней флексией)[44]. Ясно, что при переходе английского языка от флективного строя к аналитическому древняя система глагольного аблаута должна была подвергнуться разрушению. Посмотрим, как это происходило.

В индоевропейских языках чередование по аблауту касалось только двух важнейших гласных индоевропейского, е и о. Оно шло по типу: е краткое, е долгое, о краткое, о долгое, ноль. Гласный — а в этом чередовании совершенно не участвовал. Чередования е, о, а долгих с нейтральным «шва» входили в общий тип как особые случаи.

В германском это основное индоевропейское чередование по аблауту приняло германскую форму, согласно соответствию германских и индоевропейских гласных, а именно: e, i — е долгое — а краткое — о долгое — ноль.

---

[44]По мнению младограмматиков, аблаут — чисто фонетическое явление; для Пауля это «механический результат перестановки ударения в праиндоевропейском языке, первоначально не имевший никакого отношения к различию функций отдельных морфем. Как указывает В. М. Жирмунский в своей статье «К вопросу о внутренних законах немецкого языка», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5, аблаут в германском с самого начала применялся в морфологических целях (с. 87)

То есть, в противоположность общей германской тенденции к упрощению системы глагола, в данном случае, наоборот, произошло усложнение, по сравнению с индоевропейской системой аблаута. Но здесь это вызвано чисто фонетическими причинами, которые оказали усложняющее влияние на морфологию германского глагола.

E долгое было в готском (e первое долгое закрытое); оно соответствовало первой долгой лигатуре OE, долгой лигатуре общегерманского и долгому -a в ОНД. (Например: гот. slêpan, ОНД slāfen, OE slæpan).

Только в исключительных случаях германское чередование o долгое — a краткое основывается на индоевропейском чередовании a долгое или o долгое с нейтральным «шва».

Для готского и OE характерны следующие ряды чередования сильных глаголов:

Готский		OE	
	ei — ai — i — i;		ī — ā — i
	iu — au — u — u;		ēo — ēa — u — o
	i — a — u — u;		e(i, eo) — a(æ, ea) — u(o)
	i — a — ē — u(i);		e — æ — æ — o(e)
	a — ō — ō — a;		a — ō
	— — — — — — —;		— — — — — — —

Готский	OE
steigan — staig — stigum — stigans	wrītan — wrāt — writon — writen
biugan — baug — bugum — bugans	cēōsan — cēas — curon — coren
bindan — band — bundum — bundans	drincan — dranc — druncon — druncen
stilan — stal — stêlum — stulans	stelan — stæl — stælon — stolen
giban — gaf — gêbum — gibans	tredan — træd — trædon — treden
faran — fôr — fôrum — farans	faran — fōr — fōron — faren
hàitan — háihàit — háihàitum — hàitans	hātan — hēt — hēton — hāten

Как видно из приведенных выше таблиц, аблаут в сильном глагольном спряжении в готском и OE образовывал четыре основные глагольные формы:

	Готский	OE
1. Инфинитив и настоящее время	steigan	wrītan
2. Единственное число прошедшее время	staig	wrāt
3. Множественное число прошедшее время	stigum	writon
4. Причастие прошедшего времени	stigans	writen

Из этих таблиц видно, что 3 и 4-я форма аблаута чаще оказывались в нулевой ступени аблаута, то есть были лишены гласного аблаута и из гласных имели один только осложнитель (гласный, непосредственно следующий за гласным аблаута). Что касается остальных форм, то для них часто характерно слияние гласного аблаута с гласным осложнителя, причем получающийся таким образом долгий гласный или дифтонг следовал закономерным фонетическим соответствиям германских языков.

Рассмотрим теперь ряды аблаута по порядку.

Первый ряд. В готском в результате объединения гласного аблаута и гласного осложнителя получились: долгое i (в написании ei), которое в OE закономерно отразилось как долгое i (первая форма), и дифтонг ai, который в OE закономерно отразился как долгое a (вторая форма); третья и четвертая формы содержат только гласный осложнитея (неслоговое i).

Второй ряд. В готском в результате объединения гласного аблаута и гласного осложнителя получились: дифтонг iu, который в OE закономерно отразился как долгое eo (первая форма) и дифтонг au, который в OE закономерно отразился как долгое ea (вторая форма); в третьей и четвертой формах в OE фигурируют соответственно узкий и широкий варианты неслогового осложнителя u, который представлен в готском только в узком варианте (u).

Третий ряд. Поскольку в этом ряду осложнитель — согласный, то в приведенном нами простейшем случае наблюдается полное совпадение готской и древнеанглийской огласовок всех форм этого ряда. Так обстоит дело, если осложнитель дух первых форм аблаута — носовой плюс согласный (гот. bindan, OE drincan). Если же осложнитель — плавный плюс согласный, или h (r) плюс согласный, то тогда в первых двух формах в OE наблюдается вессекское преломление, а в двух последних формах соответственно фигурируют узкий и широкий варианты узкого готского u:

OE	helpan	healp	hulpn	holpen
	feohtan	feaht	fuhton	fohten.

Любопытно, что начиная с третьего ряда гласный неслоговой осложнитель (u) иногда фигурирует только в третьей и четвертой формах аблаута, тогда как в первых двух формах фигурирует лишь согласные осложнители.

Четвертый ряд. Здесь для объяснения огласовки аблаута привлекается особый типа греческого аориста, к которому возводят третью форму этого ряда. Греческий аорист вообще имеет нулевую огласовку аблаута, но одна из типовых форм греческого аориста имеет в качестве огласовки и. е. долгое e, которое в готском представлено как первое долгое закрытое e, в общегерманском как долгая лигатура, в OE как первая долгая лигатура, в ОНД — как долгое a. Поскольку виды дали в германском времена, вторую форму четвертого ряда возводили к греческому перфекту, а третью форму — к аористу. В первой форме четвертого ряда фигурирует гласный аблаута, в четвертой гласный осложнитель (в OE соответственно широкие варианты готских узких вариантов:

OE	stelan	stæl	stælon	stolen
гот	stilan	stal	stêlum	stulans

Пятый ряд. Такое же объяснение, как для четвертого ряда, только огласовка четвертой формы в готском и OE — по аналогии с инфинитивом. Вторая форма пятого ряда в готском имеет приглушенное окончание, а в OE такого приглушения нет:

OE	tredan	træd	trædon	treden
гот	giban	gaf	gêbum	gibans

Шестой ряд. Здесь фигурирует другое чередование по аблауту, объясняемое двумя способами:

1. Краткое германское -а возводят к и. е. «шва», а весь ряд возводят чередованию: и. е. долгое о — шва:

OE	faran	fōr	fōron	faren
гот	faran	fôr	fôrum	farans

2. Германское о долгое в этом ряду возводят к и. е. а долгому, а весь ряд возводят к чередованию: и. е. а долгое — шва.

Седьмой ряд. Здесь отражен древний тип редупликации, в готском представленный полностью, а в OE — только остаточно. Во второй и третьей готских формах редуплицируется коренной согласный, а между редуплицированными согласными ставится нейтральный звук ái, причем в OE такого вставного звука нет. Вокализм седьмого ряда — различный: здесь отражаются пережиточные чередования, выходящие за рамки основного чередования аблаута (см. выше).

OE	hātan	hēt	hēton	hāten
гот	hàitan	háihait	háihàitum	hàitans

Шестой и седьмой ряды характерны параллелизмом огласовки своих форм: первая их форма по огласовке перекликается с четвертой, а вторая — с третьей. Быть может такой аналогизм их форм спас от гибели и ослабления некоторые глаголы этих рядов (to fall, to know), когда в ME происходили ослабление и распад системы сильных глаголов.

Как видно из только что сделанной нами характеристики рядов древнеанглийского глагольного аблаута, это было очень сложная система. Как же она развивалась в дальнейшем?

В дальнейшем эта система заметно упростилась, и, нам представляется, такое упрощение вполне можно назвать одним из конкретных проявлений совершенствования грамматического строя английского языка в ходе его развития по путям анализа.

ME значительно упростил систему аблаута, и ряды сильного спряжения приняли в ME следующий вид:

	Результаты аблаута в ME			
1.	Долгое i	Долгое о открытое	Краткое i	Краткое i
2.	Долгое е	Долгое е открытое (затем о долгое открытое, из множественного числа прошедшего времени)	Долгое о открытое из причастия прошедшего времени	Долгое о открытое, удлинение в открытом слоге XIII в.
3.	а-1) краткое i	Краткое а	Написательное о вместо u	Написательное о вместо u

	Результаты аблаута в ME			
3.	а-2) долгое i, удлинившееся перед nd	о долгое открытое, удлинение перед nd, после перехода в о краткое, но вытесняется множественным числом	Удлинение перед nd, нормандское написание	Удлинение перед nd, нормандское написание
	б) краткое e	Краткое a, ликвидация преломления	Написательное o	Написательное o
	в) краткое e, ликвидация преломления	Краткое a, ликвидация преломления	Написательное o	Написательное o
4.	e долгое открытое, удлинение в открытом слоге	Переход краткой лигатуры в краткое a	Южный переход первой долгой лигатуры в e долгое открытое; или краткое a, из единственного числа	Удлинение и расширение в o долгое открытое в открытом слоге
5.	e долгое открытое, удлинение в открытом слоне, затем сокращение перед дентальными	Переход краткой лигатуры в краткое a	Переход первой долгой лигатуры в e долгое закрытое; или краткое a, из единственного числа	Удлинение в открытом слоге e долгое
6.	a долгое, удлинение в открытом слоге	o долгое	o долгое	a долгое, удлинение в открытом слоге
7.	Ликвидация преломления, краткие a и e в симметрии, закрытый слог, из-за удвоения согласного			

Примеры глагольного аблаута в ME

1.	wrīton	wrǭt	writen	writen
2.	chēsen	chę̆s, chǭs	chǭsen	chǭsen
3. а-1)	drinken	drank	drŏnken	drŏnken
а-2)	binden	bǭnd	bounden	bounden
б)	helpen	halp	holpen	holpen
в)	kerven	karf	korven	korven
4.	bę̆ren	bar	bę̆ren, bar	bǭren
5.	gę̆ten	gat	gę̆ten, gat	gǭten
6.	shāken	shōk	shōken	shāken
7.	fallen	fell	fellen	fallen

Из приведенных примеров видно, что вместо четырех форм, характерных для OE, в ME возникают только три формы, причем происходит это за счет устранения одной из форм, путем аналогии с другими формами, но в разных рядах эта аналогия происходит по-разному. А именно, в первом ряду уже в OE огласовка третьей и четвертой форм была одинаковой, так что в ME, с осереднением неударных окончаний, причастие прошедшего времени приравнялось к множественному числу прошедшего времени. Во втором и третьем рядах гласный проникал из причастия прошедшего времени во множественное число прошедшего времени, причем в случае с глаголом OE cēosan этот процесс захватил также единственное число, а в случае с глаголами OE drincan и helpan — только множественное число. В четвертом и пятом рядах была тенденция объединения всего прошедшего времени на основе огласовки единственного числа прошедшего времени. Шестой и седьмой ряд, как мы видели, уже в OE имели симметричную огласовку первой и четвертой, второй и третьей форм, так что здесь естественным путем приравнялись инфинитив и причастие прошедшего времени.

Интересно отметить, что это приравнивание форм в ME носило временный характер. Как явствует из дальнейшей судьбы приведенных выше примеров, прошедшее время первого ряда пошло по единственному числу, и тем самым было нарушено достигнутое в ME тождество третьей и четвертой форм этого ряда. Что же касается шестого и седьмого рядов, то отпадение флексии инфинитива разделило навсегда формы причастия прошедшего времени и инфинитива.

Окончательно новые формы отстоялись только в XVII–XVIII вв., и это показывает, что упрощение этой древней сложной системы перегласовки по аблауту — процесс очень долгий, трудный и сложный. На эту систему влияли многочисленные фонетические изменения, которые английский язык претерпевал со времен древности; на нее влияли особенности написания нормандских писцов; и в результате всех этих изменений, в NE ряды глагольного аблаута получили следующий вид:

	Результаты аблаута в NE			
1.	a, великий сдвиг	ou, великий сдвиг	Краткое i	Выравнивание множественного числа прошедшего времени в пользу единственного числа
2.	o долгое закрытое дает u: долгое, по великому сдвигу	Великий сдвиг, ou из o долгого открытого	Великий сдвиг, ou	Выравнивание единственного числа в пользу прошедшего времени
3. a)	ai, великий сдвиг	au, великий сдвиг (из u:)	au, великий сдвиг	Выравнивание единственного числа в пользу множественного числа прошедшего времени

	Результаты аблаута в NE			
а-1)	краткое i	Новая краткая лигатура	а с «крышечкой»	Выравнивание единственного числа в пользу множественного числа прошедшего времени
б) в)	Большей частью ослабели (ME helpen, kerven)			
4.	Новый дифтонг, с выпадением из произношения r	Выпадение из произношения r	Выпадение из произношения r	Выравнивание всего прошедшего времени по причастию прошедшего времени
5.	Краткое e, сокращение перед дентальными	o краткое, из нового причастия	Причастие по аналогии с четвертым рядом	Выравнивание всего прошедшего времени в пользу причастия прошедшего времени
6.	Великий сдвиг	Великий сдвиг	Великий сдвиг	Гласные единственного и множественного числа прошедшего времени совпадали уже в OE
7.	Переход в o, из-за глайда (XV в.)	e краткое	Переход в o, из-за глайда (XV в.)	

Примеры глагольного аблаута в NE

1.	to write	wrote	written
2.	to choose	chose	chosen
3. a)	to bind	bound	bound
a-1)	to drink	drank	drunk
4.	to bear	bore	born
5.	to get	got	gotten (сканд. g)
6.	to shake	shook	shaken
7.	to fall	fell	fallen

Но для современного английского языка уже нельзя говорить о существовании сильных глаголов. Дело в том, что группа сильных глаголов в NE перестала восприниматься как что-то единое и монолитное, правильно обусловленное фонетическими закономерностями аблаута.

По сути дела, она распалась, и все аномальные случаи, в том числе и случаи спряжения глаголов, правильно развившихся от сильного спряжения OE, вошли в число так называемых неправильных глаголов NE. В число этих глаголов вошли также многие неправильные слабые глаголы ME, а также неизменные глаголы, образовавшиеся в ME (о них мы еще будем говорить особо).

Статистические данные о распаде группы сильных глаголов наглядно показывают, как аналитический строй английского языка перемалывал это древнее наследие.

В OE было более 300 сильных глаголов, из них до современности дошло только 68 сильных глаголов, и, кроме того, 13 глаголов имеют формы, колеблющиеся между сильным и слабым спряжением. В период ME ослабел 81 сильный глагол. К 1150 году вышло из употребления 90 сильных глаголов, еще 30 глаголов устарело в течение ME, а 30 других сильных глаголов перешло в диалекты[45].

Но до конца перемолоть эту группу английский аналитический строй не смог все равно! В борьбе с сильными глаголами, английский язык как бы окружил их всевозможными аномальными глаголами (неправильные слабые, неизменяющиеся, модальные), упростил, как мог, и они так и остались непереваренной группой, вроде компактной группы уэльского населения Британии, — эта группа также пережила сквозь века все перепитии судьбы — нашествие германцев, нашествие скандинавов, нашествие норманов, ассимиляторские тенденции центрального правительства...

Мы рассмотрели пока что только историю развития форм глагольного аблаута в английском, начиная от готских истоков этой перегласовки, а также в общих чертах обрисовали пути, по которым шло преодоление этой группы глаголов аналитическим строем. Теперь рассмотрим конкретно эти процессы.

а) Смешение рядов. В ME среди сильных глаголов наблюдалось явление передвижки глаголов из одного ряда в другой. Несколько глаголов перешло из пятого ряда в четвертый. Вследствие сходства этих рядов в OE, для этого им понадобилось только заменить гласный e в причастии прошедшего времени гласным o. К числу таких глаголов относятся следующие:

OE sp(r)ecan, sp(r)æc, sp(r)æcon, sp(r)ecen; tredan, træd, trædon, treden
ME spe̯ken, spac, spe̯ken, spōken; tre̯den, trad, tre̯den, troden

Из пятого ряда в четвертый перешли также другие английские глаголы: wetan, wrecan. Наблюдались случаи смешения некоторых сильных глаголов. В OE были глаголы: «просить», второй ряд, bēodan, bēad, budon, boden;

«приказывать», пятый ряд, biddan, bæd, bædon, beden. ME из смешал:

«предложить зайти», «пригласить»				
bēden, be̯d, bōden, bōden	bidden,	bad,	bēden	bēden
«пригласить в дом», «пригласить», «просить»	bēden		bōden	bōden
bidden, bad, bēden, bēden				

Причастие прошедшего времени могло быть также аналогичным инфинитиву, что и утвердилось в единых, формах ENE.

Стали смешиваться два глагола второго ряда:

OE «лететь» flēōgan, flēāh, flugon, flogen;

OE «бежать» flēōn, flēāh, flugon, flogen.

---

[45]См. эти статистические данные у Боу, с. 199–202 (цит. раб.). Боу пишет также, что к современному периоду более половины древнеанглийских сильных глаголов совершенно исчезло из языка («Today more than half of the old English strong revers have disappeared completely from the standard language», цит. раб., с. 200)

Совпадение трех форм этих глаголов уже в OE привело к тому, что в ME и в форме настоящего времени один глагол стал употребляться вместо другого. В современном языковом сознании уже не воспринимается активно то, что эти формы когда-то были контаминированы и что затем контаминированный глагол ослабел. Например, если встречается фраза вроде: he fled from prison...

б) Ослабление сильных глаголов. Сильные глаголы начали ослабевать уже в ME:

из первого ряда: ME grīpen*

из второго ряда: ME crēpen, clēven, flēn

из седьмого ряда: ME wēpen, slēpen, walken, drēden, rēden.

В ENE процессы ослабевания сильных глаголов участились:

из первого ряда: grīpen*, gliden, sliten (разрывать, to slit), writhen, spiwen (OE spiwan, NE to spew, плевать);

из второго ряда: ME chewen, sethen, reken, cleven, fleten, ligen, lien, fleen, brewen, rewen, crepen, souken (NE to suck);

из третьего ряда: ME shouven, brouken, bruken (NE to brook), climben, louken (NE to lock), delven, swolwen;

из пятого ряда: ME weyen (NE to weigh), meten (NE to mete), wreken (NE to wreak), kneden (NE to knead), freten (NE to fret);

из шестого ряда: ME faren (NE to fare), shaven, laden, waden, gnawen;

из седьмого ряда: ME lepen, slepen, salten.

*Датировка ослабления неясна

Всего ослабело 70 глаголов. Но замечательно то, что долгое время наряду с вновь возникшими слабыми формами в языке сохранялись прежние сильные формы, причем часто случалось так, что побеждали последние. Старое побеждало новое! Но победа была чаще всего в омертвелом виде большей частью в застывших причастных формах, воспринимаемых теперь как прилагательные. Примеры:

из второго ряда: OE «мочить», sēōβan; ENE «sodden» «промокший, сырой, отупелый от пьянства», а самый глагол исчез, и теперь мы имеем лишь похожий на него глагол «to seethe» (кипеть, бурлить), который восходит к слабому глаголу OE; OE «clēōwan» дал в ENE наряду с ослабевшим прошедшим временем cleaved также застывшее причастие «cloven», используемое во фразеологическом сочетании «cloven foot», когда говорят о расщепленном копыте дьявола; OE «forlēōsan» дал в ENE застывшее причастие прошедшего времени «forlorn»;

из третьего ряда: OE «meltan» дал в ENE застывшую адъективированную форму molten; глагол «to climb» первое время сохранял недошедшую до нашего времени форму прошедшего времени: clomb;

из четвертого ряда: OE «niman» исчез, но от него сохранилась застывшая адъектированная причастная форма «numb», со значением «оцепеневший»;

из пятого ряда: OE «cweβan», ME «qnethen» сохранил встречающуюся, в поэтических текстах застывшую форму прошедшего времени quoth (OE cwæβ, ME quath), а сам исчез.

В некоторых глаголах слабые формы потерпели полное поражение. Примеры:

из первого ряда: OE briwan; ENE to thrive, throve, thived, thriven, thrived; ME to thrive, throve, thriven; ME abiden, abō̧d, abiden, abiden; ENE abide, abode, abided, abode, abided; NE, чаще, to abide, abode, abode;

из пятого ряда: OE wefan; ENE weave, wove, woven, weaved, weaved; NE, только, wove, woven.

В некоторых глаголах сильными сохранились лишь причастия прошедшего времени, причем иногда эти формы причастий употребляются только аттрибутивно:

из четвертого ряда: OE scieran; NE to shear, sheared (shore[46]), sheared (shorn);

из шестого ряда: OE *scavan; NE to shave, shaved, shaved (shaven); OE ladan, lōd, lōdon, laden; NE to lade, laded, laded (laden); OE hebban, hōf, hōfon, hafen; ME heven; NE to heave, heaved, heaved (heaven).

в) Смешение со слабыми глаголами. Некоторые сильные глаголы смешиваются со слабыми и полностью или частично принимают слабые окончания; например, из шестого ряда, OE wacan, wōc, wōcon, wacen смешался со слабым глаголом OE, второго класса, wacian, wacode, wacod, в результате чего в NE получилось: to wake, waked, waked (waken). OE biernan, barn, burnen, burnen, «гореть» (третий ряд) смешался со слабым глаголом первого класса “жечь”, burnan, bærnde, bærned, а в XIV в. у них образовался новый инфинитив burnen, под лабинализующим влиянием “b”.

г) Скандинавское и нормандское вытеснение. Многие сильные глаголы были вытеснены из языка своими заимствованными синонимами. Например, такую роль сыграли пошедшие как слабые скандинавские глаголы: callen (вместо haten), wanten (вместо), asken (вместо frignan); и, тоже пошедшие как слабые, нормандские глаголы: percen (вместо); engendren (вместо beran), punishen (вместо).

л) Фонетическое разложение рядов сильного спряжения. Наконец, следует отметить кризисный характер сильного спряжения уже в древнеанглийском. Как и флективная система склонения существительных, система глагольного аблаута уже в OE переживала кризис, выражавшийся в том, что огласовка по аблауту была подвержена многочисленным фонетическим изменениям, характерным для древнеанглийского и дальнейших периодов в истории английгского языка.

Мы уже отмечали выше, какой разнообразной могла быть огласовка глаголов третьего ряда аблаута, вследствие того, что согласные осложнители в первых двух формах вызывали вессекское преломление. Можно привести много других примеров аномальности сильных глаголов OE, причем, как обнаруживается при изучении конкретного материала, эта аномальность чаще всего не устранялась, а, наоборот, усложнялась вследствие дальнейших фонетических изменений, и тем самым принадлежность данного глагола

[46]Здесь прошедшее время в ENE иногда оставалось сильным.

к тому или иному ряду сильного спряжения становилась все более и более смутной. По сравнению с этим, готское спряжение — куда более четкое, хотя и там, конечно, есть отдельные аномальные случаи. Но уже одно то, что готскому было чуждо большинство фонетических изменений, которые столь отдалили древнеанглийский от германеского языка-основы (преломление[47], умлаут, и т. д.), в этом отношении предохранило ряды готского аблаута от фонетического разложения, как мы назвали эти процессы.

Приведем не которые примеры фонетического разложения рядов аблаута, начиная с древнеанглийского периода.

Глаголы, имевшие в OE палатальную дифтонгизацию из-за начального гуттуралъного, в ME претерпели йотацию этого гуттурального:

OE «платить» gīeldan, geald, guldon, golden;

ME yēlden, yāld, yōlden, yōlden.

OE «хвалиться» gielpan, gealp, gulpon, golpen;

ME yelpen, yalp, yolpen, yolpen;

OE giefun, gēaf, gēāfon, gvefen;

ME yiven, yaf, yĕven, yiven;

ME сканд. given, gaf, gĕven, given*.

*Скандинавский вклад здесь предотвратил йотацию.

Глаголы, имевшие в OE в инфинитиве умлаут из-за сохранившегося или исчезнувшего суффикса на -i, в ME сохранили этот умлаут, подчинившийся фонетическим законам ME: дифтонгизация, удлинение в открытом слоге и др. Примеры:

из пятого ряда:	OE	lieg(e)an, læg, lægon, legen;
	ME	liegen, lien, lay, leien, leien;
	OE	sittan, sæt, sæton, seten;
	ME	sitten, sat, seten, seten
из шестого ряда:	OE	swerian, swor, swōron, sworen
	ME	swĕrian, swōr, swōron, sworen
	OE	hebban, hōf, hōfon, hafen
	ME	hĕven, hōf, hōven, hōven
	OE	hlichhan, hlōg, hlōgon, hlægen
	ME	laughen, lough, loughen, laughen
	OE	stæppan, stōp, stōpon, stapen
	ME	stepen, stop, stap, stopen, stpoen
	OE	scieppan, scōp, scōpon, sceapen
	ME	shāpen, shōp, shōpen, shāpen.

[47]Впрочем, в готском было т. н. понижение: i > ai; u > au перед r, по этом фонетический переход — очень несложный, по сравнению с древнеанглийскими.

В преобразованном виде сохранилось также стяжение многих сильных глаголов:

из второго ряда:	OE	flēōn, flēāh, flugon, flogen
	ME	flēn, fleigh, flowen, flowen
из пятого ряда:	OE	sēōn, seah, sāwon, sewen, sewen
	ME	sēn, seigh, saugh, sawen, seyen, sen
из шестого ряда:	OE	slēān, slōg, slōgon, slægen
	ME	slę̄n, slew, slewen, slain
из седьмого ряда:	OE	fōn, feng, fengon, fengen
	ME	fangen, feng, fong, fengen, fongen, fangen
	OE	hōn, heng, hengon, hangen
	ME	hangen, heng, hengen, hangen.

В OE некоторые глаголы второго ряда имели в инфинитиве u вместо ēō, из-за дикого аблаута. В ME эта аномалия сохранилась, в преобразованном виде:

OE «запирать»	lūcan, lēāc, lucon, locen;
ME	luken, loken, lek, locen, loken
OE «двигать»	scufan, scēāf, scufon, scofen
ME	shŏven, shof, shef, shoven, shoven.

Аномальные глаголы третьего рядя OE в ME сохраняли, а частично и усложняли свою аномальность:

OE «лопаться»	berstan, bærst, burston, borsten;
ME	bersten, barst, borsten, borsten;
OE «размахивать»	bregdan, brægd, brugdon, brogden;
ME	brēden, braid, —, —;
OE «молотить»	ðerscan, ðærsc, ðurscon, ðorscen;
ME	threshen, thrash, throshen, throshen;
OE «бежать»	iernan, orn, urnon, urnen;
ME	runnen, ran, runnen, runnen.

Аномальный сильный глагол шестого ряда с инфиксом -n в инфинитиве сохранил этот инфикс и в ME:

OE standan, stōd, stōdon, standen

ME standen, stōd, stōden, standen.

В древнеанглийском глаголе пятого ряда, licgan, læg, lægon, legen в инфинитиве был умлаут; от древней формы инфинитива в ME развилась форма liggen (lidʒen), а также новая форма инфинитива, образованная по аналогии с видоизменявшимися формами настоящего и прошедшего времени; эта форма, lien, в дальнейшем закрепилась как единственная возможная (в NE) (to lie).

Среди древнеанглийских глаголов четвертого ряда были такие, которые имели в третьей форме o, либо вследствие того, что здесь была представлена нормальная, а не лигатурная форма греческого аориста (в и. е., e долгое

закрытое (в готском), куда и вернулась в ходе фонетического круговорота эта лигатура всюду в среднеанглийском, кроме юга, где из нее получилось e долгое открытое), либо, в первом случае, из-за лабиализующего влияния начального g (латинская праформа g-venio). В ME эти глаголы сохранили свою аномальность.

OE cuman, c(w)ōm, c(w)ōmon, cumen;

ME cŏmen, cōm, cam, cōmen, cāmen, cŏmen;

OE niman, nam, nom, nāmon, nōmen, numen;

ME nimen, nōm, nam, nōmen, nāmen, nŏmen.

Все эти фонетические аномалии способствовали тому, что группа сильных глаголов уже в ME, да я в значительной степени в OE, оказалась нарушенной, не воспринималась как что-то закономерное и четкое.

e) Растворение сильных глаголов среди неправильных слабых глаголов.

К первому классу слабых глаголов, которые, как известно образовывали прошедшее время и причастие прошедшего времени с помощью дентального суффикса, примыкала группа неправильных глаголов, в которых дентальный суффикс присоединялся прямо к корню, так что прошедшее время у них было без умлаута. Зато умлаут у них был в инфинитиве; например:

OE *taljan, tellan, tealde, teald.

Глаголы с корнем на c, g образовывали прошедшее время и причастие прошедшего времени на hte, ht: OE *socjan, sēcan, sōhte, sōht.

После глухого согласного окончание прошедшего времени de переходит в te:

OE cepan, cepte, ceped;

OE gretan, grete, greted.

В ходе дальнейшего развития все эти аномалии в значительной мере сохранились и получили дальнейшее развитие; так почти все сохранившиеся неправильные слабые глаголы первого класса сохранили в ME эту свою неправильность:

OE sellan, sealed, seald;

ME sellen, sǭlde, sǭld;

OE tellan, tealde, teald;

ME tellen, tǭlde, tǭld;

OE bycg(e)an, bōhte, bōht;

ME byen, boughte, bought;

OE sēcean, sōhte, sōht;

ME seken, sechen, sought, soughte.

Только неправильный слабый глагол ME ræc(e)an, rāhte, rāht, выправил уже в ENE свои формы по правильному образцу[48].

Древнеанглийские слабые глаголы первого класса, корень которых оканчивался на сочетание «согласный плюс d или t» уже в OE образовывали прошедшее время без d. Когда в инфинитиве исчезало en, то, естественно, такие глаголы делались либо неизменными, либо неправильными.

---

[48]И еще два–три глагола, см. ниже.

Например: OE senden, sende; OE restan, reste
ME senden, sent, sended; ME resten, rest, rested
NE to send, sent, sent; NE to rest, rested, rested.

Причастие прошедшего времени таких глаголов могло иметь формы на -d, -t, -ded, -ted.

У некоторых глаголов первого класса после глухого согласного окончание прошедшего времени, d, переходит в t, а в причастии прошедшего времени встречаются формы -ed, -t. Эта особенность глаголов первого класса в ENE нашла свое дальнейшее развитие.

Примеры таких глагогов в OE:
cēpan, cēpte, cēpt, cēped;
grētan, grētte, grēt, grēted.

В дальнейшем глагол to keep сохранил формы на t, а глагол to green развивалсл по путям, общим для большинства исторически слабых и вновь образуемых глаголов, то есть образовал формы на -ed.

В XIV в. некоторые слабые глаголы с основой на l, n, f (u) изменили суффикс прошедшего времени de на te.Аналогичное явление в ME происходило с глаголами, имевшими основу на td, hd, ld, которые в прошедшем времени в ME давали rte, nte, lte, а в причастии прошедшего времени rt, nt, lt. Например, из глаголов второго класса:

OE leornian, leornode, leornod;	OE berēāfian, berēāfode, berēāfod;
ME lernen, lernte, lernt;	ME berę̆ven, berefte, bereft (bereafte, bereaft);
OE lōsian, lōsode, lōsod;	
ME lǭsen, loste, lost;	NE to bereave, bereaved, bereft.

В дальнейшем, в случае с глаголами to learn и to bereave, в литературный язык вошли как правильные, так и неправильные формы, а в случае с глаголом to lose —только неправильные.

Особенно много таких глаголов в первом классе. В следующих глаголах первого класса неправильные формы дошли до соверменности:

OE læfan, læfde, læfed;	OE fēlan, fēlde, fēled;
ME lę̆ven, lefte, lafte, left, laft;	ME fēlen, fēlte, felt;
OE sendan, sende, send;	OE dælan, dælde, dæled;
ME senden, sente, sent;	ME dę̆len, delte, dalte, delt, dalt;
OE bendan, bende, bend;	OE mænan, mænde, mæned;
ME benden, bente, bent;	ME mę̆nan, mente, ment;
OE rendan, rende, rend;	OE byldan, bylde, byld;
ME renden, rente, rent;	ME bilden, bilte, bilt.
OE spendan, spende, spend;	
ME spenden, spente, spent;	

Попутно отметим, что в последнем из приведенных глаголов в NE утвердилось западно-центральное написание.

В некоторых глаголах правильная и неправильная формы остались сосуществовать. Например:

OE hlænan, hlænde, hlæned;	OE gyldan, gylde, gyld;
ME lę̆nen, lente, lent;	ME gilden, gilte, gilt;
OE gyrdan, gyrde, gyrd;	OE wendan, wende, went;
ME girden, girte, girt;	ME wenden, wente, went.

Последний из приведенных глаголов уступил форму своего прошедшего времени глаголу gangan.

Некоторые глаголы исчезли в борьбе старого с новым:

OE scendan, scende, scend; ME shenten, shente, shent.

Судьба слабых, древнеанглийских глаголов в ME показывает, что далеко не все они приобрели суффикс ed, который теперь типичен для всех вновь образуемых английских глаголов. Слабые глаголы дали много неправильных, которые, объединившись с сохранившимися сильными, образовали в современном английском компактную группу неправильных глаголов. Следует сказать, что хотя эта группа не пополняется, она все же вошла в аналитический строй английского языка как его неотъемлемая часть, ибо в число этих глаголов входят важнейшие глаголы основного словарного фонда. Харктерно, что в XV в. возникло только 12 новых слабых глаголов[49]. Это показывает, какое сильное сопротивление новому грамматическому строю оказывали старые флективные черты грамматики.

Наличие неправильных глаголов в английском языке, несомненно, усложняет его аналитический строй, но это — неотъемлемая особенность современного английского.

Любопытно, что если известен одни случий усиления слабого[50] глагола OE (OE hringan, ME, третий ряд ringen, rang, ringen), то в ENE тенденция усиления старых слабых глаголов участилась. Это было аналитическое подравнивание под прочно вошедшие в аналитический строй английского языка сильные глагольные формы. Например, по первому ряду пошли следующие глаголы:

OE «скрывать»	hȳdan, hȳdde, hȳded; (первый класс)
ME	hiden, hidde, hidd;
NE	to hide, hid, hidden;
OE «бранить»	cīdan, cīdde, cīded;
ME	chiden, chidde, chidd;
NE	to chide, chid, chidden.

Сокращение гласного перед двумя согласными сделало так, что формы причастия прошедшего времени и прошедшего времени стали здесь такими

[49]Об этом пишет Боу (цит. раб., с. 201): «At all events the fifteenth century shows only about a doren new weak formations and in the whole modern period there are only about as many more.
[50]Первый класс.

же, как у видоизмененных сильных глаголов первого ряда OE. А когда инфинитив этих глаголов лишился окончания en, то, по великому сдвигу гласных по своей огласовке он оказался идентичным инфинитиву сильных глаголов первого ряда.

По аналогии с сильными глаголами третьего ряда (sting, win), подравнялись под их видоизмененные формы следующие исторически слабые глаголы:

из первого класса:	ME diggen, diggede, digged;	OE lyhtan
	NE to dig, dug, dug;	ME to light, lit, lit.
из второго класса:	OE stician, sticode, sticod;	
	ME stiken, steken	
	NE to stick, stuck, stuck.	

По аналогиис сильными глаголами четвертого ряда (beren) подравнялись под их видоизмененные формыследующие глаголы:

Из первого класса: OE werian, werede, wered

ME weren, wered, wered

NE wear, wore, worn

По аналогии с причастием прошедшего времени глаголов седьмого ряда (to know) видоизменилось причастие прошедшего времени следующих глаголов:

из первого класса:	OE scēāwian, scēāwode, scēāwod;
	ME shewen, shewede, shewed;
	NE show (shew), showed (showed), shown (shewn);
	OE seowian, seowede, seowed;
	ME sewen, sewede, sewed;
	NE to sew, sewed, sewn;
	OE strewian, strewed, -ode, strewed, -od;
	NE to strew, strewed, strewn.

Это подтверждает справедливость нашего взгляда о том, что в современном английском языке все неправильные глаголы объединились в одну единую компактную группу, с которой аналитический строй примирился. Другим подтверждением этого положения может служить тот факт, что известно очень незначительное количество случаев выправления неправильных слабых глаголов (см. выше).

Выправился, например, в ENE, как уже указывалось слабый глагол ME ræc(e)an, rāhte, rāht; выправился глагол ME lacchen, laughter, laught; NE to latch, latched, latched; выправился глагол ME strecchen, straughte, atraught; NE to sretch, stretched, stretched. Можно предположить, что выправление глагола to latch произошло главным образом потому, что в неправильной своей форме он стал бы омофоном глаголу to laugh, в формах причастия прошедшего времени и прошедшего времени. У глагола to stretch старая форма, straught, осталась, в видоизмененном виде, как прилагательное (straight).

Но в общем и целом, таких случаев очень мало.

ж) Растворение сильных глаголов среди неизменяемых глаголов. Наконец, образование в ENE группы неизменяемых глаголов также способствовало вхождению сильных глаголов в одну компактную группу с ними и с неправильными слабыми.

Неизменяемые глаголы ENE образовывались из разных источников. В основном, это слабые глаголы ME с окончанием основы на t:

ME cutten, cutte, cut;	ME hurten, hurte, hurt;
ENE to cut, cut, cut;	ENE to hurt, hurt, hurt;
ME shutten, shutte, shutt;	ME ridden, ridde, rid;
ENE to shut, shut, shut;	ENE to rid, rid, rid;
ME setten, sette, sett;	ME putten, putte, put;
ENE to set, set, set;	ENE to put, put, put;
ME splatten, splatte, splatt;	ME slitten, slitte, slitt;
ENE to split, split, split;	ENE to slit, slit, slit.

Неизменными эти глаголы стали после отпадания безударных окончаний. В следующих глаголах, кроме отпадания безударных окончаний, произошло также сокращение гласных в инфинитиве, по аналогии с другими формами:

ME sprēdden, spredde, spred,

ME shĕdden, shedde, shed.

Из сильных глаголов в число неизменных перешли в ENE следующие глаголы: ME, третий ряд bresten, brast, brosten, brosten;

ENE to burst, burst, burst;

ME, седьмой ряд leten: let, lette, leten, leten;

ENE to let, let, let.

Наконец, неизменными стали некоторые заимствованные скандинавские и нормандские глаголы:

нормандский	ME costen, coste, cost;	NE to cost, cost, cost;
скандинавский	ME casten, caste, cast;	NE to cast, cast, cast;
	thrusten, thruste, thrust	to thrust, thrust, thrust
	hitten, hitte, hit	to hit, hit, hit.

Но большей частью заимствованные глаголы образовывали правильные формы с суффиксом -ed, а иногда даже шли по сильному спряжению.

Таковы те процессы, очень сложные, как мы видели, которые способствовали сохранению остатков сильного спряжения глаголов в составе компактной группы неправильных глаголов современного английского.

На этом мы заканчиваем нашу характеристику глагольного аблаута в связи с переходом английского языка от флективного строя к аналитическому. Попутно мы рассмотрели те явления в области глагола, которые в ходе развития английского языка примкнули к остаткам глагольного аблаута, образовав группу неправильных глаголов.

2) Разрушение системы глагольных окончаний

В ходе развития английского языка спряжение глаголов заметно упростилось. Мы уже говорили о том, что личные окончания сильного и слабого спряжения в настоящем времени в OE были фактически идентичны (см. выше). Такая идентичность личных окончаний глагола была весьма удобна для развития в сторону почти полного отказа от них, в связи с переходом к аналитическому строю[51].

Как же конкретно развивалась система личных окончаний английского глагола? Рассмотрим систему сильного и слабого спряжения, в их развитии, и на основе сравнения с готским.

а) Сильное спряжение

Начнем с изъявительного наклонения.

Готский	OE
Настоящее время	
nima	wrīte
nimis	wrītest
nimiβ	wrīteβ (writ)
nimōs	wrītaβ
nimats	
nimam	
nimiβ	
nimand	
Прошедшее время	
nam	wrāt
namt	write
nam	wrāt
nêmu	writon
nêmuts	
nêmum	
nêmuβ	
nêmun	

При сравнении этих парадигм сразу же бросается в глаза упрощение системы спряжения с переходом от готского к OE. Пропал дуалис, множественное число как в настоящем, так и в прошедшем времени получило во всех лицах

[51] В. М. Жирмунский («К вопросу о внутренних законах немецкого языка», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5), называет такие совпадения «морфологическим омонимизмом», указывая, что в немецком языке он преодолевается с помощью перегласовки (внутренняя флексия). Он приводит ряд примеров, показывающих, как при переходе от ср. в нем. к новонемецкому формы некоторых глаголов выравнивались таким образом, чтобы избежать этой омонимии. Например, MHG riten, пр. вр. reit, riten, пр. пр. вр. geriten; NHG пр. вр. множественного числа rīten распространилось на единственное число, чтобы не было совпадения с инфинитивом, где произошла дифтонгизация ī > ei(ai). В английском языке, с его аналитическим строем, такие совпадения форм вполне допустимы.

одну и ту же флексию. Упростилась перегласовка в прошедшем времени: в OE вторую ступень аблаута имеют только первое и третье лицо прошедшего времени, тогда как в готском все единственное число имеет вторую ступень аблаута. Интересно, что древнеанглийский в нетронутом виде унаследовал из готского идентичность форм первого и третьего лица единственного числа (с их огласовкой по второй ступени аблаута), как бы пользуясь тем, что не нужно тратить усилия поколений на преодолении флективных различий, если бы они здесь имели место.

С переходом к ME спряжение сильных глаголов еще более упростилось. Если OE в единственном числе настоящего времени некоторых глаголов знал умлаутирование коренного гласного (во втором и третьем лице), то ME это умалутирование устранил[52]:

OE helpe, hilpst, hilpβ, helpaβ;

ME helpe, helpst, hilpβ.

Далее, ME устранил чередование согласных по закону Вернера внутри парадигмы спряжения (в OE один согласный был в инфинитиве и единственном числе прошедшего времени некоторых глаголов, а другой — во множественном числе прошедшего времени и в причастии прошедшего времени[53];

OE ceosan, ceas, curon, coren;

ME chesen, ches, choos, chosen, chosen;

OE līβan, lāβ, lidon, liden;

ME, слияние со слабым глаголом OE: lædan, lædded, ge- læded, с устранением чередований.

ENE пошел еще дальше в сторону упрощения системы спряжения исторически сильных глаголов. Первое лицо единственного числа настоящего временив ENE утратило конечное e, а множественное число настоящего

---

[52]В. М. Жирмунский («К вопросу о внутренних законах немецкого языка», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5), полемизируя с младограмматиками, утверждавшими, что умалут получил лишь последующее грамматическое использование, указывает, что «умлаут связан с соответствующими грамматическими категориями и поэтому представляет одновременно грамматическое и фонетическое явление» (с. 90–91). Любопытно, что если внутренняя флексия с помощью умлаута в немецком языке сохранилась, наряду с аблаутом, и В. М. Жирмунский указывает на «все более широкое использование грамматических чередований гласных корня как внутренней флексии» как на внутренний закон немецкого языка, в английском языке, напротив, в связи с его переходом к аналитическому строю умлаут, как и аблаут утрачивают грамматическое значения. Умлаут полностью вытесняется из области глагола, сохраняясь в области существительного лишь рудеминтарно (случаи man — men, ср. с. 21). Что же касается аблаута, то, как мы уже видели, сильное спряжение, шедшее в OE по аблауту, затем растворяется среди прочих аномальных глаголов, и тем самым аблаут уже не ощущается среди новой группы неправильных глаголов как живая грамматическая категория.

[53]В готском языке это чередование было утрачено, но его следы сохранились в готских претерито-презентных глаголах: aih владеет, aigun владеют (А, Мейе, цит раб., с. 49).

времени утратило флексию en, которая в ME была характерна центру. Диалектальная многовариантность личных глагольных окончаний в ME вообще способствовала их последующему отпадению. Вот эти варианты (презенса):

	север	юг	центр	
Первое лицо единственного числа	es, e	e	e	а всюду перешло в нейтральное e, вследствие редукции неударных окончаний; в Кенте и Вессексе в третьем лице единственного числа была синкапированная форма без флексии (стяжение).
Второе лицо единственного числа	es	st	st	
Третье лицо единственного числа	es	eβ, -	en, -	
Множественное число	es	eβ	en	

Любопытно, что общенародный язык утвердил северную флексию s для единственного числа, но центральную, en, взял для множественного, как-будто специально для того, чтобы этой флексии легче было отпасть, в такой форме. Северная флексия s утвердилась в дальнейшем, но будучи ограничена одним только третьим лицом настоящего времени, конечно, она не несет в себе ничего нового[54] и просто является остатком старого флективного строя в рамках нового аналитического. Но она прочно в него вошла и стала его неотъемлемой чертой. Флективные формы второго и третьего лица единственного числа в южно-центральной огласке перешли в литературный язык, но имеют очень узкое употребление в торжественном систем («Библия», «Книга джунглей» Киплинга и др.).

Что касается прошедшего времени, то в ME личное окончание en сохраняется только во множественном числе, единственное число второе лицо по огласовке подравнивается ко второй ступени аблаута, то есть, происходит возврат к готскому положению вещей, только, конечно, без готского личного окончания t. В ENE флексия множественного числа (en) отпадает, и тем самым прошедшее время сильных глаголов, кроме некоторых неправильных[55], оказывается совершенно одинаковым в единственном и множественном числе.

Таким образом, из всех окончаний изъявительного наклонения до современности дошло только личное окончание третьего лица единственного числа настоящего времени, все тот же омоморфичный показатель s! Показатель s означает множественное число существительных, показатель s фигурирует в качестве флексии притяжательного падежа, показатель s используется как личное окончание третьего лица единственного числа индикатива! Такая омомрфичность, как мы уже не раз говорили, весьма характерна для отдельных сохранившихся и сохраняющихся в дальнейшем морфологических показателей английского аналитического строя!

---

[54]Кроме своей омомрфичности (см. ниже).

[55]Глагол to be в прошедшем времени и теперь имеет формы единственного числа was, множественное число were.

Рассмотрев теперь развитие личных окончаний конъюнктива сильных глаголов. Древнеанглийскому конъюнктиву соответствовал готский оптатив, то есть желательное наклонение. Оптатив презенс означал, что желание выполнимо оптатив претерит — что желание невыполнимо.

Сравним личные окончания этих наклонений в готском и OE.

Готский	OE	ME
Настоящее время		
niman	helpe, binde	bgnde
nimais	helpen, binden	bynden
nimai		
nimaiwa		
nimaits		
nimaima		
nimaiβ		
nimaina		
Прошедшее время		
nēmjau	hulpe, bunde	bounde
nēmeis	hulpen, bunden	bounden
nēmi		
nēmeits		
nēmeima		
nēmeip		
nēmeina		

Сравним также личные окончания повелительного наклонения в готском и OE:

Готский	OE	ME
nim	help, bind	bȳnd
nimadau	helpaβ, bindaβ	bȳndein, bȳnde
nimats		
niman		
nimaiβ		
nimahdau		

По сравнению с готскими парадигмами древнеанглийские парадигмы поражают схождением форм: в древнеанглийском конъюнктиве и императиве имеется всего по две формы в каждой системе! Не есть ли это свидетельство, еще одно, кризисного характера древнеанглийской флективной структуры? Об употреблении этих форм мы еще скажем в связи с их вытеснением новыми аналитическими формами, а теперь только отметим, что с переходом к ENE, в связи с отпадением неударных окончаний, эта система еще более упростилась, флективность была совершенно устранена. Любопытно, что, по сравнению с этим, в немецком языке сохранился синтетический оптатив. В. М. Жирмунский («К вопросу о внутренних законах немецкого языка»,

«Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5, с. 100–101) показывает на конкретных примерах как, в ходе развития глагольных форм, форма немецкого оптатива в ряде случаев развивалась таким образом, чтобы при этом не возникло грамматической омонимии. В случае с глаголом werfen, прошедшего времени warf, wurfen, оптатив прошедшего времени würfe, причастие прошедшего времени geworfen (MHG), с переходом к NHG оптатив прошедшего времени не последовал за прошедшим временем, когда оно обобщило форму единственного числа: warf — warfen, поскольку формы *wärfe, * wärfen, дали бы звучание, омонимичное формам настоящего времени. В случае с глаголом singen, прошедшее время sang, sungen, причастие прошедшего времени gesungen, оптатив прошедшего времени sünge последовал за прошедшим временем, когда оно обобщило форму единственного числа, поскольку в противном случае получилось бы совпадением с настоящим временем, ибо в верхненемецком произношении ü переходило в i. Перед английским языком такие задачи преодоления омоморфичности в грамматике не стояли, поскольку развитие английского языка осуществлялось по путям анализа.

б) Слабое спряжение

Рассмотрим сперва изъявительное наклонение:

<table>
<tr><td colspan="5">Готский</td><td colspan="4">OE</td></tr>
<tr><td colspan="9">Настоящее время</td></tr>
<tr><td colspan="2">Первый класс</td><td>Второй класс</td><td>Третий класс</td><td>Чет-вертый класс</td><td colspan="2">Первый класс</td><td>Второй класс</td><td>Третий класс</td></tr>
<tr><td>nasja
nasjis
nasjiβ
nasjōs
nasjats
nasjam
nasjiβ
nasjand</td><td>sōkja
sōkeis
sōkeiβ
sōkjōs
sokjats
sōkjam
sōkeiβ
sōkjand</td><td>salbō
salbōs
salbōβ
salbōs
salbōts
salbōm
salbōβ
salbōnd</td><td>haba
habais
habaiβ
habōs
–
habam
habaiβ
haband</td><td>fullna
fullnis
fullnip
fullnōs
fullnats
fullnam
fullniβ
fullnand</td><td>telle
tellest,
telest
telleβ,
teleβ
telleβ
rēpe
cēpst
cēpð
cēpaβ</td><td>styrie
styrest
styreβ
styriaβ</td><td>lufie
lufast
lufap
lufiap
lōcie, iʒe
lōcast
lōcað
lōciað,
iʒað</td><td>secge
sægst
(sagast)
sæyβ
(sagaβ)
seoga(e)β</td></tr>
<tr><td colspan="9">Прошедшее время</td></tr>
<tr><td>nasida
nasidēs
nasida
nasidēdu
nasidēduts
nasidēdum
nasidēdup
nasidēdun</td><td colspan="4">Слабые глаголы остальных классов в прошедшем времени в готском имеют также же окончания, как и глаголы первого класса (nasida)
cēpte
cēptest
cēpte
cēpton</td><td>tealde
tealdest
tealde
tealdon</td><td>styrede
styredest
styrede
styredon</td><td>lufode
lufodest
lufode
lufodon
lōcode
lōcodest
lōcode
lōcodon</td><td>sægde
sægdest
sægde
sægdon</td></tr>
</table>

Как мы уже указывали, слабое спряжение было характерно, как в готском, так и в ОЕ, — наличием дентальных суффиксов в прошедшем времени. Следует добавить, что суффиксы для этого спряжения были характерны также и для его настоящего времени. Необходимость в подпорке в виде дентального суффикса для образования прошедшего времени и побудило Я. Гримма назвать эти глаголы слабыми, по сравнению с сильными глаголами, образующими прошедшее время без всякого суффикса, одной перегласовкой корня.

Несмотря на свою новизну[56], слабые глаголы готского довольно разнообразны, и, по суффиксам настоящего времени, i, ō, ái, na и no, распределяются по четырем классам. При этом первый класс распадается на две подгруппы, в зависимости от того, краткосложная или долгосложная основа у данного глагола. В первом классе i перед гласным йотируется (naspa), но при наличии долгосложной основы этот йот не фигурирует во втором и третьем лице единственного числа и во втором лице множественного числа:

sōkeis, sōkeiβ, sōkeiβ.

Но, если отвлечься от этих суффиксальных особенностей настоящего времени, то придется признать, что в готском флексии слабого спряжения настоящего времени — такие же, как и у сильного спряжения (см. выше). Зато в прошедшем времени флексии совсем иные: во множественном числе и в дуалисе суффикс dēd — с теми же флексиями, как и в сильном спряжении, а в единственном числе — дентальный суффикс d и флексия -a в первом и третьем лице и флексия es во втором лице.

По сравнению с этим, в ОЕ нет дуалиса, множественное число в настоящем и прошедшем времени не различается по лицам. Окончания прошедшего времени гораздо менее громоздкие, чем в готском, и отличаются от прошедшего времени сильных глаголов лишь наличием суффикса единого для единственного и множественного числа.

Правда, во множественном числе «е» поглощено флексией on, и во втором лице единственного числа фигурирует окончание st, тогда как у сильных глаголов — личное окончание –е.

По сравнению с готским, заметное упрощение, тем более что вместо четырех классов готских слабых глаголов, мы имеем только три класса, в ОЕ.

В первом классе, объединяющем деноминативные и каузативные глаголы с умлаутом, i, как и в готском выпадает перед любым гласным при наличии долгосложной основы (tlle, tellest и др.); при наличии краткосложной основы, у глаголов с кратким коренным гласным плюс r элемент i сохраняется (styrie), кроме второго и третьего лица единственного числа (styrest, styreβ), но нет удвоения согласного. У глаголов с кратким коренным гласным без r нет i, но есть удвоение согласного, кроме второго и третьего лица единственного числа, где удвоение если и бывает, то только в результате аналогии с другими лицами. О неправильных глаголах первого класса мы уже говорили в иной связи.

[56]Корневые и. е. глаголы идут по сильному спряжению.

Во втором классе, объединяющем переходные и непереходные глаголы, большей частью деноминативные, суффикс *oja в инфинитиве перешел в i, а в двух других формах — сохранился: lufian, lufode, lufod. Во втором и третьем лице единственного числа настоящего времени суффикс *oja перешел в a: lufast, lufaβ. Умлаута здесь уже нет, так как это j в суффиксах настоящего времени — позднего происхождения.

Третий класс очень неправилен, сюда входят немногочисленные глаголы со значением «иметь», «жить», «сказать». Суффикс d, de присоединяется к коренному слогу без соединительного гласного. Суффикс i в инфинитиве вызывает там умлаут и удвоение согласного. Спряжение в первом лице единственного числа, как у глаголов первого класса (с окончанием e, без суффикса i: secge), а во втором и третьем лице единственного числа, как у глаголов второго класса (с суффиксом a: sagaɔt, sagaβ). Но суффикс a, как показано в парадигме спряжения, мог выпадать. Неправильный характер этих глаголов значительно усложнил слабое спряжение в английском, которое, как мы видели из вышесказанного, было и без того достаточно многовариантным и путанным, со всеми этими многочисленными суффиксами, появляющимися, исчезающими, меняющими свою форму...

В ME слабые глаголы второго и третьего класса по личным окончаниям подравниваются по первому классу, в связи с осреднением безударных окончаний. В результате все эти многовариантные суффиксы гибнут. Прошедшее время осредняется на основе суффикса прошедшего времени ede[57]. В настоящем времени для ME характерна многовариантность личных окончаний. На юге первое лицо единственного числа настоящего времени имело окончание i (lovi), в других диалектах там было окончание -e. На севере множественное число настоящего времени имело окончание es, в центре -en, на юге -eβ, то есть, такие же окончания, как и в сильном спряжении. Прошедшее время по-прежнему отличалось от настоящего посредством суффикса ede[58].

С переходом к ENE последние различия личных окончаний настоящего времени сильных и слабых глаголов утрачиваются, поскольку в обоих спряжениях остается лишь окончание -s в третьем лице единственного числа. Что же касается прошедшего времени, то там в единственном и множественном числе одинаково закрепляется суффикс ed, теряющий все флексии (e, est, t, en), еще сохранившиеся в ME.

Как видно, и здесь, в слабом спряжении, наблюдается полный распад старой синтетической (флективной) системы. Кстати, это запрещение говорить о личных глагольных окончаниях как о флексиях нам кажется все же необоснованным, поскольку слово «флексия» короче и достаточно ясно выражает то, что подразумевается под этим понятием. Поэтому мы неоднократно применяем этот термин в связи с рассмотрением глагольной системы в английском.

Но как развивалась система наклонений в слабом спряжении? Может быть, там не имел места такой распад старой флективной системы?

---

[57]Окончание -e суффикса ede уже в ME могло отпадать.

[58]Нам не вполне ясно, следует ли считать это конечное e частью суффикса или флексией.

Готский				OE			
оптатив				конъюнктив			
Первый класс	Второй класс	Третий класс	Четвертый класс	Первый класс	Второй класс	Третий класс	
nasjan nasjais nasjai nasjaiwa nasjaits nasjaima nasjaiβ nasjaina	salbōs salbō salbōwa salbōts salbōma salbōβ salbōna	habau habais habaiwa habaits habaima habaiβ habaina	fullnau fullnais fullnai fullnaiwa fullnaits fullnaima fullnaiβ fullnaina	telle styrie tellen stryien готский (прошедшее время во всех классах по первому классу): nasidēdjau nasidēdeis nasidēdi nasidēdeits nasidēdeima nasidēdeiβ nasidēdeina	lufie lufien	secge secgen	libbehæbbe libbehæbben
					OE прошедшее время Первый класс		
					tealde tealden	styrede styreden	cepē cepēn
					Второй класс		
					lufode lufoden	lōcie lōcien	lociʒe lociʒen
					Третий класс		
					sægde sægden	lifde lifden	hæfde hæfden
Императив							
nasei nasjadan nasjats nasjam nasjiβ nasjandan	sōkei sōkjadan sōkjats sōkjam sōkeip sōkjandann	salbō salbōdan salbōts salbōm salbōβ salbondann	habai fulln – fullnadan – fulnats habam fullnam habaiβ fullniβ habandan fullnandan	tele, tell tellap cēp cēpap	styre styriaβ	lufa lufiaβ loca lociaβ (locijaβ)	sæge sæga secgaβ li libbaiβ hefa habbaβ
ME конъюнктив презенс			Конъюнктив претерит	Императив			
lōke (ie, южн) lōken (ien южн)	kēpe kēpen		lōkede lōkeden	lōke lōketh, lōke		keep, kēpe kēpeβ, kēpe	

В прошедшем времени конъюнктива OE окончания те же самые, что и в настоящем времени i — умлаут в конъюнктиве настоящего времени устранен, хотя в индикативе, как мы говорили выше, он фигурирует у некоторых глаголов.

Что касается окончания повелительного наклонения, то в противоположность окончаниям сильного спряжения (см. выше), здесь, в слабом спряжении, окончания неодинаковые. Второе лицо единственного числа императива глаголов первого класса с кратким коренным гласным имело окончание e (styre), с долгим коренным гласным — без окончания (tell, cēr). (Форма tele — по аналогии с краткосложными).

Но в ME, с осреднением безударных окончаний, эти различия утратили всюду, кроме юга, свое значение и как для конъюнктива так и для императива совершенно отпали, точно также, как это случилось в индикативе. Но сами флексии отпали только в ENE.

При сравнении с готским парадигмами наглядно видно, насколько OE упростила спряжение в конъюнктиве и императиве. Дальнейшее развитие устранило совершенно здесь флективность. Но что пришло ей на смену?

в) Процессы создания новоанглийской аналитической глагольной системы

На смену старому флективному (синтетическому) строю в области глагола пришли новые аналитические явления. Конечно, их зарождение относится уже к древнеанглийскому периоду, но полное развитие эти явления получили только с переходом к аналитическому строю, в ME и, окончательно, только в ENE и NE. Конечно, неверно было бы думать, что аналитические формы заменили собою отмершие глагольные флексии. Оба процесса протекали одновременно, и, дополняя друг друга, они привели к перестройке английского глагола, английской глагольной системы, на новые аналитические рельсы.

Где же истоки развития аналитических форм в английском?

а) Претерито-презентные и неправильные глаголы

Истоки аналитических глагольных форм следует искать в судьбе претерито-презентных и неправильных глаголов OE, ибо оттуда ведет свое начало большинство тех глаголов, которые ныне играют роль вспомогательных и полувспомогательных при образовании аналитических глагольных форм.

Особая группа претерито-презентных глаголов имеется во всех германских языках. Первоначальная форма прошедшего времени этих глаголов приобрела значение настоящего времени, а прошедшее время выражается новой формой, образованной по слабому спряжению.

Мы не будем здесь подробно рассматривать судьбу этих глаголов, так как для нашей темы важен только один факт из этой судьбы: постепенный отбор, происходивший в этой группе.

В OE было 12 претерито-презентных глаголов: beneah, geneah; wāt; deag; onn (ann); ðearf; man, mon; āg; cann; dear(r); sceal(l); may; mōt. В ME оставалось 11 глаголов из этой группы: wōt; deh, dowi; an, on; tharf, thar; man; ouh; can (con); dar; shal; may; mōt. До ENE и до современности дошло только шесть: āg, out, owe, cann, can, con, can; dear(r), dar, dare, sceal(l), shal, shall; may;

mōt, must. Вот эти шесть глаголов и дали те аналитические формы, которые теперь употребляются для образования аналитического будущего времени (shall) и для образования аналитических форм сослагательного наклонения (may, can, shall). Только глагол dare из этой группы не получил применения в отношении образования аналитических глагольных форм. Глагол owe дал модальную форму ought to, которая употребляется в сочетании с инфинитивом, выражая долженствование. Таким образом, обнаруживается, что претерито-презентные глаголы оказались тем запасом глагольных лексем, который был в значительной мере использован для образования аналитических глагольных форм новоанглийского периода.

Аналогичную роль сыграли также так называемые «неправильные глаголы древнеанглийского периода». К этой группе относятся четыре глагола: OE bēon, gān, dōn, willan, объединяемые в одну индо-европейскую группу глаголов на «mi». Приводим индо-европейские соответствия этих глаголов:

быть OE bēon, лат. fui; рус. быть, есть; нем. bin, ist; франц. füt, санскр. vasati; гот. wisan; онд wesan;

идти OE gān; ong[e)], gē, gan, got, idja; рус. идти; лат. ire; греч. eimi; дрел. идти; санскр. ayamett;

делать OE dōn; рус. делать; санскр. dadhat; ŏng tuom; греч. θodmi; лат. abdo, conde;

хотеть OE willan; гот. wiljan; лат. volo, velle; тр. сл. bonimu; санскр. θpramu; ond wellen.

Мы не будет приводить здесь парадигмы, характеризующие развитие этих глаголов. Отметим только, что глагол bēon остался единственным морфологически усложненным глаголом вплоть до современности: это единственный глагол в английском языке, в котором морфологически различается единственное лицо от множественного как в настоящем, так и прошедшем времени. Кроме того, стоит отметить супплетивный характер глагола gān, прошедшее время которого в OE имело совсем другой корень, чем настоящее, а затем в ME оказалось вытесненным сторонней формой, от глагола OE, первого класса, слабый, wendan, wende, wend; ME wenden, wente, went, от которого, в том что касается инфинитива, до современности дошел лишь застывший идиоматический оборот to wend one i way. Обычные упрощения окончаний с переходом к ENE, характерные для этих глаголов, вряд ли стоит здесь специально воспроизводить. Отметим только любопытный факт, а именно, что из этих глаголов три широко употребляются для образования аналитических глагольных форм: to be, для образования страдательного залога, времен континьюз, одной из форм сослагательного наклонения (модальное долженствование); to do: для вопросительной и отрицательной аналитических форм презенса и претерита; will — для будущего времени и многочисленных форм сослагательного наклонения. Только глагол to go не употребляется в такой грамматикализованной роли, да и то он используется для передачи значения инкаотивности в выражениях типа: I am going to do it. Попутно следует отметить, что такое использование этого

глагола не позволяет его быть может «включать в парадигму», как у нас иногда говорят, рассмотренных нами ранее претерито-презентных глаголов их грамматического значения — выражение модальности, наклонения, а в случае с глаголом «to go»- начального вида. Во всяком случае, в современном английском языкенередко относят к числу модальных, кроме, конечно, глагола “to go”, который выражает вид, а не модальность. Глаголы to be и to do только отчасти модальные — в тех случаях, когда глагол to be выражает долженствование, а глагол to do — эмфатическое желание в утвердительных предложениях.

Кроме рассмотренных глаголов один только глагол to have[59] может употребляться в качестве вспомогательного (при образовании перфектных времен). Относящийся исторически к третьему классу слабых глаголов, этот глагол тоже был неправильным по своей форме инфинитива в OE (habbon), которую он в ME выправил по форме прошедшего времени.

Так что создается впечатление, как будто праиндо-европейский корень «mi», к которому возводятся все четыре рассматриваемые глагола, как бы в потенции заключал возможность своего использования для образования аналитических глагольных форм в новых языках, ибо в других индо-европейских языках эти формы в значительной части тоже возводятся к образованиям того же корня (французские сложные времена, немецкий перфект и др.).

б) Развитие аналитических временных форм

Теперь мы рассмотрим как в английском языке проходило развитие аналитических временных форм, в связи с переходом к аналитическому строю.

От древности, как известно, OE унаследовал только два времени, презенс и претерит, которые поэтому и сохранили свой синтетизм, хотя, как станет ясно, если учесть аналитические вопросительные и отрицательные формы этих времен, далеко не полностью. Да и применение суффикса ed для образования прошедшего времени, суффикса, такого омоморфичного по своему характеру — ибо причастие прошедшего времени и многие прилагательные образуются точно также — нельзя не признать аналитической чертой, которая вошла как неотъемлемая в новый аналитический строй, хотя исторически и восходит к синтезу!

В готском, как известно, тоже было только два времени, таких же, как в OE — презенс и претерит. Но если будущее время в готском передавалось через презенс и оптатив, то в OE значения будущего времени передавались только через арезенс, причем при наличии в спряжении глагола bēon, в этом значении употреблялись формы от корня bēon:

«Он будет назван наименьшим»

«Sē bið læst genemned».

Прошедшее время в OE употреблялось в значении предпрошедшего:

«После пасхи умер король Этеред, а правил он 5 лет»

«Bæs ofer Ēaɔtron gefōr Atβerēd cyning, and hē rīcsode fif gear».

[59]А также глагол to bet (см. ниже)

Уже в OE были зародыши аналитических времен ME[60], но это были только зародыши, потому что для этого периода нельзя еще считать грамматикализованными имевшиеся уже тогда сочетания с виду вспомогательных глаголов с причастиями и инфинитивами. Ибо в таких сочетаниях первый глагол, с виду вспомогательный, не утратил еще своего первоначального значения, не ослабел еще до положения формального грамматического элемента, который, в сочетании с инфинитивом или причастием, образует единое целое, вместо прежнего свободного сочетания личной и неличной глагольных форм.

Вот как, например, подготавливалось образование будущего времени: глагол «sculan» в OE означал «долженствовать», «иметь необходимость».

«Так должен человек поступать»

«Swa sceal man dōn»

Но иногда значение долженствования ослабевало до значения будущего времени, в сочетании с инфинитивом:

«Я этому храброму за его мужество сокровища предложу»

«Ic βæm gōdan sceal for his mōd-βræce māðmas bēodon».

Аналогичное ослабление значения «намерения», «желания» претерпевает глагол «willan», тоже в сочетании с инфинитивом:

«Я его мечом убивать не хочу»

«Jc hine sweorde swebban nelle»

«Я скажу»

«Willy ic āsecgan».

Однако, малочисленность таких случаев в OE не позволяет говорить о наличии в OE категории будущего времени, которая появляется, на основе приведенных выше сочетаний. Только в ME. Тем не менее приведенные примеры наглядно показывают, как в рамках старого флективного строя OE зарождаются новые аналитические формы, находящиеся в прямой преемственности с нашедшими свое окончательное развитие лишь в ME формами будущего времени.

Несколько иначе обстоит дело с развитием форм настоящего и прошедшего длительных (формы континьюз). Употреблявшиеся в OE сочетания глагола wesan (bēon) с причастием настоящего времени в ME затухают. Кроме того, в OE эти сочетания употреблялись для обозначения длительного незавершенного времени, неограниченного во времени. Новые формы континьюз (с отглагольным существительным) появляются только в XV–XVII вв.; первые такие формы зарегистрированы в XIV в. уже без «a», являющегося остатком более древней формы с предлогом «on»:

he wæs on huntinge	he was hunting
to go a walking	he was walking

Причем эти новые формы имеют значение ограниченности во времени. Формы перфект континьюз появляются только в XVIII–XIX вв.

---

[60]См. Б. А. Ильиш, «История английского языка», с. 74–75.

В ОЕ мы находим также зачатки перфектных времен, причем изредка наблюдаются случаи употребления причастия прошедшего времени в сочетании с глаголами «habban» (при причастиях прошедшего времени непереходных глаголов). Иногда эти причастия встречаются в несклоняемой форме, но согласование в роде, числе и падеже только постепенно исчезает:

«Здесь приехали издали прибывшие»

«Hēr syndon gēferede feorran cumene».

С XII–XIII вв. можно говорить о том, что презент перфект стал грамматической категорией английского языка. Причем он одновременно выражает время и вид, обозначая результат действия, ощущаемого в настоящем. Развитие перфектных форм сперва шло аналогично немецкому языку: для глагола движения перфектные формы образовывались с помощью глагола «to be», но в английском языке такое употребление глагола «to be» столкнулось с его употреблением при образовании страдательного залога, и отсюда исчезновение этой формы перфекта[61]. От нее в современном языке остались лишь закостеневшие фразы типа: le is gone, he is come. Собственного значения в таких перфектных сочетаниях глагол to be не имел, и при столкновении с залоговыми формами могла возникнуть неясность. Отсюда, с совершенствованием аналитического грамматического строя английского языка перфектные формы стали употребляться только со вспомогательным глаголом. В ME презент перфект употребляется еще в контекстах прошедшего времени. Наряду с паст перфект.

---

[61]Такое объяснение дает М. М. Гухман («Родство языков и внутренние законы их развития», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5, с. 74): «Вряд ли исчезновение второго типа словосочетания в английском языке может рассматриваться как случайность. Напротив, представляется вероятной связь данного процесса с исключительным закреплением в этом языке сочетания с «быть» за системой пассивных форм, в отличие от немецкого и голландского, где доминируют в этом случае сочетание с глаголом «становиться»; в исландском, например, языке, где вообще установилась иная система выражения страдательного залога, сохраняются оба типа словосочетания».

В. Г. Вилюман в своей работе «О перфекте непереходных глаголов в английском языке» (Ученые записки Лен. Гос. Пед. Института им. Герцена, т. 93, 1954 г., факультеты английского и ром. Языков, с. 102), указывает, что здесь «на лицо процесс преодоления грамматической омонимии в составном сказуемом с вторым причастием непереходного глагола». Там же даются точки зрения других авторов на этот вопрос. Так, Есперсен объясняет вытеснение связанного глагола to be из сказуемого со вторым причастием тенденцией к унификации грамматических средств и совпадением конечного звука в неударных формах is и has, в результате чего «he's gone», «it's» «it is gone» («A Mod. Engl. gr., т. 4, п. 31(3), Гейдельрберг, 1922 г., с. 30). Соглашаясь, в общем, с первым доводом Есперсена, Вилюман считает, что второй его довод, основанный на смешении форм has и is в результате их фонетической редукции, «носит механический характер и представляется маловероятным» (см. уит. раб., с. 101). Франц. («Shakespeare grammar», Гейдельберг, 1924 г., изд., с. 510) говорит о скрещении соотносительной системы типов сказуемого с «to be» и "to have". Мы согласны с мнением Вилюмана, ибо в полных формах звуковое совпадение невозможно.

Таково, в общих чертах развитие новых аналитических глагольных времен. Интересно отметить, что в XVII–XVIII вв. do употреблялось также в утвердительных предложениях при употреблении простого прошедшего и настоящего, но в дальнейшем вспомогательный глагол to do закрепился только в вопросительных и отрицательных конструкциях, так как в утвердительных его не поддержали требования порядка слов побуждавшие применять его при вопросе или отрицании. Дело в том, что в отрицательных предложениях после сказуемого должны были одновременно находиться отрицательная частица и дополнение, а в вопросительных предложениях сказуемое должно было быть перед подлежащим, но оно должно было также иметь при себе дополнение. При наличии таких требований порядка слов, естественно было расчленить сказуемое на смысловую и вспомогательную части.

Что же касается утвердительных предложений, то в них глагол to do стал означать сильную просьбу или просто эмфазу.

Конструкция с to do называется описательной. Любопытно, что распространение ее в языке началось с отрицательных предложений и быстрее всего шло в вопросительной отрицательной конструкции. Особенно много случаев описательной конструкции в отрицательных оборотах можно найти в драматических произведениях XVIII в. Философы, напротив, долго колебались в этом отношении: и у Юма мы находим только 22 % отрицательных описательных конструкций, тогда как у Гольдсмита — 100 %.

Путь образования аналитических глагольных конструкций в английском — долгий и трудный. В ME сочетания глагола to be с причастием настоящего времени означают только эмфазу. У Шекспира времена континьюз встречаются очень редко. Но у Чосера в ME уже есть настоящее, прошедшее и будущее перфективные. Однако предпрошедшее в ME еще не употребляется в значении последовательности времен. В OE сочетания глагола habban с причастием прошедшего времени употреблялось для обозначения результата действия, в ME это уже — перфективные времена.

Мы говорили об образовании временных аналитических глагольных категорий в английском. Следует отметить, что эти категории передавали также и вид (времена перфект, континьюз). Но полностью передать все видовые оттенки эта система все равно не смогла, поскольку морфологический вид английским языком создан не был. Р. А. Будагов пишет о западноевропейских языках вообще: «В западноевропейских языках, ... которые не располагают морфологическими средствами передачи видовых значений, последние могут в значительной степени выражаться при помощи разнообразных времен... Однако, как бы ни было важно это использование временных категорий в видовом значении, категория вида, как грамматическая категория, существует лишь в тех языках, в которых она имеет четкое морфологическое оформление. Такими языками являются прежде всего славянские языки» («Очерки по языкознанию», с. 193). Это вполне применимо к английскому языку. Что же касается предельности

и непредельности, то эти видовые значения, морфологически невыраженные, вряд ли можно проследить в историческом плане, да и вообще они трудно различимы[62].

[62]Блестящим разоблачением вздорности теории вида, выраженного будто бы во фразеологических глагольных сочетаниях, имеющих эквивалент — однословный глагол, является диссертация А. В. Кумачевой «Английские фразеологические глагольные сочетания, имеющие эквивалент — однословный глагол» (Ленинград, 1953 г., 1-й ЛГПИИяз.). Диссертант полемизирует с взглядами на этот счет, высказывавшимися Поутсма / «A grammar of late modern English», ч. 2, с. 299 (утверждал, будто бы сочетания типа to have a loud cry «носят ярко выраженный характер кратковременного вида») / В. Н. Ярцевой / «Длительные времена и проблема вида в английском глаголе», уч. Зап. ЛГУ, 1941 г., № 58, с. 224 (где утверждается, что сочетания типа «to have a smoke» выражают однократно совершенный вид, противопоставляясь простому глаголу «to smoke», имеющему будто бы имперфективный вид) / Б. А. Ильишом (который в теоретическом курсе «Современный английский язык» утверждает, будто такого рода обороты имеют видовое значение), Б. И. Роговской (диссертация которой, защищенная в том же самом 1-м ЛГПИИяз в 1947 г. / «Конструкция типа to give a laugh в современном английском языке» / «фактически посвящена доказательству того, что анализируемая ею конструкция является средством выражения однократного вида в современном английском языке) / Диссертант убедительно доказывает, что «видеть во фразеологических глагольных сочетаниях грамматизованное выражение вида — это значит навязывать английскому языку категорию, которая для него нетипична». «Такая трактовка лексикологической проблемы свидетельствует о непонимании сфер и границ действия лексики и грамматики, то есть о полном смешении лексических и грамматических категорий», пишет автор. Вот основные положения доказательства этого тезиса:

Рассматриваемые фразеологические сочетания могут быть употреблены в длительных временах (She was taking a farewell look).

Они употребляются также в перфектных формах (I've had such rush), с наречиями времени (he often had doubts about his children's aflection).

Существительное, участвующее в таких сочетаниях, может стоять во множественном числе (She... thought that no one really believing himself to be in donger could have given the merry gbarces which he had done).

С такими сочетаниями может употребляться would со значением многократного вида (Mrs Perch would give a grim little laugh) / и ряд других косвенных доказательств из более широкого контекста). Мы считаем, что если провести столь же беспристрастное исследование видового значения в остальных случаях, где некоторые наши англисты находили вид, независимо от длительных и перфективных форм, которые в первую очередь являются временными и лишь в большей или меньшей степени передают видовые оттенки, то и в этих случаях (предельность, не предельность, терминативность и т. д.) будет убедительно доказано, что видовые значения тут привнесены совершенно произвольно, посредством перевода на другой язык, с ярко выраженным морфологическим видом. Но наша цель — более широкая, чем опровержение этих частных теорий некоторых наших англистов, и поэтому в нашей монографии мы целиком обходим вопрос о предельности и не предельности, если не считать несколько беглых упоминаний.

Сказанное нами о развитии аналитических временных глагольных форм не содержит чего-либо нового. Материал этот взят нами из имеющихся руководств по истории английского языка. При обширности нашей темы мы не могли подробно освещать развитие всех этих форм, приводя примеры из оригинальных произведений. Но нам важно было только наметить общие черты, общие линии развития аналитических глагольных форм, в связи с рассматриваемым структурным переходом английского языка.

Аналитические глагольные формы возникали также во флективных языках — их знают русский, немецкий — но коренное качественное отличие этих форм во флективных языках и в английском языке заключается в том, что во флективных языках аналитические глагольные формы дополняли существующую издревле синтетическую глагольную систему, тогда как в английском их развитие сопровождалось распадом древней синтетической глагольной системы. То есть здесь мы имеем точно такое же качественное отличие, которое отмечалось нами относительно использования предложенных конструкций в русском и английском языках, ссылаясь на статью Ломтева, опубликованную в журнале «Вопросы философии» (1953 г.).

Рассмотрим теперь историю образования аналитических залоговых форм в английском.

в) Развитие аналитических глагольных залоговых форм

При сравнительном изучении готского и древнеанглийского языка бросается в глаза любопытный факт. Если в готском были представлены развитые синтетические (флективные) формы залога, в том числе в сослагательном наклонении (оптативе), то для ОЕ характерно почти полное отсутствие залога.

Вот примеры готского медиопассива (для сильных глаголов):

Индикатив	Оптатив
nimada	nimaidan
nimaza	nimaizan
nimada	nimaidan
nimanda	nimaindan

А вот примеры готского медиопассива для слабых глаголов

Индикатив			Оптатив		
nasjada	salbōda	habada	nasjaidan	salbōdan	habaidan
nasjaza	salbōza	nabaza	nasjaizan	salbōzan	nabaizan
nasjada	salbōda	habada	nasjaidan	salbōdan	habaidan
nasjanda	salbōnda	habanda	nasjaindan	salbōndan	habaindan

Что касается ОЕ, то там была только одна изолированная пассивная форма, от глагола hātan (сильный, 7 р) в первом и третьем лице единственного числа и во множественном числе: hāttt, hātton. Эта форма соответствует готскому медиопассиву «haitada» и употребляется как в прошедшем, так и в настоящем времени[63]. И это все, что осталось от и. е. залога! Но с развитием аналитических черт в английском языке, в него вошли также новые формы пассива.

[63]См. Б. А. Ильиш, «История английского языка», с. 80.

Любопытно, что уже в готском претерите, где синтетический медиопассив не применялся, встречаются аналитические залоговые сочетания из причастия с вспомогательным глаголом, типа giβan ist. В OE таких сочетаний больше.

Их можно назвать зачатками аналитического залога. С причастием прошедшего времени сочетаются древнеанглийские глаголы bēon, wesan, weorβan. Причем сочетания эти имеют пассивное значение. Но тот факт, что все три названные глагола употребляются для этой цели безразлично, не позволяет сказать, что эти сочетания — полноценная грамматикализованная форма залога. Кроме того, этому мешает наличие согласования в роде и числе с подлежащим:

«В этом году убито 9 эрлов»

«Bæs gēares wærun ofslægene nigoneoslas»

Иногда, впрочем, такого согласования нет:

«Были римляне славные мужи, хорошо вооружены»

«Wæron Romaware, secgas sigorōfe, sōna gegearwod»

В ME актив уже протиповосталяется пассиву в спряжении, причем впоследствии он весьма расширяет сферу своего употребления. Этому способствовало, конечно, то, что в качестве вспомогательного глагола утвердился здесь глагол to be, преодолевший раздвоенность своих форм, характерно для OE (формы от глагольного инфинитива bēon и wesan были соответственно):

1. bēon, bis(t), biβ, beop префексный bēo, bēon, префекс коньюнктив претерит — общий для обоих корней: wæs, wære, wæs, wæron, — индикатив; wæse, wæren — коньюнктив.

2. bom, bart, is; sint, sindon, siendun, sind, sindum — презент; sīe, sī, sȳ, sīo, sēō, sig, sīen, sīn, bēon, sȳn — префекс коньюнктив.

Развитие пассивных конструкций в английском продолжалось и в дальнейшем. Только в XVIII в. появляются конструкции с континьюз пассив, или, как их называет Боу, конструкции с «The Progressive Passive» (см. с. 362, цит. раб.): «The extension of such forms to the passive (the house is being built)... belongs to the very end of the 18th century». Вот что он еще пишет по этому поводу: «In the last years of the 18th century we find the first traces of our modern expression “The house is being built”. The combination of “being” with a “past participle” to form a participial phrase had been in use for some time. Shakespeasesays: “Which, being kept close, might move more grief to hide” (Hamlet). This is thought to have suggested the new verb phrase. The earliest instance of the construction which has been noted is from the year 1769... It seems to have been recognized in an English grammar in 1802. As yet it is generally used only in the present and simple past tense (is or was being built for two years) and we avoid saying: “it will be being built next spring”». Его выводы: «The history of the new progressive passive shows that English is a living and growing thing, that its grammar is not fixed, that it will centime to change in the future as it has changed in the past, even if more slowly. If the need is felt for a new and better way of expressing an idea, we may rest assured that a way will be found». Ясно, что развитие грамматического строя английского языка продолжается

и в наши дни, но, как справедливо отмечает Боу, оно идет несколько более замедленными темпами. Конечно, причиной такого замедления являются факторы языковой культуры. Мы неоднократно уже об этом говорили, и здесь только отметим, что такой вывод напрашивается сам собой из мысли того же Боу, относительно причин быстрого развития английского языка в сторону анализа в период ME, когда кризис флективной системы, имевший место уже в OE, резко обострился, что и привело к смене морфологического типа (с переходом к ENE). Как отмечалось нами в примечании, Боу считает, что этот кризис усилился благодаря тому, что английский язык после нормандского завоевания стал в основном языком необразованных людей. Отсюда следует, что языковая культура тормозит развитие грамматического строя, и, действительно, это так и есть. Языковая культура способствует развитию синтаксиса, его усложнению, но в смысле фонетических и морфологических изменений фиксирующая ее роль совершенно несомненна. Аналогичные соображения высказывает А. Мейе (цит. раб., с. 33): «Быстрая эволюция английского языка в период нормандского владычества, когда французский был языком двора, знати и писателей, показывает, насколько может видоизмениться язык, лишенный идеальной нормы».

Скептическое отношение многих авторов к «прогрессив пассиву» еще в XIX в. показывает справедливость этого взгляда. Вот что пишет по поводу критики этого оборота Боу (цит. раб., с. 364): «It is interesting to note that even so useful a construction was at first resisted by many as an unwarranted innovation. Although supported by occasional instances in Coleridge, Lamb, London. Shelley, Cardinal Newman, and others, it was consciously avoided by some (Macaulay, for example) and vigorously attacked by others. In 1837 a writer in the North American Review condemned it as “an outrage upon English idiom, to be detested, abhorred, execrated and given over to six thousand penny-paper editors”. And even so enlightened a student of language as Marsh, in 1859, noted that it has widely spread, and threatens to establish itself as another solecism. “The, phrase ‘the house is being built’ for “Be house is building”, he says “is an awkward neologism, which neither convenience, intelligibility, nor syntactical congruity demands, and the use which ought therefore to be discountenanced, as an attempt at the artificial improvement of the language in a point which need no amendment” (George P. Marsh “Lectures on the English Language” (4th ed, New York, 1872, p. 649). Artificial it certainly was not. Nothing seems to be more gradual and unpremeditated in its beginnings. But, as late as 1870 Richard grant white devoted thirty pages of his “Words and theis Uses” to an attack upon what still seemed to him a neologism. Although the origin of the construction can be traced back to the latter part of the eighteenth century, its establishment in the language and ultimate acceptance required the better part of the century just past...»

Страдательные обороты в современном английском употребляются в тех случаях, когда лицо, совершающее действие, неизвестно, или когда не считают нужным его упоминать; а также в тех случаях, когда в центре внимания говорящего находится лицо или предмет, подвергаемые действию.

В результате более широкого употребления пассива в английском языке, чем в таких флективных языках как русский, где аналитические пассивные конструкции только дополняют старую синтетическую систему, возникают серьезные трудности при переводе. А корень этих трудностей — все тот же, структурное различие двух языков по морфологической классификации!

Качественное отличие аналитических залоговых конструкций современного английского от соответствующих им аналитических залоговых конструкций во флективных языках в том и заключается, что развитию залога в английском сопутствовал распад старой флективной системы, тогда как во флективных языках аналитические формы залога только дополнили старый синтез (например русское «задача решается мною»; «задача была решена мною»: как бы мирное сосуществование синтеза и анализа!). Но это — чисто структурный момент, хотя отсутствие морфологического вида в английском, не дающее передать на этом языке все богатство видов флективного русского языка (см. Будагов, цит. раб., с. 196, об этом качестве русского языка) — одно из следствий аналитического пути этого языка. Тут форма, структура, влияет на содержание, однако в целом содержание доминирует над формой, и на всех языках, вне зависимости от их структурны, можно разными, в том числе лексическими средствами, как-то передать нужные значения, в том числе видовые, залоговые и прочие, так что нельзя видеть в той или иной языковой структуре свидетельство прогресса или регресса мышления.

Такое обратное влияние языковой структуры на передаваемое содержание расценивается нами как одно из проявлений языкового мышления, которые специфично для каждого данного языка. Термин «языковое мышление» — не новый. Достаточно обратиться к книге Б. А. Ильиша «Современный английский язык», чтобы увидеть его там на многих страницах (см. например, с. 224 (русское и английское языковое мышление в связи с проблемой причастий прошедшего времени от непереходных глаголов, которые для русского языка чужды, но свойственны английскому); с. 82 (современное языковое мышление приписывает некоторым причастиям адъективные свойства) и т. д.). Иногда Б. А. Ильиш говорит о языковом сознании (с. 112, неразложимость некоторых сложных существительных для современного языкового сознания; с. 136, затруднение современного живого языкового сознания в различении возможностей определения связей артикля или атрибутивного прилагательного в сложных комплексах, и др.). Но нигде не приводится определения языкового мышления (языкового сознания). Между тем вопрос этот очень важен, ибо на наш взгляд главная задача при изучении иностранных языков — это овладение языковым мышлением (сознанием) данного языка (наряду с овладением словарным запасом данного языка)[64]. Языковое мышление — это специфические особенности грамматического строя, лексики, стилистики, семантики отдельных языков, которые могут быть сформулированы лишь

[64]Ибо овладение теми грамматическими правилами, которые не являются специфическими особенностями данного языка, не представляет особых трудностей.

с помощью мышления, но носителями этих языков воспринимаются большей частью механически, как нечто само собой разумеющееся, и которые ярче всего обнаруживаются при изучении этих языков как иностранных, или при сравнении различных языков.

И вот одной из главных особенностей английского языкового мышления является распространенность употребления английского страдательного залога. В этом одна из трудностей при изучении английского языка теми, кто привык к флективной структуре, где аналитический или синтетический залог сосуществует с синтетической глагольной системой, вследствие чего имеет меньше простора для своего применения. Но зато во флективных языках, таких как русский, гораздо больше простора, чем в английском, для выражения видовых оттенков, ибо видовые суффиксы там не противоречат грамматическому строю, основной внутренний закон которого, как можно предположить, всегда связан с морфологическим типом данного языка. Поэтому вид — одна из главных особенностей русского языкового мышления, одна из главных трудностей, поэтому, при изучении русского языка.

Язык — это форма, мышление — содержание. Языковое мышление — это та часть мышления, которая осуществляет его связь с языком как формой[65]. Через языковое мышление язык как форма влияет на передаваемое содержание, определяет особенности передачи содержания...

Но мы отвлеклись очень далеко в сторону, и нужно рассмотреть развитие наклонения в английском языке с точки зрения рассматриваемого структурного перехода.

г) Развитие аналитических форм наклонения

Выше мы уже рассматривали историческое развитие форм синтетического конъюнктива и синтетического императива в английском, но ничего не сказали о передаваемых ими значениях. Теперь нужно сказать об этом и рассмотреть, как эти значения стали в значительной степени передаваться затем посредством аналитических форм. Но в ME позиции синтетического конъюнктива еще очень и очень сильны. Он часто употребляется для выражения предполагаемого, ожидаемого, возможного действия: And slepan wollen til the sonne shyne.

Для выражения предполагаемого и возможного действия синтетический конъюнктив употребляется в подчиненных предложениях условных периодов. Для выражения нереального условия, относящегося к настоящему времени, ставится конъюнктив прошедшего времени. Для выражения нереального условия или следствияотносящегося к прошедшему времени, ставится конъюнктив предпрошедшего времени. Но в последнем случае, то есть для обозначения нереального обусловленного следствия, уже ME применяется также аналитический оборот, состоящий из формы wolde плюс инфинитив прошедшего времени. Этот оборот ставится также в главном предложении

[65]Аргументация этого нашего взгляда приведена нами в заключении, см. ниже.

условного периода для обозначения нереального обусловленного следствия, относящегося к настоящему времени. Но глагол ben при таких условиях обычно употребляется в форме конъюнктива прошедшего времени.

Аналитические формы с глаголом sculan[66] иногда употребляются уже в OE в подчиненном предложении условного периода, выражающем маловероятное условие:

«Если бы у него прекратилось когда-нибудь мучение несчастий»

«Gyf him engurndan æfre scolde bealuwa bisga».

Впоследствии такие формы стали аналитическими формами сослагательного наклонения.

Синтетический конъюнктив как самостоятельная форма исчезает только в ENE, но форма прошедшего времени при этом оказывается и в дальнейшем остается двойственной в модальном отношении.

Об аналитических формах сослагательного наклонения можно сказать, что они проникают в язык в ME, когда синтетический конъюнктив применяется главным образом в придаточных предложениях с предлогами thugh, before.

В современном языке синтетические формы конъюнктива не являются уже определенным типом спряжения. Применяются все же три типа таких форм:

1) be — в аппозитивных придаточных, в парламентской речи, в разговорной речи в США;

2) were — в поэзии (в разговорной речи наблюдается тенденция замены на was);

3) формы без -s — в официальном языке.

Согласно взглядам ленинградских англистов[67], аналитические формы сослагательного наклонения в современном английском языке распределяются следующим образом:

1) would — в главном предложении условного периода;

2) should — в условном придаточном для выражения малой вероятности;

3) should — в аппозитивных предложениях с оттенком долженствования: it is necenary that...;

4) would желания: I wish you would not go there;

5) should уступки: Whatever should happen;

6) Сочетания may с инфинитивом.

Что касается остальных сочетаний модальных глаголов с инфинитивом, то ленинградские англисты считают, что эти сочетания выражают не наклонение, а категорию модальности, наравне с глаголами intend и wish и модальными частицами: certainly, obviously, а также наравне с интонацией.

Нам кажется однако, что все модальные глаголы с инфинитивом вполне можно признать одним из важных способов выражения наклонения в английском языке аналитическим путем, ибо для аналитического строя английского языка, как мы уже неоднократно говорили, очень характерна омоморфичность

---

[66]В форме scolde, см. Б. А. Ильиш, «История английский язык», с. 75.

[67]Мы имеем в виду курс лекций по теоретической грамматике в ЛГУ в 1950 г.

форм; так что вполне приемлемо для грамматического строя этого языка, если глагол to do одновременно может быть вспомогательным глаголом для отрицательной и вопросительной аналитических форм претерита и презенса, а также служить для выражения эмфатического желания, в аналогичных утвердительных конструкциях; или если глагол to be употребляется в континьюзе, в страдательном залоге, в именном сказуемом и для выражения долженствования (в сочетании с инфинитивом). Для английского языкового мышления балансировка форм в целях быстрого и правильного их осознания настолько привычна, что обычно происходит совершенно спонтанно и незаметно... Поэтому мы бы отнесли все случаи выражения возможности, необходимости, долженствования и пр. с помощью модальных глаголов в сочетании с инфинитивом — тоже к наклонению. Пусть эти сочетания очень разнообразны, но они передают каждый свой оттенок и являются неотъемлемой частью аналитического грамматического строя английского языка.

Таким образом, в области сослагательного наклонения, как и почти во всех других областях английской грамматики, мы наблюдаем все тот же двойной процесс: с одной стороны, разрушение старых синтетических форм, и с другой стороны — становление новой аналитической системы. Ясно, что оба эти процесса проходили в тесной связи с переходом английского языка от флективного строя к аналитическому.

Что касается повелительного наклонения[68], то, в связи с отпадением его личных окончаний вместе с переходом к ENE, тут тоже возникает аналитическая форма с глаголом to let (еще один глагол, используемый в роли полувспомогательного, но не относящийся к неправильным или претерито-презентным, хотя не все согласны с тем, что это — аналитическая грамматикализованная форма). Другой аналитической формой повелительного наклонения можно считать «вежливый вопрос» типа: «Will'nt you sit down?» Мы согласны с Р. Л. Ковнер (Лекция 9/У-52 г, второй ЛГПИИяз.) в том, что та и другая формы — есть формы аналитического повелительного наклонения. Что же, что не всегда эти формы означают наклонение: что вопрос может быть вопросом в полном смысле этого слова, а конструкция let плюс косвенное дополнение, выраженное личным местоимением, плюс инфинитив может означать при наличии ударения на let, не аналитическую форму наклонения всего сочетания, а синтетическую форму повелительного наклонения глагола to let (см. Б. А. Ильиш, «Современный английский язык», 1948 г., изд., с. 181)? Такая балансировка форм для английского языка обычна!

Р. Л. Ковнер относит к повелительному наклонению также формы эмфатического желания с глаголом to do, но нам представляется, что это — одно из многочисленных модальных сочетаний, выражающих значение сослагательного наклонения. Но граница здесь, конечно, очень зыбкая, так что может быть правильнее считать эту конструкцию одним из типов аналитического

[68]Передаваемые им значения — слишком ясны, чтобы на этом стоило здесь специально останавливаться.

императива современности. Что касается синтетического императива, то по форме он совпал с инфинитивом из-за отпадения всех его личных окончаний; и не только с инфинитивом, но и с такими бесформенными словами как междометия. Поэтому, как справедливо отмечает Р.Л. Ковнер в той же лекции, эти формы часто сближаются с междометиями, например: Come, come; Hear, hear.

Таким образом и в области императива мы наблюдаем все то же самое вытеснение синтетических форм аналитическими, хотя, конечно, в этой области синтеза держится крепче, чем в области сослагательного наклонения. Впрочем при ближайшем рассмотрении, оказывается, что нет особых причин для их вытеснения из этих категорий. Дело в том, что, *утратившие все флексии*, эти формы стали вполне приемлемыми для нового аналитического строя английского языка — и вполне можно варьировать стиль, употребляя их время от времени... Это вполне согласуется с требованиями английской аналитической языковой структуры... Тут ясно видно, как старое входит в язык и обновляется в нем, претерпевая в течение длительных периодов эти процессы обновления. Видно, как эти процессы проходят в связи со структурным переходом языка, и как язык использует многое из старого, приспосабливая старое к ному.

д) Образование аналитических неличных форм глагола

В свете нашей теории анализа неличные формы английского глагола, причастия первое и второе, герунд, инфинитив, в том виде, в каком они существуют в современном языке, тоже несут на себе неизгладимый отпечаток нового аналитического строя: они лишены флексий. Это имеет большое значение в смысле возможностей, возможно более широкого употребления их в синтаксических конструкциях, в которых, в сжатой форме, передается содержание целых придаточных предложений. Необходимость флективного согласования поневоле сковывает применение аналогичных конструкций во флективных языках, хотя нельзя не отметить, что флексии в таких конструкциях, вместе с тем, значительно уточняют смысл, раскрывая связи между компонентами предложения. Но балансировка свойственна английскому языковому мышлению, и поэтому так бывает трудно правильно угадывать значение английских инфинитивных, герундиальных, причастных конструкций тем, кто привык к уточняющим эти конструкции флексиям.

Но это — область синтаксиса, а здесь, в разделе морфологии, мы только рассмотрим те процессы, которые сделали английские неличные формы глагола аналитическими, то есть, лишенными флексий.

Индоевропейский не знал инфинитива, ибо слово там существовало только в особой грамматической форме, тогда как инфинитив дает общее понятие данного глагола, вне зависимости от какой бы то ни было грамматической категории.

В готском инфинитив уже был. Суффикс инфинитива от сильных глаголов в готском был однородным, на an. Суффикс инфинитивов от слабых глаголов в готском не был однородным. Как известно, в первом классе слабых

глаголов, куда в готском входили каузативные или деноминативные глаголы, у инфинитива был тяжелый суффикс na jan, примеры: nasjan, satjan, lagjan, где йот происходит от соединительного гласного i. Инфинитивы каузативных глаголов образовывались от огласовки второй ступени аблаута сильных глаголов, с суффиксом на an. Примеры: sitan, ligan.

Во втором классе в готском соединительным гласным был ō, отсюда здесь мы имеем суффикс ōn. Примеры: sabōn. Соединительный гласный ai третьего класса в инфинитиве не проявлялся. Здесь инфинитив имел все тот же суффикс an, как и у сильных глаголов. Наконец, в четвертом классе готских слабых глаголов соединительным суффиксом был na или no. Соединителем здесь является сочетание гласного с согласным, например: fullnan.

Второй класс в готском объединял деноминативные и переходные глаголы, третий класс объединял 20 глаголов, из которых все, кроме habban, обозначали состояние, например, liban, жить. В остальных германских языках этот класс достаточно неправильный, но в готском он еще правильный. Четвертый класс объединял производные глаголы, по корню связанные с сильными. Сюда входят непереходные глаголы со значением страдательности или среднего залога. Потому глаголы этого класса не имеют медиопассива, поскольку сами обладают его семантикой.

Инфинитивы глаголов всех этих классов, отличающиеся по суффиксам, несут в себе все эти отличия классов готских слабых глаголов.

С переходом к OE суффикс jan в первом классе приводил к образованию умлаута (примеры: satjan > settan). Кроме умлаута, в инфинитивах глаголов первого класса есть ряд других неправильностей. Так, в глаголах с краткими коренными гласными, за которым следует r, элемент i сохраняется в основе инфинитива, а согласный остается неудвоенным (также, как и в основе настоящего времени (см. выше). Например: herian, «спасать». У глаголов с кратким коренным гласным, за которым следует любой согласный, кроме r, элемент i исчезает, а согласный удваивается. Например: fremman, «совершать»; cnyssan, «толкать». Неправильные глаголы первого класса имеют в инфинитиве выпадающее e: tæc(e)an, «обучать»; ræc(e)an, «протягивать» и др.

Глаголы второго класса первоначально имели в инфинитиве элемент oja (в других формах он превратился в ō). Но в OE суффикс инфинитива ослаблен до i, и характерное окончание инфинитива здесь будет такое: -ian.

Примеры: makian, lugian, hopian.

В инфинитиве здесь нет i — умлаута, поскольку элемент i из oja появился в эпоху, когда действие умлаута уже закончилось.

Глаголы третьего класса в OE немногочисленны. Большинство тех глаголов, которые в готском относились к этом классу, в OE перешли во второй класс. Оставшиеся в этом классе глаголы характерны суффиксом i в инфинитиве, вызвавшим умлаут и удвоение согласного после краткого гласного. Примеры: habban, libban, secg(e)an, hicg(e)an (думать), ðreag(e)an (угрожать).

В инфинитиве этих глаголов — исчезающее e или вообще никакого остатка элемента i.

В OE и сильные глаголы имеют в инфинитиве ряд аномалий. Это не случайно: фонетическая система OE претерпела гораздо больше фонетических изменений, чем готская.

Следует отметить стяженные инфинитивы:

В первом ряду:	«уличать»	teon, tāh, tigon, tigen
	«процветать»	peon, pāh, βigon, pigen
	«покрывать»	wrēon, wrāh, wrigon, wrigen
Во втором ряду:	«тянуть»	tēon, tēah, tugon, togen
	«бежать»	jlēon, jlēah, jlugon, jlogen
В пятом ряду:	«радоваться»	gefēon, gefeah, gefægon, gefegen
	«видеть»	sēon, seah, sawon, sewen, sawen
В шестом ряду:	«бить»	slēān, slōg, slōgon, slægen
	«сдирать кожу»	jlēan, jlōg, jlōgon, jlagen
	«порицать»	lēan, lōg, lōgon, lagen
	«мыть»	ðwean, ðwōg, ðwōgon, ðwægen
В седьмом ряду:	«ловить»	(*fanhan), fōn, feng, fengon, fangen
	«висеть»	(*hanhan), hōn, heng, hengon, hangen

В результате стяжения инфинитивы этих глаголов оканчиваются прямо на n, следующее за стяженным гласным. Поскольку в дальнейшем n отпало, а нейтральные неударные гласные осереднились, эти и другие вышеперечисленные аномалии в образовании инфинитивов OE не имели значения для будущего развития языка.

Сильные глаголы имели также ряд других аномалий в образовании инфинитива. В частности, некоторые глаголы второго ряда имели в инфинитиве u вместо eo, в частности, такие инфинитивы были у следующих глаголов: «запирать», lūcan, lēac, lucon, locen; «гнуться» būgan; «нуждаться» brūcan; «нырять» dufan; «пробовать» sūpan; «проскальзывать» slūpan. Выше рассматривая фонетическое разложение рядов аблаута в OE, мы уже приводили эти и ряд других примеров аномального образования инфинитивов у сильных глаголов OE. Отметим еще неправильные инфинитивы у таких глаголов как bēon и gān. В последнем случае мы имеем дело с суплетивностью, причем имелась также вторая форма этого инфинитива, с удвоением, gangan. Столь же неправилен инфинитив dōn. Мы уже говорили выше о том, что глагол bēon употреблялся в значении будущего времени, а глагол wesan —в значении настоящего времени. Возможно, уже инфинитивы этих глаголов содержали в себе такие оттенки.

В OE существовало вообще две формы инфинитива: простая — bindan, сложная — to bindanne. Сложная форма инфинитива склонялась. В ME эти формы слились в одну форму, типа binden, в связи с процессом осереднения безударных окончаний и суффиксов. Тем самым суффикс инфинитива и личное окончание глаголов во множественном числе стали одинаковыми. Здесь можно еще раз видеть один из многих процессов упрощения

морфологических показателей, что так характерно для рассматриваемого нами структурного перехода английского языка. Но развитие на этом не закончилось.

Уже в OE в северном диалекте у инфинитива отпало n; инфинитивы на севере имели следующую форму: drinka, singa. На юге бывали инфинитивы на i: lovi. С переходом к ENE окончание n отпало всюду, и тем самым инфинитив окончательно приобрел аналитический вид. После того как в ME сложная форма инфинитива утратила окончание дательного падежа, e, показатель дательного падежа, предлог to, стал показателем инфинитива.

Таково развитие инфинитива в английском, начиная от готских его истоков и до современности. В разделе синтаксиса мы еще раз вернемся к инфинитиву (а также к причастиям и к герунду) в связи с рассмотрением конструкций образуемых с помощью этих неличных форм глагола. А сейчас вкратце рассмотрим развитие причастия и герунда.

Как мы уже говорили, в индоевропейском каждая глагольная видовая основа могла образовывать свое причастие. Следует отметить, что причастные формы имели двойной выбор окончаний для каждой основы, поскольку причастие могло иметь либо только именное управление, либо — именное и глагольное.

Из всей этой путанной системы причастий германский сохранил только одно активное причастие действительного залога — готский тип: «вяжущий» «bindands»; «мажущий» “salbōnds”, которое закрепилосьв германских языках как причастие настоящего времени.

Старые префектные причастия в готскомзастыли как существительные: «weitwoβs», что соответствует греческому «weidòs» («знающий»); перфектное причастие по-видимому существовало вплоть до общегерманского.

Но откуда возникло так называемое причастие прошедшего времени (или второе причастие) современных германских языков? Оказывается, оно восходит к индоевропейским прилагательным на *to и *no, которые были либо корневыми, либо деноминативными. В кельтских, германском и латинском языках они дали обширную группу непереходных или пассивных причастий. Уже в латинском тип на -tus вошел в систему глагола. То же самое случилось с аналогичным типом в германском — готские «bundans» («связанный»), salboβs («мазанный»). В готском причастие прошедшего времени сильных глаголов образуется по нулевой степени аблаута, у слабых глаголов — с помощью дентального суффикса. Глагол «быть» в готском имел причастие настоящего времени «wisands», причастие прошедшего времени — «wisans». В OE причастие настоящего времени как у сильных, так и у слабых глаголов имело одно окончание «ende». Примеры: writende, bindende, lufiende, secgende, libbende, hæbbende, tellende, styriende.

Причастие прошедшего времени у сильных глаголов образовывалось перегласовкой аблаута. Примеры: coren, writen, bunden и др. Причастие прошедшего времени у слабых глаголов образовывалось, как и в готском, с помощью дентального суффикса. Примеры: (ge)lufod, (ge)styred, (ge)hæfd, (ge)lifd.

В северном диалекте ОЕ причастие настоящего времени иногда имело формообразующий суффикс ande вместо общеанглийского ende. С переходом к МЕ разнобой в части причастных окончаний заметно усилился, по сравнению с ОЕ. На севере причастие настоящего времени сохраняет окончание ande, центр сохраняет обще английское окончание ende, а на юге причастие настоящего времени оканчивается на inde.

В причастиях прошедшего времени в ОЕ был префикс ge. Этот префикс был и в готском, будучи формальным показателем совершенного вида:

готское — ga;
ОНД — ga, gi;
МНД — ge.

Первоначально этот префикс имел значение собирательности, поскольку он восходит к латинскому префиксу cum, co, рус. с, со), но с течением времени он это значение утратил. В настоящем времени в готском он иногда употреблялся в значении будущего времени, аналогично русскому: пишу, напишу.

Но в ОЕ семантика этого префикса была уже в значительной мере стертой, поэтому нет ничего удивительного в том, что в МЕ, начиная с севера, идет процесс отпадения этого префикса. Но, вместе с тем, север сохранил у причастий прошедшего времени сильных глаголов их окончание (формообразующий суффикс) en[69]. Юг, напротив, терял это окончание у причастий прошедшего времени сильных глаголов, но древний их перфикс там сохранялся в видоизмененной форме i. В дальнейшем общелитературный язык в этом отношении пошел по северным путям.

У стяженных глаголов причастие настоящего времени имело в ОЕ такой вид: sēonde, fōnde. Но их причастие прошедшего времени имело обычную форму: (ge)sewen, (ge)fangen или (ge)fongen. У неправильных глаголов ОЕ формы причастий своеобразны: причастие настоящего времени: gangende, dōnde, wesende, beonde; причастие прошедшего времени: (ge)gān, (ge)dōn, (ge)dēn, (ge)dæn. У претеритопрезентных глаголов причастие прошедшего времени, если оно имелось, часто оказывалось идентичным конъюнктиву: cunnen, (ʒe)unnen, munen.

Все эти особенности, естественно, нарушали стройность системы формообразующих причастных суффиксов в ОЕ.

---

[69]Описывая морфологические показатели инфинитива, глагольных причастий и герунда, следовало бы называть их формообразующими суффиксами, как это рекомендует акад. В. В. Виноградов в вышедшей недавно под его редакцией академической «Грамматике русского языка», М., 1952 г. На с. 17 этой грамматики говорится: «В отличие от словообразующих суффиксов, суффиксы, образующие формы слов, называются формообразующими». В качестве примеров формообразующих суффиксов в русском языке указываются суффиксы степеней сравнения прилагательных и наречий на -о, а также суффиксы несовершенного вида глаголов и суффиксы прошедшего времени глаголов. Но, ради краткости, мы называем иногда эти суффиксы окончаниями. В таком случае отдельные элементы этих окончаний (например, элемент i) можно называть суффиксами. Но, в конце концов, название большой роли не играет.

В ME огласовка причастия прошедшего времени сильных глаголов второго и третьего рядом проникает во множественное число прошедшего времени. При этом чередование согласных по закону Вернера и по ротацизму, существовавшее в OE, повсюду ликвидируется.

Следует отметить, что причастия настоящего и прошедшего времени как в готском, так и в OE склонялись — по слабому склонению прилагательных, но в ME и ENE, вместе с постепенным разрушением системы слабого склонения прилагательных, причастия эти становятся неизменными, то есть — приобретают аналитическую форму.

В XIV в. произошел нефонетический переход окончаний причастия настоящего времени, эти окончания, как мы говорили выше, были различными в различных диалектах, к единому окончанию -inge, заимствованному от отглагольных существительных. Любопытно, что этот новый формообразующий суффикс оканчивается на -e, то есть на единое окончание слабого склонения прилагательных, характерное для единственного и для множественного числа в этом склонении. Фактически, это была уже почти неизменяемая форма, раз во всех падежах единственного и множественного числа здесь было -e.

Так возникло причастие настоящего времени bēinge, вместо северного: bēande. Причастие прошедшего времени вышло из старой формы. В ME оно было такое: bēn. Аналогично этому образовались причастия настоящего времени: gōinge, dōinge и др. (вместо северного gānde, dōande и др.).

Отглагольное существительное на inge, unge существовало еще в OE. В ME из него выделился герунд. Весьма возможно, что употребление герунда в сочетании с предлогом in или on могло составить исходную точку для образования причастия настоящего времени на ing. Дело в том, что этот предлог мог редуцироваться, переходить в префикс -a, который в свою очередь мог исчезать и освободившаяся от всех спутников форма типа deyinge могла быть понята как причастие со значением «умирающий».

Любопытно, что герунд и причастие настоящего времени стали иметь один и тот же формообразующий суффикс. Такая омоморфичность их суффикса весьма характерна для английского аналитического строя[70]. Разграничение между ними осуществлялось и осуществляется чисто по смыслу. Если причастие выражает обозначаемое основой действие как признак или свойство предмета, или действия, то герунд представляет собой неличную форму глагола, выражающую название действия и обладающую свойствами существительного и глагола. Герунд сильнее всего обладал глагольностью, если он управлял прямым дополнением. Если же прямое дополнение ему предшествовало,

[70]Омоморфичность формообразующих суффиксов таких неличных форм глагола, как причастие настоящего и прошедшего времени, нередко вызывает трудности балансировки при расшифровке этих форм, если они встречаются рядом с омоморфичными им формами другого значения. Например (из «Кембер. Ист. Др. Вост., с. 81): «The army marched far me the salt deserts of modern Ressia, the actual distance covered amounting (200 mile)

то весь оборот приближался к сложному слову. Таким образом, один и тот же формант -ing можно встретить у причастия, у герунда, у сложного слова, у отглагольного существительного, и только смысл и угадываемые по смыслу синтетические связи между компонентами предложения позволяют правильно решить, с какой именно формой мы имеем дело. То есть, опять эта характерная для английского языка балансировка форм...

Для современного английского языка весьма характерно употребление сложных неличных форм глагола — префектные инфинитивы, пассивные инфинитивы, неличные формы континьюз и т. д. При этом, образуя обороты, неличные формы глагола выражают обычно то же самое время, которое выражается сказуемым данного предложения.

Мы не будем здесь подробно характеризовать выражение неличными формами категорий вида, времени, залога. Это не имеет непосредственного отношения к нашей теме[71]. Нам было важно лишь в общих чертах наметить пути развития неличных форм в английском. Нам нужно было вместе с тем показать те процессы, в ходе которых неличные формы глагола стали аналитическими, то есть утратили склонение, приобрели омоморфичные формообразующие суффиксы (в том что касается герунда и причастия прошедшего и настоящего времени) или вообще их утратили (инфинитив). Нужно только добавить, что причастие прошедшего времени до сих пор иногда сохраняет своеобразную форму (например, у некоторых неправильных глаголов типа: to speak, spoke, spoken), но в подавляющем большинстве случаев их форма совпадает с формой прошедшего времени, то есть они тоже омоморфичны, как причастие настоящего времени, как герунд. Например: to dress, dressed, dressed; to help, helped, helped. Отсутствие формообразующего суффикса у инфинитива делает его омоморфичным множественному числу настоящего времени, синтетическому конъюнктиву настоящего времени, повелительному наклонению. Омоморфичность неличных форм английского глагола приводит к спорам о том, какая форма имеет место в том или ином случае, если смысл сразу это не подсказывает. К эпохе ENE относится спор о том, законно ли употреблять так называемый «fused participle» или «half gerund», то есть герунд с местоимением в объектном или существительным в общем падеже (или, согласно другим взглядам, причастие, относящееся к такому местоимению или существительному). Требуя четкости, пуристы хотели запретить употребление смежных форм! Но омоморфичность соответствует внутренним законам английского языка, ибо она проистекает из его аналитического строя. И победили те, кто защищал эту смежную форму: она закрепилась и продолжает широко употребляться в языке...

---

[71]Хотя аналитичность образования этих форм с помощью вспомогательных глаголов — тоже может быть взять как один из аргументов структурного перехода английского языка.

Заключение

Ввиду широты взятой нами темы, мы, естественно, не смогли дать достаточно полно историю английского глагола, всех его категорий, всех его форм. Особенно трудно было описать историческое развитие неличных форм глагола, поскольку многое здесь еще не вполне ясно[72]. Но факты развития — это только историческая канва, на которой проступают, так ясно, структурные моменты, связанные с переходом английского языка от флективного строя к аналитическому. А эти моменты вполне ясны, ибо они отразились на языке как форме — в виде распада старой синтетической системы глагола, в виде образования аналитических форм, в виде освобождения неличных форм глагола от склонения и придания им тем самым аналитического характера.

Можно было бы ограничиться только этими моментами, но они неразрывно связаны со всей историей английского глагола, с его готскими (т. е., германскими) истоками, и мы не могли не описать эти структурные моменты на фоне всей истории английского глагола, точно также как мы это делали в отношении других частей речи, хотя эта историческая канва, естественно, не везде получалось достаточно полной.

Мы приближаемся к концу морфологической части нашей работы. Последний ее параграф мы посвятим прочим частям речи, их истории с точки зрения структурного перехода английского языка от флексии к анализу.

Прочие части речи

Предлоги[73]

Индоевропейские предлоги — это краткие и неизменные слова, специализировавшиеся в передаче движений. Для индоевропейского была характерна самостоятельность предлогов: предлоги там не были связаны ни с существительным, ни с глаголом, около которых стояли. Например, в гомеровской фразе: «Он вывел Бризеиду из палатки», «из», греч. «ek», не было связано ни с существительным, ни с глаголом. Оно обозначало отправную точку и относилось ко всему предложению.

В ходе последующего развития происходит группирование предлогов либо с существительными, либо с глаголами. Тем самым, с одной стороны возникают предлоги, относящиеся к существительным, с другой стороны — глагольные приставки, являющиеся морфемами в составе глагола. Развитие предлогов завершилось в каждом из отдельных германских языков. Для готских предлогов характерна многозначность, причем многозначность одного и того же

---

[72]В частности, связь этих форм с предельностью-не предельностью как неморфологизованным видом в английском.

[73]Раздел истории английских предлогов составлен нами, в основном по книге Гушона, цит. раб., с. 245 и след. См. также цит. раб. Боу.

порядка, наиболее затруднительная для понимания. Например, готский предлог afar мог обозначать: «после» (как временной, с винительным падежом), из, сообразно с, в (с дательным падежом, как местный). Предлог «af» значил — у, со стороны, перед, к. Такая многозначность[74] характерна для древних флективных языков, где предложная система не нашла еще достаточного развития. В ходе дальнейшего развития флективных языков предложная система совершенствуется, но пути ее развития — совсем иные, чем в аналитических языках: ведь предлоги во флективных языках только дополняют существующую флективную систему, уточняют значения, передаваемые флексиями, тогда как в аналитических языках предлоги почти полностью заменяют флексии. В этой связи для аналитических языков характерна грамматикализация предлогов, поскольку получается так, что одни и те же предлоги постоянно закрепляются для передачи одного того же падежного отношения. Но, одновременно с этим, в аналитических языках остаются и многозначные предлоги, семантически неопусташенные, причем история их развития показывает распространение человеческого разума в сторону передачи сложных, абстрактных значений, и такая многозначность не вызывает затруднений в понимании.

С этой точи зрения и приходится рассматривать историческое развитие предлогов в английском.

Среди предлогов OE много предлогов, уточняющих положение или направление движения в пространстве:

вдоль, по: be или bi;
сзади, после: æfter;
перед, для: for или fore;
к, в, до: tō, in, on, oβ;
исходя, от: from, of;
над: ofer;
под: under;
поперек: βurh и geond;
вокруг: ymbe;
против: wiβ;
наружу, при выходе: ūt;
кверху, подымаясь: up;
сзади: (be)hindan;
снизу: neoβan;
против: (on)gean.

Для выражения покойного прибывания на месте применяются предлоги: æt, in и, по преимуществу, on. Очень редко, чтобы предлог æt выражал движение: например, æt ham cuman.

---

[74]Впрочем некоторые предлоги однозначны уже в готском. Например, гот. ana, OE on. Готкое aftra, «снова», в OE дало форму «after», обозначавшую «после». Здесь мы имеем случай переосмысления значения при переходе от одного родственного языка к другому.

Для выражения одновременности употребляется предлог mid(c).

Предлоги ūt и up всегда отделены от глагола, другие предлоги, уточняющие положение или направление движения в пространстве, очень часто фигурируют в качестве глагольных префиксов, иногда придавая глаголу переходность.

Например:

OE βæt flod abær up bone arc, and hit oferstah ealle duna

NE the flood bore up the arc, and it rose above all the hills,

где oferstah «поднялся над». Такая неотделимость предлога от глагола характерна для древнего синтетического состояния языка. Любопытно, что и в дальнейшем такие префиксы сохраняются при глаголах. Но, параллельно этому происходят процессы отделения предлогов от глаголов.

Следует отметить, что слиянность глагола с предлогом оказывалась значительно меньшей в том случае, если предлог управлял дательным падежом. Ведь один из предлогов этого падежа, tō, впоследствии стал частицей при инфинитиве.

Например:

OE βæt him eal middanʒeard to beah

NE so that all the world bowed to him.

Слиянность была меньше и при наличии наречия.

Глагольная сила таких предлогов настолько велика, что они могут заменять собой инфинитив: OE fel sceal for jelle

NE skin will be for skin

Первым шагом на пути к анализу явилось отделение предлогов от глаголов и постановка их перед именным дополнением, управление которым при этом иногда было возможно лишь в одном падеже.

После предлогов æfter, æt, be, mid, from, of (а иногда и до них), за редкими исключениями не встречается никаких иных падежей, кроме дательного. Все эти предлоги выражают либо покой (древний и. е. локатив), либо удаление (древний аблатив). Как исключение, после æt и mid возможен винительный (у Беды и в памятниках мерсийского диалекта), а после be (bi) и mid возможен инструменталис: mid βon βe. Предлог tō управляет дательным падежом в значении движения, и только в значении времени он сохраняет за собой управление родительным падежом: to middes dæges. В том же значении с винительным падежом употребляется предлог oβ.

Таким образом, мы видим, что в OE большая часть предлогов движения употребляется с дательным падежом. Это было удобно для дальнейшего шага к анализу: передача падежного отношения одним предлогом, после того как флексия отпала: ибо флексии в дательном падеже, как известно, легко отпадали. Ведь там во многих склонениях было безударное e, подверженная отпаданию флексия an или умлаутиронная нефлективная форма.

С другой стороны, управление предлогов geond, βurh, ymbe — всегда с винительным падежом (также как у латинского per и греческого amphi).

Предлог wiþ управлял безразлично дательным и винительным. Интересно параллельное переосмысление этого предлога в английском и русском: «воевать с врагами», «сражаться против врагов». По-видимому, и в русском предлог «с» первоначально мог означать «против».

Предлог «for» в большинстве случаев управлял дательным падежом:

OE for heora synnum;
NE for theis sins.

Но если он указывал на замещение чего-либо, то он управлял винительным падежом.

Например,
OE for hine þrowiane;
NE syfer in his place.

Точно также он управлял винительным падежом, если за ним следовало прямое дополнение:

OE habban deadne mon for cwucone;
NE consider a dead man as living.

При употреблении предлогов in, on, ofer, и, иногда, under, дательный падеж чаще всего указывает покой:

OE on angelcynne i ofer his bannum;
NE In England; over his bones,

а винительный падеж — движение:

OE in þone here faran; on þone ilcan weg faran;
NE come into the army; enter the same way.

Таким образом, как видно из этих наблюдений Гушона, для OE характерно правильное употребление определенных предлогов с определенными падежами. Отсюда был только один шаг к замене падежей предлогами. Но для этого было нужно, чтобы винительный и дательный также слились в одном падеже, как древние локатив и аблатив уже в OE слились в дательном. Но, хотя у Эльфрика и Альфреда есть много отклонений от установленной дифференциации значений падежей дательного и винительного (первый из них означал покой, второй — движение), все же в OE дательный и винительный еще различаются синтаксически, и еще нет их слитности в одном падеже.

Если обратиться к вопросу о семантическом развитии предлогов в OE, то можно заметить развитие их значений от исходного значения положения или движения в пространстве к более абстрактным значениям. Происходит переход от конкретного к абстрактному, происходит расширение значения предлогов и т. д. Но это не имеет непосредственной связи с рассматриваемым структурным переходом, и мы этого касается здесь не будем.

Отметим только, что предлог æt в OE употребляется для обозначения грамматикализованного родительного падежа: OE abiddum æt gode, умолять Бога. Что предлог tō мог обозначать кроме обычного «к», также «от»: OE we secaþ fultum to þe, Drihten. OE we seen help from thee, Lord, и что

для указания пассивного деятеля в OE применялся предлог «from», вместо современного «by». Гушон видит здесь влияние аналогичных конструкций в готском и латыни:

NE baptized by Iohn; гот. Daupiβs from Zōhanne;
OE ne biβ he oncnawen from gode; лат. ā domine nesciantur.

Иногда в последнем значении употребляется предлог βurh (что соответствует лат. per, фр. par):

OE heo wearβ gescild βurh βone cristnan casere;
NE she protected by the Christian emperor.

Для передачи связи неодушевленного дополнения с глаголом в латыни употреблялся беспредложный аблатив, а в OE, аналогично латыни, беспредложный дательный:

OE synnum asæled;
NE bound by sins,

но чаще все же употреблялся предлог mid с дательным:

OE βe miβ his agenere geleafleaste adumbod wæs;
NE who had been made dumb by his unbelief,

или предлог βurh с винительным:

OE Ic βurh his willan asend wæs;
NE I was sent by his will.

Предлог of в OE обычно употреблялся с дательным падежом, как предлог движения. Но к концу OE начинают распространяться аналитические конструкции с этим предлогом, вытесняющие синтетический родительный. При общности флексий родительного и дательного падежей во многих склонениях OE, легко могло происходить смешение этих падежей и в остальных склонениях. Вполне естественно, что часть, абстрагируемая из целого, представляется как один из элементов этого целого, и отсюда от значения аблатива легко было перейти к значению родительного падежа.

Гушон указывает, что наиболее логичной такая конструкция будет при наличии определенного местоимения, которое уже в OE тяготело к тому, чтобы стать артиклем:

OE gelyfdon of βære leode gehwilce;
NE every one of the people believed.

Для позднего OE характерна также конструкция, впоследствии вытесненная из языка с появлением неопределенных местоимений типа some, any, но свойственная ныне французскому языку. Нпример,

OE syllaβ us of eowrum ele;
NE give us of your oil;
OE sum ridda geland on anum clape of βam halgan duste;
NE A certain horseman tied in a cloth (some) of the holydust.

Это один из случаев параллельного развития языков по пути анализа, только в английском развитие пошло по несколько иному пути, нежели во французском.

Мы привели целый ряд различных типовых вариантов использования предлогов в OE, когда они дополняли и уточнили различные флективные падежи. В ходе дальнейшего развития, вместе с переходом английского языка к аналитическому строю, происходило уточнение всех этих вариантов и выбор оптимальных альтернатив, в результате чего за определенными предлогами окончательно закрепились передача тех или иных падежных отношений. Появились грамматикализованные предлоги, of — передающий значение родительного падежа, by — передающий значение деятеля в пассиве и др.

Другой особенностью развития предлогов в современный период, в связи с аналитическим строем, является употребление в качестве предлогов других частей речи и целых сочетаний, с сохранением их внешней формы. Например, in spite of, because of, inslend of, according to. Это происходит тем легче, что другие части речи в связи с аналитичностью английского языка часто отказывается морфологически неоформленными или имеют морфологическое оформление далеко не всегда. Употребление некоторых причастий в роли предлогов (according to) делает и без того омоморфичный формообразующий суффикс -ing еще более омоморфичным.

Бурное обогащение предлогов за счет других частей речи свойственно конечно не только аналитическим языкам, но и флективным: однако, там это развитие вызывается потребностями передачи усложненного мышления современности, тогда как в аналитических языках помимо этого фактора большую роль играет структурный момент: ведь в связи с переходом к аналитическому строю падежные отношения фактически здесь не могут быть выражены иначе, чем предлогами (если не считать порядка слов и отдельных сохранившихся падежных флексий).

В связи с установлением норм грамматического строя, после того как переход к аналитическому строю был в основном закончен, грамматисты уделяют большое внимание правильному употреблению предлогов.

Интересные сведения об этом сообщает Боу. В XVI в. в употреблении предлогов была значительная свобода. У Шекспира есть много случаев употребления предлогов, чуждого для современности:

«Our fears in βanguo stick deep» (вместо «about»)

«He came of an errand to me» (вместо «on»)

Вообще предлог of в то время употреблялся гораздо шире, чем ныне:

«Tis pity of him» (вместо «about»)

«I wonder of theis being here to gethre» (вместо «at»)

«I am provided of a torch bearer (вместо «with»)

Причина этого ясна: грамматикализация предлога «of», который, с течением времени, в значительной степени вытеснил флексию родительного падежа.

По сравнению с относительной свободой предложного употребления в XVI в, в XVIII в., как указывает Боу, грамматисты уделяют особое внимание точному употреблению предлогов. Тогда стали различать «between» и «among». Джонсон, Лоут, Кэмпебелл требовали употреблять «difjerent from», возражая против ” difjerent to”, “difjerent than”. По образному выражению Боу «as nature abhors a vacuum, so the 18th century grammarians hated uncertainty» (цит. раб.).

На этом мы заканчивает нашу характеристику развития предлогов в английском и, совсем кратко, остановимся на развитии еще нерассмотренных нами частей речи.

Союзы

История союзов, особенно подчинительных, весьма полно изложена в работе В. Н. Ярцевой "Развитие сложно-подчиненного предложения в английском языке". Но развитие союзов не позволяет сделать какие-либо выводы в связи с рассматриваемым структурным переходом, кроме одного: как и в случае с другими частями речи, в связи с аналитизмом английского языка, очень облегчен переход других частей речи в союзы. В связи с этим среди грамматистов очень часто ведутся споры о том, является ли данное слово союзом или нет, если случай его употребления — пограничный.

Б. А. Ильиш приводит образчик такой полемики вокруг слов that, as, but (см. «Современный английский язык», с. 87–90). Есперсен указывал что thet и as являются союзами, a but they, совпадая со значением who, not, является относительным местоимением. Мы не будем приводить всех его аргументов и контраргументов его противников. Нам важно другое: действительно, относительные местоимения в современном английском часто употребляются в значении союзов и, действительно, есть тенденции смешения относительных местоимений и союзов, хотя между ними продолжают оставаться определенные границы, вследствие чего сохраняет силу их традиционное различение (ср. Б. А. Ильиш, цит. раб., с. 89). На наш взгляд даже which, которое Б. А. Ильиш «бесспорным относительным местоимением» можно расценивать как союз, в тех случаях, когда его значение приближается к значению соединительного союза (случаи т. н. описательных определительных предложений).

В этой связи интересно привести здесь выдержку из работы Л. И. Иоффик «Сложное предложение в английском языке XVII в.» (Уч. Зап. ЛГУ, Серия филологических наук, 1952 г. № 156, с. 349): «Современная система относительных местоимений, более дифференцированная, чем в ранненовоанглийском, все же не отличается особой последовательностью и логичностью, ибо в ней наблюдаются явления как союзной синонимии, так и синтетической многозначности. С одной стороны, в ограничительной функции (restrictive) используется два синонимичных местоимения для лиц — who и that (последнее, правда довольно ограниченно в употреблении), для неодушевленных предметов — which и that; с другой стороны, who и which синтаксически многозначны, так как каждое из них может вводить как ограничительные определительные предложения, ограничивающие объемы понятия, выраженного определяемым, так и описательные предложения, лишь сообщающие касающиеся его дополнительные сведения, которые могли бы быть выделены в особое самостоятельное предложение...» Нам как-то странно стремление Л. И. Иоффик навязать английскому языку нормы других языков. Это было обычным для немецких исследователей, таких как Дойчбайн, которые старались найти в английском многочисленные наклонения, залоги и прочие

грамматические категории, действительно представленные в языках, но только не в английском. Странно, но Л. И. Иоффик не чувствует что омоморфичность форм, полисемия форм, синтаксическая многозначность — это все то, что мы условно называем отрицательной стороной движения ряда языков к анализу (на материале, пока что, исследования только английского языка). Многозначность английских слов, английских терминов, многозначность целого ряда флексий и окончаний, многозначность союзов — все это явления одного и того же порядка, своего рода внутренний закон английского языка, с его тенденцией ограничить количество форм минимумом, даже если для этого придется согласиться на их многозначность.

Для англичан, по-видимому, эти явления настолько привычны, что они даже не замечают каких-либо неудобств от такого положения вещей. Так что, с точки зрения английского языкового мышления, союзная синонимия, синтаксическая многозначность и прочие явления, связанные с многозначностью английских союзов и смыканием их с местоимениями, вполне логичны и приемлемы, ибо они санкционируются внутренними законами английского языка.

Здесь можно было бы подробнее остановиться на полисемии древнеанглийских подчинительных союзов, на корреляции союзов, на употреблении союзных сочетаний (типа mid βam βe), на употреблении сочинительных союзов в значении подчинительных (and, but if) и т. д. Можно было бы указать на пути преодоления корреляции, полисемии союзов (хотя многие союзы, например, союз as, сохраняют первоначальное богатство передаваемых ими значений) и т. д. Но, ради сокращения объема работы, мы только упомянули здесь все эти явления и не будем их пересказывать.

Частицы, междометия, послелоги[75]

---

[75]Как видно из «Тезисов докладов на открытом расширенном заседании ученого совета, посвященного дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов», М., Институт языкознания, 1954 г., согласно современным взглядам, «вне круга частей речи остаются немногие слова, оформляющиеся только как предложения или только в предложении и не имеющие в языке номинативной функции» (см. тезисы доклада Н. С. Поспелова, «Части речи как проблема структуры языка»). Тем самым, частями речи больше не считаются слова-предложения («да», «нет», «Разве?», «Еще бы!»), междометия, модальные слова, модальные частицы и пр. Но в нашей монографии мы не учитываем эти классификационные новшества, поскольку для нашей задачи — описание становления аналитического строя в английском языке — они не имеют большого значения. Ведь основные процессы становления аналитического строя относятся как раз к тем разрядам слов, которые имеют номинативные функции. Что же касается английских послелогов, то их место в системе частей речи в тезисах не отражено; и вообще среди опубликованных тезисов докладов нет ни одного доклада, посвященного частям речи в английском языке. По-видимому, наши англисты не захотели принять участие в дискуссии, большинство участников которой согласилось в то, что «основными критериями при разграничении частей речи является не синтаксическая функция слова в предложении», как это всегда подчеркивалось И. И. Мещаниновым, за которым в период марризма наши англисты, большей частью,

В отношении частиц и междометий можно ограничиться тем, что мы уже сказали выше о союзах. То есть, можно указать, что переход английского языка к аналитическому строю облегчил употребление наречий, глаголов, существительных, местоимений и прочих частей речи в несвойственных им функциях, в виду утраты ими в значительной мере морфологического оформления. В частности, частицы в английском языке по форме часто совпадают с местоимениями (just, only), наречиями (even, simply); междометия — с прилагательными (dear, dear), глаголами (hear, hear), существительными (silence), наречиями (there, there). Во флективных языках при таких переходах происходит застывание данной части речи в своей флексии (*рус*. «утром», «вечером»), а в английском, в связи с распадом флективной системы, просто частое употребление какой-либо части речи в несвойственной ей синтаксической функции делает ее похожей на другу часть речи, а отсутствие морфологических различий между частями речи облегчает такой переход. Отсюда многочисленные случаи двусмысленности, неверного понимания слов и прочие явления, столь затрудняющие изучение английского языка иностранцами.

Несколько более подробно нужно сказать о послелогах. Послелоги когда-то в нашем языкознании считались особой частью речи, но теперь их принято считать просто послеглагольными морфемами. Последняя трактовка кажется нам более приемлемой, ибо роль послелогов в основном сводится к тому, чтобы позволить осуществление специализации значений, передаваемых глаголом. Фактически послелоги — это отделимые морфемы, которые приставляются к глаголу, с тем чтобы передавать новые оттенки значений. Поскольку послелоги пишутся раздельно, и так как во французском языке их нет, невольно приходится согласиться с теми, кто указывает на связь их появления в английском языке с английской аналитической структурой и на их народность. Поэтому трудно согласиться с О. С. Ахмановой, когда она пишет («К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц», «Труды Института языкознания», т. 4, 1954 г., с. 69): «Заметим, попутно, что в обширной литературе, посвященной сочетаниям этого рода[76], внимание исследователей, особенно в буржуазной лингвистике, направлялось в основном на их «аналитический» характер, выражающий якобы общее стремление

слепо следовали», и не его независимая от грамматического оформления семантика, а его абстрагированное от конкретного содержания лексико-грамматическое значение, характер грамматических изменений слова в его парадигме и специфика грамматической сочетаемости его со словами других лексико-грамматических разрядов» (см. доклад Н. С. Поспелова, с. 5). Действительно, нельзя не согласиться с А. Б. Шапиро («К вопросу о частях речи в русском языке», когда он говорит, что «синтаксические признаки лишь вытекают из соответствующего лексико-морфологического значения слова», что «они являются не основными, а вторичными, так как характеризуют не слово как лексико-морфологическую единицу, а только возможности функционирования слова в речи», с. 10).

[76]Сочетания типа: give up, come in, make out (прим. наше, И. М.)

английского языка к «прогрессу», в понимании Есперсена, на их германский характер, на их якобы народность и выражение противодействия иноязычным влияниям и т. п. На их собственно лингвистические особенности внимания обращалось мало. Можно найти лишь вскользь сделанные замечания о том, что эти сочетания могут быть очень полисемантичны». Опять это «страшное слово анализ»[77] не дает О. С. Ахмановой признать, что действительно распространение этих сочетаний — признак прогрессивного развития английского языка по путям анализа, что действительно они полисемантичные. Что же касается их вхождения в синтаксические словосочетания, то, поскольку такие словосочетания фразеологически объединены (ведь послелог — грамматикализованная морфема), то таковыми сочетания послелогов с глаголом нельзя считать: будучи неравноправны с глаголом, они не удовлетворяют критериям словосочетания, выдвинутым В, Н. Ярцевой (см. «Пути развития словосочетания» (на материале английского языка), уч. Зап. ЛГУ, № 156, 1952 г.)[78]. Поэтому мы рассматриваем их в разделе морфологии. В синтаксические словосочетания они могут входить лишь опосредствовано, вместе с глаголом, который вместе с послелогом играет роль атрибута при имени: «power take off» (термин из техники), «her gad about ways» (Гельсуорси).

Историю послелогов в английском мы приведем в том виде, как ее излагает Боу (цит. раб., с. 410–412), который основывается на работе A. G. Kennedy, “The Modern English Verb-Adverb Combination”, Стэнфордский университет, 1920 г. «An important characteristic of the modern Vocabulary is the large number of expressions like “set out”, “gather up”, “put off”, “bring in”, made up of a common verb, often of one syllable, combined with an adverb. They suggest a comparison with verbs having separable prefixes in German and to a smaller extent with English verbs like “withstand” and “overcome”. The latter were much more common in old English than they are today, and we have seen (§ 138–139) theis gradual disuse was one of the consequences of the Norman Conquest (p. 410). “Old English made but slight use of the modern type and during the middle English period the

[77]Образное выражение В. М. Жирмунского (на обсуждении нашего доклада «внутренних законах развития и совершенствования английского языка» (в ЛО Института языкознания, 6 июня 1954 г.)

[78]Как указывает В. Н. Ярцева (цит. раб., с. 35), «только те соединения, компоненты которых имеют лексическое значение, могут быть названы словосочетаниями». И дальше: «Иными словами, нельзя ставить на одну доску сочетания глаголов и дополнения или определения и определяемого, с одной стороны, и вспомогательного глагола с именной формой спрягаемого глагола, или предлога с существительным или артикля с существительным с другой стороны... предлог не может быть равноправным членом в группе, «бороться за свою жизнь, а взятый только с существительным тем более не составляет словосочетания». Аналогично этому, послелог не может быть признан равноправным с глаголом, к которому он относится. Следовательно, он не образует словосочетания, следуя точке зрения В. Н. Ярцевой, которая справедлива, так как словосочетание должно иметь законченный смысл, что не получается, если компоненты его неравноправны.

large number of new verbs from French seems have retarded for a time what would probably have been a normal and rapid development. Such combinations as we do find before the modern period are generally expressions in which the meaning is the fairly literal sense of the verb and the adverb in the combination (“climb up”, “fall down”), often a mere intensification of the idea expressed by the simple verb. One of the most interesting features of such combinations in modern times, however, is the large number of figurative and idiomatic senses in which they have come to be used. Familiar examples are “bring about” [cause or accoplish], “catch on” [comprehend], “give out” [become exhausted], “keep on” (continue), “put up with” (tolerate), “hold up” (rob), “lay off” (~workmen), “turn over” (surrender), “size up” (estimate), “let up” (cease), bid up, bid in and knock down with their meanings at an auction sale» (pp. 410–411). «It will be noticed that many of these expressions are substitutes for single verbs such as “comprehend”, “continue”, “surrender”, etc, of more learned or formal character, and the interesting observation has been made (Kennedy, p. 42) that the vocabulary has thus been pursuing a development similar to that which took place in English grammar at an earlies period and which changed the language from a synthetic to an analytic one. It is also apparent that many of the expressions among the examples given are more or less colloquial and betray clearly theis popular origin. Many others are slang and considered inelegant... Opposition is sometimes expressed toward an extensive growth of these verb-adverb combinations, and not alone toward the less reputable ones. Ever among those which are universally accepted in both the spoken and written language there are many in which the adverb is strictly speaking redundant. Others to which this objection cannot be made are thought to discourage the use of more formal or exact verb by which the same idea could be conveyed» (pp. 411–412). «The twenty verbs “back”, “blow”, “break”, “bring”, “call”, “come”, “fall”, “get”, “give”, “go”, “hold”, “lay”, “let”, “make”, “put”, “run”, “set”, “take”, “turn” and “word”, have entered into 155 combinations with over 600 distinct meanings or uses» (Kennedy, 35). The historian of language can view this development only as a phenomenon going on actively for over 400 years, one which shows no tendency to lose its vitality, and which has its roots in the most permanent and irresistible source of linguistic phenomena, the people» (p. 412).

Мы не имеем возможности более подробно рассматривать здесь историю послелогов: поскольку послелоги не признаются ныне отдельной частью речи, это нужно было бы делать в разделе глагола, который и без того получился у нас очень громоздким, так как в области глагола особенно много проявлений перехода английского языка к анализу.

Заключение

На этом мы заканчиваем наш обзор английской исторической морфологии, с точки зрения структурной смены морфологического типа английского языка. Особенно убедительны эти проявления в области существительного, прилагательного и глагола. Поэтому на истории этих частей речи мы остановились особенно подробно.

На развитии артиклей мы остановились очень кратко, показав лишь их образование (в связи с историей местоимений и числительных).

Задача настоящей работы — непоследовательное изложение исторической грамматики английского языка, а рассмотрение тех явлений исторической грамматики, которые нагляднее всего иллюстрируют доказываемый нами структурный переход. Конечно, распад флективной системы и образование новых аналитических форм являются наиболее наглядными доказательствами, и этому мы и уделили наше внимание, большей частью. Что же касается полисемии форм, синтаксической многозначности, схождения частей речи, то эти вопросы нас тоже интересовали, но менее, так как эти явления менее наглядны как доказательство рассматриваемого структурного перехода.

Наши противники могут нам возразить, что распад флективной системы и возникновение аналитических форм — слишком незначительные явления, по сравнению со всем богатством грамматического строя, который в корне не изменился. На это можно ответить лишь указанием на то, что рассматриваемый переход оставил осязаемые[79] следы не только в морфологии, но и в словообразовании и синтаксисе. И следы эти настолько явные, настолько убедительные, что их значение нельзя преувеличивать.

Две последние части нашей работы мы и посвятим словообразованиюи историческому синтаксису. Там мы покажем, какие же неизгладимые следы оставил переход английского языка от флективного строя к аналитическому в этих разделах грамматики.

Как в разделе морфологии, мы будем в основном базироваться на материале имеющихся руководств по истории английского языка, привлекая также, для сравнения, современный языковый материал.

[79]Конечно, семантические изменения (полисемия форм, схождение частей речи и прочего явления аналогичного порядка) трудно брать в качестве основных аргументов, доказывающих рассматриваемый структурный переход, ибо, незапечатленные в языковой форме, они могут истолковываться по-разному.

ЧАСТЬ III

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Рассматривая историю английского словообразования с точки зрения перехода английского языка от флективного строя к аналитическому, мы опираемся на статью В. В. Виноградова «Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» («Русский язык в школе», № 2, 1951 г., с. 1–10). В этой статье акад. В. В. Виноградов предлагает следующую классификацию способов словообразования; по типам: фонетико-морфологический (бессуффиксный, иногда сопровождающийся чередованием согласного основы или его смягчением, а также переносом ударения: черный — чернь, тихий — тишь, и др.); морфологический (суффиксальный, префиксальный, смешанный (суффиксально-префиксальный))[80]; морфолого-синтаксический (переходы слов из одной части речи в другую, например, субстантивация (переход в имена существительные) прилагательных, адвербиализация (переход в наречия) падежных форм имени существительного и др. подобные); синтаксический тип (разные способы образования составных терминов, а также устойчивых фразеологических единств, равнозначных слову); семантический тип (переосмысление прежних слов, формирование омонимов путем распада одного слова на два (успевать — по времени и по учебе) и т. п.)[81].

Поскольку названия этих типов, без скобочных разъяснений, недостаточно ясны, и так как английское словообразование имеет свою специфику, мы позволим себе, воспользовавшись этой классификацией, несколько ее видоизменить, рассматривая английское словообразование по следующим типам:

1. Морфологический тип словообразования:
   а) суффиксация;
   б) префиксация;
   в) перегласовка.
2. Морфолого-синтаксический тип словообразования
   а) конверсия;
   б) лексикализация.

---

[80]В применении к английскому языку мы не считаем целесообразным особо говорить о смешанном суффиксально-префиксальном способе словообразования. Конечно, такие случаи имеются (например, reconstruction, subdivision и др.), но, с нашей точки зрения, здесь имеет место применение двух морфологических способов словообразования, суффиксации и перфиксации, и выделять их особо значило бы придерживаться той точки зрения, как будто один из них исключает возможность применения другого, тогда как известно, что способы словообразования очень часто выступают комбинированно (например, перегласовка может выступать совместно с применением способа свободных сочетаний: англ. инд. grow more food campaign, где в компоненте свободного сочетания food выступает старый способ словообразования перегласовка по умлауту).

[81]Мы излагаем эту классификацию В. В. Виноградова в сжатой форме пересказа.

3. Синтаксико-морфологический тип:
   а) словосложение.
4. Синтаксический тип:
   а) образование свободных назывных сочетаний;
   б) аббревиатуры.
5. Лексико-семантический тип:
   а) переосмысление и образование омонимов.

Рассмотрение английского словообразования по этим типам позволит обнаружить, что и в области словообразования переход английского языка к аналитическому строю оставил глубокие следы.

Прежде чем переходить к рассмотрению конкретного материала, нужно сделать несколько общих замечаний. Как видно из приведенной выше классификации словообразования, предложенной академиком Виноградовым применительно к русскому языку, словообразование и словопроизводство им не разделяются китайской стеной, как это были склонны делать некоторые ленинградские лингвисты, принципиально отличавшие конверсию и переосмысление, как словопроизводство, от других словообразовательных типов.

Безусловно, попытка ленинградских англистов отделить словообразование от словопроизводства — весьма шаткая: ведь конверсия как раз образуется в результате отпадения старых окончаний, то есть, в результате формальных изменений в слове, так что принципиального отличия от словообразования в узком смысле слова здесь нет.

Что же касается переосмысления и образования омонимов, то, по крайней мере для английского языка, где этот способ образования новых слов так широко представлен, нет причин видеть в нем что-то совершенно особое: для английского языка характерна неоформленность слов суффиксами, префиксами и перегласовкой, хотя все эти словообразовательные способы представлены в нем, причем суффиксация и префиксация — довольно широко.

Впрочем, теперь, после статьи Виноградова, вряд ли кто будет поддерживать старую точку зрения ленинградских англистов относительно словообразования и словопроизводства. Да и сами они оставили эту свою былую манеру. Так, Н. Н. Амосова в лекции о развитии английской лексики в лектории ЛО Общества по распространению политических и научных знаний[82] вынуждена была признать конверсию одним из способов словообразования, причем указала, что толчком для быстрого распространения конверсии в английском явилось развитие аналитического строя.

Все вышеперечисленные способы служат одной цели — образованию новых слов. Поэтому вполне естественно рассматривать их в одной системе, как это и делает академик Виноградов.

Теперь мы перейдем к конкретному изложению материала.

---

[82] Весной 1954 г.

Морфологический типа словообразования

В английском языке в этот тип в основном входят суффиксация, префиксация и перегласовка. Прежде чем перейти к описанию истории этих типов словообразования, следует выяснить те корневые элементы, которые послужили основой для образования новых слов этими способами[83].

Таких первичных элементов было два: индоевропейские корневые элементы и германские корневые элементы.

Среди индоевропейских элементов с одной стороны были разрозненные обозначения тех или иных понятий, с другой стороны — корни, давшие глагольные и именные формы в родственных индоевропейских языках. При переходе от индоевропейского к германскому, эти корни, в индоевропейском дававшие как именные, так и глагольные элементы, в германском стали только глагольными. Пример таких элементов: греч.

я даю didōmi
я дал e-dōka
мы дали e-dō-men
даритель dō-tōr
давание dō-sis
дар dōs, dōron.

На примере современного английского видно, что в дальнейшем развитии отдельных германских языков эта узость преодолена, и в NE doing — существительное.

Пример и. е. слов, перешедших в германские языки:
дочь: греч. thygȧter
гот. dauhtar
ОНД tohter
OE dohter
лит. dukte (винительный падеж dukteri)

Помимо и. е. слов, так или иначе отразившихся в германских языках, последние обладали и своими специфическими словами, свойственными им и только им. Интересно, что многие из этих слов обозначают части человеческого тела, и, казалось бы, в качестве наиболее древнего и изначального ядра слов основного словарного фонда, они должны были бы находится в системе индоевропейских соответствий. Но в ряде случаев этого нет, причем отсутствие и. е. соответствий иногда объясняют явлениями языкового табу: поскольку соответствующие слова могли использоваться в качестве патронимических имен и по смерти носителей устранялись из языка, чтобы не напоминать о мертвом и не вызывать его духа из страны теней.

В качестве примера, можно привести отсутствие соответствий «сатем-кентум» с индоевропейским у следующих слов:

---

[83]Этот раздел мы излагаем согласно данным А. Мейе (цит. раб., с. 134 и сл.)

и. е.	германский	и. е.	германский
лит акис	гот. augo	лит аусис	гот. auso
слав. око	OE eage	слав. ухо	OE ēare
	др. исл. auga		др. исл. eyra
	ОНД ouga		ОНД ōra

Помимо этого, бывали случаи контаминации форм: лат. caput точно соответствует др. исл. hǫfod, OE hafud, но, кроме того, есть контаминированные формы:

OE hufe

ОНД hūba

др. исл. hūfa.

Таким образом, если пренебречь заимствованиями (в частности, из кельтского), то для любого германского языка придется признать две основные группы корней — группа корней германских и группа корней индоевропейских. Морфологических способ словообразования и использовал эти корни в качестве основы при образовании новых слов.

Суффиксация

Суффиксация — один из древнейших способов словообразования, очень свойственный для языков флективного типа. В частности, в OE можно привести много примеров употребления древнейших индоевропейских суффиксов, а индоевропейский язык-основа, как известно, считается флективным, точно также как общегерманский, точно также как готский. Однако, большей частью эти суффиксы представлены в OE в омертвелом виде. Выше уже указывалось, что те корни индоевропейского, которые в нем давали имена и глаголы, в германском стали давать только глаголы; тем самым происходит омертвение тех суффиксов, которые в и. е. давали имена от этих корней. Иногда имеет место не только омертвение таких суффиксов, но и их полное исчезновение, их непредставленность в отдельных германских языках.

Приведем примеры.

В качестве примера, омертвевшего и. е. суффикса, можно привести абстрагирующий суффикс tei, который в германских языках перешел в si, причем выпадение i в конечных слогах привело его к форме s. Так, от и. е. корня *men думать (гот. man он думает) имеем и. е. *mn̥tei мысль. Это именное образование представлено в и. е. языках следующим образом:

гот. ga-munds — воспоминание	OE ge-mynd
лат. *mentis > mens	ОНД gi-munt

Этот суффикс таким образом представлен в германских языках в достаточно завуалированной форме.

В качестве примера и. е. суффикса, непредставленного в германских языках, можно назвать суффикс деятеля ter, представленный в приведенных выше индоевропейских именных образованиях, связанных со значением «дарить», «давать».

И. е. элементы подверглись в германском многочисленным фонетическим изменениям, и при этом настолько редуцировались, что, в ходе развития отдельных германских языков, их приходилось заменить новым суффиксом, так или иначе связанными с индоевропейскими. Примером может послужить и. е. суффикс действия *ten, представленный в латинском слове gustus вкушение (от лат. «geus» вкушать), в готском слове kustus — опыт, испытание (связано с глаголами kiusan — испытывать, kausjan — вкушать). В германских языках этот суффикс перестал быть производным, будучи вытеснен и. е. суффиксом *to в комбинации с *at, что в германском, по ассимиляции, t плюс t, давало германский продуктивный суффикс assus. Вот примеры слов с этим суффиксом:

равенство	гот. ibnassys, fraujinassus; horinassus (от лат. hoinon)
	ОНД lahazzan, langazzan (пылать)
равенство	OE emness (от emnetban); ehtnen (от ehtan, преследовать)

Современное английское goodmen от OE gōdnen тоже восходит сюда же.

Следует отметить, что многие суффиксы — это, исторически, второй элемент сложного слова. К числу таких суффиксов относится суффикс собирательности

гот. вид, способ haidus
др. исл. достоинство heiβr
ОНД положение heit
OE ранг hād
снскр знак ketùh.

Эти прежде самостоятельные слова дали в западногерманских языках продуктивный суффикс NE hood, NG heit: OE mæden-hād, ОНД magat-heit. Его самостоятельное значение при этом было утрачено. Этот пример — одно из многочисленных проявлений связи и взаимосвязи между различными грамматическими явлениями. Если считать словосложение и суффиксальное словообразование различными сторонами языка, то эти примеры можно признать отражением в английском языке общего внутреннего закона связи и взаимосвязи различных сторон языка.

В заключение отметим, что многие германские слова удлиняются с помощью суффиксов, в том случае, если индоевропейская праформа подверглась чрезмерной редукции:

снскр suva, собака, родительный падеж sùnah;
греч. kyon, родительный падеж kynos;
гот. hunds;
др. исл. hundr;
ОНД hunt;
OE hund.

Из приведенного материала видно, что германские языки использовали суффиксальное наследство индоевропейского в достаточно преобразованном виде, но не отказались от него. В дальнейшем развитии они пополнили запас суффиксов вновь образованными германскими суффиксами, причем

стимулом к обогащению суффиксального запаса, несомненно, послужил тот факт, что в германских языках, в том числе и в готском, распределение имен по определенным основам оказалось в значительной мере нарушено в смысле семантики такого распределения. Основообразующие гласные уже не давали возможности идентифицировать значение тех классов слов, признаком которых они являлись. В результате, в новых языках, основообразующие гласные подвергаются редукции, сливаются с флексией, становятся чисто формальными грамматическими показателями и в том что касается языков с аналитическим путем развития обречены на отмирание вместе с флективной системой.

В связи с намечающимся уже в готском распадом системы именных основ их роль постепенно переходит к новым суффиксам, передающим быть может те самые значения, которые в доисторические периоды развития данного языка могли передаваться основами.

Этот вывод — несколько смелый, мы нигде не встречали его в литературе, но поневоле напрашивается эта преемственность: основообразующие гласные — суффиксы, особенно если учесть наличие в индоевропейском исконных корневых слов (см. выше), многие их которых сохранялись в индоевропейском без всяких суффиксов, а также если принять во внимание бедность индоевропейского префиксами (см. ниже). Во всяком случае нам представляется, что новые германские суффиксы именно так и появились, как заменители старого деления по основам, а потому они качественно отличны от древних индоевропейских суффиксов. Но сравнение затрудняется затуманенностью индоевропейского наследства.

Рассмотрим теперь некоторые готские словообразующие суффиксы.

Абстрактные существительные в готском образуются от прилагательных с помощью суффикса ei (и. е. în, ОНД i):

гот. ширина braidei
высота hauhei
ОНД witi
NG weite.

Готский суффикс деятеля непосредственно связан с основами; в мужском роде это — остаток основы на n, в женском роде — остаток основы на ōn:

гот	наследник arbja;	свекор swaihra;	господин frauja.
	наследница arbjo;	свекровь swaihrō;	

Суффикс -il мог передавать значение действующего лица как уменьшительный волчонок — wulfila.

Аттила — attila (от atta — отец). В OE этому суффиксу соответствовал суффикс -el: OE cyrnel, NE kernel, герм. kurnla.

Тот же суффикс в готском применяется в именах нарицательных как уменьшительный:

гот. ребеночек barnilō (не уменьшительное: barn)
девочка mawilō (не уменьшительное: mawi)

Аналогичные суффиксы были свойственны и другим и. е. языкам, ср, например,

лат. узелок nodulus (не уменьшительное: nodus)

ручеек rivulus (не уменьшительное: rivus).

Наименее развитой в древних германских языках явилась категория абстрактных отглагольных существительных со значением названия действия. Суффикс ing в абстрактном значении в готском, например, не встречается.

Но широкое развитие в готском получают имена на ni, образованные от основ настоящего времени слабых глаголов. Они склоняются, с некоторыми отклонениями, по типу женских имен на i (см. выше). Например: учить lasjan; учение laiseins; нагружать luβon; нагрузка laβons; молчать βahan; молчание βahains.

В ОНД наблюдается лишь отдельные случаи таких образований: toufi от toufen.

Для образования абстрактных имен от прилагательных в готском применяются суффикс iβa (ongida):

гот	глухота daubiβa;	святость weitiβa;
	глубина diupiβa; ong;	чистота reinida.

Из суффиксов прилагательных в готском чаще всего встречаются суффиксы eig, ag (ОНД ig, ag). С ним конкурирует гот isc, ОНД issh.

Суффикс leiks образует прилагательные из других частей речи:

гот. swaleiks — такой (ОНД solich)

wileiks — какой

smaleiks — подобный

galeiks — похожий.

В готском были также заимствованные суффиксы:

лат. arius гот areis ОНД āri, ari	Эти суффиксы образовывали слова, обозначающие новые профессии, а также фигурировали в переводных словах
гот bokareis	от гот, множественное число, bōkōs
ОНД buohari	ОНД buoh
гот mōtareis от mōta, пошлина рус. мытарь и, аналогично этому, пахарь, вратарь; лат. librarius	

Из этого краткого обзора готской суффиксации видно, что в готском была вполне развитая система суффиксов, особенно богатая в том, что качается существительных, как это обычно бывает и в других языках. Для готского языка, как языка флективного, суффиксы служили как бы подпоркой вместо пошатнувшегося — для готского только еще в семантическом плане — деления имен на основы. Поэтому в готском так много именных суффиксов.

Рассмотрим теперь систему суффиксации в ОЕ.

Как и в готском суффиксы ОЕ носят в основном именной характер: они употребляются главным образом для образования существительных и прилагательных.

К таким суффиксам относится, например, группа суффиксов, обозначающих агента действия. Например,

OE bora (гр. форос, тот, кто несет) — cægbora (keybearer);
OE breca (NE a breaker) — æbreca (NG Ehebrecher, прелюбодей);
OE lora (тот, кто теряет) — hlēōwlora (лишенный защиты);
OE sæta (тот, кто сидит) — landsæta (колон).

Эти суффиксы можно рассматривать как упростившиеся вторые элементы сложных слов.

Как и в готском, а OE имеется ряд заимствованных суффиксов. Восходит к латинскому суффикс ere, означающий агента действия мужского рода и соответствующий готскому заимствованному суффиксу areis (см. выше). Примеры слов с этим суффиксом в OE: рыбак fiscere; писец bōcere; пекарь bæcere; птицелов fuglere; страдалец ðrōwere; едок etere (NE eater).

Соответствующий суффикс женского рода — ester: женщина-пекарь bæcestre; пряха spinnestre; пророчица witegestre; любовница lufestre.

Патронимический суффикс ing образует существительные от существительных: сын дворянина æpeling; король cyning. Этот же суффикс ing образует существительные с уменьшительным, ласкательным или презрительным оттенком:

любимый dēōrling;
гусенок gōsling;
наемник hȳrling.

Любопытно, что в OE в отличие от готского, этот суффикс уже встречается как суффикс названия действия, например в отглагольных существительных женского рода: ученость leornung, learning; чтение ræding; увещевание monung; вопрос ascung.

Впоследствии этому суффиксу предстояло большое будущее — ведь он проник в качестве формообразующего суффикса в причастия в герунд, оставшись и у отглагольного существительного (правда, в одной лишь форме -ing, вместо прежней двойной формы -ing, -ung). То есть этот суффикс стал омоморфичной формой, что так типично для языков аналитического строя, с их ограниченным количеством грамматических форм. Между прочим, стоит отметить, что этот термин, омоморфичные суффиксы, впервые был введен в нашу лингвистику академиком В. В. Виноградовым (см. изданную под его редакцией «Грамматику русского языка»), и, нужно сказать, что термин этот весьма удачен и вполне применим к исследованиям других языков, помимо русского.

Рассмотрим еще некоторые суффиксы OE.

Суффикс -en в сочетании с умлаутом коренного гласного служит для образования существительных женского рода:

лисица fyxen (из *fuxin, средний fox);
богиня gyden (из *gudin, средний god),
или уменьшительных: девушка mægden.

Иногда этот же суффикс встречается в расширенном виде: cen: “tyncen” боченок.

Для образования существительных, обозначающих действующее лицо, в OE служит суффикс -nd, -end, связанный с суффиксом причастия настоящего времени. Например,

любящий, друг	frēond;
ненавидящий друг	fēond;
спасатель	hælend;
судья	dēmend;
властитель	wealdend.

Любопытна судьба этого суффикса — он омертвел, вместе с гибелью связанного с ним формообразующего суффикса причастия настоящего времени, который, как мы говорили выше был впоследствии заменен омоморфичным суффиксом -ing.

Выше мы уже говорили, что суффикс -ing в OE мог образовывать отвлеченные отглагольные существительные. Какие еще суффиксы OE применялись для образования отвлеченных существительных?

Для образования отвлеченных существительных от прилагательных применялся суффикс -nis, ness: «доброта» gōdnis, «троица» βrēnes. О связи его с готским и и. е. истоками мы уже говорили выше.

Суффикс -u в сочетании с умлаутом коренного гласного служит той еж цели, образуя отвлеченные существительные женского рода:

длинный	long	длина	lengu	Их умлаут — следствие того, что они первоначально оканчивались на i.
сильный	strong	сила	strengu	
широкий	brād	ширина	brædu	
жаркий	hāt	жара	hætu	
целый	hāl	спасение	hælu	
старый	eald	старость	ieldu	
разгневанный	wrāβ	гнев	wræββu	

В той же функции употребляются суффиксы -uβ, -oβ (лат. ita, герм. iβo, гот ipa), например, OE geoguβ молодость; fiscoβ, fiscaβ, fiscnoβ, рыбная ловля (от fiscian); huntoβ охота.

Суффикс β, образуя отвлеченные существительные, иногда сочетается с умлаутом коренного гласного:

верный frēow; вор βeof;

верность frēōwβ; кража βiefβ.

Суффикс ett, прибавляясь к глаголам, дает в OE абстрактные имена среднего рода: OE bærnett, NE barnet («добровольный поджог», от bærnen) OE sæwett от sawan (to sew).

МЫ начали говорить о древнеанглийских суффиксах с того, что привели некоторые суффиксы, обозначавшие агента действия, в которых еще не совсем стерлось их прошлое как вторых элементов сложных слов (bora, breca, lora и др.).

Таким же ослабленным самостоятельным существительным являются суффикс dōm (и. е. корень *dhe / *dhō, установить, OE dōm — суд, мощь).

Например, OE:

святость, святыня	hāligdōm	Все это — отвлеченные существительные мужского рода
царство	cynendom	
мудрость	wisdom	
свобода	frēōdōm	

Аналогичное применение нашло себе слово hād (гот haidus, ранг, состояние, см. выше, в обзоре готских суффиксов), например, в OE:

монашество munuchād (NE monkhood);
детство cildhād (NE childhood);
девственность mægβhād (NE maidenhood).

Для образования отвлеченных существительных применялся также суффикс lāc (гот laiks, танец, игра). При этом образовывались существительные среднего рода, но некоторые из этих существительных не являются абстрактными.

Примеры: грабить reafian (NE bereave); разбой rēoflāc; брак wedlāc; фантазия scinlāc.

Слово rǣden, устройство, соглашение, служит суффиксом в словах дружба frēondrǣden; родство sibbrrǣden; верность mannrǣden.

От глагола scieppan происходит суффикс -scipe, фигурирующий в словах: празднество gebēorscipe (от пиво bēor); дружба frēondscipe; честь weorβscipe.

Как видно из этого обзора, в OE была весьма развитая суффиксальная система существительных.

Имеется много суффиксов и у древнеанглийских прилагательных. Древнейшими примарными суффиксами являются суффиксы l, n, r: īdel (NE idle), fægen (NE fain), fæger (NE fair). Прилагательные от существительных и прилагательных в OE образуются с помощью суффикса ihte (иногда в сочетании с умлаутом коренного гласного):

камень stān — каменистый stænihte;
шип dorn — колючий dyrnihte;
целый hāl — святой hālig;
чувство, настроение mōd — гордый mōdig;
туман mist — туманный mistig;
лед īs — ледяной īsig, а также прилагательные:
занятый bysig, глупый dysig, закрепившийся в одном доме husfæst (NE, -y, -fast).

Суффикс -ede образует прилагательные из группы «прилагательное плюс существительное», например, micelhēafdede «большеголовый».

Иногда этот суффикс образует существительное из одного существительного, обозначая, что предмет именно такой; например: крючковатый hōcede, NE hooked; ломанный hēālede. Любопытно, что уже в OE этот суффикс оказывается омоморфичным формообразующему суффиксу прошедшего времени и причастия прошедшего времени тех слабых глаголов, которые легли в основу группы правильных глаголов современности.

Суффикс -erne в OE образовывал прилагательные, обозначающие страны света: OE norβerne; ОНД nordaroni.

Суффикс -sum образовывал прилагательные от существительных, прилагательных и глаголов:

мир sibb, мирный sibbsum;

длинный lang, скучный langsum;

слушать, повиноваться hīeran, послушный hiersum.

Суффикс feald (связанный с глаголом fealdan "складывать") образовывал прилагательные от числительных и наречий:

троекратный ðriefeald;

семикратный seofonfeald;

многообразный manigfeald (NE manifold).

Суффикс -isc означал происхождение или сходство, тоже образуя прилагательные: centisc, cildisc.

Суффикс full (из прилагательных fuul — полный) образует прилагательные из отвлеченных существительных:

огорченный sorgfull;

многоглагольный wordfull;

грешный synnfull;

тщательный carfull.

Суффикс -en образует прилагательные от существительных: gold — gylden.

Суффикс lēas (из прилагательного leas, лишенный) / герм. *laus, NG los/) образует прилагательные с отрицательным значением от существительных и глаголов:

бессонный slæplēas;

бесчестный ārlēas;

неверующий geleāflēas;

беспечный recceleās;

бездомный hāmlēas.

Суффикс lic образует прилагательные от существительных и прилагательных. Он связан с существительным OE «тело» līc, нем. «труп» Leiche.

Примеры:

земной	eorβlic;	приятный	gōdlic;
дружественный	frēondlic;	смертельный	dēadlic;
любовный	luflic;	единственный	ǣnlic .
ежегодный	gēarlic;		

Суффикс weard образует прилагательные от существительных, прилагательных и наречий:

направленный к дому hāmweard;

средний middeweard;

внутренний inneweard.

Как видно из сделанного обзора, в OE очень много суффиксов существительных и прилагательных. Принимая во внимание расшатанность древнеанглийской системы основ, поневоле приходишь к сделанному нами ранее выводу

относительно того, что германские суффиксы как бы заменили собой семантически устаревшее деление на основы (см. выше). Тем более что в отношении прилагательных OE, как мы видели выше, от древнего склонения по основам в исторический период OE вообще, а не только семантически сохранялись лишь жалкие остатки. В свете нашей теории становится понятным, почему гораздо беднее в OE представлены глагольные суффиксы; к числу глагольных суффиксов OE относятся следующие: -ettan (пришпоривать sporettan; кашлять cohettan; сверкать bliccettan; каркать ceahettan; жаловаться sarettan (от OE sāre, NE sore), вздыхать sicettan (от OE sice, NE sigh). От несохранившегося глагола *lacian (от OE «дар» lāc) образовался глагольный суффикс lǣcan, представленный в следующих глаголах: приближаться nēalǣcan, подражать efenlǣcan, оправдывать gerihtlǣcan. Наконец, суффикс -sian в сочетании с умлаутом коренного гласного образует следующие глаголы: чистить clænsian (от чистый clæne), благословлять (из *blēdsian, от blōd — кровь, причем первоначальное значение этого глагола было: «окроплять кровью»), bletsian. В свете нашей теории ясно также, почему в OE было мало разнообразных суффиксов у наречий. С наречиями употреблялись только суффиксы: lice luflice (luflic NE lovely) linga (lunga): «своими руками» handlinga, «полностью» eallunga.

Из приведенного анализа суффиксации OE видно, что аффиксация в OE была очень развитой. Вообще, словообразование в OE было очень широко представлено. По подсчетам Гушона, из 22000 слов словаря OE, корней — 1100, причем первоначальных слов — 900, то есть 11-я часть словаря, а остальное приходится на долю словообразования (см. Гушон, цит. раб., с. 120; подсчет производился по словарю Свита “Students Dictionary of Anglo-Saxon”).

В дальнейшем, как мы увидим, иностранные влияния наложили неизгладимый отпечаток на суффиксацию как продуктивную систему английского словообразования. Ленинградская школа англистов утверждает, что иностранные суффиксы NE — вовсе не иностранные, что они вошли в язык настолько прочно, что сразу стали отечественными. Но нам эта точка зрения кажется неубедительной: ведь суффиксы всегда заимствуются в язык вместе с иностранными корнями, и затем, в качестве следующей стадии их использования языком, происходит образование гибридных слов, с участием этих суффиксов. Тот факт, что большинство суффиксов OE омертвело, и что на смену им в ME в подавляющем большинстве пришли иностранные суфиксы, весьма замечателен: фактически можно сделать вывод, что иностранное влияние было в английском необыкновенно сильное и что оно наложило неизгладимый отпечаток на дальнейшее развитие суффиксации в английском. Если бы не эти влияния, в английском могло бы сохраниться гораздо больше старых германских слов и суффиксов, и английский язык не был бы таким романизированным языком, в том что касается как его словаря, так и словообразовательных аффиксов[84].

---

[84]Ниже мы приводим характерную в этом отношении цитату из «Истории английского языка» Боу, где подчеркивается значительная роль, которую сыграло нормандское завоевание в смысле романизации английского языка.

Прежде, чем рассматривать суффиксы ME, следует сказать, почему мы так подробно рассматриваем суффиксацию в связи с рассматриваемым переходом. До сих пор мы еще не высказались наших соображений по этому вопросу, но это нужно сделать: иначе создается впечатление, что в нашей работе мы просто переписываем отдельные главы исторической грамматики.

Следует сказать, что суффиксация в частности и аффиксация вообще являются важным признаком аналитических языков. Эта черта их — общая с флективными языками, и поэтому обычно она особо не выделяется, когда аналитические языки сравниваются с флективными. Но как раз эта черта отличает аналитические языки от корневых. Несколько отвлекаясь в сторону, отметим некоторое расхождение во взглядах на этот вопрос у наших ученых. Если профессор А. С. Чикобава пишет относительно китайского языка, что «китайский язык в древности не был так близок к корневому типу, как теперь; в китайских словах имелись аффиксы» (цит. раб., с. 191), то профессор Н. И. Конрад в статье «О китайском языке» («Вопросы языкознания», 1952 г., № 3, с. 45–78) довольно убедительно доказывает наличие не только префиксов и суффиксов, но и флексий в современном китайском языке. Но, как нам предсиавляется, префиксы м суффиксы в китайском всё же качественно отличны от префиксов и суффиксов в индоевропейских языках. Дело в том, что в китайском языке господствует «закон слияния корнеслов» (Спиркин, цит. раб., с. 101), причем, вследствие моносиллабичности этих корнеслов, по звучанию они очень схожи с суффиксами и префиксами. Отсюда, между прочим, и происходит очень распространенное на западе ошибочное представление о многосиллабичности китайского слова и об ограниченности китайского словарного состава. Корни, суффиксы, префиксы, флексии в китайском, благодаря своей моносиллабичности, очень похожи друг на друга; поэтому Карлгерн и др. считали их аморфными моносиллабичными словами. Они, конечно, неправы, но доля истины в их воззрениях все же есть: а именно, китайские аффиксы, будучи равны, по своей звуковой протяженности, односложным корням, качественно отличны от европейских аффиксов. Достаточно сравнить китайское и английское аффиксальное словообразование, чтобы убедиться в правильности нашего взгляда; если в китайском моносиллабичность корней — закон, то в английском — это частый случай; в этом вся разница... Особенно наглядно это обнаруживается при слушании китайской речи.

Отметим также, что мы не можем согласиться с взглядом проф. А. С. Чикобава о том, что «английский язык еще не стал корневым, но очень сильно подвинулся в этом направлении за последние десять столетий» (цит. раб., с. 191). Это было бы правильно, если бы были признаки отказа английского языка от использования префиксов и суффиксов, как продуктивного способа словообразования. Но таких признаков нет, и, как показывают специальные исследования (например, диссертация Т. И. Труевцевой[85] по истории англий-

[85]См. Т. И. Труевцева, «Расширение словарного состава английского языка в связи с развитием текстильного производства», Л-д, 1953 г., канд. дисс.; морфологический

ской текстильной терминологии), аффиксация продолжает продуктивно использоваться в частности при образовании новых терминов. Да и в общей лексике, по-видимому, нет тенденций отказа от этого способа словообразования. Было бы интересно составить графики о судьбе и развитии английской аффиксации, с учетом иностранного вклада в этот способ словообразования. Но это возможно лишь в рамках более специального исследования.

Отсюда понятен наш интерес к аффиксам, как к одной из отличительных особенностей английского аналитического строя.

Как же развивались суффиксы в ME и в дальнейшем?

Скандинавское влияние не вовлекло в число суффиксов чего-либо нового, может быть, потому, что оно не было таким длительным и лексически мощным[86], как нормандское, а также по той причине, что оно проходило сравнительно рано, на грани OE и ME, когда суффиксальная система OE была еще в расцвете.

способ «на протяжении всех периодов занимает одно из ведущих мест», являясь «наиболее устойчивым способом на протяжении древнеанглийского, среднеанглийского и ранненовоанглийского периодов», причем «в ранненовоанглийский период морфологический способ взял вверх над словосложением и занял основное место в словообразовании» (с. 350). В дальнейшем в новоанглийский период широкое распространение получают терминологические словосочетания, «оттесняющие на второй план все остальные способы образования термина». Но все равно и в новоанглийском периоде широко используется суффиксальный способ «для образования имен существительных, служащих для наименования рабочих, машин и отдельных рабочих органов, являющихся составной частью машин и механизмов» (с. 297). Особенностью текстильной терминологии (в пределах этой рассматривавшейся лексической группы) являлось почти полное отсутствие префиксации уже в древнеанглийский период (ср. с. 86), так что если в новоанглийский период (с. 202) «префиксальный способ в группе слов древнеанглийского происхождения, связанных со специфической текстильной областью», оказался неотраженным, это не может служить доказательством утраты префиксации как способа словообразования в области текстильной терминологии, как ни узка эта область (еще более суженная диссертантом до «наименований рабочих, машин и отдельных рабочих органов, являющихся составной частью машин и рабочих механизмов» (см. выше), все же в какой-то мере отражают состояние словообразования английского языка в целом, поскольку известно, что техническая терминология является частью общенародного языка, подчиняясь его нормам. Поэтому и в дальнейшем мы будем использовать материал диссертации Т. И. Труевцевой, тем более что история английского словообразования разработана еще далеко недостаточно, как это констатировалось многими нашими исследователями (ср., например, Т. А. Егорова, «Из истории префиксации как способа словообразования в английском языке», ученые записки Ленинградского педагогического института им. Герцена, ф-ты англ. и ром. Языков, 1953 г., т. 93, с. 79–98); так что всякий дополнительный материал по этому вопросу можно только приветствовать.

[86] По сведениям Боу (цит. раб., с. 128). Оно не было слишком обильным. В английский язык вошло около 900 скандинавских слов. Причем главным образом это слова основного словарного фонда.

Напротив, нормандское влияние оказалось весьма эффективным в отношении пополнения суффиксальной системы английского. Известно, что из нормандского в английский проникло 10000 слов, из них сохранилось 75 %[87]. Само собой разумеется, что такое обильное вливание нормандских слов в английский словарный состав не могло не оказать сильного воздействия на суффиксацию.

Приведем некоторые примеры. Латинские суффиксы ārius, ōrius (того же типа, которые были в готском и OE (см. выше), в англонормандском были представлены как arie, orie, а в парижском как aire, oire. Отсюда английские слова: salary, victory, по сравнению с французскими: salaire, victoire. Однако, продуктивными эти суффиксы в английском не стали.

Зато по образцу французских слов, таких как combustion, appellation, destitution, уже у Кэкстона встречаются гибриды: aggravation, prolongation.

Помимо этого суффикса, столь продуктивного и теперь, в ME проникали следующие французские суффиксы: let, et, e, ard, able, ible, ish, ment.

Суффикс ish восходит к французскому глагольному окончанию первого лица множественного числа: isson-finisson (NE finish, punish, abolish и др.).

От OE и ME сохранились такие суффиксы как ness, full, less, some, ish, ed, и др., в таких словах как useful, careful, bearded, и т. д.

Сохранялся суффикс -dom, дающий абстрактные существительные: от существительных: kingdom, earldom, martyrdom; от прилагательных: freedom, wisdom.

В ME образовались новые дериваты с этим суффиксом, дошедшие до современности: dukedom, thralldom, однако, большая часть слов с этим суффиксом вымирала, вытесняемая суффиксами hood, ness: falsehood, richness вместо falsedom, richdom. Суффикс hood в ME образовал слова manhood, likelihood, womanhood. В XVIII в. образовались boyhood, girlhood, Маколей (а до него Мильтон) ввел в язык слово lardihood. Суффикс -ship постепенно вытесняется суффиксом ness: осталось friendship, но уже в ME нет OE fiendscipe. До современного языка от OE дошло слово worship. Осталось и hardship. Но такие слова как baldship, busiship, cleanship, kindship, все оказались вытесненными. Их заменили слова с суффиксами ness.

Значительный след в развитии английской суффиксации оставило латинское влияние времен Ренессанса. 12000 греко-латинских слов вошло тогда в английский язык, из них сохранилось 50 %[88].

---

[87]Боу, цит. раб., с. 220.

[88]См. об этом у А. Боу, цит. раб., с. 286–287: “In order to appreciate the importance of the Renaissance in enriching the English Vocabulary it is worth while to form some idea as to the number of new words added at this time. A calculation based upon the data available in the Oxford Dictionary gives a figure somewhat above 12 000. This number is certain to be reduced somewhat when the materials assembled for the new Middle English dictionary are published, but it is likely to remain close to 10 000, sine the calculation has been made conservatively, taking no account of minor variations of the same word or of words which, while appearing before 1500, were reintroduced in the 16th century or first gained currency

В частности, латинское причастное окончание (формообразующий суффикс) -atus дало суффикс -ate, встречаемый в таких словах, как prolongate, exonerate, и др. Латинское или и греческое происхождение имеют суффиксы ic, ical; суффиксом греческого происхождения считается глагольный суффикс ize, единственный современный продуктивный суффикс глаголов. У наречий же имеется только один продуктивный суффикс, ly. Мы не будем здесь перечислять все живые и мертвые современные суффиксы, а только отметим, что у прилагательных и существительных их достаточно много. Вообще, суффиксальность характерна английскому аналитическому строю, хотя она, быть может, более ограничена, чем в некоторых флективных языках, поскольку помимо суффиксации большое значение в английском имеют другие способы словообразования, более тесно связанные с аналитическим строем, поскольку, не в пример суффиксации (и префиксации) они появились как результат перехода английского языка к аналитическому строю.

Английские суффиксы часто сохраняют в качестве своей существенной черты многозначность в пределах с виду совершенно одинакового слова. Это их особенность, тесно связанная с неоднократно отмечавшейся нами выше балансировкой омонимичных и омоморфичных форм как внутренним законом английского языка. Для русского языка такая многозначность, как нам кажется, чужда грамматическому строю. Приведем пример, в журнале «Water and water Engleneering» за сентябрь 1954 г. в статье о туннельных работах в Швеции встречается два раза одно и то же слово, excavators, но в совершенно различных значениях. В одном месте (с. 395) говорится о механиках экскаваторов (the excavator operator), а в конце статьи, на графике есть такая надпись: «average hour earnings of tunnel excavators», где явно имеются в виду землекопы, а не машины. Нам кажется, что в русском языке невольно постарались бы избежать такую двусмысленность. Впрочем, может быть это и не так. Ведь говорим мы здесь об анализе определенных примеров, и о переходе английского языка к анализу, и это вполне допустимо. Но, с другой стороны, по-русски нелепо бы звучала фраза: «Мы получили установку смонтировать силовую установку». Хотя, на протяжении одной и той же статьи может быть и допустимо пользоваться словом «установка» в обоих его значениях. Во всяком случае, как нам кажется, в английском такие двусмысленности безусловно типичнее, чем в русском.

Префиксация

Если теперь обратиться к истории английской префиксации, начав с ее индоевропейских и готских истоков, то придется признать, что в индоевропейском, германском и готском она занимала менее значительное место в словообразовании, чем суффиксация.

---

at that time. Many of the new words, of course, enjoyed but a short life. Some even were used only once or twice and forgotten. But about half of the total number have become a permanent part of the language. A very large majority were from Latin, and this accession from Latin is sometimes known as the Latin influence of the fourth period".

В и. е. префиксация, как и суффиксация, еще тесно связана своими истоками со словосложением, поскольку в большинстве случаев префиксы прослеживаются, как бывшие первые элементы сложного слова.

Взять, например, такие латинские слова как in-iustus, bi-pes, agri-cola, первые элементы которых в дальнейшем развитии языков стали приставками. Или слово pral-ceps, означавшее «имеющий голову впереди»...

Вместе с тем, префиксы тесно связаны с предлогами (см. выше). Остаток их былой свободы как предлогов — их отделимость в современном немецком языке, а также в готском, где между префиксом и глаголом можно было вставить частицу. Например, гот ga-u-laubeis.

Отражение и. е. префиксов в германском очень затемнено из-за превратностей фонетического развития новых языков. Собирательное значение в латинском передавалось элементом cum, в германском ga. Причем эта германская форма в дальнейшем сохранилась в словосложении в форме ga, как первый элемент сложного слова, и в форме ge, как приставка, например, NG gebirge, сравнительно с не собирательным βerg. В готском ga означало завершенность действия: ga-fullnan.

И. е. отрицание имело форму *ne, которая отразилась в готском как ni, в ОНД в форме «никакая вещь» ni-with, NG nicht.

Таким образом, германский в значительной мере использовал и. е. префиксальное наследство. Что касается готской префиксации, то в готском особенно сильно была развита глагольная префиксация, причем готские глагольные префиксы — это в основном приглагольные наречия места, частично развившиеся в предлоги и связанные с именами.

Для иллюстрации многочисленности готских префиксов при одном корне приведем соответствующие образования с глаголом qiman:

подойти к кому-нибудь	ana-qiman;
нападать	bi-qiman;
идти вперед	faura-qiman;
потреблять, истратить	fra-qiman;
прийти с кем-либо вместе	miβ-qiman;
подойти	for-qiman;
убить	us-qiman.

Приставки придают следующие значения глаголу «weitjan», без них неупотребляемому:

Позорить	— idweitjan;
мстить	— fra-weitjan;
поклоняться, приветствовать	— ineweitjan
заметить	— fair-weitjan.

Семантически наполнены приставки, употребляемые с глаголом «идти» (gaggan или duatgaggan): выходить — usgaggan; войти внутрь —innatgaggan.

Префиксация существительных и прилагательных в готском менее развита. Для ОЕ характерна самостоятельность некоторых префиксов, оформленных

как части речи и вообще префиксов здесь больше, чем в готском[89]. К числу таких относительно самостоятельных древнеанглийских префиксов относятся следующие:

eall или æl (и. е. *al), существительный eallmægen, вся его власть

прилагательное eallbeorht, eallgōd, eallgrēne;

fela (и. е. *pelē) — абстрактных прилагательных и существительных: словоохотливый — fela-sprecol; многоречивость — fela-sprecolness;

full (и. е. *plno) — в глаголах: fullendian, fullfremman, fullgān; в существительных: fulluth (<*fullwiht крещение), fullæst помощь; в причастиях прошедшего времени: fullboren (fullborn) изолированно;

wan (и. е. *va, которому не хватает, NE want) — в прилагательных: несчастный wansǣlig, нездоровый — wanhāl; в существительных: бедность, отсутствие владений — wanǣht, несчастное путешествие — wansīβ.

Союз and (и. е. *anti) в качестве глагольной приставки выражает идею противопоставления: обменяться противоречиями словами, ответить: andwyrdan, andswarian. Эта приставка употребляется с существительными: противоречащий andraca; плата andlean. Она же образует предлоги: вдоль andlong.

Существительное hām (и. е. *keim) используется как приставка в глаголах: hāmbringan;

в существительных: hāmcyme (home-coming).

В качестве приставок используются также следующие наречия: ā (и. е. *aiv — всегда) образует прилагательные, местоимения или наречия с неопределенным значением: всегда живущий ā-libbende; ā-with (NE aught); везде ā-hwǣr .

Присоединяясь к вопросительным местоимениям и наречиям, наречный префикс «а» придает им обобщающее значение: где hwǣr; везде āhwǣr; каждый из двух — āhwæðer; который из двух hwæðer. Этот же префикс, в сочетании с префиксом gi (позднейшая обычная форма его, ge) дает умлаутированный префикс *āgr > ǣg, придающий вопросительным местоимениям и наречиям обобщающее утвердительное наречие:

везде *ā-gi — hwær > ǣghwǣr;

всякий *ā-gi — hwi-lic > ǣghwilc;

каждый из двух ā-gi — hwæper > ǣghwæðer;

ǣr (и. е. er, NE ere) употребляется с существительным и прилагательным: старые дни ǣr -dagas; исключительно добрый ǣr -gōd.

Префикс efen или efne (герм. *ebna) употребляется с существительными и прилагательными, придавая им значения собирательности или равенства:

есть столько efenetan;

равноденствие efenniht;

того же возраста efeneald.

Префикс elt (от корня alt) означает возвращение и встречается в некоторых причастиях и существительных:

борющийся в отступлении eftsβiende;

вознаграждение eftlēan.

---

[89]И они соединяются с самыми разнообразными частями речи.

Префикс forp (герм. *furpa, и. е. pṛ) присоединяется ко многим существительным, глаголам или прилагательным, придавая им значение наступления:

выводить вперед forβbringan;

вражеский авангард forβhere;

наклоненный вперед forβheald.

Префикс gēo (герм *ju) употребляется с несколькими существительными, придавая им значение древности: gēo-dǣd, gēo-mann.

Префикс her (here), hider (hither), hin, hinan (heonan), hindan и hinder (=behind) придают различные значения существительным, прилагательным, наречиям, следующим за ним:

пришествие hēr-cyme;

то же самое hidercume;

отбытие hinsiβ;

смерть heononsiβ;

сзади hindandweard;

презренное существо hinderling (NE hilding).

Эти и ряд других префиксов можно рассматривать как первые элементы некогда сложных слов, которые поэтому сохранили некоторую самостоятельность.

Но есть приставки, гораздо более тесно связанные с теми словами, с которыми они употребляются, что проявляется в их семантической неразделимости. Например, приставка after:

наследование aftergang;

следовать за afterfolgian.

Некоторые из этих приставок многозначны.

Префикс æt (NE at, и. е. ad) либо выражает близость, либо просто подкрепляет смысл слова, в существительных: соприкосновение æthrine;

присутствие ætwist;

в глаголах: трогать æthrinan;

оставаться бесполезным ætligan;

ждать ætsittan;

остановиться ætstandan;

упрекать ætwitan (NE to twit);

в наречиях: ætforan (NE before);

ætgædere (NE together);

æthindan (NE behind).

В то же время, от идеи близости иногда происходит семантический сдвиг к идее происхождения и удаления, например, в глаголах:

ætfeallan (NE to fall away);

ætslidan (NE to slide, to slip away).

Префикс bī (NE by, и. е. *bhi) указывает на смежность, аналогию и в полной форме употребляется с такими существительными как bīfylce (byfolc, соседний народ), bīspell (bytal, parabole).

Этот префикс связан по значению с наречием «bī», рядом, и с предлогом «be», около; иногда он сохраняет свое первоначальное значение «вокруг», иногда это значение ослаблено и соответствует значению русских префиксов «у», «о», например, со следующими глаголами:

ходить вокруг, почитать began;
осаждать besettan;
оплакивать bewēpan;
окружать beleggan;
осматриваться besēon;
увешивать behōn;
плыть вокруг berowan

С глаголами этот префикс фигурирует в ослабленной форме, be, или может быть еще форма bi

Объединяясь с глаголами, этот префикс может усиливать их значение:
ехать или прибыть becuman (NE to become);
толкать, нападать bedrifan;
оставлять belǣfan (ME bileven, bleven).

Он может также придавать переходность непереходным глаголам:

рыть	grafan;	погребать	begrafan;
идти	gān;	занимать, выполнять	begān.

Он также может образовывать глаголы со значением отделения части от целого: behēafdian (NE to behead, обезглавить);
обезножить befōtian;
лишить bedælan, beniman.

Приставка for (и. е. корень *per, герм. *fer) в OE была результатом слияния двух частиц, различных по смыслу:

1) герм. *fur, NG vor, вперед; в OE, по развитию значения, «очень» — в наречиях — очень часто — for oft; очень серьезно — forβearle;

в глаголах эта приставка укрепляет значение переходности: forberan (NE to forbear, to bear to the end).

2) гораздо чаще с глаголами и с существительными OE for соответствует герм. Гот.fra, NG ver, выражая идею потери, зла, например:
forceorfan (NE to carve ofj);
forhergian (NE to harry, разорять)
fordōn разрушать;
forpencan, forhycgan думать плохо, презирать;
forweorpan погибать.

Простым расширением этой приставки будет приставка fore (герм. *fura), со значением: «вперед», в таких существительных, как forehēafod, (NE forhead) foreduru вестибюль, в таких прилагательных, как «очень блестящий» foremǣre, в таких глаголах, foreseon (NE to foresse).

Приставка fram или from происходит от того же коря. Означая «тот, который продвигается», а следовательно, «тот, который удаляется»:

отъезд framsip; наследование framcyme — существительные
готовый идти framweard — прилагательное

frambringan (NE to bring from) глаголы

framādrifan (NE to drive away from)

Некоторые частицы, употребляемые в качестве приставок, не имеют совершенно никакого самостоятельного существования. Употребляясь в безударном положении, особенно с глаголами, они претерпевают фонетические изменения.

Префикс «a» (ОНД ur, ir, ar, ū̆), безударная форма древнеанглийского префикса or, которому соответствуют герм. гот. us, «из», «до», употребляется со многими глаголами, причём часто со значением «из»:

Вставать — ārisan;
просыпаться — āwacan;
переносить — ābesan;
занимать — ābysgian;
призвать — ābannan;
оставаться до конца — ābidan.

Этот префикс не связан с приводившимся выше наречным префиксом ā (и. е. *aiv, всегда), который в OE образовывал прилагательные, местоимения или наречия с неопределенным значением (см. выше).

Полногласная форма этого префикса, or, встречается только в нескольких существительных: oroβ (герм. *uranp, выдыхание);

orβanc — исчерпывающая тему мысль.

Чаще всего эта форма употребляется с прилагательными, производными от существительных:

неизмеримый — ormæte;
очень старый — oreald.

Префикс ǣ . Некоторые, как Клюге и Торп, видят здесь другой корень того же значения (герм., и. е. *ē); другие видят здесь форму глагольного префикса, ā, которая приобрела новое ударение. Действительно, этот префикс встречается с такими отглагольными существительными как ǣspring (источник, от āspringan), ǣrist (воскресение, от ārisan), ǣcumba или ācumba (NE oakum, вычески). Но он применяется и в ряде других случаев.

Он имеет отрицательное значение у таких существительных, как: бледность, бесцветность — ǣhiw, и у многочисленных прилагательных, ǣmod (NE out of heart); ǣgylde (NE unrepaid, unatoned for).

Префикс ed (со значением «еще», «снова») (и. е. *et(i)) употребляется с существительными (edlean, возмездие) и с прилагательными (edgeong, помолодевший).

Префикс «ge» с существительными имеет значение собирательности, коллективности, современности (и. е. *kom, «с»):

товарищ по постели — gebedda;
спутник — gefēra (от fōr, путь, путешествие)
gebrōβru (NE brethren)
дружина — gefylc (от folc — народ)
ум, память — gemund.

Глаголам он придает значение перфективности (завершенности), но не всегда, так что только отдаленно приближается к русскому совершенному виду:

увидеть — gesēon

прибыть, победить — gefaran

Этот же префикс употребляется с прилагательными (gescynde — естественный) и с неопределенными местоимениями (gehwā — всякий, кто).

Значение отрицания или дурного имеют префиксы mis и un:

не нравиться mislician;

неизвестный: uncuβ;

дурной поступок misdæd; undæd.

Значение разрушения передается префиксом to (ему соответствует нем. zer, zerbrechen, zerreiβen); усилительное значение имеет префикс of:

убить — ofslēan; отнять — oftēon.

Префикс on, соответствующий немецким ent, emp в entlassen, empfangen означает перемену или отделение (рус. «раз»):

развязывать — onbindan;

раскрывать — onlucan.

Иногда его значение ослабленно: поднимать — onfōn;

бояться — ondrǣdan.

От готских истоков ОЕ унаследовал обилие глагольных префиксов. Достаточно сказать, что префикс with со значением “away, against” сочленялся с 50 английскими глаголами[90]: wiβcēōsan = rejecr; wiβcwēβan = to deny; wiβrīfan = repel; wiβsprecan = conhadict и др. До современности из этих глаголов дошел только глагол “to withsfand”, да сохранились образовавшиеся в МЕ глаголы to withdsaw и to withhold.

Префикс ofer встречался более чем с сотней древнеанглийских глаголов:

преодолевать, побеждать — oferdrifan;

преодолевать, побеждать, завоевывать —ofercuman;

переходить, пересекать — oferʒān;

смотреть через, обозревать — ofersēōn и многие другие. А сколько еще имеется префиксальных образования от различных глаголов с самыми разнообразными префиксами[91]! Например, с префиксом on:

---

[90]Эти и следующие ниже цифровые данные заимствованы нами у Боу (цит. раб., с. 79).

[91]Подробное исследование префиксации от древнеанглийского периода и до начала XVII в. сделано в диссертации Т. А. Егоровой «Словообразовательная роль префиксов в английском языке в историческом освещении», 1951 г., на основе которой написана статья «Из истории префиксации как способа словообразования в английском языке» (ученые записки Ленинградского Государственного педагогического Института им. Герцена, т. 93, факультеты английского и романского языков, 1954 г.). В частности, там указывается (с. 86, статья): «В древнеанглийский период префиксы в некоторой мере могли изменять вид глаголов (например: mawan — косить; amawan — скосить); делать глагол переходным (например: wepan — плакать; bewepan — оплактивать); уточнять направленность действия на объект (βurhborian — просверливать, т. е. сверлить насквозь); выполнять своего рода атрибутивную функцию (ср. -in-coβu, внутренняя

начинать — on-ʒinnan;
схватывать, понимать, чувствовать — on-ʒytan;
скакать верхом, делать набег — on-rīdan;
засыпать — on-slǣpan и др.

Или, с различными префиксами, от одного и того же глагольного корня set:
settan = to set;
asettan = to place;
berettan = to appoint;
forsettan = to obstruct;
gesettan = to people, to garrison;
onsettan = to afflict;
onsettan = to oppress и многие другие.

Как указывает Т. А. Егорова («Из истории префиксации, как способа словообразования в английском языке», «Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. Герцена, т. 93, факультеты английского и романского языков, 1954 г., с. 86), в ОЕ «префиксы, образовывавшие новые существительные и прилагательные от именных основ, менее многочисленны», чем глагольные префиксы. «В основном это были префиксы с пространственным значением (overcoat, underwear, inmate и др.), последовательности в пространстве и времени (postwar, prerevolutionary), недостаточности признака (semigod — полубог; semicircle — полукруг), превосходства (overlord — верховный лорд, верховный властитель; superabundant — сверх изобильный), излишества (overlong — излишне длинный), со значением «бывший» (exking) и др.». Напомним, что, как отмечалось выше, в готском префиксация глаголов была тоже сильнее развита, чем префиксация существительных и прилагательных. В древнеанглийском, как видно из приведенных выше примеров, префиксы при существительных и прилагательных все же представлены значительнее, чем в готском.

Все это свидетельствует о силе префиксации в ОЕ. Из приведенного обзора видно, что префиксация в ОЕ была очень развита и что многие префиксы сохраняли связь со своим истоком — первым элементом старого сложного слова. В отличие от суффиксации, древнеанглийская префиксация характерна тем, что многие префиксы (такие как ā, and, efen) безразлично применяются в качестве словообразовательных средств с самыми различными частями речи, чего нельзя сказать о подавляющем большинстве суффиксов. Наиболее часто префиксация в ОЕ встречается с прилагательными, существительными и глаголами, причем древнеанглийским глаголам префиксы гораздо характернее суффиксов.

В дальнейшем, как мы увидим ниже, английский язык в значительной мере утратил свою былую силу префиксации частично, поскольку ее вытесняли

болезнь. Эти функции тесно связаны с грамматическими категориями, что подтверждает грамматический характер префиксации». Но в дальнейшем префиксация в значительной мере утратила возможность передачи этих грамматических значений.

другие типы словообразования, такие как конверсия и свободные назывные сочетания. Но, также как и суффиксация, префиксация до сих пор сохраняется в английском и будет сохраняться дальше, ибо, вместе с суффиксацией, она является характерной чертой английского аналитического строя в частности и анализа вообще. Как мы говорили выше, это черта сближает аналитические языки с флективными и отличает их от коренных (типа китайского), где аффиксация если и есть, то она носит особый характер. Поэтому в нашей работе мы были вынуждены дать исторический обзор суффиксации и префиксации, начиная от их готских и индоевропейских истоков.

Как отмечается в работе Т. А. Егоровой «Из истории префиксации, как способа словообразования в английском языке», «Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. Герцена, т. 93, факультеты английского и романского языков, 1954 г., с. 87, «исчезают из языка в основном префиксы, потерявшие семантическую ясность, то есть переставшие служить средствами сообщения мысли». Как отмечает Т. А. Егорова, «на протяжении всего исследованного периода они заменялись другими префиксами, более ясными по значению, хотя иногда их функция переходила к другому способу выражения». И, в качестве примера, указывается, что «значение, выражавшееся в древнеанглийском языке префиксом to: to-ceorfan — разрезать, стало выражаться описательными оборотами “to cut in pieces”, или, аналогично, “to break in pieces” вместо OE “to-brietan”.

Кроме того, префиксы отпадали ввиду того, что отпадала надобность в чрезмерной дифференциации передававшегося ими круга значений. В частности, так случилось с многочисленными OE префиксами, передававшими различные оттенки значения движения: a (почти совсем не осознававшийся как префикс), oth, æt (осознававшийся яснее), ut, fram, for, of (осознававшийся вполне отчетливо), причем ut и fram выражали «различные оттенки движение прочь из чего-либо, от чего-либо, и лишь позднее стали выражать движение прочь вообще». Как отмечает Т. А, Егорова, «по мере отпадения надобности в детализации и конкретизации движения прочь, все префиксы, служившие для выражения различных оттенков такого движения, потеряв свою специфическую окраску, сошлись в обобщенном понятии движения прочь». Впоследствии (см. ниже) в ME вообще сокращается количество префиксов со значением направления движения.

Обзор префиксации мы довели до ME. Посмотрим теперь, как проходило развитие префиксации в английском в ME и в дальнейшем.

В ME сохраняются многие префиксы OE, причем иногда они приобретают новые значения. Например, префикс be приобретает новые значения: покрывать тем, что обозначается данным глаголом

называть тем,	to bedark, to begore
наделять тем,	to befool
превращать в то,	

В ENE этот префикс приобретает значение «окружать», «покрывать»: to becloud, to bedirt, to befoam; «наделять», «превращать», «называть»: to belord.

В NE он употребляется как подчеркивающий глагольное действие: обрызгивать — to bedabble, to becalm.

В XIX в. транзитное значение этого префикса становится просто усилительным:

to curse — to becurse;

to purple — to bepurple;

to praise — to bepraise.

В ME в английский влилось много иностранных префиксов: dis, des, en и др. Некоторые из этих префиксов не образуют гибридных слов, поэтому их нельзя считать за освоенные языком и включенные в число продуктивных средств словообразования, сюда относятся:

amphu: amphitheatre, amphibian, amphora, amphibology;

ana: anachronism, analysis, anagramme, anaemic, anasthesia, anaesthetic, anaesthetize, anacreontic, anathematize, anathema;

ab > ad(+v): adventure, advance, adversay.

Иностранные префиксы осваиваются языком только в том случае, если в язык проникло много слов, с которыми они представлены. Таким префиксом явился, например, префикс dis: в ME в английский вошли следующие слова с этим префиксом: discharge, disdain, discomfort. В XIII–XIV вв. он уже дает гибридные слова: display, distrust.

В ENE возникло несколько десятков новых глаголов с этим префиксом, но часть из них затем вышла из употребления: to disbench, to dislike, to dishonow, to dishouse.

Конкурентом префиксов в современный период стали послелоги. Поскольку их значение часто совпадает со значение префиксов, префиксы глаголов часто перестают быть продуктивными[92]. Например, сравните, старое (хотя иногда и сохранившееся) — новое:

to uproot, uplift, uprise — to get up, to stand up, ete;

to outshrip, to outnumber, to outmanoevre — to pour out, to take out, ete;

to overdo, to overload, to overstrip — to roll over, to smoothe over, ete.

---

[92]На ослабление глагольной префиксации в связи с появлением послелогов по окончании древнеанглийского периода указывает Т. А. Егорова («Из истории префиксации, как способа словообразования в английском языке», «Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. Герцена, т. 93, факультеты английского и романского языков, 1954 г., с. 86): «По сравнению с древнеанглийским периодом, число глагольных префиксов сократилось в связи с появлением нового рода словообразовательных элементов — послелогов. В этом смысле английский язык резко отличается от русского, в котором имеется богатейшая производительная система глагольных приставок. Эта особенность словообразования в области английского глагола связана с его грамматическим строем и является проявлением внутренних законов развития английского языка». Таким образом, Т. А. Егорова видит причину этого явления в действии внутренних законов английского языка, которые, как нами было в своё время показано, связаны с переходом английского языка от флективного строя к аналитическому. Поэтому неудивительно, что и появление послелогов многие ученые считают одной из черт анализа (см. выше)

Уже в ME префиксы следующих глаголов престают быть продуктиынми: to arise, to awake, to forgive, to forget, to withstand, to withhold, to withdrans[93].

В этих глаголах их старые префиксы сохранились, но уже в ME многие другие глаголы с этими устаревшими префиксами оказались замененными: устаревшие префиксы помешали следующим глаголам остаться в языке:

to forhang = to put to death; to foreleave = to cut to pieces;
to foreshake = to shake off; to withsay = to renounce;
to withspeak = to contradict;
to withset = to resist[94].

Совершенно исчез префикс tō, а с ним и глаголы: tōdǣlan (to delen) tō-faran — идти в разных направлениях; tō-toilen —растащить на части. Префикс for прежде сочетался с французскими словами в английском: forcover; forepynchen (расщепить на кусочки). Теперь он употребляется только со следующими словами: forbear, forbid, fordo, forget, forgive, forego, forsake, foreswear, forlorn. Из недавно появившихся префиксов следует отметить латинские префиксы countor, dis, re trans, а также отечественные префиксы over, under. Новые глаголы unbind, undo, unfold, unwind, unfasten, unbucole, uncover, unwrap, свидетельствует о продуктивности префикса un.

Б. А. Ильиш, кроме того, считает следующие префиксы продуктивными для современного языка[95]:

pre — prewar, precrisis, prevail, pretext, presume;
post — postwar, postposition, postmortem, post-date, post-factum;
non — nonparty, nonstop flight, non-aggression, non-rigid;
anti — anticyclone, antiaircraft, anti-imperialistic, anticlerical;
ex — ex-president, expatriate, expulsion, expression, express;
re — reread, rewrite, replace, redeem, reduce;
counter — counteroffensive, countermand, counterrevolutionary;
inter — international, intermediate, intercalary, intercontinental;
sub — subcommittee, subcutaneous, subway, subtropical, subtrahend;
super — superbomb, superstructure, superdreadnought, superpose;

---

[93]Drawing room первоначально была withdrawing room.

[94]По наблюдениям Т. А. Егоровой (цит. раб., с. 94) «в среднеанглийский период наблюдается некоторое сокращение использования префиксации при выражении значения направления движения, но в то же время несколько расширяется круг префиксов, выражавших более отвлеченные значения». Что касается ENE, то для этого периода (цит. раб., с. 96) «наблюдается некоторое расширение или скорее уточнение или дифференциация круга значений, выражаемых префиксами. Число живых префиксов увеличивается. Отмирают и выходят из употребления отдельные префиксы, вследствие потери ими значения. Но новые префиксы, которые появляются в языке, превосходят их своею численностью». Само собой разумеется, что значительную роль в этом отношении сыграл иностранный префиксальный вклад.

[95]См. Б. И. Ильиш «Современный английский язык», 1948 г., изд., с. 296; там приводятся также примеры с префиксами un, extra; мы несколько дополнили и изменили подбор примеров, сравнительно с первоисточником.

trans — transplant, transfix, transform, transfuse, transport;

ultra — ultraviolet, ultramontane, ultrared, ultramarine, ultra capitalist.

Интересно, что в подавляющем большинстве эти префиксы — иностранные. Конечно, список этот — неполный. Например, упомянутый выше префикс under совсем недавно сочетался с таким популярным глаголом в английском как develop, образовав первый элемент свободного сочетания "underdeveloped areas" («мало развитый район»). Но, даже если признать, что есть еще продуктивные префиксы, все же, их в английском языке меньше, чем продуктивных суффиксов. Интересно было бы провести подсчет. Но даже если их и не меньше, чем продуктивных суффиксов, то, во всяком случае, они менее продуктивны: некоторые из вышеприведенных префиксов образуют всего лишь несколько слов обиходного употребления[96].

Боу объясняет ослабление аффиксации в современном английском иностранными влияниями: "The wealth of easily acquired new words had weakened English habits of word formation" (цит. раб., с. 225). Но, нам представляется, что решающую роль здесь безусловно сыграл переход английского языка

---

[96]Вопрос о продуктивности префиксации и суффиксации для современного английского языка еще не решен окончательно. Например, Т. А. Егорова (цит. раб., с. 98) пишет: «На основании результатов исследования роли префиксации в английском языке, доведенного до начала XVII в., в основном можно сделать предположение о пути дальнейшего развития этого способа словообразования. Исследование роли префиксации в XVIII–XX вв. с их бурным развитием производства, техники, естественных и гуманитарных наук представляется чрезвычайно интересным и должно показать, по-видимому, еще больший рост роли префиксации в создании новых слов и терминов». Аналогичные выводы в последнее время делаются и в отношении суффиксации. Но для нашей темы вопрос этот не представляет особого значения, ибо ясно одно; префиксация и суффиксация сохраняются, нет признаков отказа языка от их применения: следовательно, английский язык продолжает развиваться путями анализа, и нельзя говорить о переходе его к корневому типу.

Нам представляется, что только составление графиков развития префиксации (а также суффиксации), с учетом иностранного вклада, на основании исследования достаточного количества памятников различной датировки, позволит с достаточной четкостью доказать, имело ли действительно место ослабление префиксации и суффиксации с переходом к современности и какую роль в смысле их сохранения сыграл иностранный вклад. Работа Т. А. Егоровой такого анализа не содержит. Любопытно, что отмечая «некоторый рост использования префиксации для выражения значений» в ENE, Т. А. Егорова, делает такую оговорку: «Однако, не следует забывать, что очень многие образования с префиксами, встречавшиеся в ранненовоанглийских памятниках, впоследствии вышли из употребления, а некоторые вообще являются редкими словами. Тем не менее, появление даже единичных образований с какими-либо префиксами свидетельствует о том, что в данную эпоху эти префиксы были живыми в сознании говорящих и могли использоваться для образования новых слов» (цит. раб., с. 96). Поскольку работа Т. А. Егоровой доведена только до начала XVII в, трудно, не имея доказательств, согласиться с тем, что в NE префиксов больше, чем в ENE, если многие префиксы ENE вышли из употребления. Наша работа, впрочем, не претендует на решение этих вопросов.

к аналитическому строю. Суффиксация и префиксация характерны для аналитического строя, но они характерны для него как наследство, если, как в английском, аналитический строй — результат развития древнего флективного строя. А наследство всегда раньше или позже тратится, уменьшается... И вот, на смену аффиксации приходят новые способы словообразования, вызванные к жизни рассматриваемым переходом; главные из них конверсия и свободные назывные сочетания. Что же касается суффиксации, то она сохраняется в языке, в том что касается имен, как новое средство их классификации, к которому перешла роль древних основ, утративших сперва свою семантическую ценность, а затем и вовсе утраченных. Поэтому суффиксы в английском сохранились лучше, чем префиксы.

Прежде чем переходить к новым способам словообразования, порожденным аналитическим строем, нужно рассмотреть последний морфологический способ словообразования, связанный со старым грамматическим строем: перегласовку и смежные с нею способы словообразования.

Перегласовка и смежные способы словообразования

Перегласовка — одно из древнейших средств словообразования, связанное с фонетическими изменениями доисторического периода — аблаутом, умлаутом и некоторыми другими изменениями (озвончение согласных в интервокальном положении и др.).

С аблаутом связаны следующие чередования:

OE нести beran; носилки bǣr ;

OE терять forlēosan; лишенный lēās;

OE писать writan; письмо writ;

OE оставаться belīfanl остаток lāf.

До современности дошли некоторые образования такого рода: “судебная повестка” writ; “ укус” bite; “кусочек” bit; “обитать” abide; “жилище” abode, но, вместе с распадом сильного спряжения, аблаут перестал быть продуктивным способом словообразования[97]. В настоящее время перегласовка чаще

[97]В противоположность этому, в немецком языке, флективность морфологического типа которого мы уже не раз отмечали, аблаут, согласно последним исследованиям, не утратил своей продуктивности. Вот что пишет по этому поводу В. М. Жирмунский в своей статье «К вопросу о внутренних законах немецкого языка» «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5): «Принято думать, что система аблаута в истории немецкого языка уже не продуктивна и имеет только прожиточный характер. Это, однако, не совсем верно. Можно проследить, с одной стороны, процесс ее пополнения новыми типами чередований (в общегерманском и в позднейшем западногерманском), и, с другой стороны, некоторое расширение ее лексикограмматической сферы в самой истории немецкого языка». И далее приводится примеры на последнее: frug вместо fragte от fragen в разговорном языке, возникшее уже в новонемецком, и некоторые примеры из немецких диалектов.

используется в словоизменении, дополняя конверсию, например, в таких случаях, как: man, men, to man; house, houses, to house; to fall, fell, fall; to leave, left, leave; to run, ran, a run и др. Но к этому вопросу мы еще вернемся в связи с рассмотрением конверсии.

До современности дошли также некоторые чередования, связанные с умлаутом: full — fill; hot — heat; gold — gild; food — feed; brood — breed; blood — bleed; man — men; foot —feet; goose — geese; tale — tell; sale — sell; strong — strength; fall — fell и др.

Следующие типы чередования явились результатом сокращения гласного в ME: wide — width; nature — natural; nation — national; south — southern. Но не все из приведенных примеров являются примерами на собственно чередования. Во многих случаях чередование как словообразовательное средство выступает в сочетании с другими словообразовательными средствами: аффиксацией конверсией и др.

К смежным с перегласовкой словообразовательным средствам относятся древние случаи образования каузативных глаголов: to sit — set, to lie — lay. К смежным с чередованием способам словообразования можно также отнести случаи отличия существительного от сходного с ним по форме глагола, отличие местом ударения: present — to present; conflict — to conflict; contras — to contrast; forecast — to forecast. Этот способ словообразования возник в ENE в связи с распадом флективной системы, он очень тесно связан с конверсией. Аналогично различаются frequent и to βequent, где место ударения отличает прилагательное от глагола. Но вряд ли можно найти современные примеры на такое чередование.

К смежным с перегласовкой способам словообразования относятся единичные примеры с удвоением: murmur (удвоение латинского заимствования), fulfill (здесь удвоение сочетается с умлаутом).

Хотя словообразование путем ударения — сравнительно новое словообразовательное средство, в общем и целом перегласовка и смежные с нею способы — непродуктивные остатки старого флективного строя.

Морфолого-синтаксический тип словообразования

Конверсия

Из морфолого-синтаксических способов словообразования важнейшее место в современном английском языке занимает конверсия. Как указывается в статье А. Г. Спиркина «К вопросу о законах языка» («Вопросы философии», № 5, 1953 г.), «закон словообразования в английском языке, так называемая конверсия, действует не только в данный момент; ... уже начиная с XV в. этот процесс неуклонно увеличивался в своих размерах, выражая общую направленность количественных накоплений данного качества». А. Г. Спирикн при этом ссылается на специальные исследования. По-видимому, он имеет в виду работы покойного проф. Смирницкого,

который очень много сделал в области исследования этого способа словообразования в английском. Как и акад. Виноградов, проф. Смирницкий не отделяет словообразование от словопроизводства китайской стеной, и открыто причисляет конверсию к словообразовательным средствам. Выше мы уже указывали на связь конверсии с распадом старого флективного строя, а упоминаемые А. Г. Спирикным специальные исследования действительно относят усиление конверсии как словообразовательного средства к XV в., то есть как раз к тому времени, когда заканчивались основные процессы перестройки английского грамматического строя на аналитические рельсы.

Есперсен[98] приводит следующий список глаголов, конвертированных в существительные с 1503 по 1878 г., показывающий, как шло развитие этой тенденции в дальнейшем (список составлен на основе данных NED):

1503	glance	1542	reach	1585	dissent
1529	bend	1552	drain	1590	faun (a servile cringe) dismay
1530	cut	1555	gather	1592	embrace
1530	fetch	1563	burn	1597	hatch
1532	hearsay	1575	lend	1599	dip
1535	blemish	1577	dislike	1606	dress (personal attire)
1542	gaze	1581	frown	1641	flutter
1642	divide				
1667	build	(before the 19th century apparently used by Pepys only)			
1667	harass				
1670	haul				
1700	dive				
1727	go	(many of the most frequent applications date from the 19th century)			
1727	hobble				
1776	lean	(the act or condition of leaning)			
1788	big				
1797	hand				
1819	dig				
1825	find	(in the sense that which is found, 1847)			
1830	crate				
1825	kill	(the act of killing); 1878 kill (a killed animal)			

Конверсия — один из важных внутренних законов английского языка. Это — важное следствие перехода английского языка к аналитическому строю, ибо конверсия как способ словообразования возникла в английском языке в результате распада старой флективной системы.

[98]См. “Growth and structure of the English language”, 9-е изд., с. 155.

Конверсию иногда называют безаффиксальным словообразованием, но, как справедливо отметила Н. Н. Амосова[99], это неточно: ведь перегласовка тоже может быть названа «безаффиксальным словообразованием», но она, как мы видели выше, совсем несвойственна современному английском как продуктивный способ словообразования.

В единичных случая конверсия встречалась уже в OE. В качестве примера можно привести случай с “rād”, что в OE могло быть существительным со значением «дорога» и прошедшим временем единственного числа от глагола «ехать» rīdan. В этом случае, вследствие дальнейших фонетических изменений, конверсия была ликвидирована. К случаям конверсии в OE примыкают также случайные совпадения флексий, например, совпадение флексии множественного числа существительного и древнего формообразующего суффикса (окончания) инфинитива: tyman («времена» и «размножаться»). Например, в древнеанглийской фразе: “As sceolde Adamand his ofspring tyman on asettum tyman”.

Но решающим толчком к распространению конверсии, несомненно, явился переход английского языка к аналитическому строю, когда, в связи с отпадением флексий, в ME совпали формы существительного, прилагательного, глаголов:

OE βundor, βundrian;	ME thunder;	NE thunder;		
OE lǣv, lǣvan ;	ME lēv;	NE leave;		
OE stǣnan, stān;	ME stēnen, stoon;	ENE stenen, stone;	NE stone	(выравнено по существительному)

Генетически в большинстве случаев исходной формой была именная, поскольку глагол обычно оказывался производным от существительного. Так, уже в OE глагол lufian и существительное lufu имели одну основу, но глагол был производным от имени. Однако, с точки зрения современности, наоборот, существительное произведено от глагола.

---

[99]М. М. Гухман в статье «Родство языков и внутренние законы их развития» («Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5, с. 71) называет конверсию частным внутренним законом английского языка. Разительный контраст по сравнению с некоторыми ленинградскими англистами, которые боятся назвать внутренние законы этого языка, из-за связанности этих законов с переходом к аналитическому строю (ср., например, лекцию В. Н. Жигадло о внутренних законах английского языка весной 1954 г. в лектории ЛО об-ва по распространению политических и научных знаний!).

В лекции в лектории ЛО об-ва по распространению политических и научных знаний. Единичный пример на конверсию из области текстильной терминологии, зарегистрированный по материалам OE, приводит Т. И. Труевцева (цит. раб., с. 87). Это — прилагательное “wyllen”, которое может также выступать как существительное со значением «ткань». Впрочем, этот пример можно считать также примером на субстантивацию (см. ниже), но флексия падежа здесь не играет никакой роли, так что скорее это все же конверсия.

Следует отметить, что огромное количество конвертированных форм проникало в английский язык в XVI в., но большая частьих не удержалась в языке. Объясняется это тем, что в 16 веке была большая языковая свобода, чем в последующий период. Боу пишет по этому поводу этой, скоро утраченной, свободы: "The spontaneous creativeness of a Shakespear, verbing it with nouns and adjectives. So to speak, sublimely indifferent to rules, untroubled by any considerations in language save those springing from a sure instinct, had given place to hesitation and uncertainty, so that a man like Dryden confessed that at times he had to translate an idea info Latin in order to decide on the correct way to express it in English" (цит. раб., с. 385).

В современном языке конверсия очень распространена[100], хотя, конечно, далеко не от каждого существительного можно образовать глагол. Все же, в единичных случаях, встречаются самые необычные конвергентные формы, когда авторы применяют конверсию в качестве стилистического приема, как "nonce — formation". Например, у Гринвуда ("Mr greenwood and the war"): I did not bye the piano to be sonated out of the house" или "There is nothing to him about" (оба примера взяты из упомянутой выше лекции Н. Н. Амосовой)[101].

Как мы уже говорили выше, конверсия близко соприкасается с перегласовкой. Если чередование выступает в качестве словообразовательного средства, то конверсии нет: breath, breathe; sing, song. Если же чередование участвует только в образовании парадигмы данного слова, т. е. не выходит за пределы данной части речи, то мы имеем дело с конверсией. При этом чередование может отчасти служить делу различения двух частей речи, поскольку оно наличествует только в одной из них, но все же оно не является здесь словообразовательным средством. Примеры: house, houses; fall, to fall, fell. Так решал этот вопрос покойный проф. Смирницкий в своей статье «Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке» («Иностранные языки в школе», № 5, 1953 г.). Проф. Смирницкий протестовал против того, чтобы расценивать конвергентные случаи как одно и то же слово, выступающее в роли различных частей речи. По его мнению, конверсия — это особый тип словообразования, когда соотносящиеся по конверсии слова не различаются какими-либо словообразовательными аффиксами, а словообразовательным средством служит сама парадигма слова (то есть, словоизменение).

При этом специфичным для конверсии проф. Смирницкий считал не использование парадигмы слова вообще, как средства словообразования, а использование ее как единственного средства словообразования, без применения каких-либо дополнительных средств.

---

[100] По наблюдениям Т. И. Труевцевой, конверсия, появившаяся еще в ENE в том что касается текстильной терминологии (цит. раб., с. 340), в NE отражена значительно богаче, чем в ENE (цит. раб., с. 302), составляя 12,4 % (цит. раб., с. 340).

[101] Вот несколько новейших примеров на конверсию: из «Белой обезьяны Гельсуорси (1953 г. изд.): с. 121: "But the thought of Tony standing at his corner, ballooned up to the eyes, as she had spied out more than once, fortified her desperation"; с. 130: "Fleur had come and stood with him at the last drive on the second day, holding Ting-a-ling on a leadp".

Таким образом случаи конверсии трактуются им как омонимы, то есть, как два разные слова.

Его точка зрения кажется нам убедительной; недаром, ленинградские англисты, в конце концов, были вынуждены ее принять...

Но попытка разграничения случаев конверсии и случаев чередования все же кажется нам искусственной. Уж очень трудно их разделять, да и стоит ли это делать для современного состояния языка, когда остатки чередования, как мы видели при рассмотрении этого способа словообразования, так тесно смыкаются с конверсией. Новое смыкается с остатками старого — это так свойственно такому консервативному, в общем, явлению, каким является грамматический строй языков...

В. М. Жирмунский называет английскую конверсию одним из случаев грамматической омонимии («К вопросу о внутренних законах немецкого языка», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5), указывая, что в немецком языке такие случаи встречаются реже, благодаря лучшему сохранению там флексий. Он пишет: «В английском языке, в результате более последовательной редукции окончаний (отпадение e и en) грамматическая омонимия в подобных случаях имеет более полный характер: односложные (исходные формы слова становятся полиморфными, т. е. могут иметь значение формы словоизменения как имени, так и глагола (т. н. конверсия). Ср. (to) love — (the) love; (to) fish — (the) fish; (to) look — (the) look».

Действительно, вследствие флективного характера немецкого языка, личные окончания глагола и флексии существительных полнее разделяют соответствующие сходные формы, чем это имеет место в английском языке. Например: ich binde — die βinde; причем на письме написание существительных с большой буквы служит дополнительным важным индикатором различия соответствующих форм. Сравнение с немецким языком наглядно показывает непосредственную связь конверсии в английском языке с переходом этого языка к аналитическому строю.

Лексикализация

Этот способ словообразования очень свойственен флективным языкам (ср., например, русские наречия «утром», «вечером», где застыли в качестве наречий падежные формы существительных).

В связи с распадом английского флективного строя. до современности дошли остатки образований такого рода, в виде сложных слов, претерпевших сложное развитие:

OE dǣgeæage — ME dayaeȳe — NE daisy.

Но таких случаев очень мало, и так как они восходят к сложным словам, мы вообще сомневаемся, можно ли говорить о наличии этого способа словообразования в современном английском. К тому же, как мы видели, древнеанглийская флективная система была очень кризисной, что проявлялось в многовариантности, совпадении, осереденении флексий. Ясно, что такая

зыбкость флексий существительного в древнеанглийском мешала им застывать, образуя другие части речи. Исключением является, быть может, флексия родительного падежа s, которую и теперь некоторые авторы, например, Б. А. Ильиш считают приближающейся к словообразовательному суффиксу, в том что касается ее использования в образованиях типа: at the barei's, to my unkle's, st Paul's и др. (см. «Современный английский язык», 1948 г., изд., с. 100). Но мы все же не склонны с ним в этом согласиться. Ведь эти формы странно было бы включать в словари. Просто древняя флексия родительного падежа в рамках аналитического строя приобрела новые, качественно отличные от старого положения вещей, черты. В этом причина таких своеобразных примеров, как вышеприведенные и как групповой генитив.

Попутно отметим, что наречие else по своему происхождению представляет собой застывшую форму родительного падежа прилагательного: др. англ elles от основы "alja" "другой", ср. гот. aljis, лат alius. Таким образом, форме somebody else's окончание родительного падежа, с исторической точки зрения, стоит два раза подряд".

Это — пример на адвербиализацию.

Другой случай адвербиализованного существительного — home, которое уже в ОЕ употреблялось как наречие: la ēode hām (ср. Б. А. Ильиш, «Современный английский язык», с. 80). Причастия настоящего времени часто подвергаются адъективизаци (a barking dog, a driving rain, см. там же, с. 84), когда «действие, выполняемое лицом (или предметом), становится его признаком и может рассматриваться как его свойство. Некоторые наречия, как указывает Б. А. Ильиш (там же, с. 80) могут подвергаться субстантивации, когда они выступают в сочетании с предлогом: from there, from here, since then, from now on и др. Однако, вследствие бедности современного английского языка морфологическими показателями частей речи и из-за расшатанности этих показателей в древний период, для английского типичнее применение конверсии как способа словообразования, поскольку в случае с конверсией переход осуществляется легче, путем использования данного слова в несвойственной ему синтаксической функции; такой переход облегчается отсутствием морфологических показателей, характеризующих данное слово как часть речи. Иногда трудно бывает отграничить конверсию и лексикализацию, именно из-за неоформленности частей речи в английском. Так, приведенные выше примеры субстантивированных наречий можно рассматривать как случаи конверсии. Наличие артикля при субстантивированных причастиях прошедшего времени и прилагательных дает, вероятно, возможность Б. А. Ильиша признать эти случаи, как случаи лексикализации: the rich, the poor, the English, the Japanese, the Chinese, the Postuquese, the deceased, the accused и др. (Б. А. Ильиш, цит. раб., с. 81).

Но четких случаев застывания флективных форм, переходящих в другую часть речи, в английском так мало, что вряд ли стоит для современного английского языка говорить о лексикализации как о продуктивном способе словообразования. Минимальность таких случаев в английском лишний

раз свидетельствует в пользу нашего тезиса о переходе английского языка к аналитическому строю: ибо застывание падежных флексий при переходе существительных, прилагательных и т. д., в другую часть речи гораздо типичнее для языков флективного строя, где флексии — устойчивее.

Синтаксико-морфологический тип

В условиях английского языка синтаксико-морфологический тип очень тесно смыкается и часто неотделим от другого типа словообразования, синтаксического, ибо относящиеся к синтаксико- морфологическому типу сложные слова часто бывает трудно отделить от относящихся к синтаксическому типу свободных назывных сочетаний. Но некоторые границы между этими двумя типами все же есть и поэтому мы будем рассматривать их отдельно.

Словосложение

Словосложение — очень древний способ словообразования, более древний, чем аффиксация, что можно заключить уже из сказанного нами о развитии префиксов и суффиксов в английском. Ведь, как мы отмечали, очень многие префиксы и суффиксы исторически возводятся к элементам сложных слов...

Словосложение — это древнейшая форма соединения слов в индоевропейских и германских языках, для которых издревле было характерно соединение по типу: определение — определяемое. При этом определяющее слово в наиболее древнем типе словосложения имело форму чистой именной основы, и, по существу, не являлось ни существительным, ни прилагательным. И это последнее позволяет возводить происхождение этого типа синтаксического объединения слов в одну лексему к тому этапу развития языков, когда существительные еще не были отдифференцированы от прилагательных, и синтаксическая функция имен определялась порядком слов[102]...

Такие древние типы словосложения называются полносложными соединениями (eigentliche Komposition), в отличие от не полоносложных соединений (uneigentliche Komposition), где первое слово оформлено как падеж.

Примеры полносложного соединения в готском:

скамейка для ног — fotu-board;

ремень башмака — skauda-raips;

добрый гость — gasti-gôβs.

---

[102]Кстати, установление фиксированного порядка слов в современном английском можно считать повторением этого прошлого развития, только на более высоком этапе. То есть, здесь мы имеем дело с диалектическим развитием по спирали, о котором писал В. И. Ленин, в своей работе «Карл Маркс», где он дает общую характеристику материалистической диалектики (ср. т. 21, 4-е изд., с. 38: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе (“отрицание отрицания”), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии»). Мы при этом имеем в виду, конечно, развитие языковой техники.

Это пережиток более древнего строя речи, который остался и теперь в китайском, где слова образуются так:

Пекин — Nordhauptstadt;

Нанкин — Südhauptstadt.

Полносложные именные соединения — наиболее древний тип сложных слов. Более поздний тип полносложных слов — это соединение прилагательного определения с существительным; здесь прилагательное уже фигурирует как особая часть речи. Примером может служить готское слово fruma-baur, «первородный». И здесь, в древнейших полносложных соединениях, первый элемент является именной основой без всякого падежного оформления, то есть именем без формальных признаков существительного и прилагательного. В дальнейшем возможно их переосмысление в синтаксические сочетания.

Следующим типом сложных слов является бахуврихий, то есть полносложное соединение прилагательного и существительного, в целом имеющее значение прилагательного. При этом формальных признаков существительного и прилагательного может не быть, так что этот тип соединений — тоже пережиток более древней эпохи, когда прилагательное формально еще не обособилось от существительного и различие между ними определялось только их синтаксической функцией. Примеры бахуврихия могут быть при ведены из греческого, латинского, готского, русского языков:

греческий: розовоперстый — rhododaktylos;

латинский: из козьего рога — capri-cornus;

готский: с пустыми руками — laus-handus;

со свободной шеей — frei-hals;

чистосердечный —hraihja-harts;

русский: бой-баба;

царь-колокол.

По этому же типу построены готские прилагательные на leiks (ОНД lich). Суффикс прилагательных leiks восходит к готскому leik, тело, образ. Например, готский: мужественный waira-leiks. Этот же тип соединений представлен также в численных: готский ain-falβs, где falt = складка (немецкий einfach).

Интересно отметить, что в современных аналитических языках полносложные соединения, такие древние, как мы видели, вновь широко распространились, правда в видоизмененной форме «свободных назывных словосочетаний». То есть, здесь имеет место своеобразный круговорот, в области словообразования.

Следующим типом словосложения является такой тип сложных слов, в котором второй элемент является отглагольным существительным, а первый — объектом действия этого существительного.

Например, в готском: должник — faihuskula;

пьяница — weindrugkja;

мздоимец — mētanemo.

Сточки зрения языков с развитой падежной системой в первых элементах таких соединений мы имеем винительный падеж, зависящий от глагола

как прямое дополнение. Но так как отглагольное существительное не могло иметь при себе дополнение в винительном падеже (это оказалось возможно лишь в английском, когда там образовался герунд), можно было рассматривать этот элемент как родительный дополнительный (genitivus objectivus). Это уже неполносложные соединения, так как первое слово здесь оформлено как падеж. Этому толкованию соответствует позднейшее немецкое флективное оформление таких сложных слов родительным падежом их первого элемента, например: triedensbrecher, arbeitsgeber.

Наконец, последний тип сложных слов — это синтаксические группы, сросшиеся в одно сложное целое, с применением как словосложения, так и словоизменения и с отношениями между элементами — определение — определяемое.

Общим признаком сложных слов является невозможность их разложения на составные части — например, Danksagung. Другим их общим признаком является то, что второй элемент их не встречается в качестве самостоятельного существительного и в предложении не может управлять ни прямым дополнением в винительном падеже, ни наречием, ни предикативным, ни предикативным прилагательным, ни предложной конструкцией.

Эти критерии сложных слов отличают их, в известной степени, от свободных назывных словосочетаний английского языка, к которым эти критерии большей частью неприменимы.

Словосложение в германских языках — это наследство из индоевропейского, то есть это наследство старого синтетического (флективного) строя, если говорить о сложных словах современного английского. Но, как и везде в грамматике, старое тесно связано с новым, и свободные сочетания, являясь характерной особенностью аналитического строя английского языка, вместе с тем тесно связаны с этим древним индоевропейским наследством. В их различии большую роль играет ударение. Если в сочетании сохраняется второстепенное ударение на одном из элементов, при наличии главного ударения на другом элементе, то мы имеем сложное слово. В случае утраты вторым элементом второстепенного ударения, он находится на пути превращения в суффикс. Наконец, если полное ударение сохраняется обоими элементами, то тогда мы имеем дело со сложными сочетаниями, свободными английскими и связными немецкими. В немецком это один из типов сложных слов, поскольку имеет место слитное написание, а часто — также падежное оформление, но в английском их следует выделять особо, как нечто совершенно новое, как вклад аналитического строя в лексику.

Но подробнее о свободных сочетаниях мы скажем в следующем параграфе, а сейчас рассмотрим историю развития сложных слов в английском, начиная от древнеанглийского. Боу следующим образом характеризует древнеанглийский период: “Old English was more resourceful in utilizing its native material than modern English which has come to rely to a large extent on its facility in borrowing and assimilating elements from other languages” (цит. раб., с. 77).

Чтобы убедиться в истинности этого положения, приведем гнездо древнеанглийских слов, группирующихся вокруг одного и того же корня “mōd”:

mōd = heart, mind, spirit, boldness, courage, haughtiness;
mōdig = spirited, bold, high-minded, arrogant, stiff-necked;
mōdiglic = magnanimous;
mōdiglice = boldly;
mōdigran = to bear oneself proudly or exultantly;
ge-mōded = disposed, minded;
mōdful = haughty;
mōdleas = spiritlen;
mōdsefa
mōdgeβanc
mōdgeβoht
mōdgehygt
mōdhord = understanding, mind, thought
mōdcræftig = intelligent;
mōdcræft = intelligence;
glædmōdness = kindness;
mōdlufu = affection.

Многие из этих слов — сложные. Вообще, в OE очень много сложных слов такого типа как: dægred; leohtfæt; ealohūs; meduheall.

Хотя современный английский продолжает образовывать слова такого рода, все же они характерные для OE, скорее чем для NE[103]. Боу пишет по этому поводу: “In Modern English steam boat, electric light, sewing machine. Trolley pole are examples of such words. Words of this character are found in most languages, but the type is particularly prevalent in Old English as it is in Modern German. The capacity of English nowadays to make similias words though a little less frequently employed than formerly is the inheritance of the Old English tradition.

As a result of this capacity Old English seems never have been at a loss for a word to express even the abstractions of science, theology and metaphysics, which it came to know through contact with the church and Latin culture” (цит. раб., ч. 77–78).

---

[103] В. М. Жирманский в своей статье о внутренних законах немецкого языка («Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5, с. 94–95) указывает, что в немецком языке, наоборот, сложные слова превалируют, причем слитные написания преобладают в случае весьма малой связи между компонентами (например, waldsee, waldweg или поэтические окказиональные сочетания типа sternenblick). Слитное написание в последнее время распространилось также на сложные глаголы, включившие в себя то, что когда-то было предикативным членом (teilnehmen и др.). Сравнивая этот материал с тем, что имеется в английском языке, наглядно видно качественно иной характер английского грамматического строя. Свободные сочетания английского языка действительно свободны, они находятся на грани обыкновенных синтаксических словосочетаний, тогда как немецкий язык расширил сферу применения сложных слов, включив в нее многие синтаксические сочетания.

К сожалению, Боу смешивает сложные слова[104] типа немецких Wasserstoff, Fernsprecher, Fenerversichtungsgesellschoft и свободные сочетания. столь свойственные современному английскому. Безусловна, между сложными словами и свободными сочетаниями есть принципиальная разница, формально выражающаяся в различии их написания и произношения (причем главный фактор ударение, см. выше) и вызванная большей или меньшей связью между составными их частями. Но, конечно, наличие смежных случаев мешает провести четкую разграничительную линию, причем это последнее как бы является отражением генетической связи[105] сложных слов и свободных сочетаний. Появление свободных сочетаний в английском не означало отказ от словосложения, как способа словообразования.

Многие недавно образовавшиеся сочетания пишутся слитно и явно являются сложными словами, например: skyline, lipstick, aeroplane и др. Боу пишет по этому поводу: "They give unmistakeable testimony to the fact that the power to combine the existing words into new ones expressing a new concept, a power that was so prominent a feature of Old English, still remains with us" (цит. раб., с. 374).

Насколько распространено было словосложение в ОЕ свидетельствуют следующие цифры: из 22000 слов словаря ОЕ на долю сложных слов приходится 12000 слов, а остальные 10000 слов распределяются следующим образом: 3000 основных слов, 7000 производных слов[106].

Сложные слова ОЕ — это такие слова, части которых не сплавились в одно целое, а противопоставлены или сопоставлены. Чаще всего соединяются два

---

[104]На с. 223 (цит. раб.) Боу указывает: "In the centuries following the Norman Conquest however. There is a visible decline in the use of these old methods of word formation" (он имеет в виду в том числе и словосложение). Аналогичный вывод в отношении современного периода развития английской текстильной терминологии делает Т. И. Труевцева, которая указывает, что в новоанглийский период «словосложение ... потеряло сколько-нибудь существенное значение и выражено в пределах (рассматриваемой ею) группу всего лишь 5,2 % слов» (цит. раб., с. 340).

[105]О генетической связи сложных слов и свободных сочетаний пишет О. С. Ахманова («К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц», «Труды Института языкознания», т. 4, 1954 г., с. 50–73): «Английское "нейтральное словосложение" генетически восходит к одному из основных способов словосложения во всех германских языках, заключающемуся в непосредственном соединении двух именных основ. Эту общую особенность — хотя и в сильно дифференцированном виде — германские языки сохранили на протяжении их исторического развития. Этот способ является, как известно, продолжением древнейшего индоевропейского способа образования сложных слов, который в германских языках внешне видоизменился в результате утраты конечных звуков в основах. Например, гот. Gud-hus, sigis-laun; ОЕ wulder-cyning, hringiren» (цит. раб., с. 55). К сожалению, О. С. Ахманова не показывает связь перехода от сложных слов к свободным сочетаниям со структурным переходом английского языка, хотя эта связь не подлежит никакому сомнению.

[106]Гушон, цит. раб., с. 133. Подсчет сделан на основании следующего соображения: на 1900 слов в словаре Свита, "Students' Dictionary of Anglo-Saxon", буква h, приходится 1100 сложных слов.

существительных, из которых первое определяет второе и является как бы квалифицирующим его прилагательным: OE handbōc, NE handbook. Здесь hand имеет ограничительное значение, указывая на определенный вид книги, на такую книгу, которую всегда можно иметь под руками. В некоторых сложных словах их первый элемент мог иметь оттенок обладания: OE brȳdguma, NE bridegroom. В сложных существительных первый элемент мог быть прилагательным: OE heahsetl, «трон», «высокое сидение»; наречием или числительным: OE fīflēāf, «пятая часть листа»; и даже глаголом: OE hiēremann «подчиненный» (от «слушаться» hīeran). Некоторые сложные существительные OE состоят из трех элементов: «страх мук ада» — “helle-wite-broga”; «травяной загон для лошадей» — “hors-gærs-tūn”.

Что касается сложных прилагательных, то их второй элемент должен быть обязательно прилагательным, а первый элемент может быть существительным:

OEhand-tam (NE tame to the hand);
æęc-berend (копьенесец);
hand-worht (ручной работы);
heapo-geong (молодой воин);
heafon-beorht (NE heaven bright).

Иногда обе части сложного прилагательного — прилагательные, из которых второе первоначально происходит от существительного и кажется для OE слитным с первым прилагательным: OE clǣn-heort (литер. NE clean-hearted) соответствует готскому (hrainja) hairts (ND reinherzig), но не существительному: гот. hairto; OE heort. Аналогичная конструкция наблюдается в OE в следующих формах, где слова heort, mōd и др., первоначально использовавшиеся в форме прилагательных, в OE приняли, вследствие отпадания флексий, или по аналогии, вид соответствующих существительных:

серый, OE hār-wenge, литер. NE hoar-cheeked;
OE hræd-wyrde (NE quick of words);
OE ān-mōd (NE one-minded), решительный;
OE hāt-heort (NE hot-hearted) и др.

Вот основные типы образования сложных слов в OE:

Существительные:

1) Существительное плюс существительное:

вечернее время — ǣfentτde;
золотых дел мастер — goldsmið.

2) Прилагательное (в роли определения) плюс существительное:

ртуть, «живое серебро» — cwic-seolfor.

Прилагательные:

1) Прилагательное плюс прилагательное:

широко известный — wīd-cūβ.

2) Прилагательное плюс существительное, в той или иной последовательности:

насыщенный вином — wīn-sǣd;
имеющий радостное сердце — blið-heort;
находящийся в радостном состоянии духа — glǣd-mōd.

Глаголы:

страдать вместе, сострадать — ēfenβrowian.

Следует отметить, что в ряде слов OE первый элемент фигурирует в форме родительного падежа, то есть, здесь мы имеем дело с неполносложными сочетаниями, менее древним типов слов, которые являются ступенью на пути к свободным сочетаниям современности.

В качестве примера, можно привести следующие слова OE, названия дней недели:

день луны (понедельник) — Mōnandǣg;
день бога войны Тива (вторник) — Tiwesdǣg;
день Вотана (среда) — Wednesdǣg;
четверг, день бога грома Тунора — Bunresdǣg; (в ME, под сканд. влиянием, перешло в Thusday)
день Фрии (пятница) — Frigedǣg;
день Сатурна (суббота) — Sǣternesdǣg;
день солнца (воскресенье) — Sunnandǣg.

Другие примеры:

Страна англов, Англии — Englalond;
Страна франков, Франция — Francnalong.

Собрание мудрых, государственный совет — Witenagemōt (от wita, мудрый и от корня “mōt”, от *mōtian > mētan, встречать).

Родина потомков Снота, Снотингов, Нотингэм — Snotingahām.

Бычий брод, Оксфорд — Oxenaford.

Глаз дня, маргаритка, OE dǣgeseage, NE daisy.

Очень много сложных слов влилось в английский язык с собственными именами OE. Ходовые в употреблении существительные, используясь в роли суффиксов, уточняли названия местности, которые часто были без такого добавления неясны, из-за своего кельтского происхождения.

OE Dornsǣte, NE Dornsettlers, колоны из Дорсетшира
Donuware, жители Дорсетшира
Dornwara ceaster, город Дорсет
Eaxanceaster (NE Exeter)
Eaxanmūβa (NE Exmouth).

Первым элементом такого сложного слова могло быть название лица:

OEBedanford (NE Bedford, брод Беды);
Bedanfordscir (Bedfordshise);
Bebbanburh (город Беббы, NE Bamborough).

Первым элементом такого сложного слова могло быть также название вещи, дерева или животного, своего рода случайное название, увековеченное в истории:

cēōles tg	(остров корабля, NE chelsea)	В качестве вторых суффиксальных элементов названий местности в OE употреблялось 45 слов, среди них: dūn, bryeg, feld, clif, floot, mynster, ēalond и др.
actūn	(Oaktown, NE acton)	
Lambhȳp	(Lambhithe, NE Lambeth)	
Oxnaford	(NE Oxenford)	

Названия лиц в OE имеют характер прозвищ, и по форме это тоже очень часто сложные слова. Названия фамилий по происхождению местности встречаются как исключение, крестные имена или названия по ремеслу вообще неизвестны. Имена лиц состоят большей частью из двойной основы, причем на первом месте постоянно стоят такие слова: процветание, «ēād», королевский «cyne», а на втором месте — такие: «активность», lāc.

В результате получаются сочетания типа: «хранитель процветания», «Eādmund», королевский форт», Cyneheard, «активная мысль» Hygelac.

Некоторые элементы, из которых составляются патронимические сложные слова, безразличны к месту. Например, heard, beorht: Heardbeorht, Beorhtheard (bright and brilliant).

Элементы патронимических сложных слов OE распределяются на 6 категорий:

1) Имена богов и сверхъестественных существ: бог (os или ans): Oswald или answeald; храм (ealh): мир храма (ealhfris); гигант (hun): Hunbeorht; фея (ælf): советник фей — aelfred; магическая сила — Aelfric.

2) Животные: beorn — медведь[107]; eofor — кабан; Eoforheāh.

3) Военные термины: beadu и его синонимы, sigl в пре- и постпозиции: stgehere и Herestge (победоносная армия и победа армии).

4) Слова из общественной жизни: народ — fole: друг народа — Folcwine; речь — mæþel: сильный речью — mæþelheard: огороженный — haga; Hagbeorht.

5) Абстрактные идеи: остаток — lāf (только в постпозиции): процветание — ēad; мысль — hyge.

6) 20 прилагательных, обозначающих качество героя, как в препозиции, так и в постпозиции: Bealdheard, Heardbeald и др.

Значительно меньше в OE было простых имен лиц. Один из таких простых имен лиц — это известные двойные основы, второй элемент которых в пылу разговора оказался утраченным и уступил место окончанию на а слабых существительных мужского рода. Так, Cūþa может соответствовать Cūþwulf и Cūþwine.

Были и исконно простые имена сильного или слабого склонения.

Проникновение сложных слов в систему патронимики и тапонимики OE вполне понятно: ведь это самый древний способ словообразования, а имена и названия местностей, как известно, ведут свое начало от глубокой древности. В дальнейшем судьбой этого способа словообразования стало расщепление на свободные сочетания, написание которых часто специально не регламентировано.

Мы не будем прослеживать здесь детально развитие сложных слов в ME, ENE и NE. Судьба их ясна — развитие в сторону свободных сочетаний, распад. Перевод древних сложных слов на современный английский язык сплошь и рядом возможен только путем свободных сочетаний (см. перевод в скобках выше). Хотя, конечно, многие сложные слова сохранились до современности

[107] В переносном смысле — воин.

(например, названия дней недели, см. выше) и продолжают образовываться новые сложные слова, например, с помощью соединительного гласного о, в технике: спидометр “speedometer”, сейсмограф «seismograph” и др. (Ср. Б.А. Ильиш, «Современный английский язык», 1948 г., изд., с. 298, прим.)[108].

Подробный анализ словосложения в ОЕ нам был нужен, чтобы показать, как в области словообразования отразился синтетический характер его грамматического строя. Между прочим, в противоположность прочим ленинградским англистам, Б.А. Ильиш указывает, что «современные образования» (так он именует свободные назывные сочетания современности) носят на себе отпечаток аналитического строя, в противоположность сложным словам, унаследованным от древних эпох (ср. Б.А. Ильиш, цит. раб., с. 297). Но, конечно. уже в ОЕ были предпосылки к развитию этих «современных образований» (свободных сочетаний). В первую очередь, это сложные поэтические слова, и, особенно, кенингары.

Поэтому, в заключение, мы остановимся на истории поэтических сложных слов ОЕ. Поэзия ОЕ была характерна обилием в ней сложных слов. Простые слова составляли только восьмую часть языка поэзии! Чем это объяснить? Для поэзии ОЕ была характерна тенденция дать возможно больше синонимов, что вызывалось требованиями соблюдения аллитерации стиха. Наиболее простым способом соблюдения метрики было повторять одну и ту же мысль много раз разными словами, существительными и прилагательными, начальная буква которых должна была стать отправной точкой нового стиха.

Но ресурсы простых слов — очень ограниченные, и в поисках нового и в стремлении к аллитерации поэты ОЕ обращаются к сложным словам. Например говоря о воине, поэтам древности было удобно употребить не только простое слово “wiga”, но и его комбинации с многочисленными словами — определениями, сохраняющими смысл неизменным, но дающими выражению конкретность и живописность, и, главное, обеспечивающими обилие самых разнообразных начальных букв, вот пример таких сложных синонимов к слову «воин»:

носящий щит: scild-wiga, rand-wiga;
воин на коне (NE mounted warrior): ræde-wiga, rīd-wiga;
боевой герой: beado-rinc, hildo-rinc, gūβ-rinc, gūβ-freca, heaβo-rinc;
воинский герой: here-rinc;
народный воин: folc-wiga, peod-wiga;
боевой муж: hilde-mecg, beorn-wiga;
боевой воин: gūβ-wiga, gūβ-beorn;
едущий в бой: heaðo-eīβend;
носящий шлем: helm-berend;

---

[108]В современном языке образуются даже неполносложные слова, с флексией родительного падежа, s, например, название катка с шипами, sheepsfoot roller, где первый элемент свободного сочетания — сложное слово такого типа (см. “Construction Methods and Equipment”, октябрь 1952 г., с. 53).

воин с оружием: wæpen-wiga;
воин с кольчугой (NE corslet-warrior): byrn-wiga;
воин со знаменем (NE banner-warrior): cumbob-wiga;
воин-копьеносец: æsc-wiga, gar-wiga, ord-wiga.

Часто при этом получается тавтология: guβ-wiga, guβ-beorn (NE war-warrior). Несомненно, что все эти многочисленные образования, несмотря на их разнообразие, обозначали одно и то же: воин. Они далеки от свободных сочетаний современности, образуемых не ради аллитерации и украшения текста, а для уточнения значений. Например, в технике (см. по этому поводу диссертацию Труевцевой об истории английской текстильной терминологии). Но сближает их со свободными сочетаниями их дефисное написание, отражающее относительную свободу их компонентов, которые могли свободно варьировать, в зависимости от требований аллитерации, ибо обозначали они одно и то же понятие...

Для этих сложных поэтических комплексов OE характерно, что при их образовании употреблялись специальные поэтические прилагательные и существительные, и очень редко бывало так, чтобы одни и те же слова одновременно употреблялись в поэзии и прозе, хотя обыденные слова могли вступить в состав сложных поэтических слов, например: blæd, breost, deaβ, ecg, feorh, flod, hring, isen, hyht, mist, mod, morβor, rand, sige, sorg, wæl, wuldor, wundor, wynn, yβ.

Особым типом сложных поэтических слов были кеннингары, но о них мы скажем в связи с историей свободных назывных сочетаний английского, поскольку их использование в OE очень напоминает современные свободные сочетания.

Синтаксически тип словообразования

Образование свободных назывных сочетаний

Термин «свободные сочетания» предложен Есперсеном (free compounds)[109]. Нам он кажется вполне приемлемым, но, для точности, мы готовы говорить о « свободных назывных сочетаниях», ибо основной особенностью этих новых аналитических образований в английском является то, что они служат для называния каких-либо новых предметов, вещей, явлений... Зачатки аналитического строя, как мы видели, рассматривая историческую морфологию, существовали уже в OE. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже в OE были формы, которые можно считать зачатками современных назывных свободных сочетаний[110].

[109]Боу называет такие сочетания “Solf-explaining compounds” (цит. раб., с. 226).

[110]По терминологии, принятой А. В. Кумачевой (см. ссылку на ее работу в примечании к с. 135), свободными сочетаниями называются обычные не назывные синтаксические сочетания. Вообще, для упорядочения лингвистической терминологии следовало бы созвать международный конгресс, с участием лингвистов всего мира, точно также как

К числу таких форм вполне можно отнести кеннингары ОЕ[111]. В древне-северном и в ОЕ их гораздо больше, чем в ОНД и древне-саксонском. Кеннингары — это слова-символы, составленные из двух сопоставленных существительных (sawel-hūs, soul-house). Любопытно, что только изредка они бывают связаны флективно: gæstes hūs, the spirit's house. В дальнейшем, с распадом флективной системы, нефлективное сочетание двух существительных, из которых первое служит определением ко второму, стало важным внутренним законом английского языка, его аналитического строя. Так что наличие аналогичных сочетаний в ОЕ — свидетельство предпосылок к дальнейшему развитию в сторону анализа.

это было в свое время сделано в целях упорядочения единиц измерения электричества. К сожалению, однако, до сих пор таких попыток не было предпринято. Быть может, присуждение международных сталинских премий мира выдающимся зарубежным лингвистам (Прийоно / Индонезия / Андре Боннар (Швейцария), Феликс Иверсен (Финляндия) / послужит стимулом к установлению творческого содружества между лингвистами всего мира, что, в частности, позволит уточнить терминологию.

[111]Т. И. Труевцева в своей диссертации по текстильной терминологии считает все сочетания, в том числе пишущиеся раздельно, сложными словами. Она считает, что в то время как для современного языка приходится спорить о том, имеем ли мы дело со сложным словом или с сочетанием, для древнеанглийского такой проблемы не существует: «Как известно, проблема словосложения современного английского языка является предметом длительной дискуссии. Пути к ее разрешению только недавно наметились в ряде работ советских лингвистов как общетеоретического характера, так и посвященных вопросам грамматического строя и словарного состава английского языка. Трудность этой проблемы заключается, главным образом, в неразработанности определения слова как такового, и нечеткости критериев размежевания сложного слова и устойчивого определительного комплекса с существительным в роли препозитивного определения. В отношении древнеанглийского словосложения эта трудность отсутствует в силу того, что беспадежное препозитивное именное определение противоречит нормам данного языка. Поэтому, каково бы ни было написание первого компонента — слитное со вторым или раздельное, — мы всегда можем с уверенностью признать наличие сложного слова, а не словосочетания, основываясь на форме первого компонента» (с. 87–88). Отметим, что Т. И. Труевцева избегает употреблять простой термин «свободные сочетания», предпочитая ему описательные выражения типа «устойчивый определительный комплекс с существительным в роли препозитивного определения». Вряд ли можно приветствовать такие длинные описательные термины в какой бы то ни было отрасли знаний. Что касается ее выводов, то невольно спрашиваешь себя, почему в ОЕ «беспадежное препозитивное именное определение противоречит нормам данного языка?» Ведь кеннингары воспринимались, как нам кажется, раздельно по компонентам, если они писались раздельно, тем более, что по значению они близки к метафорам. Но вообще этот вопрос не представляет практического значения, и можно считать их сложными словами, как все сочетания такого рода. Хотя нам все же кажется естественнее видеть в них образования, близкие к современным свободным сочетаниям. Поэтому мы их и рассматриваем в начале раздела свободных назывных сочетаний.

Иногда кеннингары — это комбинация существительного с причастием и прилагательным (nægled board, nailed board). И этот вид сочетаний в дальнейшем имел все нужное для развития: причастие и герунд, освобожденные от флексий, сохраняющие лишь свои неизменные формообразующие суффиксы, широко применяются для образования свободных сочетаний современности, отсутствие флексий в которых — их качественное отличие от назывных синтаксических сочетаний современности во флективных языковых.

Наряду с обычными сложными словами OE, кеннингары увеличивали аллитеративность и синонимичность поэзии OE. Особенность их состояла в том, что они не прямо называли предмет, а лишь намекали на него. По сути дела, это были более или менее точные сравнения. Характерные для той эпохи, когда мыслили по аналогии...

Например, человеческое тело рассматривалось, то как сосуд, то как дом:
дом костей — ban-hūs;
дом души — sawel-hūs;
дом духа — gæstes-hūs;
дом жизни — feorh-hūs.
От идей сосуда легко перейти к идее вазы:
ваза костей — ban-fæt;
ваза тела — lic-fæt;
ваза глины — lam-fæt.
А раз ваза, то и сокровище (ведь вазы — дорогие!):
сокровище души — sawel-hord;
сокровище жизни — feorh-hord.
Другие кеннингары «тела»:
комната — ban-cofa;
загородка — ban-loca, ealder-geard;
замок — feorh-bold.

Ноев ковчег имеет не менее 15 синонимов-кеннингаров, потому что корабль при желании может напомнить лошадь (sæ-hengest, wæg-hengest, foroβ-hengest, brim-hengest, sund-hengest, mere-hengest) и целый ряд других вещей.

Вот еще некоторые синонимы корабля: плывущий wæg-flota; путник sæ-gerga, yβ-lida; дом волн holm-ærn, mere-hus, sund-reced; морской лес sæ-wudu, wæg-bord, nægled-bord и др.

Свободными сочетаниями можно считать также многочисленные кальки с латинского. Очень многие из них были выполнены именно в виде таких сочетаний. Например, в переводах Эльфрика встречаются такие кальки:
части речи — portes orationes (лат.), OE dælas ledensprǣce ;
средний род — OE nāβor cynn (NE neither gender);
собственное имя — OE nama āgen (лат. nomen).

Такие сочетания в OE имели падежное оформление, особенно, если оно обозначало множественное число. Последнее часто сохраняется и теперь, но здесь уже не ощущается, что речь идет о падеже: важно передать число, например, в свободном сочетании: The United Nations' organization.

С переходом к ME, вместе с гибелью старой монастырской культуры, старые кальки и подавляющее большинство сложных слов и кеннингаров поэтического языка сказались вытесненными из английского. Вообще, английский язык бесконечно обновился в результате завоеваний, и прав Боу, когда он говорит: "What the language would have been like if William the Conqueror had not succeeded in making good his claim to the English throne can only be a matter of Conjecture. It would probably have pursued much the same course as the other Teutonic languages, retaining perhaps more of its inflexions and preserving a prepondesatingly Teutonic Vocabulary" (цит. раб., с. 131).

Ведь только подумать: 85 % англосаксонских слов навсегда ушло из языка![112] Н. Н. Амосова и прочие ленинградские англисты философствуют о том, что, мол, нельзя недифференциированно подходить к словарю, что среди иностранных слов, там значащихся, много совершенно неупотребительных. Но такая философия неубедительная... 85 % исконных слов утрачено, все остальное — чужое, но ставшее своим, вследствие длительного употребления... И вполне естественно, что такие обстоятельства не могли не ускорить распад старой флективной системы, не могли не сделать английский язык одним из наиболее аналитических языков мира. В этом есть свои недостатки, свои отрицательные стороны, которые проявляются как трудности при изучении английского языка как иностранного (например, трудности балансировки в уме омоморфичных форм для их правильного распознавания)[113]. Но как бы там ни было, сущность специфики современного английского языка родилась именно этими путями, путями чужеземных воздействий, послуживших ускорителями имевшихся еще ранее аналитических тенденций...

Любопытно, что гибель этих древних сочетаний (калек, сложных поэтических слов, кеннингаров), близких к современным свободным сочетаниям, означала не отказ от представляемой ими структуры словообразования, а, наоборот, ее развитие и совершенствование, во много раз облегченное вследствие распада флективной системы.

Ибо отсутствие (или наличие) флексий составляет качественное отличие синтаксических словосочетаний во флективных языках и аналитических свободных сочетаний английского. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить английское свободное назывное сочетание "rock fill dam" и его русский эквивалент «плотина с каменной наброской», а также:

---

[112]Ср. Боу, цит. раб., с. 65.

[113]В заключении мы подробнее остановимся на положительных и отрицательных сторонах аналитического строя в английском.

А здесь мы напомним только, что Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» большое внимание уделяет связи положительного и отрицательного в явлениях. В частности, на с. 21–22 (изд. 1950 г.) он указывает, что только для метафизики «положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга», и что на самом деле «оба полюса какой-нибудь противоположности — положительный и отрицательный — столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на всю противоположность между ними, взаимно проникают друг друга».

английский: atom bomb, hydroygen bomb, full revolving crane;
русский: атомная бомба, водородная бомба, полноповоротный кран.

Наличие у герунда и причастия формообразующих суффиксов не меняет дела, ведь они неизменны, точно также как суффиксы прилагательных — в варианте atom bomb — atomic bomb (название, между прочим, более раннее, впервые использованные, когда это слово только-только из специальной лексики вошло в общенародный фонд[114]. Точно также не меняет дела применение омомрфичного показателя s в таких свободных сочетаниях, как the united Nations' Organisation, и использование предложных свободных сочетаний типа: top of the arch (замок свода). Ибо все эти сочетания — омоморфичностью показателя s и нефлективностью предложных сочетаний — являются характерными для аналитического строя английского языка современности. Но, конечно, указанные выше типы свободных назывных сочетаний структурно различаются друг друга, будучи в то же время все совершенно совместимы с аналитическим строем английского языка.

Мы не случайно приводили примеры из техники, говоря о свободных назывных сочетаниях английского языка. Боу пишет: "Consciously or unconscioused we have become scientifically minded in the last few generations, and our vocabularies reflect this extension of our consciousnen and interest.

Such additions to the vocabulary depend more upon the degree to which the discovery or invention enters into the life of the community" (цит. раб., с. 369). И, действительно, пополнение языка новыми словами в значительной мере идет теперь в связи с развитием науки и техники, поэтому больше всего примеров на этот сравнительно новый способ словообразования в английском языке можно привести из науки и техники. Действительно, за последние десятилетия "we have become scientifically minded", и больше всего новых слов появляется за счет развития науки и техники, причем колоссальные темпы научно-технического развития делают эту тенденцию тем более сильной. Свободные назывные сочетания дают возможность весьма полно и детально дать характеристику различным явлениям, конструкциям, методам и т. д., причем часто с помощью эти сочетаний выражается сложное сцепление значений. Отсюда применение трехэтажных, четырехэтажных, пятиэтажных свободных сочетаний... В недавно защищенной диссертации Труевцевой «История английского текстильной терминологии» производится анализ таких сочетаний, исследуются связи между их компонентами. Но связь эта нужно сказать, не поддается какому-нибудь общему правилу расшифровки. Как и всюду в английском языке, с его аналитическим строем, здесь приходится балансировать в уме различные возможные связи и выбирать из нескольких возможных связей наиболее целесообразную, наиболее вероятную. А, при обилии компонентов, связей таких может быть достаточно много. Примером очень сложного свободного сочетания может служить следующее сочетание, найденное нами в одном и американских технических текстов (см. "Construction

[114]Мы не будем здесь рассматривать вопрос о том, вошло ли это слово в основной словарный фонд, или осталось в словарном составе, ибо это — неологизм.

Methods and Equipment", октябрь 1952 г. с. 50): "A combintd rock and earth core fill of 3825 000 cu. yd. being built at a cost of 20000 000, Kenney Dam is the key of the whole Alcan power development".

Здесь мы видим весьма сложную связь между элементами этого сочетания показанную стрелками: "A combibed rock and earth core fill" (то есть, «комбинированная насыпь из каменной наброски и глиняного[115] ядра»).

Ясно, что только смысл позволяет правильно расшифровать связь между элементами, ибо нет флексий, которые бы помогли расшифровать эти связи (ср. русский эквивалент этого свободного сочетания). Это и есть отрицательная сторона утраты флексий — затрудняется понимание, трудно осознать связи между словами. Но, с другой стороны, положительная сторона — легче говорить, не нужно подчинять свою речь многочисленным формам словоизменения (флексии), легче строить фразы... А, отсюда, изучение начатков английского языка как иностранного, облегчается, при правильном подходе, если показывать учащимся как положительное, так и отрицательное, неразрывно связанные в своеобразной аналитической языковой структуре английского. Связь положительного и отрицательного, одно из ведущих положений диалектики, здесь проявляется в полной силе[116].

Было бы неправильно думать, что свободные сочетания представляют собой образования, почти исключительно ограниченные областями науки и техники. Их много в обыденном языке, их много в языке политики. В качестве примера совсем нового свободного сочетания, из языка политики, приведем следующее, в отрывке из передовой журнала "The Engineer" от 5/III-54 г., с. 355 «Not only must the clock be kept wound. It must not be tinkered with. Tinkering with clock is a stupid procedure even when it is only the clock on the kitchen mantelpiece. Tinkering with the national industrial clock is in quite a different category since it puts at hazard the very life and liberty of the nation.

---

[115]Глиняное ядро, потому что в данном случае, как видно из всего контекста, слово "earth" употреблено в значении «глина».

[116]Вот еще один яркий пример трудности балансировки при расшифровке связей между элементами свободного сочетания. В техническом тексте говорится об уплотнении подножья плотины с помощью мешков, наполненных глиной и бетоном. Это значение ясно видно в описании, помещенном в журнале "Water Power" за июнь 1954 г.: "Sealing was ultimately effected by lowering bags of clay and concrete, which were carefully placed in position by divers". Но далеко не так ясно описание тех же самых работ, помещенное в журнале "Engineer" от 30 апреля 1954 г., с. 629, где фигурирует свободное назывное сочетание, которое может быть неправильно понято как состоящее из трех элементов, а не из четырех элементов, из которых первые два соединены союзом or, как это имеет место в действительности: "The toes were sealed with clay or concrete bag work". В заключении (с. 194) мы приводим пример из Дж. К. Джерома, «Трое в одной лодке», где автор обыгрывает эту особенность английского языка, эту специфическую английскую трудность балансировки в случае расшифровки связей между элементами свободных назывных и обычных синтаксических сочетаний.

We have been witnessing, recently. The squalid operation of tinkering with industry by means of what are called “guerilla” tactics, a word signifying a type of warfare akin to brigandage. It is not a British word, nor does it suggest anything British in principle.

“Strike” is an Anglo-Saxon word which ought never to be joined to such an alien word as “guerilla”.

A strike is something that we associate with the inalienable liberty of men to withhold theis labour in the face of manifest injustice. The “guerilla” strike — as implied by its very name — is a disreputable instrument, the use of which offers an affront to freedom as well as being an admission to inferiority on the part of those who use it”.

Видно резко враждебное отношение капиталистического журнала к новому свободному сочетанию “guerilla strike”, возникшему в связи с ростом стачечного движения в Англии, в обход «машины нормальных переговоров», которая, как пишет ЦО ПРАВДА от 31 октября 1954 г., «в капиталистической стране существует только для того, чтобы сдерживать выполнение ... требований» рабочих (см. статью «Победа английских докеров»).

Следует отметить, что свободные назывные сочетания с одной стороны приближаются к обычным синтаксическим словосочетаниям, поскольку обычные синтаксические словосочетания тоже лишены флексий. Разницу тут приходится улавливать исключительно по смыслу. С другой стороны, они приближаются к сложными словам, поскольку в какой-то мере являются продолжением этого старого синтетического способа словообразования[117]... Здесь опять наглядно видно, как старое связано неразрывными нитями с новым, как синтез связан с анализами.

---

[117]Вопрос о границе между сложными словами и свободными сочетаниями ставится О. С. Ахмановой в ее статье «К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц», «Труды Института языкознания», т. 4, 1954 г., с. 50–73. Но О. С. Ахманова основывается на неправильных исходных позициях в трактовке этого вопроса, поскольку она не видит структурного качественного отличия слитных wort-schalungen”флективных немецкого и шведского языков от свободных сочетаний аналитического английского языка. О. С. Ахманова пытается применить в качестве критерия отличия сложных слов от свободных сочетаний (или, как она предпочитает из называть, от «нейтрального словосложения») наблюдения Нореена над ритмикой шведских слитных сочетаний, которые привели его к выводу о том, что примеры несомненных словосочетаний прекращаются на шестисложном такте (см. О. С. Ахманова, цит. раб., с. 59). С нашей точки зрения вряд ли стоит механически переносить особенности, наблюдавшиеся в отношении “Wort-schalungen” шведского языка, на совсем отличные от них свободные английские сочетания. Гораздо надежнее по-прежнему пользоваться орфографическим критерием (как это делает, между прочим, и Т. И. Труевцева в той части своей работы, где трактуется новейшая история английской текстильной терминологии (цит. раб., с. 230–231), ссылаясь на то, что «попытки найти иные критерии потребовали бы дополнительных исследований, выходящих за пределы поставленных перед ” (автором)” «задач») О. С. Ахманова резко критикует английскую орфографию за непоследовательность в связи с колебаниями в написании сложных слов нейтрального типа (как она называет свободные сочетания): «Одним из весьма существенных дефектов английской орфографической системы является между прочим то, что в ней нет единообразного

Мы ничего не можем сказать о развитии свободных названых сочетаний в ME, поскольку мы не имеем материалов по этому вопросу. Отметим только, что, быть может, в связи с распространением таких сочетаний в ME и в ENE значительно сокращается распространенность словосложения[118].

В заключение коснемся вопроса о том, какая часть речи — первый элемент именного свободного сочетания, состоящего из двух компонентов. Много

и последовательного написания для сложных слов так называемого нейтрального типа (т. е. типа: bread-line, cross-road, lar-phone и т. п.), который является наиболее продуктивным типом образования сложных слов в современном английском языке» (цит. раб., с. 52). Любопытно, что О. С. Ахманова относит здесь свободные сочетания к одному из видов сложных слов, что столь же неправомерно, как смешивать английские свободные сочетания с немецко-шведскими “Wort-schalungen”. Другое дело, что многие случаи — промежуточные, иногда их можно встретить со слитным написанием, иногда — с написанием через дефис, иногда — с раздельным написанием. Но мы не видим здесь особой беды, которую требовалось бы во что бы то не стало устранить. Такие колебания в написании отражают их промежуточный характер. Вряд ли стоит подходить к орфографии чужого языка, имеющей свои законы, с точки зрения родной орфографии. Английская орфография, хороша она или нет, является продуктом длительного исторического развития, и структурный переход английского языка наложил на нее неизгладимый отпечаток. Вряд ли также стоит отказываться от субъективного критерия при решении вопроса о границах между свободными сочетаниями, синтаксическими сочетаниями и сложными словами. Этот критерий поддерживает американский автор А. М. Белл в книге “Compounding in the English language” (см. О. С. Ахманова, цит. раб., с. 52–53). Этот критерий один только дает возможность сказать, имеем ли мы дело с новой лексемой, или — с обычным синтаксическим сочетанием, которое лишено флексий согласования из-за аналитичности английской языковой структуры. Да и вообще вопрос о границах не представляет такой уж большой практической важности, чтобы так остро его ставить.

[118]Впрочем, вряд ли их было много в то время, ибо четкое терминирование понятий, различающее их оттенки, начинает побуждать применять свободные назывные сочетания в новейший период развития английского языка, в связи с усложнением жизни, ростом науки, культуры, техники. Во всяком случае так можно заключить по имеющимся специальным исследованиям. Т. И. Труевцева (цит. раб., с. 350) отмечает что в ME ею зарегистрировано только три случая терминологических словосочетаний, а с переходом к ENE это количество почти совершенно не увеличилось (5 случаев). Только с переходом к новоанглийскому периоду текстильные терминологические сочетания получают широкое развитие. «Стремление современного английского языка к усложненным терминологическим сочетаниями не является случайным» — указывает Т. И. Труевцева (цит. раб., с. 351) «и вызвано ... чрезвычайным многообразием конструкций машин и механизмов. Это многообразие, должно быть отражено в современной терминологии, что требует усложнения уже существующих терминов за счет дополнительной характеристики обозначаемых ими предметов». Это, конечно, правильно, но, к сожалению, Т. И. Труевцева, как и другие ленинградские англисты, не видит неотъемлемой связи между распространением назывных свободных сочетаний и переходом английского языка в аналитическому строю, хотя связь эта несомненна: ведь основная особенность этих сочетаний — их свобода от флексий согласования.

спорили по вопросу о том, прилагательное или существительное — первый элемент таких двойных свободных сочетаний как cannon ball, air ship и др. Есперсен указывал, что это — два слова, в противоположность единому слову, пишущемуся слитно в немецком языке (например, Steinmauer). Далее, он указывал, что объединяет эти слова ударение, которое падет на оба компонента, и что они — свободны, так как пишутся раздельно. Все эти его доводы нам кажутся совершенно правильными. Несомненно, эти сочетания качественно отличны от слитных немецких, и это качественное отличие обусловлено качественным отличием английского аналитического строя от флективного строя (с сильными элементами анализа) в немецком. Но когда Есперсен отстаивает то, что первый элемент таких сочетаний — прилагательное и приводит свои доводы, он, все же, неправ. Мы не будем приводить здесь его доводы (см. Б. А. Ильиш, «Современный английский язык», с. 81–82). Как правильно отмечает Б. А. Ильиш, его примеры: (1. “her gay and butterfly existence”; 2. “The conference which gradually swelled to a family one”; 3. “I am a very matter of fact, plain spoken being”; 4. “I am Nighland, as you see”; 5. bosemest, choicest) большей частью доказывают только «возможность объединения разнородных элементов в сходных синтаксических функциях, чем однородность самих элементов» (цит. раб., с. 83). Конечно, в английском, в связи с распадом флективной системы, есть тенденция смешения существительных и прилагательных (отсюда такие примеры как bosomest, choicest, хотя choice, как отмечает Б. А. Ильиш, многие словари считают прилагательным, форма которого, восходящая к старому прилагательному chis, совпала с формой соответствующего существительного. Но это только тенденция, и в своевременных условиях стабилизирующего влияния факторов языковой культуры (всеобщее образование, пресса, книги, и т. д.) вряд ли можно ожидать коренных изменений в грамматическом строе. Опыт двух последних веков не дает возможности сделать такие выводы. Так что мы вполне согласны с Вебером, и с более острой формулировкой его взглядов, даваемой Б. А. Ильишом. Действительно, здесь имеет место простое аналитическое сопоставление (Nebenein anderstellung), и сточки зрения английского языкового мышления совершенно несущественно, какая часть речи — первый компонент.

От себя мы можем добавить, что исторически такие сочетания восходят к полносложным словам, без флективных показателей, то есть к тому этапу в развитии индоевропейских языков, когда не было разделенности на существительные и прилагательные. Очевидно, когда современный язык образует аналогичные сочетания, без определенных формальных признаков, которые позволили бы идентифицировать данный элемент как прилагательное или существительное, то здесь мы имеем дело с одним из многочисленных круговоротов в языковых явлениях, то есть, мы имеем дело с возвратом к такому положению, когда было совершенно неважно и несущественно это деление на существительные и прилагательные (см. наше примечание)... Но, конечно, это повторение прошлого развития на более высоким этапе, поскольку у прилагательных есть свои суффиксы, у существительных свои, они как-то

различаются как части речи, и только при образовании свободных сочетаний оказывается, что они снова сходятся в уже пройденном ранее единстве. То есть, как указано в нашем примечании здесь имеет место сложное диалектическое развитие по спирали.

В свете всего сказанного, мы не знаем, что можно еще добавить к этому спору, «в результате специального исследования взаимодействия лексики и синтаксиса в конкретных условиях строя современного английского языка», как пишет Б. А. Ильиш (цит. раб., с. 303). Нам представляется сказанного выше вполне достаточно, чтобы считать этот вопрос совершенно исчерпанным, по крайней мере, для современного состояния нашей лингвистической науки. Конечно, свободные сочетания следует изучать, следует выделять их отдельные типы (например, глагольные свободные сочетания типа: to catch sight of = to see)[119], но характер именных свободных сочетаний вполне ясен:

---

[119]Исследованию таких сочетаний посвящена, в частности, диссертация А. В. Кумачевой «Английские фразеологические глагольные сочетания, имеющие эквивалент — однословный глагол», о которой мы уже говорили выше (примечание), в связи с проблемой вида в английском. Как указывает диссертант, эти сочетания «занимают» промежуточную позицию между свободными синтаксическими сочетаниями глагола с прямым дополнением типа “to make machines”, с одной стороны, и фразеологическими единицами ..., с другой» (типа “to make a clean breast of — чистосердечно сознаться в чем-нибудь). Их компонентами являются глаголы широкого лексического значения (to make, to give и др.) и имена существительные, занимающие синтаксическое место прямого дополнения, и представляющие собой название действий и этимологически родственные глаголу, который является синонимом сочетания в целом (to take a rest, to give a smile и др.). А. В. Кумачева показывает, что эти сочетания характерны широким диапазоном синтаксических связей и что они совершенно безразличны к грамматической категории вида: могут передавать любой характер протекания действия, однократный, многократный, длительный, результативный и т. д., в зависимости либо от форм, в которые они облечены (continuous, perfect Tenses), либо от конкретизующих элементов в виде обстоятельных слов или определений, или, если этих показателей нет, в зависимости от характера более широкого контекста, в окружении которого они находятся (см. выводы, на с. 28 автореферата). В ответ на вопрос после доклада на тему об этих сочетания (18 декабря 1954 г., на секции иностранного языка в Ленинградском доме ученых), А. В. Кумачева сообщила, что ее точка зрения на не выраженность вида такими сочетаниями подтверждена еще некоторыми недавно защищенными диссертациями, в частности диссертацией Коноваловой «Фразеологические единицы типа глагол плюс существительных в современном английской общеполитической литературе», М., 1954 г. В ответ на замечания с мест докладчик согласилась с тем, что переход английского языка к аналитическому строю и дальнейшее развитие его по путям анализа обуславливают быстрое распространение таких сочетаний в языке. Следует отметить также, что, по мнению докладчика и всех выступавших на заседании, однословные глаголы и эквивалентные им фразеологические сочетания мирно сосуществуют, нет тенденции полного вытеснения однословных глаголов. В докладе было показано, что для английского языка и других языков, совсем не аналитических (русский, немецкий), характерным является использование таких сочетаний под влиянием возможности

существительное, служащее определением, в них как бы вернулось к тому положению вещей, которое существовало в далеком прошлом, в период нераздельности существительного и прилагательного.

Аббревиатуры

Близко со свободными назывными сочетаниями сходятся аббревиатуры[120], которые служат для сокращенного обозначения многих достаточно прочно утвердившихся свободных сочетаний, но, кроме того, могут сокращенно обозначать сложные слова и обычные синтаксические сочетания. Тем самым отражается трудность разделения свободных назывных сочетаний и обычных синтаксических сочетаний в английском. Но трудность эта, так же как трудность разделения сложных слов и свободных сочетаний — теоретического порядка, она не отражается на языковом общении, в противоположность трудностям балансировки омоморфичных форм.

Словообразование с помощью аббревиатур — новый словообразовательный способ, непосредственно связанный с переходом английского языка к аналитическому строю. Дело в том, что распад флективной системы облегчил оперирование аббревиатурами в английском языке, их не нужно склонять, их легко употреблять, они не производят странного впечатления, когда их приходится всовывать в ту или иную парадигму склонения. Как это получается во флективных языках.

Известно, что в первые годы после революции в русский язык неудержимым потоком полились аббревиатуры: МОПР, МЮД, ЛСПО, комдив, комбриг и т. д. Это было созвучно тогдашним веяньям вообще и учению Н. Я. Марра в частности — ликвидация звукового языка и переход к анализу, неизбежный для всех языков, как стадия на пути к этому... После разгрома марризма, да еще и до этого, в русском языке была объявлена война ненужным и неуклюжим аббревиатурам, и в «Грамматике русского языка» под редакцией академика Виноградова можно найти довольно резкие слова по адресу тех, кто злоупотребляет ими[121].

использовать при входящих в них существительных определение, когда использование при однословном глаголе соответствующего такому определению наречия либо невозможно, либо искажает смысл. Использование этих сочетаний в английском языке учащается под влиянием преобладания страдательного залога и фиксированного порядка слов.

[120]О связи аббревиатур со свободными сочетаниями, в том, что касается текстильной терминологии, указывает также Т. И. Труевцева (цит. раб., с. 338): «Неудобство длинных многоэлементных терминов в современном английском языке привело к попытке сокращать наименования для их большей компактности». Мы не приводим ее примеры. Поскольку они носят сугубо специальный характер.

[121]В частности, на с. 280 академической «Грамматики русского языка» говорится: «Необходимы ограничения в употреблении сложносокращенных слов. Многие сложносокращенные слова, в особенности инициального типа, непонятны, если предварительно не раскрыто их полное наименование. Таковы, например, ВАРЗ — вагоноремонтный завод; ИТР — инженерно-технические работники и т. д. Тем более

недопустимо употребление без раскрытия значения сокращений омонимичных, т. е. совпадающих по своему звуковому и буквенному составу, с сокращениями, имеющими другое значение» (например, ВТС — Высший текстильный синдикат и Высший тарифный совет; ЦДК — Центральный дом крестьянина; Центральная детская комиссия; Центральный дом кооперации). Примечание: как будет видно из дальнейшего, в английском языке такие совпадения очень часты, и никто против них не возражает, ибо балансировка омонимичных и омоморфичных значений — внутренний закон английского языка.

«Часто оказываются непонятными и условные сокращения, первый элемент которых имеет значение прилагательного, образованного от названия населенного пункта: КРЭС — Киевская районная электростанция; ЛСПО — Ленинградский союз потребительских обществ». В связи с применением аббревиатур в русском языке следует сказать, что, как отмечает В. В. Виноградов в той же грамматике, они получили «сравнительно широкое распространение в русском языке главным образом в течение последних десятилетий» (с. 277). И далее приводится целый ряд аббревиатур, вошедший в русский язык еще до Октября: баки, кино, ЦК, ЦО, ОК, Ропит (Российское общество пароходства и торговли), Лензото (Ленское золотопромышленное товарищество), Продамет (Общество по продаже металлических изделий), такие возникшие в первую мировую войну сокращения как главковерх, военмин, штабарм, командарм 2. Большинство этих примеров относится к названиям партийных организаций, торгово-промышленных фирм, должностей и учреждений. Ясно виден ведомственный характер многих аббревиатур в русском языке. Понятно поэтому, что после Октября, с переходом в руки государства и народа всей экономики страны, возникло очень много новых учреждений, должностей и т. д. Вероятно этим и объясняется тот факт, что «сложносокращенные слова», как констатирует В. В. Виноградов в академической грамматике (с. 278) «получили особенно широкое распространение после Великой Октябрьской Социалистической Революции». «В официально-деловой речи они способствовали синтаксическому упрощению предложений с большим количеством названий, состоявших из длинных словосочетаний», отмечает В. В. Виноградов, указывая, что «однако, часто недостаточно учитывался тот факт, что создание сложносокращенного слова может быть оправдано лишь в том случае, если оно доступно непосредственному осмыслению широкими кругами говорящих» (см. там же).

С нашей точки зрения, в ведомственном языке аббревиатуры нужны, неизбежны, и нет смысла их оттуда изгонять, так как они облегчают общение внутри ведомств и вполне понятны тем, кто ими пользуется (например, ВНИИГ понятен гидротехникам, ЦеДРИ понятен работникам искусств и т. д. Но неумеренное разбавление общелитературного русского языка аббревиатурными явно его уродует. Известно, что В. И. Ленин болезненно относился к такой порче русского языка. Аббревиатуры не созвучны русской флективной языковой структуре, и поэтому можно только приветствовать то, что в последние годы их проникновению в общелитературный русский язык был положен предел. Уместно на помнить, что если старый Институт языкознания назывался ИЯМ, то новый Институт языкознания не имеет сокращенного обозначения. Как мы говорили выше, аббревиатуры были созвучны марризму — поэтому и их цитадель имела сокращенное обозначение, хотя особой нужды в этом не было, ибо в ведомственном языке аббревиатуры особенно нужны для сокращения слишком длинных сочетаний. Отсутствие сокращенного наименования у нового

Безусловно, во флективных языках аббревиатуры, в случае их неумеренного использования, производят неприятное впечатление какого-то инородного тела, вторгшегося в язык. Известны меткие строки Маяковского в его стихотворении «Прозаседавшиеся»; Заявишься:

«Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени о́на». —
«Товарищ Иван Ваныч ушли заседать
Объединение Тео и Гукона».
Или еще: «Снова взбираюсь, глядя на ночь,
На верхний этаж семиэтажного дома,
Пришел товарищ Иван Ваныч? —
На заседании А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома»
(В. В. Маяковский, Сочинения в одном томе, Гос. изд., лит., М., 1940 г., с. 75)

Они звучат едкой насмешкой на неумеренным применением этого способа словообразования в русском языке[122].

Другое дело аналитический английский язык. Здесь аббревиатуры вполне созвучны аналитическому грамматическому строю, они возникают спонтанно и бывают весьма удобны, облегчая произношение и понимание длинных свободных сочетаний со сложными связями между компонентами, например, в языке политики: United Nations.

Economic, Social and Cultural Organization — UNESCO;
European Defence Community — EDC;
North Atlantic Treaty Organisation — NATO;
South-East Asia Treaty Organisation — SEATO;
United States, Australia and New Zealand (pact between) — ANZUS countries.

Института языкознания как бы символизирует тот факт, что советские языковеды отказались от прежних марристских тенденций неумеренного засорения русского литературного языка аббревиатурами, грамматической структуре которого они совершенно несозвучны.

[122]Но не нужно думать, что аббревиатуры совершенно чужды флективным языкам. Вовсе нет, просто они труднее усваиваются флективным языком. Есть аббревиатуры, прочно вошедшие в русский язык, такие как КПСС, СССР и др. Аббревиатуры неизбежны в ведомственном языке, но многие аббревиатуры употребляются только в письменной речи, поскольку в устной речи они произвели бы странное впечатление искусственно укороченных слов (например, «спец. корр.», ГДР, КНДР и др.). В английском языке некоторые аббревиатуры тоже употребляются только в письменной речи, но это главным образом условные латинские сокращения: i. e. thatis; e. g. foe cyampla; французское ete. А в общем и целом, для английского характерна легкость произношения аббревиатур, легкость ввода их в язык.

В таких флективных языках, как русский, аббревиатуры возможны не только в современный период их развития. Известно несколько случаев древних аббревиатур: например, чан из др. рус. достчан. Но, конечно, аббревиатуры стали типичны гораздо больше с переходом к современности, с появлением газет, с усложнением жизни (см. также примечание).

При переводе политической литературы на русский язык, очень часто эти аббревиатуры сохраняются в их иностранном звучании, и, будучи заимствованиями и ощущаясь как таковые они не приносят с собой диссонанса. Исключение составляет, конечно, аббревиатура ООН, но любопытно, что в первые годы возникновения этой организации в нашей прессе писали: ЮНО, заимствуя английскую аббревиатуру. Провалившееся Европейское оборонительное сообщество также в наших газетах сокращено обозначалось ЕОС. Старые сокращения, относящиеся к тому периоду, когда русский язык был полон своими сокращениями, и теперь часто сохраняются в русской калькированной форме, например, названия американских профсоюзных объединений; КПП и АФТ, которые по-английски звучит так: Congren of Industrial Organizations, American federation of Labour (CIO, AFL). Печатный орган первой из этих организаций так и называется "CIO News".

Вряд ли стоит долго доказывать обилие аббревиатур в английском. Издательство словарей на иностранных языках недавно выпустило словарь англо-американских аббревиатур[123]. Обилие там аббревиатур свидетельствует о том, насколько этот способ словообразования созвучен структуре английского языка, его аналитическому строю, его редуцированным флексиям.

Аббревиатуры — это словообразовательное явление, а не чисто фонетическое. Сокращение и полное слово некоторое время сосуществуют в языке, и очень часто они нисколько не препятствуют взаимному существованию. Впрочем, иногда имеется определенное эмоционально-стилистическое различие, не дающее поставить между ними знак равенства. Форма аббревиатуры и полного слова не совпадают и нельзя сказать, что исходное слово и аббревиатура — одно и то же.

Н. Н. Амосова в лекции о словообразовании в английском языке[124] отметила, что судьбу аббревиатур на ранних этапах развития английского языка никто не исследовал. Нам кажется, что вряд ли их было много в OE и ME. Скорее всего они вошли в обиход вместе со свободными сочетаниями в их новой многоэтажной форме, уже в новоанглийском, вошли как победоносная черта нового грамматического строя, как один из частных внутренних законов лексики английского языка. Естественно, как все новое, в начале своего появления они встречались враждебно. В этом отношении

---

[123]Мы имеем в виду «Словарь английских и американских сокращений», Государственное издательство иностранных и национальных словарей, М., 1953 г., составители: Е. В. Алешин, В. О. Блувштейн, Ю. В. Семенов, 21 000 сокращений. В этом словаре помещены, в частности, многие сокращения из политической терминологии: ANZUS, UNESCO, UNO, UARRA, NATO (в других значениях — североатлантический пакт и возникшее раньше, еще во время второй мировой войны, американское значение, северо-африканский театр операций). Но в этом словаре не отражены, в частности, такие новейшие сокращения как SEATO и EDC (последнее фигурирует только в своем старом значении: Восточный военный округ (в США). Ясно, что словарь этот не охватывает всего богатства аббревиатур, употребляемых в странах английского языка.

[124]В лектории ЛО Об-ва по распространению политических и научных знаний.

мы можем сослаться на Боу, который приводит инвективы Свифта против аббревиатур и их авторов. Боу пишет про Свифта: “He would have objected to taxi, phone, bus, ad and the like, as he did to rep, mob, penult and others (цит. раб., с. 319). «Односложные сокращения ENE Свифтом были названы “The disgrace of our language” (цит. раб., с. 320)[125]. Очевидно, как раз в те годы, в начале XVIII в., аббревиатуры начали пробивать себе путь в английский язык. К тому периоду относится возникновение таких сокращений, как mob от mobile, rep от reputation, penult от penulty. Многие из этих ранних сокращений погибли в борьбе, но затем возникли новые сокращения, которые победили...

В современном языке различается три типа аббревиатур:

1. Слоговые сокращения, типа: pram вместо perambulator; perqs вместо perquisite.

2. Сокращения сложных слов и назывных свободных сочетаний, путем сохранения одного из их компонентов, например: incendiary вместо incendiary bomb; tennis вместо lawn tennis; pencil вместо lead-pencil; taxi вместо taxi cab.

3. Буквенные сокращения из алфавитных названий отдельных букв свободных назывных сочетаний или обычных синтаксических сочетаний, например: MP вместо member of Parliament; GY вместо general issue, или government issue и др.

При этом часть аббревиатуры может остаться несокращенной:

H-bomb вместо Hydrogen bomb;

A-bomb вместо Mom bomb.

Нам представляется, что сокращенные обозначения единиц измерения, например, cusecs вместо «кубофутов в секунду», rpm, вместо «оборотов в минуту» вряд ли представляют свободные назывные сочетания. Скорее они

---

[125]Вот еще что пишет в этой связи про Свифта Боу: «In matters of language swelt was a conservative. The things which trouble the gloomy dean in his re flections on the current speech were chiefly innovations which he says had been growing up in the last twenty years. One of these was the tendency to clip and shorten words which should have retained theis full polysyllabic dignity... The practice seems to have been a temporary fad, although not unknown to any period of the language”. Кроме Свифта, против аббревиатур возражали многие другие его современники, в частности, автор «Философии риторики», Джордж Кэмбелл, который писал (1776 г.): «I shall just mention another set of barbarisms, which also comes under this class, and arises from the abbreviation of polysyllables, by lopping off all the syllables except the first, or the first and the second. Instances of this are “hyp” for “hypochondriac”, “rep” for “reputation”, “ult” for “ultimate”, “penult” for “penultimate”, “in cog” for “incognito”, “hyper” for “hypercritic”, “extra” for “extraordinary”. Happily, all these affected terms have been denied the public suffrage. I scarcely know any such that have established themselves, expert “mob” for “mobile”. And this it hath effected at last, not with stranding the unrelenting zeal with which it was persecuted by Dr. Swift wherever he met with it. But as the word in question hath gotten use, the supreme arbitress of language, on its side, there would be as much obstinacy in rejecting it at present as there was perhaps folly at first in ushering it upon the public stage” (т. 1, с. 428–429).

обозначают сокращенно обычные синтаксические сочетания, с несколько специализированным значением. Но практического значения этот вопрос не имеет, и мы не будем на нем останавливаться.

Интересные примеры американских аббревиатур приводит Булавин в статье «Об американском варианте английского языка», «Иностранные языки в школе», № 2, 1953 г. В США широко распространены слова-портманто, где при сочетании двух слов берется начало одного слова и конец другого. Например:

слизкий slimy, гибкий lithe дают скользкий slithy

дым, smoke, туман foy, туман с дымом smog

рассеивать scatter, спешить hurry, дают бежать стремглав scurry

мчаться, rush, толкаться hustle, дают проявлять предприимчивость, rustle.

Из приведенных примеров аббревиатур видно, что они широко применяются в языке обыденной жизни, в языке политики, в языке науки, в языке техники. Вот несколько аббревиатур из американской технической прессы:

Q's and A's — Questions and Answers;

ads — advertisments.

Прочно вошли в обиход такие сокращения как specs вместо spectacles, phone вместо telephone, movies вместо maring pictures, bike вместо bicycle, exams вместо examinations и др.

Много сокращений возникло в среде военных, например: POW's (в фонетической форме: pi: on dʌbl ju: z, как можно было убедиться по одной из радиопередача из Чунцина, когда передавалось обращение американских военнопленных на родину (во время корейской войны)).

В языке политики таких сокращений особенно много. Например, по московскому радио 20 октября 1954 г. было упомянуто «Общее соглашение о торговле и тарифах», general Agreement on Trade and Tariffs, которое по-английски сокращенно обозначается GATT. Или общепринятым в английской прессе является сокращение GS, вместо general Secretary (of the UNO). Любопытно, что в СССР одно время это сокращение, в иной связи, было в ходу, в форме «генсек», и его можно найти в одной из речей И. В. Сталина времен 20-х годов.

Мы не будем приводить других примеров англо-американских аббревиатур. Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, насколько распространены аббревиатуры в английском, и связь распространенности этого явления с переходом английского языка к аналитическому строю совершенно несомненна.

Лексико-семантический тип словообразования

Переосмысление и образование омонимов

Особенностью этого способа словообразования является его всеобщий характер. Он свойственен всем языкам, вне зависимости от их структуры и грамматического строя. Он был, есть и будет до тех пор, пока развивается

человеческий язык, но, безусловно, его применение усиливается вместе с ростом цивилизации и усложнением человеческой жизни. Семантическое словообразование имеет очень большое значение во всех языках, ибо оно позволяет сохранять преемственность в словаре: семантические изменения позволяют обходиться без введения слишком большого количества совершенно новых слов, и это облегчает взаимопонимание.

Мы не будем здесь останавливаться на истории этого способа словообразования в английском[126]. Отметим лишь, как общее положение, что древнеанглийские слова, при всей их многозначности, все же были менее многозначными, чем современные английские слова, и убедиться в этом можно при сравнении словаря древнеанглийского языка с любым современным английским словарем.

Ленинградские англисты утверждают, что недостаточное знание нами древнеанглийского не позволяет восстановить многие современные значения слов в их древнеанглийской форме, говорят, что слова в ОЕ были многозначнее, чем это дается в словарях. Нам этот взгляд кажется несколько преувеличенным. Ведь жизнь все усложняется, и вряд ли для ОЕ было нужно столько значений слов, как для современного языка. Современная жизнь — это что-то странное, тысячами нитей связанное с истоками прошлого, с бесчисленными традициями, со всем многообразием установившихся форм и правил... В одежде, например, сколько мелочей и деталей, кажущихся совсем обыденными и понятными сами собой, хотя на самом деле эти мелочи — результат многовекового развития... Оглянешься назад, и страшно становится при виде громадной дороги, пройденной человечеством, и какую дорогу ему еще предстоит пройти, и где конец этой дороги? Но, безусловно, пока конец не будет достигнут, все больше и больше нужно будет слов и значений, и, чтобы выразить все это богатство, будет все шире и шире применяться семантический способ словообразования. как наиболее простой и экономный, язык использует в новых целях уже созданное, ему незачем создавать нечто совершенно новое, если в новых целях можно использовать старое.

Можно было бы вообще ничего не говорить об этом способе словообразования в связи с переходом английского языка к аналитическому строю, однако этот переход оказал какое-то влияние, пусть косвенное, на его применение. Дело в том, что балансировка омоморфичных форм, балансировка омонимичных значений, в целях правильной их идентификации, является, как мы уже не раз говорили, характерной особенностью английского аналитического строя. В ней можно даже видеть его важный внутренний закон. И вот многозначность слов, расширение значения, сужение значения, ухудшение и улучшения значения слова, переносы значений по сходству и по смежности — все эти семантические

[126]По наблюдениям Т. и. Труевцевой (цит. руб., с. 91) в ОЕ «уже существовал семантический способ словообразования, на что указывает наличие в этот период многозначных слов» (как и прочие наблюдения Т. Н. Труевцевой, это касается текстильной терминологии в пределах избранной автором для исследования лексической группы).

явления вполне соответствуют этому закону и облегчаются его действием. Этим объясняется общеизвестный факт многозначности английских слов. Конечно, многозначность также свойственна языкам другого строя, чем строй современного английского, но в английском ее примеров особенно много[127]. Некоторые приписывают это бедности английского языка, хотя на самом деле это результат действия названного нами выше внутреннего закона его строя.

Ниже мы приведем примеры на указанные выше семантические явления, и эти примеры покажут, как с течением истории, происходило обогащение и смещение значений английских слов.

Но, поскольку эти явления не могут быть непосредственно связаны с переходом английского языка к аналитическому строю, примеры эти будут нами даны очень кратко, просто как иллюстрация приведенных выше положений.

а. Многозначность "board" в OE означало доску, а также «деревянный щит, обитый кожей или железом». В ME значение доски превращается в значение стола (доски для расставления пищи). Затем "board" приобретает значения: «накрытый стол», «пища на столе», «стол как столование». Другая линия развития того же слова "board" придает этому слову совсем другое значение: комиссия, комитет, министерство, то есть, те люди, которые сидят вокруг какого-то стола. Образуются сочетания со словом "Iron and Steel Board" или английское министерство торговли, Board of Frade. Параллельно радиации значений, образуются многочисленные дериваты от многозначного слова, например: пансион — boarding-house; школа с пансионом — boarding-school; платить за стол и постель — to pay for board and lodging; жилец, снимающий помещение и питающийся — a boarder.

б. Расширение значения. Расширение значения — это фактически та же самая многозначность, но рассматриваемая в историческом аспекте. Примером может служить то же самое слово "board". Или вот еще один пример: исходным пунктом такого простого английского слова как "box", «коробка», было оказывается, значение «самшит» (т. е., box-wood, буксус). То есть, сперва "box" означало самшитовую шкатулку, а затем это значение расширилось и стало обозначать сперва любую коробку или ящик (в том числе и "coal box"), а затем и все то, что своим видом напоминает коробку: ложа в театре, будка часового (sentry box), почтовый ящик (pillar box) и очень многие технические термины. Причем любопытно, что для ясности это слово входит в свободные сочетания, употребляющиеся как устойчивые.

в. Сужение значения. Сужение значения — это процесс, обратный расширению значения. Вряд ли можно серьезно утверждать, что факты сужения значения слов служат примером упадка языка... Ведь значение этого

---

[127]Как указывает в своем исследовании по текстильной терминологии Т. И. Труевцева (цит. раб., с. 350), в английском языке, в области текстильной терминологии «постепенно все большее значение приобретает семантический способ словообразования, который в новоанглийский период даже несколько превосходит по своей активности морфологический способ». Это наблюдение подтверждает наши соображения о созвучности семантического способа словообразования аналитическому английскому грамматическому строю.

семантического способа словообразования в том и состоит, чтобы передать новые значения. И если слово сузило сферу своего применения, то это значит только, что другие, прежде свойственные ему значения. нашли другие адекватные средства для своего выражения. Пример сужения значения: в OE и ME fuʒol[128] означало птицу вообще (как в нем. Vogel). Теперь слово fowl означает только «домашнюю птицу», так как OE brid, означавшее «молодая птичка», «птенец», в ME и NE стало означать птицу вообще (bird). Здесь видно, как язык размежевал смежные значения, сохранив их оба.

г. Ухудшение значения и улучшения значения. Эти случаи очень часто отражают исторические условия и взаимоотношения различных классов общества. Их приводили в качестве доказательства классовости языка, но на самом деле они просто свидетельствуют о том, что классы не являются нейтральными по отношению к языку, употребляя слова в намеренно искаженном смысле, и что в конечном счете, это значение может вытеснить прежнее значение. Улучшение и ухудшение в таких случаях производится с точки зрения господствующего класса или существующего государственного строя.

Классическим примером ухудшения значения является пример со словом “villain”; поздний латинский villanus, работник, батрак, крепостной крестьянин, в ходе параллельного развития во французском и в английском языках через жаргон феодалов дошло до значений «негодяй», «злодей», «плут»...

Классическим примером улучшения значения слова может служить OE «месящая хлеб»: half-dīʒe > ltevedi (lafdiʒ) > lady ME, NE госпожа, леди «хранитель хлеба» hlāford > lhoverd > lord, господин, лорд.

д. Перенос значения по сходству. Наиболее яркий пример переноса значения по сходству, быть может, слово “hand”. Типичное слово основного словарного фонда, это слово было использовано в специальной технической терминологии для образования терминологических омонимов: стрелка часов, стрелка семафора, а также используется в профессиональной речи, в значениях: рабочий, матрос, солдат. Перенос значения по сходству называется метафорой.

е. Перенос значения по смежности. Примером переноса значения по смежности (метонимия) может служить заимствованный глагол “deliberate”, этимологически связанный с лат. “libra”, «фунт», “dēlībērārē”, «взвешивать». Сюда можно отнести также примеры на функциональную семантику: pen, sail.

ж. Омонимия. В случае очень далекого расхождения значений многозначного слова происходит его распад на этимологические омонимы. Границы между многозначностью и омонимами — очень зыбкие и определяются конкретно для каждого конкретного случая. Примером этимологических омонимов могу служить приведенные в параграфе а значения слова “board”, доска и комитет.

На этом мы заканчиваем рассмотрение этих семантических изменений, играющих роль способов словообразования. Повторяем, что аналитический строй оказал лишь косвенное влияние на расширение использования названных выше средств словообразования, ибо они существуют во всех языках, вне зависимости от типа грамматического строя.

---

[128] В ME — fowel, foul.

Заключение

Рассмотренные нами способы словообразования показывают, что переход английского языка к аналитическому строю наложил глубокий отпечаток на процессы словообразования в английском[129]. Непосредственно с этим переходом связано распространение свободных назывных сочетаний и конверсии, а также то, что словосложение стало меньше применяться, чем прежде. Некоторое влияние названный переход оказал также на распространение различных случаев лексико-семантического словообразования. Что касается префиксации и суффиксации, то эти приемы сохраняются в современно английском языке, поскольку они вполне совместимы с его аналитическим строем, причем особо приходится отметить иностранный характер многих суффиксов и префиксов, поскольку иностранные заимствования наложили глубокий отпечаток на эти способы словообразования[130]. Что касается перегласовки и смежных с нею способов, то их приходится характеризовать как способ словообразования, более непродуктивный и отошедший в прошлое. Даже сдвиг ударения при переходе от существительного к глаголу и обратно (present- to present) трудно проиллюстрировать на ультрасовременных примерах. Примеры словообразования с помощью перегласовки остаются в аналитическом строе английского языка как наследство старого флективного строя, причем наследство непродуктивное, в противоположность суффиксально-префиксальному наследству.

2. В морфологическом способе не дано подразделения на префиксацию, суффиксацию и перегласовку со смежными способами, поскольку, как отмечалось выше, уже в OE префиксальный способ оказался неотраженным[131]. На стр. 229 работы Т. И. Труевцевой, впрочем, отмечается, что в ENE «зафиксировано несколько слов, относящихся к текстильной лексике, обладающих префиксом un».

Рассмотрим теперь как переход английского языка к аналитическому строю отразился в области синтаксиса.

---

[129]В качестве примера движения в способах словообразования в английском языке на протяжении его истории мы приводим таблицу, основанную на материалах по текстильной терминологии, собранных Т. И. Труевцевой (цит. раб., с. 352, табл.). См. таблицу.

[130]Здесь еще раз следует особо отметить, что префиксации и суффиксация до сих пор остаются весьма продуктивными способами словообразования в английском. На наших глазах образуются прежде не встречавшиеся слова с продуктивными префиксами и суффиксами, отечественными или прочно вошедшими в язык иностранными. Например, в журнале “The Engineer” за апрель месяц 1954 г. мы обнаружили два новых суффиксальных образования, которых нет в словаре Мюллера, изд. 1943 г., в номере от 9/1У (с. 520) жилые постройки для рабочих и служащих одного строительства названы так: “The hutments for workers and staff”. В номере от 16/IV, с. 554, употреблено слово “coverage” в значении «охват» стройплощадки.

[131]Но это составляет специфику только текстильной терминологии, поскольку, как видно из приведенных выше сведений по исторической грамматике (см. с. 108 и сл.), префиксация в OE вообще была очень широко представлена.

Таблица сравнения способов образования текстильной лексики по четырем периодам истории английского языка

Способы словообразования	OE		ME		ENE		NE	
	количество слов	%	количество слов	%	количество слов	%	количество слов	%
Слова с непроизводными основами	26	223,2	1	2,2	–	–-	–	–
Морфологический способ	33	29,4	16	34,7	23	36,5	33	13,2
Морфолого-синтаксический способ	1	0,9	1	2,2	1	1,6	–	–
Субст. конверс.	–	–	–	–	5	7,9	12	4,8
Лексико-морфологический способ (словосложение)	36	32,2	11	23,9	7	11,2	5	2
Семантический способ словообразования	1	0,9	4	8,7	8	12,7	35	14
Заимствования	9	8,0	10	21,8	13	20,6	6	2,4
Синтаксический способ словообразования (словосочетания)	–	–	3	6,5	5	7,9	145	58
Искусственное словообразование	–	–	–	–	–	–	9	3,6
Неизвестные по семантике	6	5,4	–	–	1	1,6	5	2
Всего	112		46		63		250	

Примечания: 1. В Таблицу включены заимствования, за что автор диссертации подверглась критике, так как заимствования не являются одним из способов словообразования.

ЧАСТЬ IV

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Область синтаксиса быть может является наиболее благодарной, с точки зрения доказательства перехода английского языка от флективного строя к аналитическому. В области синтаксиса коренное изменение строя английского языка особенно выпукло, особенно заметно, причем, в первую очередь, конечно, причиной этого является изменение правил порядка слов[132]. Мы начинаем раздел синтаксиса с рассмотрения истории порядка слов в англий-

[132]Фиксированный порядок слов вполне можно считать одним из важнейших внутренних законов развития и совершенствования английского языка, тесно связанным с переходом этого языка к аналитическому строю. Во всяком случае, так об этом говорится у В. М. Жирмунского («К вопросу о внутренних законах немецкого языка», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5, с. 102): «Связанный порядок слов возникает в языках с преобладанием анализа как следствие разрушения флексий, это внутренний синтаксический закон такого языка как английский».

По сравнению с этим, в немецком языке, как отмечает В. М. Жирмунский (см. там же, с. 103), «порядок слов ... имеет характер лишь частично связанный, показателем чего является возможность употребления так называемой инверсии в литературной форме национального языка, а в разговорной речи и в диалектах при использовании интонационных средств звучащей речи, возможна еще большая свобода расстановки слов». Далее В. М. Жирмунский приводит любопытный факт, свидетельствующий о том, как далек немецкий язык от развития по путям становления аналитического строя, как это в свое время было модно представлять в свете известной марровской стадиальной классификации: «В обиходной речи происходит регенерация падежных признаков при помощи аналитических средств (артиклей с дифференцированными окончаниями) и даже новой флексии личных имен». И приводится следующий пример из «Гамбургской драматургии» Лессинга: “Die Liebe selbst hat Voltairen die Zaire diktiert”, где окончание en в фамилии Вольтера возникло на основе местоименного окончания в винительном падеже при поддержке слабого склонения.

В. Г. Адмони («О некоторых закономерностях развития синтаксического строя», там же, с. 46), перечисляя основные внутренние законы немецкого синтаксиса, объединяемые им в «основной внутренний закон развития структурных тенденций в немецком языке» (чисто немецкие: глагольно-сказуемостная рамка предложения, структурное разграничение главного и придаточного предложения средствами порядка слов, монофлексия в группе существительных, целиком опирающаяся на наличие флективных показателей у этой группы, нечисто немецкие: рамочная конструкция в группе существительного и переход к однократному отрицанию) подчеркивает, что «наиболее значительные и имеющихся здесь в виду структурных процессов вообще немыслимы без значительных элементов флексий в строе немецкого языка» (с. 47) и что «принцип дистантного порядка слов прямо противоположен принципу контактного порядка слов, который характерен для языков с явно выраженным аналитическим строе» (см. там же).

Все это показывает, какое глубокое отличие имеется во всей синтаксической структуре немецкого языка, по сравнению с английским аналитическим синтаксисом. И обусловлено это различие действием различных внутренних законов.

ском языке, но в начале приведем следующую цитату из лекции Б. А. Ильиша (ЛГПИ им. Герцена, 18/IV-1951 г.): «В древнеанглийском порядок слов более свободный в связи с тем, что слово в большей степени охарактеризовано своей формой, чем в новоанглийском, а в новоанглийском, где формы слов немногочисленны. Порядок слов приобретает большое значение.

Поэтому получается такой вывод, весьма своеобразный, что с древнеанглийского в некоторых случаях легче переводить на русский язык, чем на современный английский язык, так как в русском языке, благодаря сохранившейся флективной системе, можно варьировать порядок слов, в зависимости от того, какой оттенок мы хотим придать. Поэтому можно сохранять порядок слов, который был в древнеанглийском, а при переводе с древнеанглийского на новоанглийский приходится делать гораздо большие переделки, если Вы хотите получить правильное предложение на новоанглийском. Иначе получается предложение, противоречащее нормам английского».

Но есть ли это косвенное признание того, что в английском языке, со времен ОЕ, сменилась не только система — была флективная, стала аналитической, но что произошло также коренное изменение грамматического строя? Тем более, что в той же лекции констатируется: «Устойчивость — это не значит неизменность. Устойчивость значит, что развиваются такие начала, которые были раньше».

Странно, как В. В, Пассек, зная о этих колоссальных изменениях в языковой структуре английского языка, может утверждать, что «в действительности строй английского языка в основном не изменился» (ср. выше).

Однако, приступим к рассмотрению фактического материала по истории английского синтаксического строя.

Порядок слов

Рассмотрению порядка слов в английском мы начнем с индоевропейских истоков. По мнению большинства ученых, порядок слов в общегерманском и индоевропейском был свободный. Порядок слов там не имел специального грамматического значения. Как мы уже видели в разделе морфологии, флексия там была богата и разнообразна. Ни одна грамматическая функция не выражалась местом слова. Исключением можно признать лишь полносложные сочетания, но это — область словообразования, в данном случае ближе соприкасающаяся с лексикой, чем с грамматикой.

Поэтому и в готском, который в этом отношении недалеко ушел от общегерманских истоков, Вульфила мог почти точно следовать за греческим порядком слов, не имевшим грамматического значения[133].

Чем выше поднимаешься в истоки индоевропейских языков, тем сложнее становятся флексии и тем свободнее делается положение слов во фразе. Одно латинское слово типа “scripsi” эквивалентно целой французской или английской фразе: “j’ai écrit”, “I have written”.

---

[133]См. А. Мейе, цит. раб., с. 187 (3-е франц. изд., 1926 г.).

В индоевропейском основное слово, существительное или глагол, отличаются независимостью и свободой. Даже предлоги, как мы видели выше не были связаны ни с существительным, ни с глаголом, около которых стояли. Индоевропейское слово было высоко синтетично, заключая в себе различные стороны одной и той же мысли.

Риес считал, что в индоевропейском в главном предложении уже был прямой порядок слов. Дельбрюк считал, что глагол в индоевропейском следовал за свои дополнением, замыкая фразу. Брауне, ссылаясь ни гибкость латинских и греческих конструкций, считал, что в индоевропейском порядок слов был свободным и регулировался только психологическими мотивами: что прежде всего представлялось сознанию, а потому получало наибольшее значение и ударение, то и стояло впереди: либо глагол, либо подлежащее[134].

Несмотря на это несогласие в деталях, ясно, что порядок слов в индоевропейском, в общем и целом, был свободным.

Но в отдельных германских языках уже очень рано наблюдается тенденция к постоянству в порядке слов. Став постоянным, порядок слов приобрел грамматическое значение.

Если в готском вопрос выражался частицами: например, «хочешь ли ты?» “wileiz-u”[135], то в западных и северных германских языках уже с самого начала, со времен древности, вопрос выражается порядком слов. Например, в ОНД, где подлежащее, как правило, стоит после глагола: wilthu?

Порядок слов определенен в современном немецком, где флексии, хотя сохранились лучше, чем в английском, все же чрезвычайно сократились количественно, так что многие флективные формы стали двусмысленными.

Но, конечно, одного порядка слов мало для передачи всего богатства грамматических значений, и вот здесь на помощь порядку слов приходя предложные конструкции. Предлоги, прежде независимые, начинают группироваться с существительными и выражать то, что в индоевропейском выражалось падежами местным, отложительным, родительным, дательным.

Передача грамматических значений с помощью порядка слов и предложных конструкций — это важнейшие особенности аналитического синтаксиса, и они как раз есть наиболее характерные особенности современного английского языка, его синтаксиса. Выше мы подробно говорили о качественном своеобразии единственной падежной флексии, сохранившейся в английском — флексия притяжательного падежа (см.выше). Отсутствие флексии в общем падеже и флексии множественного числа, единая для всего множественного падежа, без подразделений на падежи (если не считать апострофное написание притяжательного падежа множественного числа) — ясно, что эти омоморфичные показатели — уже не показатели флективной системы, и выражают они либо отсутствие падежа, либо — множественное число. По сравнению с этим, в немецком языке сохранились флективный родительный и дательный падежи

---

[134]См. Гушон, цит. раб., с. 253.

[135]В этой старой форме с z после гласной, вопрос выражался частицей u.

с их новыми характерными признаками, и по своей роли эти падежи ничем не отличаются от падежных форм существительного в индоевропейском. Поэтому про немецкий язык приходится говорить, что в нем флективная система сохранилась, хотя ее и потеснили элементы аналитического строя (частично флексированный порядок слов, аналитические глагольные формы, сокращение количества флексий и др.)[136].

Теперь мы рассмотрим, каким образом в английском языке проходил этот процесс фиксирования порядка слов, позволивший новоанглийскому языку, обойтись без сложной флективной системы типа индоевропейских флексий. Мейе пишет по поводу этого изменения: «Сложная флексия индоевропейского языка могла исчезнуть без ущерба — она была заменена простым и изящным примером (pas un procédé élégant et simple)»[137]. Эти его слова содержат похвалу этому переходу, который, конечно, следует считать прогрессивным только там, где он действительно имел место, где таким именно путем шло совершенствование грамматического строя языка, то есть при рассмотрении истории английского языка. Что касается других языков, не ставших аналитическими, то у них были свои пути развития, и, вполне очевидно, тот факт, что они развивались иначе, что их языковая структура — иная, нисколько не снижает их качества. Ибо идеальных языков не существует, и у всех языков есть свои положительные и отрицательные черты, ярче всего проявляющиеся при их изучении иностранцами. Но об этом мы скажем подробнее в заключении, а теперь рассмотрим особенности порядка слов в древнеанглийском.

Тенденция замены флексии порядком слов и служебными словами — общее явление индоевропейских языков. Но сильнее всего эта тенденция наблюдается в германских языках, причем, по словам Мейе, английский язык представляет собой крайнюю точку этого развития, он дает лингвистический тип, отличный от индоевропейского и почти ничего не сохранивший от индоевропейской морфологии[138].

Такой крайней точкой развития германских языков английский стал далеко не сразу. Германский, а с ним и древнеанглийский, будучи промежуточным звеном между индоевропейским и новоанглийским, обладают некоторыми из их контрастных черт.

---

[136]Подробнее об этом см. в работе В. М. Жирмунского «К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5.

[137]См. А. Мейе, цит. раб., с. 188 (3-е франц. изд., Париж, 1926 г.).

[138]Ср. Мейе, цит. раб., с. 30: «Конечную точку этого развития представляет современный английский язык. Старые окончания слов в нем настолько редуцированы, что от них почти ничего не осталось, сохранилась исключительно ударенная часть слова... Если рассматривать лингвистический тип как таковой, отвлекаясь от индоевропейского типа, чем современный английский язык». Следует отметить, что удаление от индоевропейского типа — явление, в большей или меньшей степени свойственное всем индоевропейским языкам. Об этом указывает Гушон (цит. раб., т. 1, с. 6), но Мейе больше подчеркивает отход датского и английского от исконного и. е. типа.

От индоевропейского они унаследовали применение некоторых падежей, а также достаточно явно выраженную свободу синтаксиса. Вместе с тем, заметна тенденция использования предлогов, которые постепенно вытесняют выходящие из употребления падежные флексии.

Порядок слов в OE различался для главного и придаточного предложений, которые понимались при этом довольно своеобразно[139]. В качестве главного предложения считалось, с одной стороны, всякое предложение, абсолютно независимое в том отношении, что оно одно составляет фразу или один элемент фразы, не связанный формально-грамматически с контекстом. С другой стороны, таким предложением считается всякое предложение, связанное с предыдущим соединительным союзом (ac, and, ēac, ge (или ægþer) ... ge, ponne или þeah, oþþe, ne). Придаточным предложением считалось всякое предложение, вводившееся подчинительным союзом, поскольку оно несло в себе элемент относительности или сомнения (союзы: for þǣm þe, коррелируемые swā или þā, swā, þæt, hwǣr, hwæper, pēah, pe, būtan, gif). Во всяком случае, так подходит к этому вопросу Гушон. Такой подход нам кажется правильным, если учесть неотдифференцированность простого и сложносочиненного предложений в OE. Рассмотрим сперва порядок слов в главном предложении.

Про общегерманский и OE можно сказать, что в основном здесь преобладает прямой порядок слов, так что в этом отношении здесь уже виден прогресс анализа за счет синтеза. Но в этом прямом порядке слов есть свои градации[140]. В OE, по существу, доминирует так называемая «*нормальная позиция*», при которой сказуемое следует непосредственно за подлежащим. Такая конструкция встречается как со связочными, так и главными глаголами:

1. He was gentle in his humanity as in semblance of a cloud;
   He wæs liþe on his menniscnysse swilce on wolcnes hiwe.
2. God wrote the old law with his finger on the stone tablets;
   God awrate pa ealdan ǣ mid his fingre on pæm stænenum weaxbredum.

В исключительных случаях подлежащее может подразумеваться или, скорее включаться в глагол, который, в виду отсутствия подлежащего, переходит во главу фразы, занимая *начальную позицию*:

He would then kill him with poison;
Wolde pa hine mid attre acwelan.

Но довольно часто бывает так, что глагол, воспользовавшись своей изначальной свободой, отходит на *конец фразы*, отделившись от подлежащего всеми своими дополнениями:

And the archangel with those words departed to heaven;
And se heah-engel mid þisum wordum to heofonum gewat.

Такой порядок слов, при котором дополнения, а иногда и обстоятельственные слова, ставятся между подлежащим и сказуемым, а сказуемое ставится

---

[139]См. Гушон, цит. раб., с. 253.

[140]Этот раздел составлен нами по работе Гушона, с. 254 и след.

в конце предложения, называется синтетическим[141]. Как указывает Б. А. Ильиш[142], в Беовульфе 69,2 % синтетического порядка слов, но в древнеанглийской прозе синтетический порядок слов постепенно уступает место аналитическому, при котором дополнения и обстоятельственные слова помещаются после сказуемого.

Вот примеры синтетического порядка слов из «Англо-саксонской хроники»: «Эдмунд король с ними сразился» — “Edmund cyning him wiþweaht”, «И датчане победу одержали, и короля убили, и землю всю завоевали» — “And þa Deniscan sige namon, and þone cyning ofslōgon, and þat long all geēodon”.

Синтетический порядок слов часто встречается в придаточных предложениях: «Охтере сказал королю Альфреду, своему господину, что он из всех скандинавов жил севернее всего» — “Ohthere sǣde his hlāforde, Aelfrede cyninge, pæt he ealrei Norpmanna norpmest būde”.

Пример аналитического порядка слов: «Здесь страейшина Керол сразился с язычниками» — “Her Ceorl aldormon gefeaht wiþ hæpene men”.

Наконец, если одно из дополнений предложения, опущенное или зарезервированное пишущим, вновь появляется после того, как глагол был уже выражен, конечное положение глагола заменяется *срединным положением*, так что глагол оказывается зажатым между своими двумя дополнениями:

Joshua the leader went about the city seven times;

Josue se heretoga mid Israhela folce becode þa burh seofon siþum.

Из этих конструкций чаще всего встречается нормальная. Она обобщается за счет других, но не без борьбы, поскольку срединная и конечная позиции конкурируют с нормальной всякий раз, когда фраза — простая, или если предложение — главное и неподверженное инверсии. К концу ОЕ нормальная конструкция еще не вытеснила остальные, порядок слов продолжает оставаться относительно свободным, и трудно узнать, почему пишущий выбрал то или иное место для сказуемого.

---

[141] В. Г. Адмони в связи с аналогичным порядком слов в немецком языке (так называемый дистантный порядок слов) ссылается на предположение Якоба Ваккенагеля (“über ein gesets ter ēndoærmanisches Wortstellung”, Indogermanische Forschungen, т. 1, 1892 г., с. 425 и сл.), утверждавшего, что такая тенденция ставить спрягаемый глагол в конце предложения вообще была характерна для древних индоевропейских языков, и указывает, что «хотя это положение представляется крайне спорным, материал Ваккернагеля позволяет все же предположить, что подобный порядок слов был одной из возможностей строя древних индоевропейских языков» («О некоторых закономерностях развития синтаксического строя», «Доклады и сообщения Института языкознания», 1953 г., вып. 5, с. 48). Преодоление синтетического порядка слов в английском языке и его сохранение в немецком языке (в виде дистантного порядка слов в подчиненных предложения, завершаемых спрягаемым глаголом) еще раз показывают глубокое различие аналитической и флективной (синтетической) языковых структур. Сущность специфики той и другой структуры слагается из совокупности их соответствующих особенностей.

[142] См. Б. А. Ильиш «История английского языка», с. 69; по сравнению с этим, прямой порядок слов здесь встречается в 63 % случаев, обратный — в 37 % случаев (см. ниже)

Но нормальная позиция неизбежна в большинстве случаев там, где предложение не включает в свой состав никаких дополнений, хотя под влиянием стремления к благозвучию или из желания сохранить раз взятый ритм иногда берется другая конструкция:

They forthwith bereft him of his garments and stretched him on the hard bed and crammed the bed underneath with burning coals and from above pierced him with iron forks.

He βærrihte hine wædon bereafdon, and on βam heardan bedde astrehton, and mid byrnendum gledum pæt bed undercrammodon, and hine ufon miβ isenum geaflum βydon.

Иногда, наоборот, конструкция изменяется ради нарушения монотонности:

The old priests offered a calf and slew it the altar;
Ba ealdan sacerdas offrodon cealf, and æt βam weofode snidon.

Кроме прямого порядка слов, о котором мы говорили до сих пор, в главных предложениях OE, и, гораздо реже, в придаточных предложениях, встречался инвертированный (обратный) порядок слов. Под прямым порядком слов понимаются все те случаи, когда сказуемое следует за подлежащим, если таковое имеется. Под обратным порядком слов понимаются все те случаи, в которых подлежащее следует за сказуемым. Причиной инверсии может быть то, что во главе предложения может быть не подлежащее или глагол, как при прямом порядке слов, а — наречие или какое-либо дополнение, прямое, косвенное или обстоятельственное. Определяя глагол и непосредственно соединяясь с ним, эти дополнения тянут глагол за собой. Особенно часто инверсия встречается с наречиями: βā, nū (now). По наблюдениям Гушона, в первой проповеди Эльфрика наречие βā встречается 42 раза, из них 41 раз — в инвертированных предложениях[143].

Инверсия случается со сказуемым, выраженным как связочным, так и смысловым глаголом. Если во главе предложения стоит наречие ne, оно часто сливается со связочным глаголом, образуя сочетания: nis, næs, næfde. Во главе фразы могут также стоять наречия ponne, hēr, βærrihte, pa hwīle, swa. Например:

No creature can thoroudhly consider about god;
Ne mæg nan gesceaft fulfremedlice smeagan ymbe god.

Иногда инверсию вызывает также союзы ac и and, под влиянием инверсии, находящейся возле и возможной из-за других причин. Например:

Not needed Adam ever to have tasted of death, but Adam and his offspring should have propagated at set times;
Ne βorfte Adam ... næfre deaβes onbyrian, ac sceolde Adam and his offspring tyman on asettum tyman.

Менее правильно инверсия вызывается выставленным вперед дополнением:

And from the stone ran an immense stream of water;

[143]Гушон, цит. раб., с. 257.

And of βam stane arn ormæte stream wæteras,
поскольку в таких случаях часто встречается прямой порядок слов:

βurh his wisdom he geworhte calle βing.

Вообще, можно сказать, что в OE инверсия бывает тем вернее, чем непосредственнее ее причина. А непосредственной причиной инверсии приходится считать односложные наречия, которые вызывают гораздо более сильное инвертирующее действие, нежели неопределенное по протяженности дополнение. При этом, в противоположность современному немецкому языку, придаточное предложение, предшествующее главному, не оказывает никакого инвертирующего воздействия на глагол этого последнего. Например:

If thon breakest this small commandment thon shalt die the death;
Gif βu βonne βis lytle bebod tobrecst, βu scealt deape sweltan.

Впрочем, в «Орозии» есть несколько примеров с наличием инверсии в таких случаях.

Иногда инверсия приводит к тому, что глагол оказывается на первом месте. Это происходит из-за того, что ударение перемещается с наречия на глагол, что и выдвигает глагол на первое место. Это происходит как в случае со смысловым глаголом: com pa se pegen, так и в случае со связочным глаголом:

Wearβ pa Stephanes ben fram gode gehyred
Then was stephen's prayer heard of god.

Без сопроводительного наречия и без подразумеваемого (включенного в глагол) подлежащего инверсия иногда получается под влиянием иностранного оригинала. Например, wæs se hunger on βæs cyninges dagum on Egyptum.

Вообще же следует отметить, что в тех предложениях OE, где в начале предложения нет второстепенного члена, прямой порядок слов превалирует над обратным. В «Беовульфе» преобладание прямого порядка слов над обратным в таких случаях, как отмечает Б. А. Ильиш, относится как 63 % к 37 %[144]. Пример прямого порядка слов в таких случаях: staæt wæs stān-fāh; пример обратного порядка слов в таких случаях: Lixte sē lēoma (соответственно: «улица была вымощена разноцветными камнями» и «засверкал свет»).

Обратный порядок слов особенно часто встречается в предложениях, начинающихся второстепенным членом, особенно если таким второстепенными членом являются слова: pa, ponne, nū, pær, pus. Например: Тогда удивился я — ðα wundrade ic.

Но в отличие от немецкого языка в таких случаях обратный порядок слов и необязателен, особенно в случае с наречием hēr, которое употреблялось в начале фразе совершенно машинально и не имело инвертирующей силы, например: Тогда король Этельбальд умер — Hēr Aepelbald cyng forβferðe.

Гушон отмечает любопытный факт: учащение инверсии с течением времени, ибо у Альфреда в «Кура Пасторалис» на 554 потенциальных инверсии приходится 345 действительных инверсий (то есть, имеет место соотношение

[144]См. Б. А. Ильиш, «История английского языка», с. 68.

3: 2). У Эльфрика 324 случаям инверсии при наличии на первом месте наречия или дополнения противостоят 113 прямого порядка слов, то есть здесь получается соотношение 3: 1 (см. Гушон, цит. раб., с. 260).

Рассмотрим теперь порядок слов в придаточных предложениях. Инверсия здесь встречается гораздо реже, чем в главных, но глагол здесь имеет тенденцию оттесняться в конечное положение, хотя начальное положение он мог здесь занимать только в очень редких случаях. Конечное положение занимают как смысловой, так и связочный глагол. Приведем примеры такой инверсии с глаголом на конце.

В относительном предложении:

1.To the soldier that after fleeing boldly overcomes his adversary

To βam cempan, βe after fleame his wiβerwinnan βegenlice oferwinls

В обстоятельном предложении:

1.That he might strengthen theis belief

Bæt he hiera geleafan trymede.

В условно-сомнительных предложениях с союзами gif, buton:

If thou then breast this little commandment

Gif pu βonne βis lytle bebod tobrecst.

Именно в условно-сомнительных предложениях глагол чаще всего попадает на последнее место. А в случае с относительными предложениями (с pe, se, se βe), в различных обстоятельственных предложениях и в косвенной речи, в зависимости от выбора говорящего, возможен переход к нормальной или срединной позиции глагола.

Вообще следует отметить, что в главных предложениях глагол занимает конечное положение в 1/7-й всех случаев. В придаточных предложениях конечная позиция встречается гораздо чаще, особенно у Альфреда в «Орозии», под влиянием латыни[145].

Если главное предложение ОЕ фактически развивало тенденцию к инверсии, по-видимому возраставшую, то придаточное предложение ее избегало, постоянно колеблясь между нормальной позицией, характерной также для главного предложения и конечной, являющейся там исключением... Поэтому Гушон не согласен с Дельбрюком, утверждавшим, будто в главном предложении общегерманского глагол занимал конечно положение, а затем начал переходить на второе место, тогда как в придаточном он был и оставался на последнем месте. Гушон считает, что общегерманскому была свойственна свобода порядка слов, унаследованная от индоевропейского и свойственная синтетическим языкам вообще. Когда же подлежащее отделятся от глагола, то **в главном предложении оно держится непосредственно за глаголом**, а в *придаточном*, по неясной причине и не только из-за ударения, как считали Реис и Дельбрюк, *глагол остается более подвижным*, занимая в ОЕ то нормальное, то конечное положение. Затем немецкий обобщил конечное положение как признак подчиненного предложения, тогда как английский, в своем стрем-

[145]См. Гушон, цит. раб., с. 260.

лении к упрощению, нивелировал конструкцию в предложениях обоих типов по главному предложению, то есть обобщил нормальную конструкцию прямого порядка слов. В ME этот процесс был, естественно, ускорен вместе с распадом флективной системы и одновременно со стиранием почти всех следов старого синтетического наклонения.

Такой взгляд на развитие английского синтаксиса нам кажется вполне логичным и приемлемым.

Рассмотрим теперь некоторые частные особенности порядка слов в OE.

Во-первых, о месте *инфинитива* и *причастия прошедшего времени* в предложении. В главном предложении OE они обычно следовали за вспомогательным глаголом:

I well set my covenant between me and you
Is wille settan minn wedd betwixt me and eort.

Как отмечает Гушон, ничто не может быть аналитичнее таких оборотов. Но в OE часто бывает так, что глагол отделяется от инфинитива и причастия разными дополнениями:

We are all from christ called Christians
Ealle we sind of criste cristene gehaten.

Чаще всего такая конструкция свойственна инвертированным предложениям:

With two things had god endowed the soul of man
On twam βingum hæfde god βæs mannes sawle gegodod.

Если вслед за мыслью автора неожиданно следует одно из дополнений, то причастие и инфинитив неожиданно переходят из конечного положения в положение среднее:

Mary was by god's direction betrothed to the jo seph for the greater security
Marta wæs be godes dihte rihtusan josephe beweddod for micelum gebeorge.

В придаточном предложении, при наличии вспомогательного глагола, зависящие от него причастие прошедшего времени и инфинитив оказываются перед ним:

To one of the cities which are appointed sanctuaries
To anre βara burga βe to griβstowe gesette sint.

Фактически OE обобщил конструкции, встречающиеся ныне в немецком. Но для OE это не было незыблемой формой, поскольку встречаются также поствербальные причастия, прошедшие времени и инфинитивы.

Во-вторых, о месте *дополнения* в древнеанглийском предложении:

Местоименные дополнения, в противоположность современности, ставятся перед глаголом, в большинстве случаев:

He loved him particularly
He hine lufode sinderlice.

Но есть и исключения, когда глагол оттягивает местоимение за себя:

Stracteus prostrated himself in the footsteps of john
Stracteus astrehte hine to Johannes fotswaβum.

Особенно часты такие исключение у Эльфрика. Смит объясняет это поздним характером его текстов, но Гушон указывает на влияние латыни на более ранние тексты Альфреда.

При наличии именно предложного или флективного дополнения его положения обуславливается положением глагола. При наличии нормальной конструкции такое дополнение чаще всего следует за глаголом:

Herod had typical resemblance with the devil;
Herodes hafde deofles getacnunge.

Если такое дополнение особенно важно или повторяет уже сказанное, то, в исключительных случаях, оно может стоять перед глаголом:

That grace he prepared;
Ba gife he gearcode.

Такая инверсия именного дополнения часто влечет за собой глагольную инверсию. Если инверсия глагола вызвана выставлением наречия в начало фразы, то дополнение все равно сохраняет свое место:

They to not keep the dord's commandments;
Ne healdaβ hie Drihtens bebody.

Глагол в конечном положении всегда имеет перед собою дополнение:

1. When they transgressed god's commandments;
   Bapa he godes bedod forgædon.
2. That we now with weeping eyes repent;
   Bæt we nu mid wependum eagum behreowsiað.

Часто случается, что в одном предложении встречаются два флективные дополнения, одно в дательном падеже, другое в винительном или родительном. Тогда ближе всего к глаголу будет дополнение в дательном или родительном падеже, а дополнение в винительном падеже будет следовать за ними:

Then gave he to Adam and Eve theis run choice;
Ba forgeaf he Adam and Euan agenne cyre.

Но этот порядок нарушается из соображения ритмики и под влиянием придаточных предложений. При равной протяженности дательный падеж идет первым, но если дополнение в дательном падеже значительно протяженнее дополнения в винительном падеже, то оно уступает винительному падежу свое место. Например:

Le shall find rest for your souls;
Ge gemetap reste eowrum sawlum.

При конечном положении глагола к нему тянутся дополнения в косвенных падежах, а дополнение в винительном падеже занимает первое место после глагола:

That he might bring bodily sustenance to the hungry Daniel;
Bat he lichamlicne bigleofan βam hungrian Danihele mihte.

При срединном положении глагола перед ним будет дополнение в косвенном падеже, за ним дополнение в винительном падеже. Наиболее сложное

положение возникает в тех случаях, когда в одном предложении встречаются предложное и флективное дополнения. Само собой разумеется, флективное дополнение, вне зависимости от его падежа, сразу следует за глаголом, будучи тесно ним связано, а затем уже следует предложное дополнение. При прямом порядке слов мы получаем:

He predestined the elect to eternal life;
He forestihte βa gecorenan to βam ecan life.

Иногда одно из этих дополнений или какое-нибудь наречие может стать во главе предложения, вызвав или не вызвав инверсию. По причинам ритмики или из-за наличия придаточных, это правило может быть видоизменено и флективные дополнения могу оказаться за предложными:

He holds with his might heaven and earth and creatures without tvil;
He hylt mid his mihte heofonas and eorβan and ealle gesceafta butan geswince.

При наличии глагола в конечном предложении, флективные дополнения тянутся к нему, давая предложному дополнению встать перед собой (если этому не препятствует его протяженность). Если же количество предложных дополнений увеличивается, то легко могут иметь место различные нарушения раз принятого порядка:

Принятый порядок:

The Lord then through his coming enlightened this earth;
Drihten βa βurh his tacyme βysne middangeard onlyhte.

Случай с винительным падежом, оттесненным от глагола:

And turned the heathen landfole to the faith of Christ by constant preaching;
And βæt hæpene landfole to Cristes geleofan mid singalre bodung...

Чтобы излишнее количество пояснительных слов не нарушило равновесия во фразе, глагол часто уходит в ее середину, выстраивая перед собою или за собой, в виде противовеса, предложные дополнения:

1. And drove them all from the joy of heaven's Kingdom;
   And he ealle adræfde of heofonas rices myrhβe.
2. And through benevolence he turned his attention to the secrets of weak men;
   And for mildheortnesse gebigda his mod to untrumra monna dugelnessum.
3. That cunewulf often battles fought against the Brittons;
   Se Cynewulf oft miclum gefeohtum feaht wiβ Bretwalum.

Из приведенной выше характеристики порядка слов в OE, видно, что порядок слов там был очень и очень далек от правильности порядка слов NE. Нормальная позиция, срединная позиция, конечная позиция (или синтетический порядок слов) прямого порядка слов, обратный порядок слов — ясно, что все эти закономерности очень далеки от твердых современных правил порядка слов в английском[146]. Еще более его осложняли сложные отношения между местом флективного и предложного дополнений.

---

[146]Ниже мы подробно изложим очень интересные соображения по вопросу о развитии порядка слов в английском языке, в том что касается субъективно-объективных отношений, высказанные В. В. Пассеком в его диссертации («К вопросу

Как же развивался порядок слов в английском в дальнейшем?

Для ME характерно развитие анализа в ущерб синтезу. Обратный порядок слов вытесняется прямым. В одной из рукописей “King Horn” (XIII в.), обратного порядка слов совсем нет, хотя вообще в ME изредка еще встречаются случаи применения обратного порядка слов, даже если предложение начинается не с пояснительного слова. Например:

Было достигнуто примирение — Made was βe saugtening.

Обратный порядок слов в ME остается распространенным в предложениях, начинающихся с обстоятельственного слова, например, у Чосера: Se priketh hem nature.

Синтетический порядок слов в ME встречается гораздо реже, чем в OE, причем степень его распространенности зависит от датировки памятников: “King Horn” (XIII в.) содержит 17% синтетического порядка слов. сочинения Ричарда Роллэ из Хэмпола (XIV в.) — только 4%. Вот несколько примеров синтетического порядка слов в ME, в главных предложениях:

“И в свои объятия он их всех схватил”

“In his armes he hem alle up hente;”

“Она даровала ему свою любовь”

“She his love him graunted”

в придаточных предложениях:

“И этот крик они не хотели прекратить, пока не схватили поводья его узды”

“And of βis cry they nolde never stenten, til they the reynes of his brydel henten”.

Интересно отметить, что в ME еще не было твердого места прямого дополнения за сказуемым, а подлежащего перед сказуемым, хотя флексии исчезли и трудно было по смыслу догадаться, какое из двух имен — деятель. Примеры[147] на это приводятся Пассеком в его статье «К проблеме связи явлений языка с историей общества» («иностранные языки в школе», 1954 г., № 2, ч. 101–104):

о взаимоотношении между морфологией и синтаксисом в английском языке») — «История выражения различия между подлежащим и прямым дополнением». Здесь же только отметим, что, как указывает В. В. Пассек, в OE «свобода следования подлежащего, дополнения и частично сказуемого используется в целях выражения течения мысли, когда член предложения, вводящий новое, выносится на последнее место» (автореферат, с. 8). Как указывает В. В. Пассек, «сопоставление с русским языком показало, что и в русском языке свобода следования подлежащего, сказуемого и прямого дополнения обычно используется в тех же целях». В свете этих высказываний становится понятным, почему, как указывает Б. А. Ильиш (см. выше) с древнеанглийского переводить гораздо легче на русский, чем на современный английский. Все дело в сходстве их грамматической структуры, которая в том и другом случае флективная.

[147] Мы перевели эти фразы на современный английский язык (у В. В. Пассека дается русский перевод). Пример В. В. Пассека, см. там же.

M	ME This tree saugh the prophete	N	NE The prophet saw this tree
MME	Than sent this message the erl Armenak	NNE	Then the erl Armenak sent this message
MME	This thing herd his brother	NNE	His brother heard heard this thing
M	ME To him seld the king the province	NNE	The king sold him the province
M	ME The bomis of Peter sette Cornely in Vatican		NE Cornely set Peter's bones in Vatican
	ME These two thing don alle hethen men		NE All heathen men do these two things

Как указывает В. В. Пассек, три века так продолжалось, пока развитие общества не заставило усовершенствовать в этом отношении грамматический строй. В более поздних текстах традиционная семантика не только не способствовала вскрытию отношений между словами, но до некоторой степени даже была тому препятствием. Например, у Моора: "Sheep ate people", если пытаться понять этот текст по-среднеанглийски...

В выправлении порядка слов большую роль сыграли письменные произведения, предназначенные для читателя, незнакомого с ситуацией высказывания и отделенного от пишущего большим расстоянием. Одновременно повысились требования к устному языку, в этом направлении влияла вся совокупность общественно-исторических воздействий, как В. В. Пассек называет специфику общественно-исторической обстановки, в отличие от общественно-историко-языковых воздействий, куда относятся влияния, вызываемые торговлей, войнами, завоеваниями, взаимодействием с иными языковыми системами. К числу общественно-исторических воздействий, повлиявших на фиксированние порядка слов в ENE, относятся такие факторы как рост письменности, повышение грамотности, введение книгопечатания, изучение языка в школах, появление грамматик, деятельность выдающихся писателей.

В результате влияния всей совокупности явлений общественной истории грамматическое различие подлежащего и прямого дополнения по их месту в предложении делается внутренним законом языка, его неотъемлемой специфической особенностью. Фиксирование места подлежащего и прямого дополнения относительно сказуемого делается универсальным средством их различения, позволяющим не прибегать к угадыванию по семантике контекста.

Причина такого фиксирования порядка слов в английском ясна: она непосредственно вытекает из основного частного внутреннего закона развития и совершенствования английского языка, закона перехода английского языка от флективного строя к аналитическому и дальнейшего развития по путях анализа. В связи с распадом флективной системы OE морфологических показателей у имени почти совсем не осталось, и порядок слов оказался наиболее подходящим грамматическим средством передачи субъективно объективных отношений...

Переход английского языка к фиксированному порядку слов в том что касается мест подлежащего, сказуемого и прямого дополнения очень глубоко и талантливо описан В. В. Пассеком в его кандидатской диссертации «История выражения различия между подлежащим и прямым дополнением в английском языке» («К вопросу о взаимоотношении между морфологией и синтаксисом в историческом развитии языка»), МГУ, 1951 г. Судя по автореферату этой диссертации, поражаешься ее стройности и глубине: анализ основан на огромном количестве изученных текстов (10000 страниц современных английских и американских текстов, 5000 страниц современного русского текста, 5 параллельных переводов «Войны и мира» на английский язык, 17 памятников OE, ME, ENE), выводы стройны и убедительны. Так что просто удивительно, как мог автор такой блестящей диссертации выдвинуть совершенно абсурдную теорию, смазывающую всякое качественное отличие между строем современного английского языка и грамматическим строем OE. Любопытно, что в автореферате нет таких категорических заявлений в грамматическом строе английского языка за период его истории будто бы вовсе не произошло.

В диссертации убедительно доказывается, что «история изменения средства выражения различия между подлежащим и прямым дополнением в английском языке распадается на два самостоятельных процесса, протекавших в различные исторические периоды, отделенные друг от друга периодом в 3–4 столетия» (см. автореферат, с. 14). А именно: «В начале XIII в. имеет место перерастание омонимии именительного и винительного падежа в полное не различение упомянутых падежных форм», тогда как «новоанглийское синтаксическое средство выражения различия между подлежащим и прямы дополнением появляется в английском языке лишь в XVI в. и окончательно входит в язык лишь в XVII в.».

Тем самым В. В. Пассек опровергает утверждения О. Есперсена о первичности выдвижения новых синтаксических средств выражения, вытеснивших старые морфологические средства связи с прогрессом мышления (“Languagem its origine, nature and development”, Лунд, 1934 г.) и аналогичные высказывания Хорна и М. М. Гухмана[148] («К вопросу о развитии анализа в индоевропейских языках») и подтверждает точку зрения Мерри («Британская энциклопедия», т. 8, с. 400), который указывал на первичность утраты старого морфологического средства, а в новом синтаксическом средстве видел компенсацию утраченного. Ошибочность точки зрения Мерри в прочем была в том, что он видел в исчезновении падежей чисто фонетическое явление, тогда как здесь видна непосредственная связь с морфологией, а затем — через длительный промежуток времени — и с синтаксисом.

Но что же было в промежуточный период этих трех-четырех веков, когда старое морфологическое средство было утрачено, а новое — еще не было приобретено?

---

[148]М. М. Гухман объясняет выдвижение синтаксических средств внешним толчком (особые формы взаимоотношений с другими языками, некоторые типы языкового и смешения).

По мнению О. Есперсена, если бы такое положение имело место, что он, как мы уже говорили, отрицал, то речь в подобный промежуточный период, когда отношения между словами не выражаются ни окончаниями, ни каким-либо иным средством, должна была бы стать непонятной, а язык — бесполезным (см. автореферат В. В. Пассека, с. 9). По мнению В. В. Пассека, «период, в который различие между подлежащим и прямы дополнением не выражалось ни падежными формами, ни порядком слов, существовал, однако речь не была от этого непонятной. И он приводит ряд примеров: “This tree sangh the prophete Daniel”, “Than sent to the ere of Dorset this message the erl Armenak”, “To him seld the king the province of Dorham”. Что же обеспечивало понимаемость?

1) В приведенных примерах отсутствует только средство грамматического выражения различия между подлежащим и прямым дополнением, в то время как все другие отношения четко выражены;
2) морфологические и синтаксические средства подсказывают, что один из этих членов предложения — подлежащее, другой — прямое дополнение, хотя и не говорят точно, какой именно — подлежащее, какой — прямое дополнение;
3) семантика слов позволяет угадать, где подлежащее, где — прямое дополнение;
4) в ME у личного и вопросительного местоимений сохранялись формы именительного и объективного падежа;
5) подсказывать могла также форма числа сказуемого.

Все это так, но из этого нельзя сделать вывод, что положение, имевшее место в промежуточный период, было совершенным. Ясно, что оно было весьма далеко от совершенства, иначе не было бы и стимула к развитию в сторону фиксированного порядка слов. К сожалению, В. В. Пассек в автореферате этого не подчеркивает.

Каким же образом проходило это развитие в сторону фиксированного порядка слов? В. В. Пассек приводит любопытные цифровые данные, показывающие неуклонный рост конструкций с подлежащим, предшествующим сказуемому, и со сказуемым, предшествующим прямому дополнению:

IX в.	40 %
X–XI вв.	33 %
Начало и середина XII в.	44 %
Конец XII в.	56 %
Середина XIII в.	61 %
XIV в.	82 %
XV в.	78 %
XVI–XVII вв.	98 %

Но при этом вплоть до нового периода английского языка увеличение конструкции подлежащее плюс прямое дополнение шло за счет разрушения твердого размещения сказуемого, но не за счет установления твердой последовательности подлежащего относительно сказуемого. Ибо, как пишет

В. В. Пассек (с. 8–9 автореферата) «иначе бы отношение этой конструкции к противоположной конструкции не оставалось практически неизменным», и «только в новый период английского языка мы можем говорить об установлении твердой последовательности — подлежащее плюс сказуемое».

Вот цифровые данные, приведенные В. В. Пассеком в его автореферате, которые показывают отношение конструкции, прямое дополнение плюс сказуемого плюс подлежащее:

IX в.	23: 1
X–XI вв.	23: 1
Начало и середина XII в.	16: 1
Конец XII в.	16: 1
Середина XIII в.	30: 1
XIV в.	23: 1
XV в.	38: 1

И только в XVI–XVII вв. 5000: 1 (см. автореферат, с. 8–9).

Таким образом, в течении долгого времени количество конструкций прямое дополнение плюс сказуемое плюс подлежащее практически оставалось неизменным, но уменьшалось количество конструкций с твердым положением сказуемого. Тут следует отметить, что, по мнению В. В. Пассека, в ОЕ «только подлежащее и прямое дополнение характеризовались свободой места, сказуемое же в большинстве случаев своим местом проводило разграничение между главным и придаточным предложениями» (см. с. 7, автореферат), причем сказуемое на последнем месте характеризовало придаточные предложения, а сказуемое на первом месте — главные, начинавшиеся с употребительных наречий типа βa, в остальных же случаях в главных предложениях сказуемое предпочитало находиться на втором месте. Ясно отсюда, почему в английском так долго сохранялась конструкция дополнение плюс сказуемое плюс подлежащее, ведь второе место для сказуемого было очень типично для ОЕ и не так-то легко было языку преодолеть вкоренившуюся языковую привычку.

Как отмечает В. В. Пассек, такое разграничение главного и придаточного предложений местом сказуемого обуславливалось бедностью ОЕ союзными словами. Ведь употреблявшиеся в качестве союзных слов наречия типа βa могли начинать также главные предложения: βa he βas andsware onfeng, βa ongon he sona singan. С появлением союзных слов, язык, естественно, мог отказаться от этого приема выделения придаточных предложений.

Что явилось исходной точкой развития субъектно-объектных отношений в ОЕ? В. В. Пассек убедительно показывает, что в период ОЕ не было беспорядка слов, свидетельствующего о том, что мысли говорящим приходят не в определенной последовательности, а беспорядочно (helter-skelter, по выражению О. Есперсена). Свобода размещения подлежащего, сказуемого и прямого дополнения вовсе не означала равного количества конструкций с любой перестановкой исследуемых членов. Как показывает подсчет, произведенный В. В. Пассеком, «конструкции с подлежащим на первом месте

явно преобладают (в русском языке они составляют около 90 %, в английском языке древнего периода — около 75 % (автореферат, с. 8), причем объясняется это, как предполагает автор, «генетической связью грамматического центра построения (подлежащего) с логическим центром построения (предметом мысли), так что древнеанглийская «свобода слов есть возможность только некоторого отступления от обычной последовательности — подлежащее плюс сказуемое плюс прямое дополнение» (с. 8, автореферат).

Что же явилось конечным пунктом развития субъектно-объективных отношений в NE? В. В. Пассек дает на этот вопрос исчерпывающий ответ: «Основное средство выражения различия между подлежащим и прямым дополнением в новоанглийском — твердая последовательность подлежащего относительно сказуемого» (ст. 4, автореферата). Любопытно, что такая твердая последовательность, по наблюдениям В. В. Пассека, наблюдается «во всех без исключения проанализированных предложениях с прямым дополнением», но «часто отсутствует а предложениях без прямого дополнения» (примеры: He thought this and more, so thought every harassed, hampered, respectable boy in St. Petersburg). Без прямого дополнения возможны нарушения последовательности: And thus thought all, только в 2–3 % от общего количества случаев наблюдается вынос прямого дополнения перед подлежащим: And this each thought in Duru.

Нам все же кажется, что результаты достигнутые английским языком в ходе такого развития — весьма замечательные. Ведь в этих результатах запечатлелось совершенствование грамматического строя языка по путям анализа, и нельзя не считать прогрессом отказ от среднеанглийских конструкций промежуточного периода, когда старые морфологические средства различения подлежащего и прямого дополнения были уже утрачены, а новые — с помощью фиксированного порядка слов — еще не были приобретены. В. В. Пассек, к сожалению, этого не подчеркивает хотя и признает, что с переходом к новейшему периоду истории английского языка, «быстрое развитие науки и научной литературы, трактующей о вскрытых отношениях между предметами объективной действительности, требует максимально четкого выражения отношений между словами — грамматическими средствами языка — поскольку эти отношения могут и не быть ясными из традиционной семантики слов: ср. “The temperature influencer the seepage loss” (автореферат, с. 13)[149]. И как поэтому не считать

[149]Еще ярче та же самая мысль выражается В. В. Пассеком следующими словами (см. автореферат, с. 13): «Создание отточенного литературного языка требует обязательного грамматического выражения даже и в тех случаях, когда об отношениях между словами можно легко «догадаться», исходя из семантики, поскольку по мере изменения и усложнения жизни общества традиционная семантика слов в ряде случаев не только перестает способствовать вскрытию отношений между словами, но и начинает до некоторой степени препятствовать ему». И далее следует пример из «Утопии», «Sheep ate people», который мы уже приводили выше. Ст. 152, поскольку он фигурирует также и в цитированной там статье В. В. Пассека в журнале «Иностранные языки в школе». В. В. Пассек связывает окончательное фиксирование порядка слов в английском языке со становлением буржуазного общества в рамках феодального:

прогрессом тот факт, что «в английском языке начало создаваться единое, универсальное, последовательное и независимое средство выражения (различия) между подлежащим и прямым дополнением»?

В. В. Пассек, в иной связи, приводит ряд русских примеров, где прямое дополнение предшествует подлежащему, причем флективно они совпадают: зал наполняет молодежь; сколько подвигов родило это чувство; новые приступы военной истерии вызвали поражения американских войск в Корее; суда охраняют миноносцы (см. автореферат, с. 10, примечание). Нам кажется, что и в русском языке некоторые из этих примеров звучат двусмысленно, именно из-за отсутствия дифференцирующих флексий. И. наоборот, никакой двусмысленности нет в приводимом там же примере: «Народные войска вышли приветствовать жители»... Допустим на мгновение, что и в русском языке флексии стали такими омонимичными или вообще несуществующими как в английском, ясно, что выходом из создавшегося положения был бы только переход к фиксированному порядку слов. Но флексии в русском языке существуют, русский язык развивается совсем по другим внутренним законам, чем английский, и, отсюда, понятно, почему в русском языке построение предложений подчиняется иным закономерностям, чем в английском. И все же, в тех случаях, когда в русском языке флексии подлежащего и прямого дополнения совпадают (мы имеем в виду флексии именительного и винительного падежа), нам представляется, гораздо

«В период, когда складывается английская нация и появляется единый литературный язык английской нации, начинает особо ощущаться отсутствие универсального, последовательного и независимого средства выражения различия между подлежащим и прямым дополнением... В нашем случае мы имеем дело с формированием буржуазного строя в недрах феодального общества. Непосредственно важно то, что вместе с этим и в результате этого расширяется кругозор, поднимается культура, повышаются требования к языку» (см. там же). С нашей точки зрения, здесь важно подчеркнуть именно последнее. Ибо, если взять историю латинского языка, то там тоже, вероятно, можно проследить соответствующие процессы уточнения синтаксиса в связи с ростом рабовладельческой культуры. Но это — дело специалистов по латинскому языку. Было бы неправильным и вульгарно-социологическим считать уточнение синтаксиса имманентной чертой языка поднимающейся нации. Эти процессы связаны с ростом культуры, которая, вполне естественно, делает гигантский скачок как раз с гибелью феодализма. Другое замечание, которое здесь хочется сделать, касается утверждения В. В. Пассека, будто отточенный литературный язык требует «обязательного грамматического выражения даже в тех случаях, когда об отношениях между словами легко “догадаться”, исходя из семантики» (см. выше, в нашем примечании). На самом деле, в том, что касается английского языка, это далеко не так. Английскому языку свойственен внутренний закон балансировки значений, и, в частности, расшифровка отношений между компонентами свободных сочетаний возможна только по смыслу (см. выше). Другое дело, что со становлением фиксированного порядка слов различение дополнения (прямого) и подлежащего стало грамматически выражаться. Но мы не можем назвать других примеров из новейшей истории английского языка, которые доказывали бы аналогичное преодоление балансировки значений по смыслу.

лучше и в русском придерживаться твердого логического порядка слов — подлежащее — сказуемое — прямое дополнение. Ведь семантика подсказывает далеко не всегда, и смысл можно исказить. Ведь так именно приходится делать в научных текстах, например: «проницаемость увеличивает скорость фильтрационного потока», «повышение напора увеличивает расход». И мы не видим причин, которые бы мешали перестроить примеры В. В. Пассека более логичным и понятным образом: поражения американских войск в Корее вызвали новые приступы военной истерики; миноносцы охраняют суда; молодежь наполняет зал. И только один из приведенных примеров, «сколько подвигом водило это чувство» останется в прежней форме, так как здесь мы имеем случай эмфатической инверсии, тогда нарушение порядка слов вполне оправдано чувством, вложенным во фразу. Нам кажется, что такова именно тенденция развития русского языка: использование порядка слов в тех случаях, когда прямое дополнение и подлежащее флективно не различаются. Таких случаев в русском языке не так уж много, но для имеющихся случаев эту тенденцию с нашей точки зрения следует тоже считать прогрессивной, в той степени, в какой она представлена в языке. Превращение ее в неумолимый закон, как в английском, в русских условиях не нужно: ведь флексии остаются, и, как мы неоднократно говорили, в этом есть своя положительная сторона — облегчение взаимопонимания без необходимости прибегать к балансировке значений (случаи конверсии, случаи омоморфичных формообразующих суффиксов, случаи омоморфичности послелогов и предлогов и т. д.[150]). Поэтому нет ничего удивительного в том, что, как указывает В. В. Пассек, в русском языке подлежащее стоит на первом месте в 90 % случаев[151]. Даже в приведенном выше недвусмысленном примере («Народные войска вышли приветствовать жители»), нам кажется, есть некоторый изъян, и фраза «Народные войска вышли приветствовать жителей» звучит четче, лучше, точно также как инвертированная фраза «жителей вышли приветствовать народные войска», хотя смысл в этих двух вариантах будет, конечно, совсем другой, чем в примере В. В. Пассека.

Мы не будем здесь касаться причин отпадения флексий в английском, так как мнение В. В. Пассека по тому вопросу мы уже приводили выше.

---

[150]Подробнее об этом см. в заключении.

[151]По наблюдениям В. В. Пассека (автореферат, с. 9), в русском языке частотность конструкций подлежащее плюс сказуемое плюс прямое дополнение составляет 82 %, а отношение этой конструкции к противоположной конструкции выражается пропорцией 23:1. Ясно видно преобладание такого рода конструкций в русском языке. несмотря на его флективность. Но, в отличие от английского, в русском языке такой порядок слов не является непреложным законом как в английском, а отсюда — возможность более разнообразных по структуре синтаксических конструкций в русском. Причина — сохранение флексий в русском языке. С одной стороны, это вызывает трудности в понимании, особенно у иностранцев, но, с другой стороны, это позволяет разнообразить стиль, делает его более живописным, менее однотонным, чем английский стиль речи (при отсутствии эмфазы).

Но здесь нужно указать на те причины, которые В. В. Пасеек считает основными причинами фиксации порядка слов в английском языке, в том виде, как это произошло в том, что касается субъективно-объективных отношений. Вот что об этом пишет В. В. Пассек (см. автореферат, с. 14): «Следующие причины, по-видимому, обусловили появление нового основного средства именно в таким виде, в каком мы его имеем в современном английском языке, как твердую последовательность — подлежащее плюс сказуемое.

а) Пример личных местоимений, которые весьма часто выступали в роли подлежащего и прямого дополнения, показывал, что для разграничения подлежащего и прямого дополнения достаточно специально выделить только одно подлежащее.

б) Весьма частое совпадение подлежащего с исходным высказывания, а, тем самым, с первым местом, наталкивало говорящих на путь использовать это первое место для специального выделения подлежащего.

в) На синтаксический путь выражения различия между подлежащим и прямым дополнением наталкивала говорящих и бедность языка морфологическими показателями».

Странно, что это положение В. В. Пассек дает в последнюю очередь. Нам оно кажется особенно важным, ибо через него тянутся нити к основному внутреннем закону английского языка, который мы сформулировали выше и о котором мы неоднократно говорили в настоящей работе и в наших других неопубликованных статьях. Выше мы уже говорили о нежелании В. В. Пассека связать вопрос фонетической редукции окончаний со сменой морфологического типа и с внутренними законами английского языка, в результате чего В. В. Пассек не решается даже поставить вопрос о внутренних законах английского языка, как это сделал проф. чл. корр. АН СССР В. М. Жирмунский в своей статье о внутренних законах немецкого языка, которую мы неоднократно выше цитировали. Для В. В. Пассека «бесспорным представляется то, что и грамматический строй языка имеет свои собственные внутренние законы развития» (см. автореферат, с. 12–13), но «какова была эта тенденция развития», по мнению В. В. Пассека, «сказать трудно, без специального изучения истории *всех* норм» (см там же). С этим никак нельзя согласиться. И без такого изучения, на основе элементарных данных исторической грамматики, собранных здесь, довольно убедительно прослеживается развитие английского грамматического строя по путям перехода от флективного (синтетического) строя к аналитическому. Ясно, что эта самая тенденция обнаруживается и в тех явлениях, которые специально изучал В. В. Пасеек. Признать это открыто ему помешало все то же «страшное слово анализ», которое заставило и О. С. Ахманову отвергнуть взгляд западных авторов на аналитический характер английских глагольных сочетании с послелогами (см выше).

В этой связи понятно третирование В. В. Пассеком взглядов О. Есперсена об упрощении английской морфологической системы. Самый факт упрощения, несомненен. Очень трудно его отрицать, но В. В. Пассек все же пытается это делать. Указывая на возникновение известной синтаксической конструкции

с “anticipatory it”, имеющей значение эмфазы (“именно это”), В. В. Пассек пытается отрицать совершившееся в английском языке опрощение. Вот что он пишет по этому поводу (автореферат, с. 13): «Использование твердой последовательности подлежащее плюс сказуемое для выделения грамматического подлежащего потребовало создания в языке довольно сложных синтаксических построений для выражения исходного и нового в высказывании (имеются в виду построения типа It was my friend who did it), так что «упрощение», о котором *так любит* декламировать 0тто Есперсен, представляет собой нечто подобное истории с Тришкиным кафтаном в известной басне Крылова. «Оставляя в стороне уместность привлечения сюда этой басни, отметим только, что вряд ли стоит смешивать процессы, проходящие в морфологии и в синтаксисе. Конечно, они связаны по общему внутреннему закону связи и взаимосвязи различных сторон языка, но все же к ним надо подходить раздельно, если их характеризуешь. Иначе их анализ оказывается неполным. Упрощение произошло в морфологии, с этим связано упрощение синтаксиса (разве современные правила английского порядка слов не проще сложных правил порядка слов а OE, все эти начальные, нормальные, срединные позиции и пр., см.)? Но возникли некоторые усложнения, которые вряд можно считать значительными, если подходить к вопросу объективно, и которые отнюдь не ликвидируют факт упрощения грамматической системы английского языка, в общем и целом, как в области морфологии, так и в области синтаксиса.

На этом мы заканчиваем ту часть нашего описания истории развития порядка слов в английском, которая основана на цитировавшемся неоднократно выше в автореферате В. В. Пассека.

Рассмотрим еще некоторые другие явления, непосредственно связанные с фиксацией порядка слов в английском, но уже независимо от диссертации В. В. Пассека.

С закреплением фиксированного порядка слов связано также распространение описательного вопросительного оборота с “do” и аналогичного отрицательного оборота. Эти описательные обороты были нужны для *за*крепления порядка слов.

В ME, ENE в XVII и даже и начале XVIII в. вспомогательный глагол do употреблялся также в утвердительных предложениях, предшествуя основному глаголу и не имея самостоятельного значения. Он затем исчез, ибо не выполнял здесь функции сохранения фиксированного порядка слов, требовавшего, чтобы после глагола в вопросительном предложении было бы одновременно и подлежащее, и прямое дополнение, и отрицательная частица. Для выполнения этих требований и пригодилось расщепление сказуемого в описательных оборотах.

В. Н. Жигадло (в лекции о внутренних законах английского языка в лектории ЛО Об-ва по распространению политических и научных знаний) характеризовала отказ от описательной конструкции в утвердительных предложениях как поражение аналитического строя. Но на самом деле это далеко не так. Во-первых, описательная конструкция в английском утвердительном

предложении все равно сохранилась, только она приобрела значение эмфазы. Во-вторых, неверно сводить аналитический строй к одним только аналитическим формам. К особенностям аналитического строя, помимо аналитических форм, относятся также фиксированный порядок слов и многие другие особенности, которые мы перечислим в заключении.

В данном случае имело место совершенствование порядка слов. Наконец аналитическую форму в данном случае победил принцип экономии форм, тот самый принцип, который довел до минимума количество морфологических показателей в английском и сделал их омоморфичными, являясь одним из следствий перехода английского языка к аналитическому строю.

Если теперь прейти к характеристике порядка слов ENE, то следует указать на сохранение обратного порядка слов для вопросительных предложений и некоторых типов отрицательных предложений, а также на применение инверсии в утвердительных повествовательных предложений с оборотами “there is” и “there are”, которые непосредственно восходят к обычной для OE инверсии в предложениях, начинающихся членом...

В NE быстро возрастает применение do в отрицательных и вопросительных предложениях, причем, как отмечает Б. А. Ильиш, из вопросительных предложений быстрее всего do распространялось среди вопросительных отрицательных. Употребление вопросительных и отрицательных описательных конструкций упрочилось через драму, отражавшую разговорный язык, тогда как в научной и философской прозе в смысле ее применения были долгие колебания: у Беркли do фигурирует в 60 % отрицательных предложений, у Юма — в 22 %, у Фильдинга — в 70 %, у Гольдсмита — в 100 %, у Шекспира — 30 %, у Мильтона и Беньяна — в 20 %.В вопросительные предложения без отрицания do проникает кроме тех случаев, когда вопрос относится к подлежащему и его определению, и, вообще, процесс проникновения do в утвердительные вопросительные предложения идет медленнее чем в случае с отрицательными вопросительными предложениями.

На этом мы заканчиваем нашу характеристику порядка слов в английском языке, в историческом плане. В основе порядка слов лежат субъективно-объективные отношения, то есть расположение подлежащего и прямого дополнения относительно сказуемого. Что касается расположения других членов предложения, то, для сокращения объема работы, мы на этом останавливаться не будем. Эти вопросы не столь существенны с точки зрения истории становления фиксированного порядка слов в английском.

Следует еще отметить, что в современной английской прозе не все так ровно и правильно, как это предусматривается фиксированным порядком слов, установленным грамматикой и требующим члены предложения располагать по схеме: подлежащее, сказуемое, прямое дополнение, обстоятельство места, обстоятельство времени (в случае утвердительного предложения), а косвенное дополнение, выраженное местоимением, вставлять между сказуемым и прямым дополнением (мы берем только основные правила; еще, конечно, есть правила о наречиях частотности, которые расщепляет

сложное сказуемое и др., но нам важна здесь общая схема английского предложения). Конечно, пишущие по-английски отступают иногда от этих правил, но поскольку такие отступления почти всегда вызваны бывают эмоциональными причинами (эмфатическая инверсия), затруднений в понимании от этого не получается, а несоблюдение установленного порядка слов приобретает при этом особую, тоже важную, -эмфатическую, — функцию. Так что такие случаи, как например, следующий ниже пример из Диккенса, нельзя считать поражением аналитического строя; ибо несоблюдение его правил несет особую функцию и легко объяснимо, чего нельзя сказать относительно причин выбора срединной, конечной, начальной, нормальной, инвертированной конструкций в OE; там было много правил, они наслаивались друг на друга и не всегда соблюдались. В современном английском инверсия твердо обусловлена — либо это эмфатическая инверсия, либо — грамматическая (обороты there is, are, вопросительные предложения).

Вот пример эмфатической инверсии у Диккенса (“Posthumous papers of the pickwick club”, с. 138): “Away ran the hostlers, and the boys. The lanterns glimmered, as the men ran to and fro. The horses’ hoofs clattered on the uneven paving of the yard; the chaise rumbled as is was draun out of the coach-house; and all was noise and bustle.

Now then! — is that chaise coming out tonight? Cried wardle.

Coming down the yard now, Sir — replied the hostler out came the chaise — in went the horses — on sprung the boys — in got the travellers”

Судьба падежной системы в английском

В разделе морфологии мы уже говорили в падежах и рассмотрели их судьбу, с точки зрения развития их форм. Здесь мы рассмотрим то же самое явление распада падежной системы, но с точки зрения синтаксиса. Мы не будем касаться здесь судьбы падежной системы прилагательных и местоимений, ибо их падежные системы не имеют кардинального значений для судеб предложения. Другое дело — падежная система имени. От ее судьбы во многом зависит то, относится ли данный язык к числу аналитических, или к числу флективных, ибо наличие или отсутствие флексий у имени — один из основных критериев этого различия языков по типологической классификации.

Мы не будем повторять сказанного о кризисном характере падежной системы OE (совпадения, многовариантность, отсутствие флексии). Остановимся на значениях, передававшихся отельными падежами OE и приведем примеры (мы опираемся здесь на книгу Б. А. Ильиша по истории английского языка, с. 71–73).

У каждого древнеанглийского падежа был определенный круг значений.

Именительный падеж выражает подлежащее предложения:

Финны и бермы говорили приблизительно на одном языке

Ba Finnas and βā Beormas sprǣcon neāh ān geβēōde.

Он может также выражать предикативный член:

Ты тот Беовульф, который состязался с Бреком?

Eart βū se Bēowulf, se βe wiβ Brecon wunne?

Гораздо более разносторонний круг значений выражается *родительным падежом* OE, который служит: а) для выражения принадлежности, обладания:

1. Войска королей — βara cyninga getruman.
2. Обычай народа — folces gerihtu.

Этим же падежом выражается партитивное значение (б):

Вся молодежь, которая есть в Англии, из числа свободных людей

Eall sēo gioguβ, ðe nu is on Angelcynne frīora nonna.

Родительный падеж выражает также меру (в):

Пост трех дней

Brēora daga fæsten.

Особые значения были у родительного падежа при прилагательных: полный драгоценностей и украшений — full wvætta ond wira; свободный от преступных желаний — firenlusta clǣne ; виновный в убийстве — morðres scyldig.

Особые значения были у родительного падежа при некоторых глаголах: я хочу тебя просить об одной просьбе —is βe biddan eille ānre bēne; он там ждал западного ветра — hē βǣs bād westan windes; тогда я очень удивился хорошим советникам — ða wundrada os swiβe, swiβe ðara gōdenawiotona, и др.

Существительное в родительном падеже иногда приобретало значение обстоятельственного слова: «Если вор сломает дверь человека ночью» — Gry βēof brece mannes hūs nihtes». Особенно это стало характерно в ME. Следует также отметить наличие в ME родительного падежа при предлогах: «Бежит к своему жилищу — irneβ wiβ his eardes». Но, в ходе дальнейшего развития, это было ликвидировано.

Дательный падеж выражает несколько меньше значений. Обычно им пользовались для передачи значения объекта, к которому направляется действие (косвенное дополнение). Поэтому обычно дательный падеж стоял при глаголах со значением: «говорить», «посылать», «давать», а, по аналогии, так же при глаголе «отменить».

Примеры такого употребления дательного падежа:

1. Охтхере сказал королю Альфреду, своему господину — Ohthere sǣde his hlāforde, Aelfrede cyntnge.
2. Он приказал Титу, своему сыну — He bebēad Tituse his suna.
3. Я тогда вскоре самому себе ответил — Ie pa sōna me selfan andwyrde.

Кроме того, дательный падеж ставился при прилагательных со значением: «известный», «необходимый», «милый», «близкий», «свойственный».

1. Это многим известно — ðæt is monegum cūβ.
2. Был ему этот человек мил — wæshim se man lēof.

Деж часто употреблялся с предлогами:

1. На берегу — on sande
2 От врагов — fram fēondum.
3. Боролся с ветром — won wið winde.

Творительный падеж (инструменталис) отличался от дательного своей формой только при склонении некоторых местоимений и в единственном числе мужского и среднего рода сильного склонения прилагательных.

Инструменталис употреблялся для обозначения: орудия действия, объекта, сопровождающего действие, обстоятельств, при которых действие происходит, времени.

Примеры употребления инструменталиса: ехать кораблями — cēōlum liþan; в том же году — þyilcan geare.

Уже в OE появилась тенденции усиливать и конкретизировать значение падежной формы инструменталиса с помощью предлога: едут на корабле — mid scipe leað; с народом — mid þȳ folce; отправились по морю — gewiton mid þȳ wæge.

Винительный падеж при переходных глаголах означал прямое дополнение, то есть непосредственно затронутый действием объект:

1. Войско завоевало землю — sē here bæt lond geode.
2. Прогнали за море короля Бургреда — pone cyning Burgrǣd ofer sǣ ād ǣfdon.

Винительный падеж встречается так же безличными глаголами:

1. Тогда начал он (букв. «стало ему») голодать — þā ongan hyne hungrian (нем. mich hungert).
2. Ему нравится — hyne lyst.
3. Мне хотелось (букв. «меня хотело») — mec longode.

Винительный падеж часто обозначал длительность: Оставлял себе всю дорогу пустынную землю с правого борта, а море — с левого борта в течение трех дней — Let him ealneweg bæt wēste land on bæt stēorbord, and þā wiasǣ on bæcbord þrȳ dagas (выражения “ealnewed” и “ þrȳ dagas” употреблялись здесь как обстоятельные слова).

Для винительного падежа, как и для инструменталиса, было характерно употребление с предлогами: Сразился с войском — gefeaht wiþ þone here; сошли на землю — on land stigon.

Обобщая сказанное о падежной системе OE, можно констатировать, что уже в OE в падежную систему стали проникать предложные конструкции, что, несомненно, явилось шагом вперед на пути к ее распаду. Другим проявлением распада это системы явилось совпадение дательного и творительного падежа у существительных.

В ME, как мы уже знаем, синтетическая (флективная) система испытывала еще бóльший кризис и под напором внешних воздействий наличествовавшие уже в OE сильные тенденции к анализу и к распаду старого флективного строя получили полный простор. Как же развивалась падежная система в ME?

По сравнению с OE не изменилась лишь функция именительного падежа. Как и в OE, он продолжает выражать подлежащее и предикативный член. Но форма его совпала с винительным и начала совпадать с дательным, так что это был уже фактически общий падеж современности.

Флективный родительный падеж в значительной мере вытесняется предложным оборотом с «of»:

1. The droghte of Marche.
2. From every shires ende of Engelond.

Но сохраняется и флективный родительный, причем иногда в формах, развивавшихся из форм древнеанглийского склонения:

OE ... βǣre hlǣfdigan

ME in hope to stonden in his lady grace

OE ... βǣre heortan

ME myn owen herte soβfaste suffisance, «истинное удовлетворение моего собственного сердца».

При этом, в большинстве случаев, вне зависимости от грамматического рода существительного, применяется родительный падеж на -s.

У Чосера уже встречается сочетание предлога of с притяжательным местоимением, если перед существительным стояло a, any, every: a frend of his I an hors of his; an old fellow of yours.

В партитивном смысле употреблялся аналитический оборот с «of»: He shab web bee oon of the gretest men of my contree. Этот оборот употреблялся также с числительными: “of maystres hadde he moo than thries ten”. До современности дошло только первое из вышеприведенных употреблений этого партитивного оборота.

В обозначениях меры, где можно было бы ожидать партитивные обороты, в ME мы иногда находим название веществ без падежного показателя: “Is there no morsel bred that ye doon kepei”; “The beste galoun wyn that is in chepe”.

Это свидетельствует об ослабленном восприятии родительного падежа в сознании, или, может быть, это пережиток старой конструкции, но без падежного оформления (ср. OE «пост трех дней» — “prēōra daga fæsten”). В некоторых других случаях, например, при обозначения веса, в ME стоял аналитический оборот с предлогом «of»: of pured gold a thousand pound of wighte. Иногда встречаются эллиптические обороты: of smale houndes hadde she.

В ME распространяется также *аналитический дательный* с предлогом to или без этого предлога, но без флексии, причем предлог to в ME мог отсутствовать даже в том случае, когда оба дополнения были выражены местоимениями, из которых прямое стояло перед косвенным: “I graunt it the”. Предлог to также не ставился — как это имеет место и в наше время — если косвенное местоимение стояло перед прямым: fortune hath given us this adversitec. В остальных случаях обычно ставился предлог «to».

В глаголах со значение «благодарить», «верить», «повиноваться», требующих косвенного дополнения, существительное стоит иногда без предлога, иногда с предлогом «to».

При пассивных оборотах косвенное дополнение осталось без изменений: for blode betokeneth gold as me was taught. Теперь это уже невозможно. Но уже в ME в сознании начинает утрачиваться различие прямого и косвенного дополнения, вследствие чего возникает возможность двойного толкования.

Двойные дополнения оказываются возможными с глаголами «просить» (bisechen), «приписывать» (witen) и др. Например, с глаголом “tellen” (говорить): “He tolde Felyce all his wylle and lyfe, and how he wao bedyn ryche wyfe”.

Объектный падеж в ME выражал: объект действия при переходных глаголах обстоятельства места (в смысле направления), обстоятельства времени.

Вот пример на последнюю из названных функций объективного падежа ME: “to telle how sche wep both eve and morwe”. Этот же падеж применяется для обозначения степени, меры, веса, ценности, цены в обстоятельственных оборотах.

Предложная система в ME фактически расползалась по всем швам (мы не будем приводить здесь парадигмы, которые были уже нами приведены в разделе морфологии). Предлоги вторгаются все сильнее, и уже недалеко было то время, когда прежней флективной системы в английском языке не стало, а возникла падежная система современного английского языка, состоящая только из двух падежей, — общего и притяжательного. О сущности этих падежей мы уже говорили выше, “in between” между отдельными парадигмами склонения существительных в OE. Поэтому здесь мы только еще раз подчеркнем качественное отличие этих падежей как форм внутри аналитического строя от флективных форм флективного строя в древнеанглийском и других флективных языках.

Таково развитие падежной системы в английском. Выше мы приводили выдержку из статьи Т. П. Ломтева («О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания», «Вопросы философии», 1953 г.), где подчеркивается качественная разница между предложными конструкциями в русском и в английском языке. Приведем еще несколько выдержек из это статьи:

«До сих пор игнорировалось то обстоятельство, что развитие предложных конструкций в русском и английском языках — это разные процессы по существу, а не по форме» (стр. 81).

«Возможность образования и расширения предложных конструкций в русском языке становится неизбежностью, поскольку совершенствование грамматической системы имени путем дальнейшего закрепления новых, возникших в практике общения значений, за унаследованными падежными грамматическими средствами оказалось невозможным. С течением времени предложные конструкции стали более точно и дифференцированно обозначать функции, прежде выполнявшиеся по преимуществу падежными формами, поскольку на этой ступени развития система языка обогатилась возможностями, которых раньше у нее не было».

«Падежные средства принимали на себя все новые и новые функции и, естественно, что с течением времени они оказались перегруженными разными значениями. Возникает несоответствие падежных средств языка потребностям, которым они должны удовлетворять в процессе общения людей, и они не могут быть не приведены в соответствие с этими потребностями».

Иными словами, в русском языке предложные конструкции несколько разгрузили падежные средства, приняв на себя часть их функций, но падежная система сохранилась и в ходе языкового развития подергалась дальнейшему развитию.

А что же в английском? «В английском языке утрачены падежные формы. В русском языке падежные формы сохранились. В английском языке грамматическими средствами являются предлоги и порядок слов в предложении. В русском языке грамматическим средством является падеж и сочетания предлогов с падежами». Кажется, ясно, один язык развивался по путям анализа, по путям перехода к аналитическому строю и дальнейшего его совершенствования, а другой язык сохранял флективный строй и совершенствовал его систему с помощью отдельных элементов анализа, причем это развитие элементов анализа — качественно отлично от развития элементов анализа в аналитических языках, ибо результаты в том и другом случае получаются диаметрально противоположные!

О движущих силах этого развития, как их понимают Т. П. Ломтев, Б. А. Серебренников и другие, мы скажем в заключении. А здесь отметим лишь, что не один Ломтев за последнее время обратил внимание на эти структурные переходы в языках.

Вот что пишет А. Г. Спиркин в статье «К вопросу о законах языка» («Вопросы философии», 1953 г., № 5) относительно истории предложных и флективных конструкций в русском языке: «Фактический материал из истории древнеанглийского языка дает основание утверждать, что некогда действовали другие законы, что в истории развития языка, легшего в основу русского и других славянских языков был такой период, когда предложные конструкции предложения отсутствовали, а существовали флективные конструкции, которые также не являются исконными, а, видимо возникли на определенном этапе развития языка в еще более глубокой древности». И он приводит примеры древнерусских беспредложных конструкций:

«Глеб же вниде Черниговъ»

«сташа ночлегу».

И дальше, опять сравнение с английским языком: «Английский язык развивался в другом направлении. Некогда он был также флективным языком, обладал богатой системой склонения имен. Развитие системы предлогов в этом языке постепенно почти совсем вытеснило флексии. Постепенный переход английского языка от флективного к предложному способу словосочетания и построения предложений составляет внутренний закон изменения его качества» (стр.102).

Получается странное положение. Неспециалисты по английскому языку правильно отмечают аналитический характер этого языка, прогрессивность его развития по этим путям по сравнению со старой системой, а специалисты, как В. В. Пассек, как многие ленинградские англисты, стараются замутить воду, утверждают что «тенденции анализа в английском языке перебиты» (выступление И. П. Ивановой при обсуждении нашего доклада о внутренних законах английского языка в Ленинградском отделении Института языкознания 6 июня 1954 г.), что аналитический строй потерпел поражение в системе глагола (В. Н. Жигадло о гибели описательной конструкции в утвердительных предложениях, см. выше), что вообще нельзя различать древнеанглийский как

синтетический язык и новоанглийский как аналитический (известная статья В. В. Пассека, см. выше, стр. 153), что вообще нельзя различать древнеанглийский как синтетический язык и новоанглийский как английский (известная статья В. В. Пассека, см. выше)! Действительно, это «страшное слово анализ» не позволяет беспристрастно и прямо осветить общеизвестные факты истории английского языка. Этому предпочитают всякие кривотолки, полемику с Есперсеном и пр. А в ответ на наши замечания, на основе положений диалектики, что нельзя так подходить к истории английского языка, говорят, что мы не даем фактов (критика нашей статьи «О внутренних законах развития и совершенствования английского языка»). И вот здесь мы и вынуждены были собрать воедино все факты, относящиеся к вопросу о данном структурном переходе, прямо выбрав их из имеющихся грамматик... Странно отрицать самобытные пути развития у разных языков мира, а только такое отрицание оправдывает тех, кто пытается нас критиковать за то, что мы будто бы принижаем русский язык, говоря о прогрессивном развитии английского языка по путям анализа. Ведь эти пути — не всеобщие, не универсальные! Идеальных языков нет и не может быть, и у всех языков есть свои специфичные пути развития. Но прогресс можно и должно указывать при рассмотрении истории всех этих языков, будь они флективные, аналитические, агглютинативные или любые другие... Ибо прогресс — это иными словами — совершенствование грамматического строя, совершенствование языковой структуры... И, как показала история английского языка, структура эта может на протяжении истории меняться настолько радикально, что позволительно говорить о смене грамматического строя...

Мы несколько отошли в сторону в связи с приведенными выше цитатами, но наша работа близится к завершению, и поневоле хочется переходить от бесстрастного изложения фактов к их обобщению и к полемике против тех, кто не желает делать эти сами собой напрашивающиеся обобщения.

В заключение мы рассмотрим еще раз развитие некоторых предложных конструкций в английском, под углом зрения постепенного вытеснения ими флективных падежей. То есть, как раз то, о чем писал Спиркин, только, конечно, без конкретных примеров, поскольку его статья была в основном построена на материале русского языка.

Наиболее распространенным заместителем флективного родительного падежа издревле является предлог «of». Он может выражать все значения принадлежности, которые могут быть выражены флективным родительным (в его исконных значениях). В OE основным значением этого предлога было «из», «от», то есть движение от определенного места или происхождение из определенного источника. А отсюда недалеко было и до значения принадлежности. Как отмечалось выше с предлогом of мог конкурировать в этом значении предлог at, но в дальнейшем предлог «of» одержал над ним победу.

В ME этот новый аналитический способ выражения принадлежности успешно конкурирует со старым способом (падежные окончания родительного падежа), а в NE вытесняют его со всех позиций, кроме сравнительно узкой сферы, в который закрепляется применение флективного падежа.

Вытеснив старый родительный падеж, предлог «of» стал наследником некоторых его противоречий. При некоторых существительных глагольного характера предложный оборот с «of» мог обозначать как логический субъект, так и логический объект действия. Например, the love of my father может обозначать «любовь отца» и «любовь к отцу». Но зато, если употребляется местоимение в косвенном (объективном) падеже, то двусмысленности нет: “my love of her”...

Уже в ME предлог of завоевал значение партитивности: «некоторые из людей» — “some of the people”, «многие из детей» — “many of the children”. Обороты так называемого двойного родительного (“a friend of Tom’s”, “a friend of my brother’s”) первоначально имели партитивное значение. Которое иногда сохраняется и теперь: a friend of Tom’s, что соответствует: one of Tom’s friends. Но в современном языке сфера применения таких оборотов значительно расширилась и распространилось на такие случаи, в которых партитивное толкование совершенно исключается: that long nose of his. Выражения такого рода имеют стилистическое значение: противоречие между языковым выражением и его первоначальным партитивным смыслом создает комический эффект.

Особую стилистическую окраску имеют также обороты «генитивус дефинитивус», типа: “The city of London”, “The town of Manchester”, “The isle of Wight” и бранные выражения: “a devil of a man”, “a minster of a dog”.

Семантическая дифференциация сочетания предлога «of» с общим и притяжательным падежом иногда тоже имеет место, например:

портрет моего отца (изображение отца) — a picture of my father;

имущество — a picture of my fatheis.

Предлог «of» — безусловно грамматикализованный. Менее грамматикализован предлог «to», передающий отношения, в OE передававшиеся дательным падежом (впрочем, дательный падеж в современном языке иногда передается, как известно, и без всякого предлога). В OE этот предлог обозначал «к», «в», например: «он ушел в свой дом» — hē ēode tō his hūse.

Но иногда это пространственное значение оказывается ослабленным, так что этот предлог применяется, например в таких случаях как «он сказал ему» — hē cwæþ tōhim. В ME употребление tō, связанное с ослаблением его вещественного значения, приобретало гораздо более широкие размеры. Конкурируя с древним дательным падежом, предлог tō постепенно вытесняет его.

В NE это грамматическое употребление предлога «tō» идет параллельно употреблению беспредложных конструкций, при которых косвенное дополнение характеризуется лишь местом его в предложении, между глаголом и прямым дополнением. Так что всегда почти возможны два варианта, с предлогом «to» и без этого предлога:

I gave him a book — I gave a book to him;

We showed them our room— We showed our room to them;

He lent his friend three roubles — He lent three roubles to his friend.

Но при некоторых глаголах беспредложный оборот не допускается. Глаголы эти — латинского или французского происхождения и носят отпечаток

литературности. Сюда относятся глаголы: to announce, to deliver, to interpret. То, что в OE выражалось инструменталисом, который для существительных, как мы же говорили, совпадал с дательным, в NE выражается предлогами with и by.

Предлог wiβ в OE имел основное значение «против». Он часто встречается в таких сочетаниях как “feohtan wiβ βone here” (сражаться против того неприятельского войска). Только в ME этот предлог приобретает значение «с» (см. об этом в разделе морфологии). От понятия совместности произошло развитие значения до орудийности, поскольку предмет, неизменно присутствующий при совершении действия, часто и есть орудие. В раннем ME встречается оборот “speken with tonge”, “говорить языком”, где значение предлога «с» утрачено и предлог этот просто заменяет флективный творительный падеж... Эту функцию передачи значения орудийности этот предлог сохранил и теперь, наряду со многими другими функциями, не носящими грамматического характера.

Более сложно и менее выяснено развитие предлога «by». Его первоначальное значение в OE было «около», «вдоль; например, в выражении», “seglian be lande”, «плыть вдоль земли». Это значение сохранилось и в некоторых современных оборотах.

В ME из этого значения постепенно вырабатывается казуальное значение, и этот предлог часто означает «вследствие», «по причине». Здесь пространственное значение развилось в отвлеченное: рядом, вместе с, в соответствии с, вследствие... В ENE из этого значения получается значение действующего лица при пассиве, хотя еще во времена Шекспира в этой роли часто фигурировал предлог «of»: “This dreaded sight twice seen of us” (Гамлет). В современном языке производится строгое различение между действующим лицом (действующей силой) и чисто пассивным орудием действия. Например:

1. This man was killed by his enemies.
2. He was killed with a knife.

Так предлоги в английском вытеснили падежи. Мы не будем здесь говорить о том, как падежи вытеснялись фиксированием порядка слов: это и так ясно из того, что было сказано выше о развитии порядка слов в английском. В дополнение к этим соображениям по развитию семантики предлогов OE в сторону их грамматикализации, заимствованным нами из книги Б. А, Ильиша «Современный английский язык», мы приведем еще ряд соображений о значениях предлогов “with” и “by” в современном языке (см. статью Штеллинга «Предлоги английского языка в синтаксических группах с причастием 2», Труды военного института иностранных языков, № 1, 1952 г.).

Штеллинг подчеркивает, что предлоги with и by не утратили совершенно своего лексического значения и что И. И. Мещанинов был неправ, когда он утверждал, что предлоги — это один из падежных формантов имени, когда он отрицал лексическое значение в предлогах и говорил о наличии в английском языке предложного склонения.

На материале анализа синтаксических сочетаний предлогов with и by с причастием 2-м, Штеллинг показывает, что в этих сочетаниях *предлог with*

означает совместность и связь, нерасчлененность предметов, окаймленность и обрамленность: bound with[152], fringed with, boarded with, cased with, edged with, girdled about with, mounted with (silver).

Предлог by наоборот употребляется с выделенными в описании отдельными предметами, обозначая *отдельность, защищенность, укрытость, огороженность, окруженность, огражденность*: bound by[153], encircled by, fenced by, completed by, flanked by, boarded by, encompassed by, engirdled by, surmounted by, surrounded by.

Наличие префикса при причастии часто побуждает к употреблению предлога by: girdled with, engirdled by, compassed with, encompassed by. Предлог by употребляется, если внимание сосредоточено на одном предмете: Lily's room seemed almost entirely filled by her father who welcomed his danghter's friend. Предлог with употребляется если внимание сосредоточено на многих предметах: the studio was filled with people most of whom had a foreign look. Замена предлога with предлогом by придает выражению глагольность: crowned with; crowned by, pricked with, pricked by и т. д.

Во всех этих случаях предлоги by и with, заменял флективный творительный, сохраняют свое лексическое значение, что придает построенной с их помощью фразе специфику аналитизма, столь свойственную английскому языку — грамматикализация — и отсутствие грамматикализации, граниты — зыбкие, но значения как-то все равно предлагаются и достаточно адекватными средствами.

Приведенные нами в заключение этого раздела результаты углубленного семантического анализа значений предлогов by и with в комбинации с причастием прошедшего времени показывают, насколько сложно употребление предлогов в английском. Предлоги вытеснили падежные флексии, как будто достигнуто упрощение? И, действительно, оно достигнуто, но зато появились новые трудности, связанные с употреблением предлогов.

Эти трудности известны всем, изучающим или изучавшим английский язык. Учащиеся часто делают ошибки в употреблении предлогов, и их очень трудно поправлять, потому что правила здесь такие зыбкие, такие необобщенные...

Но несомненно все же то, что эти трудности — трудности, в основном, лексики, и их преодоление легче вести путем запоминания предложного употребления в каждом новом случае, точно также как запоминаются новые слова и их значения.

Такие же тонкие различия семантики предлогов with и by, какие даются в статье Штеллинга, может быть, они и правильны, но они настолько дробны, настолько часты, что их очень трудно запомнить для практического употребления. А ведь Штеллинг рассмотрел только маленький участок употребления этих двух английских предлогов. А сколько таких мелких закономерностей может быть найдено в других секторах их употребления, не говоря уже об особенностях употребления других предлогов в английском!

---

[152]От глагола bind, связывать.

[153]От глагола bound, ограничивать, защищать.

Поэтому, нам представляется, от таких глубинных экскурсов в тонкости английской грамматической системы практической пользы получается мало. Мы в нашей работе пошли по иному пути, по пути обобщения имеющихся фактов — чтобы на их фоне показать и доказать правильность нашего основного взгляда на структурный переход английского языка и связанные с этим переходом внутренние законы английского языка, которые, одновременно, являются основными особенностями английского анализа, английского аналитического строя. Этому будет посвящено заключение нашей работы. Но сперва нужно дать исторический очерк развития номинальных синтаксических конструкций в английском.

Развитие номинальных оборотов в английском языке

В разделе синтаксиса можно было бы рассматривать развитие словосочетаний, сложного предложения и, может быть, еще какие-либо вопросы, в свете перехода английского языка к аналитическому строю. Но мы не будем затрагивать эти разделы исторического синтаксиса, так как они мало что дают из материалов для доказательства справедливости нашего основного тезиса.

Мы закончим раздел исторического синтаксиса рассмотрением судьбы номинальных оборотов в английском, ибо на развитии этих оборотов, которые как бы в конденсированном виде передают содержание придаточных предложений, переход английского языка к аналитическому строю отразился особенно ярко.

Аналитичность этих оборотов в английском языке состоит в том, что образующие их неличные глагольные формы лишены флексий склонения, а отсюда их мобильность в английском поскольку флексии не мешают употребить в одном предложении несколько таких оборотов, притом в самых различных значениях. По сравнению с этим в русском языке инфинитивные обороты имеют гораздо более ограниченное применение, чем в английском, использование причастных оборотов затрудняется флективностью образующих их глагольных форм, и только деепричастные обороты лишены флексий, хотя и здесь фигурирует возвратная частица, усложняющая некоторые их формы (ср. «стоя», «возвратившись», «возвратив»), не говоря уже о полиморфичности их суффиксов. Причины таких различий ясны — разные пути развития двух языков — пути флективные и пути аналитические.

Теперь рассмотрим развитие номинальных оборотов в английском. Нашим источником будет служить книга В. Н. Ярцевой «Развитие сложно-подчиненного предложения в английском языке», где история этих оборотов прослеживается достаточно полно.

Как указывает В. Н. Ярцева[154], именные обороты были уже в OE, хотя там их было немного. Вообще же именные обороты свойственны индоевропейским языкам с древнейших времен.

[154]См. В. Н. Ярцева, цит. раб., с. 21.

У нас нет данных о готских и индоевропейских истоках этих оборотов, и поэтому мы начнем сразу с описания их развития в английском языке. Источником этих оборотов является отглагольное имя, стоявшее в косвенном падеже и использовавшееся в обстоятельственном значении. Из таких имен, которые в различных языках оформляются с помощью различных суффиксов, раньше всего в систему глагола вошло причастие, продолжая, вместе с тем, образовывать различные обороты, выражающие содержание придаточных предложений. Только герундиальные обороты появились позднее, вместе с появлением герунда (см. выше), но в OE их зародышем были обороты с отглагольным существительным.

Сперва мы рассмотрим историю развития инфинитивных оборотов в английском.

Инфинитивные обороты

Как указывает В. Н. Ярцева[155], в европейских языках в качестве инфинитивов используются старые абстрактные имена, оформленные различными суффиксами. Они примыкали к системе глагола, но сохранили именные черты. В германских языках были склоняемые формы инфинитива.

В древнеирландском инфинитивами служили отглагольные существительные, сохранившие управление родительным падежом и этимологически часто отличавшиеся от личных форм того глагола, в систему которого они входили. В OE инфинитив был оформлен формообразующим суффиксом an, а склоняемая его форма имела формообразующие суффиксы anne, enne. Близость древнеанглийского инфинитива к другим глагольным именам хорошо подтверждается тем фактом, что еще в ME сохранились пережиточные инфинитивы-причастия, например:

Я буду обвинять — I am to accusinge;

Он должен был умереть — He was to dyinge.

Кох возводит причастные образования на -ing тоже к инфинитиву. Но затем отглагольное имя на -inge, изредка употреблявшееся в качестве инфинитива, оказалось совершенно вытесненным из этой функцией формой на -enne, которая затем — после редукции окончания — стала единственной формой инфинитива в английском.

Какие обороты чаще всего образовывал инфинитив в OE? Целевые. Например:

1. Хотя они восстали, чтобы против меня бороться
   Beah hi arisan ongean me to feohtanne.
2. Пошли, чтобы носить оружие и военное снаряжение
   Gewitath forth beran wæpen and gewædu.
3. Продать свое оружие и имущество, чтобы удовлетворить требования своих друзей
   Felle his wæpn and his æhta his freondum to gehealdanne.

[155]См. В. Н. Ярцева, цит. раб., с. 13.

Каллауэй указывал на ряд полимеров со следственными инфинитивными оборотами:

1. Тогда было сердце дракона распалено битвы искать
   Tha wæs hringbogan heorte gefysed sæcce to seceanne.

Но, по мнению В. Н. Ярцевой, в большинстве примеров Каллауэя следственного значения в инфинитиве нет, и инфинитив там просто выступает в качестве дополнения при личной форме глагола. Только целевое значение отчетливо проступает у инфинитивных оборотов OE.

Особняком стоят примеры винительного с инфинитивом. Таких оборотов в OE немного:

1. Король тогда сказал, чтобы они готовились к путешествию
   Hie se cæere heht gearwian sylfe to siþe.
2. Я тогда увидел, что по дороге ехал человек
   Ic pa with geseah on weg feran.

В общем, можно сказать, что в OE инфинитив мог стоять в центре именного оборота, но из-за флективности грамматического строя OE такие обороты употребляются сравнительно редко. Большей частью эти обороты имеют целевое значение. Примеров винительного с инфинитивом очень мало.

В ME характерным является разнообразие инфинитивных конструкций. Среди номинальных конструкций, инфинитивные конструкции по разнообразию передаваемых ими значений стоят на первом месте. Сперва характерно было недифференцированное употребление инфинитива с частицей to и без нее в инфинитивных оборотах, но затем постепенно побеждает употребление инфинитива с частицей «to». Инфинитив имеет целевое и следственное значение. По свидетельству Ейнэнкеля, из целевого значения постепенно развивается уступительное значение. Возникают причинные инфинитивы.

Для обозначения цели применяется частица «for», поскольку прежняя целевая частица «to» утратила целевое значение. Став просто показателем инфинитива. Но целевой инфинитив с «for» не вытеснил окончательно инфинитива без этой частицы, и в позднем ME инфинитивы с частицей «for» уже не обязательно целевые, то есть первоначальное целевое значение этой частицы стирается. С этой частицей могут встречаться причинные обороты, а то и просто инфинитив в составном сказуемом: “was wont for to dwelle”. А целевые обороты употребляются с частицей «to».

Продолжается употребление инфинитива с аккузативом. Встречаются обороты номинатив с аккузативом, а также независимое употребление инфинитива, близкое по форме к абсолютному причастному обороту (см. ниже), которое Кельнер назвал абсолютным инфинитивом. Но в XVII в. такие абсолютные конструкции исчезают в связи с тем, что инфинитивные обороты в значительной мере сдают свои позиции под напором герундиальных оборотов. Однако, обстоятельственные инфинитивные обороты сохраняются в этот период и в дальнейшем.

Для ENE характерно еще более частое употребление инфинитивных оборотов, чем в ME. Инфинитивные обороты ENE имеют целевое, причинное,

условное, уступительное значение. Оборот винительный с инфинитивом встречается столь же часто, как и теперь, причем с такими глаголами, с которыми он теперь не употребляется:

I'll have them fly to India for gold ransack the ocean for orient pearl.

В NE идет размежевание функций придаточных предложений, с одной стороны и именных оборотов, в том числе инфинитивных, с другой. Также идет номинализующая тенденция, в связи с развитием от синтеза к анализу. Получившие полное развитие в ME инфинитивные обороты в дальнейшем несколько вытесняются герундиальными оборотами, сперва имевшими такое же управление, как и у существительного. Это вызвано общей тенденцией к номинализации, свойственной английскому языку как языку аналитическому, поскольку инфинитив, несомненно, более глаголен, чем герунд. В самое последнее время гуренд употребляется там, где прежде всегда употреблялся инфинитив. Например:

I will not shame myrelf to give you this вместо I will not shame myself giving you this.

Это — недавнее явление, и трудно установить когда какой оборот нужен. Заметно лишь некоторое стремление к дифференциации видов, поскольку инфинитивные обороты чаще употребляются для выражения однократного действия, а герундиальные для выражения длительного состояния. Но этот принцип только еще намечается, и может быть много отклонений от него в сторону. Это — одно из доказательств того, как тщетны попытки регламентировать вид в английском языке, из-за его морфологической не выраженности как в личных, так и в неличных глагольных формах.

Вообще, развитие инфинитивных конструкций в английском несомненно было облегчено аналитическим характером этого языка. Инфинитив там уже в ME утратил склонение, и формообразующий суффикс тоже там был утрачен (в ENE), так что обороты с инфинитивом имели совершенно аналитическую форму, будучи свободными от флексий в образующей их неличной форме глагола. Но еще более наглядна эта свобода от флексий — в развитии причастных конструкций, поскольку при сравнении с русскими причастными конструкциями видно качественное отличие между флективными русскими и нефлективными английскими причастными конструкциями. Тогда как инфинитивные конструкции в русском просто не получили надлежащего развития. Да это и не требовалось русской флективной системой.

Причастные обороты

Причастие настоящего времени в OE оканчивалось на ande, ende. В раннем ME, как мы уже говорили в разделе морфологии, оно приобретает формообразующий суффикс inge и тем самым совпадает по форме с отглагольными существительным, из которого как раз тогда стал выделяться герунд. Как указывает Б. А. Ильиш в «Истории английского языка», исходной точкой для возникновения причастия с этим новым окончанием могло быть употребление отглагольного существительного с предлогом in или on, который

мог редуцироваться: he lay on deyinge, he lay a deyinge, а затем редуцированная форма предлога могла исчезнуть, а форма “deyinge” могла быть принята за причастие со значением «умирающий».

Следует отметить также, что обороты с отглагольными существительными[156] и обороты с причастиями часто употреблялись в сходных синтаксических функциях, и, как указывает В. Н. Ярцева, это также могло способствовать такому смешению их окончаний (формообразующих суффиксов). Даже если причастие употреблялось в аттрибутивной функции, по смыслу оно часто приближалось к обстоятельству, причем иногда возникала двусмысленность в понимании: Так, фразу “Ealo drinkende other sædon” можно понять двояко:

1) Пиво пьющие, другие сказали;
2) Попивая пиво, другие сказали.

Как бы там ни было, но факт тот, что у герунда, у отглагольного имени и у причастия настоящего времени оказался один и тот же формообразующий суффикс ing, и это сделало все эти обороты в высшей степени аналитичными и подверженными той балансировке, необходимой для правильного понимания данных форм, о которой нам так часто приходится говорить в связи с рассмотрением особенностей английского аналитического строя.

Причастие настоящего времени могло также выступать в роли обстоятельств, параллельно отглагольному существительному в косвенном падеже и в его значении. Например:

1. Не идя пешком, не ехавши
   He goinde he ridinge.
2. Чтобы поднять во мне дух мой
   On aspringende on me gast min.

Любопытно, что в ОЕ зависимые причастные обороты, из-за флективного строя древнеанглийского языка, встречаются крайне редко, но в более поздних текстах все же есть примеры:

Еще живя в этом мире, спаситель вдохнул дух свой в апостолов
Tha yet wuniende on thissere weorlde the helende ableu his gast on his aposteus.

Но зато более значительное распространение в ОЕ имеют независимые причастные обороты. Каллауэй пишет, что это происходит тогда, когда к существительному, не являющемуся подлежащим, прибавляется причастие, в качестве логического сказуемого предложения, выраженное личной формой глагола и выражающий какое-либо сопроводительное обстоятельство.

Абсолютные причастные обороты имеются и в других и. е. языках, причем всюду используются различные падежи причастия: в греческом — абсолютный родительный, в латинском абсолютный аблатив (творительный); во французском — абсолютный винительный. Германские языки, в их числе и ОЕ, выбрали для этой уели абсолютный дательный. Примеры:

1. Когда я стоял (при мне стоящей), он это сделал
   Me ats tandendum he βis eal dyde.

[156] Мы о них скажем в связи с историей герундальных оборотов.

2. Если он при сияющем солнце это сделает
   Gif he sunnan scinendre βat deβ.
3. Если Бог поможет, он сможет увидеть
   Gode fultomiendum he meahte geseon.
4. После того, как Спаситель вышел из дома, он сел у моря
   Bam Hælende utgangendum, he sæt wβ βa sæ.
5. Когда они все 12 сидели и ели, он сказал
   Him twelftum sittendum and etendum sæde se.

Примеры такого употребления можно привести и в случае с причастиями прошедшего времени:

К нему пришел некий человек и, преклоняя перед ним колена, сказал
Him to genealæhte sum mann gebigedum cneowum toforan him and cwæβ.

Характерно то, что иногда отсутствует согласование между причастием и подлежащим причастного оборота, так называемая "crude form of the participle" Например:

И они испугались, когда вошли в это облако
And hi ondredon him gangende on βæt geniβ.

Отсутствие согласования — шаг вперед к отказу от флективной системы в области причастных оборотов. Смешению флексий способствовало также то, что в ряде случаев в ОЕ абсолютная причастная конструкция выражалась через инструменталис, например: «Тогда пришло то время, когда его наметила высшая сила» — "Ba com seo tid py uplican dome stihtigende", причем содержание оборота от этого не меняется. Употребление различных падежей в абсолютной конструкции не меняет дела. Важно то, что согласованное с существительным или местоимением причастие настоящего или прошедшего времени в косвенном падеже начинает выражать обстоятельства, сопутствующие тому действию, которое выражено глаголом предложения.

Кельнер указывал, что такая конструкция абсолютна, так как она оторвана от всех остальных членов предложения, но что первоначально причастие не было таким независимым абсолютом. Просто это был очень свободно употребляемый косвенный падеж причастия, сперва он имел орудийное значение, а затем развиваясь в сторону абстракции, он приобрел значение времени и причины. В. Н. Ярцева с такой трактовкой этого вопроса согласна. Тут очень наглядно видны пути развития — от флективной формы причастия истоков древнеанглийского, через древнеанглийский, к нефлективным причастным оборотам новоанглийского...

В ОЕ большинство абсолютных причастных конструкций имеют временное значение, часто — модальное, реже — причинное и условное, и почти никогда они не употребляются в уступительном значении.

Особая группа причастных конструкций ОЕ вводится предлогами bi, be. Каллауэй не считает эту конструкцию абсолютной, поскольку она зависит от названного предлога, он выделяет такие конструкции под названием аттрибутивных причастных конструкций, описывающих состояние. Но В. Н. Ярцева не видит отличия этой конструкции от остальных абсолютных причастных конструкций,

считая ее развитием абсолютной причастной конструкции OE с инструменталисом. Дело в том, что во всех случаях употребления этой предложной абсолютной причастной конструкции, она вполне удовлетворяет общему требованию, передъявляемому к абсолютным конструкциям: выражать действие, сопутствующее тому действию, которое выражено глаголом в данном предложении.

Примеры таких предложных конструкций:

1. Был он, пока брат его жил, изгнанником в Галлии
   Wæs he be βæm breðer lifigendum wræcca in gallia.
2. Если муж умрет, когда жена и дети еще живут
   Gif ceorl acwyle be lifendum wife and bearne.
3. Что ты не допустишь, пока ты живешь, чтобы слава исчезла
   Bæt βu ne alæte be βe lifigendum dom gedreosan.

В готском языке в аналогичных случаях фигурирует конструкция с предлогом «at», в ОНД — конструкция с предлогом bi.

Но как объясняет В. Н. Ярцева развитие этих конструкций из абсолютных причастных конструкций OE с инструменталисом?

Как известно, в дательном падеже слились два падежа: инструменталис и локатив. Но предлоги, возникшие еще до этого слияния, уточняли значения, причем предлог bi, be как раз был предлогом инструменталиса, позднее разделившим с предлогом wiβ свою функцию выражения падежных отношений инструменталиса (или творительного падежа, см. выше). Любопытно, что впоследствии предлог «with» тоже употребляется, наряду с «by», в подобных абсолютных причастных конструкциях. Например в ME, с абсолютным причастием прошедшего времени:

Все пленники должны следовать за колесницей с руками, связанными за спиной

Alle the prisoners schulde folwe the chare with hire hondes i-bounde byhinde her bakkes.

Так что предлоги только уточняли падежное значение у причастной абсолютной конструкции, поскольку это требовалось флективным грамматическим строем.

Абсолютных причастных конструкций в OE было все же немного, потому многие авторы (Каллауэй и др.) говорили о заимствованном характере этих конструкций. В. Н. Ярцева с этим несогласна. В качестве доказательства она приводит тот факт, что в переводных произведениях абсолютные аблативы латыни очень редко переводятся этим оборотом, а гораздо чаще — просто придаточным предложением. Например, в «Орозии» Альфред перевел 318 абсолютных аблативов латыни, и из них только пять — абсолютными конструкциями. Но, на наш взгляд, этот довод довольно неубедителен. Ведь этот факт только как будто подтверждает слишком смелую точку зрения Каллауэя о том, что эта конструкция была совершенно чужда английскому языку, раз при переводе ее приходилось менять. Конструкции эти действительно были преждевременны для OE с его флективным строем, ибо, как пишет В. Н. Ярцева, «англо-саксонский, как язык флективного типа, шел скорее по пути

развития придаточных предложений с личными формами глагола, чем по пути именных оборотов, и абсолютная конструкция не могла получить в нем большого распространения[157].

Противники этого взгляда (В, Н. Жигадло и др.) говорят, что латынь тоже была флективным языком, но эти обороты там все-таки были распространены. На это им можно очень остроумно ответить. Общеизвестным является тот факт, что вульгарная латынь уже была аналитической. Классическая латынь — мертвый язык, и мы не знаем куда бы ее привело развитие, если бы Рим не пал... Быть может, относительный прогресс латинского языка тоже должен был идти по путям анализа!? Может быть в эту сторону влекли латынь внутренние законы этого языка? А именные конструкции были одним из элементов анализа, которые, если бы этому было суждено осуществиться, добавились бы к отпаданию флексий, выравниванию порядка слов и другим чертам аналитических языков? В всяком случае, тот факт, что вульгарная латынь была аналитической является весьма серьезным доводом в нашу пользу. В русском языке абсолютных конструкций нет, а что касается причастных оборотов, то сравнение с английским языком показывает, насколько менее широка сфера их распространения.

Поэтому мы вполне согласны с В. Н. Ярцевой, когда она говорит о номинализующей тенденции в новоанглийском, проявляющейся в связи с развитием английского языка от флексии к анализу и выражающейся, в частности, в распространении причастных, инфинитивных и герундиальных оборотов. Предпосылки к такому развитию были, безусловно, уже в ОЕ, и в свете этой теории абсолютные конструкции ОЕ вполне можно признать за зародыш нового аналитического синтаксиса в рамках старого флективного строя. Правда, в дальнейшем абсолютная конструкция только несколько окрепла, но не нашла себе широкого распространения в английском языке из-за широкого распространения герундиальных оборотов, как более гибких и лучше приспособленных для передачи самых разнообразных связей, благодаря наличию при них предлогов. Но это не снимает того вывода, что в ОЕ абсолютные конструкции, пусть представленные в незначительных количествах, были чертой нового стоя в рамках старого строя.

Такой довод, чисто грамматический, гораздо более убедителен, чем ссылка на то, что в переводах латинские абсолютные аблативы переводились не причастными абсолютными конструкциями, а иначе; ибо последнее вовсе не есть доказательство непереводного характера и самобытности этих конструкций для ОЕ. Тем более, что и техника перевода в ОЕ была — это тоже нужно отметить — совсем другая, чем теперь. Вряд ли Альфред и его помощники буквально переводили латинские тексты, копируя возможно точнее латинские конструкции (в рамках дозволенного отечественной грамматикой). Им важно было передать содержание, чтобы оно было понятно незнающим латынь. А если бы они нагромоздили в свой перевод абсолютные конструкции, в то

[157]См. В. Н. Ярцева, цит. раб., с. 21.

время мало распространенные в английском, да и никогда не получившие там широкого распространения — то вряд ли эти переводы были бы созвучны их древним читателям. Поэтому вполне понятно, что темпоральные абсолютные аблативы латыни Альфред переводил придаточными предложениями с временным союзом «that», который мог передавать также причинные и уступительные связи. И столь же неудивительно, что, избегая необычные для английского языка абсолютные конструкции, Альфред передавал их сочинением, превращая причастие в личную форму глагола и добавлял союз «and». Иногда ему удавалось передать абсолютный аблатив латыни простым предложным оборотом, например:

лат. regnante rege
OE in this cyninges rice «в царство этого короля»

Последнее очень показательно. Действительно, раз такой перевод был возможен в OE, значит, его носителям номинальный характер латинского аблатива не был чужд, а, наоборот, был понятен, и, следовательно, их собственные аналогичные конструкции можно считать самобытными.

Но более надежным доказательством непереводного характера этих оборотов является наличие их в непереводных произведениях, таких как проповеди Эльфрика и «Англо-саксонская хроника». Однако, немногочисленность их в этих оригинальных произведениях (где их было еще меньше, чем в переводах с латыни) показывает все же, что эти конструкции не были еще свойственны английскому языку в то время. Хотя и были вполне оригинальны. Помимо их структурной несозвучности флективному строю OE, причиной их малой распространенности в английском языке того периода может быть названа неразвитость письменной речи той эпохи, что, как известно, весьма тормозит развитие сложного предложения. Равно как и оборотов, выражающих содержание придаточных предложений. Не развитость письменной речи, конечно, была относительной, сравнительно с латынью и современным состоянием английского языка.

Соглашаясь с В. Н. Ярцевой, которая отрицает переводный характер этих конструкций, мы все же с удовлетворением отмечаем, что В. Н. Ярцева делает при этом следующую оговорку: «Влияние латыни могло все же сыграть свою роль в отношении уточнения, распространения и развития абсолютной причастной конструкции в OE, походившей на оборот, широко применявшийся в латыни»[158]. Действительно латинский язык, на котором уже тогда существовала огромная литература, мог помочь в распространении этой конструкции, хотя, само собой разумеется, она могла бы возникнуть и распространиться и без латинского влияния, если бы такового не было. Но влияние это было, и очень сильное, наложившее глубокий отпечаток на лексику и, в некоторых моментах, также и на грамматический строй. Принцип непроницаемости грамматического строя может служить наилучшим доказательством непереводного характера этой конструкции, но как мы уже видели в связи с рассмотрением распада флективной системы OE, иностранные влияния могу оказывать свое

[158]См. В. Н. Ярцева, цит. раб., с. 21.

воздействие в сторону усиления той или иной имманентной данному языку грамматической тенденции. Так что нет причин не признать такого воздействия и в настоящем случае. Абсолютные конструкции в OE развивались по внутренним законам английского языка, как одно из начальных проявлений номинализующей тенденции аналитического строя, предпосылки становления которого были уже в OE. Но латинское влияние могло оказать поддержку этому развитию, и нет причин это отрицать.

Быть может мы слишком долго задержались на генезисе абсолютных причастных конструкций в OE, но вопрос этот важен с точки зрения развития английского анализа.

Рассмотрим теперь, как протекало развитие причастных конструкций в среднеанглийском.

Как и в OE, в ME еще мало зависимых оборотов с причастиями настоящего и прошедшего времени. Имеется ряд примеров таких оборотов с релятивным значением:

After this he sawe a bord or a table, i-spred with rich metys y-nowe ther upon.

В раннем ME оборотов с причастием почти нет, но позже они встречаются, главным образом, в прозе. Более употребительными они становятся с XV в. Так, «Полихроникон» Тревизы в раннем издании — без причастных оборотов, в позднем издании — с ними.

В начале были характерны причастные обороты с релятивным значением. Причастные обороты с обстоятельственным значением появляются лишь в позднем ME. В XIV и XV вв. они не выражают еще такого богатства значений. Как теперь. Чаще они выражают обстоятельства образа действия, изредка — обстоятельства времени. Хотя темпоральность чаще все же выражается абсолютной конструкцией:

“He wente toeard Cadamon, brenning, wastyng, lestroying ab the tounes as he went by the way”.

Но и абсолютные причастные обороты встречаются тоже главным образом в позднем ME:

“Sir Richard Beauchamp died at Rome he beynge that tyme lieutenant of the king in Normandie”.

Любопытно, что в абсолютных причастных конструкций дательный падеж OE повсюду оказывается замененным общим падежом со значением именительного, что, как мы уже говорили выше встречалось иногда в OE в виде «грубой формы» причастия. Но там это касалось только причастия, тогда как в ME, в процессе общего распада флексий, имя при причастии тоже потеряло все внешние признаки дательного падежа, так как для английского языка в ME характерной стала неизменная форма слова; причем для существительных процесс этот завершился раньше, чем для местоимений, которые в значительной мере до сих пор сохраняют различие косвенного и прямого падежа. Но любопытно, что в приведенном выше примере личное местоимение стоит в именительном, а не в косвенном падеже... Тем самым ясно, что абсолютные конструкции в ME сделали еще один шаг в сторону анализа...

Выдвигались разные причины смешения падежей в этих случаях. Сторонники латинского влияния говорили, что в номинативном абсолютном обороте ME мы имеем скрытый абсолютный дательный. В. Н. Ярцева согласна, что современный именительный абсолютный оборот — это переоформленный абсолютный дательный. Эти обороты возникли из употребления отглагольного имени в косвенном падеже в значении обстоятельства при глаголе, поэтому для OE, с его флексиями, характерен был дательный падеж, а для ME, с отпадением флексий, именительный (что проверялось только на местоимениях, поскольку у существительных был только общий падеж).

Что же касается латинского влияния, то, как указывает В. Н. Ярцева, его можно заметить лишь в переводах Виклифа, который латинские абсолютные аблативы передает абсолютной конструкцией с дательным:

“Him spekynge this thingis manye bileuden into him”.

Но, опять-таки, это заметно было только на личных местоимениях!

Рост употребления абсолютных причастных оборотов в позднем ME стоит в тесной связи с ростом употребления номинальных оборотов в позднем ME (конец XIV начало XV в.), в связи с осуществляющимся переходом английского языка от флективного строя в аналитическому. Примерно такое объяснение дает В. Н. Ярцева. К этому можно добавить тот факт, что в раннем ME был упадок письменности. Завоеватели разгромили старую англо-саксонскую монастырскую культуру, а новой культуры еще по сути дела не создали. Вессекское койнэ погибло, письменных памятников было мало, поэтому и до нашего времени из последних дошло лишь ничтожное количество, особенно из таких диалектальных районов, как Кент и Север. А причастные обороты (в том числе и абсолютные конструкции), как и придаточные предложения, как и другие номинальные обороты, передающие содержание придаточных предложений, бурно развиваются лишь в условиях прогрессирующего развития письменности, письменной культуры, литературы[159]...

Нам осталось еще проследить зарождение любопытнейшей конструкции английского языка, конструкции, которая характерна смешением двух форм — герунда (тогда уже выделившегося из отглагольного существительного) и причастия настоящего времени. Фаулер называет эту конструкцию “fused parttciple”, Свит — “half-gerund” ‘ом. Удобнее рассмотреть эту конструкцию здесь, так как в нашей лингвистике склонны, для современного языка, счи-

[159]В частности, В. В. Пассек («К проблеме связи явлений языка с историей общества», «Иностранные языки в школе», № 2, 1954 г, с. 17), видит причину неразвитости сложноподчиненного предложения OE в устной форме существования этого языка (par excellence), полемизируя с Есперсеном и некоторыми советскими англистами, считавшими причиной этого неразвитость мышления англо-саксов. С нашей точки зрения, одно не исключает другого, поскольку развитие мышления связанно с развитием письменности и культуры вообще, причем причина и следствие в этом соотношении легко меняются местами.

тать ее скорее своеобразной причастной формой, хотя ее можно расценивать также как субъектный герунд. Но субъектный герунд, как и всякое отглагольное существительное, должен был иметь перед собой существительное в родительном падеже (поскольку такой оборот означал притяжательность). И вызывало недоумение то, что в таких конструкциях существительное было в общем падеже. И, поскольку окончания причастия и герунда к этому времени совпали (см. выше), невольно возникал вопрос, уж не причастие ли это...

Есперсен считал, что конструкции с субъектным герундом появились только в XVII в. и что произошли они от обычного субъектного герунда с существительным (общим) падежом множественного числа (с s) и с именительным (общим) падежом единственного числа (без s), тогда как, по мнению Есперсена, субъектный герунд с существительным в общем падеже единственного числа — гораздо более позднее явление.

Поэтому В. Н. Ярцева вполне согласна с Гаафом, который говорил, что рассматриваемая конструкция не есть переосмысленный родительный падеж множественного числа существительного плюс герунд, а что в основе этого оборота лежит причастие. Ибо в таком случае нечего мучиться, пытаясь выяснить причину необычного падежного оформления существительного перед герундом, ибо это вовсе не герунд, а, генетически, это причастие, служащее определением к стоящему перед ним существительному, которое, естественно, будет в общем падеже. В. Н. Ярцева возражает только против мнения Гаафа, будто эти обороты возникли под французским влиянием. Ее доводы заключаются в том, что французский оборот ближе к абсолютному причастному обороту, который в ME так и остался изолированным и не мог дать очень распространенных впоследствии “fused participles”. Кроме того, распространение этих оборотов относится к концу XIV века и к XV веку, тогда как французское влияние должно было сказаться раньше[160].

По мнению В. Н. Ярцевой[161], в основе этих оборотов лежит *переосмысление атрибутивной функции причастия в предикативную*, в определенном синтаксическом окружении, на базе смешения герунда и причастия.

Уже в OE часто встречается винительный падеж местоимения или существительного плюс причастие настоящего времени. С совпадением форм герунда и причастия настоящего времени происходила двусмысленность в тех случаях, когда дополнение к глаголу было во множественном числе винительного падежа и имело при себе причастный атрибут, ведь тогда оно могло восприниматься как родительный падеж множественного числа существительного плюс герунд, ибо в XIV в. апострофа в таких случаях не ставилось (да и на слух апостроф все равно не воспринимается). Сперва такая возможность двусмысленности была свойственна лишь прямому дополнению к глаголу, поскольку в OE и раннем ME причастие с предлогом не употреблялось, так что оборот с предлогом воспринимался бы как имеющий в своей основе отглагольное имя, которое только

[160]См. В. Н. Ярцева, цит. раб., с. 82.
[161]См. В. Н. Ярцева, цит. раб., с. 83.

и могло употребляться с предлогом. Но потом и этот критерий различия отпал, ибо предлог мог объединяться с существительным, и тогда форма на -ing могла выступать как причастие, даже при наличии предлога. Но если относить предлог к форме на -ing, то тогда эта форма воспринимается как герунд...

Гааф в таких смежных случаях считает, что предлог относится ко всему обороту, но В. Н. Ярцева считает более естественным относить его к одному лишь существительному, считая форму на -ing причастием, хотя она допускает также возможность двойного толкования. Вот пример на этот смежный случай:

“apone this monostorye turning away thayre ffface fro him”

а) на монастырь, отвернувший лицо;

б) после того, как монастырь отвернул лицо.

Постепенно такое положение стабилизируется, и эта двусмысленность не вызывает никаких тенденций к своему устранению. Оно и понятно, ведь такая двусмысленность форм так характерна для английского аналитического строя, с его омоморфичными формами, с типичной для него необходимостью, чтобы понять форму, сперва про балансировать ее в уме... Рассматриваемый случай — совершенно крайний, когда даже такая балансировка не приводит к определенному решению, за исключение того вывода, что оба понимания возможны... Такая компромиссность, видимо, свойственна английской грамматике, во всяком случае в этом ее моменте. “Having things both ways”, если сказать об этом английской пословицей...

Стабилизации такой двусмысленности рассматриваемой конструкции помогли те случаи, когда местоимение в родительном (притяжательном) падеже могло рассматриваться как форма винительного (объективного) падежа. Такое местоимение — her: 1.“Of her coming the peopill were full fayn”. Ну, и кроме того, то, о чем говорил Есперсен; случаи, когда винительный (объективный) падеж множественного числа существительного ничем не отличался от родительного падежа множественного числа, сперва вообще, а потом, с введением апострофа, только в устной речи:

“And that was showet apertly by temples and images falling down in Rome”.

Таким образом, можно прийти к выводу, что оборот общий падеж существительного плюс герунд возник из оборота винительный падеж плюс причастие, когда причастие по форме слилось с герундом.

(И. П. Иванова дает несколько иное объяснение этих смежных форм. Но мы об этом скажем в связи историей герундиальных оборотов, так как ее объяснение дается с точки зрения развития герунда).

Потому такие примеры и не встречаются ранее XIV в., ибо до XIV в. отглагольное существительное и причастие настоящего времени имели разные окончания (формообразующие суффиксы). Только смешение этих окончаний дало возможность произойти переосмыслению атрибутивной функции причастия в предикативную, что сблизило эту форму с герундом. Так она теперь и воспринимается, особенно если субъектом этой конструкции служит личное местоимение или если при ней есть предлог. Тем более, что к этому времени (XIV в.) начинают возникать герундальные обороты, самые разнообразные

по значению, так что герунду было очень легко выступить в предикативной функции и, тем самым, сомкнуться с причастием в этой узкой сфере употребления рассматриваемых неличных глагольных форм.

Окончательное оформление рассматриваемых оборотов “fused participle” произошло лишь в XVI в., то есть уже за пределами ME. Тогда же окончательно оформился оборот притяжательный падеж существительного плюс герунд.

Как шло развитие причастных оборотов в ENE и в дальнейшем?

В ENE оборот “fused participle” ограничивался еще разговорной речью и в литературу еще не проникает, вот пример: “Those lords keeping thus out of town puts us both out of our way”.

Но количество причастных оборотов ENE резко возрастает. У Путенгэма, Эшэма, Лили встречаются весьма путанные причастные конструкции. Если раньше причастные обороты больше всего заменяли релятивные придаточные предложения, то в ENE они чаще служат заменой обстоятельственных придаточных (причинных, временных и др.). Единственный причастный оборот, не расширивший сферу своего применения в ENE, по сравнению с ME, это — абсолютные причастные конструкции, которые мало употребляются по сравнению с герундиальными и зависимыми причастными конструкциями. Герундиальный оборот был более точным, благодаря наличию при нем предлога, он точнее передавал отношение оборота к предложению. Предлог for, например, имел причинное значение, предлог in — временное, когда эти предлоги сочетались с герундом, образуя герундиальные конструкции. Что же касается абсолютного причастного оборота, то его содержание и отношение к предложению может быть определено лишь из общего смыслового контекста, а это — очень неопределенно. Абсолютные конструкции вытесняются как раз одновременно с дифференциацией предлогов, сочетающихся с герундом, причем чаще всего за абсолютными конструкциями сохраняется лишь сфера передачи временных отношений. Следует отметить, что в ENE в этих конструкциях употребляется только именительный падеж, и лишь у Мильтона есть дательный, как подражание латыни (да и подражать латыни он мог только если во фразе было местоимение, поскольку к ENE дательный падеж из парадигмы существительных давно исчез!). Так что стадия абсолютных номинальных оборотов в косвенных падежах для ENE уже пройденный этап. Так рассматривает историю причастных оборотов в ENE В. Н. Ярцева.

К этому мы можем добавить, что абсолютные причастные конструкции для современного английского — тоже в значительно мере уже пройденный этап. Они оказались в значительной степени вытесненными более точными герундиальными оборотами, и, кроме того, поддерживавшее их распространение в древнеанглийском латинское влияние, все же признаваемое В. Н. Ярцевой, хотя и с оговорками, ныне уже не существует.

Развитие причастных оборотов в английском языке в современный период определяется дальнейшей номинализацией английского языка как языка, прогресс которого осуществляется по путям анализа. В результате этих про-

цессов номинализации употребление придаточных предложений значительно сокращается (по сравнению с OE и другими флективными языками), поскольку содержание придаточных предложений очень часто передается именными оборотами, а в числе них — и причастными. Значение этих оборотов может быть самое разнообразное, и при этом происходит известное размежевание между ними и придаточными предложениями.

На этом мы заканчиваем нашу характеристику истории развития причастных оборотов в английском языке. Из приведенного материала видно, как это развитие проходило, путями анализа и как в этой отрасли синтаксиса шли процессы номинализации, свойственные английскому анализу.

Герундиальные обороты

Мы выше неоднократно говорили о герунде, развившемся из отглагольного существительного, которое некоторыми авторами возводится к инфинитиву, поскольку еще в ME были характерны инфинитивы с окончанием, типичным для отглагольного существительного (см. выше). Развитие герунда в английском языке — это постепенная его вербализация, начиная с самого его выхода из отглагольного существительного в ME, но особенно усилившаяся начиная с ENE, как правильно отмечает И. П. Иванова в своей статье «Значение герунда в ранненовоанглийском» («Ученые записки ЛГУ», серия филологических наук, № 156, 1952 г.).

Мы начнем наш анализ герундиальных конструкций с истоков их развития, в OE, когда герундиальных конструкций еще не было, но зато были конструкции, образуемые отглагольными существительными.

Отглагольные существительные OE, оканчивавшиейся на ung, ing, употреблялись как косвенные дополнения, если судить по их форме, и как обстоятельства, если попытаться раскрыть их содержание. Разнообразный характер таких с виду косвенных дополнений обнаруживается в том, что при них употребляются самые разнообразные предлоги:

1. Я был на охоте
   Ic wæs on huntunge.
2. Когда он ехал во время охоты
   Ac he rode in huntunge.
3. Они были при грабеже (то есть, разбойничали)
   Thei weren at robbinge.
4. Весь северный край был в его держании
   Alle the North end was in kis keping.
5. Если ты угождаешь своему Господину постом и коленопреклонением
   Giff thu cwemesst thin drihhtin withth fasting and withth kneling (здесь инструменталис с предлогом, явно обстоятельственное значение).
6. Скажи ему, что я приветствую его добрым приветом
   Seie him that ich hine gret godere gretinge (здесь дательный в значении инструменталиса, обстоятельственное значение).

7. “Но рыцари и другие достойные люди, которые хоть немного знают латинский, заметят и пойму, ошибаюсь ли я в своем рассказе по забывчивости или по чему другому”
   But knyghtes and othere noble and worhti men, that conne Latyn but litylle knowen and unirstanden yif I erre in devisynge for forgetynge or elles.

Все это зародыши герундиальных оборотов. Но оборотами в собственном смысле слова они станут только тогда, когда от выражаемого ими обстоятельства синтаксически и по смыслу будет зависеть группа слов или хотя бы одно слово. Например, когда такое отглагольное существительное станет управлять прямым дополнением. В OE, благодаря употреблению форм на inge, в качестве инфинитива, отглагольное существительное получило возможность управлять прямы дополнением, как это было свойственно древнеанглийскому инфинитиву. НО, конечно, естественным и обычным для него было управление родительным падежом, как и для всех существительных. В OE отлагательное существительное могло управлять также и другими косвенными падежами, так что отличительной черты современного герунда — управление только прямым дополнением — у него тогда не было.

Таким образом, одним из источников возможности управления винительным падежом у старого отглагольного существительного было его употребление в качестве инфинитива (что было свойственно также древнеирландскому, как мы говорили выше). Это первый фактор образования герундиальных оборотов.

Другим источником герундиальных оборотов были сложные слова, вторым элементом которых, бывало, отглагольное существительное, игравшее роль прямого дополнения по отношению к первому компоненту сложного слова. Например:

Он тогда ушел от того созерцания праха
He tha ... gewat from þære dustsceawunge.

Здесь мы имеем предлог и определение при сложном слове. Более сложный пример:

Почитание самого дорого креста
Bære deorestan dægweorhtunge rode.

Здесь родительный падеж “þære deorestan rode” («самого дорогого креста») относится только к слову «день», возглавляющему сложное слово, а не ко всему сложному слову. Поэтому понимание этой фразы затруднительно для современного мышления.

Распад сложных слов на их составные компоненты приводит к образованию герундиальных оборотов, причем, на первом месте стоит существительное, а за ним — герунд, в отличие от современного положения вещей, вызванного требованиями фиксированного порядка слов. Это второй фактор образования герундиальных оборотов. Рассмотрим третий фактор.

Уже в древнеанглийском отглагольное существительное, управлявшее родительным падежом, могло восприниматься как управляющее винительным падежом, в том случае, если флексии родительного и винительного падежа данного существительного совпадали. А такие случаи были часты,

ввиду кризисного характера системы склонения древнеанглийских существительных. Например, у существительного «ār», «жалость», женского рода сильного склонения, родительный падеж абсолютно ничем не отличался от винительного, и в приводимом нами ниже предложении это слово вполне можно было понять как прямое дополнение:

Епископы с народом без проявления какой-либо жалости были уничтожены
Biscopas mid folcum butonæningre āre sceawunge fornumence wæron.

Только флексия родительного падежа определения «какой-либо» (“ænigre”) разочаровывает нас в этом открытии, показывая, что падеж этот все такие родительный.

Но в дальнейшем, в ME, при общем разрушении флексий и при смешении падежных окончаний, подобные примеры, даже и имевшие раньше родительный падеж указанный флексией определения к дополнению отглагольного существительного или флексией самого дополнения, пришли к общему типу и стали восприниматься как винительный падеж плюс форма на -ing. Такому развитию способствовало, конечно, то, что применение родительного падежа существительных в исконных его значениях с переходом к современности значительно ограничилось.

На этом примере наглядно видно, как взаимодействуют между собой различные стороны языка, казалось бы, совсем между собой не связанные. А именно имеет место взаимодействие между распадом флективной системы существительных и прилагательных и между распространением герундиальных конструкций. Такое взаимодействие, само собой разумеется, оказывается возможным вместе со становлением герунда, то есть формы на -ing, имеющей глагольное управление дополнением. Иными словами, здесь мы имеем один из примеров проявления в английском языке общего внутреннего закона связи и взаимосвязи различных сторон языка.

Таким образом, еще одним фактором, способствовавшим приобретению отглагольным существительным способности управлять прямым дополнением, был *кризисный характер парадигм древнеанглийского склонения существительных*, у многих из которых родительный и винительный падежи совпадали. Это уже третий по счету фактор. (Первые два фактора — это использование древнеанглийского отглагольного существительного в качестве инфинитива и наличие отглагольного существительного в составе сложных слов).

Последним фактором, повлиявшим в том же направлении, было *схождение окончаний причастия настоящего времени и отглагольного существительного, случившееся в раннем ME*. Об этом смешении в связи с их употреблением в однородных синтаксических функциях (например, в качестве обстоятельств) мы уже говорили в связи с историей развития причастных оборотов (см. выше). В известной мере, это совпадение закрепило за отглагольным существительным возможность управлять винительным падежом в составе номинального оборота.

Заканчивая нашу характеристику истоков герундиальных оборотов в OE, следует сказать, что в OE были обороты с отглагольным существительным которые могли передавать содержание придаточных предложений,

но количество таких оборотов и сфера их применения — невелики. Отглагольное имя употреблялось в косвенном падеже, могло иметь грамматически связанные с собою слова, однако сам флективный тип OE не был созвучен распространению этих оборотов, как он не был созвучен распространению причастных оборотов (см. выше). Да и для их распространения. Как и для распространения других номинальных оборотов, нужна была более высокая письменная культура. Но предпосылки для создания новой грамматической категории — герунда, а. вместе с тем, для образования и распространения герундиальных оборотов, были заложены уже в OE. Это совершенно несомненно. Этому способствовали такие различные факторы, как употребление отглагольного существительного в качестве инфинитива и в составе сложных слов, как совпадение флексий родительного и винительного падежа в ряде древнеанглийских парадигм склонения, как, наконец, случившееся в раннем ME совпадение окончаний причастия и герунда.

Собственно герундиальные обороты возникли только в среднеанглийский период. По вопросу об источниках герунда различные авторы высказывали различные соображения. Так, Кельнер насчитывает четыре источника герунда:

1) старое английское отглагольное имя на ung;
2) причастие настоящего времени;
3) латинский герунд;
4) французское причастие на ant.

С этимологической точки зрения он возводит его, впрочем, только к двум первым источникам, и говорит о наслоении предлога in на старое причастие. Кох в качестве источника герунда берет древнеанглийское отлагательное имя и инфинитив. Эйненель возводит герунд к старому отглагольному существительному на ung, ing, и, помимо схождения с причастием настоящего времени, отмечает также частое употребление наречных образовании на unga, enga и указывает на влияние французских причастий (на ant).

Как отмечает В. Н. Ярцева, все эти авторы не вскрыли все же синтаксическую функцию отглагольного существительного, в ее отличии от синтаксической функции герунда. По ее мнению, основным моментом в образовании герунда и герундиальных конструкций в ME было **переосмысление первой части сложных древнеанглийских комплексов**, которая стала восприниматься как *дополнение ко второй отглагольной части*. Например, в следующей фразе:

Is there eny grett dyfferynge between theft and tythe gaderynge.

Дело в том, что в ME, как мы это видели, рассматривая процессы фиксирования порядка слов в английском языке (см. выше), дополнение могло стоять и перед глаголом. К сказанному ранее нужно еще добавить, что *дополнение могло стоять также и перед отглагольным существительным*, по образцу старых сложных слов OE, имевших в своем составе отглагольное существительное (см. выше). В приведенном примере мы имеем дело уже с **герундом**, так как он управляет винительным падежом (а не родительным, как это обычно было в случае с отглагольными существительными OE). И это уже **оборот**, так как при форме на -ing имеются зависимые от нее слова.

Иногда к такому обороту относится определение: yore almesguyng (ко всему обороту). Ко всей конструкции может также относиться предлог.

Что касается источников герунда, указываемых западными авторами (см. выше), то В. Н. Ярцева не согласна с Эйненкелем, отрицавшим германский характер герундиальных оборотов и указывавшим на влияние старо-французских оборотов типа: pas la paiz faisant. Она скорее разделяет точку зрения Гаафа, который считал, что оба эти оборота возникли самостоятельно, независимо друг от друга.

Выше мы перечислили ряд факторов, повлиявших на выделение герунда из отглагольного существительного с последующим образованием герундиальных оборотов. Из этих факторов, ведущих свое начало из древнеанглийского, в ME особое значение приобрел последний фактор, последний источник герунда образования и герундиальных конструкций. Мы имеем в виду кризисный характер древнеанглийского склонения имен. Среднеанглийские обороты типа remembrance makyng могли развиться из соответствующих древнеанглийских оборотов, если, как в этом примере, родительный падеж стоявшего перед герундом существительного не оканчивался на s, поскольку в таком случае, при отпадении флексий, этот родительный падеж мог быть принят за винительный. Но древнеанглийская конструкция: предлог плюс родительный падеж на s плюс отглагольное имя на ing не могла быть источником герунда, отличительной чертой которого с самого начала было управление прямым дополнением.

Гааф говорит о возможности наличия определения в дательном падеже при древнеанглийских сложных словах типа “godspelbodung”: “on bære godspelbodunge” “on unclære lustfullunge”. При подобных сочетаниях существительное постепенно отделялось от герунда и тем самым сложное слово распадалось. А когда падежные окончания стали редуцироваться, такие определения стали восприниматься как определяющие только дополнение, относящееся к герудну. Однако, до утраты флексий связь была настолько сильной, что определение иногда согласовывалось в роде с отглагольным существительным. Но уже в ME преобладают примеры, в которых определение относится к первой части оборота — к дополнению — и только к нему.

Таким образом, развитие среднеанглийского оборота, в котором дополнение стоит перед герундом, с одной стороны восходит к соответствующим древнеанглийским оборотам с отглагольным существительным, если родительный падеж стоявшего перед ним дополнения не оканчивается на s, и, с другой стороны — к сложному слову OE.

Сложное слово такого типа, с определением, сперва относившимся ко всему сложному слову, а затем только к его части, отделяющейся как прямое дополнение, — архаизм уже для OE, поскольку оно выражает отношение определения и определяемого простым сопоставлением, тогда как для древнеанглийского типичным было выражать такие отношения посредством родительного падежа определения плюс определяемое. Поэтому вполне естественно, что в тех случаях, когда второй элемент имел значение вербальности, этот тип сложного слова стал переосмысляться в отношение — дополнение

плюс определяемое слово. Процесс этот шел в тесной связи с дальнейшей вербализацией отлагательного существительного под влиянием его схождения с причастием в определенных синтаксических положениях. Той же вербализацией объясняется отрыв первой части от второй, равно как и тот факт, что определение стало относиться только к существительному, поскольку герунд стал настолько глагольной формой, что мог иметь при себе только наречие, но не определение. Все эти процессы тесно связаны также с распадом флективного строя в ME и с выдвижением предложных конструкций, поскольку одной из основных особенностей герунда (кроме управления прямым дополнением) было наличие при нем предлога. Выше мы уже говорили, что как раз в это время бурно начинают развиваться предложные конструкции, поскольку их назначением было в значительной мере заменить флективные падежи.

Наличие дополнения перед управляющим словом вполне отражало структуру языка того времени, с еще неустановившимся порядком слов. Со стабилизацией порядка слов такая конструкция, конечно, стала невозможной.

Дополнение к герунду в ME могло быть во множественном числе, чего не было в случае с отглагольными существительными OE. Источников этого явления В. Н. Ярцева указывает два:

1) Такое дополнение сперва могло быть независимым от герунда, и тогда в его множественном числе нет чего-либо особенного.

2) Родительный падеж множественного числа OE мог в ME переосмысляться в винительный.

Герундиальные обороты с дополнением называются оборотами с объектным герундом. Кроме того, могут быть еще обороты с субъектным герундом. Но их историю мы уже рассматривали в связи с историей причастных оборотов, поскольку субъектный герунд восходит к тем причастным формам, атрибутивная функция которых переосмыслилась в предикативную (см. выше). То есть, иными словами субъектный герунд — это то, что с другого конца Фаулер назвал “fused participle”...

Помимо конструкций с субъектным герундом, герундиальные обороты также развиваются по линии развития употребленных в обстоятельственном значении косвенных дополнений, выраженных отглагольными существительными. Например: “He couthe hunt at wilde deer and ride on haukyng the river”. Косвенное дополнение здесь застыло в обстоятельственном значении. Это обстоятельственное значение глагольного имени отчетливо выступало в тех случаях, когда, застыв как обстоятельство, оно само начинает воспринимать обстоятельственные слова (наречия): “For with her strogelynge wel and mightily the theef fel over board”. Когда к такому отглагольному имени примыкает наречие, его уже можно смело назвать герундом, ибо это показывает, что от старого отглагольного существительного отпочковалась новая грамматическая категория, с повышенной глагольностью, категория, качественно от него отличная. Тем более, что в таких случаях такая форма на -ing часто управляет прямым дополнением, как инфинитив, как глагол: “And yee schulle understande yit it lyke you. That at myn hom comynge I cam to Rome”.

Наличие многочисленных переходных конструкций свидетельствует о том, что герунд все же еще не окончательно отдифференцировался в ME от отглагольного существительного. При нем есть предлог, нет артикля (что в ME стало характерной чертой отглагольного существительного, как и всякого существительного, поскольку закрепление артикля за существительными относится как раз к ME). Но управление у него еще не обязательно — винительным падежом, возможно и родительным — как у отглагольного имени: “in lernyng of phylosophie”.

Да и при отглагольном существительном употребление артикля в то время вовсе не было обязательным. Отглагольное существительное могло тогда стоять без артикля и с предлогом. Тем самым смешиваясь с герундом:

“Also at Bedford, wer 3 men murthed without strok by falling down of a steir”.

Все это, однако, не дает повода отрицать появление герунда и герундиальных оборотов в ME. Ибо факты языка показывают, что отпочкование уже произошло: за формой на ing, в определенном ее употреблении, уже в ME закрепляются герундиальные черты, обнаруживаемые при анализе большинства примеров, относящихся к этому периоду.

Как развивались герундальные обороты в ENE и в дальнейшем? В ENE герундиальные обороты употребляются гораздо чаще, чем в ME. Почти совершенно исчезает тот тип герундиальных оборотов, где объект предваряет герунд: сочетание “pain taking” теперь воспринимается почти как сложное слово. Вытеснение таких герундиальных оборотов из языка — свидетельство еще одной победы фиксации порядка слов, а вместе с тем, еще один шаг вперед по путям совершенствования английского аналитического строя.

Но и в ENE герунд еще не совсем отдифференцировался от отглагольного существительного. Как и в позднем ME, они еще не совсем отделились друг от друга. Форма на ing в ENE то имеет артикль, как отглагольное имя, но управляет винительным падежом, как герунд: то, наоборот, управляет родительным падежом, как отглагольное имя, но, как герунд, лишено артикля. Типичный герунд с предлогом может еще управлять родительным падежом.

Однако, в громадном большинстве случаев в центре герундиальных оборотов ENE мы все же находим типичный герунд, имеющий при себе предлог и наречие, и управляющий винительным падежом (что, конечно, заметно только в том случае, если герунд управляет личным местоимением). Такой оборот играет роль развернутого придаточного предложения, выражая его значение.

Герундиальные обороты, наряду с причастными, в ENE выходят на первый план среди прочих номинальных конструкций, поскольку наличие предлогов при герундиальных оборотах, как мы уже не раз говорили, позволяет им наиболее точно передавать значение развернутых придаточных предложений: временные, причинные и прочие оттенки...

В дополнение к этим общим соображениям о судьбе герунда и герундиальных оборотов в ENE, — как они даются в нашем основном источнике, книге В. Н. Ярцевой «развитие сложно-подчиненного предложения в английском

языке», приведем еще ряд дополнительных сведений по статье И. П. Ивановой «Значение герунда в ранненовоанглийском» (Ученые записки ЛГУ, Серия филологических наук, № 156, вып. 15).

В этой статье, в частности, указывается, что передаваемое герундом действие должно иметь субъект, выраженный или подразумеваемый, причем в ENE, как и теперь, вовсе необязательно было, чтобы субъект герунда совпадал с подлежащим предложения[162], например:

ENE By pushing steadily, nine hundred people in a thowand will yield to you;

NE She does not like trifling with sertous things (either herself or when somebody does it).

Иногда отмечается минимальная соотнесенность с субъектом: «Hunting foxes is popular sport», но и здесь имеется соотнесенность с обобщенным деятелем.

Необходимость наличия особого субъекта герунда (в виде притяжательного местоимения или родительного падежа имени) — результат тяготения герунда к подлежащему предложения как к подразумеваемому деятелю; тяготение это связано с вербализацией герунда. При несовпадении субъекта действия герунда с подлежащим возникает необходимость противопоставить этот особый субъект герунда подлежащему предложения; одного подразумевания здесь уже мало...

В этой связи И. П. Иванова дает очень интересное объяснение причин возникновения так называемого «half-gerynd». И. П. Иванова согласна с объяснением, предложенным В. Н. Ярцевой (переосмысление атрибутивной функции причастия в предикативную) (смс. Выше) и с обычным объяснением, которое дается в грамматиках (употребление существительных, обозначающих неодушевленный предмет, в качестве субъекта герунда). Но основным и главным в распространении таких конструкций, усилившемся за последнее время, И. П. Иванова считает *вербализацию герунда*, то есть *понижение ради субъекта герунда при повышении удельного веса передаваемого герундом действия*. В конструкции нового типа: «Fancy him lying alone in a cold room» старая конструкция: притяжательное местоимение плюс герунд уже невозможна, ибо в этом предложении глагол означает состояние, и активность субъекта понижена[163].

И. П. Иванова отмечает, что в ME глагольность герунда была значительно менее ярко выражена, чем в ENE. Только способность управлять прямым дополнением была чисто глагольной чертой герунда того времени. Не было видового и залогового оформления, которое само развилось в результате развития в герунде глагольных свойств. Вследствие этого, оформление субъекта герунда происходило в такой период, когда развитие его глагольности находилось на самом раннем своем этапе. Отсюда и разница: «герунд» и «half-gerund». Старая конструкция, по мнению И. П. Ивановой, сохраняется благодаря устойчивости грамматического строя. *Конструкция «half-gerund» более глагольна, поскольку*

---

[162]См. И. П. Иванова, цит. раб., с. 315.

[163]См. И. П. Иванова, цит. раб., с. 327, 329.

внешне здесь нет отличия от субъекта при глаголе, если эта конструкция составлена из существительного плюс герунд. Что же касается соответствующей местоименной конструкции, то эта конструкция, по мнению И. П. Ивановой, возникла после именной, поскольку форма косвенного падежа здесь не совпадает с формой падежа подлежащего, и только в женском роде имеется совпадение форм родительного и объективного падежей, но все равно — это не падеж подлежащего. Такие конструкции встречаются реже именных и воспринимаются они как неделимое в смысловом отношении сочетание. Наличие нового членения создает возможность для личного местоимения в объектном падеже войти в данную конструкцию даже при расхождении форм подлежащего и дополнения. Такое новое членение И. П. Иванова связывает с предикативизацией причастия[164].

Старая герундиальная конструкция более акцентирует именные свойства герунда, новая — глагольные.

Семантически герунд уже в ENE часто противополагается отглагольному существительному. Ибо, благодаря своей соотнесенности с деятелем, герунд чаще всего выражает длительное состояние: «I then all smarting with my wounds bein cold». А отглагольное имя, благодаря своей оторванности от деятеля означает факт: «But the spoiling of horses did so distract him that he cannot say any thinge of Oxford or London».

Кэрм и Есперсен указывают, что пассивный герунд возникает с XVI в., но, по наблюдениям И. П. Ивановой, чаще он употребляется с XVII в. До этого вместо пассивной формы герунда чаще употребляется активная, что отчасти сохраняется и теперь: «My shoes want meading», «She deserves punishing». Подлежащее в таких случаях обозначает либо неодушевленный предмет, либо лицо, но не деятеля. Субъект пассивных форм (с XVII в.) как правило обозначает человека, ибо при наличии активной формы будет воспринимать такого человека как деятеля.

Возникновение перфектных и длительных форм герунда Кэрм и Есперсен относят к XVI в.; по наблюдениям И. П. Ивановой эти формы чаще употребляются начиная с XVII в., быть может, по аналогии с временами личных форм пассива и перфекта[165]. Эти формы составного герунда, впрочем, зарегистрированы у Шекспира и Спенсера. Причиной их возникновения, как уже указывалось, И. П. Иванова считает вербализацию герунда. Отглагольное имя не развивает таких сложных видовых и залоговых форм, ввиду своей именной природы.

В ENE возникают также стойкие комплексы герунда с послелогом.

Большое значение началу вербализации герунда И. П. Иванова придает тому факту, что самого начала своего выделения из отглагольного существительного герунд получил возможность управлять прямым дополнением[166].

---

[164]См. И. П. Иванова, цит. Раб., с. 330–332.
[165]См. И. П. Иванова, цит. раб., с. 326.
[166]См. И. П. Иванова, цит. раб., с. 333.

Мы вполне согласны со всеми этими взглядами И. П. Ивановой по вопросам развития герунда как основы герундиальных конструкций в английском языке. Действительно, в ME герунд был менее яркоглаголен, чем в ENE. Это вполне понятно: в ME он не успел еще как следует отпочковаться от отглагольного существительного, и, естественно, сохранял больше, чем в ENE, общих точек соприкосновения с ним. Хотя, как мы говорили выше, до конца он не отделился от отглагольного имени еще в ENE.

Безусловно, управление прямым дополнением сыграло большую роль в смысле наделения герунда глагольными чертами.

Но мы хотим подчеркнуть, что из всего этого нельзя сделать вывод, будто герунд клонится к тому, чтобы порвать с именем, что его скоро вообще нельзя будет рассматривать как одну из неличных глагольных форм, образующих номинальные конструкции. То, что «half-gerund» ни в коей мере не вытесняет обычный герунд и что герунд продолжает иметь при себе предлог и может определяться определением, опровергает такой взгляд. В статье И. П. Ивановой такого вывода не делается, но, вероятно, противники взгляда В. Н. Ярцевой об аналитическом характере номинальных конструкций в английском языке не преминут сделать подобные выводы, чтобы как-то подкрепить аргументами свою точку зрения о том, будто тенденции анализа в английском языке «перебиты»... Между тем, нет никаких признаков, которые бы из факта вербализации герунда, позволили сделать вывод о том, что герундиальные конструкции NE менее аналитичны, чем старые герундиальные конструкции ME и ENE. Английский язык продолжает свое развитие по путям анализа, и у нас нет никаких оснований утверждать, будто его грамматический строй претерпевает теперь кризис системы. Во всяком случае, развитие герундиальных конструкций в NE не позволяет нам сделать такой вывод.

Что касается развития вида герунда и герундиальных оборотов, то, помимо сказанного о перфектных и длительных формах герунда, мы этот вопрос здесь освещать не будем: уж больно туманно это деление английских глаголов на предельные и непредельные, равно как поиски в них совершенного и несовершенного вида. Ведь предельность—не предельность не выражены сколько-нибудь, четко морфологически!

Для NE характерно дальнейшее расширение сферы употребления герунда. Но вплоть до XVII в. сохраняются герундиальные обороты, имеющие управление, как и у существительного (с предлогом of). В ряде случаев, вплоть до XIX в., придаточные предложения употребляются там, где теперь они были бы очень неуклюжи и где, по современным грамматическим нормам, необходим герунд: “I cannot leave this house for a day but I fing everything in confuston”, вместо: “I cannot leave this house for a day without my finding every thing in confusion”.

О вторжении герунда в область инфинитивных оборотов мы уже говорили (см. выше). Инфинитив чаще употребляется для выражения однократного определенного действия: “He likes to smoke (выкурить) a cigarette and then to go for a walk”, герунд — для выражения длительного состояния: “He likes smoking

(курить) a cigarette by the fireside" (примеры из книги "English grammar", М. Таншиной и Н. Василевской)[167]. Но такой принцип дифференциации значений герунда и инфинитива еще только намечен.

Намечается также сфера разграничения в употреблении причастных и герундиальных оборотов. По наблюдениям В. Н. Ярцевой, причастные обороты чаще всего служат для выражения релятивного или временного значений, тогда как содержание остальных типов придаточных предложений чаще передается герундиальными оборотами.

Заключение

Как мы старались показать, рассматривая историю развития номинальных оборотов в английском языке, становление этих оборотов непосредственно связано с переходом английского языка от флективного строя к аналитическому. Достаточно сравнить распространенность этих оборотов в английском языке и наличие аналогичных оборотов во флективных языках (например, в русском), чтобы убедиться в том, что во флективных языка распространенность таких оборотов — гораздо меньше. Герунд в английских оборотах на русский язык приходится переводить инфинитивом, или приходится строить придаточное предложение с личной формой глагола, если только герунд не употреблен в значении обстоятельства, поскольку тогда в русском переводе возможен деепричастный оборот.

Следует, однако, отметить, что распространение номинальных оборотов в английском языке только несколько сузило, но не стеснило употребление придаточных предложений, которые продолжают оставаться жизненной грамматической категорией. Было бы интересно проследить сферу разграничения в употреблении придаточных предложений и номинальных оборотов, но у нас, к сожалению, по этому вопросу нет материалов.

Мы рассмотрели, с точки зрения перехода английского языка от флективного строя к аналитическому, такие важные области синтаксиса как становление фиксированного порядка слов, распада падежной системы и развитие номинальных оборотов. Все эти области синтаксиса, как мы видели, очень тесно связаны с рассматриваемым переходом. Можно было бы продолжить рассмотрение других разделов синтаксиса с той же точки зрения, но, как нам представляется, вряд ли это стоит делать.

Все черты современного английского синтаксиса так или иначе связаны своими корнями с перестройкой структуры английского языка с флективных путей на аналитические. Старые типы и грамматические категории используются в новом значении. Возникают новые формы, некоторые из них исчезают, поскольку годились лишь как временные[168]. Все это развитие — это движение

---

[167] М. Ганшина, Н. Василевская, "English grammar", 7-е изд., М., 1953 г., с. 229.

[168] Например, многообразие конструкции апокойну в МЕ. Это одна из проблем сложного предложения, которую в рамках нашей работы, мы не затрагивали, поскольку специально не рассматривали историю сложного предложения.

по путям анализа, по путям совершенствования аналитического грамматического строя английского языка, строя, который возник в результате кризиса древнеанглийской флективной системы.

Но среди этих черт есть, безусловно, наиболее яркие, наиболее ясно иллюстрирующие эту связь синтаксиса со сменой языковой структуры; их[169] мы и рассмотрели в процессе их становления.

Но этом мы заканчиваем рассмотрение исторического синтаксиса английского языка в связи с его структурным переходом и тем самым мы можем переходить к общим выводам по собранным в нашей работе фактам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Вопрос о переходе английского языка от флективного строя в аналитическому

Подводя итоги нашей работы, мы должны будем дать краткие выводы по основным затронутым нами вопросам. Прежде всего нужно дать ответ на вопрос о том, совершился ли переход английского языка от одного грамматического строя к другому. Мало кто из наших лингвистов в этом сомневается, хотя В. В, Пассек (см. выше) старается представить дело так, как будто никаких коренных изменений в грамматическом строе английского языка за период письменной его истории не произошло. Выше мы привели только его основной тезис по этому вопросу. Теперь, когда на материале исторической грамматики мы проследили развитие грамматического строя английского языка от древнейших времен до современности, в рамках доступных нам материалов, мы приведем те аргументы, которыми В. В. Пассек пытается

[169]Можно было бы еще рассмотреть историю словосочетаний в английском, но этот вопрос мы уже от части осветили в связи с разбором свободных назывных сочетаний (см. выше). Если мы рассматривали здесь историю развития сказуемого, можно было бы указать на такое любопытное проявление перехода английского языка к аналитическому строю, как «четкое выделение сказуемого в составе предложения при обязательном участии глагольного элемента..., между тем как основной состав сказуемого образуется именем», что поддерживается фиксированным порядком слов (см. об этом у В. Г. Адмони, «О некоторых закономерностях развития синтаксического строя», «Доклады и сообщения Института языкознания», М., 1953 г., вып. 5, с. 42). В. Г. Адмони видит в этом следствие аналитических тенденций в ряде романо-германских языков, тогда как в немецком языке «такое четкое выделение сказуемого совершается частично», причем, наподобие русского языка, там возможны особые неглагольные сказуемостные формы, в первую очередь — краткая форма прилагательного, морфологически сливающаяся с наречием. Но в нашу задачу не входило описание абсолютно всех процессов в английском языке, связанных с его структурным переходом. Вам важно было лишь наметить общие тенденции.

подкрепить свою точку зрения. Вот эти аргументы («Иностранные языки в школе», № 2, 1954 г., с. 14 и сл.): «В ходе истории английского языка произошел перенос центра тяжести из морфологии в синтаксис, появился целый ряд специфичных для новоанглийского языка аналитических форм, представляющих сочетание слов, выступающих функционально как формы; некоторые разные категории, выражавшиеся ранее одними и теми же средствами, стали выражаться разными средствами (число и падеж существительных). Однако перенос центра тяжести из морфологии в синтаксис имел место главным образом в системе имени, глагол же в целом сохранил прежнюю систему морфологических различий»... (но мы видели, что в области глагола распад синтетической системы и становление новой аналитической системы были, как раз, особенно заметными, см. выше)... «Аналитические формы не представляют господствующего явления в грамматическом строе английского языка, само их существование в современном английском языке обусловлено противопоставлением в парадигме того же слова или слов той же части речи с простыми морфологическими формами»... (здесь явно недоучитывается тот несомненный факт, что аналитический строй не сводится к одним только аналитическим формам; к чертам аналитического строя относятся также омоморфичность сохраняющихся в дальнейшем морфологических показателей, фиксированный порядок слов, применение конверсии и свободных назывных словосочетаний как средств словообразования и целый ряд других явлений, на которых мы еще раз вкратце остановимся, перечислив их все вместе). Кроме того, здесь недооценивается тот факт, что нулевая флексия (или простая морфологическая форма) в аналитическом английском языке качественно отлична от нулевой флексии во флективных языках, где отсутствие флексии является исключением, а не превалирует в большинстве случаев (см. выше). Кроме того, недоучитывается тот факт, что сохраняющиеся в дальнейшем морфологические показатели иногда (например, флексия притяжательного падежа) представляются собой явление, качественно отличное от обычных флексий во флективных языках (см. выше)... «Раздельное выражение грамматических категорий, прежде выражавшихся совместно, представляет в системе английского языка исключительное явление: форма (he) speaks, например, выражает единственное число, третье лицо, настоящее время, изъявительное наклонения, общий вид, действительный залог, то есть, как и в древнеанглийском, служит выражением *ряда* грамматических категорий». (Но во-первых, эта форма является рудиментом в аналитической системе английского, не несущей в себе ничего нового, кроме своей омоморфичности с флексиями множественного числа и притяжательного падежа существительных; и, во-вторых, раздельное выражение всех перечисленных выше значений было бы характерно английскому, если бы он стал агглютинативным языком где, как известно, отдельный формат служит для выражения какой-либо отдельной грамматической категории (ср., проф. А. С. Чикобава, цит. раб., с. 184: «В агглютинативных языках, как правило, каждое морфологическое значение выражено отдельным аффиксом и каждый аффикс имеет одно

назначение»); так что странно требовать от аналитического языка, чтобы он удовлетворял особенности агглютинативных языков). «Таким образом, говорить о коренном изменении грамматического строя английского языка было бы неправильно, основы грамматического строя английского языка в ходе его развития остались в основном те же»...

Этот вывод, конечно, совершенно неправильный. Ведь в английском языке произошла смена грамматического строя, ибо коренным образом изменился морфологический тип языка: был — флективный, стал — аналитическим. В скобках мы пункт за пунктом опровергли все доводы В. В. Пассека, а его общий вывод опровергается всей исторической грамматикой английского языка, положения которой, относящиеся к смене морфологического типа, мы привели в нашей монографии. Распад флективной системы древнеанглийского периода с переходом к ME и ENE, становление новых аналитических форм, установление фиксированного порядка слов, распространение конверсии, свободных назывных словосочетаний и аббревиатур как весьма продуктивных средств словообразования, сокращение количества вновь образуемых сложных слов, интенсивность фонетических изменений в период структурного перехода английского языка, гибель грамматического рода существительных, качественные преобразование единственной сохраняющейся в дальнейшем флексии притяжательного падежа существительных, гибель аблаута как способа образования глагольных форм прошедшего времени и причастия прошедшего времени (у сильных глаголов), изоляция глаголов, сильного спряжения и растворение их среди других неправильных глаголов, гибель перегласовки как продуктивного способа словообразования, унификация показателя множественного числа существительных, омоморфичное совпадение суффикса ly у прилагательных и наречий, распространение номинальных глагольных конструкций, передающих значение придаточных предложений, омоморфическое совпадение степеней сравнения прилагательных и наречий, ликвидация продуктивности перегласовки по умлауту у глаголов, прилагательных и наречий, распад флективных форм местоимений на изолированные группы (притяжательные, личные в именительном и объектном падежах), омоморфическое отпочкование относительных местоимений из флективных форм вопросительных местоимений, становление нескольких форм артиклей, преодоление старинных неправильных форм числительных, гибель склонения инфинитива и причастий, распространение омоморфической формы ed в глаголе, использование древних неправильных глаголов и претеритопрезентных глаголов как строительного материала при образовании новых аналитических глагольных форм залога, наклонения, времени, распространение сочетаний глаголов с послелогами, использование предложных сочетаний имени как замены флективных падежей, сохранение префиксации и суффиксации как несколько ограниченного способа словообразования, унаследованного от флективного строя, омоморфическое слияние герунда и причастия в конструкции “half-gerund” — все это явные следы структурного перехода английского языка. Некоторые из них перекрывают друг друга, некоторые — составляют

собой черты, общие для флективной и аналитической структур, но, в общем и целом, все эти особенности свидетельствуют об осуществившемся структурном переходе. Все эти черты являются особенностями английского аналитического строя.

Но какие особенности следует основным особенностями английского анализа? Вот, кратко, эти особенности:

1. Распад старой флективной системы (в области существительного, глагола, прилагательного, числительного и пр.).
2. Сохранение отдельных омоморфических показателей, частично имеющих новую качественную специфику, помимо своей омоморфичности.
3. Распространение аналитических глагольных форм и аналитических степеней сравнения прилагательных
4. Распространение конверсий, свободных назывных словосочетаний и аббревиатур как важнейших новых способов словообразования.
5. Сохранение суффиксации и префиксации, несколько ограниченных в своем употреблении и пополненных за счет иностранных аффиксов.
6. Распространение предложных сочетаний с именем, вытесняющих падежи.
7. Распространение глагольных конструкций с послелогами.
8. Установление фиксированного порядка слов.
9. Распространение номинальных глагольных конструкций.
10. Использование личных местоимений, как обязательных при личных формах глагола, в связи с распадом системы личного спряжения глагола.
11. Распад системы сильного глагольного спряжения и растворение этих глаголов в группе неправильных глаголов новоанглийского периода.

Таковы особенности английского анализа. Поскольку переход английского языка к аналитическому строю можно считать основным внутренним законом развития и совершенствования английского языка, все эти названные выше тенденции можно вполне назвать внутренними законами английского языка[170]. Ленинградские англисты склонны называть установление фиксированного порядка слов и распространение свободных назывных сочетаний новым синтезом. Можно, конечно, приклеить такой термин к этим явлением, но от этого они не перестанут быть следствиями и характерными чертами английского аналитического строя, а, следовательно, и английского анализа. Трудно было бы представить себе английский аналитический строй без фиксированного порядка слов. Что касается свободных сочетаний, то они, конечно, новое

[170]Кроме перечисленных внутренних законов, большое значение для английского языка имеет внутренний закон балансировки омоморфичных форм, которые мы подробно и с примерами из текстов рассмотрим ниже, в связи с диалектической стороной структурного перехода английского языка. Мы не касаемся здесь вопроса о связи частных внутренних законов английского языка с общими внутренними законами языков, поскольку это выходит за рамки нашей темы и может составить очень интересную специальную тему для исследования.

явление для английского языка, но, возникшие в своей свободной нефлективной форме как результат распада флективной системы прилагательных и существительных, они тоже — следствие и характерная черта английского аналитического строя.

Поскольку факты истории свидетельствуют о то, что переход английского языка к анализу был значительно облегчен и ускорен благодаря скандинавскому и нормандскому влияниям (см. выше), эти явления проявили себя как особая сила в истории английского языка. Отсюда в качестве одного из внутренних законов английского языка можно также принять особую роль иностранных заимствований, сказавшуюся в ускорении распада флексий и в обогащении префиксации и суффиксации иностранными аффиксами.

Наконец, последний вопрос. Почему до сих пор никто из наших англистов не осмелился открыто и прямо признать то, что выше нами было сделано как вывод из всей совокупности данных исторической грамматики? Безусловно, причина этому связь с их прошлыми марристскими ошибками. На дискуссии о внутренних законах английского языка, которую мы вызвали нашим докладом на эту тему в Ленинградском филиале АН СССР, проф. В. М. Жирмунский признал, что «марристы действительно испугались политической ошибочности мысли о прогрессивности анализа как высшего этапа развития языков», но что были многие, кто никогда не были марристами, но отрицали прогрессивность перехода английского языка от флективного строя к аналитическому, например, покойный проф. Смирницкий. Но для науки не важно, разделял тот или иной ученый марристские взгляды. Важно, что корень ошибки — марристский. И только этим можно объяснить то, что, как указал на той же дискуссии проф. Стеблин-Каменский, статьи о внутренних законах английского языка выдвигались в Москве еще до нашей статьи, но в печать их не пустили, на том будто бы основании, что они не содержат ничего нового. Ясно, что марристы, запутав наше языкознание, запутали и проблему структурного перехода языков от одного морфологического типа (грамматического строя) к другому. Но вопрос этот имеет принципиальное решение для нашего языкознания, его практическое значение трудно преуменьшить, и, раньше или позже, все материалы по этому вопросу будут опубликованы. Смешно думать, что внутренние законы такого языка как английский должны оставаться неназванными, неисследованными, историческая перспектива развития английского грамматического строя должна искажаться только потому, что некоторые наши филологи не хотят отказаться от своих старых ошибок, связанных с неправильным пересмотром неверной марристской теории на вопрос о структурном переходе английского языка, Ведь эти законы важны при преподавании английского языка. Смешно отрицать это в наше время, хотя В. Н. Жигадло на дискуссии и утверждала, что «обобщать преподавания языков было бы неверно». Наоборот, можно и нужно обобщать опыт преподавания иностранных языков в нашей стране будут немногим более того, что констатировалось О. С, Ахмановой и А. И. Смирницким в их статье «О лингвистических основах преподавания» («Иностранные языки в школе», № 3, 1954 г.,

с. 49: «Ни для кого не секрет, что учащиеся при применении рецептивного и репродуктивного усвоения так и не овладевают языком не только в средней, но и в высшей школе»... Ясно, что овладению иностранными языками может очень и очень помочь сознательное применение внутренних законов этих языков в процессе обучения. Например, изучая китайский язык, почему не использовать наличие в пекинском диалекте 420 значащих слогов, из которых складываются полисиллабичные китайские слова?[171] Усвоить эти 420 слогов не трудно: труднее запомнить их иероглифическое написание[172]. Но если эти слоги усвоены и освоена китайская техника построения полисиллабичных слов, то все внимание может быть уделено запоминанию иероглифов, и тем самым трудности китайского языка окажутся преодоленными. Аналогично и с английским языком.

Морфологическая структура английского языка — иная, чем китайского. Трудности здесь вызваны переходом английского языка к аналитическому строю. Это, в первую очередь, трудности омоморфичности сохраняющихся в дальнейшем значащих и нулевых флексий, которая требует пробалансировать форму в уме. Чтобы правильно понять ее значение.

Выше мы обещали подробнее остановиться, в связи с этим на положительных и отрицательных сторонах аналитического строя в английском. Трудности балансировки как раз являются отрицательной стороной перехода английского языка к аналитическому строю. В. Н. Ярцева в упоминавшейся выше своей брошюре приводит следующие соображения американского лингвиста Сэпира по этому поводу: (E. Sapir, "Wanted: A World Language, AmericanMercury" № 86, Нью-Йорк, 1931 г.): «Тот факт, то начинающий изучать английский язык имеет мало форм для запоминания, создает у него впечатление отсутствия трудностей, но он скоро узнает к своему собственному ущербу, что это — только впечатление. Простота английского языка в отношении его форм на самом деле является псевдопростотой, то есть замаскированной сложностью. Иностранец быстро почувствует, что кажущаяся простота английского языка покупается ценой невразумительности, ставящей в тупик». Здесь не говорится о балансировке, но, явно, имеются в виду как раз проявления этого очень важного внутреннего закона английского языка.

Приведем несколько примеров из текстов, чтобы было понятнее, что имеем в виду под балансировкой.

1. Отсутствие личных различий а английском языке часто создает трудности при различении прямой речи двух собеседников различного пола; то, что во флективных языках ясно подсказывается личными различиями окончаний,

---

[171] У таких слов очень своеобразная структура: нанизывание корней друг на друга, позволяющее своими средствами выразить любое заимствованное понятие.

[172] Вряд ли возможна и целесообразна их отмена: ведь они служат как бы койна обеспечивающим взаимопонимание носителей отдельных китайских языков-диалектов, которые настолько отличаются в смысле произношения слов, друг от друга, что вряд ли скоро сольются в единый язык. Но если это случится, то тогда можно будет ставить вопрос об отказе от иероглифов.

в английском языке остается скрытым, формально невыраженным. Например, у Драйзера, когда описывается одна из встреч Каупервуда и Айлин («Финансист», изд. 1954 г., с. 150–151): “Cowperwood sat down. That’s young Ledoux, isn’t it? I thought so. I saw you dancing. You like it, don’t you?”

“I am crazy about it.”

“Well. I can’t say that myself. It’s fascinating. Though. Your partner makes such a difference. Mrs. Cowperwood does’nt like it as much as I do.”

His mention of Lillian made Arleen think of her in a faintly derogative way for a moment.

“I think you dance very well. I watched you, too. She questioned afferwards whether she should have sold this...”

Конечно, и во флективных языках есть стертые в смысле родовых различий глагольные окончания (например, глагольные окончания, связанные с русским «Вывеждивости»), но таких случаев в этих языках гораздо меньше, чем в английском. Отсюда особая трудность английского: здесь больше приходится угадывать, балансировать в уме, чем идентифицировать по формальным признакам.

Если какая-нибудь книга начинается от первого лица («Давид Копперфильд», Диккенса, «Робинзон Крузо» Дефо, «Джен Эйр» Шарлотты Бронте), то с первых строк не узнаешь, кто говорит, мужчина или женщина, если это не подсказывают предисловие или заголовок книги. Аналогичное явление мы наблюдаем и в «Мартине Идене» Джека Лондона (с. 17, изд. 1953 г.); как известно, «Мартин Иден» начинается с описания того, как Мартина Идена приводят в дом к Руфи, и с первых строк совершенно неясно, кто был его спутник, который открыл дверь. Это стилистически, может быть, обыгрывается автором. Чтобы сосредоточить все внимание читателя на главном герое романа, но, безусловно, только стертость флексий позволяет здесь автору делать так: “The one opened the door with a latch-key and went in, gollowed by a young fellow who awkwardly removed his cap. He wore rough clothes that smacked of the sea...” и т. д. И только на следующей странице, когда Мартин Иден обращается к своему спутнику: “Hold on, Ar thus, my boy”, становится ясным, какой род имеется в виду в первой фразе: “The one opened the door” и т. д. Ясно, какие трудности возникают в таких случаях при переводе, при быстром понимании на слух.

2. Аналогичные трудности встречаются при балансировке отношений между членами назывных свободных и обычных синтаксических сочетаний. Часто эти трудности стилистически обыгрываются авторами. Например, у Джером К. Джерома («Трое в одной лодке», 1948 г., с. 15): “For the next four days he lived a simple and blamelen life on thin captain’s biscuits (I mean that the biscuits were thin, not the captain) and soda-water...” Конечно, Джером К. Джером смеется над этой особенностью английского языка, но каково приходится переводчикам, когда от точности выявления соотношений зависит точность понимания технического или научного текста (см. приводившийся выше пример).

3. Омонимия свойственна всем языкам мира, в том числе и флективным (например, русское: мир, газ и др.). Но для английского аналитического строя, ввиду распада флективной системы, омонимия особенно характерна, и можно привести множество примеров, когда, сделав неверную интонацию, можно прочитать текст искаженно, ибо флексий, которые бы помогли идентифицировать смысл, нет. Например, у Дж. Гульсуорси, «В тисках», с. 54: “The old century which had seen the plant of individualism flower so wonderfully was setting in a say orange with coming storms”. Слово “orange” легко ошибочно принять за «апельсин», не заметив, что это постопозитивное определение. Или, еще, (там же, с. 171): “He even moved differently, like a man who has lost illusion and doubts whether it is worth while to move at all”. При неправильной интонации можно подумать, что Дарти Монтегю потерял не только иллюзии, но и сомнения, так как показатель -s омоморфичен: это показатель множественного числа существительного, родительного падежа единственного числа и множественного числа (с апострофом) и показатель третьего лица единственного числа глагола. Если первый пример — это пример на трудности балансировки, вызванные лексической омонимией, то только что приведенный пример — это пример, где трудность балансировки вызывается омоморфичностью сохранившегося морфологического показателя. Аналогичный пример можно привести также из «Оливера Твиста» Диккенса, где на с. 27 (изд. 1954 г.) мы читаем: “Although I am not disposed to maintain that the being born in a workhouse is in itself the most fortunate and enviable circumstance that can possibly befall a human being, I do mean to say that in this particular instance, it was the best thing for Oliver Twist that could by possibility have occurred”. В комментарии (с. 539) говорится, что здесь мы имеем дело с необычным употреблением отглагольного существительного в пассивной форме, что «объясняется, по-видимому, тем, что “to be born” — не столько страдательный залог от “to bear”, сколько словосочетание, равное по значению активному глаголу «родиться». Поскольку, вообще говоря, трудно себе представить пассивную форму отглагольного существительного, при чтении, невольно хочется понимать “born”, как постпозитивное причастие, относящееся к “the being”, и только смысл заставляет убедиться, что это не так — ведь далее следует абстрактной предикатив “The most fortunate and enviable circumstance”. В той же книге встречаем еще один случай омоморфической балансировки. На этот раз она связана с двусмысленностью английского местоимения “they”, которое, помимо своего основного значения («они») может также употребляться в неопределенном значении. Мы имеем в виду отрывок, где описывается рождение Оливера Твиста: “The surgeon deposited it in her arms. She imprinted her cold white lips passionately on its forhead; passed her hands over her face; gored wildly around; shuddered; fell back — and died. They chafed her breast, hand and temples; but the blood had stopped for ever. They talked of hope and comfort. They had been strangers too long”. (с. 29). В комментарии (с. 539) приходится дать перевод последних двух фраз на русский язык («Ей говорили о надежде и утешении, которых она не знала»), поскольку для русского языка такая балансировка форм с омоморфичным “they” («они») совершенно чужда.

Можно было бы привести много других примеров[173]. Но и приведенных примеров достаточно, чтобы показать, как важно, при изучении английского языка и обучении ему, уделять должное внимание этой особенности английского языка, этому важному внутреннему закону английского языка. Указывая на несомненную легкость начатков английского, вследствие его бедности морфологическими показателями, надо требовать от учащихся возможно прочнее усвоить немногие имеющиеся в английском морфологические показатели, чтобы уметь их быстро и точно балансировать в уме, несмотря на их двусмысленность и омомрфичность. На материале, иллюстрирующем этот важный внутренний закон английского языка, видно, как важно знание внутренних законов языка для обучения языка и изучения языка. Мы не видим причин, чтобы только из-за того, что английский язык — аналитический, нашим учащимся нельзя было сказать, что такая балансировка — непосредственный результат перехода английского языка к анализу, что это трудно для носителей языков иной грамматической структуры, но, что если научиться быстро балансировать в уме омоморфичные формы, эта трудность будет преодолена! Конечно, это смешной предрассудок наших лингвистов, основанный на их страхе времен аракчеевского режима в языкознании, на их опасении перед этим страшным словом анализ, которое стало страшным только из-за неверной марристской теории стадиальности, согласно которой — анализ — конечная цель развития всех языков мира, тогда как факты развития языков мира этот тезис опровергают. Следует ответить, что в результате структурного перехода английского языка в нем сохранилось ограниченное количество морфологических показателей. Они трудны своей омоморфиночтью, но их мало, и запомнить их — гораздо легче, чем запомнить многообразие флексий в языках с флективной структурой. Это — несомненно, это нужно открыто признать, никакие ссылки на Есперсена, столько модные

---

[173]Трудности балансировки вызываются также в тех случаях, когда послелог может быть ошибочно воспринят как предлог, например, у Гельсуорси («Белая обезьяна», изд. 1953 г., с. 152): “Poor monkey!” said Holly. “I’’ always fright-fully sorry, for monkeys. But it’s marvellous. I think.” “Yes. I’m going to hand it here. If I can get one more, I shall have done in this room; only prople have so got on to Chinese things. This was luck-some body died — George forsyte; you know, the racing one”. Напротив, когда восприятие послелога как предлога исключается самой конструкцией, такой трудности балансировки нет. Например, там же, с. 236: “Blackfriars Bridge! A dive, and an end in the mud down there? But you had rise three times; they would fish you out alive, and run you in for it — and notwing gained — hot even the pleasure of thinking that Vic would see whet she had done, when she came to identify the body”. Вот еще последний пример на трудности балансировки, связанные с лексической омонимией лексемы “spring”, которая может как известно, означать «пружина», «рессора», «весна», ручей». В данном случае сочетание это лексемы со сказуемым выраженным глаголом с послелогом “to run down”, употребляющимся в значении «останавливаться» (о часах), дает возможность угадать, что флер сравнивает состояние своего мужа, Майкла Монта, с часами, у которых остановилась пружина: “Yes, he was guite unlike himseff, as if the spring in him had run down” (там же, с. 154).

у наших противников, опровергнуть это не в состоянии. Другое дело — что обратная сторона этой легкости — трудности балансировки. Но почему не воспользоваться этой иллюзорной легкостью в процессе обучения? Неужели только из-за того, чтобы не тревожить тех из наших лингвистов, которые, как В. В. Пассек, стремятся смазать и свести на нет совершенно несомненный структурный переход английского языка? Ведь речь идет о том, чтобы облегчить усвоение английского языка учащимися, и, безусловно, большое психологическое значение при обучении имеют указания на легкие и трудные, с точки зрения усвоения, моменты грамматической структуры усваиваемого языка. Не знаю, как другим, но нам жаль государственных средств, которые так часто впустую растрачиваются на обучение иностранным языкам в школах и в вузах, а обучение, цель которого — практическое овладение языком — так и не достигается. Частично виной этому рецептивизм-репродуктивизм, как указывали О. С. Ахманова и А. И. Смирницкий. Но только частично. Большую роль играет то, что в методике преподавания игнорируется роль внутренних законов языков, которые не используются в процессе преподавания... Да и как их использовать, если печатно их не дали даже опубликовать, в том, что касается английского языка. Ясно, что виной здесь — те, кто в наше время пытается всяческими правдами и неправдами сохранить аракчеевский режим в языкознании, пытается заглушить свободу научной дискуссии... И, последнее, что следует отметить — это трудности английского произношения и написания. На дискуссии было сказано — что это — не черты аналитического строя. Пусть так, но по общему внутреннему закону связи и взаимосвязи различных сторон языка эти особенности английского языка косвенно связаны со структурным переходом грамматического строя этого языка. Многие наши англисты, возражая против так называемого аспектного метода преподавания истории английского языка, ссылаются на получающийся при таком преподавании разрыв между аспектами (морфология, фонетика, синтаксис, словообразование). Между тем, они отрицают косвенную связь всей совокупности бурных фонетических изменений ME и ENE, которые сопровождали структурный переход английского языка, с этим структурным переходом. Эти изменения не успевали отражаться в морфологии, отсюда сложность современного английского написания и произношения. При преподавании очень ценно указывать, что эти трудности — обратная сторона перехода английского языка к анализу. Облегчение, достигнутое путем распада флективной системы, имеет здесь свою обратную сторону, также как трудности балансировки... Ясно, что здесь всюду мы имеем одно из проявлений универсального диалектического закона связи положительного и отрицательного... Странно было бы это отрицать, если, конечно, считать, что положения диалектики должны применяться в языкознании в том числе и в чисто практических целях, для облегчения преподавания.

Мы не будем подробно рассматривать здесь диалектическую сторону перехода английского языка от флективного строя к аналитическому: это было нами сделано в статье о внутренних законах, которую, к сожалению, до сих

пор не опубликовали, под тем предлогом, что в ней нет лингвистического материала. Ну что же, лингвистический материал подан в этой монографии, так что предлог этот отпадает. Перечислим вкратце основные исходные положения. Кроме учета связи положительного и отрицательного, при рассмотрении этого вопроса следует исходить также из следующих положении диалектики:

1. Рассмотрение вопроса в конкретных условиях места и времени.
2. Переход от количественных изменений к качественным.
3. Диалектика формы и содержания.

Первое положение ясно вполне: переход от флексии а анализу — прогресс для тех языков, совершенствование которых осуществлялось путями анализа. Рассуждая иначе, мы отрываем вопрос от конкретных условий места и времени. Что касается самого понятия «языковой прогресс», то этот вопрос нами достаточно освещен во введении. Здесь нужно только добавить некоторые определения основных понятий, связанных с проблемой языкового прогресса. Эти определения были нами сформулированы в статье «О языковом прогрессе», которая является ответом на письмо акад. А. С. Чикобава от 3 ноября 1954 года. Какой грамматический строй можно считать прогрессивным? Прогрессивным грамматическим строем можно считать всякий грамматический строй. Не испытывающий кризиса системы, свидетельствующего об осуществляющемся переходе к другому грамматическому строю. Что является мерилом прогрессивности грамматического строя? Мерилом прогрессивности грамматического строя является отсутствие проявлений кризиса системы, влекущих за собой длящуюся веками смену морфологического типа (то есть, смену этой системы, этого грамматического строя) данного языка. Что такое языковой прогресс? Языковой прогресс — это результат развития и совершенствования языка, проявляющийся в развитии и совершенствовании его грамматического строя, основного словарного фонда и словарного состава. Почему отмирающий грамматический строй нельзя считать прогрессивным, в новый, нарождающийся, можно? Во-первых, это вытекает из универсального положения диалектики относительно развития как отмирания старого и возникновения нового. Во-вторых, это вытекает из того несомненного факта, что ломка грамматического строя, растянутая на целые столетия, болезненно воспринимается носителями данного языка, ибо она затрудняет общение. Не случайно, что в Англии и в Дании в период такой ломки широко применялись иностранные языки в качестве литературных (в Англии — французский и латинский, в Дании — латинский и немецкий). Конечно, применение этих языков не было вызвано сменой отечественного грамматического строя, но несомненно, что в Англии латынью пользовались как стройным, совершенным по своему строю языком, в том время как родной язык переживал кризис системы. Можно предположить, что аналогичное положение наблюдалось и в отношении французского и немецкого языков (соответственно, в Англии и в Дании). Наконец, следует еще раз подчеркнуть, что для современных условий невозможно себе представить возникновение нового кризиса системы в таких языках, как английский, русский, немецкий,

французский, да и в других языках народов с длительной историей, достигших высокого уровня цивилизации, поскольку факторы языковой культуры надежно фиксировали лингвистический тип[174]. Тем самым относительный прогресс перехода к иной грамматической структуре, относительный прогресс совершенствования грамматического строя по новым путям этой структуры, как результат преодоления кризиса старой грамматической структуры, фактически сливается с абсолютным прогрессом языкового развития.

Второе положение тоже совершенно ясно: количественное накопление элементов анализа (факторы кризиса древнеанглийской флективной системы, см. выше, смешение основ, совпадение, осереднение, отсутствие флексий), приводит к качественному изменению грамматического строя, причем проявления анализа оказывается качественно отличными от соответствующих проявлений во флективных языках (Т. П. Ломтев отметил это в отношении предложных конструкций, указав на их качественное отличие в английском и в русском (см. выше), мы отметим аналогичную разнице в отношении аналитических глагольных форм во флективных и в аналитических языках (см. выше).

И, наконец, третье положение. Выше мы указывали, что язык — это форма, мышление — содержание[175]. Языковое мышление — та часть мышления, которая

---

[174]Выше мы приводили цитату из А. Мейе, в подтверждение этого нашего взгляда. Можно также сослаться на Боу, который с этой точки зрения рассматривает изменения грамматического строя английского языка в течение ME: “The Middle English period (1150–1500) was marked by momentous changes in the English language, changes more extensive and fundamental than those that have taken place at any time before or since. Some of them were the result of the Norman Conquest and the conditions which followed in the wake of that event. Others were a continuation of tendencies that had begun to manifest themselves in Old English. There would have gone on even without the Conquest but took place more rapidly because the Norman invasion removed from English those conservative influences that are aluwys left when a language is extensively used in books and is spoken by an influential educated class. The changes of this period affected English in both its grammar and its vocabulary. They were so extensive in each department that it is difficult to say which group is the more significant. Those in the grammar reduced English from a highly inflected language to an extremely analytic one. Those in the vocabulary involved the loss of a large part of the Old English word-stock and the addition of thousands of words from French and Latin. Al the beginning of the period English is a language which must be learned like a foreign tongue; at the end it is Modern English”. (цит. раб., с. 194). Как и большинство исследователей, Боу ясно дает понять, что эти изменения были коренными — ведь, фактически, изменялся морфологический тип.

[175]Как указывает Е. М. Галкина-Федорук («Язык как общественное явление», Учпедгиз, М., 1954 г., с. 35) «конечно, мысли человека можно выразить и другими способами: посредством живописи, музыки, танца, жеста. Однако ни один их этих способов не стал таким всеобъемлющим способом, который мог бы передать мысль во всей ее абстракции». «Только звуковой язык, язык слов может быть такой совершенной формой выражения и формирования мысли» — продолжает далее автор брошюры. «Даже речь про себя, то есть внутренняя речь, не обходится без чувственного материального

осуществляет его связь с языком как формой. Подробному рассмотрению этого вопроса посвящены наши статьи «Язык, мышление, языковое мышление» и «О языковом мышлении». В самом деле, если мышление не есть содержание языка, то что же является содержанием языка? Значение слов, выражений, грамматических конструкций? Но ведь все эти значения существуют тоже в звуковой или начертательной оболочке? Значит — эти значения тоже есть мышление. Далее, если допустить, что язык не есть форма мышления, то что же можно считать формой мышления? Кору мозговых полушарий с ее миллиардами очагов нервной деятельности? Но ведь это — материальная форма мозга, содержанием деятельности которого является мышление, но только — оформленное языком. Другое дело — что язык — это очень сложная форма, причем сложность ее, в частности, проявляется при переходе от мышления на одном языке к мышлению на другом языке, в процессе усвоения нового языка. Возможно комбинированное мышление на двух языках, когда элементы внутренней речи на одном языке вклиниваются во внутреннюю речь на другом языке. Мы не можем подробнее останавливаться здесь на этих очень интересных вопросах, нам в данный момент важно только подчеркнуть, что развитие мышления — это, фактически, развитие содержания, а развитие языка — это развитие формы. Отсюда совершенствование в языковой техники можно рассматривать как прогрессивное развитие формы, связанное с развитием содержания. Циклические противоречия в языковой форме, в языковой структуре, возникающие, как указывалось выше, в результате взаимодействия

субстрата. Даже для понимания слушаемой речи необходимо как будто некое повторение того, что говорится, а из собственного опыта каждый знает, что когда мы очень напряженно думаем, то незаметно для себя начинаем если не произносить слова, то шептать, шевелить губами, или же в крайнем случае производить мускулами губ, языка, височных мышц, голосовых связок чуть заметные следы артикуляции». Указывая таким образом на связь нашей внутренней речи «с кинестатическими ощущениями в речевом аппарате», Е. М. Галкина-Федорук убедительно подтверждает нашу точку зрения на связь языка и мышления, основанную на взглядах проф. И. В. Рахманова. Дальше в своей брошюре Е. М. Галкина-Федорук указывает, что, «понимая язык как орудие развития и борьбы, нельзя не видеть, что в языке выражаются не только мысли, чувства, но и наши желания, стремления, причем не разрозненно, а в целостности и совокупности». Однако чувства, воля и пр. всегда примешиваются к мышлению, ибо «противопоставления чувственного своеобразия различных форм движения материи и психики». Например, если, узнав о замужестве подруги, девушка говорит: «Галка, какая ты счастливая!» — то тут к мыслям о случившемся примешивается чувство радости по поводу счастья подруги и желание такого же счастья себе. Но поскольку мышление — есть практически существующее для нас сознание, тое есть качество неотъемлемое от человека, и продолжающееся в заторможенном состоянии даже во сне, то, ясно, что мышление доминирует в языковом выражении. Поэтому в традиционной грамматике предложение определялось как «мысль, выраженная словами». Вопросы эти было бы очень интересно широко обсудить, но, к сожалению, до сих пор все попытки автора добиться такого обсуждения не увенчались успехом.

внутриструктурных элементов могут — в условиях, которые благоприятны для этого (отсутствие фиксирующего влияния факторов языковой культуры) — привести к кризису системы. Ясно, что преодоление этих противоречий является одновременно прогрессивным развитием и совершенствованием языка как формы мышления. В статье «О языковом прогрессе» мы указывали, что кризис системы неблагоприятно отражается на языковом общении. Не случайно, что в период еще неустоявшейся аналитической структуры люди науки предпочитали пользоваться латинским языком (см. цитату из Боу, выше, где указывается, что Драйден часто предпочитал перевести то, что он хотел выразить по-английски, сперва на латинский язык). Конечно, влияние латыни было и в тех странах, где язык не претерпел структурного перехода, но нам представляется несомненным, что хотя применение латыни как языка науки не было вызвано в Англии кризисом системы английского языка и осуществляющейся перестройкой на аналитические рельсы латынью пользовались как стройным, совершенным по своему грамматическому строю языком, в то время как родной язык был далек от такой стройности из-за кризиса системы. Достаточно сослаться на примеры В. В. Пассека (см. выше), чтобы убедиться в том, что, например, отсутствие фиксированного порядка слов в условиях распавшейся флективной системы не могло способствовать взаимопониманию, представляло трудность, которая была устранена в ходе дальнейшего развития и совершенствования языка как формы. То же самое можно сказать и относительно неустановившейся орфографии того переходного периода; конечно, это тоже было очень неудобно, и много усилий пришлось потратить языку, его носителям, прежде чем эти и другие последствия кризиса системы были преодолены. Мы не будем здесь полемизировать со сторонниками противоположной точки зрения. Это нами было сделано в наших статьях о внутренних законах и о языковом мышлении, и не зачем повторять старые цитаты, от которых их авторы может быть теперь уже отказываются.

В заключение, следует подчеркнуть, что в современный период важнейшие языки мира достигли очень высокого совершенства своей языковой структуры, так что вряд ли можно предположить возникновение в них кризиса системы, аналогичного тому, который привел к долгому и болезненному переходу английского языка от флективного строя к аналитическому; морфологический тип, кроме того, как уже говорилось, ныне надежно фиксирован факторами языковой культуры (см. выше).

Общие выводы

Какие же общие выводы можно сделать на основании настоящей работы?

Во-первых, приходится признать, что английский язык в ходе своего развития пережил переход от одной языковой структуры (лингвистического или морфологического типа; грамматического строя) к другой, и что это произошло как результат кризиса системы (усиленного и ускоренного внешним факторам — завоевания).

Во-вторых, что этот переход был очень длительным, начиная, примерно, с X в. и по XVII в., когда окончательно, в общем и целом, сформировалась аналитическая временная система. Может быть, можно ограничить переход концом ENE и началось NE (XVI в.), но принципиальной важности вопрос о датах не имеет. Ясно лишь, что переход этот был очень длительным и что по его завершении развитие английского языка продолжает протекать по путям анализа и нового кризиса системы нет и не может быть, из-за сковывающего влияния факторов языковой культуры.

В-третьих, приходится признать, что переход английского языка к аналитическому строю явился результатом относительного прогресса этого языка, как это понимается согласно формулировке, предложенной Б. А. Серебренниковым. Невозможность смены морфологического типа в новейшее время фактически дает возможность сделать вывод о совпадении понятия относительного и абсолютного прогресса в том что касается совокупности результатов этого перехода к настоящему периоду.

В-четвертых, тесно связанными с эти переходом оказываются внутренние законы развития и совершенствования английского языка, которые являются следствием основного внутреннего закона английского языка — закона перехода этого языка в аналитическому строю и дальнейшего совершенствования по путям анализа. Эти законы были нами кратко перечислены выше. Эти законы одновременно являются основными особенностями английского аналитического строя. Такое положение вполне понятно: ведь английский аналитический строй возник не на пустом мете, и, принимая во внимание общеизвестную консервативность развития грамматического строя, вполне понятно, что многие особенности были включены в качестве неотъемлемых составных частей в новый грамматический строй.

В-пятых, как ясно из сказанного, сознательное применение внутренних законов английского языка входе обучения этому языку может очень сильно способствовать улучшению преподавания этого языка в наших школах и вузах. (Мы имеем в виду использование положительных и отрицательных черт перехода английского языка к анализу).

В-шестых, настоящая работа показывает, что переход к анализу — не всеобщая судьба всех языков мира, а конкретный переход нескольких языков мира (английский язык — один из этих языков). Языки мира слишком разнообразны, чтобы все их можно было свести в покрустово ложе марровской стадиальной классификации.

В-седьмых, настоящая работа подтверждает ценность морфологической классификации языков, поскольку, на материале английского языка, наглядно показывается связь внутренних законов языков с их морфологическим типом.

Послесловие

Настоящую работу можно закончить цитатой из статьи Б. А. Серебренникова «О сущности внутренних законов развития языка» («Доклады

и сообщения Института языкознания», вып. 5, 1953 г., с. 21): «Каждый язык мира развивается по пути абсолютного прогресса, но мы не можем сказать, какой из языков мира лучше или хуже, так как слишком велико число различных способов проявления этого абсолютного прогресса». Рассматривая становление и развитие аналитического строя в английском языке, мы обнаружили, что эти процессы включают как положительные, так и отрицательные моменты — с точки зрения облегчения возможности использования языка как средства общения. Естественно, что лучше всего эти стороны могут быть оценены иностранцами, ибо носителям данного языка, привыкшим ко всем особенностям своего языка, все они кажутся привычными и положительными. Поэтому иностранцам, конечно, легче всего выявить, что в том или ином языке положительно (способствует облегчению взаимопонимания, облегчает общение и т. д.) и что — отрицательно. Использование этих особенностей имеет большое практическое значение в смысле облегчения преподавания иностранных языков. Отсюда — большое прикладное значение выявления этих особенностей.

Библиография[176]

Отдельные монографии

1. *Боу А.* A History of the English Language, Нью-Йорк, 1935 г., изд. (Baugh, A).
2. *Будагов Р. А.* Очерки по языкознанию / проф.: Москва, 1953 г, изд. АН СССР
3. *Гушон, Ренэ.* L'Histore de la langue anglaise, том 1, Des l'Origines à la Conquete Normande (450–1066), Париж, 1923 г. (Huchon, R).
4. *Ильиш Б. А.* История английского языка / проф.: изд. 3-е, Ленинград, 1939 г.
5. *Ильиш Б. А.* Современный английский язык / проф.: изд-во литературы на иностранных языках. М., 1948.
6. *Смирницкий А. И.* Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII века: изд-во литературы на иностранных языках. М., 1953 г.
7. *Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания: Госполитиздат, 1953 г.
8. Мейе А. Основные особенности германских языков. М., 1952 г.
9. *Чемоданов Н. С.* Хрестоматия по истории немецкого языка: изд-во литературы на иностранных языках. М., 1953 г.
10. *Чикобава А. С.* Введение в языкознание / проф.: М., ч. 1, 1953 г.
11. *Ярцева В. Н.* Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке / проф.: изд. ЛГУ; Ленинград, 1940.

[176]Поскольку примеры из оригинальных текстов, независимо от руководств по истории языка, по замыслу этой работы, приводились лишь спорадически, притом — почти исключительно из современных текстов, мы не сочли нужным перечислять эти тексты особо в библиографии. Библиография не охватывает также имеющиеся в работе ссылки на неопубликованные работы и на лекционные циклы и курсы, равно как вторичные ссылки (из помещенных в библиографии работ).

12. *Ярцева В. Н.* Реакционная сущность «теории морового» англо-саксонского языка / проф. // стенограмма лекции, прочитанной 23 апреля 1949 г. в Центральном лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний: изд-во «Правда». М., 1949.

Журнальные статьи

1. *Адмони В. Г.* О некоторых закономерностях развития синтаксического строя / Доклады и сообщения Института языкознания: вып. 5, 1953 г.
2. *Ахманова О. С.* К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц / Труды Института языкознания: т. 4, 1954 г.
3. *Булавин Н. М.* Об американском варианте «английского языка» / Иностранные языки в школе: № 2, 1953 г.
4. *Виноградов В. В.* Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию / Русский язык в школе: № 2, 1951 г.
5. *Гухман М. М.* Родство языков и внутренние законы их развития / Доклады и сообщения Института языкознания: вып. 5, 1953 г.
6. *Егорова Т. А.* Из истории префиксации как способа словообразования в английском языке / Ученые записки Ленинградского Государственного Педагогического Института им. А. И. Герцена; факультеты английского и ром. языка, т. 93, 1954 г.
7. *Жирмунский В. М.* К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка / Доклады и сообщения Института языкознания: вып. 5, 1953 г.
8. *Иванова И. П.* Значение герунда в ранненовоанглийском / Ученые записки ЛГУ: № 156, 1952.
9. *Иоффик Л. И.* Сложное предложение в английском языке XVII века / Ученые записки ЛГУ: № 156, 1952 г.
10. *Конрад Н. И.* О китайском языке / Вопросы языкознания: № 3, 1952 г, с. 45–78.
11. *Ломтев Т. П.* О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания / Вопросы философии: № 5, 1953 г.
12. *Пассек В. В.* К проблеме связи явлений языка с историей общества / Иностранные языки в школе: № 2, 1954 г.
13. *Серебренников Б. А.* О сущности внутренних законов развития языка / Доклады и сообщения Института языкознания: вып. 5, 1953 г.
14. *Смирницкий А. И., Ахманова О. С.* О лингвистических основах преподавания / Иностранные языки в школе: № 3, 1954 г.
15. *Спиркин А. Г.* К вопросу о законах языка / Вопросы философии: № 5, 1953 г.
16. *Штелинг Д. А.* Предлоги английского языка в синтаксических группах в сочетании с причастием вторым / Труды Военного института иностранных языков: № 1, 1952 г.
17. *Ярцева В. Н.* Пути развития словосочетания (на материале английского языка) / Ученые записки ЛГУ: № 156, 1952 г.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Кумачева А. В.* Английские фразеологические глагольные сочетания, имеющие эквивалент — однословный глагол / автореферат кандидатской диссертации 1-й ЛГПИИяз. Ленинград, 1953 г.

2. *Пассек В. В.* История выражения различия между подлежащим и прямы дополнением в английском языке / автореферат кандидатской диссертации, МГУ. М., 1951 г.
3. *Труевцева Т. И.* Расширение словарного состава английского языка в связи с развитием текстильного производства / кандидатская диссертация, ЛГУ. Ленинград, 1953 г.

Дополнительная литература[177]

1. А*лешин Е. В., Блувштейн В. О., Семенов Ю. В.* Словарь английских и американских сокращений: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1953 г. (1)
2. *Вилюман В. Г.* О перфекте непереходных глаголов в английском языке /Ученые записки / Ученые записки Ленинградского Государственного Педагогического Института им. А. И. Герцена; факультеты английского и ром. языка, т. 93, 1954 г. (2)
3. *Галкина-Федорук Е. М.* Язык как общественное явление. М.; учпедгиз, 1954 г. (1)
4. *Ганшина М., Василевская Н.* English grammar. М., 7-е изд. 1953 г. (1)
5. Грамматика русского языка / под ред. акад. В. В. Виноградова // Морфология, ч. 1. М., изд. АН СССР, 1952 г. (1)
6. *Есперсен.* Growth and structure of the English Language, 9-е изд. (Jeopersen, C). (1)
7. *Звегинцев В. А.* О методических основах методики преподавания иностранных языков / Иностранные языки в школе; № 3, 1954 г. С. 120–126 (122). (1)
8. *Ленин В. И.* Карл Маркс; т. 21, 4-е изд. С. 38. (1)
9. Нэсфильд. Manual of English grammar and Composition (Nesfield) (1)
10. *Рахманов И. В.* Проблема рецептивного и репродуктивного овладения иностранными языками в средней школе / Иностранные языки в школе; № 3, 1954 г. С. 70–82 (75). (2)
11. *Сергеева Т. Н.* Употребление артиклей с именами существительными в английском языке / Труды Института языкознания; вып. 4, 1954 г. (2)
12. *Смирницкий А. И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке / Иностранные языки в школе. № 5, 1953 г. (2)
13. *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. Москва–Ленинград; АН СССР, 1953 г. (1)
14. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании ученого совета, посвященного дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов / институт языкознания. М., 1954 г. (1)
15. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг; изд., 1950 г. С. 21–22. (1)

[177] В скобках приводится номер того библиографического раздела, из приведенных выше, куда следует отнести данное название.

ДНЕВНИК И ПИСЬМА (1952–1955 ГОДЫ)

В этой части книги опубликованы литературные опыты И. Л. Мусселиуса, в виде зарисовок, писем и дневниковых записей. Они с нашей точки зрения представляют интерес как свидетельство жизни советского интеллигента в первой половине 50-х годов двадцатого века, несомненно имеют также литературную ценность, поскольку читаются легко и создают яркий образ молодого талантливого филолога, с непростым характером, во многом героя своего времени. Можно ли отождествлять этот образ с личностью Игоря Львовича Мусселиуса? Думается это верно лишь отчасти… Надо иметь ввиду, что по желанию автора часть героев текстов сохранили свои подлинные имена и фамилии, часть обозначены инициалами, а часть выведены под псевдонимами. Учитывая, что со времени описываемых событий прошло 70 — лет, публикация текстов в соответствии с этой авторской версией представляется возможной.

Проект — Эдуард…

Он родился в бывшем столичном городе на берегу серой и мрачной Невы в одном из серых домов. Он все время сидел в темной комнате, вырезал из газет портреты различных иностранных министров. Он любил смотреть на флаги немецких и других посольств. Ему чужды были мальчишеские игры. Он был слаб физически, и расшатан духовно. В классе, где он учился, его ненавидели за его оригинальность, неприятную, противную оригинальность. Он прятался в хороводах девочек от страшных кулаков мальчишек. Коллектив выбросил его из своей среды, этого капиталистического урода. Он замкнулся в себе, создал себе свой мир. В этом мире были Байрон, Блок и вообще преклонение перед чем-то иностранным, недосягаемым. Он заставлял своего деда рыскать по магазинам, чтобы купить какую-нибудь иностранную марку. Все насмешки и побои сделали его нервным. Он кидался в свою домработницу сапогами, мог сбросить ни с того ни с сего на пол котлеты.

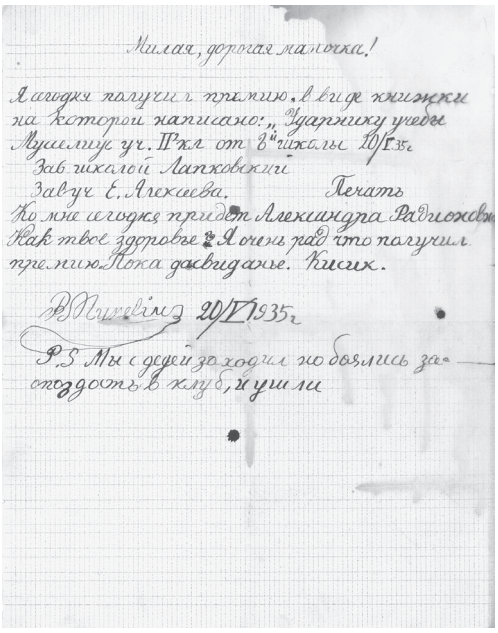
Постепенно появляется новая страсть. Эдуард начинает изучать языки. Потом судьба его кинула в далекие края. Грянула война. Тысячи людей были забраны на фронт. Но он отвертелся от этого, якобы из-за плохого зрения. Он знал довольно прилично английский язык, стал презирать русские книги.

Он приезжает в военную Москву и поступает в институт. Там цинично продает соль. Душа его тогда была подла и мерзка.

Потом он поступает в университет и живет опять в своем же городе, в коморке. Возраст дает знать. Он знакомится с Л. Ее образ заслоняет все в нем. По ее наставлению он читает даже книгу «Молодая гвардия». Он преклоняется перед ней как перед каким-то богом. О каждом ее слове он думает с каким-то благоговением. Но для нее он был как один их ее друзей.

Он часто наносил ей визиты. Когда она болела и попросила его принести какую-нибудь книгу с полки, где были книги, то там, там он увидел свои письма. Он был как пьяный и не мог найти этой книги.

Игорь Мусселиус с мамой
К. В. Беляевой 1930-е годы 20-го века



Милая, дорогая мамочка!

Я сегодня получил премию. В виде книжки на которой написано: „Ударнику учебы Мусселиус уч. IV кл. от 8 школы 10/VI 35г. Зав школой Лапховский Завуч Е. Алексеева. Печать

Ко мне сегодня придет Александра Радионовна. Как твое здоровье? Я очень рад что получил премию. Пока до свидания. Кисик.

Пушкино 20/VI 1935г.

P.S. Мы с дедей заходили но боялись заходить в клуб, и ушли

Письмо Игоря Мусселиуса маме 1935 год

Потом она уехала в Алма-Ата, и он к ней приехал. Он там с ей гулял и первый раз поцеловал ее ручку. Потом она надолго слегла и уехала в Алушту, а он все время продолжал преклоняться перед этой бездельницей и продолжает поныне.

Дневник — Ленинград

17 марта 1952 года

Когда я сегодня пришел в первый раз после болезни на службу[178], меня ждали два сюрприза: И. А. и П. В. оба в Москве, также как и директор, немецкая инструкция по подводному бетонированию исчезла, и А.Т. не знает, вернули ли ее Картелеву, или ее просто потеряли, когда занимались приборкой шкафа. Он совсем не интересовался этой инструкцией — «был занят другим»... Завтра супруга П.В. напишет записку Картелеву, получил ли он обратно эту инструкцию — он болен — и, если нет, придется официально объявить о ее утере в спецотдел — тогда будет головомойка за небрежное хранение служебных материалов. А. Т. все возится с аннотациями, меняя то и дело мой текст и поправки П.В.

[178]И.Л. Мусселиус в эти годы работал в «ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева» (полное наименование — «Всероссийский научно-исследовательский институт гидротехники имени Б. Е. Веденеева»)в Ленинграде на улице Гжатской дом 21

и давая их переписывать несчастной секретарше, которая их переписывает с ошибками, как в иностранном, так и в русском тексте, которых А. Т. не замечает. Просмотренные И. А. аннотации все еще печатаются. Завтра А. Т. поедет, как будто, с экскурсией в подвалы Эрмитажа, — рад воспользоваться случаем, чтобы смыться из Института в служебное время. Его отношение немецкому переводу, данному нам Картелевым, меня возмутило до глубины души: ведь он сам просил П.В. не отказываться от этого перевода, а когда я попросил его мне помочь принципиально не перевел ни одной строчки и только потерял за время моей болезни все (или они его отдали обратно, это еще неясно).

Из Публичной библиотеки принесли журнал со статьей о сифонах, которую сейчас буду переводить, и еще журнал с фотографиями стробоскопических исследований кавитации моделей турбин: статья была совсем маленькая, в полстранички — и я ее перевел целиком для Чистякова, который и фотографии переснял сразу у нашего фотографа, боясь, чтобы и этот журнал не пропал (я ему рассказал о пропаже). В автобусе бывший председатель месткома, Иван Александрович Чернятин — он по профессии эксплуатационник — ругал И.А. за то, что тот долго держит ненапечатанными сданные ему брошюры: «Надо у них навести порядок».

Статью о микропросмотре схватывания цементов переводить уже не нужно — ее переводит самостоятельно Губарь. Статью и книгу Б. Вл. отдал его секретарше — чтобы хоть это не пропало... Начал переводить статью по механике грунтов — которую ещё до моей болезни меня просил перевести начальник этой лаборатории, Ремизников. Он часто председательствует на собраниях и весьма внушителен по внешности — несколько напоминает моего отчима. Когда эта статья будет закончена и если не найдется «Подводное бетонирование», то не останется ничего, кроме этих аннотаций — которые уже навязли на зубах, столько их все мусолили, кому не лень.

Когда я пришел, стола не было — так как мой стол был занят секретаршей — я сел за стол П. В. Потом Спивак сжалился и дал большой четырехугольный стол без ящика из типографии. Но пока П.В. нет, я буду сидеть за его столом — там светлее[179].

18 марта 1952 года

Инструкция по подводному бетонированию и ее перевод сегодня мистическим образом нашлась в шкафу — уже после того, как супруга П. В. написала записку Картелеву — потом пришлось идти к ней просить отмену... Но вообще мне не жаль, что из-за этого вышло столько шума — по крайней мере, всем стало ясно, что А.Т. совершенно наплевать на те поручения, которые мы получаем извне — за время моей болезни он даже не поинтересовался, где даже лежит инструкция. Почти весь день возился с аннотациями и привел их в относительный порядок. А.Т. потерял на этот раз только 4 аннотации,

[179]После приезда И.Т. я пересел за этот новый стол, который выше и гораздо удобнее старого. Секретарша пересела на старом столе к телефону — напротив И.А., у окна. Она не боится простудиться там, как Н.В.

так что я даже доволен — боялся, что он потеряет больше. Секретарша знает немного немецкий язык и хочет мне помогать в переводе — так как ей надоела уже бесцельная переписка старых аннотаций, которую ей дает Ал. Тим. с бюрократическим возгласом: «Перебелите это!» Ив. Ал. уезжает в далекую командировку — Украина, Кавказ. Я вечером, когда Ал. Т. уехал на экскурсию в Эрмитаж — служебного автобуса им не дали, чему я был несказанно рад[180] — я начал продолжать перевод временно исчезнувшей инструкции — и заметил, что после того как я напрактиковался на немецком переводе для Б. Вл. — и этот текст стало легче переводить. Скорее бы кончить дома этот сифонный перевод — и тогда дома тоже может быть осуществлено продвижение подводного перевода. Чай готов — все.

21 марта 1952 года

Холодно — снежные заносы — служебный автобус ездит теперь в город крюком — через Гражданку — поселок, на горизонте которого виднеется какой-то дремучий лес. Сегодняшний день был тихий и мирный — все переводил немецкую инструкцию о подводном бетонировании — медленно, но приятно. Секретарша тоже переводит — по странице в день — так как ей нечего делать — И. А. и И. В. все еще в Москве. Официантка, так напоминающая Лили, куда-то исчезла — и это грустно. Лили решил не звонить на этой неделе, так как я ей слишком надоел последнее время своим вмешательством в ее личные дела. Сегодня хотелось ей позвонить, но решил лучше отложить. Дома тоже перевожу с немецкого — осталось 60 страниц — скорее бы кончить, пока не приехал И. А. Сегодня пришла бумага из Москвы, из какого-то монтажного треста — просят прислать им наши аннотации и описания заграничных ГЭС — когда И. А, вернется, он будет рад. Каждое, почти утро встречаю его дочь — 10-тиклассницу — она в это время идет в школу и всегда здоровается со мной. Мне она нравится. Все же не утерпел и позвонил Лили. Ее голос был каким-то жалобным, беспомощным, недовольным. усталым — она поступила на Кировский завод — переводчицей. В институт Иностранных языков не пошла, так как библиотечное место не охраняет диплом — также как такое же, но более почетное место в Академии Фрунзе, где ей предлагали заведовать иностранным отделом библиотеки с окладом 700 руб.

Она еще не начала работать — с 1 апреля, но уже устала от хлопот с оформлением, пропусками и пр.. «Когда же мы с вами увидимся?» «Не знаю, дадут мне когда-нибудь ведь отпуск»... Я сказал ей, что мне потом было стыдно, что я слишком активно принимал участие в ее попытке поступить в институт Иностранных языков — а она отвечала — что это заставило ее отказаться от этого места, которое ей подходит — и поэтому — даже удачно. «Вы будете теперь проезжать мимо моего дома». Но нет — она будет ездить в троллейбусе по Загородному проспекту или в 22 номере трамвая. Я ей сказал, что 36 номер проходит мимо моего дома. «Да, на нем ездит мой брат». Сказал ей, что в этом маршруте ходит какой-то новый автоматический вагон. Она, оказывается, уже

[180]Потом оказалось, что дальше.

ездила в нем и он ей не понравился, мало мест для сидения. Все боковые места и все падают друг до друга. «Мы еще не доросли до таких вагонов». «Еще не поступила на работу, а столько хлопот». «Какие, например?» «Платье шить». «Разве это так хлопотно?» «Попробуйте!» «Костюмы — но я предпочитаю это в Казахстане — там проще». «Конечно, сваливаете на других». Потом она сказала обиженно, что ей звонила Ксана — и спрашивала, что случилось и почему ее (Лили) куда-то не берут. «Вы были у Ксении?» «Да, давно». «Все теперь знают, что Лили устраивается на работу — в Университете и всюду» — снова жалобно и обиженно. Еще она мне сказала, что занимается техничкой — что-то изучает там по справочникам... На заводе есть также и немецкий переводчик, но Лили будет переводить только из английских журналов... Потом она попрощалась со мной — видя, что нам говорить больше, в сущности, не о чем. Как-то так всегда бывает — после таких счастливых дней, как когда мы с ней ездили вместе вечером на стольких автобусах в Институт и обратно — приходят такие разговоры как сегодня — ее жалобный, обиженный голос — как у принцессы, которую ушибли больно камнем, брошенным в окно ее дворца... Голос Лили мне вдруг страшно напомнил голос, Т. Тв. Ярцевой, английского профессора.

23 марта 1952 года

Все беспрерывно перевожу немецкую инструкцию — края не видно — осталось еще около 50 страниц — и все же переводить ее мне гораздо приятнее, чем лениво читать для себя. Сегодня и вчера вечером перевел 9 страниц машинописного текста. Хотя сегодня воскресенье, но устал — еще хуже, чем в рабочий день — немецкий язык такой тягучий, громоздкий, он так утомляет — и все же я рад, что мне поручили переводить эту работу — ведь иначе бы сам никогда не стал бы читать по-немецки и совсем бы забыл этот язык. А английский я и так никогда не забуду. «Элегия» Массне — по радио — Шаляпин... Как-то сказал Лили, что очень люблю эту вещь — она отвечала, что у нее есть пластинка — но даже не предложила ее пустить — такой уж характер. В субботу вернулся из Москвы И. А.. «Дни любви, сладкие сны, юные грезы весны — все прошло». Когда я шел сегодня обедать — утром, пока все спали — чтобы спокойно, пускай без супа, мимо проходили трамваи 36 номера, и я вспомнил про Кировский завод и презрение Лили ко мне и про то, как в прошлом году в это время Айрин и я часто проходили по этой же улице. Тогда как-то я был моложе, а теперь, единственное утешение, забыться за разгадыванием трудного немецкого текста. И для чего все это прошло — и прошло безвозвратно, также как встречи с Лили в Алма-Ата и последний проблеск счастья — ее попытка поступить в институт к м-ме Болинской... Но, довольно, опять немецкий.

28 марта 1952 года

Давно уже не писал сюда, но сегодня позвонил Лили — и захотелось. Лили очень занята — под этим предлогом не хочет меня видеть, но и мне, по правде сказать, такой холод (−25° мороза утром, а среднесуточная температура −17°) — не хочется к ней. Вполне довольно поговорить с ней по телефону —

до изнеможения и истощения тем... Ей предлагали печатать иностранные тексты для какого-то вуза, но нет машинки, да и потом оформление на ее заводе — такое сложное, что идти на попятный уже не хочется. Она до сих пор еще вынуждена ездить за всякими пропусками и пр., но 1 числа уже начнет работать — ездит на 22 номере трамвая, так что я сказал, что мы будем встречаться трамваями по утрам — но не в трамвае — и не будем видеть друг друга, так как я никогда не висну снаружи, да и она вряд ли будет. Она отвечала, что если будет нужно срочно — то и повиснет — но, вообще, все это как-то еще ей не представляется, да и я не могу себе представить, как это она, Принцесса Греза, будет вставать утром и толкаться в трамвае, чтобы попасть вовремя на завод. Иногда видишь таких в трамвае — накрашенные губы, глаза, полные мольбы и муки, усталое лицо — есть такой тип, трудно охарактеризовать его словами, и я сейчас вспоминаю только одну из своих частных трамвайных спутниц, которую сюда можно было бы отнести. В ее лице есть что-то очень интеллигентное, в старом смысле этого слова, а в глазах — в глазах ее что — то заячье — как у попавшего в силки зайца. Мне нравится подолгу наблюдать за ее лицом, в то время как вокруг — бушует море, кричит кондукторша, а внизу — грохочут колеса трамвая. В окнах же — ничего не видно, так как они все покрыты матовым инеем. Другие — чертежницы, канцеляристки и пр. в них нет этого заячьего выражения — они смеются, жалуются на головную боль, на то, что их заставляют долго задерживаться на политзанятиях. Они грубы — и в их грубости есть что-то жизненное, энергичное, уверенное в себе. Сегодня одна из них громко сказала — и затем — нисколько не стесняясь — повторила, что у нее «задница примерзла к скамейке»... А та, с глазами попавшего в силки зайца — никогда бы не сказала такой грубости... И вот мне кажется, что у Лили тоже должен быть такой же несчастный, загнанный, заячьей вид, когда она будет странствовать на завод и с завода в часы пик... Я сказал ей, что мне жаль, что я своей энергией в попытке устроить ее в институт толкнул ее на этот шаг. Она отвечала, что я слишком важным считаю свою роль в ее жизни, и что я тут не при чем. Я отвечал, что рад, что хоть тут моя совесть может быть спокойна. Она сказала, что думала, что узнать это будет мне неприятно. Рассказал ей про нашу секретаршу, которую я боюсь, так как у нее очень грубый голос и она из Красноярска — Лили отвечала, что не только она, но и ее племянник меня бы победил в драке. В общем, этот разговор был очень веселый и радостный, только почему-то никак не удается его записать именно таким радостным, каким он был. Я ей рассказал, что И. А. мне поручил один английский перевод, и что из-за этого немецкий перевод пришлось временно оставить. Лили удивилась, что я для них работаю дома. «Ради их прекрасных глаз, ради гонора, ради честолюбия” “Ф, я думала, что вы только ради моих прекрасных глаз согласны на всё!” “Честолюбие... Мне нравится, что они все со мной любезны, здороваются». И рассказал ей, что директор остался доволен моим переводом, и сказал, что надо будет разыскать еще одну статью этого же автора и перевести. «Но, к счастью, он уехал в Москву, так что эта работа на меня еще не навалилась». И рассказал ей, что целые дни занят печатаньем

иностранного текста в полученные из машбюро наши 133 аннотации, тогда как секретарша делает новые карточки к ним — так как старые, в связи с частыми изменениями в переводе заголовка — в чем особенного изощрялся Ал. Тим., который по-видимому болен, так как его уже 4-й день нет — уже не годятся. Она сказала, что занята переводами и поэтому не знает, когда мы увидимся. Я отвечал, что в таком случае позвоню ей через некоторое время, еще, раз ее нельзя видеть лично. «Что ж, звоните» — отвечала она весело — я почувствовал, что ей было приятно поболтать со мной — я ее развлек немного своими благоглупостями. Предлагал даже полушутя купить ей иностранную машинку — как будто для себя. Но она отказалась — впрочем — конечно это не реально, раз она уже фактически поступила на завод. Спросила, видел ли я Ксану — я отвечал, что нет, что после тех волнений с ее институтом — она отвечала, что в самом деле я тут волновался гораздо больше чем она («Может быть от того что это было сразу после моей болезни» — отвечал я) — вообще никого не хотел видеть и не видел. Если Лили пристанет к заводу — это будет большое счастье для меня. Она будет здесь и когда мне станет грустно, я всегда смогу позвонить ей — и снова такой же разговор.

Конечно, мой кузен пожалел бы на это время, но в Лили вся моя жизнь — и ее малейшее слово для меня всегда имеет такое большое значение. Трудно представить, что она когда-нибудь состариться, как состарилась Обухова. (В автобусе сегодня кто-то сказал, что Зара Долуханова ввела новую моду носить чёрно-бурую лису в разрезанном виде — а об Обуховой уже не вспоминают!) К телефону подошел ее отец — и его голос меня обрадовал — он всегда ко мне хорошо относится. Да, вообще любопытно — как-то Лили станет службисткой... Но надо переводить для И. А. статью о режиме стока рек. Кстати, я заметил, что за университетские годы мне настолько набила оскомину всякая литература — западная, русская и т. д. — вся эта зубрежка содержания романов — что я теперь просто наслаждаюсь, когда перевожу — ведь мне не нужно запоминать всего этого — это дело других... Мне жаль только, что теперь я временно снова был вынужден переключиться на печатанье аннотаций — правда — только одного иностранного текста плюс корректировка на русской машинке, по путно. Сказал еще Лили, что у нас замерзла вода, она удивилась, что мы не оставляли кран слегка открытым. «Ждем, когда потеплеет» — в ответ на ее «Надо принять меры». Она удивилась инертности нашей квартиры. Падчерица партийной дамы все наигрывает эту знаменитую чешскую песенку: «Друг мой желанный»... С появлением секретарши стало веселее, ее зовут Галя — и ее вызывали на эти два дня в милицию по обвинению в краже 600 руб. у студентки в общежитии — она была весьма возмущена этим нелепым обвинением, и боится, что из-за этого ей могут отказать в прописке в общежитии Политехнического института. Сегодня в 7 часов вечера их всех вызвали в милицию — она сказала, что наверно прекратят дело, так как нет улик против кого бы то ни было. Так и неизвестно, кто похитил эти деньги во время сна владелицы, когда комната была открыта. Все это прелести жизни в общежитиях. И замечательнее всего то, что как раз накануне в разговоре

с ней — я сказал, что в общежитии жить страшно в ответ на ее замечание, что ей там нравится, весело и т. д.. Голос ее очень грубый, иностранных языков она не любит, называет Ал. Тим. фашистом за преклонение перед иностранщиной, в самых лучших отношениях с И. А. Спиваком и со мной. Но я ее боюсь — в ней есть то самое трамвайное грубое, которое можно так же интерпретировать понятием воительница — и в самом деле — она воюет со всеми — с милицией — за это подозрение в краже, с дирекцией Политехнического института — за то, что ей не дали сдавать сессию за какие-то хвосты по болезни — она на втором курсе — и первый курс была очень больна, лежала в больнице, и с тех пор администрация Политехнического института стала ее корить за неудачи в учебе. Ей нравится отвечать на телефонные звонки — даже в соседней комнате, где теперь почти никого нет, так как издатель болен, а его секретарша мучается на складе издательства с отправкой «Известий ВНИИГ» бесплатным подписчикам и ее тоже нет. Воюет она и с Ал. Тим. — за то, что тот ее заставлял по-обезьяньи переписывать ему целыми страницами термины по гидротехнике из какого-то журнала — сравнительно — по-немецки и по-французски. И прямо говорит: «Только бы дед завтра бы не приходил. Дед — фашист». Спивак ей симпатизирует — ему, конечно, импонирует ее грубость. Да и он тоже сибиряк из Иркутска, приехал сюда в 1933 г.. В играх с Витей летом мы четко разграничивали эти два типа — «воительницы» — как эта секретарша — и «неженки»... К неженкам конечно, относятся Лили — да и летом, когда я читал «Нашего взаимного друга» Бэллочка мне всегда напоминала Лили. Как-то я предпочитаю последний тип — вероятно, с ними не так страшно, они слабее... И. А. заставил Галю прибрать все его бумаги — и правда — она прибрала — и так хорошо, что теперь даже приятно посмотреть в шкап — и все бумаги И. А. разложены по папкам, что в прочем не мешает ему вдруг начать искать там бумагу, которая на самом деле у него в столе. Когда она ходила в милицию, мне было ее очень жалко — мать ее зовет в Красноярск, но она не хочет ехать, чтобы не оторваться от учебы здесь. Она хочет проработать здесь до второго семестра, сдав за первый заочно, а потом уйти опять в Политехнический институт. Но хочет уехать на два месяца в Красноярск — и вообще — тогда придется уйти из нашего НИИ, так как кто же ее отпустит. Вся эта ситуация мне живо напомнила мои московские страдания 1943–1944 гг., и мне стало ее по-эгоистически жалко. И в то же время я ее боюсь. Один раз она уже ездила даже в служебном автобусе — я почему-то сел рядом с ней и говорил всю дорогу. Вчера она плакала, но не при мне — мне только сказали об этом в библиотеке, где всегда любят перетряхивать чужие невзгоды и радости. Сегодня сказала, что хотела бы в кино, а вместо этого в милицию — и осталась ждать на службе чтобы не идти домой. И работала.

30 марта 1953 года

По радио — опять о бактериологической войне — зараженные гусиные и утиные перья, мухи в пакетах и пр. Все это — там, на Востоке... А вчера и весь вечер сидел с сифонщиком в читальном зале Политехнического ин-

ститута — какое красивое здание у этого института — особенно вестибюль, совсем дворцовый! И переводил ему устно куски нужных ему для диссертации статей из журнала Ам. Об-ва Гр. Инж и из одного канадского журнала, который теперь уже больше не существует, разделившись на два новых журнала. Сифонщик почему-то очень любит копаться в иностранном старье — его товарищи и руководитель говорят ему: «Пишите скорей работу. Что вы там найдете!», а он все роется в старье, надеясь найти перлы. Вчера он много сделал выписок — главным образом, всякие замечания математического характера — зависимости и т. д.. Просидел с ним почти до половины десятого, так устал, что в конце переводил автоматически. Вообще устный перевод ему показался гораздо продуктивнее письменного, и он сказал, что может быть попросит меня провести с ним еще один такой день. Что же касается платы — то это когда он разбогатеет, когда защитит осенью диссертацию. У него 5 человек детей и жена в Петергофе, которые живут там на подножном корму, а он вынужден жить в общежитии в Лесном — и это дорого. Вечером он торопился на поезд, чтобы ехать к ним. На носу у него колоссальный волдырь, руки необычайно корявые, ногти какие-то все покореженные, и мне его было очень жаль. Кроме того, занятие с ним мне напомнило о том, как Лили занималась со своим медицинским диссертантом в Публичной, когда я был болен — теперь, в связи с ее поступлением на службу — он осиротеет. Поэтому я сказал, что плата мне вообще не нужна. Он был весьма тронут таким альтруизмом. Мне было жаль только, когда мимо нас проехал наш служебный автобус — и потом, поздно вечером, когда мне пришлось дрожать от холода в полупустом трамвае, а с ним я вообще ни о чем не помнил, кроме наслаждения английским текстом и отдельными ироническими местами, которые можно найти даже в технических текстах (в университете я всегда спорил с нашими преподавателями, которые никак не хотели согласиться со мной, что ирония имманнентна для английского языка). Сегодня воскресенье — вчера еле выпросил у м-м Барсуковой дров — так как мои все еще не распилены — это не так сложно, но м-р Барсуков обещал, что это сделают сегодня. Но, как обычно, проснулся когда почти все в печке прогорело[181]. Сейчас пойду пообедаю без супа — по воскресному — в столовой, которая с некоторых пор открыта с 8 часов утра, но не имеет утром супа, но это лучше, чем толпа позже. Из Туниса сообщают, что бей капитулировал, под угрозой свержения с трона, назначил марионеточного премьера взял обратно жалобу на ООН. Сегодня весь день придется переводить статью для И. А. — но это только приятно, на машинке, спокойно, под звуки радио.

---

[181]Комната в коммунальной квартире в которой жил И. Л. Мусселиус находилась по адресу Ленинград.наб.канала Грибоедова дом 49 квартира 12.В квартире этой до блокадной зимы 1941 год проживали Беляева В. Т. и его сестра З. К. Стефанович, но после их гибели в блокадном Ленинграде она была занята людьми потерявшими свое жилье и семье М. В. Инюшина оставили в ней одну комнату, в которой и жил И. Л. Мусселиус.

Сифонщик не приходил все это время, так как болел гриппом. На кухне М. Тв. Барсукова моет пол — и кухня недосягаема для мытья...

Но вместо перевода для И. А. пришлось переводить для Коли его домашнее чтение — он был болен гриппом три дня, и у него образовались небольшие задолженности по пэк"у и английскому языку. Пришлось помочь. Это было так скучно — читать "The New Times", который я и в руки не брал после Университета. Позвонил Лили — но ее не было дома, гуляла. Да и не хотелось особенно идти к ней днем сегодня — она не любит видеть меня в воскресенье. Потом пообедал с Колей в столовой — первый раз за все время — потратил 15 руб.

Дом на канале Грибоедова 49 в Петербурге в котором в квартире № 12 жила семья И. Л. Мусселиуса

Михаил Васильевич и Кира Владимировна Инюшины с сыновьями Юрием (справа) и Виктором (слева) в первой половине 1950-х годов, Восточный Казахстан

Кира Владимировна Инюшина (Беляева — Мусселиус) с сыновьями Игорем Мусселиусом, (стоит справа) Юрием Инюшиным (стоит слева), Виктором Инюшиным (стоит справа на переднем плане), конец 40-х годов XXвека, г. Усть — Каменогорск

70 коп. на двоих — но он ничего не просил в долг — и то хорошо. Комнату, в которой они живут, у их хозяйки отобрали, но и оттуда все равно выселят после 15 апреля и передадут её тем, кто на очереди в том районе. Супруга Коли уже 2 месяца как не работает — все хлопочет о комнате, суд, рик и пр.. Ей предложили работу инспектором какого-то жилотдела — и обещали комнату: во вторник пойдет устраиваться. Временно, конечно — так как иначе зачем было кончать институт. Ее отец — далеко — на Севере — в районе Печоры — скоро у него будет четырехмесячный отпуск. Он там начальник какой-то механической мастерской. Большой оклад, но и семья большая. Вся эти история — суды и пр. мне очень напоминает «Холодный дом» Диккенса. Только Коля, к счастью, этим не увлекается, а занимается усердно в Институте. На практику он поедет в Петсамо. Обещал как-нибудь прийти ко мне после 1-го, чтобы попытаться встретиться с Лили. Может быть, ее любопытство встретиться с ним заставит ее согласится на встречу со мной сразу же — а не ожидая ее отпуска, который, по правилам должен быть через 11 месяцев. А мне интересно увидеть ее уже службисткой. Дрова обещали распилить завтра. Сегодня сжег остатки занятого вчера — тепло, да и на улице немного тает.

По радио сегодня снова слушал Обухову — ее воспоминания. Но только конец — начало прозевал — так как провожал в это время Колю до трамвая. Он просил меня не сжигать два старых стула без сидений — когда получит комнату, он их возьмет. Но мне что-то стало очень грустно после этой радиопередачи Обуховой — вспомнилась девушка из Барнаула и прошедшая молодость.

Купил вечером колбасу и послал маме телеграмму, так как послезавтра ее рождение — в телеграфе дали сперва сдачи 50 коп. вместо 60, но я потребовал марку, раз у них не было мелочи и получил сполна... При выходе чувствовал какую-то жестокость ко всем, и как раз две каких-то девушки входили — и я так быстро вышел в дверь-вертушку, что одну из них довольно быстро понесло в отделение дверки, вместе с рукой (hand) (или перчаткой) другой, которая не успела и поехала во втором отсеке — а мне было приятно, что ей больно и неприятно.

2 апреля 1952 года

Понемногу становится теплее, но все равно по утрам холодно и много снега. Вчера звонил Лили — она в самом деле поступила на завод — вчера работала первый день — ей дали читать какой-то журнал, чтобы потом доложить

содержание инженеру — и он решит, переводить или нет. Встала в 6 часов утра и «троллейбус довез» — обратно вернулась в 7.30 вечера, очень устала и хотела спать[182]. В общем, я ее больше не увижу в ближайшее время — это ясно. Месье Барсуков обиделся на меня из-за дров — что я в воскресенье справлялся, когда же их будут наконец пилить. Их распилили — обошлось 25 руб., но хуже всего то, что они совсем сырые, хотя — березовые — и я страшно мучаюсь, растапливая их. Сегодня сжег 5 газет, но так и не мог растопить, пока не отодрал березовой коры и не стал разжигать как костер, сидя у печки вокруг дымящихся щепок — на полу черт знает что — и прибрать невозможно, так как эта печка отняла все силы, обжег палец, и теперь даже больно печатать. Вчера отдал свой перевод И. А. — тот взял, а сегодня опять устроил мне сцену, не нравится — он хотел отправить его в Москву кому-то из своих знакомых, но самому проредактировать лень — и свалил это на М. Б. Гинзбурга, который, ничтоже не усумняше, стал все переделывать снова — ну и пусть, мне все это надоело — П. В. нет, он все еще в Москве. Если бы он был здесь, он бы сумел разобраться в моей версии, а И. А., с его странным чрезмерным отставанием русского языка вообще неспособен к терпимости — его сердит малейшая скопированная с иностранного конструкция. Завтра думаю сказать ему, что хотел бы получить командировку в Казахстан для ознакомления с практикой — и с «нашей техникой» — за незнание чего он меня постоянно корит — как будто я могу по популярным книжкам, которые он мне рекомендует читать, научиться сразу всем возможным математическим, гидравлическим, динамическим и прочим терминам. Объяснений от него никаких вообще невозможно получить — и я так и не знаю, какая все же разница между просто режимом и режимом стока — и Гинзбург тоже ничего не объясняет. Сегодня кончил, наконец, корректировку нашей темы — описание ГЭС только завтра и можно будет передать в переплет — секретарша забыла что не было двух фотографий — пришлось три раза беспокоить фотографа из-за этого — эти фотографии еще не готовы. Спивак сделал очень хорошую картонку для аннотаций — я ее попросил его сделать — и И. А., увидев заказ, одобрил — а я думал, что он меня будет бранить за то, что я попросил Спивака сделать эту коробку сразу, не поговорив сперва с ним.

Завтра возобновлю, наконец, немецкий перевод для Картелева — начало он уже взял и просил скорее кончить — для него приятно и делать — он не такой привередливый, как И. А..

Вчера получил открытку от мамы — просит купить несколько книг — сегодня пришлось идти искать после работы — но нашел только одну — о советских шахматистках, купил еще булок и «опиумных конфет», которые подешевели на 10 коп. — 100 грамм — думал сегодня приготовить белье для прачечной — но так устал от этой проклятой печки, что ни на что неспособен — пожалуй, придется снова уходить в Публичную библиотеку и прятаться там от холо-

[182]Так что даже отказалась слушать о моем впечатлении о лекции на тему о Ленинградском метро — у нас в НИИ в тот вечер.

да — я там не был уже очень давно. Сегодня все валится — даже пролил воду, приготовленную чтобы завтра чистить зубы — придется кипятить сегодня еще раз — и выпью еще чаю заодно (но вместо этого попросил из чайника партийной дамы). У секретарши все уладилось с ее неприятностью — родители еще упрекают ее, за то, что она поступила на работу, не спросившись их совета — они бы хотели, чтобы она вернулась к ним в Красноярск.

Печка растопилась — но это стоило стольких усилий, что я просто проклинаю все на свете. Брикеты в тысячу раз лучше.

4 апреля 1952 года

Вчера И. А. поссорился — и очень крупно — со Спиваком на партсобрании — выступив против его кандидатуры на какой-то пост. Поэтому сегодня они весь день пикировались. И. А. упрекал Спивака, что он под предлогом поездки в Горлит занимался личными делами, а Спивак в ответ на это отвечал целой серией неприятельских акций, грозя: «Не забывайте, тот, кто сеет ветер, пожнет бурю». Он упрекал И. А. в том, что его рабочим нечего делать, он оккупировал издательство, послав туда свою новую корректоршу вместе с ее столом и чернильным прибором, так что когда секретарша издателя — который все еще болен: воспаление легкого — вернулась откуда-то — она, к своему ужасу, обнаружила, что ее комната оккупирована. Но самой остроумной выходкой Спивака было то, как он принес И. А. брошюры, подписанные к печати и. о. заместителя директора[183], которого И. А. считает ничтожеством, зная его работу по строительству, тогда как подписывать их к печати И. А. всегда считал своей прерогативой, как редактор... Увидев подпись презираемого им Соколова на своих любимых «брошюрах типа резюме», над которыми он столько пролил пота и чернил из своей чудо-вечной ручки, И. А. чуть не подлетел от бешенства в воздух со своего места... он скоро уходит в отпуск и Спивак решил, что безопасно может поэтому ему хорошенько насолить — все равно тот не успеет ничего серьезного сделать до отпуска — а потом — все забудется...

Вчера приехал из Москвы П. В. . Ему удалось прописать там свою Тассовскую дочь еще на 6 месяцев, но со штатами все не ладится, и директор хотел, чтобы туда поехал И. А., но тот отказался — наверно, хочет в отпуск. В. П. приехал в новом костюме и с новой вечной ручкой — очень важный — не подступиться: вероятно, от постоянных аудиенций у вершителя судеб главка и министерства. Сказал, что ему очень скучно в Москве было.

Сегодня сдали в переплет Спиваку нашу тему — описание западных ГЭС. Гинзбург забыл изъять из своей ее части две пустые карточки — но П. В. решил их не вынимать, так как мы уже пронумеровали все страницы. Фотограф сделал последнюю фотографию вовремя, так что мы бы могли ее вклеить, но секретарша заупрямилась и отложила все в сторону до того времени, пока тема не вернется из переплета: это в знак протеста против того, что я ей слишком часто напоминал о необходимости вклеить фотографию. Ей понравилось, когда я сказал про себя, что у меня мелочный характер. Вчера она собиралась

[183]Заместитель в Москве!

в театр, но не попала и билеты пропали. Дело в том, что ее спутника пьяный студент пырнул ножом в плечо и перерезал мышцу, когда они проходили по коридору. Ее спутник был спортсмен, очень сильный, а пьянчуга со своим товарищем встали поперек коридора и не пускали их пройти. Ее спутник просил их отойти, а они: «Хоть ты и сильный, а мы тебя все равно изобьем» «А попробуйте» (he dared him to it do). И тут то и пошел в дело длинный нож. Было сильное кровотечение, снова вызвали милицию как в тот раз, когда кто-то тиснул у кого-то 600 карбованцев, и было не до театра. (Она хотела смотреть какую-то пьесу, написанную по повести «Трое в серых шинелях», «Калиновая роща», как будто). Узнав об этом, я выразил свой ужас, но она говорит, что там весело жить и она не представляет, как бы жила дома. «Хорошенькие развлечения...» — сказал я, имея в виду 600 руб. и этот случай, но она отвечала, что это — не главное.

Сегодня был у Ал. Тим. — просто надоели в библиотеке — и пришлось пойти одному, хотел вместе с секретаршей, чтобы не было скучно, но она вечно занята. Он был болен гриппом — простым — вирусного уже здесь нет, но уже почти поправился и в понедельник ожидает, что его выпишут на работу.

Гинзбург сказал, что середина моего перевода лучше, чем начало, но что русский язык не аховый. Гинзбург ввел новое словцо-реакцию на отсутствие И. А. в конторе: «И. А. нет?» «Вышел куда-то...» «А-а-а-а... на руководящей работе — понимаю». Сегодня это уже повторил Спивак.

П. В. обещал просить И. А., когда тот будет ему сдавать дела перед уходом в отпуск — чтобы мне дали командировку в Казахстан на июнь и отпуск перенесли на июль, чтобы я мог напрактиковаться с помощью натуральных впечатлений. Я попросил его поговорить об этом с И. А., чтобы не испортить дело, а то я никогда не умею выбрать момент — попросишь И. А. когда Спивак его сумел довести до ручки, и все пропало. Спивак мне дал большую алфавитную книгу, по моей просьбе, чтобы вносить туда все новое, что я узнаю из терминологии техники, но я ее еще не начал — уж очень она красивая, жалко пачкать. Секретарше завидно, что он мне дал эту книгу — она с ним в самых лучших отношениях, и после сегодняшнего крупного разговора И. А. с ним, она сказала: «Ну и сволочь же И. А.!!!» (ей понравилось, что Спивак хлопочет о работе для своих рабочих). Я ее призвал придерживаться политики невмешательства.

После 1 апреля в Доме ученых все сильно подешевело — два дня я обедал по три рубля, а сегодня за пять — ел очень вкусный бульон с фрикадельками — настоящий янтарь, но и стоил этот суп 3 руб. 25 коп. А на второе, взял макароны с сыром. Официантка, напоминающая Лили, получила какое-то повышение и больше уже не подает. Очевидно, ее тяготило, что нужно подходить к обедающим и терпеть на себе их взгляды. Она — я раз слышал, как она это говорила кому-то, хотела даже уйти совсем из столовой, поступить на швейные курсы. И, вот заведующий столовой — огромный, толстый, очень напоминающий гоголевский тип слуги — решил ее подвинуть, чтобы сохранить. Я узнал об этом совершенно случайно сегодня: какая-то официантка

заболела — и он предупреждал посетителей, что из-за этого им придется ждать дольше обычного. Кто-то сказал: «А Капа?» «Капа — у нее свое дело» «И потом — мне показалось, как перед буфетом мелькнула ее фигурка в черном платье, без передника, этого атрибута официанток, и моментально вновь исчезла. А единственная действующая официантка отдувалась за четверых. Впрочем, я пришел рано, так что мне не пришлось ждать. Заведующий столовой всегда со мной очень вежливо здоровается, после того как я раз ему пожаловался, что у меня заказ приняла одна официантка, а обед принесла другая, и что это меня спутало и расстроило, так как я уже заплатил первой.

Я люблю случайно узнавать всякие подробности — сегодня точно узнал, что заведующая библиотекой — супруга директора. А Галя (секретарша) — наоборот все расспрашивает. Например, вчера спросила, женат ли Гинзбург, а почему я знаю. Я ей сказал о моей манере случайно узнавать обо всем. Она тому удивилась? «Вы и мою фамилию тоже случайно пока не узнаете не будете знать?» «Конечно, тут меня спрашивали, как ваше имя-отчество — я отвечал, что не знаю». Вообще, теперь не так скучно в нашей конторе, есть с кем поговорить, когда никого нет.

Вчера были именины падчерицы партийной дамы, но она их праздновала позавчера. Она пришла ко мне и принесла библии, которые брала накануне, показывать картинки своим гостям. Спросила, кто такой Лютер и есть ли черная магия. Я пытался ей разъяснить, опираясь на соответствующие статьи в энциклопедии, но энциклопедия за это время так устарела, что почти не помогла: хотел ей рассказать про Зигмунда Фрейда и психоанализ, связав это с магией, но, увы, почувствовал, что все забыл об этом, а в энциклопедии не было и намека на эту тему. Она говорила, что предсказание цыганки, которая верно назвала имя молодого человека ее подруги, Милки, очень крикливой и смеющейся студентки какого-то института, а также фокус одного курсанта, товарища одного ее знакомого, с произвольно двигающимся картонным человечком, возбудили ее интерес к магии. Я ей рассказал, что помнил о внушении, о народных взглядах на ученых средневековья как на магах, и т. д. И все время смотрел на ее ноги в капроновых чулках и в туфлях на высоких каблуках, и на ее красное платье (бордового цвета) — не на лицо, так как ее лицо не вызывает никаких романтических эмоций. Сегодня она опять приходила взять Тургенева и Куприна, почитать, и снова то же платье, те же туфли, те же чулки... Я ей рассказал о происшествии с секретаршей, но это не произвело на нее никакого впечатления. Вчера я ей предлагал пойти со мной куда-нибудь в знак ее именин и поскольку она никого не ждет, но она отказалась: «Хозяйственные дела и буду мыть голову». Ее мнение о Тарзане — «когда смотришь, увлекательно, а посмотрел, и чувствуешь, что зря восхищался». Она считает, что «Индийской гробницей» восхищались также, как и Тарзаном, но мне кажется, что последним — больше. Ругала меня за неметеный пол. Грозила напустить на меня Милу, она такая пройдет как следит, если я не подмету. Пришлось сегодня подмести, после её второго визита. Ее ноги были очень хорошо видны, когда она встала на борт кровати смотреть книги, так и хотелось их коснуться.

Вчера получил телеграмму от мамы, три раза приходили и бросали в ящик приглашение мне самому пойти на телеграф, но я не пошел, принесут и в четвертый устал после службы. Потом, правда, принесли, хотел было выругаться до этого по телефону, почему не приносят долго, но разговор с падчерицей улучшил мое настроение и я забыл свой гнев. В телеграмме была только благодарность за поздравление.

Сегодня печка растопилась сразу, наученный горьким опытом, я растапливал ее понемногу, корой. Так что успел приготовить белье к прачечной и написать это.

2 апреля 1952 года. Письмо 1-е матери[184]**.**

Дорогая мамочка!

Получил вчера твою открытку.

Завтра спрошу И. А. относительно своего отпуска и возможности получить командировку для ознакомления с практикой. Тогда и пошлю это письмо.

Удалось купить только книгу о шахматистках, Плоткин весь распродан, Лацис не выходил, а Прибалхашье никто не знает об это книге, и да и фамилию автора я так и не разобрал в твоей открытке. В доме книги литературный отдел еще на переучете после переоценки, когда откроют, то спрошу еще там. И если нет, то больше искать не буду так как университетские киоски мне теперь не доступны, а где же еще все это искать.

Страшно хочется спать — и так не успел подготовить белье в прачечную, придется и завтра не брать с собой на вечер работы.

Мне кажется, что шахматистка Руденко работает плановиком в Ленгидэпе. Мне помнится, что, когда мы там с ей сидели в одной комнате, она что-то говорила о своем шахматном даровании. Фамилия та, но по портрету я ее как-то не узнал, уж очень старая.

Месье Коньков тоже набирает гонорары из местной газеты, он мне даже прислал газету со своей статьей о Гоголе, но Лили забрала эту газету и я не надеюсь, что получу ее когда-либо обратно.

Вите что-то писать не хочется, устал и вообще нет настроения.

Все — спать.

4 апреля 1952 года (продолжение письма маме).

Так и не спросил И. А.. Сказал П. В., пусть он лучше с ним об этом поговорит, а то теперь И. А. жутко злой. Дело в том, что из министерства пришел приказ, ограничивающий бесплатную рассылку изданий института, горячим поборником чего И. А. всегда был, считая это лучшим способом внедрения техники, а теперь, приказ поперек дороги... И Спивак еще этот приказ прочитал раньше него, подобрав его на его столе.

---

[184]Инюшина Кира Владимировна, мать И. Л. Мусселиуса

Был сегодня опять в Доме книги, литературный отдел открыт, но там абсолютно ничего нет, чего ты хочешь.

Лациса — одни рассказы, о Прибалхашье никто ничего не знает, а книжка Плоткина, такая драгоценность, что весь ее тираж расхватали за один день в феврале. Так что и искать нечего. Шахматную книжку на днях, вероятно, в воскресенье, пошлю тебе.

Я думаю, просить командировку на июнь и отпуск на июль, так как-это самое теплое время, а я тут замерз неимоверно, у нас до сих пор еще ночью –10, днем правда, около нуля. Немного неудобно, что в июне Юра будет сдавать экзамены, но иначе ничего не получается. Впрочем, очень может быть, что мне вообще не дадут командировки и откажутся перенести отпуск на июль, тогда я думаю, вообще отказаться от отпуска, ехать на сентябрь и возвращаться обратно уже в холод, расчета нет. Лучше уж тогда подождать до будущего года и взять сразу отпуск два месяца. Но я все же надеюсь, что, когда приедет из Москвы Борис Владимирович можно будет что-нибудь устроить.

Во время моей болезни из амбулатории присылали сестру, вроде описанной Диккенсом в «Мартине Чаззлвите» миссис Гэмп, которая мне приносила суп из столовой. Она же спалила все брикеты, которых мне бы хватило на месяц если бы я не был болен.

Лили стала совершенно недосягаемой, вероятно, весьма горда тысячным окладом и своей героической попыткой (троллейбусы, вставание в 6 часов утра, проходная завода и т. д.).

Месье Коньков и Айрин совершенно бросили мне писать, наверно, я им обоим порядком надоел своими письмами, и я им не пишу, некогда. И сегодня надо бы заниматься подводным бетонированием. Но я нарочно не взял с собой этой работы, чтобы покончить с этим письмом к тебе и с бельем. Картелев уже взял все начало себе, а я все никак не могу сдвинуть с места остающиеся 40 страниц инструкции, отвлекает впечатывание иностранного текста в аннотации, но скоро кончу их все и тогда займусь подводным бетоном вплотную. И в воскресенье. Только в воскресенье думаю еще пойти в баню, прачечную и отдать в починку калошу, которая развалилась сзади, только что купил почти!!!

Сапог зашивал сам иголкой, которую мне одолжил м-р Барсуков. Там надо было зашить по шву и поставить маленькую заплатку в носок.

Ну, до свидания, целую. Твой Игорь

4–5 апреля 1952 года (письмо младшему брату[185] на Аблакетку[186] в Казахстан)**.**

Дорогой Витя!

Пишу тебе только короткую записочку, так как уже за полночь, почти час ночи, а завтра мне рано вставать.

---

[185] Виктор Михайлович Инюшин, младший единоутробный брат И. Л. Мусселиуса

[186] ВКО, Усть-Каменогорск, пос. Аблакетка, дом 124

Читал ли ты во вчерашней «Московской правде» фельетон о двух английских канцеляристах, решивших подшутить на 1-е апреля, подкинули в полицию пакет, якобы с атомными секретами.

Если не читал, обязательно прочитай, я давно еще не смеялся так, как сегодня утром, когда прочел ее в газете на стенке.

Неужели Юра все еще хочет жить в общежитии Политехнического Института после всех тех ужасов, которые там имеют место, судя по рассказам нашей секретарши?

Я думаю, что ему безопаснее жить со мной, чем там.

Уж я бы никогда не согласился жить в таком страшном месте, как это общежитие.

Ну, пиши, твой Игорь.

П. С. Постараюсь приехать в июне, но не знаю, удастся ли.

А как поживает наш несчастный Индич?

А тунисский бей струсил, и сменил тунисское правительство, когда французский резидент, деголлевец Де Отклок пригрозил его заменить на троне его сыном.

Что-то давно не читал ничего о корейских переговорах.

13 мая 1952 года. Письмо 2-е матери.

Дорогая мамочка!

Вчера во время моего отсутствия приходил ко мне М. В.[187]*. Сегодня утром я ему звонил, и он сказал, чтобы я приехал его провожать на вокзал, чтобы увидеться с ним. Сказал, что может быть придет ещё сегодня вечером, но не пришел наверно, не было времени.*

Позвонил еще ему, но никто не отвечает.

Вчера Лили меня вызвала к себе, и из-за этого меня и не было дома. Месье Гансовский обиделся на меня, увидев в моем дневнике, который я ему показал, что я пишу, будто он «умоляет» меня ему помогать. Я боялся, что он оскорбится эпитету «лошадиное» лицо, но это как-раз его на тронуло.

Падчерице партийной дамы опять нужно напечатать какие-то бумажки. Так месье Гансовский сегодня мне сказал, что не хочет больше продолжать наших французских занятий — не знаю, удастся ли мне его уговорить сменить завтра гнев на милость. Мне просто хотелось показать ему свой дневник, чтобы он его оценил с литературной точки зрения, а он так принял это близко к сердцу (может быть и потому, что я опоздал на час сегодня и мы не занимались французским, так как должен был написать три письма и очень устал). Вообще, видно было, что его заинтересовало, так как он прочитал все три страницы и хотел дальше[188]*, но дальше не было написано. В ответ на мой вопрос, он, однако,*

---

[187] Отчим И. Л. Мусселиуса Михаил Васильевич Инюшин

[188] Но старый месье Коньков только взглянул.

отвечал, что это скучно, простой пересказ событий, нет психологизма, что мои разговоры с Лили производят фальшивое впечатление, так как звучат они, как разговоры людей с высоким строем чувств, а на самом деле, я дерьмо, дрянь, черт знает что-такое, особенно когда вытаскиваю из-за пазухи свои копейки, застегнутые английской булавкой, особенно это его шокировало, и он специально в прошлом году платил за меня, когда мы обедали в молочной столовой вместе, чтобы я не делал этого при публике (потом я ему отдавал).

Еще он сказал, что я развращаю Лили своим обществом, что общение со мной для нее вредно. Но я так и не понял, почему. Он говорил, что когда один человек унижает другого, низводит его в рабскую от себя зависимость, то это отражается в первую очередь на нем самом. Вообще, это, конечно, верно — в частности, деградация крепостников из-за того, что от них зависели всецело их крепостные (из русской истории) или слова Маркса, часто цитируемые теперь «Дэлли Уоркер», в связи с вопросами колониальным в Британской империи, «Не может быть свободной нация, угнетающая другие народы»... Но все же я не вижу, чтобы моя зависимость от Лили, от её желаний и капризов могла ее развращать. Наши отношения слишком ироничны — в них нет ничего серьезного и губящего жизнь, если отнестись к ним трезво.

Сегодня сдал заявление месье Пичужкину — он его немного подправил и передаст директору, копию (черновик), посылаю тебе, ради любопытства, как раритет. Был и в аспирантуре, причем этому отделу ректор поручил какую-то срочную работу, и я как раз только успел им сдать свои документы, как они закрылись на два дня. Так что не мог даже поговорить с ними подробно. Узнал лишь, что рассматриваться мое заявление будет только в августе, и что пока нельзя сдавать и никаких экзаменов. Но у вас я смогу готовиться по диаистмату. Хотел было присутствовать на консультации по этому предмету, но там вместо консультации экзаменовались какие-то военные, и судя по вопросам я понял, что фактически это почти тоже самое, что мы имели, будучи студентами, может быть, только дополнительные более развернутые вопросы по первоисточникам. Так что не стал особенно разыскивать деканат, где, по словам экзаменатора, мне могли ответить на мой вопрос о требованиях к кандидатскому экзамену, и пошел обратно в отдел аспирантуры, но там дверь была снова (первый раз тоже очень долго пришлось ждать) закрыта, и та же старуха только пробурчала бездушно на мой вопрос об экзаменах, что будут готский язык, диаистмат, история английского языка, языкознание. Кажется все. Целую крепко, пиши, твой Игорь.

Ибо, при существующем положении, составленные мною и А. Т. Конюченко рефераты подолгу остаются непросмотренными П. В. Самостреловым, который говорит, что, в связи с тем, что в машинном бюро нашу работу не оформляют, у него к ней пропал интерес. А, между тем, быстрое утверждение аннотаций имеет большое влияние и на темп их

составления, ибо отвечать на вопросы П. В. Самострелова когда он наконец просматривает аннотации бывает трудно, если аннотация была составлена давно, а снова читать статью — это только лишняя работа, приходится без конца обращаться к старым журналам, тогда как новые остаются необработанными.

Кроме того, при составлении переводов, о чем ко мне неоднократно обращались и обращаются многие сотрудники Института, весьма удобно их сразу печатать на машинке, а затем выправлять по подлиннику пером.

Поэтому до сих пор я часто брал эту работу домой, так я дома перевел почти всю статью о кристаллических жидкостях для В. В. Проскурякова, большую часть работы о подводном бетонировании для И. Е. Каргелева, всю статью о режиме самоформирующихся рек и каналов для И. А. Гиршкана, всю статью о кавитации лопаток корабельного винта для А. М. Чистякова и ряд других статей. Переводить с помощью машинки значительно быстрее, чем если писать от руки.

Но теперь, в связи с моим поступлением в экстернат аспирантуры при Университете я уже не смогу уделять столько личного времени для этой работы, которая не менее важна, чем составление рефератов, и поэтому я был бы весьма благодарен дирекции, если бы мне была предоставлена возможность пользоваться для своих переводов для Института пишущей машинкой, которую, по мнению, безусловно следует приобрести для нашего сектора. Это значительно бы повысило интенсивность и лично моей работы для Института,

Очень прошу Вас поставить вопрос о приобретении для нас пишущей машинки.

(И. Мусселиус)

P. S. Вчера я просидел до часу ночи в Европейской гостинице все ждал М. В., но так и не дождался. Сегодня встретил Войновица в Лесном и он мне сказал, что М. В. был вчера вечером у них.

Я очень удивился, когда, вернувшись от Лили, нашел записку, где меня просили позвонить в Европейскую гостиницу А-000–10/308, никогда ничего подобного не было[189]. И приезд М. В. был (12 май 1952 года) для меня такой неожиданностью, что я не был уверен, что это он, хотя мадам Барсукова и узнала его по фотографии Юры[190], которую я ей ранее показывал. Поэтому, видя, что никто не отвечает, пошел в гостиницу — будучи в новом костюме, про который месье Гансовский сегодня говорит что это не «мишура дэнди», а просто дрянь. Но все же лучше, чем мой служебный костюм. И ждал-ждал — лифт поднимался, выходили фешенебельники в «пыльниках», один с дамой,

[189]Если не считать открытки, полученной мной уже постфактум в позапрошлом году, где ты приглашала меня звонить М. В. в Москву.

[190]Юрий Инюшин, младший единоутробный брат И. Л. Мусселиуса

вроде мистера Каркера с Идиф Домби — все это было забавно, длинные коридоры, лестницы наверх, без конца, в 4 этажа, привратницы на каждом этаже, ключи с позолоченными головками, и английская надпись над лифтом (Lift). . Но мягкие стулья мне не понравились, мне на них, как и вообще на мягких стульях, в том числе у Лили, всегда легко сидеть.

1 декабря 1952 года

Сегодня в Публичной библиотеке я встретил Эллу Шварц, единственную подругу Лили, которую я помню и знаю, так как она говорит очень хорошо по-английски и так как это именно она обратила мое внимание на Лили, когда я еще учился на втором курсе. Она вошла к нам в аудиторию, где м-ме Ярцева читала «Введение в германскую филологию» и хотела передать Лиле какие-то книги, но Лили была больна, и вот тогда-то, в ответ на мое пренебрежительное сообщение, что Лили нет, она стала расхваливать Лили, потом, потом началось все остальное...

И вот сегодня я встретился с ней в коридоре публички, когда я возвращался в технический зал к короткой, но нужной книжке Мейе об основных особенностях германских языков. Она сказала по-английски: “Comrade Musselius!” и потом по-русски «Кончили университет? Где работаете?» От неожиданности я отвечал по-русски, а потом по-английски спросил: “Where have I scen you for the last time?” — и она отвечала “At Lena Chupolina’s. Though it was not the last time since I saw you at the many times after that” и потом все уже было по-английски, с начала и до конца. Все завсегдатаи Публичной были весьма удивлены моему воодушевлению. Я дал ей телефон Лили, и она попросила меня позвонить Лили тоже, передать привет и т. д. Я едва досидел до 9 часов вечера и вернулся домой, даже не стал разговаривать по-английски с месье Гановским, который хотел пить чай в буфете (он сдал четыре кандидатских экзамена, а я три). Дома застал Лили по телефону, к телефону подошел ее отец и сразу передал ей трубку, ее бездушный голос слышен был еще раньше. Разговор был исключительно деловой — одно «да» (она рада видеть Эллу Шварц) и на все остальное «нет» — она не может узнать о судьбе моего кузена, так как для этого надо идти в другое здание или специально приезжать, ей не нужно. «Эк. проблемы социализма» ни по-английски, ни по-русски не нужны. Мейе — «Ах, эта книжка для аспирантов, куда мне...», ей нужен Гундризер, но не библиотечный, а постоянный, библиотечных она может найти сколько угодно, меня она принять не может — «нет, нет, нет» — даже для стимула к сдаче следующего экзамена. И на фоне этого печального разговора я чувствовал, что к ней кто-то пришел, она говорила также бездушно и недовольно, как мне «Ну пойди же, повесь пальто, знаешь, где всегда, что ты стоишь, я сейчас кончу» — чувствовалось, что ей противен и он, тот кто пришел, и я, и весь мир. Она тоже убивает себя немецким самоубийством, наукой — она даже не видела этих двух последних фильмов. «Мне некогда, только сегодня я рано вернулась с работы» — но и сегодня ее отрывают, раздражают звонками, визитами. И казалось, ее голос говорил, хотел дать знать: «Какие все-таки люди животные. Неужели

я не могла совладать тогда над своим животным инстинктом, и вот теперь приходится расплачиваться, принимать так поздно, терпеть насилие над своей свободой» — а может быть она и рада случившемуся, кто знает... Я спросил ее, как она вообще — она отвечала как-то неопределенно: «Да ничего, почти все в порядке». Я спросил, что случилось, но она не ответила. Сказала только в ответ на мой вопрос, что статус ее еще не изменился. Весь этот разговор, нервный раздраженный, раздосадованный с ее стороны как-то очень наглядно и сильно показал мне правоту взгляда графа Толстого об аморальности брака не для детей. Лили права, что не хочет меня видеть. Но мне жаль ее, ей должно быть, тоже тяжело.

Элла Шварц сказала, что придет к Лиле со своим ребенком, и просила не говорить, чтобы это было сюрпризом. Я сказал только Лиле, что ее ожидает сюрприз, не вещь, а факт, не знаю, догадалась ли она. Но вряд ли этот визит ее обрадует, скорее вызовет зависть. Сегодня я дал месье Зурабову заявление о переводе меня к нему в отдел Гидросооружений и присвоении мне звания младшего научного сотрудника. Если его начальник и замдиректора согласятся, то все в порядке. Если нет, я тоже не в накладе, мне важно подчеркнуть, что меня приглашают всюду.

Письмо 3-е матери (без даты)

Дорогая мамочка!

Получил только что твою открытку. Я сдавал диаистмат. Времени для писем не было. Теперь надо заниматься готским языком. Валька говорит, что я не пишу, потому что жалко конвертов — это неправда, мне жалко не конвертов, а марок, ибо конверт можно склеить из даровой бумаги, а марку надо покупать на кровные денежки... на эту идею меня навело только что полученное сообщение, что Дуня просит ей написать, довольно жестокая мысль, но что же делать, когда приходится заниматься готским языком, а месье Зурабов из-за меня имел скандал П. Вяч.. И теперь хочет взять меня к себе в отдел, чтобы я занимался под его руководством непосредственно связанной с моей диссертацией темой туннельной терминологии на всех трех языках. Я уже написал соответствующее заявление месье Кравцову с просьбой повысить мне зарплату до 880 руб. и дать звание младшего научного сотрудника, так как это будет более отвечать существу дела. Раз у меня нет технического образования (формулировку придумал месье Зурабов). А Петр Вячеславович меня ревнует к месье Зурабову, жалуется, что я ему не показываю больше иностранных журналов, а сам делаю какие придется аннотации, большей частью интересующие кого-либо еще. Петр Алдр. еле со мной здоровается, и вообще мне все это достаточно надоело, только я работаю с утра до вечера и в конце концов мне это все равно. Месье Зурабов должен дать подписать это заявление своему начальнику Аким Захаровичу Басевичу, и потом он пойдет к месье Кравцову. Я теперь пользуюсь любым случаем, чтобы

только продвинуться, так как мне надоело быть и. о. инженера и получать 700 руб. Пусть лучше я вообще уйду из Института чем это продолжение унизительного положения.

Из русского издания дневника ты видишь, что вчера я звонил Лили и что из этого получилось.

Юрка[191] хотел пойти к месье Проскурякову после твоего телефонного звонка, но, увы, как всегда, ничего, и мне запретил ему звонить, боится, что я только испорчу все дело своим сюсюканьем.

Узнал потрясающую новость, как Витька[192], этот героический рыцарь, намазал коту глаза мылом и мучает все время этого вора.

Это героично.

Что же еще написать, дрова Валька уже сожгла наполовину. Таково мое мнение. Она же считает, что это не так, так как там не было половины, был один ряд наложен, но в общем, если мы не получим квартиры мы замерзнем. Валька сидит на стуле и пишет письмо и не знает, что писать, потому что она уже написала.

Я ей рекомендую писать первое, что взбредет в голову, но такой метод корреспонденции ей не импонирует.

Я и сам не знаю, что писать еще.

Разве поблагодарить за посылку, мы все уже съели и даже не заметили как, так было вкусно, особенно вкусны были пирожные, я сожрал последнее. Пока Валька ходила в магазин за колбасой, зубным порошком и спичками, поскольку, когда я вернулся со службы, не было ни одной спички, чтобы зажечь газ и вскипятить чай.

Юрка сожрал за один вечер всю банку меда, до конца, Валька, говорит, что она вымоет ее, пока еще она не мытая. Но, в то время когда я царствовал один не только банки от меда, но и чашки были веками не мытыми.

Сегодня я хотел поехать в Публичку после службы, но заснул в служебном автобусе, и проснулся, когда было уже 5 углов... Пришлось вернуться домой. К счастью Валька согласилась сходить за колбасой.

Она в ужасе, что не сделала еще уроков, а завтра контрольная... Оказалось, что она сделала, значит врет она, а не я. Но теперь она снова говорит, что не сделала уроков, и я не знаю, чему верить. Не забудьте ее поздравить с днем рождения.

Витьке писать некогда, надо скорее приниматься за готский, вчерашний разговор с Лиличкой настроил меня по-рабочему, а тут еще Дуня просит ей написать.

Ради Бога, напиши Дуне, ее Адрес: Ленинградская область, Сланцевский район, п/о Новоселье, дер. Завражье, Морозовой Евдокии Дмитриевне.

Пошли приветственную телеграмму, чтобы только мне не было совестно, если я забуду ответить.

---

[191]Юрий Михайлович Инюшин, средний единоутробный брат И. Л. Мусселиуса, был в студентом Ленинградского политехнического института в в описываемый период

[192]Виктор Михайлович Инюшин, младший единоутробный брат И. Л. Мусселиуса

7 ноября 1953 года. Письмо 4-е матери.

Дорогая мамочка!

Извини, что так долго тебе не писал, но все готовился к экзамену, но теперь экзамен отложили до после праздников, и вообще я уже сомневаюсь, стоит ли сдавать его сразу, не лучше ли подождать до утверждения темы диссертации, чтобы потом не терять зря времени на раздумья...

Вчера написал после долгого перерыва две страницы дневника — он отпечатался очень бледным но может быть это даже и лучше, так как мне не хотелось бы, чтобы его содержание стало широко известным то, что выяснилось вдруг относительно Лили, об том никому еще не говорил, но теперь решил все же сообщить тебе, потому что просто я не в состоянии писать тебе писем вообще, не сообщив предварительно этого, потому что известие это меня настолько поразило и подавило, что трудно описать. Все заметили, что я очень похудел, со времени возвращения из Казахстана — да и я сам заметил это, глядя на себя в зеркало. Думаю, что это известие главная причина и то, что я был вынужден все это держать в тайне так долго, но больше я не могу, хотя очень тебя прошу, не обсуждать случившегося публично, и ни в коем случае не сообщать об этом никому, особенно Дуньке, потому что она это извратит и будет смеяться надо мной хотя смеяться здесь абсолютно не над чем. Никто больше об этом не знает. Ни Айрин, ни Юрка... Еще я думаю написать об этом же месье Конькову, потому что я привык с ним делиться всеми своими мыслями, и я не вижу опасности что он будет смеяться надо мной...

В этом дневнике есть некоторые упоминания о приезде Сони[193] в Ленинград, но я надеюсь, что все обошлось благополучно и что просто у нее почему-либо не осталось времени зайти ко мне. Я два раза звонил на Свирьстрой и говорил первый раз с Вас. Вл[194]. и с Соней, второй раз с Вас. Вл., потому что Соня выехала в Ленинград, звонить еще раз не хочется, потому что до сих пор не пришли еще счета за те два разговора, и я боюсь, что чрезмерная сумма этих счетов может образоваться. Кроме того, что даст этот разговор, если что-либо случилось, то все равно телефонный разговор случившегося не исправит... Надеюсь, что к тому времени, когда ты получишь это письмо все выяснится в ту, или другую сторону.

Юрка прибрал мою комнату к приезду Сони, я рад этому. Он пропустил один день занятий, известил своих приятелей, чтобы они ее встретили, а она не приехала, и он меня ругал, что я перепутал что-нибудь... Я вынужден был позвонить на Свирь из-за этих упреков с его стороны, но известие, что она выехала, еще больше подлила масла в огонь, и мы расстались весьма холодно. Он сидел мрачно в моем кресле, в я ушел в Уни-

---

[193]Софья Васильевна Инюшина(Кравченко), младшая сестра М. В. Инюшина, отчима И. Л. Мусселиуса

[194]Василий Владимирович Кравченко муж С. В. Инюшиной

верситет знакомиться с текстильной диссертацией, которая оказалась очень интересной и заставила меня позабыть обо всем. Вечером, когда я вернулся, его уже не было. Деньги я положил в сберкассу, потому что не знаю, как их доставить Вальке, она не приходит сюда, а приглашать ее у меня нет настроения.

Вас. Вл. утверждал до последнего момента, что дом сдается 4-го числа, но вчера только И. А. сказал П. В., что дом еще не принят, и что он не знает когда переедет на новую квартиру. Видел несколько раз строителя тот спрашивал меня, дают ли мне комнату, я отвечал уклончиво, что ничего неизвестно... Вас. Вл. говорил по телефону, что обстановка для получения квартиры неблагоприятная, и что Кураев не расположен... Подробностей он не мог передать по телефону, а Соня почему-то не приехала, так что я ничего больше не знаю. Когда я звонил ему второй раз, он ничего нового тоже не имел. Я ему звонил, потому что два раза звонили мне, но меня не было дома, и я был вынужден сам им позвонить.

Вчера получил зарплату, хотелось бы отдать Вальке ее деньги, и Юрке тоже, но они не приходят. Юрке я дал 50 руб., потому что мне не хотелось терять время на возвращение с почтамта домой, а у него были деньги еще дома и до востребования. В понедельник у Юрки контрольная работа.

Попробую все же сделать инъекцию в местной поликлинике, чтобы не ехать в больницу ПТИ, так это ужасно неудобно ездить в такую даль все выходные дни.

Приедет ли М. В. на гидротехническую конференцию, в Ленинград к 16 ноября? В. Вл. говорил, что это будет поздно для получения квартиры, но мне кажется, что как раз, потому что дом еще не принят, а может быть к тому времени будет как раз принят. На конференцию съедутся все представители

главка, будет выступать Беляков, Кравцов вернется к этому времени из Мингечаура. Может быть, и дом не примут еще до того времени, хотя, судя по словам В. Вл. должны на днях. И Юрка говорит, что дом уже почти готов, только окна в нижнем этаже еще не вымыты и забор какой-то не поставлен, и отопление не всюду наладили.

У падчерицы праздник и она меня угостила бокалом вина. А я все печатаю эти письма, дал ей, по её просьбе, одну копию дневника, другую пошлю тебе сегодня же, а третью, через несколько дне, месье Конькову. Айрин я написал особое письмо, где подробно касаюсь Университета и диссертаций и ни слова об этом открытии относительно Лили...

Валька была все же сегодня и Юрка тоже. Я послал от его имени телеграмму, прошлую он не хотел подписывать, потому что я советовал там относительно дома. А эту согласился, и вообще у него было сегодня хорошее настроение. Он позволил написать тебе относительно Сони и сказал, что не нужно звонить Вас. Вл., потому что, если бы что-либо случилось и он беспокоился, он бы нам сообщил. Впрочем, я думаю, что не обязательно, но вообще не зачем зря его беспокоить лишними звонками.

Дал Вальке ее долю посылки и деньги — Юрке тоже отдал его 50 руб., свои «до востребования» он так и не получил из-за того, что было много народа. Из соседней комнаты, песни, партийная дама вовремя ушла...

Юрка празднует у каких-то своих друзей, вчера тоже праздновал. Я с ним вместе доехал до институтского общежития, чтобы сделать в больнице инъекцию, завтра тоже думаю так. По дороге ему рассказал о диссертации, мне как-то ужасно совестно за свое поведение у Лили, прошлый раз я боюсь, что я ее разволновал своей реакцией на ее открытие, и тем самым она и больна так долго и тяжело.

«Вы всегда верите в то, что вам кажется и чего нет на самом деле... Значит есть еще на свете такие люди, которые не привыкли ко лжи. Напишите Айрин, если хотите, я разрешаю. Она будет конечно чернить меня, когда узнает»... Но я ничего не написал, и целый месяц воздерживался от писем под предлогом экзамена, но вчера и сегодня это прорвалось и я рад теперь у меня совсем другое настроение...

В соседней комнате поют про Ленинские горы, «как хорошо встречать Восход вдвоем») (А когда они вошли ко мне смеющиеся и радостные, с бокалом вина и маленьким бутербродом с колбасой, падчерица решила меня угостить, им стало сразу мрачно и не по себе...

Я так и не взял тетрадок Лили по грамматике, я чувствовал, что видеть ее старый почерк было бы для меня слишком тяжело. Теперь ее почерк совсем изменился, поэтому-то ее последнее письмо без адреса отправителя произвело на меня такое странное впечатление... Вот песенка из «Кубанских казаков», — Лилечка цитировала ее в одном из своих писем... А сегодня по радио, первый раз после длительного перерыв выступила заслуженная артистка республики Лидия Андреевна Русланова, какой голос, совсем не тот, что во время войны, какие-то оттенки неискренне веселы.

У Лили осталась моя книжка, ученые записки ЛГУ с несколькими нужными статьями, и не хочется идти туда брать ее. Лучше прочитаю в библиотеке.

Вообще вся эта история, чересчур мрачна. Я рад все же, что высказал наконец все это, правда под строгим секретом, некоторым...

Юрка сказал, что штаны ему не нужны пока и оставил их здесь.

Родители Лили ссорились о чем-то, когда я был у нее, я боялся, не из-за меня ли. Но Лили сказала: «О, нет, тут был ремонт, ничего не прибрано, из-за этого». Но мне казалось, что им было очень тяжело из-за ее поведения. Отец ее должен был принимать сонное лекарство, чтобы заснуть, а мать, напоминала мне одну из тех подстреленных птиц, которых Витька любил привозить с охоты и мучить дома.

Лили говорила, что романы, чтение романов, испортили ей жизнь. Она сравнивала себя с ними, с м-ме Бовари и другими, и вот результат. Вообще, мне это все напомнило о чешском фильме, мы видели в Казахстане его как раз перед отъездом. У нее телевизор, приходят ее “male friends”,

и поэтому мы не могли встретиться. В четверг «это удовольствие выходное», но она заболела, сказала, что позвонит, когда поправится, но не поправилась, и не позвонила. Я позвонил сам, узнал, что она в больнице, и вчера сказали, что ей хуже и что нет и речи о ее возвращении. Вообще, теперь, наверное, она проболеет до весны... В ее глазах что-то нечистое, и лицо стало совсем, совсем другим... И все же мне ее очень, очень жаль. И я ей все простил, все понял. Пиши. Твой Игорь.

6 ноября 1953 года.

Настал этот день в этом году он пришел в снеговой одежде, под звуки вальса «Амурские волны» и под мелодию арии из «Травиаты»... Вчера в Университете я присутствовал при защите лингвистических диссертаций — одна была типичная схоластическая, о предложных определениях м-ме Ярцева так и сказала, что слишком дробные деления классификации часто схоластичны, а другая, о текстильной терминологии, очень интересна. Она была сделана в историческом плане, начиная от «Беовульфа», по массе древне-средне-английских текстов. Я выступил с заранее подготовленной речью, которая была отредактирована месье Зурабовым. В этой речи был задан вопрос, все ли подобные диссертации надо писать в историческом плане, а не брать как главное и основное в исследовании, современную терминологию данной отрасли. Причем было указано, что я имею в виду особенно те случаи, когда данная терминология не разработана (автор диссертации утверждала, что современная текстильная терминология хорошо разработана в словарях и специальных монографиях). Еще я указал на ценность подобных работ не только для английской филологии, но и для той отрасли техники, терминология которой изучается, причем отметил, что это значительно облегчает использование полезного иностранного опыта нашими специалистами, что особенно уместно в легкой и текстильной, а также пищевой промышленности, на развитие которых в последнее время было обращено особое внимание партии и правительства, и напомнил о последней речи Микояна, где он говорит о необходимости заимствовать последний иностранный опыт...

Моя речь была отражена в протоколе, где была отмечена польза этой диссертации не только для лингвистики, но и для техники. Елене Ивановне моя речь понравилась, я ей звонил потом по телефону. За обе диссертации было подано 12 голосов, никто не голосовал против, никто не воздержался. Такова традиция гуманных гуманитаристов, месье Зурабов возмущался когда, при защите технических диссертаций, всегда столкновения и разногласия. По окончании я дождался возможности передать м-ме Ярцевой письмо с проектом плана туннельной диссертации и с вопросом о том, не выбрать ли лучше чартисткую тему и не подождать ли со сдачей последнего экзамена до утверждения темы, чтобы потом не терять времени на раздумье, а тем временем лучше подготовиться к экзамену. Эта мысль как-то раньше мне не приходила в голову, а теперь вдруг пришла.

М-ме Ярцева немного постарела, но голос остался все тот же, ровный и спокойный. На мой вопрос, уедет ли она сразу же в Москву, так что больше мы уже не встретимся, она отвечала спокойно: «Да, конечно» — и обещала прислать мне письмо с ответом на мои вопросы. Елена Ивановна сказала, что м-ме Ярцева может забыть ответить, но все равно, мне почему-то очень хотелось увидеть ее и передать ей это письмо. С ее образом у меня связаны самые приятные воспоминания, она принимала мой первый университетский и мой первый кандидатский экзамен, ее черные волосы, ее олимпийское спокойствие, все это напоминает былые дни. Но надо идти в баню, интересно, попаду ли я боюсь, что я перепутал — за время принял номер кабинки на талоне и тогда все пропало.

Да, конечно, но по счастью разрешили прийти к 12 часам ночи, тогда можно будет помыться. Кабинка пустовала с 7 вечера... Так всегда бывает со мной из-за моего субъективного идеализма, я бываю всем своим существом уверен в чем-нибудь, потому что оно мне таким именно представляется, а потом вдруг оно оказывается совсем иным, и я теряю самообладание, становлюсь совершенно беспомощным, готовым плакать. Даже кассирша бани меня пожалела и Лили пожалела, когда примерно месяц назад, я внезапно узнал, что она никогда не была замужем (она просила меня никому об этом не говорить, но я скрывал это месяц от своего дневника и его читателей, но больше не могу, иначе я не смог бы печатать этот дневник, не смог бы писать письма, а будучи лишен этого предохранительного клапана дольше, я бы не смог выдержать груза мыслей). «А я воображал, что увижу вашего “respectable looking husband”, мне казалось даже, что я слышал его голос по телефону, когда мы Вам звонили...» «Что же, это доказывает только, что есть еще такие люди на свете, которые привыкли верить...» И фактически только на основании ее слов 1 января 1953 года по телефону я поверил... И ни разу у меня не было ни тени сомнения... Я так себя уверил в случившемся... И когда я вдруг узнал об обратном, я страшно матерился, наговорил тысячу глупостей. Как-то страшно и кошмарно стало почувствовать, что я потерял ее навсегда. Потом проскользнули мысли, что может быть можно было бы как-нибудь исправить в дальнейшем... Я вел себя постыдно, но по счастью, она сказала, что не любит меня и поэтому не может быть речи даже об исправлении случившегося... Я позвонил ей сразу после приезда, надеясь заниматься с ней вместе английской грамматикой и историей языка, потому что всегда, когда я занимался с ней или думая о ней, я очень хорошо запоминал материал. Она согласилась тогда, согласилась и после этого рокового открытия, но после этого, встречи не было, она заболела снова и теперь в больнице. Надеялись, что она выйдет к праздникам, но сегодня старческий голос ее няни известия меня, что ей хуже и нет и речи, чтобы выйти из больницы... Как-то кошмарно и страшно все это. Впрочем, не страшнее, чем нормальная жизнь, потому что во всякой жизни, свои трагедии. Вчера на этой защите я сидел окруженный старыми английскими преподавательницами из «ФРУНЗОВКИ», как они называли училище имени Фрунзе на своем учительском сленге, из Университета, из Текстильного Института, из 2-го Института Иностранных языков, я сперва хотел

сесть сразу против входа, но место там оказалось занятым там, между прочим была Мириам Ильинична, та самая тогда студентка Университета, обучавшая нас всех английскому языку во время войны... И я сел у противоположного конца стола. Вот там-то была рядом со мной какая-то седая учительница. Глядя на знакомые ей лица других преподавателей, она с грустью говорила: «Ах, как все мы страшно постарели. Седые стали все, не узнать. А вместе выходили в жизнь. Полные сил, надежд. Мечтали о чем-то. И все пошло не так, как хотелось. И вот теперь стали старые, седые... Столько трагедий позади. И все, почти все одинокие. И я тоже» — и грустно улыбнулась. Я сидел рядом, холодно смотрел вперед на секретаря месье Братуся, который был переводчиком у маршала Жукова во время войны, а потом преподавал английскую фонетику в параллельной с нашей группе. И видел всех этих учителей, которые на моих глазах постарели, Ирина Петровна, ставшая такой, какой я знал м-ме Ярцеву в первые годы в Университете опаздывающей, вечно занятой, хлопочущей над бумагами кафедры... М-ме Жигадло вся пожелтевшая, изменившаяся так страшно, что ее даже трудно узнать, какая-то худая, странная... М-ме Винокурова про нее моя соседка сказала: «Лицо, как хорошо сохранилось лицо», но зато она так растолстела, что и никогда бы не узнал в ней ту самую м-ме Винокурову, которая понимающе улыбнулась, услышав мою инстинктивно сказанную английскую фразу: “it is closed”, при виде запертого колбасного магазина или на госэкзамене в 1951 году, когда я рассказывал ей о сочинительных союзах в английском почему-то мне очень часто попадался этот вопрос... Елена Ивановна с усталым, печальным, испуганным лицом... Просто кажется... И, наконец, меняется сцена и вспоминается уже ВНИИГовская библиотека и А. Т. Один из инженеров, забыл фамилию, спросил его, как он поживает, и А. Т. сказал что-то о страхе смерти. Почувствовалось как-то беспощадно и страшно, что он боится умереть — бесконечно, беспредельно боится. «Вам бы отдыхать надо теперь, что Вам беспокоиться-то?» «Страшно отдыхать, как в могиле все равно». И на вопрос отвечал как-то холодно и с привычкой, что сын его погиб во время войны. «Единственный сын?» «Да». Мне стало его жалко, я в это время как-раз выписывал из газеты нужный мне отрывок из речи Микояна, чтобы показать Зурабову. Но все равно, я уже никогда не буду дружен с ним, мне он глубоко противен своим старческим чаепитием, тем, что он знает про Лили, он первый назвал ее Еленой Ивановной, и мне страшно больно, что теперь и мне приходится называть ее так, если я спрашиваю о ее здоровье. Мне неприятны его посторонние разговоры, хотя может быть они-то как раз и спасли ему зрение, тогда как мое все больше и больше портится... Да, вообще кошмарно. Вся жизнь страшна. Вся, вся... И куда ни оглянешься, всюду трагедии. Сегодня, когда я делал в амбулатории очередной укол алоэ, сестра рассказывала другой сестре о том, как только что милиционер арестовал убийцу-студента, тот хотел броситься под трамвай, но вовремя был задержан, весь в крови, он убил девушку, тоже студентку, за которой ухаживал, и которая ему отказала. Закрыл дверь изнутри, она кричала, дверь не могли открыть, а когда все же открыли, все было кончено, а он выпрыгнул из второго этажа

на улицу... Она жила одна с сестрой, тоже студенткой какого-то института... «Ах, какая гадость» — сказал я — «Не говорите», — «Не гадость, а жуть» — отвечала сестра (полисемантичное слово!!1) — она уже привыкла, потому что мне каждый день там впрыскивают алоэ...

Ах, как хорошо можно высказать вот так свои мысли, все-все... Даже то, как вот в этот момент промелькнули в моем уме две картинки:

1. Читальный зал фундаментальной библиотеки Университета, перед экзаменом по русской литературе и я читаю Карамзина «Бедная Лиза», «Записки путешественника» Крамзина, и мне так нравится этот ... стиль...Юность, свежесть...

2. Териоки, преподаватель политэкономии, море такое бурное, такое разное и тоже молодость, юность...

Нет, не хотел бы я, чтобы все вернулось, не хотел бы я все это вновь переживать, это страшно. И вообще жизнь страшна, как оглянешься назад, хочется плакать, и вот сейчас у меня уже на глазах слезы... И поневоле пощадишь А. Т., как сегодня его пощадил И. В.. Иосиф Абрамович ему сказал: «Ну, что нам делать со стариком? Ведь не может он работать, зачем его держать?» Но П. В. все же настоял на том, чтобы А. Т. оставили. Он может давать разные полезные справки «к 16 ноября попрошу его составить список гидростанций для описания на будущий год», и на этом разговор закончился...

Вот Лили. Это такой позор, какой трудно понять, трудно простить. «Но ведь хочется наслаждения...» — сказала она. И как-то я понял ее, так часто больная, когда ей лучше она поневоле позволяет себе слишком многое и в результате прежней Лили уже давно, давно нет. Есть только прозаическое толстое больное существо с лекарствами на столике у кровати, грузное, с печальными глазами, с лицом без улыбки, с голосом, в котором есть что-то от прежней Лили, такой, какой я ее видел тогда в Европейской гостинице, но доминирует сталь... Она сравнила себя с м-ме Бовари: «Вы должны понять, что я совсем как м-ме Бовари. Только разве платья еще не шью чтобы только любоваться на себя в них в зеркало и класть потом в шкаф. И я понял, что она права... Как страшно, теперь у меня роковая пустота во всем моем существе, прежней Лили нет, новая Лили — это что-то совсем-совсем другое и чужое. Когда она хотела, чтобы я нашел ее старые алма-атинские тетрадки по английской грамматике на английском языке, и я стал искать их в ее шкафу, я чуть не заплакал от отчаянья увидев там среди этих пачек тетрадей мои письма, а я думал, что она все их уничтожила... И мне вдруг представилась вся горечь случившегося. Возврата нет и не могло бы быть, даже если бы не этот обман, побудивший меня связать мою судьбу с Айрин[195]. Если бы Айрин была здесь тогда, мне не было бы так горько, я бы мог сказать обо всем ей, как я теперь говорю здесь. Но ее не было, а писать было страшно. Я написал ей английское письмо обо всем этом, но

[195]Ирина, жена И. Л. Мусселиуса, жила в Орле, училась с ним вместе в ЛГУ, была филологом, преподавала в Орловском государственном педагогическом институте, до этого выступала на сцене.

я не осмелился его отправить, оно и теперь лежит у меня в письменном столе. Понадобился месяц, чтобы я привык к случившемуся. И все равно, я почти уверен, что никогда не оправлюсь от горя. Сегодня И. А. говорил мне: «Зачем Вы женились? Какая Вам польза от этого?» — и прочее в том же духе и мне стало как-то неприятно и вспомнилось, как партийная дама предостерегала, но я не послушал. А теперь Айрин ничего не пишет уже месяц и не ответила даже на мою телеграмму. Этот год странный, все может случиться вот этот таинственный визит Сони в Ленинград, когда мы ее ждали и она не приехала. Позвонили на Свирьстрой, выехала. И так до сих пор я не знаю, почему мы ее не видели в тот день, 4 ноября... Это ожидание, поссорило меня с Юркой, еще раз, и сегодня он не пришел ко мне. И вот я сижу здесь один и пишу все это. Может быть Айрин, прочтя эти строки, решит бросить меня, что же делать, я не могу, я не в силах дальше нести всю горечь этих мыслей... Сейчас эта песня, «Коммунистическая партия страны... Партия — наша надежда и сила, партия наш рулевой. Под солнцем родины мы крепнем год от года, мы делу Сталина и Ленина верны, советские народы, коммунистическая партия страны...» XIX съезд — последний год со Сталиным — нет это также грустно, и как тогда я плакал на траурном заседании, также я плачу теперь над этим письмом... Позавчера в булочной на Невском какая-то сумасшедшая слепая старуха плакала громко-громко неизвестно о чем, говорила, что боится прозевать автобус, спрашивала, сколько времени. Кассирша грубо ей ответила, что ее часы в доме отдыха... Я сказал по этому поводу Юрке что-то очень холодно по-английски. Все слышали, обернулись, ему было неприятно, и это испортило его настроение. На следующий день, еще хуже. Но хорошо хоть, что он забил обломки кроватей под мою кровать, ожидая, что приедет Соня, и теперь в моей комнате опять стало хоть немного просторнее. Ему кажется здесь трудно, но я привык, мне все равно. Завтра будет демонстрация, П. В. просил меня прийти, но мне не хочется главным образом потому, что сбор около этого дома № 52 у проспекта Карла Маркса, дом, который не для нас, потому что, по словам мужа Сони, обстановка на Свирьстрое неблагоприятная Кураев, директор Свирьстроя, не особенно, то хочет давать квартиру. Да и дом все еще не готов. Сегодня П. В. спросил И. А. когда же он перейдет, когда будет сдан дом: «Не знаю». А в служебной бумаге он только написал: «Дом № 52 будет сдан в 1953 году». «Этот самый интересный дом», сказала бухгалтерша, которой он диктовал письмо...

Вот уже без четверти двенадцать, надо идти в баню, может быть, мне все же дадут кабинку, как-то ужасно странно, что я перепутал цифры на билете, до сих пор со мной никогда не случалось такого конфуза.

Так и не успел сегодня отопить печку все ждал бани. Такое счастье, что дрова в этот год достались легко, упросил м-ме Барсукову их привезти, правда партийная дама завалила их своими дровами в кладовке, так что они, сырые, так и не просохнут, все же они есть. А у партийной дамы есть дрова, но нет печки, так как мадам Барсукова переложила печку, нашу маленькую печку куда-то выкинула или продала, а партийная дама не хочет топить общую печку, так и сидят теперь в пальто... Странно, странный год...

И странно подумать, что месье Барсуков, тот самый, который мне вставил стекло в оконную раму, когда его разбили, который отремонтировал комнату, с которым я так любил говорить о событиях — умер...

7 ноября 1953 года

Все же удалось вымыться в бане, хотя с большими уговорами и трудностями, потом пришел домой, смазал веки зеленкой и проспал до часу дня. Никто не ходил на демонстрацию из нашей квартиры, партийная дама больше уже не работает в райкоме и на трибуну ее не приглашают... На улице мокрый снег, тающий в грязи, обычные группки разряженных молодых людей. Я только вышел на минутку, купил четыре батона с изюмом по 1 руб. 20 коп. и потом снова спрятался в свою нору, как крыса, так П. В. сказал мне вчера на мое сообщение, что я намерен сидеть дома и заниматься. «Как крыса будете сидеть в своей норе», но, конечно, заниматься не хочется. Получил только что открытку от Айрин. Слава Богу, она меня все же не бросила. Обещает приехать сюда 17-го числа. Хотела приехать раньше, на праздники, но не могла из-за болезни преподавателя, которого она замещает.

Не буду ей посылать этот дневник, чтобы ее не расстраивать зря сведениями о мышиной возне, которая меня так расстроила сразу же по возвращении из Казахстана...

Юрка так и не приходил, также и Валька, причем полученную авиапосылку и 100 руб. не знаю, как и передать Вальке, так как забыл ее адрес. А письмо, посланное ей на мою квартиру, передал Юрке для прочтения, потому что оно было на одной странице с адресованным мне письмом, и он его, по обыкновению, потерял, так что даже письмо она не получила... Думает, наверное, что о ней там совсем забыли. Сюда тоже не приходит. Как-то она просила Юрку чтобы он к ней зашел на Васильевский остров, но он отказался и ничего не ответил на оставленную у меня на столе записку ему. Топится печка, какое счастье, что м-ме Барсукова привезла все-таки мне дрова. Правда, кладовка теперь вся забита дровами, так что все мои ящики и старые два ломаные стула вытащены в переднюю и сложены на кирпичах для печки партийной дамы, печки, которая неизвестно когда будет сложена, а мои дрова все сзади, так что к ним трудно подойти, но все же тепло... И лучше всего, когда я один, и никого нет около. М-ме Барсукова празднует на какой-то свадьбе и шума, и «Что я тебе дам?» (коту) не слышно. Радио заглушает все прочие шумы. Айрин уже собрала все материалы к своей диссертации, обследовала 17 деревень Орловской губернии, скоро сюда приедет для обработки всего этого материала... Конечно, она будет кандидатом филологических наук гораздо раньше, чем я... Сегодняшний день такой тихий и спокойный, совсем не похож на ликующий май, когда было так тепло на улице, так празднично, так весело. Теперь даже посылка с яблоками и с кексиками внизу, которые трудно достать, не радует меня, так как она принадлежит не только мне, но и другим, которым надо ее доставлять, Юрке я отвезу его порцию вечером, все равно надо ехать в больницу ПТИ ради инъекции, но Вальке не придется. Где я ее буду искать, да и зачем? Я ни разу не видел ее с самого приезда в СПБ,

и очень рад этому. В ГПБ не видел никого из знакомых завсегдатаев, месье Гансовского и прочих. Куда они делись, не знаю, наверное, давно уже покончили с экзаменами наслаждаются жизнью каждый по-своему. Ну вот и все.

Письмо 5-е матери (без даты)

Дорогая мамочка! (Айрин любит класть на стол эту белую бумагу, а мне ее (бумагу) жалко, и почему не напечатать на этой бумаге письмо?)

Вчера получил твое письмо авиапочтой, никаких доверенностей пока не получал, но вчера получил извещение на перевод 200 руб., вторые 200 руб., первые были получены уже давно спасибо большое. Утюг я купил в магазине «Новинки», там еще есть огромные полонатиратели, похожие на миниатюрных марсиан... И лампы дневного света нового образца...

Твое письмо ... зачем ты его написала, ведь я просил тебя не реагировать на мои признания — для чего? Ведь мне в эти праздничные дни хотелось высказать все, что было у меня на душе, вроде как священник из Клошмерльского фильма любил исповедываться по телеграфу у своего знакомого кюре, так и я люблю только при помощи почты и машинки... И зачем было реагировать так остро на это письмо и зря этим создавать осложнения. Впрочем, теперь это уже все равно.

Айрин так любит покрывать кровать сверху белой простыней, а я возвращаясь очень усталым с работы, не рискую портить это убранство и сижу и не могу даже прилечь. Потом она приходит, мы говорим до 1 час ночи, потом мы ложимся спать и сегодня я чуть не уронил часы на пол: проснулся в 6 часов под звуки курантов Кремля, а накануне Айрин говорила, что эта мелодия ей напоминает о трагических событиях периода последней войны и лучше не нужно, и я выключил и не успел проверить время, а потом включил и ждал пока скажут время и заснул с часами в руках. К счастью, часы остались на подушке и не упали. Вообще я теперь все время хочу спать в автобусе, на службе везде. Дом все еще не готов, и все кажется каким-то тяжелым сном, как писалось в Колином журнале («Золотое детство»), который я любил читать маленьким.

Сегодня к нам приходил какой-то больной гриппом и мне кажется, что я тоже болен, а может быть, просто устал.

Очень прошу тебя, не пиши больше о Лили, и я не буду, она все больна и в больнице с самого сентября, как только вернулась из Кисловодска, и из-за эпидемии гриппа даже ее родители не могут ее навестить. «Мы ее совсем не видим» — сказал мне ее отец по телефону. Он вообще ко мне хорошо всегда относился, и теперь тоже... Но не будем больше говорить об этом — это слишком тяжелая тема. Сегодня в автобусе был разговор о самоубийствах — нашли тоже тему, месье Круковский сказал, что кончают с собой только ненормальные, другие возражали, что невозможно установить, нормальный или нет покончивший с собой, так как его нет, а есть лишь его труп. Рассказывали разные случаи — одна женщина повесилась на спинке кровати, другая больная раком — выпрыгнула

из 6-го этажа, какой-то студент 3-го курса повесился, по неизвестной причине. К счастью, в подробности не входили. Старицкий говорил, что для некоторых самоубийств должна быть крепкая воля, привел этот пример с кроватью. Я затыкал уши, стараясь не слышать, но звуки об этих ужасах проникали, несмотря ни на что. Все только и говорят, что о каком-то газетном фельетоне о сыне Передерия, Юрка, Айрин, все на службе, читали, а я нет. Петр Вячеславович говорит о какой-то новой книге Веры Пановой, забыл название, говорили, что ей 60 лет, что ее внуки учатся в вузе что она рыжая. Еще говорили, что Вера Кетлинская собирается писать роман о Каховке и своим героем выбрала Непорожнего[196]*. Причем кто-то сказал, что она все время за ним наблюдает, и он от стеснения перестал сморкаться в руку и завел платок, сколько глупостей говорят в служебном автобусе! П. В. говорил о романе Пановой, что там есть много конфликтов и что время действия, наши дни. Кто-то там, разложившийся, с этого и начали говорить о бандитах, а затем о самоубийствах... Вот как в автобусе разбираются темы... А потом Круковский, пожалев, видимо, меня, просил П. В. начать новую тему, о женских образах в этом новом романе, но П. В. ничего путного не сказал. Потом какая-то пассажирка заметила, что Вера Панова похожа на медсестру из Спутников, а П. В., что он согласен с премией за «Спутников», но не дал бы за две другие книги...*

Сегодня П. В. закончил описание ГЭС Оттмарсгейм, на днях закончит Соверзен. Я все же надеюсь, что мы выполним план, несмотря ни на что...

Но вообще все как-то идет трудно. Мне надо еще написать 70 аннотаций, чтобы наше соцобязательство было выполнено, но украинский инженер все требует уточнять описание ГЭС Бревьер — Мальгавер — и это берет много времени...

Мать Айрин прислала мне и тетушке Айрин по жареной утке. Мою утку я и Айрин съели в тот день, когда она приехала. Утка была очень вкусная, я никогда не ел таких вкусных, может быть, потому что они все же гораздо более откормленные, чем дикие.

Сейчас четверть десятого, скорее бы допечатать это письмо и отправить его. Получил сегодня твою телеграмму о звонке в воскресенье. Завтра мне придется никуда не выходить из конторы, так как в любой момент меня может вызвать Кравцов, раз я просил у него аудиенции. В конце концов, нужно все-таки узнать точно, когда будет готов дом и к какому примерно числу звать сюда московского Басевича.

Только что позвонил все-таки Ирине Петровне насчет экзамена, у нее был занят телефон, сразу позвонил еще раз, телефон освободился и, к счастью, она подошла, наверное, я оторвал ее от еды, но она добрая и на меня не рассердилась только ее мать ненавидит, когда звонят. Сказал ей, что туннельная тема отпала, так как месье Зурабов к ней охладел.

---

[196] Пётр Степа́нович Непоро́жний министр энергетики СССР

Она тоже одобрила гидротехническую, сказала, что это лучше. А об экзамене, только что «приказ есть приказ» и по спецпредмету мне не надо сдавать и только, может быть немецкий, выяснится это наверно к новому году, не раньше, так как два ближайшие учение совета филфака («бурная жизнь филфака» фраза 1948 года...) 3 и 13 декабря будут не об этом... Но это все равно, только я не буду иметь этой формы № 6 до тех пор и все. «Мы все в ужасно глупом положении» — сказала Ирина Петровна — «Не знаем, что говорить»...

Партийная дама заставила меня затопить печку, так как Айрин холодно — «Как Вам не совестно? Игорю лень затопить печку, сидит и ждет», а Ирина говорит — «Дома у нас так тепло, а здесь холодно» — пришлось затопить, но печка отказывается гореть, так как всю нашу кору я извел, а без коры она не растапливается. Сестра партийной дамы сказала: «Зачем топить? Комната маленькая — и так тепло». Но партийная дама настаивала: «Надо — для воздуха» — и пришлось разломать ящик и три раза растапливал уже старыми тетрадками. Айрин всегда удивлялась, что я так много пишу — и зачем это? — в самом деле, громоздкостью моих конспектов и добился только того, что конспектирование больше не способствует запоминанию.

Айрин сказала, что это неуважение к ней, что я написал тебе то письмо, на которое ты так бурно реагировала (я не хотел Айрин показывать это твое письмо, но она сама прочитала его в мое отсутствие, и вчера весь вечер был испорчен). Причем она говорит, что не самый факт ей неприятен, а то, что я сообщил о нем тебе. Вообще, я, собственно, не имею права писать тебе об этом, так как Айрин сказала, что не нужно, но как-то невозможно, я так привык в своем дневнике или письме говорить по возможности все, что меня так или иначе волнует. Конечно, ей неприятно, что я написал, она считает это неуважением к ней ...ради Бога никому ничего не говори обо всем этом, и вообще не комментируй... Вообще, Айрин вряд ли приедет к нам этим летом. У нее столько дел: ее диссертация будет готова только через год, и надо еще ехать в Вильно в архив, так как часть Орловской губернии когда-то была за Литвой и материалы там... Не знаю, что делать мне. Наверное, она будет приезжать еще сюда временами, на короткое время, и также будет пропадать в библиотеках... Вчера она читала весь вечер какую-то диссертацию о диалектах, где опровергались взгляды ее завкафедрой, но все это мне совсем непонятно, слишком специально, и поэтому — чуждо. Ей моя тема понятнее, но, конечно, в том, что касается техники, она еще менее разбирается, чем в чартизме. Английский язык ей надоел, некогда им заниматься, и она думает (вернее, надеется, что и моя деятельность в будущем не будет связана с английским языком, а скорее с терминологией вообще). Не знаю, так ли это будет, мне было бы жаль... Ну, вот и все. Вите не буду уж писать сегодня, пусть ему будет посвящен мой дневник. Отвечу ему, когда он ответит на мое предыдущее письмо.

Спроси его, жаль ли ему беднягу Моссадыка? Вчера у меня было такое грустное настроение, все валилось из рук, Айрин сказала, что я нытик, и что только то, что она играла когда-то на сцене, делает для нее возможным терпеть все это: она со мной играет... А я говорил, что так странно: все возятся со своим маленьким делом: П. В. на службе и дома описывает ГЭС, я готовился к экзамену, который отменили, рабочий на почтамте забивает посылочные ящики, диссертант спорит неизвестно о чем с С. И. (завкафедрой) «Ах, только это оставьте, это так важно для истории языка»...

24 ноября 1953 года.

Я думал, что не буду продолжать этого дневника, пока Айрин здесь, но, получилось иначе. Ей отпуск дали только на неделю, и надо полностью использовать все время в библиотеке, и архиве для изучения уникальных материалов по ее диалектам. Мне же приходится быть дома, вчера относил белье в прачечную и брал из прачечной, причем отнес только половину, так как другая половина были без меток, а пришивать их не хотелось не было времени. Вечером была проблема, куда деть Юркин велосипед, так как он его не разобрал на зиму, наконец, поместили, как и в прошлый раз, за кроватью. Маман прислала письмо, где выражает сомнения в идентичности присланных кроватей, да, конечно, пришли именно те кровати, голубая получше и серая похуже, и прибыли они в точно такой же степени изломанности, голубая — немножко, а серая — весьма... Они теперь лежат под кроватью и Айрин негде поставить ее чемодан. Но чемодан ее, новый на этот раз, и поэтому беды большой в этом нет. Послал сегодня телеграмму маман, раз она так хочет, и долго смеялся над двусмысленностью составленного текста: «Айрин приехала вчера двухнедельный отпуск купил утюг завтра высылаю посылка сто рублей» — как будто «отпуск купил утюг»... На почтамте купил ящик и завтра пошлю. Сегодня вечером думаю купить сладостей, чтобы заполнить свободное пространство в ящичке, как хорош СПБ этими удобствами, продажа ящиков на почтамте в особом окошке, да не простых, а с проштампованным бланком — адресом.

И вот, в наказание за все эти удобства и комфорт, судьба снова наградила этот город гриппом, в кино показывают фильм-предисловие: «Остерегайтесь гриппа», аншлаги о том же висят во ВНИИГе... Заболел шофер бомбы и теперь все навалом садятся в голубую «ракету», так что из-за заезда на Петроградскую, приходится теперь приходить на остановку на 10 минут раньше. Когда я подходил сегодня к своей остановке, мимо проехал голубой автобус. Мне показалось, что это наш, и я побежал за ним. Догнать, конечно, не мог, но прибежал на следующую остановку, у 5 углов, и там, к счастью, увидел одного из постоянных автобусных клиентов. Сказал ему, что мне показалось, что автобус уже ушел, но тут подошли другие, и посадка в этот день была здесь особенно большая... Когда проезжали мимо знаменитого дома № 52, в двух окнах горели огни, и вечером кто-то уже распространил слух, что Гиршкан туда уже переехал. Придется завтра пойти к замдиректора и узнать, готов ли дом. Проскуряков в Москве, так что это будет

проще с Кравцовым. Наверное, они еще не успели узнать о моей московской акции. Одновременно спрошу его о своей диссертации. Я уже начал писать введение, хочется записать все мысли, почерпнутые из других работ и диссертаций, и свои. Хотя Ирина Петровна не советовали начинать мою дипломную работу с введения. Но вообще все это, только проба пера, потому что план еще не утвержден и будет тысячу раз переделываться. Вероятно, темой все же будет гидротехническая терминология, и с уклоном, переводчески-практическим, если Ирина Петровна на это пойдет. Будет, конечно, и история. Месье Зурабов окончательно ко мне охладел. И хорошо. Так свободнее и вольнее. Месье Круковский и Петр Вячеславович в общем одобрительно отнеслись к моему решению изменить тему. Месье Круковский порекомендовал одну книжку по истории гидроэнергетики, где гидроэнергетика связывается с изобретением линий передач, но я эту книжку еще не заказывал. В институтской библиотеке все еще ремонт, фотолаборатория загружена вовсю, и к нашим фотозаказам относится с высокомерным презрением. И. А. относится ко мне весьма холодно после последнего конфликта из-за экзамена. Я думаю, что именно он настоял на том, чтобы гидом была английская переводчица и не доверил мне эту миссию. Впрочем, так даже спокойное. П. В. вынужден работать вечерами, описывая французскую ГЭС Сейссель, которую А. Т. держал год, вместе с Донзер Мондрагоном, в своем складе и так и не описал... Сам А. Т. болен второй раз за этот год воспалением легких. Об этом узнали по телефону. Про грипп этого года говорят, что он портит зрение и можно даже ослепнуть. Юрка говорил, что изобрели какие-то прививки от него. Украинский инженер проверяет мое описание каскада Тинь Бревьер Мальговер и, по своему обыкновению, придирается к мелочам. Это утомительно, куда хуже, чем описывать гидростанции самостоятельно, заполняя картотеку с помощью понимания через интуицию, не всегда правильного. И. А. ввел рацпредложение ускорить работу столовой, чтобы буфетчица заранее продавала талоны, обходя всех по конторам! Но, увы, рутина не позволяет совершать таких революций. Он умиленно вспоминал о том времени, когда он работал у Егиазарова (нашего предшественника по описанию ГЭС) и когда не было номерков, но никто не опаздывал, так как все боялись его, а он всегда был пунктуален. Сейчас Егиазаров, где-то в Москве... Еще И. А. вспоминал о столовой. Была какая-то тетя Маша, и порядок был такой: «Стол заранее накрывали на четыре прибора, причем обеды были одинаковые на всех приборах данного столика. На столике была ваза с пирожными, печеньем и пр. Деньги тетя Маша собирала аккордно заранее (примерно, как мы теперь платим за автобус, кто в первую получку, кто во вторую, а если кто забудет заплатить, то секретарша директора напомнит при всех своим зверским презрительным голосом), по 25 руб. Кассы не было. Обедало 125 человек. Тетя Маша стряпала сама из полуфабрикатов. Правда, супа не было. Это — да. Супа не было. Но зато быстро. Каждый садился за тот столик, где было накрыто то, что хотел. Тетя Маша обходила столики и каждый говорил, что возьмет из вазы. Она записывала и вычитала из аванса. А когда аванс кончался, она говорила и снова платили. Так 125 человек, каждый из них, обедали за 10 мин!!!

Мне очень понравился рассказ Ивана Александровича. Такой простой, к сожалению, замусоренная иностранным языками моя голова отказывается передать его слова, просто и по-русски без контаминации с иностранным синтаксисом и построением фраз... Весь он такой колоритный, в простой рабочей кепке, простое грубоватое лицо ветерана техники. И ни разу не пришел он к нам за справкой по иностранной статье... Его специальность — эксплуатация ГЭС. Он много ездил по строительствам, много знает, Каховка, Мингечаур и т. д. и т. д. Сидит он всегда рядом со мной. Как-то рассказывал о своих сотоварищах по Политехническому институту, один из них был художником, специализировался по аэрофотосъемке и погиб в авиакатастрофе. Незадолго до гибели, его посетил И. А., и увидев у него блокнот с рисунками, попросил. «Только на время», но, оказалось, навсегда. Его товарищ был таким знаменитым, что все имущество его, после его гибели, отправили в музей, все картины, а блокнот этот, маленький скромный студенческий блокнот генерала Советской армии, остался у И. А. Он показывал его нам в автобусе. Кто-то выпросил его, тоже на время, показать однокашникам. Не знаю, вернул ли. Хорошо помню лица профессоров, оригиналы редкие их прозвища сам Иван Александрович в молодости, дворник, смотритель чертежной... Вспомнились аналогичные рассказы моего отчима... Да, все это для них также дорого как для меня наш Университет, несмотря на все, что там было в эзоповскую эпоху марризма... А вот Айрин, не любит университет, не любит вспоминать о нем. Вчера она сказала мне, что Пединститут дает гораздо больше знаний. Не знаю, но для меня Университет кажется теперь издалека, большим и теплым домом. Никогда не забуду, как мы первый раз вошли в маленькую старинную аудиторию, еще не зная друг друга. Была осень 1946 года. Мы еще совсем не знали друг друга, но я сразу запомнил месье Конькова, его простое, открытое, веселое лицо, его оптимизм, легкая грубоватость, его роговые очки немецкого производства, и слова «Я — из Таганрога, с Азовского моря. Родина Чехова»... Он так любил Чехова, Пушкина, восхищался античным искусством, Эрмитажем, потом я узнал его ближе и полюбил. Мы вместе ходили в столовую, и хотя иногда мне бывало неприятно, что брызги из его супа попадали в мой, я охотно платил за двоих «плата за разговор по-английски», говорил я при этом шутливо. Наша столовая около Казанского собора, где директором была какая-то толстуха, сколько раз я с ней скандалил за медленность подачи, потом она повздорила с рабочими и ее выгнали, а я до сих пор обедаю иногда там, и меня все знают под кличкой «студента»... Гардеробщик там все тот же, которого ремесленник раз при мне уличил «Всю мелочь из кармана пальто загреб. Отдай!» «Да что ты, отстань, ничего не дам»... И все, а остальные лица моих товарищей в тот первый день, они не запечатлелись, они запомнились лишь много спустя, по-английски стихийно и спонтанно, без усилия воли с моей стороны. Только месье Коньков сразу пробудил у меня в уме сравнение с лицеем и Пушкинскими лицеистами, я запомнил его с первого дня. И вот теперь мы пишем друг другу 1951, 1952, 1953, сколько лет еще суждено нам писать так, не видя друг друга. Зимовники, Богаевская, Таганрог, Ростов, Богаевская, опять Таганрог... А у меня все один и тот же адрес — СПБ...

Я люблю узнавать людей и их имена спонтанно, без усилий. И. А. был раздражен на то, что я назвал секретаршу «Маруся»[197] «Какая она Вам Маруся? Марья Алексеевна». Но я как-то всегда называл ее по первому имени, может быть по аналогии с Володей, который был такой милый...

6 декабря 1953 года *Письмо 6-е матери*

Дорогая мамочка!

Вчера опять говорил по телефону с Басевичем. Позавчера было слишком много народа на пункте и вообще день был какой-то тоскливый и не хотелось. Дмитриев уезжает в какую-то командировку, так что надежды на успех почти нет. Разве что Кураев согласится с приказом Носова, но Проскуряков говорил с Кураевым по телефону и то, по-видимому, не склонен. Впрочем, это скоро выяснится. Он ожидается здесь сразу после праздника.

Что-то нет ответа на мою дальнейшую телеграмму, вероятно, у Вас не работает телеграф в праздники, и Вы ее не получили. Проскуряков предлагал мне просить комнату для себя, но я не знал, кроме того, он не гарантировал удовлетворения этой просьбы, да и неизвестно, какие будут жильцы в такой квартире. Да и вообще я не мог сам соглашаться на это, без консультации с Вами. Вообще, ему, конечно, была неприятна телеграмма Носова, но он опирается на общественность и надеется таким образом резервировать свою позицию. Я вообще очень устал от этой борьбы. Юрка от нее совсем устранился, воспользовавшись тем, что я прозевал служебный автобус в прошлый понедельник и не попал к 9 часам на службу, где он меня ждал, чтобы вместе идти к Проскурякову. Что-то опять глаза стали хуже от этих хлопот. Послал письмо в ВАК министру культуры по поводу моего экзамена и просил вчера Басевича звонить туда и узнать о результатах. Потому что время идет, а университетская администрация не торопится узнать, какой же экзамен мне нужно еще до сдавать или никакого — эта контраверза — готский — немецкий и упрощение экзамена по спецпредмету, которое им не хочется признавать... Айрин уехала, и теперь как прежде, мыши бегают по комнате, так как кровати под кроватью не дают даже там подмести и все мрачно. Звонил вчера Ирине Петровне. Руководство моей темой возможно только с будущей осени, когда 1/3 работы будет готова и когда будет для этого время на кафедре. А я написал заявление Проскурякову и дал ему накануне, чтобы сразу. Но, ничего, все же о диссертации с ним говорить не так неприятно, как о квартире. И ему, и мне. Эти два дня сижу дома и подправляю свою работу, согласно новому плану, который был мною исправлен по последним указаниям Ирины Петровны. Юрка приезжал на днях за своей зачеткой, и потом больше уже не появлялся. Юрка занят контрольными и экзаменами. О Соне так ничего не знаю.

[197]Хотя сами они все ее называют так…

Дрожу при мысли о сумме счета за междугородний телефон в долг. Завтра буду звонить Кураеву, узнаю его телефон, он бывает здесь. Валька к счастью, не приходила. Вот и все. Пиши. Твой Игорь.

Завтра буду звонить Кураеву — узнал его телефон когда он бывает здесь.

При нем я сдавал готский язык, при нем начал готовить английский — все аспекты, а сдавать не пришлось ни одного, по высокой милости Министерства культуры... Тогда был Спивак. Сегодня в автобусе говорили, что из мести И. А. он уговорил Горлит отказать И. А. в разрешении на печатание новых брошюр типа резюме, и все это дело застопорилось...

И. А. вообще неприятен. Он болен французской болезнью, знаменит способностями рассказывания неприличных анекдотов и ещё тем, что его никогда нет на месте. Но его ценят за пробивную способность в московских сферах, и он вечно ездит в Москву, с личными поручениями директора, причем даже тогда, когда, как теперь, все лимиты перерасходованы и никто почти не ездит...

Уже без десяти одиннадцать, но Айрин все еще нет. Хорошо так сидеть одному и вспоминать все это.

Я даже не поскупился купить новую ленту на машинку, чтобы она глаже работала. Жаль только, что нет иностранной — это бы так помогло моему английскому стилю.

А у Айрин нет времени заниматься английским и даже мои письма она понимает с трудом и не всегда...

Маман пишет, что пришлет доверенности на прописку меня и Юрки в новой квартире. Она думает, что новая обстановка поможет изменить меня и заставит меня забыть прошлый груз воспоминаний. Мне же жаль было бы бросать все это... Да и куда я дену столько архивов, накопившихся за все эти годы. Они — в посылочных ящиках или в шкафу, который, наверное, скоро придется передвигать, так как будут закладывать дверь, чтобы пожарная инспекция разрешила установку печки в комнате партийной дамы. Они, все в пыли, не в серебристо-серой, а в черной... Какой-нибудь будущий комментатор, быть может будет ломать себе голову, что это значит: «Серебристо серая пыль?» Устойчивое фразеологическое сочетание, идиом, утративший свою внутреннюю форму, намек на книгу? А про фильм не вспомнит, наверное, никто. Будут ли помнить тогда «Большой Вальс», «Леди Гамильтон», «Грезы», «Совет богов», «Моцарт», «Дело Артамоновых» с его «Горело барское. Горели леса — За Окой горели леса».

Было бы красиво потом, в 2000 году, сделать монтаж из многих фильмов, ведь фильмы зачастую так хорошо, так верно запечатлевают жизнь. Как музыка Шостаковича запечатлела беспощадный марш немецкого наступления, прогремевший по Восточно-европейской равнине в 1941-м и задохшийся в ее просторах. Время идет. В прошлом году была создана опера «Декабристы». И. А., высокий ценитель музыки и скверных анекдотов, ее обругал по инерции, но это опера будет признана будущим, как признан теперь Шостакович... Вчера я слышал, еще один раз после праздников, голос Л. Руслановой.

Как он изменился. Я помню, во время войны из Новосибирска передавали регулярно каждую субботу эстрадный концерт для фронтовиков, слово, родившееся в войну... Концерт этот начинал баян, не помню уже как... В этом концерте часто выступала Русланова. «Когда б имел златые горы и реки полные вина» — торжественно и мощно лилось по эфиру в стране, где война полыхала, давила голодом, страданиями, зверствами... «Эх, полна, полна коробушка, много шелку и парчи» ... но тогда ездили только на коллективный огород, в ватниках, на Иоанне Петровиче, и мечталось о том, придет ли когда-либо время, когда можно будет ехать без лопаты, просто погулять... И оно пришло, и в Уланскую МТС ездили уже не на Иоанне Петровиче, а на Поле Матвеиче, мчались по пустынной дороге, мимо гор Монастырей, мимо того места, где видели дудаков, мимо могилы ага-султана, который приказал похоронить себя на скрещении дорог, но дороги ушли в сторону от его могилы, и лежит он теперь в своем слепленном из кизяка, глины и конских хвостов саркофаге с проломанным верхом кички...

Айрин все нет, уже половина двенадцатого, надо пойти купить чего-нибудь в магазине и послать маман, если успею...

26 ноября 1953 года

Сегодня должно быть это решение кафедры относительно немецко-готской контраверзы, имеющей ко мне непосредственное касательство. Но позвонить Ирине Петровне можно будет только завтра, чтобы не нарваться опять на ее матушку, страшно злобно относящуюся к телефонным звонкам кандидатов в кандидаты.

Все эти дни, больше всего один вечерами здесь. Так приятно после этих бесплодных, с точки зрения экзаменационной, мытарств в БАНе и в Публичной. Почти уже кончил введение к диссертации (первый вариант, конечно), на основе статьи Пиотровского о термине в Ученых записках ЛГУ и двух прослушанных и проработанных мною диссертаций. П. В. сегодня меня снова ругал за мой русский стиль, и я с ним на этот раз согласился. Он прав.

Хотя за русские сочинения у меня всегда были пятерки, все же приходится согласиться с тем, что мой теперешний русский стиль безнадежно плох. Фразы все несоразмерно длинные, какая-то тягучесть изложения, общая неувязка в сложных предложениях, как м-ме Ярцева писала в своей книжке по синтаксису ОЕ и МЕ о синтаксических конструкциях МЕ.

Вчера получил перевод 200 руб. за посылку, по-видимому, он еще лежит у меня на столе неоплаченный, не хочется получать этих денег до прихода Юрки, которому, оказывается, принадлежали предыдущие 200 руб., а я думал, что они на посылку и положил их в сберкассу. Он что-то не приходит, узнав о приезде Айрин и Валька тоже. Впрочем, это и хорошо уж очень тесно в этой берлоге вчетвером. Слух о том, что И. А. переехал в новый дом оказался ложным он, его дочь, сын, который мигрировал с 4 курса Института ИНЯЗ на 1-й Курс путейского, его бабушка, все живут еще на территории института. Изредка в первом этаже нового дома горят два разрозненных огня, а в остальном он стоит как прежде, желтый, высокий, недалеко от ул.

Братства (или Малого Сампсониевского проспекта, как эту улицу по старой памяти зовет месье Круковский). Переполнение петроградцами голубого автобуса (термин «ракета» за ним не утвердился, хотя термин «бомбы», для другого, оказался устойчивым) сегодня заставило председателя месткома Дружинина, маленького человечка, недавно ставшего кандидатом, в меховом пальто и похожего на молодого московского купчика, каким их рисовали на картинках и описывал Островский, столкнуться чуть не в рукопашную с И. А. Иван Александрович на него здорово обиделся, но затем заставил секретаршу директора пересчитать всех ехавших в автобусе, их оказалось больше 40, и решили больше не ехать через Петроградскую, правда по утрам только, так как к вечеру из Института все понемногу разбегаются, а другие остаются позже и пика нет.

Шофер «бомбы» все еще болен, а другого шофера 2 класса, только они имеют право водить пассажирские автобусы, дирекция нанять отказалась, показался ненадежным.

Что-то у меня сегодня болит голова, и все кажется вокруг каким-то странным. Айрин должна уезжать через два дня. На мой вопрос, не может ли она задержаться, она ответила, что это невозможно, так как ее ждут студенты. В ее институте был конкурс:7 человек на место. Все стремятся быть учеными — это новая вдруг вставшая перед страной проблема, в условиях общего благосостояния и культурного подъема. Как-то с этим справимся?

Завтра меня обещал принять Кравцов, узнаю у него о доме, о своей диссертации, о возможности назначения руководителя. И, если на это будет благоприятный ответ, то также об одном дне, для изучения шведского языка, работы над диссертацией и подбора библиографии в библиотеках. Также, может быть о звании младшего научного сотрудника и запросе в Москву о должности ученого библиографа, но последнее, совсем вряд ли, так как слишком уж много просьб зараз...

А может быть эта встреча опять не состоится — кто знает?

У нас в конторе скоро будут менять паркет, и это будет ужасно неприятно, из за необходимости переезжать в другой отдел, сейчас уже соседний отдел переехал к нам...

Купил сегодня ветчины, мне она показалась очень хорошей с виду, выпил чаю, и почувствовал головную боль и общую слабость. Эта слабость была и вчера, когда надо было тащить на почтамт тяжелую посылку, даже в записке к посылке это мое настроение отразилось.

А. Т. запросился на служебный автобус, надоело, в трамвае, думает, что дольше проживет, если будет ездить в автобусе. Но еще не ходит, после очередного «воспаления легких». Наверное, притворяется просто простуда, и все. Когда я рассказал Айрин, что почему-то не люблю его, хотя раньше мне он нравился, она сказала: «Наверное, вы не сделали ему никакого добра, поэтому — и не любите» Как это глубоко сказано! Действительно, я мало кому сделал в этой жизни добро, и мало кого в ней люблю. Когда опекунша умершей моей тети Оли прислала мне письмо с просьбой быть на похоронах тети,

я ответил открыткой: «Жизнь сделала меня таким эгоистом, что я не могу». А Коля написал: «Раз я был все это время скотиной — скотиной и останусь». Кстати, с тех пор я его больше не видел. А на вторую открытку опекунши, вообще ничего не ответил. Я заставил сестру академика Шишмарева («которая так была добра ко мне», по словам Айрин) прождать маму 2 часа в передней, тем что не позвонил ей об отказе мамы приехать к ней. Я ... да, впрочем, разве сосчитаешь, сколько я сделал зла...

Письмо 7-е матери (без даты)

Дорогая мамочка!

С этой квартирой столько хлопот, боюсь, все зря. Сегодня утром автобус служебный ехал немного раньше, а я вышел немного позже, забыл носовой платок, и опоздал на него. Приехал на ½ часа позже на трамвае, и в результате говорил с Проскуряковым один, а Юрка, не знаю приходил ли ко мне утром, я просил его в 9 часов утра, но он очень не хочет, ужасно он не любит просить... Проскуряков сказал, что все передано или будет передано Кураеву, а он будет распределять только ордера ВНИИГ. Так как М.В. звонил ему сам сегодня я решил не посылать телеграмму до разговора с Басевичем, а его опять нет дома, черт знает где он есть. Я мог бы позвонить на Свирь, но мой голос слишком мягок, чтобы произвести впечатление на Кураева на расстоянии, и для этой цели гораздо больше подходит Басевич, которого я и прошу это сделать. Хорошо если бы он поехал на Свирь и заставил Кураева дать резолюцию, иначе мы ничего не получим. После разговора с Басевичем я все же пошлю тебе телеграмму, раз ты их так любишь. Просто я боюсь испортить все дела, если телеграфировать, что Кураев отказался, может быть, он и не отказал. А Проскуряков так и не сказал, когда дом будет официально сдан. Кравцова я не видел, неудобно посещать их обоих вместе — это может лишить меня расположения Кравцова. Кроме того, не зачем пусть Басевич все тут распутывает, раз ты ему поручила. Позвонил Басевичу, его не было дома попросил, чтобы он мне позвонил сам, оказывается это он звонил мне... просил позвонить его Кураеву... Сегодня отправлю телеграмму, завтра он обещал позвонить Вам...

Пиши. И. М.

1 декабря 1953 года

Просил у Кравцова разрешения позвонил на Свирь Кураеву. Он сказал, что это неудачно. Неделю раньше позвонил в Москву Басевичу. Придется опять звонить вечером Кураева в Ленинграде его нет — он на Свири. Узнаю его адрес и пошлю последнюю телеграмму. Сколько денег уходит на эти звонки и телеграммы! И Басевич даже не мог узнать толком, где Кураев — он думал, что Кураев в Ленинграде. Дом еще не сдан все какие-то мелочи и недоделки!...

1 января 1954 года. Письмо 8-е матери

Дорогая мамочка!

Не писал тебе все это время, потому что готовился к экзамену и совершенно зря, потому что мадам Жигадло меня провалила. Главная причина, мой отрыв от истории английского языка. Мне очень трудно было запомнить все эти фонетические переходы и изменения. Например, в каких случаях в весскском диалекте происходят изменения по велярному умлауту и т. д. Кроме того, я очень скверно себя чувствую, и был все это время на бюллетене по глазам. Конечно, заниматься при таких обстоятельствах было трудно, и совесть был не чиста, поскольку, раз я занимался, то мог бы и работать. Далее, эти мерзостные дела с квартирой меня совершенно вывели из равновесия и перед самым экзаменом я вдруг почувствовал, что всю неделю до этого был ненормален. Это было страшное ощущение и вообще эти занятия в библиотеке Академии наук, которые дали такие грустные результаты, все это вспоминается теперь как кошмар. После этого экзамена мне захотелось уехать совсем в Казахстан и преподавать в Институте, чтобы там обобщить собранный материал. Но Юрка и месье Зурабов не советует уезжать в провинцию, чтобы не застрять нам. И не завязнуть. Кроме того, я надеюсь все же добиться более подходящей работы, чем ВНИИГ, который мне опротивел. После всех этих помойных дел с квартирой мне противно видеть не только лиц, причастных обману, но и всех вообще служащих, даже тех, которым я когда-то помогал справками по иностранной литературе. 30 числа я обедал в Ученом доме и видел там одного, месье Мелентьева, который, между прочим, был товарищем сына химика, Ричарда Владимировича. И мне все, все было противно. Желудок действует вяло и отвратительно, я мечтаю о том, когда наступит 5-е число и можно будет лечь в больницу имени Эрисмана, куда Коля меня обещал устроить на операцию геморроя, потому что больше терпеть невозможно. Коля говорит, что после этой операции мое общее состояние должно улучшиться. Что касается Айрин, то она приедет 10 числа, но это меня не удерживает нисколько, потому что в моей комнате вдвоем жить невозможно, и ей даже лучше будет одной. Никогда я не встречал новый год так одиноко и грязно, как теперь. Впрочем, это мне казалось в порядке вещей, потому что обычно мне всегда бывало жаль расставаться со старым годом, новый казался чреватым опасностями и неприятностями. Но этот год слишком страшен, ужасы начались с мартовской трагедии, и кончились квартирным и экзаменационным фиаско. Мне кажется, что мартовская трагедия наложила отпечаток на жизнь каждого в этом году. И мои неудачи я считаю непосредственно связанными с «теми скорбными днями», когда по радио без конца передавались траурные гимны и когда казалось, что вся жизнь должна замереть навсегда. Но это не сбылось, все прошло гладко, даже отчасти легче прежнего, и в отношениях с западными странами, и в смысле повышения жизненного уровня населения внутри

страны. И все же, «эти скорбные дни» останутся в памяти навсегда, как-то в последний день старого года и сегодня не хочется думать о другом... А все же приходится. Например, в смысле моей работы. Снова надо готовиться к этому экзамену, о диссертации приходится совсем пока не думать, нужно искать каких-то консультаций у аспирантов, и не из Университета, которые, по словам Ирины Петровны, все заняты, а в Герценовском Институте. Может быть, впрочем, осуществится другой план. Вчера я послал в Москву, в газеты «Правда» и «Советская культура» свое предложение о срочном выпуске англо-саксонского этимологического словаря. В котором бы были приведены все изменения, чередования и пр. слов, дошедших до современного языка в измененном виде. Это, то самое, что всегда спрашивают на экзаменах, и что в словарях полностью никогда не представлено, а есть лишь в частных картотеках преподавателей.

В период марризма этими формальными сторонами не интересовались и такого словаря не было создано. Между тем, это очень важно для введения в преподавание элементов историзма, поскольку особенности написания и произношения отдельных английских слов всегда можно объяснить исторически и это облегчает усвоение учащимися этих языковых особенностей и делает урок более интересным. Этому вопросу, «элементам историзма», была посвящена дипломированная работа месье Богина, моего университетского товарища по группе, который до сих пор преподает в Семипалатинской области, около города Чарска, в какой-то деревушке[198]. Я вспомнил о нем, когда у меня возник план создания такого словаря. И как раз в этот день я купил последний номер газеты «Советская культура» от 29 декабря, и передовая там была посвящена вопросу выпуска пособий для высшей школы. Газета писала, что многие профессора ограничиваются чтением лекций и пренебрегают выпуском пособий. На следующий день я послал письма в указанные мною газеты, со ссылкой на эту передовую, и просил переслать мой план в Академию наук, Отделение литературы и языка, академикам Виноградову, Чикобава и профессору Смирницкому, который только что выпустил 3-е издание своей хрестоматии по истории английского языка. Отдельное письмо было написано мною Ярцевой, тоже через «Правду». Я надеюсь, получить быстрый ответ, потому что я придал своему плану политический характер[199], связав необходимость выпуска такого словаря с необходимостью повысить уровень знаний преподавателей английского языка, выпускаемых провинциальными педвузами, которые, как правило, лишены иных пособий

[198]У меня был его телефон, и я узнал об этом от его матери. М-р Богин всегда был очень принципиальным и не старался уклониться от направления как многие другие. И все же жаль, что он там, вдали от научной работы, хотелось бы, чтобы он вернулся сюда. Я ему послал письмо о своем плане.

[199]Ссылка на введение всеобщего 10 лет образования в связи с чем количество педвузов, а вместе с тем и их английских факультетов быстро растет.

по истории языка, кроме учебника Ильиша и Хрестоматии Смирницкого. Ясно, что при наличии предлагаемого мною словаря изучающим историю английского языка гораздо легче будет запомнить бесчисленные изменения, которые слова претерпевали от древности до наших дней поскольку упоминания об этих изменениях и датировка будут повторяться на протяжении словаря много раз, в связи с анализом каждого взятого в словарь слова. Выпуск словаря, в целях ускорения его опубликования, я предложил осуществлять отдельными маленькими книжками, так будет легче осуществлять его издание, проверку и согласование материала. Я просил поручить создание этого словаря ленинградским специалистам по английской филологии, а мне и Богину предоставить возможность принять участие в сборе материала. Издание словаря я предложил организовать при Словарном отделении АН СССР в Ленинграде. Мне кажется, что поскольку я опираюсь в своем предложении на передовую «Советской культуры» оно должно быть принято. Сегодня я был у Ильиша, автора тех книг, которые я изучал в Казахстане. Он меня любезно встретил и обещал рассмотреть материалы по этому вопросу и дать ответ послезавтра о том, могу ли я рассчитывать на его поддержку. Он живет на Колокольной улице и послезавтра в половину седьмого он обещал меня принять. Б. А. Ильиш известен как ярый противник университетской схоластики в области английской филологии, он предпочитает издание конкретных учебных пособий разговорам и спорам в области теоретической грамматики. Кроме того, он довольно терпимо относится к взглядам западных авторов, которых мадам Жигадло терпеть не может. Было бы очень ценно, если бы он поддержал мое предложение. Если бы оно прошло, это было бы хорошим ударом по м-ме Жигадло и иже с нею. Они так и не выпустили свою "Теоретическую грамматику ", все спорят с московской точкой зрения, а Москва не дает, видимо, согласия на опубликование этой книги в том виде, в каком она ими написана. Мне показалось, что как раз перед моим экзаменом они получили отрицательную рецензию из Москвы, поэтому они и были такие нетерпимые. После этого экзаменационного фиаско, я, вопреки ожиданиям, очень хорошо себя чувствовал. Почти так, как когда Сталин выступил против Марра. Тогда мадам Жигадло была ярой сторонницей академика Мещанинова, и, я помню, что в те дни, когда только появилась статья академика Чикобава против классовости языка, отрицания сравнительного метода и вообще против Марра, м-ме Жигадло говорила: «Ничего, Иван Иванович (Мещанинов) ему ответил»... А потом, когда Сталин выступил против Марра, никто уже возражать не посмел... Мне кажется, что теперь такая ситуация, что мое предложение не могут не поддержать. Ведь действительно, так трудно запомнить все эти изменения, которые слова претерпели в ходе веков, если сведения об этом не собраны словарно... Особенно, если нет возможности тренировки на семинарах по анализу древнеанглийских слов, с доведением до современных форм.

Для меня лично, просто необходимо связать мою работу с подготовкой экзамена, потому что при существующих обстоятельствах, когда на службе я занимаюсь техническими переводами, а вечером, грамматикой и историей языка, и слишком перенапрягаю свое зрение, это мне запрещено глазным доктором, который меня лечит. Я об этом тоже написал в Москву. Интересно, какой будет ответ. Я там написал также о предстоящей мне операции и просил, чтобы к моменту моего выхода из больницы я бы имел ответ...

Вообще Москва очень аккуратно отвечает на все запросы. Я получил ответы от всех лиц, к которым обращался с запросами[200]. Правда, ответы были отрицательные, но в данном случае, мне кажется, этого не может быть, потому что отрицательный ответ означал бы пренебрежение к передовой газеты «Советской культура», где говорится о привлечении к работе по составлению пособий аспирантов.

Мадам Жигадло задала мне вопросы о залоге и об историческом развитии категории существительных. Ей все казалось, что я некритически отношусь к произведениям западных авторов. Она хотела, чтобы я излагал ее собственные воззрение, но их я не помнил, потому что лекции ее слушал очень давно и ни с кем не обсуждал последнее время этих вопросов. Вообще, я чувствую, что мне во что бы то ни стало надо добиться работы по специальности, может быть, Ильиш мне поможет в этом. Интересно, как он отнесется к моему предложению. Может быть, ему захочется, чтобы предлагаемый мною словарь вышел под его именем. Может быть, он сможет найти мне какую-нибудь должность в Герценовском институте, где он работает.

У него очень молодое лицо, он в очках, в синем костюме и производит очень приятное впечатление. Он разрешил мне говорить с ним по-английски, а мадам Жигадло, когда я с ней 29 числа поздоровался по-английски, ничего не ответила, а на мои несколько английских фраз, сказанных далее, о том в какую комнату идти готовиться, и т. д., сказала: «Вы пришли сдавать историю английского языки по-русски. Зачем Вы говорите по-английски? Извольте говорить по-русски». И потом она и Ирина Петровна все время придирались к неточностям моей терминологии, потребовали какое-то определение флексии из последней русской грамматики, которого я не знал и т. д. Не понравилось им, когда я сказал о «нордических особенностях» северного диалекта к малейшему необычному выражению они придирались. Вообще, мне было очень неприятно отвечать, и я с грустью думал, что мадам Ярцева, в Москве, она принимала экзамены всегда так спокойно и голос у нее такой спокойный и величественный, как у королевы. Айрин ее не любит, но я никогда не забуду ее голос, она принимала мой первый университетский и мой первый кандидатский экзамены и вообще

[200]Беляков, Губин, Московская правда, Высш.Академическая комиссия Министерства культуры

у меня с ее образом связаны самые лучшие воспоминания. Когда она читала лекции, казалось, что конца никогда не будет, конец не был виден, и потом, вдруг, совсем неожиданно, оказывалось, что курс закончен.

Письмо, написанное ей и посланное через «Правду» позавчера, особенно эмфатическое. Мне кажется, что она не может не ответить на такое письмо...

Ирина Петровна советовала мне ехать в Казахстан, так как здесь мне не найти преподавания. Но мне кажется, что если поднять большой шум вокруг проекта предлагаемого мною словаря и заполучить на свою сторону влиятельных личностей, вроде месье Ильиша, то можно надеяться на успех. Потому что выпуск такого словаря будет в самом деле представлять собой реальную ценность, в нем будут содержаться фактические бесспорные данные — это будет нечто совсем другое, нежели схоластическое теоретизирование на темы из грамматики, что так любят делать в Университете.

Если же этот план все же не удастся, то есть еще один вариант. Месье Куликов обещал узнать у директора Публичной библиотеки, не могу ли я быть принятым туда. Это было бы куда удобнее, чем ездить в этот отвратительный ВНИИГ и зря расстраиваться при виде всех его обитателей. Кроме того, я мог бы работать сдельно, переводы были бы спокойные, без этих вечных споров с украинским инженером по поводу разночтений в различных источниках. Месье Зурабов мне советовал это — устроиться в отдел внешнего обслуживания. Но, как обычно, вряд ли там есть штатное место. Да и узнать теперь нельзя, потому что там все закрыто до 4 числа. А мне уже послезавтра на работу. Впрочем, это еще пока не спешно, потому что я пробуду во ВНИИГе всего дня три, а потом лягу в больницу на неопределенное время. Тем временем, должен быть какой-то ответ из Москвы.

Месье Куликов меня приглашал как-то в себе, когда я встретил его во ВНИИГе, и после этого экзаменационного фиаско я зашел к нему. Там все по-прежнему. Он обещал узнать у Подруцкого о нашей квартире, но тот ему ничего путного не сказал. Мне не хотелось самому звонить туда, потому что уж очень это неприятное семейство. Но пришлось позвонить самому, как я и думал, ничего не вышло. Ты завтра хотела звонить по телефону, и поэтому я и узнал. Носов уже не хочет больше давать нам даже комнату. Наверное, Кураев пожаловался Дмитриеву или еще кому-нибудь. Кураев отказывается идти на компромисс, и Подруцкий хочет, чтобы П. В. говорил еще с Носовым. Но для чего? По-моему, все потеряно, и незачем зря волновать себя и других этим. Может быть, лучше было бы попытаться получить квартиру в Москве? Может быть, там это легче!? Впрочем, наверное, и это невозможно. Недавно Кураев праздновал пуск, наверное, поэтому Носову и неудобно теперь его тревожить. Подруцкий требует, чтобы теперь же хлопотали о квартире во втором доме на проспекте К. Маркса, который

будет сдан к концу этого, началу будущего года. Иначе, говорит он, и эта квартира «пролетит мимо». Что касается, того, чтобы просить у Проскурикова комнату для меня, то, во-первых, уже поздно, потому что дом уже заселен, а, кроме того, бессмысленно, ибо мне ВНИИГ после этой истории до того осточертел, что я больше там оставаться не намерен. Я надеюсь все же добиться справедливости через Москву. Неужели академик Чикобава, который разгромил марризм, откажется мне помочь? Моя комната, близко к Академии наук, Публичной библиотеке и Университету, и вообще здесь спокойно. Только вот кровати надо куда-то деть, а то я не подметаю с тех пор, как они прибыли, что толку, все равно грязь под ними? Кладовка вся забита дровами и там места нет. Да и вообще, зачем они? Айрин ничего не ответила на мою телеграмму. А от тебя пришла только поздравительная, посланная раньше. И зачем эти поздравительные телеграммы! Не понимаю манеры их посылать, все толпятся на телеграфе, теряют время, платят деньги, и поздравляют с началом года, который всегда кажется чем-то неприятным и тяжелым, как начало огромной дороги, которую предстоит пройти пешком и с грузом, прежде чем будет привал.

На эти письма и на экзамен израсходовал всю бумагу и теперь приходится писать на эти остатках.

2 января 1954 года

Сегодня я получил письмо из «Ленинградской правды», теперь ясно, почему мадам Жигадло была на меня в таком бешенстве в день экзамена, очевидно как раз тогда они получили запрос из «Ленинградской правды» по поводу этого злосчастного приказа министерства... Конечно, они были возмущены моим протестом против того, что кафедра отстаивала... Очная аспирантка и не думала протестовать, а я осмелился...

Теперь я напишу в «Ленинградскую правду» о результатах своего экзамена и попрошу их поддержать мое предложение о выпуске словаря, как важное с точки зрения изучения истории языка и введения в преподавание элементов историзма.

«Как выяснилось при проверке Вашего письма, приказ... не предусматривает изменения индивидуальных планов работы аспирантов, утвержденных ранее кафедрами. Вопрос о возможности заменить Вам экзамен по английскому языку другим в пределах утвержденного плана будет поставлен на ближайшем заседании кафедры. Что качается условий для сдачи, то сейчас на кафедре английской филологии организованы постоянно действующие комиссии, принимающие экзамены»

Зав. отделом пропаганды Ленинградской правды: Никитин — было в этом письме.

Будет здорово обрушить на мадам Жигадло и прочих это мое предложение. Ведь оно будет связано с актуальнейшей задачей современности, всеобщее 10-летнее обучение... Интересно, что-то ответит «Ленинградская правда», когда ознакомится с ним.

Вообще, я был очень рад, получив это письмо. Вопрос уже приобрел широкую огласку, и я начинаю делаться известным...

Надо будет сослаться на Б. А. Ильиша, если бы он поддерживал мой план, в пику Университету — это было бы здорово... Конкретные факты истории языка в сжатом виде и проиллюстрированные много раз на важнейших словах, дошедших до современности, вместо споров по вопросам, имеющим весьма отдаленное отношение к практике овладения историей языка, к практике преподавания, вместо вымученных определений всем понятных и без этого терминов... Хотя у меня и нет кандидатского звания, но это отнюдь не помешает мне добиться признания истины. В одном из примеров, которые я нашел в одной из статей говорилось: «Если вы будете нажимать настойчиво и упорно, то 900 человек из 1000 уступят вам». Мадам Ферберт считает это устарелым, но, посмотрим, может быть эта переписка с газетами и даст положительный результат.

4 января 1954 года. Письмо 9-е матери.

Дорогая мамочка!

Сегодня был у Коли (у него паровое отопление, а у меня, как обычно, холод, хотя только вчера ночью топил с огромным трудом спалил почти все наличные ненужные бумаги). Спрашивал о больнице, он сказал, что сейчас нельзя, потом. Не знаю, вообще удастся ли, но он обещает. Мне все кажется, что у меня аппендицит, после того как об это мне сказали после трагического марта, на рентгене. Вообще, я не знаю, почему ты не хочешь, чтобы я переехал в Казахстан, ты же сама этого хотела летом. Бросить этот мерзкий ВНИИГ, и если бы было там место при Институте, с преподаванием английского языка, то почему не устроится, вместо того, чтобы мерзнуть здесь. А сдавать экзамен можно было бы приехать в сентябре. Если бы удалось устроиться в Публичной, было бы хорошо, можно было бы переводить часть дня, а остальную спокойно заниматься своими делами. Мне обещали узнать к 20 числу. Юрка обещал прийти 7-го числа, когда у него экзамен. Письма в Москву пришли, судя по полученным гарантийным листкам, но ответ, наверное, будет такой же, какой дал Ильиш через свою бабушку, «не относится». Впрочем, все равно... Как ты не могла понять по телефону, что я говорил про больницу.

Ну до свидания. Целую крепко. Твой Игорь.

Одна из экзаменаторов, заболела, Спивак сказал позвонить после 10-го числа (он живет с ней в одной квартире и обещал узнать об экзамене, и что все это значит, он был у нас завом типографии).

5 января

Продолжение.

Неужели все исчезли сегодня неслучайно? Какой-нибудь праздник? Но ведь завтра православный сочельник, не сегодня?

Месье Пичужкин, этот толстяк, стал относиться ко мне весьма скептически, после того как на производственном совещании я поставил вопрос о том, что

вместо 100 аннотаций составлено 50, и что машинка не куплена, но если бы И. А. приложил сотую долю энергии, прилагаемой им в других вопросах, она бы давно имелась (И. А. тогда не было, его вызвали в партбюро) Украинский инженер тогда на меня набросился за то, что я отказался помогать им передвигать шкаф, а это было как раз в разгар этой гадкой квартирной истории. Я сказал, что был накануне болезни, и предъявил бюллетень... После этого и других подобных историй все стали относиться ко мне весьма скептически и недоверчиво, здороваются как-то неприязненно и вполголоса. Мне хочется скорее уйти, но мой план, лечь в больницу, оказался не таким легко осуществимым как первоначально казалось. Одно очевидно, я никогда не забуду долю вины в моем экзаменационном провале, на ВНИИГе и И. А. и замдиректора, ибо они в ноябре расстроили меня до последней степени за 2 дня до намеченного экзамена, и если бы он тогда состоялся, результат был бы не лучше, ибо единственный якорь моего спасения был в том, чтобы спокойно вспомнить напряжением воли то, что говорилось когда-то в университете, но как я мог вспоминать спокойно при скоплении всех этих неприятностей.

Сегодня переводчица П. В. сопровождала меня в Политехнический, она делает фактически ту же работу, что и я, выписывает все станции подряд. Мы дублируем друг друга, но я не возражаю, мне решительно все равно... И вся эта работа кажется совершенно бесполезной. Можно было бы сразу интуитивно выбрать станции для описания на будущий год, или начать описывать несомненно интересные, но П. В. философствует, что 15% времени должно уходить на выбор, и в результате мы фактически пишем, пишем без конца и края нужное и заведомо ненужное. П. В. хочет чтобы я еще раз переписал это же из своей папки, где на каждую станцию есть листок в скоросшивателе с основными вопросам на карточки... Но я пока предпочитаю выписывать из журналов все новые и новые материалы, пополнять старые — это все же интереснее, чем заниматься перепиской. Авось, что-нибудь помешает, и карточками придется заняться другому, например, секретарше П. В., которая теперь занята в райкоме перепиской партдокументов, ее почерк считается лучшим в Институте, из тех лиц, конечно, которых можно направить на такую работу. Впрочем, Ксана, тоже там, как мне сказали, когда я ей как-то звонил по телефону, в надежде хоть с ней потренироваться по-английски перед экзаменом, а почерк ее далеко не блестящий.

В связи с моим провалом мне явно необходимо несколько консультаций по истории языка и теоретической грамматике, единственная надежда, что это как-нибудь организует Спивак. Он живет в одной квартире с мадам Иоффик, которая молча, меня провалила за весь экзамен не сказала ни слова, не задала ни одного вопроса... Впрочем, она присутствовала не все время... Спивак имеет на нее какое-то влияние... Его грубый резкий голос, по телефону, меня так обрадовал. Я сразу вспомнил былые дни, иронического Володю, который предавал осмеянию все во ВНИИГе, начиная от директора и кончая сторожем Метелкиным... Я спросил Спивака: «Интересно, что же делает Володя?», после того как сказал ему, что секретарша издателя процветает

по-прежнему. А он ответил громко, как будто говорил что-то совершенно обыкновенное и вполне приемлемое и само собой разумеющееся: «А она его содержит. Я как-то видел их вместе у «Дома книги»... В этой фразе был он весь большой, немного нагловатый, напоминающий, я бы сказал, Маяковского, своей искренностью, прямотой в обращении. И. А. называл это — детскостью. «И обманывает он как-то по-детски. Сразу видно, что лжет». «Где вы были?» «В горлите» А сам прекрасно знает, что известно, всем известно, что там он не был»... Вероятно, такой заведомой ложью он надсмехался над всеми ними, И. А. и остальными, презирая их за то, что они платят ему так мало, по сравнению с другими типографиями хотя он им раздобыл машины, он наладил все дело... Он не кончил институт, и этим пользовались... Помню, как-то раз я сидел один в конторе, и заснул за столом, я часто это делаю, чтобы отдохнуть теперь в библиотеке Политехнического, а тогда в конторе, когда никого не было... Он вошел и сказал так весело, простодушно: «Ай-ай-ай — как не стыдно», и мне почему-то стало так хорошо, так радостно...

Мадам Барсукова и кот — спали, оказывается... Теперь они проснулись, пришла партийная дама и сквозь стук машинки из кухни слышен гул разговора. У Коли, тоже самое, но из соседней комнаты, и я невольно сравнил, что лучше. Все же кухня, может быть лучше, все же в ней реже пребывают, а может быть, это только кажется...

Печка сегодня растопилась сразу я даже удивился. Вероятно, дрова хорошо просохли за ней, а потом в ней... Положил два мокрых полена они будут гореть медленно...

Переводчица П. В. сказала мне, что вчера была на чествовании немецкой преподавательницы, она занимается немецким за счет ВНИИГа, как это делают многие. Я хотел было просить тоже для себя относительно шведского, но раздумал, все равно откажут, время привилегий для меня прошло, да и вообще мне пора отсюда уходить, надоело, все надоели, и всем я надоел...

Она сказала, что кафедра иностранных языков, здесь внизу... Я потом пошел и разыскал с некоторым трудом, оказалось дверь мимо которой я много раз проходил, совершенно не обращая внимания, хотя мог бы давно воспользоваться случаем, и если не получить работу, то хотя бы поговорить об этом по-английски с начальницей... Наверное, она не будет возражать, как возражала мадам Жигадло... Но, как обычно, все не удается, занятия кончились и начальница будет только в понедельник. В помещении, где за витринами стояла святыня кафедры — журнал «Иностранные языки в школе» — сидело несколько преподавательниц и «работало». в том же стиле, как об этом пишет месье Коньков в своем письме о «работе» преподавателей школы во время каникул: они обязаны приходить в школу и быть там, чтобы иметь право на зарплату, а делать им фактически нечего... Как это странно ведь это время можно было бы с гораздо большей пользой посвятить самообразованию, чтению научной литературы и т. д. вместо того, чтобы так сидеть и без дела болтать... Но традиция, традиция — заставляет... У каждой профессии есть свои странные традиции у службистов заниматься тратой попусту времени на законном основании, пока не утвержден план (месье

Круковский как-то говорил, что план надо было бы утверждать в сентябре, чтобы не было такого разрыва, но тут же себе возразил «впрочем, тогда не видны ещё итоги предыдущего плана). А у преподавателей — эта манера их специфической каникулярной работы. Впрочем, начальница кафедры, вероятно, использует это время как хочет дома, ей это можно...

Зачем только я пишу все это!?... Более полезно было бы обобщать забытый материал по инстанглу и теоретической грамматике, но вчера падчерица попросила у меня еще «беленьких листочков» их у нее накопилась уже целая пачка (остальные адресаты, вероятно, все это выбрасывают), и мне захотелось удовлетворить ее просьбу. Как раз накануне и отослал имевшиеся в последнем экземпляре листки Айрин... А она ничего не отвечает. Может быть моя поздравительная телеграмма (с сообщением о провале вместо поздравления), произвела на нее такое пагубное впечатление, что у нее отпал всякий вкус ко мне? Может быть, она поняла, что я такой же «неудавшийся кандидат», как многие орловские, и что после этого скандала вряд ли удастся выкарабкаться? Ибо мадам Жигадло меня сможет снова провалить, если у меня не будет солидной практики в смысле прослеживания истории слов от древности до современности. А где взять эту практику? Были раньше семинарские занятия повышения квалификации учителей, но я тогда сдавал языкознание и марксизм мне хотелось побольше сдать экзаменов, чтобы больше времени осталось на специальность, и я ошибочно думал, что эти занятия будут повторены. Теперь лекторий их уже не проводит — нет средств! Так что месье Зурабов, вероятно, прав, что даже если идея моего словаря будет одобрена что, впрочем, весьма сомнительно, то средств на его издание не найдут. Месье Зурабов говорит, что мало кого такой словарь заинтересует, что издание осталось бы не раскупленным... А раз не будет словаря, то не будет и практики, связанной с его составлением. Поехать в Москву и сдать экзамен мадам Ярцевой? Но вряд ли это позволят, да и, кроме того, наверное, я ей уже опротивел своими тремя письмами ответит ли она хоть на последнее, через «Правду»? Если бросить в ВНИИГ и поступить преподавать куда-нибудь с ограниченным количеством часов, жить переводами от Веры Петровны, которая меня так приветливо встретила в своем сумбурном отделе в Публичной? Тогда было бы много законного времени для занятий. Можно было бы проникать даже на какие-нибудь консультации. Но мне не везет и вряд ли это будет. Ирина Петровна сказала, что здесь мне не дадут преподавательской работы.

11 января 1954 года

«Радиопередачи закончены», уже давно началось 11 число, утром снова надо ехать на служебном автобусе по сутолочному большому городу, во тьме цивилизации... Но хочется ещё дополнить кое-что... Питкенантропы — это может быть только фантазия... Были лекции в Университете и Географическом обществе, показывали снимки их следов, но мало ли бывает недоразумений...

А вот кошки в мешке и их дикий вой, скрежет, отчаянные попытки вырваться из мрака на свет — это реальный конкретный факт... Когда я увидел

этих двух службисток, смеющихся этому, я сразу же подумал, что ведь очень легко они сами могут очутиться в таком же положении конечно, и тогда им будет не до смеха...

Давно как-то кто-то рассказывал о пожаре в переполненном кинотеатре. Поднялась паника, через узкие двери выйти никто не мог, погибли в страшных мучениях, море огня и дыма... Тоже что-то вроде большого мешка для людей, мешка в руках судьбы...

Но это шутка, сыгранная слепой судьбой... Между тем, истории известны случаи, когда с людьми, которых считают опасными, делают то же самое, что и с кошками, которых подозревают в бешенстве и бездомности... Например, эти огромные нацистские лагеря смерти — Бухенвальд, Освенцим, Майданек... Чем лучше они этих мешков, только размером, они побольше... И транспорт, изобретённый там же, душегубки — это уже точная копия мешков с кошками, подлежащими уничтожению...

Помню как-то давно я видел картинки узников Освенцима страшные, измождённые эти фотографии производили потрясающие впечатления... И ведь этих людей использовали точно так же, как кошек. У кошек берут на воротники их шкурки, а там эти бесконечные пакеты с золотыми зубами, ридикюля из человеческой кожи, кубки из черепов...

Конечно, одно дело — люди, другое — животные. Но ведь и в отношении животных нужно соблюдать элементарные правила гуманности, иначе очень легко забыть о них и в отношении к людям...

На этих фотографиях особенное жуткое впечатление производили женщины. Растрепанные, опустившиеся, исхудавшие до безобразия, избитые, грязные — они потеряли там все, совершенно все привлекательное. Несомненно, они знали об этом, и от этого их положение делалось еще трагичнее...

Утро. Сегодня почти всю ночь не мог спать. Как-то «было скверно на желудке», как любила говорить баба Зоя[201]. Вообще эти воскресенья, когда только я могу полностью заниматься лингвистикой удивительно, нарушают режим дня. Месье Зурабов советует мне заниматься лингвистикой на службе, но я не могу, не потому что боюсь кого-то или совесть не позволяет, а просто потому что смотреть иностранные журналы куда интереснее чем стараться заполнить закон Венеры примерами из германских и индоевропейских языков.

И невольно хуже чувствуешь себя в смысле зрения, потому что весь день сидишь при искусственном дневном свете, а это не улучшает моего зрения. Надо будет все же мигрировать в библиотеку и в воскресенье, но сперва надо закончить обобщение собранного материала, что увы, кажется совершенно бесконечным занятием. Правда, мне осталось еще несколько страниц, чтобы

[201]Зоя Константиновна Белоголовая (Стефанович), народная учительница, двоюродная сестра деда И. Л. Мусселиуса В. Т. Беляева, жила на канале Грибоедова вместе с К. В. Инюшиной (Мусселиус) и М. В. Инюшиным и участвовала в воспитании их детей, умерла в блокадном Ленинграде в июле 1942 года.

закончить с фонетикой древнеанглийского, но хочется кончить всю фонетику до конца, чтобы потом можно было, опираясь на собранный материал, прослеживать истории слов, без разрыва, как это нужно Жигадло...

Я давно уже хотел записать здесь о библиографе Политехнического Института. Это весьма интересная личность. Голос у него удивительно тонкий, гораздо тоньше моего. И кажется он такой же беспомощный личностью. Когда я занимался в библиографическом отделе с «Инженеринг индекс», он звонил по телефону куда-то, спрашивая, можно ли получить пенсию. Видимо, он уже пенсионер, несмотря на молодость лет. Ходил к директору с просьбой поддержать какую-то свою библиотечно-библиографическую диссертацию, но вернулся разочарованный: «Отказал. Говорит: не соответствует профилю. Придется обратиться в библиотечный институт»... И мне показалось, что он понимал, что ничего у него не выйдет, что никому его библиотечная диссертация не нужна. Однажды он привел в Институт своего «приятеля», как он выразился. Это был выпускник средней школы, сын рабочего, желающий поступить в Институт. Он ему показывал Институт, библиотеку и прочее, спросив предварительно разрешение у кого-то по телефону... Подойдя к «Инжиниринг индекс», он сказал: «Тут библиография по английским статьям» — и мне показалось странным, неужели он не знает, что в этом указателе охвачена вся периодическая техническая литература мира...

По телефону он как-то сказал, вернувшись с занятий в Университете марксизма-ленинизма (который посещает вероятно ради кандидатского минимума) «Вытащите пожалуйста (и он назвал имя отчество какой-то особы) в кабинет марксизм-ленинизма. Не просят...» — и сказано это было так лениво, так устало, так вяло, что я невольно подумал, не страдает ли он той же болезнью сидящих людей, что и я...

Когда он вернулся после осмотра Института ради своего «приятеля», видно — соседа по квартире, как потом и оказалась из его разговора он заохал очень громко, и спросил меня своим тоненьким женским голоском: «Что, меня никто не спрашивал?», и, узнав, что нет, сказал, засмеявшись как-то иронически устало: «Ну и слава Богу» и сел за свой стол, углубившись в какие-то книги...

Эта личность результат неправильного воспитания, когда физическое развитие находится в пренебрежении... Сколько таких искалеченных морально и физически людей в нашей стране и во всём мире! Я и этот библиограф — в их числе...

Но пора идти на службу... Одна из копий отпечаталась, наоборот, пришлось ее вынуть и вставлять взамен чистый лист. Этого не случилось со мной уже года два...С самого приобретения машинки почти...

Вечером того же дня. Сегодня у Юрки[202] экзамен, но он почему-то не пришел. И. А. утром выразил недовольство, что я с ним очень тихо здороваюсь. Прежде он возражал, что я стараюсь первый пожать ему руку, как это принято,

[202]Ю. М. Инюшин был студентом гидротехником Ленинградского политехнического института

ужасно грустно, в нашей конторе, почему я и старался первым чтобы скорее избавиться точно так же, как на этом злополучном экзамене... Но теперь мне все они настолько противны, что я стараюсь их не замечать. Впрочем, поддерживаю внешнюю корректность, только необыкновенно бываю рад, когда утренняя сортировка собранных за день материалов на листочках кончается и можно снова уплывать в Политехнический институт.

Вчера во ВНИИГе был костюмированный бал, опасались разбойников, и после 10 часов никого не пускали. Даже Григорьева долго не пускали, боялись открыть дверь после того убийства двух студентов на балу в политехническом. Вызвали милицейский пост, и проверяли документы при входе...

Но все это меня очень мало интересует.

Гораздо приятнее было поговорить по-английски с начальницей английской кафедры Политехнического Института. Я заранее спросил, можно ли говорить с ней по-английски, и мне сказали, что можно, потому что она настоящая англичанка. Когда я вошел в ее кабинет там была масса народа, собрались на какое-то заседание. Кроме того, две преподавательницы притащила какого-то студента с недоразумением относительно экзамена на предыдущем курсе. Долго спорили о чем-то начальница говорила, что ему надо что-то сдать за предыдущий курс, потом что-то стирали общими усилиями в его зачетке не знаю зачем. Только начальница не стирала конечно, ей все это надоело, потому что выражение лица у нее было какое-то страшно усталое и замученное этим нелепым спором, так что мне даже было неудобно обратиться к ней. Потом к ней подошла какая-то пожилая преподавательница и дала какие-то бумаги: широкие кресты, и несколько страниц рукой начальницы оказались целиком перечёркнутыми. Тут та которая мне сказала, что я могу говорить с начальницей по-английски, сказала мне, чтобы ждал... Я подошёл и сразу, без единого русского обратился к начальнице, когда она спросила меня по-русски также уныло, как только что говорила со студентом с зачеткой, что мне нужно. Я ей изложил своё дело, показал направление окулиста на перемену работы и письмо из Министерства культуры о необходимость сдавать экзамен. И я попросил ее дать мне возможность попробовать свои способности преподавания под руководством старших преподавателей, сказав, что я хочу войти в соприкосновение с современными грамматическими взглядами, а также работать у нее, ради своей диссертации. Я назвал тему. Сперва она сказала, что ничего не может сделать, потому что все часы распределены. Я ответил, что готов ждать сколько угодно и спросил, когда прийти еще. Она сказала, что в апреле, неизвестно, увеличат ли число групп в следующем году. Я сказал, что мог бы помочь им в составлении технической хрестоматии, но оказалось эта книга готовой «Ну что же, что-нибудь другое»...

27 января 1954 год года

Сегодня снова захотелось вписать сюда несколько строк. Хотя нужно было бы вместо этого продолжать описание фонетического строя раннего английского...

Вчера мне попался журнал, где, в одной заметке, было сказано буквально следующее: «Мы полагаем, что каждого иногда преследует чувство того, что жизнь тоскливо и монотонно «одна проклятая вещь за другой»... «We suppose everyone is sometimes attacked by the fceling that life is monotonus, “just” one “damn thing after another”»

Хотел было переводить дальше, но не могу. По-русски это нельзя сказать получается как-то коряво и безобразно. Вероятно, И. А. прав, и я вообще не могу переводить, я слишком люблю английский язык, чтобы иметь оторваться от английского оригинала.

Да и не нужно, вот именно, «одна проклятая вещь за другой!» “one damn thing after another”. Только всё наладилось, более или менее, после конца того года, а теперь новые напасти, я даже не могу сейчас смотреть на то, что я печатаю, настолько у меня болят глаза, надо уходить, но куда? Преподавание тоже было бы скверно при таком отвратительном зрении...

Сейчас впустил капли, и стало немного легче...

П. В. так и не дал мне командировку на завтра, хотя я его просил два раза сегодня и накануне...

Товарищ Аристова из Смольного говорила с Кравцовым, и он обещал ей помочь во всем, что только возможно... Обещал переговорить со мной «в рабочем порядке» — как мне она сказала по телефону. Я был очень рад, но опять неудача, он заболел, и теперь я так и не могу его увидеть.

«Одна проклятая вещь за другой»

Вообще, положение совершенно безвыходное.

Маман[203], явно не хочет, чтобы я вернулся в Казахстан.

Айрин[204] не хочет, чтобы я ехал в Орел что, конечно, вполне понятно после этого глупого провала и принимая во внимание, что у нее больна мать.

Ехать неизвестно куда с больными глазами ненадёжно.

Или на Свирьстрой, хотя меня туда и приглашали давно, правда, да и может быть, только так ради разговора.

Когда-то давно, когда я ещё учился в университете я обедал в столовой угол Невского и Канала.Тогда не было ещё этого провала, не было моей болезни глаз и всей этой глупости с квартирой, экзаменом и прочим. Так было хорошо. И вот тогда, совсем случайно, я оказался за одним столиком с какими-то геологами, которые уезжали на Южный Сахалин. Почему-то они разговорились со мной вероятно, потому что увидели у меня в руках английскую книжку. И сказали, что с удовольствием бы взяли с собой в штат кого-нибудь вроде меня, чтобы обучать их там на воле английскому языку.

И я почему-то сразу представил себе, как это было бы хорошо забраться в какие-нибудь дебри и учить английскому людей, которые действительно этого хотят... Но теперь вряд ли столько событий прошло с тех пор и вообще я себя чувствую настолько скверно физически и морально, что куда мне...

---

[203]К. В. Инюшина, мать И. Л. Мусселиуса

[204]Ирина, жена И. Л. Мусселиуса

Потом ещё вспоминается один студент Энергетического института он учился там вместе со мной в 1943 году. Но ему не понравилось, и он перешел в Институт международных отношений, нужно было много всяких формальностей, но его приняли... Я тогда был совершенно беспомощен и даже не попытался. Вообще эти месяцы в Москве с сентября или октября по январь, были какими-то сплошным кошмаром, напоминающим теперешний, только вся разница была в том, что тогда я был относительно здоров, но не было своего угла, куда бы приткнуться. Теперь есть, но холодно, отопить так тяжело что думаешь лучше посидеть в холодной комнате чем пытаться. И поневоле думаешь, что, если бы не этот обман с квартирой я бы смог вырвать хотя бы комнату с паровым отоплением для себя... Впрочем, теперь уже поздно об этом жалеть, да и вообще, все прошло. Спивак не звонит, наверное, мадам Йоффик не очень-то соглашается меня консультировать... После моих писем в Москву, на которые так и нет ответа, — мне противно звонить Ирине Петровне, и поневоле хочется какого-то коренного поворота, но в какую сторону неизвестно?! И вот тогда, в Москве этот студент изучал французский язык, и я ему помогал. Теперь я уже забыл его фамилию, но всякий раз, когда слышишь по радио или читаешь в газете о назначении нового посла в одну из стран, поневоле думаешь может быть это он? Какая-нибудь Исландия, Боливия или Перу — где не нужно особых дипломатических талантов...

Ему не нужно переводить английских текстов тем, которым совершенно безразлично как это красиво и четко в оригинале. Ему не нужно помнить определение флексии и последней русской теоретической грамматики, не нужно смотреть на схоластическую мадам Жигадло, которая сперва оказалась такой переменившейся наружностью, когда я увидел ее после длительного промежутка времени, а теперь снова кажется, как прежде, то же самое схоластическая желтое и прыгающее лицо...

Ну может быть вместо этого ему нужно делать что-нибудь другое, для него столь же тяжелое и обременительное, и чего я не знаю...

Зачем я начал этот листок? Лучше было продолжать начатую «грамматику», уже написано 50 страниц, и сегодня я мог бы кончить, может быть, фонетику... Но настроение такое скверное, что хочется сперва разгрузить весь этот хлам мыслей...

Завтра попробую выпросить бюллетень у окулиста... Может быть и даст. Тогда можно было бы попытаться найти какую-нибудь лазейку, где можно было бы закрепиться... Мне бы только добиться, как несчастному месье Ильишу, почасовой работы в каком-нибудь Институте, а остальное время я бы спокойно работал ради своего экзамена, и мог бы еще подрабатывать переводами для Публичной библиотеки, без принятия в штат, я мог бы взять их в любой момент.

Говорить с Проскуряковым — бесполезно. Он во всем откажет после этих квартирных скандалов. Да и мне противно его просить о чём бы то ни было.

С другой стороны, жалко как-то бросать мою работу, на теперешней ее стадии, когда я прихожу в институт только на 10 минут, и потом на весь день

ухожу в библиотеку Политехнического, а назад возвращаюсь только для того чтобы перевесить номерок с одной доски на другую и, если автобус еще не подошел, положить папку в шкаф. Иногда встречаю на лестнице И. А., здороваюсь с ним сквозь зубы, он отвечает тем же. С другими вообще предпочитаю не здороваться, кроме П. В. и тех, которые со мной непосредственно соприкасаются... Месье Пичужкин теперь тоже здоровается со мной так же сквозь зубы и вполголоса. Но мне, все равно... Ведь это только 10 минут, и потом отплытие. Если П. В. «здесь», я его предупреждаю в форме спрашивания разрешения, а если нет, то просто говорю что ухожу и все... Но так не может долго продолжаться... Секретарша издателя выбросила бумагу с моего стола под тем предлогом, что она очень грязная, и теперь он стоит черный и ободранный... Ей не нравится, что я ухожу вот уже много дней на весь день. Читаю целый день журналы, и поневоле читаешь, и выписываешь все что интересно вообще: платные дороги в США и Канаде, автострады с ездой в одном направлении, безостановочно и с неограниченной скоростью, подъём на Эверест и никаких питкенантропов в отчете в журнале «Нэйче», как я сегодня установил, не упомянуто. Правда, заметка об Эвересте была очень краткой, но все же вряд ли пропустили бы... Наверное, все это придумано кем-то для смеха... Или атомные электростанции: западные журналы полны уверенности, что это уже на мази и вот-вот будут построены первые станции — 100 и 500 мвт...

Они могут вырабатывать энергию в мирное время, а в военные, переключаться на иную продукцию точно так же, как тракторные заводы... Или могут давать энергию в качестве побочного продукта... Какой-то англичанин выпустил целую книгу о «летающих тарелках», с подробными сведениями опроса тех, кто утверждает, что видел эти тарелки в США, вывод автора: это либо оптический обман, либо нарочно пущенные ради шутки шары и т. д., либо кометы, блуждающие огоньки, огни Св. Эльма и т. д. Все это интересно, но это целый день мелькает перед глазами тысячами страниц... Накопилась толстая папка с данными о последних гидростанциях, но П. В. даже не смотрит, и у меня такое впечатление, что все это вообще никому не нужно... Да и в самом деле, зачем выписывать столько данных из которых использовано будет лишь девять названий... Объявления самые причудливые. На одном, бегущая купальщица и пальцы ее ног как-то неестественно расставлены, напоминая перепонки лягушки. А внизу надпись: «Порыв... чтобы напомнить вам, что установки Батлера сконструированы также чудесно. И двигаются в работе они тоже живо!»

“Gust to remind you... Butler plants also are magnificently designed... and they step lovely, Foo!”

30 января 1954 года

Сегодня годовщина со дня казни английского короля Карла I — в 1649 году. Я всегда вспоминаю этот день с особыми чувствами, дядюшка Дик из «Давида Копперфильда» никак не мог удержать его голову от того, чтобы она не попадала в составляемые им мемуары, также и я никогда не могу удержать свое я от проникновения во все мои мысли...

Страшный холод, все время более 20° и от морского воздуха это нестерпимо.

Библиотека Политехнического Института была сегодня закрыта, по случаю санитарного дня — так что пришлось сидеть во ВНИИГе, который все еще ремонтируется.

Бесконечный стук паркетчиков, которые укладывают паркет специальной машиной, уныло и монотонно свистящей.

Но в общем я чувствую себя гораздо лучше после разговора с месье Кравцовым, который отнесся ко мне очень тепло, и может быть даже устроит мне два дня в неделю в Публичной библиотеке, чтобы можно было заниматься экзаменом.

Кроме того, вчера получил письмо из Словарного Управления Министерства Культуры, где меня просят прислать более подробные сведения о словаре, который я задумал. Я думаю для написания ответа выпросить несколько дней без сохранения содержания, что одновременно ускорило бы мою подготовку.

Осталось составить заключительную главу по фонетическому строю новоанглийского, остальное все уже готово. Так что завтра же можно приступить к составлению нескольких пробных страниц словаря, и послать их в Москву, вообще, все это очень интересно, что-то из этого получится!

В «Литературной газете» была статья о кандидатах, не занимающихся научной работой. Ее подробно комментировали в нашем автобусе, фотограф, месье Абелев, который раньше учился в рабфаке, а потом поступил в Политехнический институт и др.. Я послал в газету большое письмо, где привел их высказывания по поводу. Месье Абелев рассказывал, как к нему пришел поступать в аспирантуру один абитуриент: «Почему вы выбрали гидравлику? Что вас здесь особенно интересует?» — и в ответ: «Да другие специальности заняты, вот я и решил. Ничего особенно меня не интересует»... И далее Абелев сказал: «Вот придется теперь его вытягивать три года, придумывать тему, напишет он диссертацию, защитит, и на этом его научная деятельность закончится». Фотограф сказал: «Захотел товарищ получать 2,8, вот и поступил в аспирантуру»... Абелев говорил, что наверное отменят все эти денежные привилегии для кандидатов, и в самом деле, зачем, они только засоряют науку теми, кто идет в нее только ради шкурных соображений! В своем письме я снова повторил свой проект словаря, а также переиздание учебника истории английского языка и издание избранных отрывков из наиболее интересных подлинных английских текстов из научно-технических журналов и из «Дэйли Уоркер», чтобы учащиеся, обучающиеся английскому языку имели увлекательный материал для чтения. Который был бы подлинным и не вызывал бы у них скуки, как устаревшие статьи переводного характера из «Нового времени». Для проведения этой программы я предложил организовать при Ленинградском филиале АН СССР группу специалистов по английской филологии, средство на что можно было бы получить, эти мероприятия важны именно для преподавания английского языка в первую очередь, поскольку этот язык большей частью изучается в школе, и просто потому что волею судьбы английский язык стал одним из важнейших языков мира на нем говорят в нескольких крупных промышленных

странах мира (Канада, Англия, Австралия, США и др.), и стоит лишь подняться в читальный зал Политехнического института, чтобы убедиться, что большая часть иностранных технических и научных журналов на английском языке. Чтобы английский язык знали те, кто их изучает, учебные тексты нужно сделать действительно интересными. И я привел примеры из технических журналов, жизненные условия на Марсе, использование атомной энергии для выработки электроэнергии, электронное управление автомобилями на расстоянии, платные дороги в США с движением только в одном направлении и др. Также я указывал на наличие в «Дэйли Уоркер» очень интересных статей на английском языке, на настоящем, а не языке перевода. В самом лучшем переводе невозможно сохранить всех тонкостей подлинника, а именно они создают специфику языка, которую чувствует всякий, кто хоть немного знает данный язык.

Месье Зубаров видел московский ответ на мое предложение о словаре и нашел, что он в общем благоприятный, и что может быть через год это дело и пройдет. Я не льщу себя, конечно, такими надеждами, но во всяком случае будет больше интереса заниматься всем этим ради экзамена.

В понедельник снова придется оставаться в Институте, потому что месье Кравцов обещал меня принять и можно будет попытаться добиться от него хоть некоторых преимуществ.

Когда я был у него, и И. А. ворвался без доклада, он сделал выговор секретарше за то, что она его выпустила.

Вообще мой разговор в Смольном пока что не вызвал никаких отрицательных явлений, только заставил И. А. и П. В. относится ко мне с опаской и без прежнего нагловатого вида. Кроме того, они видят, что Кравцов ко мне хорошо относится, да и я это вижу, и мне это придает больше бодрости.

Как-то очень скучно получается писание этого дневника.

Может быть, потому что я очень увлекся фонетикой, где уже напечатано 56 страниц, и хочется запомнить все эти изменения получше...

Так что, по-видимому, придется докончить рядом цитат.

Вот, например, что я вычитал в журнале «Электрикал Ривью» от 14.08.53 г., подпись под рисунком:

«Усть-Каменогорская гидроэлектростанция на Иртыше, СССР, которая была торжественно открыта 1 июля. Станция дает энергию промышленным предприятиям, стройкам и сельскому хозяйству Восточного Казахстана и горных районов Алтая», с. 361.

И рисунок, тот самый, который был помещен тогда в «Правде»...

А вот совсем другая заметка, совсем другой язык и стиль, эта была явным переводом с русского, поэтому при обратно переводе ничего специфично английского потеряно не было, а это совсем-совсем другое...

«Трагедия в дебрях Северной области», “Tagedy in the North Country wilderness”

На строительстве железной дороги Шеридан, Озеро Линн, описанном на с. 62 этого номера, склады динамита были расположены возле лагерей, но всегда за холмом или иначе защищенные.

Однажды после полудня в воскресенье два строительных рабочих пошли на медвежью охоту, спугнули большого медведя и погнали его по следу через кустарник, не понимая, что они двигаются к лагерю.

Загнав зверя в рощу из небольшие деревьев, охотники дали залп из обоих ружей выстрел попал в пороховой склад и взорвалось 45000 фунтов динамита.

Медведь был убит, так же как и двое охотников. По счастью, хотя близлежащий лагерь был сравнен с землей взрывом, других несчастных случаев не произошло».

Мораль: охотьтесь подальше от пороховых складов.

«Констракшэн Методс энд Эквипмент», 1953 год, октябрь, с. 208.

Не знаю, но мне кажется, что этот перевод какой-то страшно неуклюжий, и из него не представить себе так ясно, как из английского подлинника эту обстановку. Одна фраза: “The bear was killed, so were the two hunters” — содержит столько иронии, типично английской, сдержанной “... flushed a big fellow and trailed him through one brush”, а я сперва думал, что “flushed” значит подстрелили... Вот что значит привычка к русифицированным английским текстам! А “big fellow” — это никак уж не перевести подлинно! Это выражение “fellow” в применении к животному (в том случае к насекомому) есть у Голсуорси, когда рассказывается как во время встречи с Айрин, стрекоза села старому Джолиону на рукав, если и не ошибаюсь, это было как раз в одной из интерлюдий «Бабье лето Форсайта»... как давно я все это читал!

Или “They were working back toward camp” буквально «действовали, работали» русский обязательно бы сказал — «двигались» “moving”.

Действительно, в любом языке имеются между собой еле заметные трудно уловимые связи, и при переводе эти связи неизбежно упрощаются, нарушаются, получается примитив! И виной этому у тех, кто изучает английский язык здесь, является пользование русифицированными текстами — это несомненно!

Интересно, откликнется ли Литгазета?

6 марта 1954 года

Эти дни были полны драматической пропаганды моих трех пунктов, словарь, история языка, хрестоматийный журнал интересных английских текстов. Сперва все шло вяло осмотр во ВТЭКе, отказ предоставить инвалидность. Затем, визит в Институт им. Покровского, который недавно аннексировал Областной Институт Иностранных языков. Долгое ожидание, встреча с деканом факультета иностранных языков, Карповым. Его специальность французская, но он встретил меня довольно приветливо и предложил сдавать у них последний экзамен. Работы нет. Да и в смысле сдачи экзамена он не был уверен, потому что он сам, зависит от отдела аспирантуры, в главном здании, которое на Петроградской стороне (Малая Посадская 26), а сам он на Васильевском острове (в самом конце 1-й линии). Главное здание на мой запрос (не к замдиректора, а в отдел аспирантуры) ответило холодным отказом и советом обратиться в другие вузы, а на запрос Смольного (где я снова был вчера), замдиректора сказал, что это очень сложно, что надо, чтобы учреждения заплатило 125 руб. за экзамен, что нельзя из личных средств и т. д..

В Смольном меня встретили очень приветливо, но впечатление у меня сложилось такое, что они мало что могут сделать. Может быть разве, что их звонок в 1-й Институт иностранных языков (Смольная пл., 3) расположил ко мне зам. директора. Но я пришел туда не сразу, как хотел, а несколько часов спустя после моего визита в Смольный, потому что на тротуаре при выходе из института я встретил м-ме Ферберг и она меня отговорила, только что ушла оттуда ни с чем, в своих поисках работы. Ее муж взял 15000 рублей аванс за 1 часть своей книги о культурных связях России и Эстонии, и теперь должен срочно дописывать 2 часть, и ей нужны деньги... Только что слышал по радио, что при какой-то библиотеке, наверное, при Публичной, организованы лекции на иностранных языках, и м-ме Дъяконова, та самая которая мне устроила урок с восточным азербайджанским аспирантом, который вдруг заболел, читает там лекции о прогрессивных английских писателях... Надо будет узнать, где это...

И вот мы долгое время бродили с м-ме Ферберг по ул. Восстания, по Кирочной, мимо Таврического сада, сели на трамвай на Литейном и прибыли к Технологическому. Там м-ме Ферберг отправилась искать работы в Институте, а я пешком прибрел домой, пообедал традиционным бухарским пловом и кофе в Кавказском ресторане и затем поехал опять к Смольному, все на том же синем троллейбусе, на тех, что так часто путешествуют по Невскому. Что-то лента плохо передвигается, не знаю, как допечатаю, а мне столько нужно еще печатать материалов, в связи с событиями этих дней.

В 1-м Иняез замдиректора Федоров, который написал книжку о теории перевода, а ЛГУ не захотел признать ее как материал докторской диссертации, за недостаточность теоретизирования, как мне сообщила м-ме Ферберг, поэтому она сказала, это единственный человек в 1-м институте, который ненавидит ЛГУ, но вряд ли он открыто Вас поддержит, потому что он все же надеется, что в смысле этой диссертации, там для него не все еще кончено.

Я все же обратился прямо к нему, и не жалею. Он был очень ко мне любезен, не в пример географически близкому Александру Михайловичу из Герценовского института, его знает месье Пичужкин, этот огромный начальник нашего отдела, депутат горсовета. В отношении работы, конечно, пока ничего нет, но они записали мой адрес и телефон. (Впрочем, то же самое сказал и сделал Александр Михайлович в мой первый визит к нему). Но в смысле экзамена он вызвал ученого секретаря и согласился, только нужна куча формальностей, бумаги из ВНИИГа.. Я обещал привезти эти бумаги, если ВНИИГ согласится. Кроме того, Федоров взял у меня на просмотр мою статью с изложением тройного плана, копию которой я послал в журнал «Иностранный язык в школе» и обещал поместить, если ему понравится, если не в Трудах института, то где-то еще (Александр Михайлович даже не захотел смотреть). Единственное неприятное впечатление от этого вуза, в кельях монастыря, тень месье Бердникова, который был нашим деканом в 1949 году, и мадам Ферберг по этому поводу предостерегала меня против того, чтобы искать счастья там. Но, как выяснилось сегодня, действительно

лучше, во 2-м институте. Он совсем новый на улице Стачек 30. Там работает мадам Балинская, которую я как-то встретил в библиотеке Публичной, и она тогда записала мой адрес. Там же — Дьяконова.

Декан английского факультета оказалась знакомой моего морского дяди и сразу же распознала мою фамилию. Я ей дал свою историческую фонетику, фолиант в 60 страниц, где компактно изложены все сведения по исторической фонетике из книги месье Ильиша и из прочих источников. Конечно, я никогда не предназначал эту книжку для печати или для просмотра специалистами. Она была написана сразу после декабрьского экзамена, когда мое незнание исторической фонетики было выявлено мадам Жигадло с таким неподражаемым искусством. Поэтому там содержится масса полемических мест против нее. Там отстаиваются нордические черты и северный диалект, как тот самый диалект, где дальше всего зашло северное влияние и процесс отмирания флексий зашел дальше всего.

Там особо выделяется великий сдвиг гласных, а также важнейшее изменение согласных, давшее современные английские звуки «шн», «чэ» и т. д., как отделившие английский от более древнего периода. Там выдвигается идея о замедленности фонетических изменений в современный период из-за скованности фонетического развития в связи с особенностями существования языка. Там говорится о прогрессивности перехода английского языка к аналитическому строю, ибо именно таким был путь совершенствования его грамматической структуры. Все эти идеи, совершенно оригинальные для курса, истории английского языка весьма возможно они привлекут внимание. Экспертом будет Ильиш, и к 11 числу мне был обещан ответ, я назначил этот срок как конец моей свободы от ВНИИГа. Кроме того, в понедельник я свезу им экземпляр введения и образцов страниц и таблиц моего словаря, для рецензии Ильишу, декан обещала с ним переговорить, может быть, через её посредство, он окажется более покладистым, чем в период первой встречи.

Еще до этого я был в Академии Наук у профессора Федота Петровича Филина. В прошлом, яркий маррист, профессор Филин оказался очень симпатичным и отзывчивым человеком. Собственно говоря, его теплое отношение ко мне дало мне нужный апломб для представления своей исторической фонетики и словаря во 2-й институт. Он попросил только двух рецензий, для того чтобы принять организационные меры в смысле издания словаря (как замдиректора Ленингр. ФАН), и рекомендовал в качестве рецензентов Стеблин-Каменского и Жирмунского, там же мне дали их телефоны и адрес 2-го института, неизвестный мне до толе (не хотелось платить 50 коп. за справку в справочном бюро, а по телефону почему-то не сказали, хотя, когда я туда приехал все были так любезны). Звонить Жирмунскому и Стеблин-Каменскому пришлось из ЖАКТа. (Ибо сестра партийной дамы спала). Стеблин-Каменский уже знал о том, что я обращался в Москву, и высказал сомнение, согласится ли Московское словарное издательство издать такой словарь (но декан 2-го института сказала мне: «Зачем Вы хотите издавать его в Академии?» на что я отвечал, «Мне все равно, я готов издавать его у Вас, если Вы согласитесь»...).

Осведомился, не много ли будет смотреть, я успокоил его тем, что сообщил, всего несколько страниц... Но он уезжает в Москву и может встретиться лишь в пятницу. Придется в первый же день отпрашиваться из ВНИИГа, но что делать: они сами виноваты, что потеряли для гидротехники в виде подкладки под английскую терминологическую диссертацию, тем что не дали мне возможности мирно сдать экзамен в ЛГУ, и они обязаны также м-ме Жигадло, что вместо терминологической диссертации появилась историческая фонетика, словарь (вернее его проект), и проект хрестоматийного журнала (цель его, спасти преподавание английского языка в неязыковых вузах, ибо, как мне сообщили до 2-м институте, по некоторым сведениям Москва собирается отменить в этих вузах преподавание иностранных языков (по-видимому потому что изучение их, не дает знаний). Стеблин-Каменский подошел к телефону сам, а вместо Жирмунского, его молодая супруга, вероятно. Но, быстро его пригласила, когда я сказал, что звоню по поручению Филина. Жирмунский сперва стал отнекиваться и кивать на Ильиша, но потом все же согласился посмотреть во вторник, в свой прием в Академии, когда я ему сказал, что словарь предусматривает соответствия с германскими языками, по которым он спец. Ну, а Ильиш, его я не мог найти в Герценовском институте, где не было и Александра Михайловича (в субботу празднуют не только ВНИИГовские профессора), его пусть обрабатывает 2-й институт, там, видимо, нуждаются в издании капитального труда, чтобы поднять свой престиж, и поэтому даже в работе там мне не отказали, а просто ничего не ответили, по-видимому до того как убедятся, есть ли что-нибудь ценное в моих планах, или это, честолюбивый пустоцвет, как хотелось бы м-ме Жигадло.

Вместо четырех экземпляров получилось только два, неверно положил копирку и два испортилось. Но, месье Коньков, я ему опишу это все с большим удовольствием по-английски, а падчерица партийной дамы не очень любит читать о судьбе моих лингвистических попыток и хлопотах, связанных с их проведением.

Это — не все. Наш депутат в Верховный Совет, Соловьев — Седой, тоже информирован мною через его доверенное лицо, какого-то речного начальника с улицы Герцена, читавшего статью Литгазеты «После защиты диссертации» и ясно понявшего мои планы. Только Соловьев — Седой просил принять меня, когда его выберут, но мне разрешили позвонить ему на квартиру и дали телефон. Я ему расскажу о плачевной судьбе преподавания иностранного языка в неязыковых вузах и постараюсь через него продвинуть хрестоматийный журнал, как самое трудное начинание, и остальные, конечно, тоже...

Все эти успехи, им я обязан исключительно своей свободе, добытой под предлогом прохождения ВТЭКа.

Мне кажется, что если только Ильиш не провалит мои планы, что весьма возможно, потому что, по словам Елены Ивановны, он на пути к единению с Университетской «публикой», как их именует Елена Ивановна, то Филин может меня взять в свой штат, если до этого меня не возьмет 2-й Институт, куда я подал заявление о сдаче экзамена (тут обещали и консультации!!!).

Надо будет еще позвонить Елене Ивановне. Я звонил сестре академика Шишмарева, у которой был всего несколько дней назад. Просил о рецензии от ее брата. Но она сказала, что он плохо себя чувствует. И, действительно, мне показалось, что как раз накануне я видел его стоявшим около истфака, и он смотрел как-то странно вокруг. Я даже оглянулся из-за колонн этого бывшего рынка, и мне показалось, может быть он теряет зрение... Но А. Ф. сказала, что ему в этот день исполнилось 80 лет, и он просто озирался кругом, в философском настроении, действительно, столько прожито, столько написано, столько прорецензировано, а впереди, неизбежная скорая смерть. Падчерица партийной дамы и ее подруги подсчитывали сколько академиков умерло в один год со Сталиным, и оказалось более 20... Действительно, это такой был удар для всех, и вчера только исполнился год. Сколько он сделал для этой страны в свое время, об этом писали много, каждый день, и только теперь, когда пишут о повседневных задачах, ощущаешь его величие. И так радостно было слышать по радио простые слова заголовка одной из радиопередач «И. В. Сталин — гениальный продолжатель В. И. Ленина».

А. Ф. сказала, что в один из дней организует у себя мою встречу с Е. И. в расчете на то, чтобы передать В. Ф. содержание моего словарного варианта.

Вообще все это как-то странно, и не верится, что так вот вдруг все это тронется и пойдет. Но ведь качественные изменения всегда происходят внезапно, в один день, а накапливаются годами.

Радиопередачи кончены, были Юрка, Валька, говорил с Юркой обо всем случившемся, читал ему собранные отрывки из английской и американской технической прессы, которые могут послужить образчиком для информационного Хрестоматийного материала для журнала. И ведь ценность такого журнала в том, что автором его может быть коллектив. Редакция может получать заявки с указанием источника от миллионной армии преподавателей, и прочих читателей иностранной литературы, и как в случае с Оксфордским словарем, тоже созданным коллективно, результаты будут блестящими...

Вообще я не ожидал такого успеха, хотя увы, до успеха еще очень и очень далеко, и еще немало будет препятствий в лице оскорбленных м-ме Жигадло, Ирины Петровны и прочих, которые будут стараться всячески опорочить мои планы, и, быть может, это им удастся, если на их стороне окажутся Жирмунский, Ильиш и Стеблин Каменский.

Но все же, один факт, что мои материалы приняты к рассмотрению, что о них знает Москва и что их обсуждают в Ленинграде — это уже многое, и достигнуть я мог этого только тем, что на время вырвался из ВНИИГа и его бюрократических цепей, так прославляемых П. В., чтобы на бумаге, за его резолюцией расписался И. А., потом Пичужкин, а потом уже директор, и никоим образом не наоборот, даже если Пичужкина сегодня нет... И экзамен — это как-то натолкнуло меня на идею о словаре, заставило вспомнить, что еще давно в Университете, я удивлялся, почему такого словаря нет. Вот и все.

Письмо 10-е матери (без даты)

Дорогая мамочка!

Большое спасибо за костюм, но все же твое вето в смысле оставления ВНИИГа меня очень стесняет. Впрочем, я надеюсь сыграть на чувствах АН, 2-го Института и пр,. в том смысле, что постараюсь, чтобы они торопились меня брать к себе иначе я могу приглашен быть еще куда-нибудь. Конечно, я буду это делать очень осторожно и лишь в том случае, если мои проекты будут одобрены всеми. А если нет, то придется опять прозябать в этом мерзком ВНИИГе чиновников, где нет свежести действительно нового дома, 2-го института иностранного языка, а старо-нового, ВНИИГа.

Бедный Афанасий Яковлевич! Я помню, как мы вместе смотрели какое-то кино, он в переднем ряду, а мы сзади. Он так любил парк, но к нам стеснялся приходить, хотя я его не раз приглашал к нам в сад.

Впрочем, теперь, там наверное буянят гаденки Поля Матвеича и покоя нет.

Мой экзамен должен быть в сентябре, но я надеюсь застраховаться отсрочкой по болезни на всякий случай. Причем, из университета я не отчислился так что в случае чего можно будет все равно сдавать и там, но, конечно, лучше в свежем месте. Вообще я чувствую себя тяжело слишком долго с одними и теми же людьми, в одних и тех же стенах, только если я один, как в своей берлоге теперь, то однообразие меня радует.

Поэтому и во ВНИИГе я был бы счастлив всю жизнь, если бы не был связан с чиновниками.

Как Витя?

Не пишу ему отдельно: некогда завтра, воскресенье и надо подготовить материалы словаря для рецензентов и для 2-го Института.

Секретарша директора знала моего папу, вращалась в одном кругу с ним, когда он учился в гимназии человеколюбивого общества. Так что сразу два лица знали мою фамилию.

Забавно, какие результаты последуют, что-то скажут они на мои планы, мадам Жигадло будет, конечно, в диком бешенстве. Но удастся ли ей их опорочить?

Вообще 2-й институт кажется новым учреждением, далеким от теоретизирования ради теоретизирования, близким к практике преподавания.

Мне кажется, что они меня возьмут к себе, если только у них будет хоть малейшая возможность.

Я им так и сказал, что финансовая сторона дела меня совершенно не интересует, мне достаточно штампа в паспорт, любого оклада, минимального количества преподавательских часов и возможности работать по созданию истории языка и словаря. Что касается хрестоматии, то там советовали не поднимать этого вопроса до осени, когда будет окончательно решено, прекратят ли преподавать иностранный язык в неязыковых вузах. Но мне как-то не верится, чтобы прекратили.

Вообще все это напоминает второй тур, первый тур творческий, после экзамена. Второй, организационный теперь, в эти 10 дней свободы.

Месье Круковский редактирует мою статью для Губина о терминологии, он говорит, что 50 % шанс ее опубликования есть. И вообще ему понравился мой русский стиль. Если бы не машинка Айрин, он бы не выработался.

Ну, пока до свиданья, целую крепко (Юру и Вальку, конечно, забыл поцеловать, а Валька ничего не ела, не хотела, вероятно, и только слушала, как я с Юркой разговаривал обо всех этих проблемах).

23 февраля 1954 года. Письмо 11-е матери.

Дорогая мамочка!

Получил твое письмо точно в день рождения. Больше никакой иной корреспонденции в этот день не получал. Но, да это все равно. Чувствую я себя лучше главным образом потому, что одна на университетских преподавательниц, мадам Дьяконова, которая вела у нас литературоведческие семинары на 2 курсе, раздобыла мне ученика, аспиранта, восточника, из Азербайджана. Это очаровательный молодой человек в фетровой шляпе и весьма недовольный здешними морозами, но вполне довольный моим методом преподавания с экскурсами в историю языка, с многочисленными цитатами по поводу встречающихся слов и т. д. Мы с ним читаем Кембриджскую историю востока, теперь про Ассирию. Он прекрасно знает всех царей и произносит их имена без запинки с восточным акцентом, как казах, и этим приводит меня в восторг. Зовут его Юсуф Юсуфов. Плата, 10 руб. в час будет аккордно перечислена от Азербайджанской академии наук, так что все это вполне официально... Муж мадам Дьяконовой, имеет кафедру на восточном факультете, и онто это и устроил! Он просил меня только не подавать вида моему ученику, что я так этим заинтересован и что это мой первый ученик, не знаю, как-то мне это удастся, мне всегда так трудно скрывать мои подлинные настроения. Материальной выгоды от этого нет пока никакой, только расходы, пришлось купить 5 книг (английская грамматика и учебники), мне не хотелось заставлять Юсуфа покупать их самому или брать в библиотеке. Да и вообще был в таком восторге от этого, что не передать. Юсуф сказал, что летом он будет свободнее и можно будет заниматься 2 раза в неделю. Он хочет, чтобы я научил его говорить по-английски, и я чувствую, что он научится, потом что ему, видимо, английский язык очень нравится. Он приходит в воскресенье к 10 часам утра, и прошлое воскресенье мы занимались 4 часа вместо 2, и не заметили, как прошло время. Он забыл у меня на столе клякс-папир с таинственной надписью: «Мне не написать диплом. Мне ничего не написать. Никто и ничто мне не поможет. Я стала совсем глупой, тупой. Я устала».

На днях я звонил Ирине Петровне, она советовала мне не торопиться с экзаменом и сдавать его осенью. Мне бы так хотелось расстаться

навсегда с ВНИИГом и получить еще таких аспирантов человек 5, или группу в каком-нибудь вузе. Потому что Иосиф Абрамович, который на днях вернулся из Москвы, снова начал ко мне придираться. Сегодня, из-за того, что я написал в графе гидроузел (малой картотеки ГЭС) название каскада и привел общую мощность всех 16 ГЭС этого каскада (Сноун Маунтина) (в Австралии), в графе мощность. Ему бы хотелось, на каждую ГЭС, отдельную карточку. Но это так долго и скучно заполнять, что я решил аккордно, тем более что и в журналах статьи обычно посвящены всему каскаду.

Вчера была лекция и я удрал с нее и ехал в трамвае (вместо служебного автобуса) вместе с месье Пичужкиным. Как раз в этот день я перевел для него венгерскую бумагу с помощью словаря, в ПТИ, куда с удовольствием пошел, так как в читальном зале там был Зурабов. Оказалось, совсем нетрудно, даже совершенно не зная языка. Я был очень рад такому успеху. Просил Пичужкина выхлопотать мне хотя бы один преподавательский день в неделю у Кравцова, но он говорит, что это очень трудно сделать. Юрка все забывает мне принести свой синий пиджак, а к нему за этим идти тоже неприятно, и даже неудобно показываться Кравцову в моем, который пришел в полную негодность, что особенно заметно на фоне университетского значка. Пожалуй опять придется одевать эту мерзостную курточку, как называла френч, прожженный Валькой, Анна Федоровна (я ей звонил на днях, она чувствует себя довольно скверно, так что даже не уверена бывает утром сможет ли принимать кого-либо днем, так что не приглашала. Я был очень рад, ибо мне не до визитов). Я послал статью в журнал «Иностранные языки в школе», в которой стараюсь доказать необходимость словаря, нового издания истории английского языка в виде исторической грамматики, и журнала со специально подобранными для домашнего чтения английскими текстами интересного содержания на всевозможные темы (технические новшества, политические события, по «Дэйли Уоркер», отрывки из непереведенных на русских язык произведений на английском языке и т. д., все это, чтобы заинтересовать учащихся текстами и ликвидировать механическую сдачу «тысячами знаков» процветающую в неязыковых вузах. Интересно, что-то они ответят, скорее всего, сделают вид, что не получали, ибо ответить отказом на столь разумные требования вряд ли посмеют. А если откажут, можно будет послать в журнал другой, как это делал Мартин Иден.

Еще я написал небольшой рассказ (12 страниц), «Судьба молодого ученого», с намерением послать его в «Комсомольскую правду», которая объявила конкурс с премиями (см «Комсомольскую правду» от 18 феврали с. г.) на рассказ о жизни, труде, и т. д. молодежи, а также о новой морали.

Тема этого рассказа, сама жизнь. Я даже не изменял имен, и если я его пошлю, то без труда будет можно угадать наш Институт.

Дело в том, что недавно в Институте имело место трагическое событие — умер бывший парторг Фурман, в Горьком, куда его послали

после его ссоры с руководителем Бетонной лаборатории Стольниковым (писал тебе об этом). Он умер от разрыва сердца. Его нашли мертвым в постели. И, несомненно, причиной его гибели было черствое отношение к нему со стороны директора, который не поддержал его в борьбе. Фурман, очень симпатичный, у него был очаровательный голос, он всем помогал, кто бы к нему ни обращался, и вот теперь его нет. Его хоронили на том же самом кладбище, где и тетю Олю на Богословском, и мы пошли туда пешком с месье Зурабовым, так как автобусы (5 шт.) были все переполнены и также потому, что месье Зурабов хотел прогуляться под этим предлогом, а я был рад идти вместе с ним наедине.

В общем, суть моего рассказа заключается в том, что руководители должны поддерживать все новое, молодое, прогрессивное (как Фурмана, с его идеей холодного бетона), что нельзя отказывать им в помощи, под предлогом того, что старики могут обидеться (директор лишил Фурмана экспериментальной базы, так как перевел его в Бюро производства работ, без лаборатории, и даже, без стола...).

Сегодня я дал этот рассказ месье Зурабову на прочтение, интересно, что он скажет. Меня смущает только то, что все имена остались прежними и все это слишком прозрачно, а зашифровывать не хочется, так как потеряется очарование истины.

Конечно, тут же приводятся мои споры с И. А. о методе-способе, и также, конфликт из-за диссертации. Ведь и здесь тоже директор не захотел поддержать новое и передовое сотрудничество техники и лингвистики. Мне очень бы хотелось послать это в Москву, вот бы поднялся шум! Но, пожалуй, не придется, месье Зурабов, наверное, отсоветует.

Зато я думаю, наверное, послать в «Гидротехническое строительство» (прямо Ф. Ф. Губину) свою статью о терминологии. В ней будет много мыслей, принадлежащих месье Круковскому, которые он не хочет сам публично высказывать, но согласен дать их под моей подписью, речь идет о критике ряда новых терминов, слишком поспешно введенных вместо старых кратких и укоренившихся, а главный тезис, очень интересный, он всецело мой, состоит в том, чтобы доказать, что, поскольку нет принципиальной разницы между языком техники и общенародным языком, то ломка терминологической системы, полная замена старой системы новой, о чем еще недавно любили писать некоторые авторы, и действовали в том же духе, совершенно не нужна... В статье этой пропагандируется осторожный подход к терминологии и при этом делаются ссылки на профессора Лоттэ, и вообще я думаю, что такая статья может быть принята. Круковский читал соответствующую главу моей диссертации, которую я решил оттуда взять, как материал для такой статьи, и сегодня на службе я уже напечатал примерно половину.

Из всего оказанного видно, что я развил довольно бурную деятельность по всем направлениям, интересно, что из этого выйдет,

Все это — результат этого урока с восточником, он меня воскресил.

Повторение ректоскопического анализа назначено на 2 марта, но не думаю его делать, так как прошлый раз ничего не вышло из-за плохой подготовки а идти готовиться в больницу, где мне отказали, сказали, что не знают, от чего меня лечить! Не хочется, и голодать 2 дня, тем более, что дело по-видимому в желудке, потому что когда я не ем колбасу, то желудок действует, нормально, теперь я ем много сгущенного молока, по-видимому, финский импорт, огромные банки по 50 руб., я купил уже три штуки, одну сел за неделю, а две остались, очень удобно, не нужно часто ходить в магазины и для желудка очень спокойно. Я помню, ты как-то советовала то же самое. Невропатолог ЛГУ дала мне направление на ВТЭК, теперь надо получить такие же от окулиста и терапевта. Я думаю, выпросить на послезавтра командировку на это дело. Окулист ЛГУ мне прижег веки ляписом было очень плохо, но теперь гораздо лучше. Все же повторять эту процедуру очень не хочется.

P. S. Как насчет иностранной машинки, нельзя как-нибудь купить, без нее мне как-то очень неудобно писать свою историю языка. А стоит она всего 400—500 руб..

М-ме Барсуковой все кажется, что ее гостям не открывают дверей, а она не слышит звонка, и они уходят ни с чем. Дверь она закрывает на ключ и на французский, так как боится закрыть на один французский, вдруг кто-нибудь заберется! А открывать — лень... Вообще, наверное, смерть месье Барсукова деформировала ее характер, и этим-то и вызваны все описываемые мною аномалии.

Я как-то был в Ленгидэпе и видел там месье Куликова, как раз мне, нужно было пройти в тот отдел, где он работает, посмотреть перевод по ГЭС Нечако-Кемано-Китимат, которую мы описываем в этот год (Канада). Какое там скопление народа, вот уж не хотел бы я там работать в таком огромном зале! Там какой-то Агалаков, начальник, и ни у кого даже нет своей клетушки, кабинета, а во ВНИИГе после ремонта многие себе огородили стойла...

По телефону с тобой сперва говорила сестра партийной домы, Надежда Николаевна, она накануне дежурила и не знала о приезде Юрки.

Я все уговариваю Юрку отнести кровати в мастерскую, но он хочет их выбросить совсем. Мне же жаль. Если приедет Айрин, может быть удастся как-нибудь поставить одну еще кровать вместо стульев, чтобы не строить без конца, тем более что стул и так сломался, круг растрескался после этого, а Коля забрал целый стул... еще давно. Он так и не появился. Вообще, то, что я ему сказал насчет его комнаты, могло его обидеть, и что ты писала, хотя я говорил с ним еще до этого.

Ну вот и все. Целую крепко. Пиши, твой Игорь. Спасибо за поздравление.

Письмо младшему брату[205]

Дорогой Витя!

«Птицы СССР» еще не вышли. Я узнавал совсем недавно.

Шаяхметыч слетел — здорово...

Берлинская конференция кончилась не совсем безрезультатно.

Мои попытки выйти на инвалидность довольно тщетны, так как я себя стал последнее время гораздо лучше чувствовать. Но я все же доведу это дело до конца, так как под этим соусом можно дня три урвать из рабочих дней, на хождение по комиссиям и т. д. .И все же, хоть небольшой шанс все же есть.

Как Акиров, сняли его все-таки или нет?

Как поживает несчастный Индич?

Папа[206] *скоро поедет в Москву, заседать в Совете Союза, вот это совсем неожиданно.*

Месье Пичужкин, впрочем, тоже депутат горсовета и может поэтому бесплатно ездить во всех трамваях и автобусах.

Он воспользовался своим положением для того, чтобы поставить телефоны на квартирах многих сотрудников института, у П. В., И. А. и других...

Азербайджанец восхитителен.

Тебе, наверное, он бы очень понравился ты ведь тоже любишь националов.

У него полный рот золотых зубов, и портфель у него, как у министра.

Валька говорит, что ей общежитие надоело, но увы, комнату мою ей захватить не удалось, и вряд ли удастся...

Ибо «квартира свистнула»...

Сегодня я весь вечер потратил на это письмо, сколько можно было бы заниматься вместо этого, но не ответить маман, нельзя...

И жидко оставлять пустой страничку, поэтому столько я и пишу здесь.

Посылаю тебе вырезку из «Красной Звезды», о столбах, довольно забавный фельетон.

Фотограф, восхищался «девочками», выигравшими какие-то эстафетные соревнования (посылаю также и их). Он еще говорил очень напыщенно, что москвичам надо готовить десяток квартир, чтобы переманить каких-то ленинградских спортивных победителей...

Иван Александрович раз публично не пустил в служебный автобус Иосифа Абрамовича, за то, что тот ездил неоднократно зайцем, и с тех пор несчастный И. А. больше не суется (Иван Александрович, ответственный за автобусы).

Ну, вот и все сейчас выпью еще чаю, и все.

Отправлю это письмо.

Как раз телефон был, и тогда все рассказал по телефону.

Пиши. Твой Игорь.

---

[205] Письмо Виктору Инюшину, младшему единоутробному брату И. Л. Мусселиуса

[206] М. В. Инюшин, отчим И.Л. Мусселиуса был избран депутатом Верховного Совета СССР

Продолжение. Письмо 11-е матери.

Какое счастье, когда Вальки нет. Только в воскресенье я так увлекся азербайджанцем, пришел в кавказский ресторан слишком поздно, и не захотелось идти в него, слишком много было народа. Пришлось купить просто колбасы, и это испортило мне желудок на два дня. Сегодня опять пришло в норму сгущенным молоком.

Если бы мне удалось вырвать инвалидность, мне было бы гораздо легче требовать для себя преподавательский день и другие льготы, например, машинку, Пичужкин сказал, что ее можно купить лишь по безналичному расчету, но где? Зурабов дал два адреса, но там машинки были в 1950–61 годах, а теперь, вряд ли есть.

Бедный месье Фурман, мне его так жалко.

Его заел этот бык Стольников, огромный, с бычьей шеей, фотограф, звал его боксером и восхищался нокаутами, которые он давал на Ученых советах.

Пичужкин знает декана английского ф-та института Герцена, они жили когда-то в одном общежитии... Вообще вчера я очень приятно говорил в трамвае с Пичужкиным. Зато сегодня П. В. выразил недовольство, что я передал венгерский перевод прямо Круковскому, а не ему. Наверное, скоро он начнет меня ревновать также и к Круковскому, а не только к Зурабову.

Видел на днях фамилию М. В. в списке кандидатов в Верхсовет, показывал Юрке, который был здесь в субботу вместе с Валькой, как раз в тот день, когда вышла газета с этим сообщением. Шаяхметов уже не первый секретарь — это тоже было здесь нами замечено. Интересно, как-то там будет, действовать вместо него Пономаренко, который так недавно еще был министром культуры...

После выноса тела Фурмана, на опустелой площади перед ВНИИГом остался лежать чей-то забытый платок с зеленой каймой. Но мне показалось, что кайма, синя, и так это, и запечатлелось в рассказе.

Я уже совершенно забыл, где и был в тот день, когда ты звонила по телефону, по моему ездил в больницу на последнюю воскресную инъекцию.

Юркины брюки все-таки коротковаты, и лучше оставить их на лето.

Часы сегодня упали с полочки стола на стол, но благополучно, вероятно шок-абсорбер действовал удачно (я задел их видимо бумагой письма на пишущей машинке).

Машинка печатает очень хорошо, и надо скорее начать продолжение моего обобщения по исторической грамматике английского языка, я застрял на местоимениях, всякие дела отрывали, и никак не мог заняться. Но сперва надо выписать определения из теоретической русской грамматики Виноградова, у меня эта книга получена на время дома, и я рад, что не нужно идти в библиотеку. Вообще, я теперь все время дома, библиотеки, после этого провала, противны, и вообще дома как-то удобнее обобщать имеющийся материал.

Не знаю, как быть с отпуском. Айрин, вероятно, не сможет ехать ранее июня, ехать одному, ты не хочешь, да тут еще вклинивается подготовка к этому экзамену и необходимость его сдавать в сентябре (вряд ли продлят его срок или разрешат сдавать в другом месте).

Вельветки носить на службу как-то неудобно. А там все еще идет ремонт: так надоело, просто уже. В Политехническом институте очень много студентов в зале инлита, так что месье Зурабов сказал, что совершенно невозможно там заниматься. Его любимое обиталище, читальня ВНИИГ, закрыта на ремонт, и ему тоже негде приткнуться. Скоро начнут ремонт снова в нашей конторе, но еще неясно когда.

Валька была у Сони[207], они живут в одном доме с директором, раньше в их квартире жил Непорожний[208]. Пес их укусил сына директора. Слава Богу, что квартира больше меня, по-видимому, не будет касаться, я так измучился от той истории. Юрка все никак не соберется отнести кровати в мастерскую. Он стал странно забывчив, и забыл даже у меня свою школьную сумку, то есть чемодан. Я даже пошел в деканат справиться о нем, там сказали, что все в порядке. После этого в субботу он был у меня, а я был в отсутствии, но он достаточно весело проводил время с Валькой, которая ради этого стопила печку.

Но вообще я предпочитаю быть один, или с восточником, который действительно любит английский. Юрка же, сдал только свои тысячи, и все... Удивительная глупость, эти тысячи знаков, разве можно так твердо усвоить и полюбить язык, если считать тысячи скучного текста...

Мадам Барсукова стала ужасно ворчливой, но зато молчаливой, и одно окупает другое. Вообще, напряженность внутриквартирной обстановки мне очень импонирует, так как до открытых скандалов дело не доходит, а все ограничивается натянутыми отношениями и молчанием на кухне, что очень приятно, так как не нужно даже бывает прибегать к радио-глушению кухонных разговоров.

Письмо 12-е матери (без даты)

Дорогая мамочка!

Вчера я получил письмо от академика Чикобава, которое меня очень растрогало. Прямо из Тбилиси! Он ставит передо мною ряд вопросов: «Какой грамматический строй является прогрессивным и почему? Что служит мерилом прогрессивности грамматического строя?», указывая, что «в специальной литературе», насколько ему известно, «определенного (и тем более обоснованного) ответа не имеется». Я так обрадовался, что думаю завтра же написать на эту тему небольшую статью, а что касается диссертации, то я ее строю, как раз так, как он советует: «Было бы куда позитивнее, особенно, в качестве диссертационной работы,

[207] С. В. Инюшина, сестра М. В. Инюшина
[208] Непорожний министр энергетики СССР

проследить (проанализировать) процесс нарождения (становление) аналитического строя». О моих статьях он пишет: «Рассуждаете Вы интересно, живо, но ясности маловато». Вакантной должности в Тбилисском Университете нет. Но он советует запросить Тбилисский Педагогический Институт иностранных языков и пишет имя директора. Вообще это здорово! Сам академик Чикобава мне ответил! Тот самый, кто начал разгром марристов! Что касается Карелии, то ничего не вышло: узнав, что у меня уже почти готовая диссертация, зам министра сказал, что для школы я не гожусь и советовал запросить Петрозаводский университет о вакантной должности. Но я сперва попытаюсь в Баку или Тбилиси как советует Чикобава. Кроме того, Зурабов завтра поедет в Москву, и я попросил его позвонить Серебренникову, а также узнать насчет моей статьи в журнал «Иностранный язык в школе». Министерство просвещения отказалось осуществлять эти предложения для своей системы, и, поэтому, могут теперь аннулировать и статью, хотя она была уже в гранках! Но, в конце концов, это не важно. Чикобава, по-видимому, сам звонил в «Вопросы языкознания», так как он пишет, что мою статью о внутренних законах те передали в журнал «Иностранный язык в школе» и «(прежде чем искать другие пути для опубликования статьи)» «было бы естественно иметь ответ редакции». То есть, в случае отказа, я могу обращаться прямо к нему! Вот теперь все университетские взбесятся, когда узнал с кем я наладил связь! «Птицы СССР» 6-й том, высылают наложенным платежом. Я вчера заполнил бланк. В ЛГУ умерла м-ме Гербач, но эти англисты предпочитают иметь перегрузку в часах, лишь бы не объявлять конкурс и не привлекать молодых сил, которые могут выступить против них.

Лили опять в больнице. В пятницу встреча с Жирмунским. Директор Ленинградского филиала обещал поговорить обо мне в Москве, возьмет письма Ярцевой и Серебренникова.

И.Л.

7 января 1955 года. Письмо 13-е матери

Дорогая мамочка!

Сегодня ночью Айрин уезжает обратно. С прикреплением ничего не получилось у нее, до сентября. Как и обычно, здесь все всегда все откладывают... В связи с моим довольно нервным настроением из-за предстоящего отъезда, естественно, пребывание Айрин здесь было довольно для нее неприятным, так что она во мне совершенно разочаровалась и теперь уже жалеет о договоре. Этого, конечно, нужно было ожидать. Она, надеется, что может быть Курск меня исправит мне кажется, что каков я есть, таким и останусь. Ее поведение (все эти зав. кафедрой, Юрий Сергеевич и пр.) невольно заставляют вспоминать о героине «Моста Ватерлоо», фильм, который скоро пойдет и у Вас. Мне очень неприятно все это, но что делать... Верблюжьих перчаток так и не достали, а что касается грибов и сухих дрожжей, то я может быть куплю это через несколько

дней, а сейчас настроение совсем не покупное. Айрин взяла у меня 120 руб., ей не хватало на какие-то покупки. Но вообще больше всего меня пугает ее отвращение к английскому языку и какая-то пропасть в интересах. По-видимому, что-то произошло, что нас совершенно друг от друга отдалило. Впрочем, она обещала прийти к поезду в Москву и навестить меня в Курске, причем просила не называть ее своей супругой. Удивительно странно. В общем, как у сына Савиных, в точности... Может быть этот брак ей был нужен как прикрытие ее отношений с зав. кафедрой, которые закончились ссорой. Такие сложные отношения, как она говорила. Вообще, ее взгляды на эти вопросы очень сильно напоминают твои, только гораздо грубее твоих, делается как-то не по себе, чувствуя, к чему все это клонится. Она ни за что не хочет ехать в Казахстан даже в отпуск, но я не хочу ехать сюда на июнь, хочу после окончания занятий в Курске сразу же уехать в Казахстан, а дальше, будет видно. Билет сегодня закажу с доставкой на дом. Это стоит 10 руб., зато без хлопот, по почте заказывается.

В моей диссертации Айрин ничего не поняла, и вообще все это так странно. Сейчас такое же неприятное чувство, как после регистрации. И зачем это было делать?

Проходил мимо окон Лили там темно, как и прежде. Наверно, она уже никогда не поправится и не вернется в свой дом. За квартиру обещала по сентябрь платить м-ме Барсукова. Я ей оставил деньги. Одеяла не достал.

Целую Игорь.

22 января 1955 года. Письмо 14-е матери.

Дорогая мамочка!

Я думал, что ты будешь звонить вчера вечером, но звонка не последовало, по-видимому, либо телеграмма пришла слишком поздно, либо вообще не пришла, либо линия была занята, либо еще что-нибудь помешало. Я хотел в основном узнать насчет покупок, потому что тянучек нигде нет, и нет также сухих дрожжей (есть лишь влажные), так что я не знаю, что посылать вместо. Сухих грибов токе нет нигде, кроме рынка, но там продают по вязкам, 20 руб., вязка это очень дорого, если пересчитать на кг. Мячик так и не спросил, вместо него купил книжку «Батый», как продолжение «Чингиз-Хана», которого я когда-то, в более счастливые времена, подарил Витьке. Но я не уверен нужна ли ему она: он ведь у кого-то ее брал и читал. Все это надо было сказать, но так и не удалось. Завтра (вернее, сегодня) ты будешь может быть звонить, но Юрка сказал мне прийти к нему около 9—10 часов вечера, чтобы пообщаться перед его отъездом, который будет 23-го в 9 часов утра, и моим, который будет 1 февраля. Я достал ему билет в мягком вагоне того самого поезда, который проезжает после Москвы через Курск и Орел, на пути в Симферополь, как будто этот номер 7-й. Мне ехать как-то

не хочется, но нужно и поэтому до последнего момента нет настроения делать сборы и т. д.. Все откладываю на последок, к тому же желудок снова стал скверно действовать, появились все те симптомы, которые были до лечения. Так что я не знаю, как дотяну до нового отпуска, в более благодатной обстановке, чем нынешняя. Падчерица партийной дамы только что сказала мне, что боится за меня, как бы не было неприятностей в связи с моим преподаванием. Но сидеть здесь без дела далее, конечно, невозможно. После того, как я отдал свою диссертацию в Институт языкознания, больше ею не занимался, мне она надоела, да и вообще это состояние оторванности от работы и разруха в комнате лишали всякого желания что-либо туда добавлять. Так же не занимался я и прочими своими филологическими проектами. Читал вместо этого «Тропою грома» Абрагамса. Достал ее в Москве, где вообще иностранных книг гораздо больше, чем здесь, так как там их издательство. Мне понравилось, хотя английский текст очень примитивен и прост, что, впрочем, полезно для начинающих, точно так же как простота стиля Оскара Уайльда, и, кроме того, надрывность темы обреченных на гибель героев раздражала. Сейчас читаю «Большая средне-западная» американского автора Сэкстона. Эта книжка гораздо менее талантлива, чем предыдущая, но все же приятно читать и ее, так как это тоже по-английски. Здесь рассказывается про американских железнодорожников. Айрин уехала, как я уже писал тебе в посланной ранее открытке, и это расставание было самым холодным и безразличным из всех. Вас. Вл[209]. приехал вчера и его три часа не пускали в его квартиру: ключи он оставил в комнате, чтобы не таскать их с собой, и в результате дочка хозяйки не открыла ему до прихода родителей: сказала, что не знает, где ключи. Так он до полуночи должен был просидеть в конторе. Он звонил мне, но я был у Ксаны, которой отнес свою диссертацию, чтобы она ее дочитала до конца. Ей диссертация моя понравилась, но она ее не комментировала подробно. Вообще интересно, что скажут в Институте языкознания, все же в ней есть лингвистический материал, и они не смогут снова отговориться, что даются одни тезисы, без подкрепления лингвистическим материалом. Вас. Вл. очень рассердился на хозяйку, и сказал, что постарается сменить эту комнату при первой возможности. А такая возможность представляется в связи с тем, что они создали какую-то комиссию, которая отбирает излишки площади в свирском доме. В результате деятельности этого комитета, было выявлено 7 комнат, причем одна из них в квартире несчастного месье Бакулина[210], и Вас. Вл. думает, что если М. В. теперь попросит снова себе квартиру, то могут что-либо выкроить. Например, было бы целесообразно, взять 2-х комнатную

---

[209]В. В. Кравченко, муж Софьи Васильевны Инюшиной

[210]Андрей Бакулин главный инженер Уст ь- Каменогорской ГЭС и друг и соратник М. В. Инюшина

квартиру, одну комнату, для Вас. Вл. в обмен на эту, которой все равно невозможно пользоваться, и другую, для нас. Только кто будет там жить, если я уеду в Курск? Но тут работу найти невозможно, и только если мне удастся год проработать удачно в Курске, то только тогда, да и то может быть, м-ме Балинская сможет взять меня к себе. Так что все это совершенно неясно и невразумительно. К Юре очень приятно теперь приходить, гораздо приятнее, чем ему, ко мне, так как у него чистота, порядок и радиоприемник, а у меня, после того как половина мебели уехала на Петроградскую сторону, а вся самая скверная осталась, в том числе кровать на ящиках, нет никакого желания прибирать. Разве вот когда 26-го придет восточник, то только тогда. А так — зачем? Прибрать эту комнату к Айрин, к ее приезду, я все равно не успел, да и вообще мне все это надоело и ей тоже. Опять, мокрота, опять эти боли, и все пошло по-прежнему.

Вас. Вл. сказал, что С. В. Адика[211] не пустила в СПБ. Софья Вас, боялась, как бы он не попал под транспорт, а Вас. Вл. некогда было тогда ехать. Он говорит, что ходят упорные слухи о ликвидации, и поэтому ему, может быть, придется куда-то уезжать на другую стройку, и тогда неизвестно, что делать с комнатой, если не удастся там ее забронировать. Он говорит, что в крайнем случае попытается передать ее М. В. Что касается моей комнаты, то м-ме Барсукова обещала за нее платить ежемесячно по сентябрь, так как я ей дал как раз примерно такую сумму. А потом будет видно. Намерение Айрин выбросить все мои плохие вещи, если она здесь поселится, естественно, меня пугает, так как все же я привык к этому гнезду. Было бы приятно, конечно, перевести все хорошее на новую квартиру, а плохое, оставить здесь. Это другое дело, но, с другой стороны, в пустой новой квартире могут быть покражи, так, что в самом деле не знаешь, что лучше. Еще есть возможность обменять эту комнату на Курск, если мне там понравится. Потому что здесь мне надоело все эти толпы. Публичная библиотека с ее завсегдатаями и т. д. .Но как везти весь этот хлам в Курск, ума не приложу. Сегодня купил красное ватное одеяло за 113 рублей, до сих пор их не видел. Причем из-за двух рублей пришлось идти в сберкассу, а на обратном пути как раз встретил Вас. Вл. Он меня окликнул и рассказал обо всем. Он предлагал завтра привезти кровать с матрасом ко мне, но так как ему некогда и так как Айрин все равно сюда не приедет до июня я решил, что не стоит. Тем более что, если М. В. получит что-либо из изъятых комнат в свирском доме, то тогда удобнее будет им перетаскивать эти вещи прямо туда. Да и вообще смешно заниматься переездами накануне собственного отъезда. Я билет заказал с доставкой на дом. Сказали, что пришлют может быть за 7 дней. Во всяком случае за 7 дней можно будет им звонить с большим успехом, чем до сих пор. Вчера я так туда позвонил, что теле-

[211] Аркадий Кравченко сын С. В. Инюшиной, племянник М. В. Инюшина

фон соединился и не мог отсоединиться в течение очень долгого времени. Потом я ушел, и уже не знаю, как произошло отсоединения. Когда я был у Юры, в понедельник, он сдал успешно предпоследний экзамен (хотя и не так блестяще, как ему бы хотелось). Интересно, как он сдаст последний. Это будет завтра (вернее сегодня, так как сейчас ночь). Я до того дочитался «Батыем», что пришлось принять люминал, чтобы поспать ночью. Но все равно от него только шум в голове днем и хочется спать, так что вечером я опять поспал и сейчас не хочется. Не знаю, что и делать. Мне очень хочется приехать к Вам к конце семестра, чтобы отдохнуть и еще раз пройти курс лечения, который пошел на смарку из-за неправильных условий жизни здесь все эти переезды, беспокойства из-за петроградской хозяйки, беспорядок дома и т. д. Вся корреспонденция, вероятно, прибывает в Курск, и поэтому я здесь чувствую себя в полном отрыве от мира. Звонил на днях месье Зурабову, ему моя помощь пока не нужна, так как план еще не утвердили ему, а когда понадобится, меня наверно здесь уже не будет. Из Баку плату почему-то до сих пор не прислали. Но восточник должен прийти в 5 часов вечера 26-го числа и тогда, может быть, все это выяснится. В Публичной библиотеке шашлык уже давно не готовят, а после отъезда Айрин я снова большей частью обедаю там. Звонил сегодня на квартиру к Лили, говорил с ее матерью. Это приятнее, чем с отцом, который всегда очень раздражен всеми этими событиями с Лили. Лили опять в больнице (уже который раз), не хочет видеть даже родственников, новое лечение ей отменили, опять применяют старое: она не знает, что делать после выхода из больницы, может быть уедет отсюда куда-нибудь. Ее мать спрашивала меня о климате в Курске и просила написать оттуда Лили об условиях работы, климате, питании и пр. Я, конечно, очень рад такой возможности. Ванильный сахар я купил, также как красные эстонские шерстяные перчатки. Боюсь только, что они тебе все равно малы, хотя стоят 31 рубль с копейками. Причем мне сперва подсунули рваные, с дыркой и с большим пальцем, прошитым насквозь, так что пришлось вернуть их в магазин. Продавщица меня обругала, дала другие, сказала, что я им сделал брак, испортил хорошие перчатки тем, что пытался их надеть и что вообще я покупаю эти перчатки, потому что мне нечего делать. Так что все это было настолько неприятно, что на следующий день я читал «Батыя» и ничего не покупал. А 21-го числа купил это красное одеяло. Хотел вместо этого отдать в чистку или стрику старые шерстяные и байковые одеяла, но срок перехватывал мой отъезд и, кроме того, Айрин говорила, что ватное обязательно нужно, иначе будет холодно, а пальто покрывать негигиенично... Удивительно. Теперь опять нужно идти на рынок за этими грибами, а с дрожжами вообще не знаю, что делать. Самому сушить их? И неужели это нельзя сделать в Казахстане?! Здесь продаются фешенебельные шоколадные конфеты с орехами «Белочка», может быть их прислать? Я получил твою открытку.

Забавно, что Стеблин — Каминский уже знал о моем словаре, потому что он спросил меня по телефону: «Это вы писали об этом словаре в Издательство?» ... Но, если мадам Ярцева его провалит в Москве, 2-й. Институт иностранных языков сам его опубликует.

Да и вообще, его опубликование можно осуществлять одновременно во многих вузах, стоит только координировать работу, распределить слова, чтобы не было дубляжа и за короткий срок можно издать сразу несколько выпусков силами Москвы и Ленинграда.

Я обязательно включу это как один из пунктов предисловия. Потому что я чувствую, что 2-й институт хотел бы монополизировать это дело, но для пользы дела вряд ли такая монополия была бы полезна, гораздо лучше быстрее охватить больше слов, что будет возможно именно при координированной работе всех вузов.

Но ЛГУ, конечно, они слишком заняты для такой прозаической работы, как мне сказала как-то по телефону Ирина Петровна... Ну что же, ею займутся другие, а м-ме Жигадло и Со. пусть витают в эмпиреях омонимии пассива...

Когда я проходил с Вас. Вл. по Гостиному двору, никак не мог найти магазин, где продавались одеяла, и только когда мы с ним попрощались, обнаружилось, что я все же нашел этот магазин. Вас. Вл. купил себе два костюма и вез их на Петроградскую сторону. Он уезжает сегодня в 4 часа дня, так что я ему советовал не приходить к Юре, чтобы не отвлекать его накануне экзамена. Может быть, это было и зря с моей стороны, но так уж я сделал. Юра, когда бы здесь не хотел ему звонить, сказал «Зачем он мне нужен» — ему показалось странным, почему Адик к нему не приехал, во время школьных каникул.

Сейчас уже два часа ночи, без четверти. Нужно ложиться спать, хотя спать совсем не хочется.

Когда я был у Юрки в понедельник, я ему принес пачку сахару и лимон, он был рад и после моего ухода стал готовить чай. Он настолько не любит магазины и покупки, что предпочитает сидеть без продуктов, лишь бы их не покупать. Впрочем, я его вполне понимаю, потому что все эти покупки, удивительно нудное дело.

Теперь еще нужно возиться с отправкой багажа... Прямо не знаю, как и поступить. Неизвестно, нужно ли обшивать чемодан, а если нужно, то чем. Тогда в 1947 году я обшил клеенкой, и потом все это вместе с клеёнкой украли, и из-за девальвации мы даже не могли получить возмещение. Боюсь, как бы багаж не украли и теперь. Кроме того, его нужно специально получать, специально платить за него и за такси за его доставку на вокзал и обратно... Все это удивительно надоедливо.

В общем, не знаю, что и делать.

Неужели, никогда не будет педвуза с английским факультетом на Аблакетке? Это было бы так удобно... Хотя Айрин и слышать не хочет о Казахстане и этих степях. Поневоле приятно читать о Чингис-Хане,

так как их образы неотрывны от казахских степей. Ведь предки казахов, кипчаки, участвовали в их походах, и, хотя в прошлом у них с русскими была вражда, с течением истории все это слилось в одну державу, точно также как англы слились с норманами, хотя в последнем случае слияние оказалось гораздо более полным и эффективным, из-за особенностей исторического развития... И теперь эти степи Бату-Хан, Чингис-Хан и пр., все это область истории, преданий старинных и исторических книг... И поневоле вспоминается степной памятник ага-султану, Акиров, поездки на монастырские озера и пр. Мне кажется, что для нас Казахстан, из-за привычки к нему, стал как бы второй родиной, и как в Индии англо-индийцы оказались вполне лояльны новому курсу правительства Неру, точно также и в Казахстане есть такая же слиянность в идеалах, целях, стремлениях... И мне хотелось бы уехать туда и преподавать английский язык где-нибудь около тебя и Витьки. Но конечно раз преставилась такая возможность, начать нужно с Курска.

Ну, лягу спать, а завтра пойду еще раз в Публичную библиотеку, а вечером к Юрке. Эти деньги, которые ты прислала, как-то тратятся ужасно нерационально Айрин выпросила у меня 120 рублей. Ее попросили телеграфно привезти приданое для какой-то соседки. И она вместе со мной это покупала, когда я сказал, что накрахмаленный передничек удобно было бы держать на столе в качестве подкладки под чернильницей, она обиделась, что я надсмехаюсь над тем, что для других составляет всю жизнь... так она обижалась почти на все, чтобы я ни говорил. Потом она покупала трикотажное белье для своего брата, и ей понадобилось 110 рублей. Потом еще 20 рублей она выпросила на подарок своей хозяйке, у которой живет ее тетушка. Я сказал, что все равно пришлось бы заплатить эту сумму за уборку комнаты к ее приезду, если бы была такая возможность, и она снова обиделась. Еще она обиделась на те строчки моего дневника, где говорится о нежелании моем ее провожать, и как неудобно, что она ночует у тетушки из-за этого. Все это очень накалило обстановку. Раньше она никогда не обижалась на такие колкости. Просто она очень отвыкла от английского юмора.

Потом еще купил Юрке ж. д. билет за 160рублей и это одеяло за 113 рублей и ванилин с перчатками, а также две пачки сахару для Курска, там трудно достать (квартирные хозяева говорили, что часто им приходится пить чай без сахара, и вчера на Невском я слышал, как какой-то говорил какой-то, в связи с тем, что она уезжала куда-то 29-го: «Понакупите сахар, маслица, всего по больше») (Мне понравилось это разговорное употребление «понакупите», вряд ли это встретишь в книгах, разговорный язык тем и хорош, что он свеж. Ведь в нем очень часто прокладывают себе дорогу те слова, конструкции, выражения, за которыми будущее в общелитературном языке). В результате осталось около 500 рублей из присланных тобою денег. Так что сперва хочется заплатить за свой билет и за багаж, а потом уже покупать остальное.

Еще деньги тратятся на текущие расходы: булка, масло. Купил еще два лимона, и один из них отнес Юрке. Они стоят теперь 3 руб. 15 коп., если не ошибаюсь. С отъездом в Курск покупать будет нечего, хотя Айрин уверяет будто там радиоприемник можно вполне купить, и она обещала помочь. Здесь же труднее, да и везя можно сломать. Мне все же хочется, чтобы не было скучно. Айрин обещала приехать в Курск в начале февраля, но после ее отъезда в воскресенье ночью никаких новых вестей от нее нет.

23 января 1955 года

Как я опасался, так и получилось. Вечером был в Публичной библиотеке, не хотелось оттуда возвращаться домой, перед тем как идти к Юрке, как он просил, неопределенное ожидание было бы неприятно. А ты звонила, и, хотя я оставил записочку на кухне, ее не нашли, из-за висевшего перед нею белья, и так ничего не передали. И теперь совершенно неизвестно, когда ты будешь снова звонить. Юрка проиграл кому-то бутылку шампанского, так как выдержал отлично все экзамены, снова будет получать повышению стипендию. Я ушел от него как раз перед началом этого пиршества, он вернул мне стоимость ж. д. билета. Я ему принес в знак окончания им экзаменов 100 гр. раковых шеек, но из-за этого пропустил разговор с тобой и так и не знаю, что прислать вместо сухих дрожжей и тянучек. Просто смешно спрашивать это все в магазинах, в которых этого уже давным-давно нет и, причем никому от этого не хуже... Сейчас попью чаю. От этого лекарства люминала днем страшно хочется спать, так как его действие, видимо продолжается, а вечером совсем не хочется. Удивительно противно. Лучшим лекарством было бы радио, которое можно было бы включать на ночь в виде баюкающей машины...

Сегодня проснулся утром в очень бодром настроении, с мыслями о багаже. Ящики можно будет взять на Витебском вокзале, ведь это ближе, чем с Николаевского. Приятно, что скоро можно будет уехать отсюда, в ожидании более удобных условий существования. Кроме того, может быть в Курске мне понравится даже больше, чем здесь, поскольку здесь безнадежно прокисший научный лингвистический мир. Все эти м-ме Жигадло и прочие. Елена Ивановна говорила мне по телефону, что в университете ожидается сокращение на факультете, в целях преодоления узкой специализации. Почему-то иногда я чувствую себя лучше, чем в другие дни, и это совершенно не зависит от каких-либо объективных причин. Как-то это напоминает минуты прояснения у Сэма из «Тропою грома»...

А может быть просто играет роль то, что проснулся рано утром, сейчас 9 часов утра.

Только вот желудок опять испортился, как раньше.

Я чувствовал, что ты будешь вчера звонить. Что-то вроде ясновидения на расстоянии, о чем недавно писала «Дэйли Уоркер», как-то связывая это с теориями Эйнштейна и указывая, что не все в этих проблемах, обман и надувательство. Но Юрка настоял на том, чтобы я пришел к нему в этот день, и вот результат.

Сегодня хочется пойти в Публичную библиотеку, вместо того чтобы ждать дома, и либо ты будешь звонить, либо нет.

Может быть, есть смысл вернуться к вечеру?

Мне хочется взять в Курск свою энциклопедию, все же она может там понадобится. Хотелось бы только, чтобы багаж погрузили при мне. Ведь все путешественники, особенно научные, всегда лично следят за тем, чтобы багаж был погружен.

Юрка сказал его не провожать. Сейчас он уже наверно уехал.

24 января 1955 года

Воскресенье провел в Публичной библиотеке, но все время беспокоился, что ты снова можешь звонить. Вернулся к 7 часам вечера, причем м-ме Барсукова сказала, что опять звонили. Я и она поняли, что ты, я очень расстроился и лег спать. Потом партийная дама меня разбудила известием о твоем настоящем звонке, состоялся разговор, но все равно я чувствовал себя совершенно измученным и снова лег спать. Около 12 часов ночи проснулся, пришла падчерица партийной дамы, рассказала о конце ее экзаменов, теперь у них до самой весны будет педпрактика, а на каникулах она все равно будет ходить в Институт, так как одновременно работает там секретарем декана. Она тоже отличница и ее выдвигают в аспирантуру, но она не хочет, отчасти, так как для этого надо сдавать английский язык, который она не любит, и нет времени, которым заниматься. Я ей дал почитать «Батыя» до вторника, когда думаю послать его Вам в посылке, сегодня все равно промтоварные магазины закрыты. Потом пришла сестра партийной дамы и сообщила, что днем звонили из билетной кассы, обещали ж. д. билет на 1-е число.

Ну вот и все, целую крепко, пиши. Твой Игорь.

21 апреля 1955 года. Письмо 15-е матери.Курск

Дорогая мамочка!

Посылаю тебе копию письма и статьи, отправленных мною в «Литгазету», это письмо пишу на копию письма, посланного в Пензу на конкурс, вдруг меня примут и дадут комнату в институтском доме. а то здесь столько нужно платить за квартиру, просто надоело, да и отношения постепенно портятся. Возможно, мне не нужно было связывать поставленный тобою вопрос об иностранном языке в школе с другими вопросами (рецептивизм-репродуктивизм, неправомерное преобладание аналитического чтения над домашним и пр.), но как-то я не мог их разделить. Может быть эту статью можно напечатать (с сокращениями, конечно) в местной газете? Вообще мне иногда хотелось бы, чтобы Пединститут построили на Аблакетке, рядом с нашим домом. Там как раз есть для этого подходящий фундамент. А наш дом можно было бы использовать в качестве жилья для преподавателей. Но, конечно, все это химера, и ничего подобного никогда не будет. Написал только что открытку Айрин и ее родителям, с просьбой разрешить приехать к ним на праздники.

Хочу посмотреть, что там происходит. Но, наверное, как и все остальные мои послания. Это тоже останется без ответа. Хозяйка все еще в Краснодаре. По ее просьбе я послал ей сегодня 120 рублей почтовым переводом, на дорогу. Занятия приближаются к концу. Только первая неделя мая, со всякими зачетами, зачетными письменными работами, и все. Я очень устал от всей этой сутолоки. Завтра заседание кафедры и зав кафедры обещал в «разном» обсудить вопрос о составлении словаря по исторической фонетике силами студентов (вместо курсовых работ). Забавно, согласятся ли они. Но, наверное, вообще ничего не выйдет. Аналитическое чтение мне совершенно не дается, и уроки по этому предмету в 22-й группе потерпели полное фиаско. И вообще эта группа совершенно распустилась, вероятно, я не могу брать на себя всю группу, по почти всем аспектам. Моя мягкость приводит к полному падению дисциплины и расхлябанности. Группы, в которых я преподаю грамматику, наоборот, очень хорошие. Их старая преподавательница держала их в строгости, и они не испортились, как эта. Мне все кажется, что, читая книги домашнего чтения нужно выписывать запоминать и активизировать все слова, нужные и не нужные, ибо тем самым формируется языковое мышление. Кроме того, тем самым облегчается чтение более трудных книг на старших курсах. У нас не все внимание уделяется чтению текстов, уроков по английскому чтению, зубрежке правил и определений слов. Все это, вместо овладения живым языком, на материале интересных текстов. Понимание текстов всегда приблизительное. Просто здесь не приучают студентов интересоваться словами, идиомами, все это заменяется выучиванием определений. Выписанных из толковых словарей, и выучиванием разницы между синонимами (вместо того, чтобы помнить больше слов, а потом уже, на базе эти слов, уточнять их значения на уроках аналитического чтения, как это делалось в ЛГУ). Вообще, я послал все это в Литгазету, может быть зря. Может быть, они сравнят меня с кандидатом наук доцентом Джеджулой (№ 47 от 19 апреля, «Защитите меня от нападок»), который скомпилировал «Историю Франции» и хотел выдать ее за докторскую диссертацию и утвердить, как учебник для вузов, причем сам он не знал даже французского языка, и пользовался чужим переводами. Но все это мелочи. Чувствую страшную усталость. Что касается письма в Министерство культуры, то оно, как и следовало ожидать, попало не новому министру (который вчера, между прочим, выступал на вечере в честь Польши), а Главиздат, и там от журнала домашнего чтения снова вежливо отказались, хотя согласились с тем, что важно учить на оригинальных текстах, которые, по их словам, достаточно публикуются в различных сборниках и отдельными изданиями. Министрство Высшего образования переслало мое письмо для Института АН в Министерство просвещения, на усмотрение таможенного отдела международных связей. Забавно, согласятся они переслать это письмо или нет. В письме очень кратко сформулированы все мои основные проекты

и положения (ист. гр., законы английского языка, словарь по истории фонетике, журнал домашнего чтения, проблема рецептивизма-репродуктивизма и т. д.). Декан, как увидел первое письмо из ВОКСа, так теперь со мной еле здоровается, и мне вообще все это страшно надоело и хочется скорее уехать, сесть в самолет и до свидания. Только вещи вот не знаю, как с ними быть. Как-то страшно бросать их на этой квартире. А везти их так дорого. Сегодня в газете некролог о смерти Эйнштейна. Вложу его в энциклопедию. Что касается посылки, то буду рад ее получить хотя, конечно, она придет, наверное, уже после праздников. Всегда так бывает. Был бы рад, если бы удалось отсюда вырваться до 1-го июня, но вряд ли удастся. Нужно давать консультации 4-му курсу. Преподаватель теоретической грамматики провалил четырех человек, лексикологии — одну, и вообще результаты их очень неблестящие. Но по моему предмету провалов не было. Зато в 22-й группе, наверное, будет черт знает что. Да, говорить о твоем плане в Институте что-то не хочется. Мне они так все надоели, да и вообще это вероятно невозможно в дальних местностях, где мало кто знает все три языка. Сперва надо наладить преподавание в вузах, чтобы там выучивали по-настоящему язык. А то, как сегодня, такие слова: «нам хочется повторить курс лечения, а то опять все старые симптомы вернулись. Может быть, это можно было бы в домашних условиях (амбулаторных), поговори с врачами! Неужели тебе хочется, чтобы я переехал в Пензу? Вряд ли там лучше! Да и вообще как-то я устал, и ни о чем не хочется думать. Месье Коньков хотел устроить свою супругу студенткой сюда, а сам преподавателем, но декан отказался. Места для него нет, а она на общих основаниях, конкурс 2 или 3 человека на место... Вообще, я устал и хотелось бы скорее все это забыть. Сегодня какое-то собрание, но я сказал, что у меня болит глаз и не пошел. И правда, устал, а надо проверять еще тетрадки к завтрашнему дню.

Смотрел «Милого друга», ужасная скука, всякие рассуждения про Африку, а Африка даже не показана. Те фильмы, понравились, о которых ты пишешь. В Лигазете разругали Некрасова (автора «Окопов Сталинграда), за то, что он показал демобов в духе потерянного поколения Хемингуэя и Ремарка (тот же номер газеты).

Пиши. Твой Игорь.

24 апреля 1955 года. Письмо жене. Курск.

Dear Irene!

Получил Ваше письмо от 23 апреля. Благодарен за искренность. Конечно, я чувствовал довольно обиженным себя, так как в течение столь долгого времени от Вас не было абсолютно никаких вестей. Но, вероятно, вы были больны и заняты, поэтому так и получилось. Желаю Вам хорошо отдохнуть на Кавказе, а также поздравляю Вас с наступающим красным праздником, о чем Вас поздравляет также и конверт, в котором

я посылаю это письмо. Откровенно говоря, перспектива поездки к Вам в предпраздничной сутолке, поиски этой улицы Сакко и Ванцетти, странной орловской улицы, названной в честь двух несчастных негров, меня пугала. К тому же, Вы вполне правы были, предполагая, что мое состояние может оказаться не особенно благоприятным для встречи. Дело в том, что я очень устал, и все Ваши старые сравнения относительно этого состояния («выжатый лимон и пр.) невольно напрашиваются на память всякий раз, когда думаешь об этом. Я не знаю, когда мы с Вами встретимся, ибо не знаю, где мы с Вами встретимся. Скорее всего в июне я буду в Казахстане, потому что может быть уже через недельки две мне удастся отсюда освободиться. Отношения здесь быстро накаляются, и чувствую, что все это результат моего переутомления, плюс эта полемика, которая раньше или позже должна была начаться, но я не умею молчать, когда речь идет о каком-либо теоретическом вопросе. Все началось из-за аналитического чтения, которое здесь возводится в ранг чего-то первостепенного, за счет домашнего чтения, переименованного в синтетическое. Это аналитическое чтение, что-то страшное. Несчастных студентов заставляют наизусть вызубривать разнообразные выражения, имеющиеся в учебнике Гальперина вместо того, чтобы они постепенно и спонтанно усваивали чужой язык на основе подлинных книг. С самого начала их приучают искусственно делить словарь языка на нужные и не нужные слова, причем, когда они читают книги домашнего чтения, то им внушают, что слова этих книг в большинстве своем, ненужные слова, что не нужно их запоминать, не стоит даже уметь узнавать их в тексте. Отсюда чтение текстов домашнего чтения, в большинстве случаев ужасное: ведь если на менее часто встречающиеся слова не обращать внимание, то как-же их узнаешь в тексте, как их произнесешь? И, одновременно, совершенно непреодолимым препятствием является вопрос правописания, ибо механическая зубрежка правописания нужных слов из так называемого активного запаса (слова аналитического чтения из учебника Гальперина) не способна приучить учащихся писать правильно по-английски. Только наиболее способные из них, те, кто достаточно активен, чтобы пополнить свой словарь за счет самостоятельного чтения, выпускаются со знанием языка. Большинство же выходит из Института, не зная английского языка, они знают лишь адаптированный, упрощенный язык, характерный для учебников и адаптированных книжек. Я сам убедился в этом на судьбе 4-го курса. Когда мы были на 4-м курсе, мы свободно могли читать английские тексты, а здесь студенты мучились, когда я им давал пять-десять страниц текстов из антологий. Ибо они терялись в обилии незнакомых слов. В институте говорили, что этот курс, очень неудачный, но позавчера, на заседании кафедры, пришлось признать, что и нынешний 3-й курс не лучше. Они тоже делает массу ошибок в диктовках, и ухудшаются на глазах. Ясно, что причина порочная система преподавания, осужденная в нашей

науке (я имею в виду дискуссию о рецептивизме-репродуктивизме, которая была проведена журналом «Иностранные языки в школе» весной-летом прошлого года). Это деление слов языка на нужные и ненужные, это утверждение, что сперва нужно усвоить все нужные слова, а потом очередь дойдет и до не нужных. Это зазубривание отдельных английских фраз по изолированным друг от друга, часто совершенно скучным текстам. Это преобладание упражнений с переводом с русского на английский и обратно, препятствующее созданию языкового мышления на чужом языке. Все это — звенья одной цепи. Я не хотел говорить здесь обо всем этом, это я понимал, было бы непредусмотрительно. Но события меня заставили высказаться. Последним толчком было письмо маман, где было выдвинуто предложение, чтобы я поддержал новую систему преподавания иностранных языков в школе, 1, 2, 3 класс — немецкий, 4, 5, 6 класс — французский, 7, 8, 9, 10 класс — английский, в целях ликвидации той несуразицы, которая имеет место при смене преподавателей в школах, а также при переезде учеником из одного района и другой. Маман предлагала, чтобы я обратился с соответствующим предложением в газеты и министерства. Я написал статью, которую и послал в «Литературную газету», где я не мог не связать этот вопрос с вопросом о преподавании иностранных языков в педвузе, где студенты тратят 4-е года и выходят из вуза, не зная язык. Я написал, что это позор, что у нас до сих пор это не выявлено. И, я указывал далее, что если наладить преподавание, то за 4-е года выпускники вузов смогут изучить все три языка, французский и немецкий в достаточной мере, чтобы преподавать эти языки в младших классах школы, где важно дать начатки знаний по этим языкам, слова, особенно те из них, которые сходны с соответствующими английскими словами, и важнейшие правила грамматики, и английский язык в совершенстве. Я обосновывал правильность такого построения школьного курса иностранных языков тем, что английский язык по своему словарю тесно связан с французским и немецким словарем, и что имея начатки знаний немецкого и французского языка гораздо легче овладеть английским языком, чем если изучать английский на пустом месте. Важность изучения английского языка в современный период подчеркивалась мною также на основе того, что сотрудничество бывших колониальных народов Азии с внешним миром значительно облегчается благодаря использованию этого языка, известного там, например в Индии, в силу их колониального прошлого, и известного в других странах просто как изучаемого иностранного языка. В этой статье мне нужно было опираться на какой-то конкретный материал, и я не мог не упомянуть, там Курский пединститут. Поэтому, если на материале этой статьи начнется разбирательство, то будет также известно, что на заседании кафедры я выступил с обоснованием своей точки зрения.

Это выступление, конечно, било недостаточно связным, недостаточно уместным, поскольку разбирался вопрос успеваемости 3-го курса.

Декан и его супруга пришли в бешенство, поскольку они ярые сторонники рецептивизма-репродуктивизма под новыми ярлыками (активный и пассивный словарь). Супруга декана заявила, что базирование изучения языка на домашнем чтении здесь невозможно, так как в университете будто бы английский у нас изучался факультативно, а здесь это специальность. Декан сказал, что не знает, к чему студентам знать такие слова как «слюнявый», «лакрица» (о том, что это такое он не знает), «с птичьими мозгами» (первое из этих слов было мною дано в одном на рассказов из «Дэйли Уоркер» о гении-калеке, который писал и рисовал левой ногой, так как его остальное тело было парализовано, а два другие — были в списке, который был, составлен мною по «воду», чтобы облегчить понимание текстом). "Slobbering", "liqworice", "feather-brained". — любопытно что два последние слова я и сам не помнил по-английски, но ведь важно узнавать эти слова в контексте, среди других, и, естественным путем отбора, наиболее часто встречающиеся слова войдут настолько прочно в языковое мышление, что будут легко использоваться при формировании мыслей в английской языковой оболочке. И это, гораздо легче, гораздо менее болезненно и нудно, чем искусственная зубрежка слов и выражений по учебнику Гальперина.

Но здесь с этим не хотят согласиться, и в результате, в моей 22-й группе домашнее чтение пропадает зря, слова из него не запоминаются, и студенты даже читать эти тексты не могут как следуют. Читая, они все время умственно делят слова на нужные и ненужные вместо того, чтобы запоминать все слова языка (как будто лишнее запомненное слово мешает?!). Поэтому пересказы текстов у них удивительно бедные, и все экзаменационные билеты обычно строятся на материале образов и общей идеи произведения. И книги эти читаются не ради изучения языка, а чтобы пересказать по-английски сперва сформулированное по-русски суждение (образ, идея произведения и т. д.). Я пытался убедить студентов 22-й группы читать тексты («Овод»), пользуясь составленным мной словариком, но там был только русский текст, ибо иностранной машинки у меня нет, а английский текст они поленились переписать с одного данного мною оригинала. И все это пошло зря. Не знаю, как они сдадут экзамены. Вообще, 4-й курс, который окончил в начале апреля, как я и думал, последнее приятное впечатление от этого института. Они поняли, наглядно, ясно, что не смогли изучить английский язык, несмотря на 4 года пробивания в Институте, и поэтому они сочувствовали мне и моим взглядам на этот вопрос.

Завтра в большой перерыв со мной хотел поговорить парторг. Не знаю, что ему нужно. Наверное, он недоволен моим выступлением на кафедре и хочет сделать мне внушение. Я воспользуюсь случаем, чтобы сказать ему, что я устал, и что нужно, чтобы мне дали отсюда скорее уехать. А это вполне возможно, так как после 6-го мая останется только одно занятие в неделю и еще какие-то регулярные консультации.

Ясно, что все это могут сделать другие. Вообще у меня сейчас примерно такое же настроение, как то, какое было в 1949 году или накануне ухода из ВНИИГа. Все то, что было в 1949 году, теперь 1955 году, кажется странным и необъяснимым в новой обстановке. Что касается ВНИИГа, то и в этой сфере рано или поздно поймут, что в области перевода иностранных языков важно сотрудничество техников и лингвистов. Да, я думаю, что это уже поняли в Москве, в том Институте АН СССР, который занимается централизованным переводом и аннотированием всех технических журналов мира (недавно в ЦО Правда была статья о деятельности этого института). Так что, мне кажется горе и несчастье в том, что я вижу дальше, чем большинство, и поэтому вступаю в эти конфликты и коллизии. Так и здесь. Когда-нибудь и в этих педвузах поймут, что смешно учить людей чужому языку в течение 4-х лет и выпускать их без знания языка, без возможности прилично писать, читать, говорить, понимать на чужом языке.

Как раз на следующий день после этого заседания кафедры я получил письмо от м-ме Балинской, которая меня рекомендовала сюда. Я ей писал до этого, и, как это бывает всегда, письмо это запоздало на день. Если бы оно пришло на день раньше, может быть, я промолчал бы, и не было бы всей это истории... В этом письме говорится, что мои письма полны ошибок, язык, грамматика, правописание, что иногда мне не хватает элементарных знаний. Что вместо того, чтобы видеть собственные недостатки, я ищу недостатки в других. Что мои первые два письма ее не беспокоили, но последнее, третье, показало, что я устал от послушного поведения, и что старое начинается вновь... Что вновь возобновляется то поведение, которое всех восстанавливает против меня. Что я должен прислушиваться к другим, старшим, которые скромнее, опытнее... Ей жаль, что те, кто прежде казались совершено дружелюбными ко мне, несколько переменили свое отношение. И далее, странное употребление глагола "must" во фразе: "You must do whatever you like, but keep your wars and do your best substituting Зинаида Владимировна", такое, какое я никогда сам не употреблял и только с трудом понял по грамматике (значение, предположения, относящегося к настоящему: «вероятно», «должно быть»). И затем предупреждение, чтобы не смел приезжать обратно без хорошей характеристики из этого института, и что я должен забыть о Ленинграде, пока я нужен здесь, заменяя ее знакомую, Зинаиду Владимировну... «Перестаньте спорить с людьми» — выдвигается требование, «учите спокойно в Ваших группах и учите хорошо, и Вы увидите, что результаты будут хорошими!» Далее говорится, что экзаменационные отметки, 4-го курса, неплохие, но далеки от того, чтобы быть блестящими. Но выражается уверенность, что я могу достичь лучших результатов. И затем, напоминание о рекомендации, о том, что ей хотелось бы, чтобы все были довольны этой рекомендацией. Затем пожелание успехов во всем, что я делаю или предпринимаю делать.

Нечего и говорить, что мне было довольно стыдно получить это письмо, ибо ясно, что я страшно забыл все благие намерения и обещания из-за этой полемики. Все как-то стало катиться по наклонной плоскости, и как-то теперь ясно видны несколько этапов этого пути. Первым толчком было предложение зав. кафедрой сделать мне доклад о внутренних законах на научной конференции, и потом, отказ, после этого предложения: директор не хотел позволить докладывать сделанное и сформулированное за стенами института (как у Матерлинка, «за стенами дома»). Потом, после этого щелчка по моему самолюбию, последовал ряд писем из Москвы, в которых снова отвергались все эти проекты (журнал домашнего чтения, статья о словаре, статья о вн. законах и пр.), причем кульминацией было письмо Серебренникова, где он писал, что не может навязать свое частичное согласие с моими взглядами, тем, которые с этим не согласны. В ответ на это я сформулировал все эти свои положения в форме вопросов в письме в Индийскую АН и послал в ВОКС. Отсюда это письмо вернули обратно, с рекомендацией послать в отдел внешних сношений АН СССР или Министерство Высшего образования. Декан увидел меня читающим это письмо и пришел в ужас, требуя, чтобы я это письмо никому не показывал, но я его послал в Министерство Высшего образования, а оттуда его переслали в Министерство просвещения РСФСР, в отдел международных сношений, «на усмотрение начальника». Дальнейшая судьба этой истории еще неясна. Все это мне пришло в голову в связи с тем, что многие студенты здесь получают письма из Индии, через какой-то клуб аэрокорреспонденции в Майсоре, о котором ВОКСУ ничего не неизвестно, как мне сообщили в письме оттуда. Естественно, мне это казалось вполне законным и своевременным, в духе современных культурных связей с Индией. И почему нельзя разрешить сообща все эти вопросы (ист. грамматика, рецептивизм-репродуктивизм нам и пр.), что гораздо ценнее, чем обмен марками и спичечными этикетками, как это практикуется теми, кто переписывается с индийскими корреспондентами здесь... Но декану это не понравилось. И с тех пор, как он увидел это письмо из ВОКСА, он со мной больше почти не разговаривает.

Ясно, что все это — далеко не то, что было бы приятно знать м-ме Балинской. Возможно, это было моей ошибкой. Нужно было молчать, ждать. Но хотелось как-то откликнуться на события, на рост сотрудничества с бывшими колониями Азии, на рост культурной связи с Индией, этой большой страной, где английский язык так широко используется для связи с внешним миром и где, и несомненно, выработаны какие-нибудь прочные методы его изучения. В частности, методика Веста, которая в университете мне так нравилась, но которую невозможно применить здесь, из-за отсутствия соответствующим образом составленных пособий (книжки с максимальной повторяемостью слов и с красочными иллюстрациями, и с содержанием, которое всегда было бы интересно, захватывало).

Затем это письмо маман, и на другой день, мое письмо в «Литературную газету». И потом это заседание кафедры. Где я бы с успехом мог промолчать, но из-за письма, написанного накануне, вынужден был сформулировать свою позицию. Впрочем, до этого, было еще одно звено в этой цепи события. Однажды в коридоре я сказал тому местному ученому, который взял на просмотр мою диссертацию, о том, что недопустимо отношение к домашнему чтению, наблюдающееся здесь, когда слова простых книг игнорируются, и в трудных книгах, даваемых на более поздних курсах, соединяясь со специальными трудностями этих книг (и текстов), затрудняют их понимание. Он согласился со мной, присовокупив что здесь не создается атмосфера иностранного языка, необходимая для успешного его изучения. Супруга декана слышала кусок этого разговора и потом без предупреждения пришла на мой урок аналитического чтения в 22-й группе и раскритиковала его. Я действительно не знал того, что здесь требуется (стилистический разбор), и в результате, я не мог дать этот урок как нужно было. Потом меня заставили присутствовать на других уроках, но год уже кончается, и теперь осталось время только на повторение. Несколько уроков, оставшихся по программе, оказались не пройденными. Да и вообще, из-за всей этой полемики, в этой группе, которая привыкла к Зинаиде Владимировне, получился какой-то безвыходный круг. Я чувствую, что они совершенно отбились от рук, что не хотят подчиняться, что их не заставить приготовить уроки, и в то же время у меня нет силы заставить их, ибо они ссылаются на загруженность зачетами, да и вообще как-то странно идти куда-то и жаловаться, я никогда этого не делал. Вчерашний урок там вообще был чем-то невообразимым. Я просил их выбрать слова на домашнего чтения, которые они желали бы иметь в экзаменационных билетах, в русских ситуациях, но из этого ничего, кроме шума, не получилось, так как листочки со словами они куда-то потеряли... И только часть принесли, и не использовали их при чтении. Вообще, я чувствую, что здесь ничего нельзя поделать, раз они привыкли так относиться к домашнему чтению, а вместе с тем, английскому национальному языку, который состоит не из одних только искусственно отобранных нужных слов.

Здесь есть телефон, и когда приезжал сын владельца телефона, который работает в Москве, в одном из институтов Министерства электростанций, я с горечью вспомнил о переводах с английского, которые можно было бы выполнить для этого института дома или в Публичной. А здесь супруга декана только упрекает меня что я отшлифовываю свои знания английского за счет студентов, вместо того чтобы их учить, и действительно так получается, потому что они сами не хотят или не могут усваивать то новое, что в им даю: они слишком инертны, слишком привыкли скептически относится ко всему тому, что на экзаменах не будут специально спрашивать...

Потом был еще один случай, тоже отравивший обстановку. Одна из студенток 4-го курса отвечала теоретическую грамматику тому самому ученому, который взял на просмотр мою диссертацию (я еще не говорил с ним об этом). И она не знала разбор какого-то предложения. Потом почему-то она оказалась в коридоре и спросила меня. Я ей объяснил, как знал. И вдруг она приходит ко мне, в кабинет, где я консультировал одну из студенток 22-й группы, которая лучше других относится к языку, и говорит, что разбор неправилен. Она меня побудила пойти к экзаменатору (Кнабе) и сказать, что мы разбирали этот пример раньше. Но он сразу же догадался, в чем дело, сказал, что мой разбор правилен, но что она разбирала не так, а иначе. Вообще это было ужасно неприятно, я сказал ему об этом, а он ответил одной из стилизованных фраз грамматики "So you are" (подтверждение предыдущей мысли, отличающееся от обычного английского инвертированного) "So am I" (распространение предыдущей мысли на новое подлежащее).

В заключение всего этого вчера в столовой ввели новый порядок: официантки больше не дают преподавателям обед без талончиков, и приходится сперва брать талончики в кассе. Потом за столик пришел парторг с завом столовой, с тем самым, с которым я еще давно поссорился, из-за того, что буфетчица не хотела мне дать белого хлеба с собой, когда у мена болело горло. Парторг сказал, что хочет поговорить со мной в понедельник, а я ему сказал кое-что о моем взгляде на домашнее и аналитическое чтение (аналитическое чтение, только как завершающий процесс изучения языка, отшлифовывание значений синонимов обогащение словарного запаса искусственным путем, в дополнение к тому, что естественно накоплено за счет самостоятельного чтения). «Но нужно же сперва усваивать более важные слова!?» — возражал он... И на этом разговор закончился[212]*. Вообще, по-видимому, в этой стране существуют две концепции изучения иностранных языков:*

1) университетская (основана на домашнем чтении, аналитическое чтение, только добавление, отшлифовывающий прием);

2) педвузовская, основанная на искусственном вдалбливании отдельных слов и конструкций, на механическом зазубривании определений отдельных слов и разграничении синонимов и на пренебрежении домашним чтением, единственным образчиком языка народа, доходящим до студентов в подлинном, неупрощенном виде. Первый прием дает успех в применении, несмотря на то, что требует меньше часов, второй прием приводит к кошмарному разбазариванию государственных средств, приводит к тому, что студенты 4-го курса теряются в каждом новом неадаптированном тексте, так как в каждой фразе им встречается 5–6 новых слов (иногда, может быть, меньше)... Так как сфера эта —

[212]Разговор этот он в понедельник отложил совсем, так как он хотел говорить о политинформации, культуры для 2-го курса в связи с предстоящими экзаменами.

довольно не важная, с государственной точки зрения, никто на это не обращает внимания, так это и идет, по рутине. Я уверен, что и в Вашем институте положение то же самое.

Конечно, у меня, масса недостатков. Мои уроки скучны, мне не хватает элементарных познаний в области методики, но в этом основном тезисе, мне кажется, я прав. Вообще, очень тяжело вечером читать при электрическом свете, который здесь обычно удивительно слабый (а часто вообще гаснет), а то бы я больше мог готовиться к занятиям, и они шли бы лучше. Мне дали на этот семестр 410 часов. Письмо (в 22 гр.) 26 часов, разговор — 39 часов, домашнего чтения 26 часов, аналитического чтения — 33 часа, всего — 124 часа. Письмо (38 групп, 3-й курс) — 16 часов домашнего чтения, 4 курс — 48 часов, разговор 4-го курса — 120 часов; всего 184 часа. И еще хотели дать 12 часов зачетов по грамматике, но теперь, по-видимому, решили не давать, не доверяют. Это тоже меня обидело, когда завкафедрой сказал, что эти зачеты принимать будет он. Что касается расходов, то половина з/п уходит на квартиру, которая не оплачивается, кроме того жить здесь гораздо дороже, чем в Ленинграде, о чем впрочем Вы говорили. В столовой одно время были только консервы, а то и вообще ничего мясного или рыбного. Теперь, впрочем, появились котлеты, но позавчера, из солонины, какие-то странные. А вчера, шницели по 3 руб.. Поэтому я был очень рад, когда получил сегодня посылку от маман. Там было много апельсинов, удивительно сладкие и вкусные. И сахар, даже слишком много, так как я еще и старый сахар не успел съесть. А уже скоро отсюда уезжать. Не знаю, что делать с вещами. Мне кажется, что вряд ли они меня оставят здесь еще на один семестр, как было условлено. Уж слишком сильно их разочарование. Как-то странно себе представить первый месяц пребывания здесь, идиллическую обстановку, зиму, первое знакомство с новым городом, дружелюбное отношение всех, старую квартиру на улице Горького, жильца, который помогал мне переезжать, и как мне было жалко расставаться с этими хозяевами. Теперь там мне стирают белье, и взяли еще 150 руб. на починку крыши. Обещали отдать 14-го апреля, но не отдали и вряд ли отдадут. Ну, да все равно. Как я повезу все эти вещи обратно в Ленинград, просто ума не приложу, если понадобится это делать в скором времени. Да и вообще страшно неудобно перед м-ме Балинской, что все так получилось. В какой-то степени, по-видимому, во всем виноват мой характер, такой эгоистичный, самолюбивый, катящий меня вечно в пропасть, из которой потом так трудно выбираться. Потом вспоминаются первые дни занятий, 4-й курс, их обидное чувство при мысли о том, что они уходят, а читать еле-еле могут из книг... И эта шумная 22-я группа, отношения с которой портились постепенно. Потом, экзамены на 4-м курсе, мое участие в их подготовке, и результаты: 5—2, 4—15, 3—17, двоек ни одной. Зато они получили две двойки по лексикологии, и три или четыре по теоретической грамматике. Мне они все очень нравились,

43-я группа была очень шумливой. И я чувствовал с самого начала, что их уход из института (о чем так мечтал декан, «выбросить их из Института» (“to kick them out of...”), когда он говорил со мной, преддверие моего ухода... Это отношение к 4-му курсу, сочувственное с моей стороны, враждебное, со стороны преподавателей, тоже одно из звеньев этой цепи отчуждающих событий...

Вот и все, что вспоминается.

В пасху сосед, какой-то пьяница, затащил меня к себе и угощал только что зарезанным поросенком (превращенным в котлеты и куски жаренного мяса), куличом, водкой, чаем и пр. Пришлось пойти. Но я предпочитаю владельцев телефона, очень симпатичных евреев. Сегодня встретил хозяйку этой квартиры на почтамте, а хозяин потом зашел ко мне я открывал посылку, я его угостил апельсином. У них живет одна из студенток из 2-й группы. Она, одна из немногих, которые ко мне хорошо относятся. Но и она чувствует, что я веду эту группу как-то не так, что чего-то не хватает, что слишком колоссально то расстояние в результатах, достигаемых мною и Зинаидой Владимировной. Просто я не могу их заставить работать, не могу внушить им, что они должны усваивать сообщаемое нами, без вдалбливания. А они привыкли к этому вдалбливанию и вот, прорехи, 21, 23 и 24 группы прежде считались сильнее, чем их группа, но вчера я слышал, что они сокрушались, что отстали от этих групп. Но кто же виноват. Вероятно, я, моя коллизия с этой рецептивно-репродуктивной методикой, которую я никак не могу перенять. Просто в первую очередь потому, что сам не могу заучить перевод всех этих выражений из книжки Гальперина на русский язык, так чтобы быстро их восстанавливать по русскому переходу в их английской форме. Поэтому я все время старался как-нибудь отдалить эти уроки аналитического чтения, задвинуть их упражнениями, проверкой (т. е. объяснением) письменных работ и пр. И вот теперь план не выполнен и все эти неприятности нависают. Ясно, что при таких условиях, нечего и думать о благоприятной характеристике, которая нужна м-ме Балинской.

Когда мы расставались, Вы говорили, что посетите меня здесь, поддержите меня, что очень важно в этих новых условиях. Но что-то вам помешало, может быть, ваша болезнь, может быть, ваши занятия. Вы ничего даже не писали и все это было как, в бездонной пропасти. Потом это письмо от Вас, после письма от м-ме Балинской: причем характерно, что Зинаида Владимировна, которую я замещаю, написала мне одно письмо, и все. Я чувствую, что она обижена на меня, на мое поведение, на весь этот клубок событий, который показал меня совсем не таким, каким я им рисовался ранее. И вся эта подготовка к приезду сюда, покупка новой шапки, нового портфеля, приезд в осеннем пальто, которое лучше сидит, чем зимнее этот новый костюм, в котором я ходил в Институт в течение двух первых недель. Все это теперь кажется мне просто об-

маном, рассчитанным на то, чтобы внушить директору и декану, что во мне они видят человека, нужного для них... И теперь удивительно совестно, когда они встречают меня в моем обычном костюме, который я вечно пачкаю в мелу, у доски и во всех углах этого большого, бесконечно ремонтируемого здания. Мне это напоминает историю с культурницей, которую наняли в Доме отдыха ЛГУ в Териоках. «Еле избавились от нее» — раскрыл этот секрет мне один из служащих... и тогда я понял, почему они там сразу показали на дверь, когда увидели мою странную, сгорбленную фигуру в этом слишком узком зимнем пальто. Узком, потому что я примерял его летом и забыл пододеть пиджак и костюм, по своему обыкновению все забывать. К довершению всех благ, в условиях отсутствия элементарных удобств цивилизации, у меня возобновились все те симптомы, которые оставили меня после прошлогоднего летного лечения. Так что теперь я мечтаю о Казахстане, где можно будет может быть вновь пройти этот курс и тогда исправятся снова мои нервы и все самочувствие. Ведь осенью я приехал в Ленинград совсем здоровым, и если бы не эти экзамены, такие неудачные, потом это письмо с гранками, излишне меня возгордившее и совершенно зря, и ссоры на Петроградской стороне на новой квартире, я бы спокойно жил в Ленинграде, и был бы совсем здоров... Впрочем, все равно там бы тоже скатился раньше или позже к прежнему. Мне кажется, что если Вы хотите меня увидеть в приличном состоянии, то приезжайте в Казахстан. Только там Вы увидите меня в подобающей форме. Я не знаю, зачем я послал свои документы в Пензу и письмо в Тбилиси. Падчерица партийной дамы была права, когда она рекомендовала мне ехать в Казахстан. Но, с другой стороны, может быть вы правы были, когда говорите, что может быть вообще я не могу нигде жить и работать среди людей, которые везде одинаковы? И там, может быть, были бы такие же неприятности... Пишите. Ваш Игорь.

П. С. Вы слишком заняты, конечно, чтобы приехать сюда перед отъездом.

25 апреля 1955 года. Письмо 16-е матери. Курск.

Дорогая мамочка!

Поздравляю тебя с праздником. Посылаю тебе письмо, полученное сегодня, вместе с твоей посылкой, от Айрин, и копию моего ответа ей. В этой копии достаточно полно излагается вся та цепь событий, которая заставляет меня мечтать о том, чтобы скорее все здесь оставить и уехать подальше. Пошлю это письмо завтра после разговора с парторгом, когда, может быть, выяснится, когда я смогу уехать из этого мрачного города. Не знаю только как быть с вещами, если мне не нужно будет сюда возвращаться на следующий семестр, если они не захотят меня здесь держать. Как-то странно, что последним толчком было письмо от тебя, где мне так понравился этот план рационализации

преподавания иностранного языка в школе. Только осуществить его можно лишь кардинально улучшив преподавание в педвузах. Эта полемика, так совестно, что она должна очень огорчить м-ме Балинскую, когда весть докатится. Да и тебя тоже. Вообще, мне надо было молча наблюдать, но как-то не хватило сил. В моем письме Айрин ясно видны все этапы этого падения. Большое спасибо за посылку. Апельсины просто восхитительные. Я наслаждался ими сегодня. Было много народа, в столовой, и я купил две коробки крабов (недавно здесь появились) и одну съел. Еще 10 пирожков. Еще до получения посылки. Потом принес посылку. И написал это огромное письмо. Сейчас уже темно, а надо еще готовиться к завтрашним урокам. Удивительно противно, что вечером трудно читать при электричестве. Вообще, мне нужно меньше часов и больше времени подготовки при дневном свете. Тогда результаты будут лучше. Да и это одиночество в отрыве от удобств тяжело. Очень вкусные маленькие кексики, жаль, что мало. А сахару — много. Кексики большие, больше по вкусу Юре 21.40. Больше не могу писать нет времени.

Пиши твой Игорь.

Лето 1955 года. Письмо брату. Ленинград.

Дорогой Витя!

Пишу тебе из СПБ, который встретил меня дождем и холодом. Солнечный Курск навсегда остался позади, а впереди Солнечный Казахстан.

Сейчас, по радио будут передавать песни Соловьева-Седого, которые ты любишь, ты мне как-то писал.

Во Фрунзенском универмаге — «Башкирия» пишущие машинки продаются за 1800 рублей не только за наличный расчет, но и безналично. Вот бы купить на ВНИИГовские капиталы. Как я тогда доставал! Возвращение в Ленинград наполнило меня прежними мыслями. Военно-Историческому архиву нужен архивариус, может быть мне поступить? Но нет, лучше поехать пока в Казахстан, а там будет видно.

Подписан государственный договор с Австрией, близится встреча на самом высоком уровне с Югославией и встреча премьер-министров большой четверки. Мистер Черчилль отдыхает в отставке и как я вчера прочитал в «Дэйли Уоркер» он прервал свои каникулы в Сицилии (он там занимался ... живописью, как полковник Талбойз из «Горько, но правда»), чтобы ехать для предвыборных речей в свой округ Вудфорд). Выборы там — 26 мая. А по радио запели песню «У родного Иртыша». Теперь вы так близко к его берегу, на Бухтарме.

Вот песни кончены, и теперь обзор Ленинградской правды. Как-то в Курске радио было интереснее: там почти все время транслировали Москву, а московское радио гораздо интереснее ленинградского.

Надеюсь, что скоро с тобой увидимся тогда поговорим обо всем. Последний день моего пребывания в Курске, 13 июля, я долго ходил по этому городу вместе с хозяином квартиры, который мне показывал

достопримечательности. Хотели сходить в музей, но опоздали. Он был уже закрыт. Смотрели многочисленные здания, он все помнил, где были присутственные места, где женский монастырь, где мужской, где палаты боярина Ромодановского с входом в церковь в виде галереи, давно уже упраздненным, где присутственные места и т. д. Внизу, под обрывом была видна Стрелецкая слобода, ТЭЦ с железнодорожными ветками и какая-то речка (Хворосль, кажется, а может быть какая-то другая, уже не помню). В палатах боярина Ромодановского теперь помещается управление наробразом, а в здании дворянского собрания был дом Красной армии, но перед отступлением этот и многие другие дома были взорваны, так же как Крещатик в Киеве. Вообще, страшно подумать, сколько бедствий принесла война этому городу. Есели бы не война, там была бы канализация, водопровод и пр., а теперь новые дома имеют все эти удобства...

Зато погода там была чудесная. Особенно хорошо там было 1 мая, 2-го мая был дождь, а затем все дни было жарко и хорошо. По радио говорят, что строительство метро в Ленинграде вошло в завершающую стадию.

Звонил по телефону месье Зурабову. Во ВНИИГе в отделе Иосифа Абрамовича работают по описаниям ГЭС в 6 рук, наняли какого-то молодого человека. Все это кажется странно-далеким. Он, месье Зурабов, по-прежнему работает в области вибраций и туннелей (которые теперь опять пишутся «тоннелями»), но помощь по переводам ему пока не нужна. Его голос звучал как-то по-восточному скептически и странно, когда он узнал, что первая фаза моей педагогической карьеры закончена.

М-ме Балинская сказала, что очень жаль, что в результате всех этих событий я «потерял вуз».

Ну, вот и все, интересно было бы скорее попасть на берег Иртыша и смотреть без конца на его текущие волны. Наверное, на берегу реки совсем не замечаешь, как идет время и ярче всего можно ощутить сущность взглядов Эйнштейна об этом. Я как раз вчера читал некрологи о нем. У него такое смешное лицо, глаза, выпученные как у таракана, и огромная шевелюра седых волос. В «Дэйли Уоркер» о нем помещены очень интересные материалы. Простейшая формулировка теории относительности, данная им, такая 2 часа с любимой девушкой кажутся нам 2 минутами, а 2 минуты на раскаленном металлическом сидении — 2 часами. Все относительно. Но даже Юрка толком не разбирается в его теории, такая она сложная. Я выпишу в тетрадочку все это по-английски, и тогда можно будет поразмыслить на досуге. Как поживает философ и все Индичи? Взяли ли Индичей на Бухтарму? Пиши Игорь.

8 декабря 1955 года. Письмо 17-е матери из Серебрянска (Казахстан).

Дорогая мамочка, позавчера получил твою посылку. Поскольку в телеграмме было указано о трех посылках, то Дуня сказала, чтобы телеграмму не посылать, пока не получим остальные две. Хотя я хотел послать сразу, ради твоего успокоения.

Большое спасибо за посылку, мы очень высоко оцениваем твою заботу. Содержимое дошло благополучно. Витька так и не мог окончательно догадаться относительно того, что собой представляют зеленые фрукты, маслины это или каштаны. Он попробовал съесть миндальный орех, но не смог из-за того, что орех этот был горький. Гибридные апельсины (так он называет эти большие золотистые фрукты) оказались достаточно кислыми, так что я пришел к заключению, что естественные фрукты лучше, чем гибриды. Груши очень вкусные, но только одна дошла в более или менее сохранном виде, остальные раскисли. Гранаты вкусные. Витька сказал, что их корки ядовитые, поэтому мы ели только середину, вместе с косточками. Долька одного граната была очень сладкая, а другой первый гранат, который я ел оказался менее вкусным, то ли он был переспелый, то ли недоспелый, не знаю Орешки мне очень понравились. Яблок я съел одно маленькое, тоже вкусно.

Интересно, что будет в других двух посылках, если мы их получим. Забавный и журнал «Крокодил».

11 декабря 1955 года.

Две другие посылки так и не пришли. П. М. сегодня взял у меня оставленный тобою план расстанавливания розеток. В доме, как он говорит, еще не покрашены полы, не проведено во все комнаты электричество, хотя вечером уже видно, как там горит электрический свет. Котел уже привезли, но не подключили. Водопровод еще не сделан. Но все это я не видел собственными глазами, так что, кто знает, может быть скоро этот дом и будет готов.

Вчера было воскресенье, и м-ме и м-р Елецкие[213] пригласили меня и Витьку. Слушали долгоиграющие пластинки, Травиату, Руслана и Людмилу, бал из Онегина и др. Мне понравилось. А радио у них почему-то работает со страшным треском. Очень плотно там наелись тортами, караваем, селедкой в прованском масле, которое м-ме Елецкая вывезла из Ленинграда и т. д. Слоеных булочек я, к сожалению, не попробовал, так как их место было занято другими продуктами, гусь, пельмени и пр. Потом позже вечером занимался с Г. английским, и там тоже угощали сосисками с пюре и чаем с вареньем. Генке очень понравились картинки, которые я принес из школы как наглядные пособия.

Утром было что-то похожее на начинающийся ураган, так что салазки, сделанные Витькой из большого ящика для перевозки вещей и каких-то старых лыж, качало на ветру. Но потом этот ураган разошелся, пока я спал.

Витька вчера писал домашнее сочинение о вольнолюбивой лирике Пушкина. Снова занимались французским, а вечером я ему прочитал две главы из французской детской книжки «Несчастья Софи».

Мы все загадываем, когда ты приедешь, и не можем угадать, потому что получили за все это время только одно письмо (из Свердловска) и посылку, если не считать телеграмм.

---

[213] Инженеры из поселка Серебрянск

Зарисовка на «На реке», об Иртыше и Серебрянске, Казахстан,70 км от Усть-Каменогорска).

В этой стране много больших рек. Они текут величественно и спокойно, и редко случается, чтобы их воды вдруг разлились и затопили десятки тысяч квадратных миль, как это чуть ли на каждый год случается в Индии.

Иртыш тоже чаще всего величаво спокоен, и когда едешь на лодке по его гладкой поверхности, кажется, что киль лодки разрезает какое-то густое, еще не успевшее застыть желе. Так бывает утром, а после полудня сперва появляется рябь, потом — волны, и ехать на лодке уже не так приятно.

Но иногда, в периоды сильных ветров, гладь Иртыша покрывается белыми барашками, волны неистово бьют о берег, река становится страшной. Редко кто выезжает на реку в такую погоду, разве только ради того, чтобы спасти оторвавшуюся от привязи лодку...

Река — это чаровница. Она покоряет душу, заставляет забывать мелкие невзгоды и крупные неприятности. Если есть свободное время и возможность, можно часами сидеть на ее берегу или плыть в лодке, думая о своей жизни, о жизни мира, о жизни страны. Думаешь и об этой местности, о ее странных судьбах. Когда-то здесь не было ни железной дороги, ни электричества, ни радио. Редко встречались поселения, зато процветали кочевья, и в горах паслось много скота. Теперь все изменилось, областной центр стал настоящим городом, и от него во все стороны потянулись нити электрических проводов, рельсовые пути железных дорог и прочие щупальцы цивилизации. Над городом все время маячит белое облако дама от свинцовых и прочих металлургических заводов, и глядя на него, думаешь, что придет время, когда весь этот край станет таким же цивилизованным, дымным, душным, людным... Строители гидростанций способствуют этому. Они приезжают в места, где природа еще сохраняет свое господство, где воздух чист и ароматен, где вольно дышится, где люди живут жизнью, мало чем отличающейся от жизни сто или двести лет назад А уезжают они, оставляя новый город, и рядом с новой гидростанцией вырастают заводы, в освободившиеся помещения вселяются всевозможные артели и промкомбинаты, и от былой дикости не остается и следа.

Но пока что весь этот процесс только еще начался в том, что касается нашей местности, где течет это большая река. И есть еще здесь уголки, где может найти себе убежище мечтатель. Об одном из таких уголков и его одиноком обитателе и будет идти речь в нашем рассказе.

Берега Иртыша обрывисты, и в них удобно строить землянки. Недалеко от старого кладбища, между ним и насосной, есть такая старая землянка. Живет в ней любитель уединения и воды, учитель местной школы. Он уже лысый, с черными волосами и небольшими черными усиками. Ходит в черной фетровой шляпе и черном пальто. Имеет серый старенький мотоцикл, который всегда громко рычит, когда заводят его мотор. На мотоцикле нет света, и поэтому недавно, когда учитель возвращался с занятий, он упал в яму и больно ушиб пах. Преподает черчение, но руки его заскорузли от тяжелой физической работы. В школе не знают, что он не только учитель черчения,

но и неутомимый строитель, вроде ибсеновского строителя Сольнеса. Зиму он зимовал в своей старой землянке, вырытой в желтом берегу Иртыша. Никогда я не был в этой его старой землянке, знаю только, что часто там его кот вылавливал притаившихся змей. Рядом с землянкой, небольшой навес, где стоят весла, сети, мотоцикл и где в тихую жаркую солнечную погоду, таких дней в Казахстане летом так много, учитель любил рисовать свои фантастические картины. Ибо он не только учитель черчения, не только строитель, но и художник. За этим плетеным навесом помещается его летняя хижина, где он жил вплоть до наступления холодов. Бедная и убогая, кажется она по сравнению с многоквартирными или одноквартирными домами, построенными для строителей ГЭС. Но есть в ней и в строящейся за нею постоянной избушке из бревен свое очарование. Пусть пол там земляной. Пусть вместо мебели служат ящики, пусть длинный стол сделан из неокрашенных досок, все равно, место это с чудным видом на Иртыш, с заливчиком, на противоположном берегу, неповторимо в своем своеобразии, трудно представить себе человека, который бы с презрением отвернулся от этого убогого жилища. Сквозь открытые двери описанной серии комнат в теплые дни приветливо виден плещущийся Иртыш, голубые его волны как бы баюкают фантазию, навевают прекрасные видения и сны. Теперь уже поздняя осень, октябрь, погода становится с каждым днем все неприветливее и холоднее, и от сырости в коморке художника начинают облупливаться картины. Но небо все еще улыбается солнцем, и зима еще не пришла. Не сегодня завтра печка будет сложена, и тогда обитателю этого уединения зима будет не страшна. Жить одному страшно тяжело. Ломит поясницу от такой работы как рубка бревен пополам для избы, как заготовка дров, как укладка печи. Нужна очень сильная воля, чтобы заняться всем этим человеку, который по профессии, казалось бы, так далек от физического труда. Но учитель черчения не может себе представить, как можно хотя бы мгновение быть без дела, он все время занят. То он ловит рыбу на берегу (правда, не теперь, а когда было тепло), и когда он засыпал под лучами солнца, иногда кот дергал его за рукав, сигнализируя о пойманной рыбе (а если он зазевается снять рыбу с крючка, то кот это делал сам и убегал с добычей). То на своей лодке охотится за бревнами, которые после сильных ветров уплывают вниз по течению, оторвавшись от плотов сплава. То он строит лодки. ТО, чинит лодочные моторы. То пишет картины.

Он любит копировать произведения больших художников: покупает их литографированные репродукции, делит на клеточки и копирует. В его комнатке стоит почти готовая копия картины «Старый рыболов» какого-то художника, Перова, кажется. Коричневые тона, старик в шляпе, странные будто стеклянные глаза. Видимо, рассказывает о небывалых удачах, как характерно для многих охотников и рыболовов. Кроме того, учитель любит рисовать пейзажи по фантазии, кипарисы, песчаные дали, горы. Он еще не может всего себя посвятить искусству: нужно столько сделать по постройке дома, где нет еще электричества (и трудно скоро ожидать, ведь нужно поставить 16 столбов)...

Как был этот человек в прошлом? Он кончил художественное училище и почти кончил художественный институт: помешала война, служил в тыловых частях, руководя художественной самодеятельностью, некоторое время служил в войсках МВД на аналогичной работе. Затем, поселившись недалеко от озера Кара-куль, работал в Досфлоте инструктором по моторным лодкам. Потом по неизвестной нам причине, попал в заключение. Выйдя из заключения, поселился здесь, причем жена выгнала его из дома. Почему, опять таки не известно.

Посёлок гидростроителей Бухтарминской ГЭС на Иртыше, Серебрянка, 1954 год

Дом семьи Инюшиных в посёлке Серебрянка, 1956 год

Поселок гидростроителей Серебрянка 1960- е годы.
Вид со стороны реки Иртыш

Издание предпринято по инициативе группы в Теллеграмм канале «Серебрянка» на средства потомков семьи И. Л. Мусселиуса:

Михаила Юрьевича Инюшина (Пуэрто-Рико, США);
Лики Викторовны Инюшиной (Алматы, Казахстан);
Григория Викторовича Инюшина (Алматы, Казахстан);
Любовь Викторовны Инюшиной (Алматы, Казахстан);
Екатерины Ивановны Чернышовой (Алматы, Казахстан);
Сергея Антоновича Иссинского (Ванкувер, Канада);
Виталия Витальевича Улиницкого (Алматы, Казахстан);
Свой вклад в подготовку книги творческой работой внесли:
Тимофей Юрьевич Инюшин(Санкт-Петербург, Россия);
Кира Викторовна Романенчук(Санкт-Петербург, Россия);
Иван Васильевич Романенчук (Санкт-Петербург, Россия);
Иван Иванович Романенчук (Санкт-Петербург, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе 3

Переход английского языка от флективного строя к аналитическому 18

ВВЕДЕНИЕ 18

ЧАСТЬ I. Фонетический строй 24

ЧАСТЬ II. Морфологический строй 28

- Имя существительное 28
- Имя прилагательное 54
- Местоимение 61
- Числительные 69
- Наречие 73
- Глагол 75
- Прочие части речи 123

ЧАСТЬ III. Словообразование 135

- Морфологический типа словообразования 137
- Суффиксация 138
- Префиксация 150
- Перегласовка и смежные способы словообразования 162
- Морфолого-синтаксический тип словообразования 163
- Синтаксико-морфологический тип 169
- Синтаксически тип словообразования. 178
- Лексико-семантический тип словообразования 193

ЧАСТЬ IV. Синтаксический строй 199

- Порядок слов 200
- Судьба падежной системы в английском 222
- Развитие номинальных оборотов в английском языке 232
- Заключение и общие выводы 257
- Вопрос о переходе английского языка от флективного строя в аналитическому 257
- Общие выводы 270
- Послесловие 271

Библиография 272

Дневник и Письма (1952–1955 годы) 275

Проект — Эдуард... 275

Дневник — Ленинград 276

Мусселиус Игорь Львович

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

ПЕРЕХОД АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ОТ ФЛЕКТИВНОГО СТРОЯ К АНАЛИТИЧЕСКОМУ

ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА, ЗАРИСОВКИ

Подписано в печать 26.04.2023. Формат 70×100/16 Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,71. Тираж 50. Заказ 19.

Выпущено ООО «Медиапапир»
с готового оригинал-макета, предоставленного заказчиком
194021, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 28, литера А,
помещ. 3-н, ком. 184, 185, 188, 192, 193, 194.
Тел.: (812) 987-75-26
mediapapir@gmail.com
www.mediapapir.com
www.mediapapir.ru